МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО»

На правах рукописи

МАЙОРОВ Анатолий Александрович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕОКСКОГО (ВЕРХОВСКОГО) РЕГИОНА С VIII ДО СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Е. А. Шинаков

Брянск - 2021 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историографический обзор 42

§ 2. Физико-географические особенности рассматриваемой территории: геоморфология, гидрология, почвы, растительность 69

§ 3. Описание применяемых методик, их специфика и особенности 79

Глава II. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ ВЕРХНЕОКСКИХ ЗЕМЕЛЬ

§ 1. Дославянское население верхнеокских земель и возможность его участия в этногенезе вятичей 92

§ 2. Славянская колонизация территории бассейна Верхней Оки: маршруты перемещения и этапы расселения 108

§ 3. Возникновение и становление вятичского этнополитического объединения 132

§ 4. Попытки покорения Земли вятичей князьями клана Рюриковичей 165

§ 5. Экономико-географические особенности Земли вятичей. Специфические черты материальной и духовной культуры 182

Глава III. ВЕРХНЕОКСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ЧЕРНИГОВСКИХ КНЯЗЕЙ

§ 1. Вхождение верхнеокских земель в состав Черниговского княжества. Особенности территориальной структуры расселения и новое административное деление 209

§ 2. Особенности христианизации региона 234

§ 3. Княжеские усобицы XII века и их последствия 243

§ 4. Особенности материальной культуры. Преемственность относительно вятичского периода 255

Глава IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХОВСКИХ КНЯЖЕСТВ С СЕРЕДИНЫ XIII В. ДО КОНЦА XV В.

§ 1. Особенности военно-политической истории Брянско-Черниговского княжества во второй половине XIII в. Значение и влияние на неё ордынской правовой и управленческой систем 262

§ 2. Становление земель Черниговского княжества в качестве владений вассалов Золотой Орды 282

§ 3. Рост самостоятельности Верховских княжеств. Катастрофы второй половины XIV в. и их политические последствия 297

§ 4. Воздействие последствий Великой замятни на положение и статус Верховских княжеств 324

§ 5. Верховские княжества в политической системе Руси конца XIV – последней четверти XV вв. 340

§ 6. Особенности существования отдельных Верховских земель и княжеств 380

§ 7. Верховской (Верхнеокский) регион в конце XV – начале XVI вв. 441

§ 8. Специфические черты формирования и существования Верховских княжеств. Периодизация их истории 455

ГЛАВА V. ВЕРХНЕОКСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV – XVI ВВ.

§ 1. Ассимиляция Верховских княжеств 475

§ 2. Верховские (верхнеокские) земли как рубеж обороны 490

§ 3. Эволюция статуса Верхнеокских земель в составе Русского централизованного государства 521

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 556

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 570

ВВЕДЕНИЕ

Сложность и многокомпонентность российской истории во всей её хронологической глубине и территориальной протяжённости выступают в качестве традиционных проблем, важных для её комплексного анализа. И если отдалённость во времени, проявляющая себя малым количеством сохранившихся источников в сочетании с их зачастую невысокой сохранностью, выступает в качестве хорошо известного и труднопреодолимого препятствия в работе исследователя-историка, то территориальная изменчивость, вариабельность и специфичность исторических и географических особенностей отдельных местностей (либо их совокупностей, объединённых некими едиными признаками) представляют собой проблематику, заставляющую прибегать к привлечению широкого набора средств и методов познания, выработанных различными научными дисциплинами.

Российской государство является результатом длительного эволюционного процесса и формировалось, во многом, как результат объединения территорий, длительное время существовавших (самостоятельно либо в качестве составных частей) в различных климатических, ландшафтных, политических, этнокультурных зонах и ареалах. Подобная ситуация закономерно приводит к выводу, что без объективного выявления территорий, ставших впоследствии составными частями единой государственной системы, но длительное время имевших собственную политическую, экономическую и культурную «траекторию», а также без изучения особенностей и специфических черт хода их исторического развития, рассмотрение целостной истории Отечества в её многообразии и комплексности не представляется возможным.

Безусловно, исследование особенностей исторических процессов различных исторических регионов России всегда было, остаётся и, судя по всему, будет востребовано в российской науке. Существование отдельных исторических регионов общепризнанно и изучение их специфики стало к настоящему времени традиционным. Центральное Черноземье, Северный Кавказ, Татарстан,

Новгородская земля, Смоленщина – ряд этот можно продолжать долго и вполне обоснованно. Несложно заметить, что этнически, культурно и религиозно выделяющиеся Северный Кавказ и Татарстан находятся здесь в одном ряду с пограничными и заселёнными славянским населением Черноземьем и Смоленщиной, а также широко раскинувшейся на севере Новгородщиной. Яркость, выпуклость и отчётливость отмечаемых различий высоки и заведомо выделяют перечисленные территории в ряду прочих составных историко-географических частей России. Наряду с перечисленными бесспорными историческими регионами, а также различными реальными и номинальными центрами политической консолидации Восточно-Европейской равнины (Новгород, Киев, Владимир, Москва, Тверь, Вильно и т.п.) всегда можно обнаружить существование – иногда в течение продолжительного времени – регионов не столь ярких, но длительное время сохранявших политическую и правовую автономию, а порой и даже самостоятельность, этнически либо религиозно не столь ярко выделявшихся из общего восточнославянского окружения.

Понятно, что в присутствии этнокультурных отличий *особость* присоединяемой структуры *я*вна и несомненна (к примеру, в случае Казанского ханства и Пермской земли). Включение же в состав Российского государства территориальных структур с населением, в языковом и культурном плане близким (а в отдельных аспектах даже идентичным) населению метрополии, не позволяло порой исследователю их «выявить», что, как результат, и далее ощутимо затрудняло их обнаружение и изучение. Специфические черты такого рода территорий, освоенных восточными славянами ещё до формирования Руси как государственной системы, часто находились в иной плоскости, обусловленной, в первую очередь, особым историческим путём: спецификой расселения, влиянием автохтонного этнического субстрата, особенностями экономико-географического и военно-стратегического положения, традиционным статусом, воздействием разнообразных соседствующих территориальных и политических структур и т.д. Эти земли входили в состав единого государства менее ярко и заметно, а затем, в

ходе решения военных и управленческих задач внутри Российского государства, реформировались, изменялись и, зачастую, постепенно исчезали как цельная структура. Одной из таких крупных и значимых территориальных структур, по всей видимости, являлась территория, ядром которой выступает бассейн верхнего течения р.Оки.

Касательно наименования следует заметить, что нахождение этого исторического региона в верховьях Оки (а также, в определённой степени верховьев р.Дон и притоков р.Десны) уже является одним из основных доводов для обозначения зоны в качестве Верхнеокского (либо Верховского) региона (см. «Верховый, вая, вое, *прил.* …Говоря о селениях значит: лежащий город или село выше других по течению реки. *Верховые города*)»[1]. Помимо гидрографических оснований имеются также летописные упоминания, называющие подобным образом («верховские») располагавшиеся здесь со второй половины XIII века древнерусские княжества, выросшие из уделов Черниговского княжества и возглавляемые потомками причисленного к лику христианских святых черниговского князя Михаила Всеволодовича. Более того, термины «Верховские княжества» и «Верховской регион» (так же как и «Верхнеокский регион») практически традиционны, поскольку известны и широко используются отечественной исторической наукой с XIX в. В частности, Большая Российская энциклопедия поясняет: «Верховские княжества возникли в Верховском (Верхнеокском) регионе, включали также территорию междуречья притоков Десны и Оки (в земле «Вятичей»)»[2]. Подобное употребление термина, также как и его использование в различных изданиях (и в ряде иных справочников) является явным признаком его общепринятости[3]. Первичное использование термина оригинального родственного термина «верховские князья» отмечено исследователями в тексте договора московского князя Василия II с литовским великим князем и польским королём Казимиром IV от 31 августа 1449 г. и ряде

---

[1] Словарь Академии Российской. Часть I. От А. до Г. СПб.: Императорская Академия наук, 1789 г. Стб.628.

[2] Кузьмин А. В. Верховские княжества // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 197.

[3] Советская историческая энциклопедия. Гл.ред. Е.М.Жуков. Т.3. Вашингтон - Вячко. М.: «Сов. Энциклопедия», 1963. Стб. 389.

иных источников.

На основании имеющихся определений в настоящей диссертационной работе предлагается к использованию специальное обозначение избранной территории в двойной форме: «Верхнеокский (Верховской) исторический регион». Существующие административные рубежи в значительной степени не совпадают с средневековыми границами территорий и данная территория включает в себя земли, ныне относящиеся к орловским, тульским, калужским и, в меньшей степени, брянским и липецким. Названный регион включал в себя земли Верхнеокского речного бассейна (до устья р.Москва), ограниченные на западе водоразделом р.Десна и западных притоков р.Оки, и включавший в себя на востоке прилегающую часть бассейна верхнего Дона. Указанные границы находились в движении и постоянно менялись под воздействием различных внешних и внутренних факторов. В то же время, ядро рассматриваемого исторического региона и его постепенное «перемещение» можно проследить примерно с последней четверти I тысячелетия нашей эры.

В данной работе сформулирована и обосновывается гипотеза о существовании здесь на протяжении нескольких столетий особого исторического региона, который в течение длительного периода времени выступал в качестве выраженного территориального исторического феномена, что сопровождалось наличием динамичного комплекса политико-экономических, этно-социальных и историко-географических особенностей, являвшихся базовой основой для возникновения и функционирования ряда последовательно сменявших друг друга территориальных образований. Эти образования были связаны между собой отношениями преемственности разного рода: первоначально автономное вятичское этнополитическое объединение относительно плавно приобрело новый статус внутренне практически автономных волостей древнего Черниговского княжества, а впоследствии они преобразовались в суверенные Верховские княжества, в начале XVI. присоединённые и быстро ассимилированные Русским централизованным государством. Существование всех этих структур, последовательно выступавших в качестве преемника своего предшественника и

дальнейшей основы для возникновения последующей формы, сопровождалось взаимодействием или борьбой с окружающими их соседями, обычно ощутимо превосходившими их в экономическом, военном и политическом аспектах.

Актуальность темы исследования обосновывается отсутствием до настоящего времени исследовательских работ, обобщающих особенности и ход исторических процессов внутри указанной восточнославянской территории на протяжении весьма длительного периода (с конца VIII по XVI в.) в их полноте и своеобразии. Проведёнными до настоящего времени исследованиями (среди которых в первую очередь следует упомянуть «Землю вятичей» Т.Н.Никольской и «Политическую историю и географию Верховских княжеств» А.В.Шекова) были охвачены отдельные хронологические этапы существования данного региона, без чёткого выявления и описания существующих между ними связей, зависимостей и преемственностей. В исторической литературе отдельные периоды существования рассматриваемого региона получили собственные наименования (Земля вятичей, Верхнеокский край, земли Верховских княжеств). Существование целого комплекса специфических черт развития неизменно приводило к выделению этих территорий в особую единицу, но вплоть до настоящего времени не было предпринято попыток нахождения основы для соединения вышеперечисленных исторических феноменов в качестве последовательных этапов развития феномена единого. Не был выработан методический подход, позволивший бы, используя результаты существующих исторических и археологических исследований, обосновать существование особого Верхнеокского (Верховского) историко-географического региона в качестве непрерывного цельного исторического явления и территориального образования.

В настоящей работе, помимо политической, рассматривается и обосновывается вопрос о существовании и значимости этнокультурной преемственности хронологически разделённых исторических явлений как основы для нахождения внутреннего их единства. Важным, в этой связи, представляется теснейшая связь политической и этнокультурной составляющих социума. Такого

рода комплексность позволяет выявлять и прослеживать значимые признаки прослеживаемой преемственности, к числу которых следует отнести: неоспоримое единство этнической и культурной традиции, переход вятичской суверенности в длительную явную автономию черниговского этапа, последовавшее в постчерниговский период закрепление собственной династической традиции и т.д. и т.п. Подобное рассмотрение даёт возможность формулировать гипотезу о существовании на рассматриваемой территории единого исторического региона и видеть в истории Верховских княжеств и прилегающих к ним территорий закономерное продолжение исторических процессов Земли вятичей и восточных северочерниговских волостей. В качестве дополнительного аргумента в пользу рабочей гипотезы следует указать на наличие целого ряда признаков замечательной однородности и хронологической единовременности большинства значимых внешних и внутренних процессов, которые выявлены в предполагаемом Верхнеокском (Верховском) историческом регионе.

Причиной использования термина «регион» стала его смысловая нейтральность, в отличие, к примеру, от «земли». Термином «земля» отечественные историки обозначают политико-административные области Древнерусского государства, во главе которых стояли самостоятельные князья[1]. Имена и пределы самых значимых и известных историко-географических единиц на территории Руси (земля Рязанская, Смоленская, Новгородская и т.д.) большей частью определены и являются общепризнанными. Исторические земли Древней Руси формировались, помимо иных оснований, и на основе этноплеменных славянских образований, восходящих ко второй половине I тысячелетия нашей эры, но именовались не по прежним этнонимам, а по названиям их центральных городов[2]. Время появления термина известно – русские «земли» терминологически появились со второй четверти XII в., что совпало «… с обретением отдельными русскими княжествами фактической самостоятельности

---

[1] Горский А.А. О древнерусских землях// Отечественная история. 2001. №5. С.147.

[2] Седов В.В. Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования// Исторические записки Вып. 2 (120). М.: Наука, 1999. С.292.

по отношению к Киеву»[1]. Наличие *непрямой* связи между древнерусским и «племенным» периодом не является чем-то новым: косвенная преемственность древнерусских княжений с восточнославянскими племенными объединениями прослеживается различными исследованиями. Многие княжества (и, как следствие, земли) географически явно в определённой мере «повторяли» очертания старых «племенных объединений»: Киевская земля – полян, Смоленская – смоленских кривичей, а Полоцкая – полоцких и т.д. и т.п. А вот дальнейшие изменения, ведшие к модификации политических границ, происходили как результат княжеской военной и политической активности, обычно никак не связанной с прежним *«дорусским»* восточнославянским делением.

В случае эволюции Земли вятичей, возможно, значимость существования прежних («дорусских») структур либо их значимых составляющих в качестве крупных и важных элементов недавно (территориально и политически) возникшего древнерусского социума была, в сравнении с соседними землями, несколько выше: хотя многие местные управленческие органы явно были заменены новыми административными структурами, их влияние, по всей видимости, дольше оставалось весьма весомым, в особенности там, где управленческая ассимиляция новых территорий административно-иерархическим структурами княжеств несколько «запоздала» (что весьма чётко наблюдалось в истории Земли вятичей). Обширная Земля вятичей не стала основой для появления отдельной официально признанной политико-административной области Древней Руси. Основная часть верхнеокской территории в XII в. вошла в состав Черниговской земли, в среднем течении Оки возникла самостоятельная Рязанская земля, а район Москвы стал юго-западным краем Ростово-Суздальской земли. Тем не менее, внимательный исследователь вполне в состоянии проследить административную устойчивость и прочность первоначальной зоны вятичского расселения на Верхней Оке.

В ходе исследования было установлено, что некоторая часть оценочных

[1] Горский А.А. Там же.

суждений, приводимых в летописных источниках, необъективна и не находит подтверждения в результатах археологических исследований, что прослеживается, как в вятичский, так и в черниговский этапы существования региона. В свою очередь, история рассматриваемых территорий после монгольского завоевания (по сравнению с центральной частью российского государства) выделяется своей нетипичностью из-за длительного соперничества за контроль над ними со стороны ряда региональных «центров силы», максимально яркое воплощение получившее в XIV-XV вв. в ходе борьбы за влияние здесь между двумя основными русскими государствообразующими центрами: Московским и Литовским великими княжествами. В связи с этим, хронологическое совпадение перехода всех Верховских земель под сюзеренитет московского государя с началом широкой полонизации Великого княжества Литовского представляется весьма знаменательным.

В 1960-е – 1970-е гг. советские исследователи изучали и подробно описывали процессы исторического развития отдельных земель как обособленных территориально-административных образований, входивших в состав Древнерусского государства[1]. О земле вятичей подобного обобщающего исследования не появилось. Опубликованные работы Т.Никольской являются, в первую очередь, результатами обширных археологических исследований региона, достаточно чётко ограниченными хронологически[2]. Можно предположить, что отсутствие специального внимания к рассматриваемой территории и привело к недостаточному рассмотрению ряда специфических черт, просматривавшихся в ходе её заселения и последующего политического устройства. Земля вятичей (как и её последующие воплощения) заметно отличалась от других восточнославянских территорий и, в некотором роде, выпадала из общего контекста древнерусской истории. Упомянутые отличия сохранялись длительное

---

[1] См. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: «Наука», 1980. 262 с.; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: АН СССР, 1961. 400 с.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв./ Никольская Т.Н. М.: Наука,1981. 296 с.; Она же. Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей/ Никольская Т.Н. М.: Наука, 1987. 184 с.; Она же. К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей// Культура Древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1966. С.182-190 и др.

время – их существование просматривается в истории региона, по меньшей мере, до второй половины XVI в. Отмеченная специфика развития Верхнеокского (Верховского) исторического региона является важным и недвусмысленным указанием на исследовательскую значимость избранной для диссертационной работы темы.

Актуальность данного исследования определяется также тем, что оно затрагивает проблему выбора рассматриваемыми русскими землями и их элитами «направления» исторического развития. Как известно, территория Верховского исторического региона, в административном плане разделённая на различные административные единицы (удельные княжества и наместничества), во второй половине XV в. и в начале XVI в. занимала «промежуточное» положение между Московским и Литовским великими княжествами: в политическом плане она была равноудалена от них обоих. Оба государственные формирования в равной степени претендовали на контроль над верхнеокскими землями, политическая элита которых неоднократно меняла свою ориентацию, поочередно выбирая службу то литовским, то московским правителям. Такое промежуточное положение (суть которого удачно обозначено названием монографии М.М.Крома «Меж Русью и Литвой») свидетельствовало о наличии некоторой возможности альтернативного выбора «кристаллизующего» центра, о гипотетической вариативности их будущего развития: до определённого момента для Верховских княжеств существовала возможность вхождения в состав относительно более приближенного к основному европейскому историческому потоку государства, коим являлось Великое княжество Литовское.

Верховские княжества в лице их феодальных владетелей и управляемого ими местного населения, на рубеже XV-XVI вв. оказались не просто между Русью и Литвой – они оказались между зарождающейся Россией и Центральной Европой. Их внутреннее состояние определялось порубежностью политико-географического положения. Фактически, по территории Верховского исторического региона проходил рубеж между двумя формировавшимися путями исторического развития. К востоку от рассматриваемых земель складывалось

централизованное Московское государство, ориентированное на наследственную самодержавную власть великого князя и местную православную церковь, к западу – оставалось последовательно становившееся всё более католическим Литовское государство, находившееся в личной унии с Польшей с 1385 г. и управлявшееся избранным королём при участии сословно-представительного собрания – Сейма.

В случае присоединения к России верхнеокские земли могли значительно укрепить положение молодого Московского государства, увеличить его людские и материальные ресурсы и, в итоге, стать его неотъемлемой часть. В случае присоединения к Литве эти земли стали бы далёкой европейской окраиной и были бы вынуждены двигаться в кильватере антирусской политики, которую неизменно проводила созданная в 1569 г. объединением Литвы и Польши федеративная Речь Посполитая. В пределах Верховского исторического региона в конце XV в., судя по всему, достаточно ярко проявили себя зачатки целой серии последующих русско-европейских противоречий. На рассматриваемых землях начала складываться разделительная линия между российским и иными европейскими путями исторического развития.

Научная новизна исследования характеризуется тем, что в настоящей работе впервые в отечественной исторической науке предпринята попытка обоснования и доказательства целостной концепции возникновения и развития на протяжении IX – XVI вв. особого Верхнеокского (Верховского) исторического региона, в тесной связи последовательных периодов его существования. Ранее такие периоды в истории верхнеокских земель – Земля вятичей, волости и уделы Черниговского княжества, Верховские княжества и территории – рассматривались в работах исследователей либо как независимые исторические сюжеты, либо как крайне мало связанные между собой. Используется ранее не применявшийся подход к рассмотрению и изучению истории рассматриваемой территории, получивший своё выражение в обосновании непрерывность существования региона на протяжении нескольких столетий в различных политических формах, соответствующих различным этапам его исторического развития. В диссертационном сочинении выявляются и прослеживаются признаки

преемственности между различными административно-политическими образованиями на территории Верхнеокского (Верховского) исторического региона, а именно: вятичским этнополитическим формированием, северо-восточными уделами Черниговского княжества, юридически независимыми Верховскими княжествами. Настоящая работа является обоснованием гипотезы о существовании обширного и уникального комплекса политико-экономических и социально-географических причин, приведших к возникновению и длительному сохранению суверенитета первоначального вятичского этнополитического объединения, в последующем закономерно преобразованного в обладающие высокой степенью автономии волости Черниговского княжества, а затем – Верховских княжеств, которые существовали в окружении соседей, превосходящих их в экономическом, политическом и военном отношениях. Новизна излагаемых концепций является решающей в определении их оригинальности.

В работе определяются границы региона разных периодов, выявляются и исследуются исторические, географические, политические, этнические и экономические причины его возникновения и длительного существования. Обоснование факта непрерывности существования исторического региона закономерно вынуждает обратиться к использованию и применению многочисленных междисциплинарных связей и взаимодействий, в числе которых данные, полученные как результат исследований, основанных на описательно-исторических, археологических, историко-лингвистических и ряде иных научных дисциплин, что, применительно к ранее не исследованному как целостный историко-географический объект, является значимой новацией.

Относительно использования термина «Верхнеокский (Верховской) исторический регион» следует указать, что в работах ряда отечественных и зарубежных историков рассматриваемые земли устойчиво выделялись как некая устойчивая территориальная структура, с применением в отношении неё различных специально сконструированных топонимов – «Земля вятичей»,

«Верхнеокский край», земли верховских княжеств, «Wierchowszczyzna»[1]. Как уже указывалось, до настоящего времени не было предпринято прямых попыток объединить эти хронологически разделённые исторические явления в рамках единого политико-географического феномена. Результаты анализа ряда черт и особенностей (политических, социально-культурных, экономических и т.д.) дают возможность ставить вопрос о существовании такого рода феномена в виде Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Использование термина «Верховской» параллельно термину «Верхнеокский» обусловлено, прежде всего, наличием уже сформировавшейся научной традиции применения терминов «верховской»/«верховские» и «верхнеокский»/«верхнеокские» в отношении местных средневековых княжеств, территорий их размещения и их правителей. В качестве значимого исторического аргумента в пользу применения уточняющего термина «Верховской» выступает использование этого термина в договоре между великим князем московским Василием II Васильевичем с великим князем литовским и польским королём Казимиром IV (известным как «Вечный мир 1449 г.»), в первые опубликованного в 1836 г. в сборнике документов, изданном историком-археографом П.А.Мухановым[2]. В самом тексте использовался без дополнительных пояснений (что может указывать на его употребимость в обиходе) термин «верховские князья»: «А Верховскии Князи што будутъ сдавна давали в Литву, то имъ и

---

[1] Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 гг. в трех книгах с приложением. М., 1988. Кн. 2. Т. V. Стб. 91; И. Л. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 1-156.; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», 2000. 304 с.; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С.156,157.; Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. 994 с.; Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J.Filipowcza, 1895; Ключеский В.О. Сочинения. В 9-ти томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М., 1987. С.341-342.; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 4: XIV-XVI віки – відносини політичні. Київ-Львів, 1907. С. 69.; Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 42, 123, 137-138, 146; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.; Шеков А.В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула: Тульская археологическая экспедиция, 1993. 100 с. и др.

[2] Сборник Муханова. М.: Университетская тип., 1836. №7. С.6-9. (Текст публикации в полном объеме доступен по адресу http://ru.calameo.com/read/003120738f9cb5321ec12).

нынече давати и больше того не примысляти»[1].

М.К.Любавский, по всей видимости по географическому признаку, называл «верховских» князей князьми «верхнеокскими», поскольку их земли находились на «верхнеокской Украине». Вследствие этого появился применительно к местным административно-политическим образованиям термин «верхнеокские» (М.К.Любавский назвал эти территории «верхнеокскими княжествами»)[2]. В число верховских М.К.Любавский включал «княжества на верхней Оке: Новосильское, Одоевское, Воротынское, Белевское и др.».[3] Одним из важнейших признаков принадлежности к этой группе он полагал вхождение правителей территории в клан потомков последнего черниговского князя домонгольского периода Михаила Всеволодовича. В работе Ф.И.Леонтович, посвящённой «литовско-русскому праву», используется термин «верховские князья»[4]. М.С.Грушевский использовал термин «верховские княжества» в своих работах начала XX в.[5] Сторонником применения термина «верховский» можно полагать польского исследователя К.М.Кучиньского, использовавшего в своей работе термин «Wierchowszczyźna» («Верховщыжна»)[6]. Применительно к группе древнерусских княжеств XIII-XV вв. термин «верховские княжества» стал общеупотребительным и используется многими справочными и энциклопедическими изданиями[7]. А.В.Шеков в специальном исследовании использует термин как имя собственное: «Верховские княжества».

Таким образом, по мнению автора, удовлетворяются требования для параллельного применения к субъекту терминов «верхнеокский» и «верховской» касательно периода после монгольского завоевания («верховские князья», «Верховские княжества»), которые заключаются в соответствии нескольким

---

[1] Там же.

[2] Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М.: Университетская типография, 1892. С.49-52.

[3] Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русскаго государства до Люблинской унии включительно. Издание 2-е. М., 1915. С. 84-85.

[4] Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение)// Журнал министерства народнаго просвещения. Ч. 290. СПб., 1893, декабрь.

[5] Грушевський М. Історія України-Руси. Т.4: XIV-XVI віки – відносини політичні. Київ-Львів, 1907. С. 69.

[6] Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 42, 123, 137-138, 146.

[7] Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 197; Электронная энциклопедия «Википедия» https://ru.wikipedia.org/wiki/Верховские_княжества.

параметрам: географическому – расположение владений преимущественно в бассейне верхней Оки и (частично) Верхнего Дона; генеалогическому – возведение фамильного древа правящих князей к черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу; политическому – наличие специфического статуса (юридическая возможность службы «на две стороны» – Москве и Вильно).

Параллельное использование термина «верховской» выглядит оправданно с точки зрения географической, поскольку позволяет несколько «расширить» возможную понятийную путаницу понимания пределов региона, создаваемую совпадением с естественно-географической терминологией: термин «верхнеокский» более чётко привязан территориально и без дополнительных уточнений распространён в ряде научных дисциплин, вследствие чего существует некоторый риск его неверного толкования. В то же время «сдвоенный» термин оригинален и даёт возможность учитывать распространение изучаемой зоны на территориях верховий трёх крупных восточноевропейских рек: Оки, Дона и, частично, восточных притоков Десны.

Помимо концептуальной новизны, в настоящем исследовании также обосновывается вероятность существования реального прототипа (прототипов) вятичского «прародителя» Вятко, прослеживаются параллели деталей его летописного описания с традиционными рассказами о призвании правителей «издалека», наличие признаков связи его (и «его» племени) с великоморавской культурной традицией. Выявлены признаки нахождения вятичского этнополитического объединения не только под протекторатом Хазарского каганата, но и в составе вероятного восточнославянского предгосударственного объединения во главе с северами (северянами), после разгрома которого киевскими Рюриковичами вятичи вошли в особые (вероятно, договорные) отношения с Волжской Булгарией, что позволило им значительно дольше прочих восточных славян сохранять административно-политическую самостоятельность .

Прослеживается воздействие особенностей вассально-сюзерениального устройства Улуса Джучи (Золотой Орды) на возникновение, становление и длительное существование Верховских княжеств, а также на передачу Брянского

и Карачевского княжений под контроль представителей смоленской княжеской династии. Выявляются причины и особенности возникновения, функционирования и исчезновения «баскачества Тайдулы» («Тульского баскачества»), вероятное концептуальное сходство правовых основ его функционирования с широко известными «Ахмадовыми слободами». Прослеживается влияние последствий «Великой замятни» второй половины XIV в. на повышение уровня суверенитета Верховских княжеств.

Историография темы исследования и обзор современного состояния исследований в рассматриваемой области освещены в отдельной главе, размещенной после Введения.

Источниковая база исследования, посвящённого проблемам политического, экономического и социального развития Верховских земель, обширна по количеству документов, но, к сожалению, хронологически прерывиста и отрывочна по характеру содержащихся в них сведений, что обусловлено, в первую очередь, особенностями рассматриваемых в работе исторических периодов и территорий, бедных дошедшими до наших дней письменными памятниками. Основной анализируемый информационный массив сформирован благодаря широкому обращению к русским летописям, а также, в значительно меньшей степени, западноевропейским и восточным хроникам. В работе использованы данные около двухсот отдельных письменных документов, не являвшихся составной частью продолжающихся записей (летописей, хроник, разрядных книг и т.д.). Источники, которые использовались для написания настоящей диссертационной работы, были опубликованы и в разной степени описаны в отечественной историографии, хотя преимущественно в темах, не имевших прямого отношения к верхнеокской истории. Неопубликованные письменные источники по избранной теме неизвестны: длительные поиски автором таких документов в архивохранилищах России не дали результатов, вследствие чего формирование комплекса документов, касающихся истории рассматриваемого региона, стало крайне важным. Целью автора, в этой связи, стал скрупулёзный сбор и комплексное изучение максимального количества

письменных материалов, имеющих отношение к социально-политической истории рассматриваемого региона (Земли вятичей, северо-восточных волостей Черниговского княжества, Верховских княжеств XIII-XV вв. и их владетелей), а также соседствующих с ним территорий в части, касающейся темы исследования.

Ценнейшим историческим источником древней и средневековой Руси, касающимся истории рассматриваемых территорий, являются сообщения русских летописей и, в значительно меньшей степени, европейских хроник. Дошедшие до нашего времени описания событий и фактов верхнеокской истории сохранились в общерусских летописных сводах, полностью изданных в широко известной многотомной публикации «Полное собрание русских летописей». В качестве полезных для последовательного повествования об истории Верхнеокского региона стали более 30 из них (точное число не указывается вследствие нахождения ряда летописей в составе нескольких томов, а также содержательного и смыслового дублирования сообщений ряда использованных, но не упомянутых летописей, необходимых для их уточнения и верификации): Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Новгородская четвертая летопись, Софийская первая летопись, Софийская первая летопись старшего извода, Софийская вторая летопись, Воскресенская, Никоновская (Патриаршья), Тверская, Рогожский летописец, Супрасльский список, Симеоновская летопись, История о Казанском царстве (Казанский летописец), Русский хронограф, Ермолинская летопись, Типографская, Московский летописный свод, Летописец начала царства, Вологодско-Пермская летопись, Никаноровский летописец, Новгородская вторая (Архивская) летопись, Хроника Литовская и Жмойтская, летопись по списку Рачинского, Никифоровская, Супрасльская летопись, Хроника Быховца, Пискаревский летописец, Постниковский летописец, Московский летописец, летописец Переславля Суздальского (летописец русских царей), Варшавский летописный сборник и др.

Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи, как дошедшие до нашего времени в наиболее старых списках, особо значимы для

характеристики наиболее ранних периодов истории рассматриваемого региона. К сожалению, несомненно существовавшее собственное черниговское (а впоследствии брянское и, возможно, иное территориальное) летописание было утрачено, что привело к возникновению значительного количества информационных лакун. Вследствие этого представление о событиях верхнеокской истории IX-XVI вв. на основании письменных источников можно составить лишь на основе памятников, преимущественно посвящённых иным территориально-географическим локациям.

Относительно более поздних событий следует отметить, что к настоящему времени сохранилась, прежде всего, та информация, которая восходит, в основном, к московским сводам 1408 г., 1479 г. и первой половины XVI в.[1] Б*о*льшее, по сравнению с другими, количество сведений о событиях, имевших место в Верхнеокском регионе, содержится в Рогожском летописце и относится к московскому списку 1408 г.: в нём присутствуют известия о гибели новосильского князя Александра в Орде в 1326 г., об усобице в Карачевском княжестве в 1339 г., о смерти Оболенского князя Константина в 1368 г., о московском походе 1375 г. на Тверь и об участии в нём верховских князей, о сожжении татарами Новосиля в 1375 г. и т.д.[2] Московский летописный свод 1479 г. включил в себя ряд документов, освещающих отдельные вопросы истории Верховского исторического региона: о покупке Василием I у хана Тохтамыша ярлыка на город Таруса в 1392 г., о разорении татарами Елецких земель в 1414 г., о московско-литовской войне 1406-1408 гг., о переходе на службу к Василию I из группы князей из Литвы в 1408 г., о татарской осаде Одоева в 1422 г. и Мценска в 1430 г.[3] Ряд событий, относящихся к истории верховских земель, упоминаются в Никоновской летописи: сведения об участии князей Козельска в военных походах рязанского князя Олега Ивановича 1365 г., 1395 г. и 1400 г., об обсуждении встречи митрополита Пимена в 1389 г., об убийстве Елецкого князя в 1414 г.

---

[1] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1897. 258 с.

[2] Полное собрание русских летописей. Т.15. Изд-е 2-ое, вып. 1-ый. Рогожский летописец. Петроград, 1922. 132 с.

[3] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 464 с.

Ответы на ряд вопросов, относящихся к верхнеокской тематике, отобразила Воскресенская летопись XVI в., в силу своего происхождения и немалого объёма подробно обрисовывавшая темы, связанные с общерусской проблематикой XIII-XV вв. Более подробное перечисление содержательной части прочих летописей явно непродуктивно, поскольку неизбежно приведёт к значительному «разбуханию» вводной части настоящей работы. Следует лишь упомянуть, что специфической особенностью русских летописей является активное насыщение их материалом, зачастую не имевшим прямого отношения к хроникальному повествованию (пересказы и трактовка библейских и житийных сюжетов, публикация генеалогических изысканий и публицистическо-морализаторских произведений, изложение плодов религиозно-философских раздумий и т.д.).

Среди европейских хроник, чья информация оказалась необходимой и полезной, следует отметить Фульдские анналы (Annales fuldenses), «Богемскую Хронику» Козьмы Пражского (Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag), «Хронику» Титмара Мерзебургского, «Хронику и деяния» Галла Анонима, иные работы западных хронистов, дающие описание ситуации в Центральной Европе времён становления вятичского этнополитического объединения в VIII-IX вв. и позволяющие сделать анализ её значимых аспектов[1]. Использовались также тексты исламских и китайских хроник[2].

Вторым по значению и объёму информационным источником для выполнения настоящей работы стали разного рода актовые документы. Они составляют вторую по значению, объёму и широте отражённых вопросов группу источников – порядка двух третей нелетописных сообщений. «Неразделённость»

---

[1] Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales. – Ed.G.H.Pertzii, Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891; Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II/ Bretholz B. Berlin, 1923. 296 с.; Титмар Мерзебургский. ХРОНИКА. В 8 книгах. 2-е изд., исправл./ Перевод с лат. И.В.Дьяконова. М.: «Русская панорама», 2009. 256 с; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 172 с.

[2] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 588 с.; Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники. Пер., ред, сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП "Типография "Наука", 2009. 336 с.

многих опубликованных письменных источников представляет постоянную методологическую сложность их описания, поскольку они, будучи сгруппированы их составителями хронологически, тематически и географически, в силу специфики построения большинства публикаций, могут быть, с точки зрения историографической, охарактеризованы различным образом. В силу архаического и неразвитого характера документооборота, а также преимущественно монархического характера управленческих процессов их порой крайне сложно классифицировать в рамках актуального для более поздних времён подразделения по видам. Потому к их числу отнесены исторические документы, для позднего времени описываемые Л.Н.Пушкаревым как «канцелярские»: грамоты, указы, реестры, деловая переписка. В частности, целая серия работ отечественных исследователей имеет в своём названии термин «духовные и договорные грамоты», что, с одной стороны, позволяет отнести их совокупно к актовым материалам, с другой же требует их разделить по структуре на частно-юридические и дипломатические[1]. Многие документы (как упоминалось выше, ввиду их раннего происхождения и относительной неразвитости письменной культуры) зачастую несут признаки, позволяющие классифицировать их по-разному. Потому, во избежание излишнего увеличения настоящей работы, здесь будет дано самое общее их подразделение.

Как указывалось, б*о*льшая часть имеющихся документов имеет актовый характер – договоры (докончания), грамоты, завещания, официальные обращения и переписка. Сохранившийся до наших дней массив договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIV-XVI вв. содержит большой объем фактической информации – целенаправленная публикация подборок этих источников началась с 1909 г. С.В.Бахрушиным[2]. Работа по введению в научный оборот договорных и духовных грамот была продолжена лишь в 1950 г., когда

---

[1] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003.; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 594 с.; Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В.Бахрушина. М.: 1909. 152 с.

[2] Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В. Бахрушина. Москва: Тип-я Вильде, 1909. 148+4 с.

вышел в свет объёмный сборник характеризуемых источников, содержащий 105 княжеских духовных и договорных грамот 1339-1572 гг.[1] Первым источником, сохранившем наиболее ранние сведения о верховских князьях, является опубликованный в названном сборнике договор великого московского князя Семена Ивановича с братьями конца 1340-х гг.[2] Договорная грамота между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и рязанским великим князем Олегом Ивановичем сообщает о разделении между ними земель Тарусского княжества в 1381 г.[3] Московско-рязанские договоры 1434 г. и 1447 г. повторяют ряд пунктов о верховских князьях из договора 1402 г. Интересны договоры между московским и литовским государствами 1449 г., 1494 г. и 1503 г., иллюстрирующие процесс включения верховских княжеств сначала в сферу влияния московского великого князя, а затем вхождения в состав российского государства. Информация о положении земель, находившихся в литовском государстве, содержится в договорах между новосильско-одоевскими князьями и Казимиром IV от 1442 г., 1459 г. и 1483 г.[4] Духовные грамоты Ивана III и Ивана IV 1503 г. и 1572 г. показывают процесс ликвидации верховских княжеств в первой половине XVI в. В 2003 г. В.А.Кучкиным, в продолжение традиции, были опубликованы и, в отличие от прежних изданий, тщательно проанализированы пять внешнеполитических договоров московских князей XIV в.[5]

Использованный в работе актовый материал в значительной части извлечён также из четырёх (из пяти) томов сборника документов по истории России, Белоруссии, Литвы и Украины XIV-XVII вв., изданного в 1846-1853 гг. под названием «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»[6]. Материалы для него были собраны

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв./ Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. 594 с.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. №2. С.12.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. №10.С.29-30.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.. №39, 49-50, 60. С.117-118, 149-150, 192-193.

[5] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.

[6]Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т.1-5. СПБ.; 1846-1853.

И.И.Григоровичем в библиотеках, архивах и учреждениях западных губерний России, Санкт-Петербурга и Москвы. В сборники вошли более двух тысяч документов, каждый том имеет археографические объяснения, генеалогические таблицы, родословные удельных князей. Особую значимость для исследования имеют сохранившиеся и реконструируемые договоры верховских князей с великим князем Литовским, характеризующие отношения верховских вассалов со своим литовским сюзереном. Интересен опубликованный там же судебник Казимира IV 1468 г.

В работе активно использовались материалы Литовской Метрики, опубликованная официальная переписка великих князей Литовских. Наряду с документами местного делопроизводства, Литовская Метрика имеет в своём составе отдельные переводы ярлыков крымских ханов, избранные списки с московских дипломатических документов. Часть записей Литовской Метрики была опубликована в 27 томе «Русской исторической библиотеки» в 1910 г.[1] Этот источник содержит сведения о положении верховских князей в Литовском государстве в XV в., об имеющихся у них территориальных владениях. В Метрике присутствуют записи о земельных и имущественных пожалованиях литовских правителей князьям Волконским, Воротынским, Мезецким, Мосальским.

Обязательным является упоминание опубликованных в Русской исторической библиотеке (и иных изданиях) отлучительной грамоты патриарха Филофея русским князьям, отказавшимся воевать против Ольгерда (1370), присяжной грамоты Фёдора Воротынского Казимиру IV на козельское наместничество, поручной грамоты Федора Воротынского за Ивана Можайского о готовности последнего к союзу, пожалования Казимира новосильским князьям, письма Семёна Воротынского о разрыве вассальных отношений с Казимиром (1492 г.), грамоты патриарха Филофея к великому князю Московскому (1370 г.), грамоты Ольгерда Филофею (1371 г.), переписки Витовта с магистром Тевтонского ордена, переписки Свидригайло с магистром Тевтонского ордена и

[1] Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Т.XXVII. Литовская метрика. Отдел первый. Часть первая: Книги записей. Том первый. СПб.: Сенатская типография, 1910. 656 с.

ряда иных документов, использованных при написании настоящей работы[1]. Весьма полезны и информативны оказались собранные и опубликованные в работе Д.Колодзейчика ярлыки, присяжные листы и докончания Крымского ханства XV-XVIII вв.[2]

Значительную помощь построению логичного повествования исследования оказали посольские книги «Польского двора», сохранившие детали московско-литовско-татарских дипломатических отношений конца XV – начала XVI в. и содержащие сведения по истории Верхнеокского региона: дипломатическую переписку, описания подготовки и хода переговоров, инструкции посланникам, делегатам и сотрудникам протокольной части, ряд иных деталей и подробностей. Эти и другие подборки документов были опубликованы в 5 томах «Сборников Русского Императорского исторического общества»[3]. К сожалению, как уже указывалось, письменные источники касаются избранной темы фрагментарно, отдельными своими частями и лишь некоторые из них относятся к истории верховских земель б*о*льшей своей частью.

Бесспорно важным источником информации о последнем этапе самостоятельной верхнеокской истории являются Разрядные книги, представляющие собой собрание записей (извлечений) из распоряжений русского централизованного государства о ежегодных назначениях на разные виды государственной службы. Этот актовый материал публиковался в так называемом «Синбирском сборнике» 1845 г., а также изданных в 1966 и 1974 гг.

---

[1] Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.135-136, 138, 140, 145-148; Русская историческая библиотека, т.XXVII. Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая: Книга записей. СПб.: Сенатская типография, 1910. Стб.52; Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Codex epistolaris Vitoldi. Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430. Collectus opera. Antonii Prochaska. Krakow: Czcionkam drukarni WL.L.Anczyca I sp. 1882. С.778-779; Полехов С.В. Наследники Витовта. С.403, 412-413, 504.

[2] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents/ Kołodziejczyk D. Leiden, Boston: Brill, 2011. 1128 p.

[3] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. (с 1487 по 1533 год). Под ред. Г.О.Карпова. СПб., 1882. 954 с.; СИРИО. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°, 1884. 558 с.; СИРИО. Т.59. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°, 1887. 708 с.; СИРИО. Т.71. СПб.: Тип-я А.Катайского и К°, 1892. 946 с.; СИРИО. Т.95. СПб.: Печатня С.П.Яковлева, 1895. 794 с.

соответственно вариантах Разрядных книг[1].

Ряд иных официальных документов, прямо или косвенно затрагивающих рассматриваемую тематику, публиковались в виде несериальных изданий. В их числе следует упомянуть разнообразные грамоты разных регионов, княжеские и монастырские уставы. Не всегда прямо относящиеся к теме работы, они, тем не менее, позволяли использовать возможность прибегать к методу исторической аналогии и реконструкции, опираясь на широкие типические параллели[2].

Одной из категорий письменных исторических источников, использованных в настоящей работе, в особенности ценных для сбора информации о ранней истории региона, являются позднеантичные и раннесредневековые «землеописания» и мемуары, а также документы неопределённой направленности (к примеру, «Баварский географ») не имеющих чёткой адресации, что не даёт возможность их классифицировать с использованием традиционных критериев[3]. Сюда же можно отнести разнообразные восточные «описания климатов» и мемуары, зачастую построенные по такой же схеме (ибн Русте, Гардизи и др.)[4]. В этом ряду находится и знаменитая еврейско-хазарская переписка, которая содержательно

---

[1] Синбирский сборник. Историческая часть. Том 1. М.: Тип-я А.Семена, 1845. 676 с.; Разрядная книга 1475-1598 гг. Текст, вводная статья и редакция В.И.Буганова. М.: Наука, 1966. 616 с.; Разрядная книга 1559-1605 гг. Сост. Л.Ф.Кузьмина. Отв. ред. В.И.Буганов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. 436 с.

[2] Полоцкие грамоты. XIII – начала XVI в. Том II. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке 2015. С.155 Русско-Ливонские акты. Russisch-Livlandische Urkunden. Собранные К.Е.Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. 466 с. Смоленские грамоты XIII-XIV веков. Под ред. Р.И.Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н.Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР,1949. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб.: 1857.; Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. и др.

[3] Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина/Плано Карпини, Иоанн де. Рубрук, Вильгельм де. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1911. 232 с.; Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1971. 276 с.

[4] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне/ Заходер Б.Н. М.: «Наука», 1967. 212 с.; Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдье) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. С.403; Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. Издание, перевод и комментарий Д.А.Хвольсона. СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1869. С.32-33; Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства// Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С.281-282; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий/ И.Г.Коновалова; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Вост. Лит, 2009. 223 с. и др.

относится, скорее, к «страноописывающим» документам, чем к частному либо государственному делопроизводству, несмотря на высокий официальный статус её сторон.

Подробная информация о генеалогии верховских князей содержится в Любецком синодике, дошедшем до нас в копии, так как оригинал текста до наших дней не сохранился[1]. Аналогичные же сведения содержаться в уже упомянутых «Актах, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией». Ценную информацию содержат также генеалогические справочники и исследования[2]. К этой же категории можно отнести и отрывок «Родословие князей Одинцевичей», размещённый в 35 томе ПСРЛ (как, впрочем, и ряд генеалогических справок в иных летописях, иногда весьма обширных)[3].

К числу нашедших применение повествовательных источников относятся использованные в работе жития и патерики, повествующие о духовных и светских лицах, имевших прямое и косвенное отношение к верхнеокской истории: Владимире Святом, Кукше Печерском, Михаиле Черниговском, Фёдоре Ярославском и ряде других[4]. Для настоящего исследования были полезны разнообразные единичные письменные сообщения, характеризующие положение, статус и ситуации, в которых находились значимые исторические персонажи (к примеру, мценский наместник Протасьев, оказавшийся одним из «подписантов» обращения к католическому Базельскому собору 1433 г.)[5]. Полное их перечисление весьма объёмно и вряд ли целесообразно.

---

[1] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время/ Зотов Р.В. СПб., издание Археографической комиссии, 1892. 374 с. лконская Е.Г. Род князей Волконских. С портретом автора, снимком с родословной 1686 г. и гербом рода/Волконская Е.Г. СПб.: Тип-я М.М.Стасюлевича, 1900. 992 с

[2] Волконская Е.Г. Род князей Волконских. С портретом автора, снимком с родословной 1686 г. и гербом рода/Волконская Е.Г. СПб.: Тип-я М.М.Стасюлевича, 1900. 992 с.; Родословная книга. Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Книга 10. М.: Университетская типография, 1851. и др.

[3] ПСРЛ. Т.35. Летописи белорусско-литовские. М.: Издательство «Наука», 1980. С.282-283.

[4] Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М.: Синодальная Типография, 1915. 494 с.; Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик/ Издание подготовили Л.А.Ольшевская и С.Н.Травников. М.: «Наука», 1999. 494 с.: ил.; Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. М.: «Ковчег», 2010. 672 с.

[5] Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio. Tomus VIII. Complectens varia concilia episcoporum statuta synodalia. Parisiis, Apud MONT ALANT, ad Ripam PP. Augufinianorum, prope Pontem S. Michaëlis. MDCCXXXIII. Стб. 575-577

Обязательность и необходимость использования неписьменных источников при реконструкции и анализе региональной истории обусловлена наличием ряда хронологических лакун и ощутимой фрагментарностью источников письменных[1]. В то же время, оценка и суждения об особенностях тех или иных относящихся к рассматриваемым территории и хронологическим периодам неписьменных источников (археологических, нумизматических, этнографических и т.д.), по глубокому убеждения автора настоящей работы, должны находиться в сфере профессиональной компетенции соответствующих квалифицированных специалистов. Исследователь же общей исторической направленности для решения поставленных задач может и должен привлекать и использовать в своих работах результаты, полученные такого рода компетентными специалистами. Важнейшей особенностью настоящего диссертационного исследования является то обстоятельство, что в работе (большей частью при рассмотрении ранних этапов истории Верхнеокского региона) широко использовались результаты, полученные в ходе исследований в области специальных исторических дисциплин (исторической географии, нумизматики, генеалогии и д.т.), самостоятельных дисциплин исторического ряда (археологии, исторической этнографии), а также выводы ряда отраслей научного познания (физической географии, антропонимики, топонимии, почвоведения, гидрологии и др.), не имеющих прямого отношения к истории. Такого рода результаты и выводы, сами не являясь, подобно письменным сообщениям, традиционными историческими источниками, тем не менее, представляют собой несомненные источники исторического познания, в определённой степени компенсирующие отсутствие письменных сообщений, хотя и нуждающимися в специфических процедурах дополнительной верификации.

Подробное изучение результатов археологических исследований верхнеокской территории (которые в силу неполноты территориального охвата и дискуссионности ряда важных моментов, до настоящего времени не оценены по достоинству как один из важнейших информационных источников) имело

---

[1] Шинаков Е.А. Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (к постановке проблемы)// Отечественная и всеобщая история, методология, источниковедение, историография. Брянск: Издательство БГПИ, 1993. С. 177-181.

особое значение для анализа наиболее ранних этапов развития региона. Изыскания, осуществленные на протяжении прошлого века А.А.Спицыным, А.В.Арциховским, П.Н.Третьяковым, А.Л.Монгайтом, В.В.Седовым, Т.Н.Никольской, Т.В.Равдиной, рядом иных исследователей, дали возможность не только определить этнополитические границы вятичей, но и выявить признаки-маркеры их материальной культуры, уровень культурного и технологического развития, уточнить их место в системе раннесредневекового товарного обмена, выяснить ряд иных важных научных вопросов[1].

Последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI века стали весьма плодотворными в этом отношении. Хотя, к сожалению, до настоящего времени вся территория бассейна Верхней Оки не была археологически охвачена полномасштабно и комплексно, тем не менее, отдельные части этих земель, а также некоторые аспекты ранних этапов существования местного населения были исследованы весьма подробно. Особого упоминания в этой связи заслуживают работы Г.А.Массалитиной, А.М.Обломского, А.В.Григорьева, Е.А.Шинакова, Н.А.Кренке, О.Л.Прошкина, М.А.Воронцова, А.З.Винникова, Н.А.Тропина, В.В.Енукова, М.И.Гоняного, А.Н.Наумова, Л.Н.Красницкого, многих других археологов, часть работ которых упомянуты в приведённой ссылке[2]. Полученные

---

[1] Спицын А.А. Расселение древне-русских племен по археологическим данным.СПб.: Тип-я В.С.Балашев и К°, 1899. 42 с.; Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 224 с.; Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. Издание второе, переработанное и расширенное. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 314 с; Монгайт А.Л. Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии СССР. №49. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 228 с.; Он же. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.; Равдина Т.В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища)// КСИА. Вып 113. Средневековые памятники Восточной Европы. М.: Наука, 1968. С.117-118.; Она же. Семилопастные височные кольца// Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С.181-187; Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР с древнейших времён до средневековья". Том 14. М.: Наука, 1982. 328 с.; Он же. Славяне: Историко-археологическое исследование/ Ин-т археологии Рос. академии наук. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с., ил.; Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Ленинград: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1968. 187 с. и др.

[2] Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины// Средневековая археология Восточной Европы (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 208). М.: Наука, 1993. С.46-52; Она же. Мощинская культура. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии, 1994. 18 с.; Обломский А.М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуре Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья// Советская археология. 1992. № 1. С. 34-47; Он же. Памятники типа Почеп// Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) (Раннеславянский мир. Выпуск 12). М.: ИА РАН, 2010.С.45-53; Григорьев А.В. О роменской культуре в среднем Подесенье// Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1988. С.65-74; Он же. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным/ Тула: «Гриф и К°», 2000. 263 с.; Он же. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с., ил.; Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: издательство «Вешние воды», 2006 . 320 с.,

ими результаты, по всей видимости, уже сами по себе стали важным этапом научно-исследовательской деятельности и могут служить серьёзной научной основой для постановки и решения множества исследовательских задач исторического характера. Значительная часть разнообразной информации о ходе, результатах и выводах, полученных археологами-исследователями, находится в настоящее время в фондах и архиве Орловского краеведческого музея, несколько десятилетий (начиная с начала XX в.) являвшегося организационной и научной опорой и базой для ряда региональных археологических изысканий и исследований. В данной работе активно использовались результаты, полученные в ходе проведения археологических разведок, раскопок и иных археологических работ такого рода[1]. Получили также применение и имеющиеся в доступе

илл.; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Москва; Смоленск, 2019. 392 с., 225 илл.; Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: 2001. 374 с.; Он же. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея, 2011. 144 с.; Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник/ отв. ред. А.Н. Бессуднов. Выпуск 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.193-208.; он же. К вопросу о естественных и антропогенных границах стародубского ополья в конце X-XII вв// Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Тезисы докладов и сообщений II межвузовской научной коноференции. Белгородский государственный педагогический институт, 1990. С.101-102.; Он же. Между Синими Водами и Грюнвальдом: центрально-восточные окраины литовско-русских земель в военно-политических вобытиях второй половины XIV – начала XV в.// Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. (г.Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде/ Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им.акад.И.Г.Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. С.303-308; Он же. Монголо-татары и Подесенье в XIII в.// Studia internationalia: Матерриалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Он же. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 488с.; Он же. О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)// Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. С. 236-255; Тропин Н.А. На Юго-востоке Руси: Чернигово-Рязанское порубежье в IX-XV веках. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. 159 с.; Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: монография.. Курск: Учитель, 2005. 352 с; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 168 с.; Наумов А.Н. Куликово поле в XII-XX веках. Историко-географические очерки. Тула: Государственный музей-заповелник «Куликово поле», 2017. 271 с. и др.

[1] «Орловский краеведческий музей». Арх. 2964. Отчет к отрытому листу № 19 за 1995 год. Археологические разведки на территории Ливенского района Орловской области. 1995 г. 41 л. Там же. Арх. 2980. Отчет к открытому листу № 63 за 1996 год. Археологические разведки на территории Ливенского района Орловской области. 1996. 30 л. Там же. Арх. 3038. Отчет к открытому листу № 71 за 1997 год. 1997. 25 л.; Там же. Арх. 3100. Отчет об археологических раскопках городища Торкуновка Мценского района Орловской области (1987-1989 гг). Л.Н.Красницкий. 1998. 89 л.; Там же. Арх. 3098. Отчет к открытому листу № 85 за 1988 год. Археологические разведки памятников археологии в Орловском районе Орловской области. 1998. 19 л., фото.; Там же. Арх. 3191. Дело 40и. Отчет об археологических охранных работах на городище Орловской крепости 1988 года. 1999. Историческая справка. 52 л.; Там же. Арх. 3198. Дело 47и. Из архива Т.Н.Никольской. Отчеты об археологических исследованиях на территории Орловской области в 1958 г (Лебедка, Воротынцево); 1971 (Спасское), 1973 (Кромы).

тематически важные археологические отчеты архива Института археологии РАН[1].

Огромное значение для выявления восточноевропейских транспортно-торговых маршрутов раннего средневековья имеют выводы, сделанные по итогам исследований в области нумизматики. Нельзя не указать на значительное число научных работ и сообщений в этой области, которые оказывают прямое воздействие на понимание причин возникновения вятичской этнополитической общности, а также внутренних и внешних факторов, оказывавших на неё воздействие на протяжении всего периода её существования. Простое их перечисление занимает большой объём[2].

Статьи. 1999. 82 л.; Там же. Арх. 517. Дело 13. Отчеты Т.Н.Никольской о раскопках городища у д. Пашки (Лужки) Кромского района 1959 г.; 2.Раскопки городища у д.Слободки Шаблыкинского района 1960 г. 1960.; Там же. Арх. 3241. Дело 90. Отчет к открытому листу № 4 за 1999 год. Археологические разведки в Ливенском районе Орловской области. 1999. 48 л.; Там же. Арх. 3263. Дело 22и. Отчет к открытому листу № 32 за 2000 год. Ливенский район. 2000 г. 40 л.; Там же. Арх. 3316. Дело 10и. Отчет к открытому листу № 33 за 2001 год (Ливенский район Орловской области). 2001. Открытый лист № 33. 44 л.; Там же. Арх. 3317. Дело 11и. Отчет о проведении исследований методом подповерхностной радиолокации археологических объектов на территории г.Ливны и Ливенского района Орловской области. 2001. 17 л.; Там же. Д.33. Арх. 3549. Копия полевых дневников археолога П.С.Ткачевского. 1925 г. 2006 г. на 69 л.; Там же. Арх. 3466. Д. 47и. Отчет к Открытому листу №62 на 2004 г. Археологические разведки в Хотынецком и Ливенском районах Орловской области. Отчет составила Краснощекова С.Д. 2004. На 36 л. и др.

[1] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. Д. 19,78, 79, 99,104, 123, 205, 217, 219, 263, 309, 335, 351, 379 и др

[2] Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества/ Бабаев К.В. М.: «Древлехранилище», 2009. 96 с. Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Выпуск первый/ Ильин А.А. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1940. 52 с.: ил.; Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Издание четвертое, дополненное/ Спасский И.Г. Л.: Издательство «Аврора», 1970. 256 с.; Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х годах X в.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.63-73. Фомин А.В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в./ Фомин А.В. // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва 19-22 апреля 1988. Тезисы докладов. – М.: Институт истории СССР, 1988. С.109-113; Седых В. Пути поступления арабских монет на территорию Беларуси// Studia Numismatica Albaruthenica. Vol. I (Вып. 1)/ уклад. В.М. Сідаровіч, М.А. Плавінскі. Мінск: «Медысонт», 2011. С. 65-71; Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009.; Щавелев А.С.,Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX–нач. X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей//Историческая география. Отв. Ред.И.Г.Коновалова. Т.2.М.: Аквилон, 2014.; Гомзин А. А. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. С.390-393; Лебедев В.П., Амосов М.А. Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области// Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С.37-45; Гоглов С.А., Лебедев В.П., Шинаков Е.А. О подражаниях куфическим дирхемам Краснодворского клада монет X в.// Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Выпуск 7. М.: Патриот, 2019. С. 70–98.; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации… к.и.н. М.: 2013.; Шинаков Е.А. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник /Отв. ред. А. А. Бессуднов. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-ТянШанского, 2017. С.193-208; Ковалев Р.К. О роли руссов и волжских булгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X – начале XI в./ Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье/ Отв. Ред. тома А.С.Щавелев; отв.ред. сер. Е.А.Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С.95-143 и др.

Ещё одним важным источником сведений о существовании и развитии верхнеокских социумов являются сведения исторической этнографии и антропологии. Совокупность реконструируемых и ещё живых обрядов, ряд сопоставляемых деталей религиозного и культурного характера позволили выявить ранее неявные культурные связи местных жителей и в некоторой степени воспроизвести особенности их духовной культуры, что значительно облегчило создание более цельного и проработанного исторического повествования[1].

Большой объём собранных исторических данных позволяет говорить о том, что общая совокупность имеющихся в распоряжении автора настоящей работы научно верифицированных источников достаточна для того, чтобы осуществить комплексное исследование истории возникновения и эволюции рассматриваемой территории, определить объективные закономерности её исторического развития, выявить наличие у неё ряда специфических особенностей, провести анализ её политико-административной эволюции и охарактеризовать причины и особенности её окончательного вхождения в состав Российского государства.

Объектом исследования является исторические процессы, протекавшие в VIII-XVI вв. на обширной территории, ограниченной бассейном верхнего течения реки Ока и прилегающими к нему землями, которые рассматриваются в совокупности различных аспектов их исторического, экономического и политического течения. Данную территорию автор работы полагает обоснованным называть с использованием уже сложившейся традиции, применяя двойное наименование – Верхнеокский (Верховской) исторический регион.

Предмет исследования представляет собой последовательный процесс возникновения и развития вышеназванного Верхнеокского (Верховского) исторического региона как территориальной структуры, возникшей и

---

[1] Балановская Е.В., Пежемский Д.В., Романов А.Г., Баранова Е.Е., Ромашкина М.А., Агджоян А.Т., Балаганский А.Г., Евсеева И.В., Виллемс Рихард, Балановский О.П. ГЕНОФОНД РУССКОГО СЕВЕРА: СЛАВЯНЕ? ФИННЫ? ПАЛЕОЕВРОПЕЙЦЫ?// Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. №3. 2011. С. 27-58; Андрейчева М.А. Образы иноверцев в Повести временных лет. Дис… канд. ист. наук. М. 2017. Бернштам Т.А. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л.: Наука, 1981. Куббель Л.Е Очерки потестарно-политической этнографии. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1988. 272 с.; Алексеева Т.И. Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении// Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. и др.

существовавшей в зоне соприкосновения политических и экономических интересов ряда сопредельных государственных формирований разных эпох. Такая ситуация обусловила возможность выработки населением и правящими элитами специфических черт развития данной территории в условиях длительной геополитического конкуренции за контроль над этими землями: Древней Руси и Хазарии (позднее Булгарии), древнерусских княжеств между собой и против набегов кочевников, Московского княжества, Литвы и наследовавших Орде татарских государств в XIV-XVI вв. Итоговое вхождение Верхнеокского (Верховского) исторического региона в состав Российского государства является закономерным результатом его эволюции и, соответственно, также относится к понятию предмета исследования.

Целью настоящего диссертационного исследования является разработка и обоснование концепции о существовании на рассматриваемой территории в указанный период особого исторического феномена – Верхнеокского (Верховского) исторического региона, исследование причин его возникновения, длительного развития и последующего исчезновения, подтверждение гипотезы о непрерывности его существовании; поиск и обнаружение наличия его конкретных, специфических и значимых отличий от других частей Руси (а затем России) в ходе исторического развития на протяжении VIII – XVI вв.; выявление и фиксация эволюции особенностей его геополитического положения, политической организации и культуры.

Названная цель исследования для своего достижения требует постановки и решения следующих **задач:**

- Выявить территориальные пределы и географические границы рассматриваемого в настоящей работе территориально-исторического феномена – Верхнеокского (Верховского) исторического региона на основе поиска, анализа и систематизации исторических источников, а также результатов археологических, историко-географических, общеисторических и иных научных исследований.

- Определить хронологические рамки возникновения, существования и исчезновения Верховского (Верхнеокского) исторического региона исходя из

концепции его культурного, экономического, политического и этнического единства.

- Найти признаки непосредственной преемственности в развитии последовательных этапов истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона путём анализа сходных черт и специфических особенностей. Установить признаки наличия этно-культурной преемственности населения рассматриваемого региона разных периодов.

- Выявить и обосновать физические, социальные и политические причины возникновения, развития и исчезновения рассматриваемого региона, дополнив их анализом данных о предшествующем («довятичском») и последующем («послеверховском») периодах территорий бассейна Верхней Оки.

- Разработать периодизацию истории региона посредством выявления стадий возникновения, развития и исчезновения рассматриваемого исторического региона. В свете этого выявить локальные особенности, предпосылки, причины и последствия воздействия внутренних и внешних факторов на ход региональных исторических процессов.

- Установить степень соотношения и значимости внутренних и внешних факторов, воздействовавших на ход исторических тенденций, приведших к возникновению, развитию и исчезновению Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

- Решить ряд конкретных вопросов, связанных с особенностями славянской колонизации региона: пути и хронологические рамки славянских миграционных потоков, участие автохтонного дославянского населения в вятичском этногенезе, соотношение разноэтнических элементов в культурогенезе и т.д.

- Создать, на основе анализа и систематизации ранее собранных источников и результатов исследований, историческое повествование, позволяющее максимально полно и комплексно описать процессы возникновения, политического и социально-экономического развития Верховского исторического региона в VIII-XVI вв.

Гипотеза исследования: заселявшиеся с VIII в. древними славянами земли

бассейна Верхней Оки и прилегавших к нему территорий, с начала заселения в VIII в. и до их окончательного включения и закрепления в составе Российского централизованного государства в XVI в. представляли собой особый территориально-исторический феномен – Верхнеокский (Верховской) исторический регион, имевший характерные специфические черты исторического, политического, этнического и социального развития, особенности географического положения, отличавшие и выделявшие его из ряда прочих восточнославянских территорий. Сохранявшаяся специфика и индивидуальность черт исторического развития, являвшаяся результатом ряда внутренних причин и внешних факторов, привела к сохранению высокой степени самостоятельности (автономии) рассматриваемого исторического региона в разные исторические периоды и позволяет отследить его существование на протяжении семи столетий.

Методологической основой диссертационной работы являются следующие научные принципы: 1) историзм, основанный на изучении явлений и процессов в их развитии с учётом, оценкой и анализом максимально возможного количества взаимосвязей и фактов; 2) достоверность, заключающаяся в изучении всех доступных исторических источников с использованием существующих форм, методов и способ их изучения; 3) объективность, предполагающая комплексность подходов и оценок всех сторон и аспектов рассматриваемых процессов и явлений, вне зависимости от личностных, политических, социальных, этнических и иных предпочтений исследователя; 4) максимально возможная комплексность и всесторонность, обусловившая широкое применение междисциплинарных подходов и методов.

Подбор методологического инструментария диссертационного исследования в виде специализированного набора методов и приемов определялся спецификой предмета исследования, находящегося на пересечении различных дисциплин исторического ряда. Он осуществлялся с целью выявления причин и особенностей социально-политического развития избранной территории, отличавших её от соседних территорий, и построения концепции, объясняющей причины возникновения и существования выявленных в ходе исследования

процессов в их взаимосвязи и обусловленности.

В исследовании использовался **сравнительно-исторический метод**, позволивший сопоставить процессы, протекавшие в Верховском регионе, с процессами, имевшими место на соседних, этнически и политически близких восточнославянских землях. В ходе его применения весьма плодотворным было обращение к приёмам, относимым к **методам исторического моделирования и исторической аналогии**.

Плодотворными оказались приёмы **системного анализа** в различных его аспектах: при выявлении и рассмотрении общесистемной реакции рассматриваемого исторического региона на внешние раздражители, равно как и при его структурно-функциональном анализе.

При проведении диссертационного исследования был активно использован **картографический метод**, а также близкие к нему методы и приёмы, применяемые исторической географией и регионалистикой.

В качестве конкретных методологических приёмов вместе с упомянутыми общими методами исторического исследования, в условиях малого количества традиционных письменных источников, применялись **методы регионально-исторического анализа**. Была произведена адаптация ряда методов и приемов, используемых исторической географией и её подотраслями в целях их применения в историческом исследовании. Результатом адаптации стала разработка оригинальной методики, предназначенной для определения объективных социальных, экономических и этнических границ Верхнеокского (Верховского) исторического региона в условиях ограниченности письменных источников и исторической изменчивости политических границ.

Отдельно следует отметить возникшую в ходе проведения исследования необходимость прибегнуть к установлению **междисциплинарных связей**, что побудило обратиться к использованию результатов экономико- и физико-географических, антропологических исследований, исследований в области управления. Основой формирования информационной базы, необходимой для их применения стали результаты ряда археологических, археографических,

лингвистических и этнографических исследований, наряду с выводами, полученными при изучении восточноевропейской гидрологии, экономической и физической географии.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования теоретических положений и обширного обобщённого фактического материала настоящей работы для инициирования новых и обогащения продолжающихся исследований истории, географии, экономики, культуры и общественного сознания населения российских земель в границах бассейна Верхней Оки и ряда сопредельных территорий. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы для преподавания российской и региональной истории в учебных заведениях (высшего и среднего профессионального образования) Орловской, Калужской, Тульской, Брянской, Липецкой, Московской и Рязанской областей, для написания научных работ, касающихся проблематики становления вятичского этнополитического объединения, северо-восточных волостей Черниговского княжества, образования и эволюции Верховских княжеств, их взаимодействия с Золотой Ордой, конкретных аспектов исторического и историко-географического районирования, вопросов особенностей выбора путей развития различными русскими княжествами после монгольского нашествия, иных тем, затрагиваемых в данном сочинении.

Теоретическая значимость работы заключается в определении понятия Верхнеокского (Верховского) исторического региона, нахождении специфических и особенных черт, присущих истории данного региона, выявлении внутренних и внешних причин его возникновения, существования и развития, выработке более глубокого научного понимания обусловленности его длительного отдельного существования и последующего вхождения в состав Российского государства. Результаты данного исследования будут способствовать систематизации и отбору критериев, способствующих лучшему пониманию причин и особенностей развития различных историко-географических регионов и зон России, что, в свою очередь, должно значительно улучшить выявление глубинных процессов,

имевших место в отечественной истории в целом и позволит более результативно использовать исторический опыт для современного развития и более эффективной модернизации отдельных частей страны.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. На территории, включающей в себя земли, относимые к бассейну Верхней Оки и непосредственно прилегающие к нему земли бассейнов Десны и Верхнего Дона в IX в. сформировался территориальный исторический феномен – Верхнеокский (Верховской) исторический регион, признаки наличия которого прослеживаются до второй половины XVI в. На протяжении всего периода своего существования он характеризовался специфическим комплексом внешних и внутренних проявлений, который, модернизируясь в разные исторические эпохи, поддерживал внутреннее и внешнее единство рассматриваемой территории.

2. Верхнеокский регион, сохраняя внутреннее культурное и этническое единство, прошёл в своём развитии несколько стадий, уже получивших в исторической литературе собственные названия – Земля вятичей, северо-восточные волости Черниговского княжества, Верховские княжества. Признаки последовательности и преемственности между этапами существования Верхнеокского (Верховского) исторического региона могут быть прослежены, что подтверждает непрерывность его существования. В то же время конкретные характеристики преемственности различны на разных этапах.

3. При сокращении степени внешнего давления, выраженного в виде плотного управленческого либо военного администрирования, и появлении возможности повышения степени самостоятельности территории, з*е*мли, относящиеся к Верхнеокскому (Верховскому) историческому региону, на протяжении всего периода его существования восстанавливали похожие по очертаниям и маршрутам прохождения границы, по сути, осуществляя (в определённой степени) своё «самовосстановление». В период существования чёткого размежевания государственных территорий данный регион входил в зону влияния ряда крупных государственных образований либо даже становился их частью (не формируя единой суверенной «страны»), что указывает на

недостижение им статуса полноценной «земли»[1]. В то же время, синхронность его внутренних процессов (несмотря на текущие административные границы) и внешней активности (проявляемой местными высшими управленцами) явно свидетельствует в пользу наличия внутреннего единства территории и подтверждает излагаемую гипотезу.

4. Зарождение рассматриваемого территориально-исторического феномена произошло в зоне пограничных контактов и взаимодействия экономико-политических интересов нескольких крупных политических и военных структур, в числе которых наиболее исследованными и известными в настоящее время являются Древняя Русь и Хазарский каганат. В ходе славянской колонизации и формировании вятичской этнополитической общности имел особое значение факт прохождения по рассматриваемой территории нескольких восточноевропейских и трансъевразийских торговых путей, сыгравших в VIII – X вв. значимую роль в ходе установления и поддержания евразийских торговых, культурных, политических и экономических контактов. Возникшая в последние столетия I тысячелетия н.э. совокупность региональных и межрегиональных речных и сухопутных путей составляла основу территориальной транспортно-логистической и, в значительной степени, административно-управленческой системы на протяжении всех этапов и периодов существования Верховского (Верхнеокского) исторического региона.

5. Формирование вятичского этнополитического объединения стало результатом смешения находившихся в культурно-языковом родстве различных групп славянского происхождения, сочетавшегося с ассимиляцией реликтовых остатков прежнего, предположительно балтского, населения, являвшихся вероятными носителями мощинской археологической культуры. На протяжении вятичского периода существования (до момента окончательного подчинения древнерусским княжеским управленческим структурам) это этнополитическое объединение находилось под протекторатом либо в союзнических отношениях

[1] Горский А.А.Русские земли в XIII-XIV веках. Пути политического развития. М.: Инс-т российской истории РАН, 1996. С.6-7; Он же. Земли и волости// Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С.11-13, 19-26, 32.

последовательно с Хазарским каганатом, восточнославянским объединением во главе с северянами, Волжской Булгарией. Наличие здесь весьма высокой внутренней самостоятельности фиксируется, по меньшей мере, до середины XII в.

6. Следующим хронологическим этапом существования Верхнеокского исторического региона стало нахождение в качестве составной части в Черниговском княжестве, в ходе которого отмечаются растянутые на несколько столетий процессы управленческой и идеологической ассимиляции, прерванные монгольским завоеванием в середине XIII в.

7. Возобновление политически самостоятельного статуса рассматриваемого региона (в форме тесно связанных Верховских княжеств) стало результатом ряда событий, начатых фактическим разрушением большого Черниговского княжества вследствии монгольского нашествия XIII в. и последовавшим включением местных правителей в сложную монгольскую вассально-сюзерениальную систему, сочетавшую личный вассалитет князей хану и родовое право наследования управляемыми территориями. Главной причиной выделения рассматриваемых территорий из массива северочерниговских княжеств стал сложный комплекс факторов, основанных, помимо географических предпосылок, на специфике правового регулирования ордынской административно-иерархической системы, предусматривавшей включение верховских князей в состав управленческого аппарата улуса Джучи (Золотой Орды) в качестве чиновников высокого ранга, военачальников и, помимо прочего, личных вассалов правящего хана. Результатом этого стало легитимное сохранение властных полномочий представителями прежней правящей династией (даже после потери династического контроля за новой черниговской столицей Брянском), и образование отдельных Верховских княжеств, ставших новых этапом уже известного географико-исторического феномена.

8. Верховские княжества, как и Земля Вятичей, постоянно находились в зоне контакта (взаимодействия и соперничества) нескольких сильных соседей. В их случае это были Орда и её наследники, а также последовательно сменявшие друг друга многочисленные претенденты на первенство среди русских

средневековых княжеств, в финальной своей части (XV в.) представленные соперничавшими Московским государством и Великим княжеством Литовским.

9. Правовая возможность лавирования между различными центрами силы, обусловленная формальным сохранением ордынского протектората, позволяла Верховским княжествам вступать в договорные отношения исходя из текущих интересов и возможностей их правителей. Её наличие стало одним из важнейших факторов продления времени самостоятельного существования до начала XVI в. Сохранившиеся «докончания» (договоры) дают прекрасную иллюстрацию особенностям их правового положения, которое позволяло их правителям законно «служить на обе стороны».

10. После присоединения к Московскому государству, территория прежних Верховских княжеств не находилась в центре внимания руководства страны, вследствие чего произошло падение обороноспособности этих земель (ввиду сосредоточения на обороне Берега — рубежа вдоль широтного течения Оки) и последовало перемещение представителей наиболее знатных родов в столицу. Наряду с прочим, это привело к началу достаточно быстрой хозяйственной и популяционной деградации. Обращение к решению вопроса обороны верхнеокских земель, уже изрядно пострадавших от набегов, произошло только в третьей четверти XVI в., во время строительства новых засечных черт и «польских» крепостей: Кром, Ливен, Ельца, Болхова и т.п. В условиях постоянного контроля со стороны властей централизованного государства, произошла окончательная ассимиляция Верховских княжеств. Последние упоминания политически значимых наследных владений верховских князей относятся к 1572 г., что позволяет считать эту дату моментом окончательного формального исчезновения Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 2 монографиях, 22 научных статьях, нескольких научно-популярных работах, видеоцикле лекций, телевизионных и радиовыступлениях.

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историографический обзор

Историография темы исследования характеризуется наличием значительного количества работ, в той или иной мере имеющих отношение к исследованию прошлого Верхнеокского исторического региона в разные периоды его существования. Обзор литературы по избранной проблематике необходимо предварить специальным указанием на два важных обстоятельства. Первое заключается в том, что за долгие годы исследований в исторической науке сложилась традиция «упоминания» данной территории: практически всякий труд, посвящённый рассмотрению наиболее общих, важных, а иногда и фундаментальных вопросов российской истории IX-XVI веков, лишь упоминает о существовании этих земель, изредка заявляя о наличии у них некой специфики и особенностей, обычно объясняемых недостаточно высоким уровнем экономического, социального либо политического развития. В отдельных случаях исследователи отмечают нетипичность их государственно-административного устройства по сравнению с другими русскими землями. Второе обстоятельство выражается в том, что работ, непосредственно посвящённых исследованию и изучению этих земель, их особенностей и специфических черт исторического развития, чрезвычайно мало. Более того, такие работы, в подавляющем большинстве, посвящены какому-то достаточно узкому хронологическому периоду без глубокой проработки связей с предшествующими и последующими периодами существования этих территорий.

Дополнительная сложность оценки историографического наследия наших предшественников заключается в многоплановости вопросов, рассматриваемых в настоящем исследовании, что может привести к превращению обзора литературы в объёмный и тяжеловесный раздел диссертационной работы. Для облегчения восприятия обзора в тексте отдельно рассмотрена подтема, посвящённая историографии по методической проблематике, которая имеет непрямое

отношение к рассматриваемому региону, но обязательна как основа для применения и адаптации к конкретной ситуации ряда существующих методологических наработок в сфере исторической географии.

Как указывалось выше, специальных исторических исследований, посвящённых изложению истории земель в бассейне верхнего течения Оки на протяжении периода, рассматриваемого в данной работе, не существует – имеются публикации, исследующие отдельные периоды истории этой территории, связи между которыми до настоящего времени специально не изучались. Ввиду того, что разные периоды верхнеокской (верховской) истории рассматривались вне связи друг с другом, настоящий историографический обзор выполнен по «гнездовому» принципу: каждая из «подтем» характеризуется автором отдельно, что позволило не допустить превращения данного раздела диссертационной работы в обширный перечень логически не связанных между собой конкретных сведений и характеристик.

Отечественная историческая наука в период своего становления (XVIII-XIX вв.), вследствие вполне объективной недостаточности фактического материала, внимания истории Верхней Оки практически не уделяла. Отдельные исследователи, вслед за летописями, обращались к проблематике выявления места первоначального расселения вятичей, определению границ их территорий, ряду иных событий. Будучи одним их летописных восточнославянских «племен», вятичи фигурировали в трудах М.В.Ломоносова, В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского, А.Л.Погодина, П.В.Голубовского, Н.П.Барсова, О.М.Середонина, В.О.Ключевского, М.К.Любавского и ряда других исследователей. В своем подавляющем большинстве, историки следовали путем пересказа летописного рассказа об ужасах вятичского язычества и невольно разделяли негативные оценки монахов-летописцев. Именно в этот период исследователями были собраны и систематизированы наиболее значимые письменные источники по вятичской истории. Безусловно, более поздние авторы в гораздо меньшей степени, нежели их предшественники, рассуждали о благотворном воздействии православия и великокняжеской власти на грубые

нравы закосневших в язычестве и дикости обитателей верховьев Оки, но, по всей видимости, вследствие недостаточности письменных и материальных источников, названная тенденция сохранялась весьма долгое время.

Н.М.Карамзин был первым отечественным историком, выделившим вопрос о специфике Верхнеокского (Верховского) региона на фоне общей истории России. В «Истории государства Российского» он положил начало вводу в историческую литературу фактического материала о политической деятельности князей верхнеокских княжеств, о московско-литовских отношениях XV в., о военных столкновениях этих двух соседних государств и об участии в них местных правителей[1]. Используя доступные ему источники, отразил в «Истории государства Российского» фактический материал о начале перехода указанных территорий под протекторат великого князя Витовта и Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. До сих пор весьма интересна, хотя и не бесспорна, карамзинская версия этих событий. В своем сочинении Н.М.Карамзин употребил термин «древняя земля вятичей», а расположенные на ней города он назвал «вятичскими»[2]. Сочинение Н.М.Карамзина на долгое время стало основой для последующих рассмотрений событий истории этого региона местными краеведами.

Название, предложенное Н.М.Карамзиным («земля, область вятичей»), использовал иеромонах Леонид (Кавелин), опубликовавший в 1862 г. первую обобщающую работу по древней истории верхнеокских земель[3]. Он также связывал все особенности и отличительные черты данной территории с тем фактом, что все они определялись вятичской историей и уходили корнями в этническую принадлежность местного населения. Развитие краеведения в XIX в. обусловило появление ряда локально-исторических и краеведческих исследований на вятичскую тематику в губернских центрах. Среди их авторов

---

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 гг. в трех книгах с приложением. Кн. 1-3. М., 1988-1989.

[2] Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 2. Т. V. Стб. 91

[3] И. Л. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 1-156.

следует обязательно упомянуть Г.М.Пясецкого в Орле, И.Ф.Афремова в Туле, В.В.Ханыкова в Калуге[1]. Следуя в фарватере «больших» историков, они связывали данную территорию с «племенами» вятичей и, одновременно, пытались найти глубинные причины событий средневековой истории в специфике жизни и быта древнего населения. Эти книги представляют собой важную и значимую попытку создания образцов описания локальной истории с разной степенью достоверности и объективности. В настоящее время большая часть работ названных краеведов представляет интерес лишь с точки зрения изучения развития общественной мысли, поскольку они не внесли новшеств ни в оценку деятельности древних вятичей, ни в описание политической истории Верховских княжеств. В качестве дополнительного самоограничения в работах местных исследователей часто присутствовала ориентация на использование актуальных на тот момент административных границ.

Первым сумел обозначить пределы территорий, подконтрольных вятичам (на основе информации о соперничестве и борьбе князей Древней Руси) один из основоположников русской исторической географии Н.П.Барсов, который был уроженцем Орловской губернии и хорошо знал весь Верхнеокский регион. Опираясь на эти знания он и предположил, что земли, контролируемые вятичами, простирались внутри пространства, ограниченного линией водораздела Оки и Десны на западе, бассейном р.Сосна и верховьями р.Дон (на юго-востоке), притоком Оки р.Осетр (на востоке). Указанную локализацию территории вятичей Н.П.Барсов произвёл, по всей видимости, на основании изучения поздних древнерусских источников[2]. Предложенные Н.П.Барсовым географические ориентиры земель вятичей впоследствии утвердились в работах других исследователей. В частности, П.В.Голубовский при описании территорий, соседствовавших с вятичскими землями, делал ссылки на исследования

---

[1] Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. Составитель, автор предисловия и примечаний В.М.Катанов. – Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиокомпании, 1993. 252 с.; Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Часть первая. М.: Тип. В.Готье, 1850. 364 с.; Ханыков В.В. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года. Сообщ. архимандрит Леонид, издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Университетская типография, 1878. 132 с.

[2] Барсов Н.П. Историко-географический словарь Русской земли. IX-XIV вв. М.: УРСС, 2011; Он же. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С.156,157.

Н.П.Барсова и выражал согласие с его аргументацией[1].

Эти выводы в целом были приняты знатоком древнерусских летописей А.А.Шахматовым и специалистом по русско-литовской истории М.К.Любавским, которые проводили южные границы территорий вятичей по среднему течению р.Днепр и водоразделу рр.Ока и Сейм соответственно[2]. Стоит отметить, что М.К.Любавский был, пожалуй, единственным серьёзным историком, изучавшим и рассматривавшим вятичский и верховской периоды верхнеокской истории как цельное явление.

С его именем связаны зарождение литуанистики и развитие исторической географии (курс которой он читал в Московском университете) как научной дисциплины, исследования в области истории западных славян. Степень проработки проблематики Верховских княжеств в трудах М.К.Любавского впечатляюща. Он первым из профессиональных историков уделил им отдельное внимание, внедрил в научный лексикон термин «Верховские княжества», систематизировал и описал основную историческую канву процессов, протекавших внутри них[3]. М.К.Любавским были введены в исторический оборот западные источники по данной теме, обозначены основные хронологические этапы и даты наиболее важных событий истории княжеств. В частности, учёный первым датировал 1427 годом факт перехода новосильских князей в вассальную зависимость от Литвы; рассмотрел московско-литовский договор 1449 г. с позиций так называемого «промежуточного положения» верховских князей и княжеств; указал на специфический их статус внутри Великого княжества Литовского и сохранение ими широкой юридической самостоятельности; систематизировал княжества избранного региона по принципу генеалогического происхождения их владельцев. Работы М.К.Любавского до настоящего момента сохранили свою значимость ввиду полноты, систематичности и проработанности

---

[1] Голубовский П В. История Северской Земли до половины XIV ст. Киев, 1888. С. 17-18.

[2] Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», 2000. 304 с.; Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: 2-я Государственная типография, 1919. 64 с.

[3] Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. 994 с.

им верховской проблематики.

Некоторые исследователи предлагали рассматривать масштабы территории вятичей значительно более широко. К примеру, известный славист А.И.Соболевский полагал, что вятичами было заселено Верхнее Поволжье[1]. Профессор Казанского университета Е.Ф.Будде на основании лингвистических данных делал заключение о том, что им принадлежала также и территория бывшей Вятской губернии[2]. Необходимо подчеркнуть, что названные учёные, будучи признанными специалистами в области славянского языкознания, не были профессиональными историками.

Чрезвычайно важным и значимым, в особенности для изучения древнейших бесписьменных и малоисточниковых периодов существования региона, стало развитие научной археологии, начавшееся с середины XIX в. Среди исследователей этого периода, затронувших рассматриваемую проблематику, необходимо отметить Н.И.Булычова, И.Е.Евсеева, В.А.Городцова, В.И.Лабунского и др.[3] А.А.Спицын, в ходе решения проблемы конкретизации процесса расселения восточнославянских племен на Восточно-Европейской равнине, на основе изучения курганных древностей восточных славян XI-XIII вв., пришёл к выводу о полном воссоздании реальной картины расселения древнерусских «племён» (нарисованной Нестором) на основе сопоставления данных археологии с письменными свидетельствами. Он относил появление курганного обряда у вятичей к концу XI в.[4] Рубеж XIX – XX вв. (взятый широко) можно охарактеризовать как время отработки методологии археологических

---

[1] Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд.4. М.:Университетская типография,1907. 314с.

[2] Будде Е.Ф. К вопросу о народности русского населения в Вятской губернии. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1897. Т. XIV. Вып. 2. С. 188-194.

[3] Булычов Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.:Т-во тип-я А. И. Мамонтова, 1899; Он же. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока) : [Бассейн р. Волги]. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913; Евсеев И.Е. Кто были древнейшие насельники Орловского края — вятичи? Орел: тип. Губ. правл., 1906.12 с.; Он же. Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г. Доложено Собранию Орл. церк. ист.-археол. о-ва 27 авг. 1907 г. Орел: тип-я Губ. правления, 1907.; Он же. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения реки Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши.// Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда. вып. 2. М., 1908; Городцов В.А.Старшее Каширское городище// Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 85. М.; Л., 1933; Он же. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки 1897 г. «Древности», т. XVIII, 1900; Лабунский В.И. Раскопки в Калужской губернии в 1891 г. «Древности», т. XVI, 1900. и др.

[4] Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным// Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899, август.

исследований, создания базовой профессиональной основы данной отрасли научного знания. Закономерным продолжением работы основателей отечественной научной археологии стали исследовательские работы 20-30 гг. следующего столетия, характеристика и результаты которых последуют далее.

Рассмотрение исторических событий «древнерусского» периода на территории Верхней Оки обычно осуществлялось исследователями вне связи с предшествующим вятичским временем и, тем более, ещё более ранним дославянским. Принятие в качестве аксиомы утверждения летописца о дикости невоцерковленных вятичей автоматически переводило эту этнополитическую группировку в разряд «варварских» не только в религиозном, но и в культурном отношении, делало её «неинтересной» для углублённого изучения, что усугублялось малым количеством сохранившихся письменных источников (и до настоящего времени весьма ограниченным). Также мало рассматривалась история верховских земель в составе Черниговского княжества, чему, по-видимому, способствовали скудость источников и сосредоточение на истории владимирских Мономашичей.

В 1830-е годы проблема особенного статуса новосильских князей была обозначена Н.Г.Устряловым. Роль Великого княжества Литовского в российской истории (в работе «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское») им была обозначена как имеющая не меньшее значение, чем роль Московского царства, а само Литовское государство описывалось в виде добровольно призванного русским народом средства освобождения от ордынского господства[1].

Заметное обновление подходов к рассмотрению средневековой истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона было произведено в капитальном труде С.М.Соловьева «История России с древнейших времен» (1851-1879 гг.). К тому времени русская историография уже перестала видеть свою главную задачу в описании деятельности государей и смены правительственных форм. Наряду с потребностью *рассказать*, появилось желание *объяснить*

[1] Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.

события прошлого, обнаружить объективные закономерности в последовательной смене явлений и, таким образом, обосновать главное направление исторического развития России. С.М.Соловьев был уверен, что государство, являясь естественным продуктом народной жизни, представляет собой сам народ в его развитии: одно нельзя безнаказанно отделять от другого. Учёный считал, что история России есть история её государственности, не правительства и его органов, как думал Карамзин, но жизни народной в её целом. Преобладающая роль государственного начала в русской истории подчёркивалась и до Соловьева, но он одним из первых русских историков обратил внимание на особую значимость взаимодействия этого начала и «элементов общественных». С.М.Соловьев старался преемственность правительственных форм изучать в тесной связи с социумом и с теми переменами, какие вносила в его жизнь эта преемственность. По его мнению, одинаково необходим и важен был генезис и государственного и общественного быта.

Исходя из вышеназванных позиций, в своей «Истории Российской с древнейших времен» С.М.Соловьев указал на особый статус князей Новосильского дома в системе отношений Москвы и Литвы, прописал событийную часть эпопеи присоединения верховских земель к Московскому государству в результате ряда московско-литовских вооружённых конфликтов и войн[1]. С.М.Соловьевым, помимо летописных источников, были вовлечены в исторический оборот ряд эпистолярных памятников и договоров («докончаний») о службе и протекторате между новосильскими князьями и великими князьями Литовскими. Он первым обратил внимание на отсутствие чёткой московско-литовской границы в районе Верхней Оки в XIV-XV вв., отметил факты службы верховских князей одновременно Москве и Литве – «на обе стороны, съ-обща»[2]. Также историк первым использовал тексты договоров польского короля с верховскими князьями середины XV в. как типичные примеры службы «на обе стороны». В то же время, полное представление об истории верховских княжеств

---

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I-V. Второе издание. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. Стб.1438-1447, 1450-1456.

[2] Там же. Стб.1444.

на основании работы С.М.Соловьева получить невозможно, поскольку для автора выявление тенденций и событий региональной политики не являлось значимым.

Зародившаяся в XIX в. тенденция рассматривать русскую историю послемонгольского периода как процесс соперничества двух основных центров объединения русских земель – Москвы и Великого княжества Литовского – получила своё достойное отражение в исследованиях Д.И.Иловайского. Им было указано на существование зависимости Новосильского княжества от Литвы, а также на попытки Рязанского княжества стать третьим значимым центром силы на русских землях[1]. Информативная работа Р.В.Зотова «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время» помимо важной генеалогической информации, дала значительный объем сведений, характеризующих отношения внутри комплекса удельных княжеств – наследников Великого княжества Черниговского, а также обратила внимание на моменты внутриродовых взаимоотношений князей черниговского дома[2]. Положение верховских князей в XIV-XV вв. кратко охарактеризовал Ф.И.Леонтович. Он отмечал, что в земле древних вятичей, по верховьям Оки с её притоками, располагались «…изстаринные уделы русских князей Черниговского дома, под именем князей верховских, владевших своими родовыми отчинами… В каждой из этих групп княжеских владений сидел свой местный род… с сохранением однако старого родового их единства»[3].

Большой объем фактического материала о правителях верховских княжеств содержит работа польского исследователя графа К.Ф.Ожаровского, изданная им на польском языке под псевдонимом «Й.Вольфф». Публикация представляет собой расширенное историко-генеалогическое исследование о литовско-русских князьях, правивших с конца XIV века. Причиной обращения к этой тематике стало то обстоятельство, что Верховские княжества были одним из основных мест

---

[1] Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. С.184-185, 190-191, 195-196.

[2] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Издание Археографической комиссии. СПб., Тип-я братьев Пантелеевых, 1892. 380 с.

[3] Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русскаго права (продолжение) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 290. СПб., декабрь 1893. С.282.

непосредственного соприкосновения интересов Московского государства и Великого княжества Литовского. В объёмной работе подробно проанализированы доступные на тот момент польские, литовские документы и русские родословные источники, на основании чего исследователю удалось иллюстрировать специфику взаимодействия верховских князей с Великим княжеством Литовским в конце XIV – первой трети XV вв., прояснить ряд вопросов их родственных связей и статуса, а также осветить тему различных пожалований им со стороны великих князей литовских. Сочинение К.Ф.Ожаровского позволило рассмотреть обширный спектр взаимоотношений верховских князей внутри Великого княжества Литовского как с верховной властью, так и с рядом иных политических субъектов.[1]

Положение русских княжеств верхнего течения Оки описал В.О.Ключевский в своём «Курсе русской истории», несмотря на фактически «лекционный» его характер, имевшем большое влияние на русскую историческую науку. В своём сочинении он выделил небольшой раздел «Верхнеокские князья»[2]. Давая характеристику политическим порядкам в верхнеокских княжествах, он определил их как продолжение обычаев Киевской Руси и образец неизменности старых принципов и обычаев наследования княжеского стола.

На протяжении XX в. тема Верховских княжеств неоднократно затрагивалась в исследованиях польских историков, хорошо осведомлённых о содержании всех исторических документов, публиковавшихся в России. В частности, в 1914 г. в работе А.Прохаски «История Витовта, Великого князя Литовского» среди описаний деяний великого князя несколько раз упомянуты Мценск, Любутск, Новосильские, Перемышльские, Одоевские, белевские князья. Обозначены даты, некоторые особенности их подчинения Витовту, отмечена специфика их нахождения в сфере пересечения интересов Литвы, Москвы, татар и прочих активных исторических персонажей[3].

---

[1] Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J.Filipowcza, 1895.

[2] Ключеский В.О. Сочинения. В 9-ти томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М., 1987. С.341-342.

[3] Prochaska Antoni. Dzieje Witołda W. Księcia Litwy. Wilno. Nakład I druk Ks.A.Rutkowskiego, 1914. pp. 76, 110-112, 238, 243-245, 247, 325, 331, 401

Том первый книги польского историка Я.Натансона-Лески «История восточной границы Речи Посполитой» 1922 г. был посвящен, прежде всего, военно-политическим аспектам событий на восточной границе Великого княжества Литовского и уделил небольшое внимание проблематике существования «kniaziow czernihowskich - w dorzedze górnej Oki», хотя и упоминал о самостоятельных «wierchowskich» князьях, которые разделяются на две основные категории – «książąt Nowosilskich… i Karaczewskich» (автором было указано и более подробное деление), о положении на «nowosilskich kresach», о некоторых аспектах установления и завершения литовского контроля над этими землями[1].

Важным и масштабным исследованием, в значительной своей части затрагивающим проблематику верхнеокской истории со второй половины XIV в. по начало XVI в. была вышедшая в 1936 г. в Варшаве монография ставшего впоследствии известным Стефана М. Кучинского «Земли Чернигово-Северские под властью Литвы».[2] Её можно смело считать первым комплексным исследованием заявленной в названии проблематики. Исследователь указал на специфику истории рассматриваемой территории, упомянул о проживавших на этих землях северах, радимичах и вятичах, перечисли практически все известные письменные сведения о древнерусском периоде существования региона, выделил и отметил как отдельную категорию «kniaziów… wierchowskich», а «księstwa wierchowskie» выделил в качестве отдельной (третьей) группы административных формирований Чернигово-Северских земель, ввёл термин «Wierchowszczyzna»/«Верховщина»[3]. Опираясь на доступные к тому времени источники, автор смог обозначить границы владений местных князей

---

[1] Natanson-Leski Jan. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1, Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej// Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Tom I. Lwów, Warszawa: Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1922. P.12, 17-18, 23-24, 26-27, 29-31, 36, 39, 47, 51, 60-61, 63, 69-72, 74-77, 79- 87, 94, 96.

[2] Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy// Pracì Ukraïns'kogo Naukovogo Institutu/ T.33. Warszawa: Fundusz Kultury Narodowej, 1936. 420 s.

[3] Там же. С.32-33, 38, 44-45, 95-96. Существует сходный польский топоним «Wierkowszczyzna» (с отличием в две буквы), относящийся к местности на севере современной Белоруссии: См. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Pod redakcją B. Chlebowskiego. Tom XIII. Warszawa: Druk «Wieku», 1893. pp. 225, 233.

(составленная им политико-административная карта в значительной части не потеряла актуальности), весьма подробно разобрал ряд дискуссионных вопросов их генеалогии, указал на ряд особенностей исторического пути Верховских княжеств и Верхнеокского региона в целом, на воздействие «татарского фактора», на специфику статуса княжеств (территорий) и взаимоотношений с Великими княжествами Литовским и Московским, а также их правителями[1]. С.Кучинский разработал и обосновал собственную периодизацию локальной истории, опираясь на комплексный анализ военно-политической развития территории, а не на периоды правления Великих князей. На фоне большого объёма добросовестно и квалифицированно рассмотренного и проанализированного исторического материала, отдельные недочёты, обусловленные культурным «бэкграундом» исследователя, представляются не заслуживающими внимания.

В работах А.Е.Преснякова переход Верховских княжеств под протекторат Великого княжества Литовского рассматривается как следствие попытки построения единого антиордынского фронта, описываются обстоятельства, способствовавшие смене верховскими князьями внешнеполитических ориентиров и переходу их под московскую власть. Указывается на высокую степень раздробленности упомянутых княжеств и невозможность их самостоятельного существования в зоне соприкосновения и соперничества московских, литовских и ордынских интересов[2].

Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. в отечественной науке начало формироваться представление о двух основных центрах государственно-этнической консолидации русского этноса в послемонгольский период – Литовском и Московском великих княжествах. К сожалению, в советский период такие теории не получили своего дальнейшего развития: история присоединения западных русских земель рассматривалась лишь как процесс национально-религиозного освобождения от иностранной

---

[1] Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie. C.59-70, 74, 96-101, 103-106, 111, 120-149, 191-195, 197-200, 202-204, 212, 215-217, 219-220, 224-234, 252-258, 261-268, 272-277, 280-298, 301-302, 305-310, 315, 337, 345-347, 353-354, 356-361, 367-368, 372. 377-380.

[2] Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.

зависимости. Подобный подход вёл к упрощению и значительному искажению имеющихся описаний реального исторического процесса и стал своеобразным ограничителем, априорно сокращавшим количество возможных и желательных направлений исследований. Свойственный отечественной исторической науке «москвоцентризм» был во многом обусловлен идеализацией политического централизма и «имперскости», присущей государственной идеологии, что, в свою очередь, оказало существенное влияние на развитие советской исторической науки.

В то же время, советский период развития отечественной исторической науки, дал большое количество фундаментальных работ, посвящённых древнеславянской и древнерусской истории в целом. В то время активно работали многие признанные специалисты в этой сфере, среди которых особо следует упомянуть Б.А.Рыбакова. Исследователь стремился возвеличить прошлое нашей страны (порой несколько нарочито), выделить политические и социально-экономические достижения далёких предков, что в настоящее время выглядит несколько чрезмерным. В частности, в монографии «Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков» (1982 г.) он отнёс начало истории славян к XV в. до нашей эры, что делает, по меньшей мере, спорным последующее обширное изложение структуры гипотетической вятичской государственности и культуры.[1]

Нахождение Верховских княжеств в «промежуточном положении» между Литовским и Московским государствами позволяет трактовать отдельные особенности их истории как производные от их внешнеполитического статуса. В связи с этим, верховская проблематика должна была время от времени звучать в работах по истории внешней политики России. В монографии К.В.Базилевича о внешней политике Русского централизованного государства во 2-й половине XV в. отмечены детали перехода верховских князей «под руку» литовского великого князя Витовта (с указанием на возможное великокняжеское достоинство новосильских князей), специфика восприятия литовской власти на Верхней Оке в

[1] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. С.13, С.258-284.

связи со «стоянием на Угре» и заключением нового докончания в 1483 г.[1] Автор весьма подробно рассмотрел обстоятельства вхождения территории бассейна верхней Оки в состав единого российского государства в конце XV – начале XVI в., особенности военно-политической активности и дипломатического взаимодействия сторон конфликта[2].

Очевидно, что в число приоритетов крупных советских историков детализация исторических процессов отдельных (зачастую небольших и периферийных) местностей и регионов не входила. В качестве исключения следует упомянуть работу М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии», в которой автор постарался, на основании имевшихся письменных источников дать максимально полные характеристики различных регионов Русского централизованного государства XVI в.[3] К анализируемому периоду Верхнеокский регион как относительно целостная структура уже исчез, но ряд черт, особенностей и деталей, отмеченных автором для территорий, ранее в его состав входивших, до настоящего времени являются весьма значимыми. С другой стороны, у краеведов, обычно не имевших ни доступа к централизованно собранным в столичных городах документам, ни специального образования, не было реальных возможностей осуществлять полноценные исследования хронологически удалённых событий. Бедность источниковой базы и отсутствие так называемого «социального заказа» привели к тому, что до начала 1990-х гг. не появилось какого-либо комплексного исторического исследования, посвящённого истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона в целом.

Относительно проработаны были лишь данные, полученные археологами и посвящённые материальной истории вятичей. Как указывалось ранее, попытки археологических исследований территорий, населённых вятичами, предпринимались с конца XIX в. Вместе с тем, подлинно научный характер –

---

[1] Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. С.39, 153-155.

[2] Там же. С.283-285, 289-293, 295- 298, 299-301, 310-311, 319-320, 322-327, 329-331, 436, 448-449, 451-452, 518-519, 525-526.

[3] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 584 с.

методологически обоснованный и систематический – археология приобрела только в первые десятилетия XX в. Из учёных археологов больше других для научного изучения верхнеокских земель сделал известный специалист по славяно-русским древностям и первооткрыватель новгородских берестяных грамот А.В.Арциховский. В 1926 г. он опубликовал свою работу «Курганы вятичей», посредством которой сумел ввести в научный оборот описание и систематизацию значительного количества инвентаря, обнаруженного в результате раскопок вятичских курганов, осуществил его датировку, выделил характерные этнические признаки[1]. Исследователь указал на наличие преемственности между различными видами захоронений (кремацией и ингумацией), определил географические границы распространения вятичских погребений и связал их с территорией проживания. Стоит заметить, что представления А.В.Арциховского о зоне расселения вятичей практически полностью совпали с опубликованным ранее мнением Н.П.Барсова. Свой вклад в изучение истории древних вятичей внесли исследования П.Н.Третьякова, который выявил в бассейне Верхней Оки и вятичские и довятичские (мощинские) поселения[2].

В послевоенные и последующие годы прослеживается ощутимое расширение исследовательских работ. В 1960-е – 1980-е гг. вятичской проблематикой занималась Верхнеокская экспедиция Института археологии АН СССР, которой были обнаружены и обследованы железоплавильные печи и литейные формы с кириллическими надписями для изготовления полых украшений, мастерские по изготовлению стеклянных браслетов и колец. Специалистами Института археологии был собран богатый материал: хозяйственные изделия из железа, украшения из бронзы, меди и серебра, предметы вооружения. Уникальной находкой стала так называемая «кованная личина», отражающая, вероятно, некоторые черты лица конкретного человека. Исследователи получили подтверждение существования широких торговых связей раскопанного города с новгородскими, киевскими, волынскими землями.

---

[1] Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 224 с

[2] Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.

Опубликованная по материалам экспедиции монография Т.Н.Никольской стала важным рубежом в изучении истории Верховского исторического региона[1]. Она положила начало череде исследований верхнеокской территории (в том числе и периода существования Верховских княжеств) профессиональными археологами. Т.Н.Никольской был выпущен ряд работ, принципиально важных для понимания особенностей организации жизни, быта и культуры местного населения.

К числу дискуссионных вопросов в работе Т.Н.Никольской следует отнести, прежде всего, «неразделённость» самостоятельного и «черниговского» периодов существования самобытной вятичской культуры. К достижениям вятичей ей, по умолчанию, отнесены явные экономические и культурные последствия административного подчинения верхнеокских земель Черниговскому княжеству. Впрочем, эту особенность можно полагать следствием опоры преимущественно на археологические методы исторической реконструкции.

В числе более современных работ учёных-археологов необходимо назвать исследования А.В.Григорьева, изучавшего территории, имевшие отношение к роменско-боршевской археологической культуре и северскому этнополитическому объединению – его труды являются важным источником фактической информации по историческим процессам, развивавшимся на верхнеокской и непосредственно прилегающих к ней территориям[2]. Большой объём конкретных археологических данных, их профессиональный анализ как составная часть изысканий в сфере истории материальной культуры верхнеокского региона являются неотъемлемой чертой работ О.Л.Прошкина и делает их использование обязательным для любого исследователя этой территории[3]. Нельзя не упомянуть многочисленные и подробные результаты исследовательской деятельности Тульской экспедиции Института Археологии

---

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981.

[2] Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005.

[3] Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук./ Прошкин О.Л. М.: 2001. 374 с.; Он же. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным// Краткие сообщения Института археологии. Вып.249. Часть.II. 2017. С.68-85 и др.

РАН и музея-заповедника «Куликово поле»[1].

Важными и значимыми являются работы Е.А.Шинакова, хотя и не посвящённые специально вопросам верхнеокской истории, но глубоко затрагивающие широкую проблематику древнерусского политогенеза применительно к ближайшим соседям древнейшей русской околокиевской области – северам, радимичам и вятичам. Помимо того, обязательными для использования являются результаты его многолетних археологических исследований деснинского региона, а также работы, посвящённые славянской колонизации, этно-культурным связям, общим и частных вопросам этно-, социо- и политогенеза восточных славян, их взаимодействию с иными этно-культурными общностями и ряду иных важных аспектов[2].

Опубликованные к настоящему времени результаты археологических исследований, посвящённых истории вятичей, создают хорошую базу для дальнейшего изучения избранного региона. В то же время они, в силу своей природы, лишь в общих чертах могут характеризовать социальные, экономические и культурные особенности верхнеокских земель. Археологическим методам исследования недоступна проблема выявления

---

[1] Наумов А.Н. Куликово поле в XII-XX веках. Историко-географические очерки. Тула: Государственный музей-заповелник «Куликово поле», 2017. 271 с.; Русский исторический сборник. М.: Куликово поле, 2010. 448 с.; Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках куликова поля в конце XII-третьей четверти XIV в.в. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 255 с.; Верхнее Подонье: Археология. История. Выпуск 3: Сборник статей/ Челяпов В.П., Разуваев Ю.Д., Андреев С.И. и др. Под ред. А.Н.Нумова. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008; Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Сборник статей в 2 томах. Вып.2. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2007; Григорье А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н.э. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле": РЕПРОНИКС, 2005. 207 с.; Верхнее Подонье: Природа. Археология. История.: Сб.статей в 2-хт. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2004.; Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История.: Сб. статей в 2-х т. Тула.: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2003; Н.И.Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей в 2-х т. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2002 и др.

[2] Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд-во Брянск. гос. ун-та, 2002; Он же. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник/ Отв. ред. А. А. Бессуднов. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова- Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-ТянШанского, 2017. С.193-208; Он же и Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в.// Восточная Европа в древности и срендневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена–корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2017. С.253-256; Он же и Чубур А.А. Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы// Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць / ЦП НАН України і УТОПІК; ІКЗ «Більськ»; [відп. ред. – І.І.Корост, наук. ред. – О.Б.Супруненко; ред. колегія: О.М.Титова, І.Б.Шрамко та ін.]. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК, 2018. С.193-195. и др.

социально-политических деталей, мировоззренческих позиций населения в его полноте, особенностей административного устройства территории.

Польские исследователи время от времени возвращались к теме истории восточных пределов Великого княжества Литовского. Так, в статье Л.Корчак «Восточная политика Казимира Ягеллона в 1440-1449 годах» 1987 г. анализировалась «русская политика» Великого княжества Литовского после смерти Витовта и убийства Сигизмунда[1]. По мнению историка, смерть Сигизмунда Кейстутовича привела к вовлечению ряда малых центров, среди которых упомянуты и Верховские княжества, в борьбу за власть. Указывается на большое значение докончания 1442 г. в подтверждении ранее пошатнувшегося статуса ВКЛ и привлечении князя Федора Львовича как знатного и значимого союзника, что, в свою очередь (наряду с другими успехами на востоке), укрепило личный авторитет Казимира[2]. Возможно, что переход Козельска, Серенска и Перемышля под контроль Литвы и Федора Львовича стал возможен в результате военных успехов 1447 г. и особых отношений Казимира с Василием Тёмным в их борьбе с претендентами на столы[3]. Статус Верховских княжеств трактуется как «кондоминиум» («Na terenie Wierchowszczyzny przywrócono condominium litewsko-moskiewskie»)[4]. Этот период, по мнению исследователя, стал временем попыток создания и реализации ограниченных внутриполитическими сложностями и зачастую неудачных политических планов князя Казимира на востоке.

Последнее десятилетие XX в. стало временем заметного роста интереса отечественных исследователей к верхнеокской истории. Новый этап интереса к политической истории верховских земель был обозначен выходом в 1993 г. сравнительно небольшой работы А.В.Шекова «Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.)» [5]. В ней был дан очень

---

[1] Korczak Lidia. Polityka wschodnia Kazimierza Jagiellończyka w latach 1440-1449// Analecta Cracoviensia. 1987.Tom XIX. S.277-294.

[2] Там же. С.281-283.

[3] Там же. С.286-287.

[4] Там же. С.291.

[5] Шеков А.В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула: Тульская археологическая экспедиция, 1993. 100 с., ил.

краткий обзор политической истории данной территории с древнейших времён до XVI в. Весьма тщательно был проработан вопрос об истории Волконского удельного княжества и подробностях генеалогии его владетелей. Данная работа до сих пор не потеряла своего значения, так как содержит упоминание большинства известных письменных источников по данной тематике. Не смотря на краткость изложения и большое внимание, отведённое истории одного из многих небольших уделов, она стала знаком начала изменения отношения к верхнеокской истории.

Работа А.Дворниченко «Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.)» продемонстрировала возвращение, после долгого забвения, к теме включения и развития русских земель как составных частей Великого княжества Литовского[1]. В то же время тематика политической и экономической истории конкретно верховских земель была затронута незначительно – вследствие отсутствия достаточного количества необходимых письменных источников. Тем не менее, данная работа внесла значительный вклад в понимание внутриполитической и административной истории русских земель, находившихся в составе Литовского государства. Работа того же автора– «Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства» – не затрагивая прямо вопросов верхнеокской истории, представляет собой крайне ценный труд, посвящённый анализу теорий и систем обоснования подавляющего большинства исследований о ходе, причинах, специфике и особенностях древнерусского политогенеза[2].

Продолжил изучение политической истории верховских земель М.М.Кром, опубликовавший в 1995 г. монографию «Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.». Данное исследование привлекло внимание как российского, так и восточноевропейского научного сообщества (работа получила премию

---

[1] Дворниченко А. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 204 с.

[2] Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2014. 560 с.

Европейской академии). В 2010 г. М.М.Кром опубликовал второе издание своей монографии[1]. В нём термин «западнорусские земли» был заменен на термин «пограничные земли», поскольку автор пришёл к выводу об искусственности термина «Западная Русь» как продукта российской историографической мысли XIX в., не обозначающего какую-либо реальную историческую область либо общность. Для обозначения славянских земель Великого княжества Литовского исследователь использовал термин «Литовская Русь», а также «восточные окраины Литовской державы»[2].

М.М.Кром не ставил своей целью специально выделять Верховские княжества для отдельного рассмотрения, его задачей был анализ истории вхождения в состав России, наряду с княжествами Верхней Оки, также Брянска, Смоленска и иных территорий, которые на рубеже XV-XVI вв. располагались в русско-литовской контактной зоне, а также выяснение и конкретизация позиций различных слоёв местного населения при выборе политической ориентации – на Запад или на Восток (между Москвой и Вильно, Русью или Литвой). В общем ряду выделяемых им городов административные центры Верховских земель названы «верховскими княжескими городками»[3]. Работа М.М.Крома ограничена хронологическими рамками с конца XV в. до завершения первой трети XVI в. Безусловным достоинством характеризуемого труда является большое количество архивных источников, часть из которых была впервые введена в научный оборот. Он весьма важен при рассмотрении финального этапа истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона, содержанием которого стало завершение процесса вхождения этой территории в состав российского централизованного государства, но является территориально слишком широким, хронологически же и и предметно слишком узким, чтобы служить в качестве полноценного исследования по верхнеокской истории.

Вопросы истории земель Верховского (Верхнеокского) исторического

---

[1] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с

[2] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С.7-8.

[3] Там же. С.154.

региона с момента их заселения славянами и до времени их вхождения в состав российского централизованного государства всего несколько раз разрабатывались учёными в ходе подготовки кандидатских диссертаций. Попытками такого рода стали диссертации А.В.Ковылова и Д.Н.Александрова, появившиеся практически одновременно. Главным их достоинством оказалось привлечение внимания к тематике и предмету их изучения. Д.Н.Александров обратил внимание на особенности политического развития затрагивавших территорию региона государств в XIII-XIV вв., причем верховские княжества были лишь одним из нескольких объектов интереса автора. А.В.Ковылов, в свою очередь, предметом исследования избрал одно Новосильское княжество, на примере которого дал характеристику всего региона. Отметим, что А.В.Ковылов указал как на общеизвестный факт на наличие прямой связи между границами Верховских княжеств и рубежами Земли вятичей. В 1998 г. к защите была представлена кандидатская диссертация А.В.Шекова, имевшая в своей основе прежние изыскания автора в сочетании с большим объёмом собранного им археологического материала[1].

Наступление нового века способствовало увеличению внимания к верхнеокской тематике. На фоне существующего очевидного интереса к истории верховских земель, обозначенного вторым изданием монографии М.М.Крома, в 2010 г. появилась новая работа А.В.Шекова о Верховских княжествах, в которой он изложил результаты своих весьма длительных исследований данной проблематики[2]. Труд посвящен истории Верховских княжеств с середины XIII в. до середины XVI в.: указывается, что являясь наследниками Черниговского княжества, эти государственные образования сыграли значительную роль в истории Руси XIV-XV вв., а затем были в числе последних удельных владений Московского государства XVI в. Работа написана на основе исторических и археологических источников. Большое место уделено вопросам исторической

---

[1] Александров Д.Н. Русские княжества в XIII – XIV веках. Пути политического развития (Смоленское, Брянское, Верховские). Дис. канд. ист. наук. М.: 1996; Ковылов А.В. Новосильское княжество и новосильские князья в XIV-XVI вв. Автореф. дис. канд ист. наук. Орел: 1997, 20 с.; Шеков А.В. Верховские княжества (вторая половина XIII – середина XVI вв.). Автореф. канд. ист. наук. М.: 1998. 21 с.

[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012.

географии Верховских княжеств, особенно – Новосильского и Тарусского. Текст дополняют иллюстрации и карты. Самая большая 2 глава (36,5% работы) носит название «Общий очерк истории Верховских княжеств». Автор активно использует точки зрения своих предшественников, многократно обращается к их сочинениям. Используются работы польских исследователей: С.М.Кучиньского (Kuczyński) и К.Ф.Ожаровского (Ożarovski – Wolff Jozef). А.В.Шеков рассматривает историю Верховских княжеств как вариант финального развития крупного государственного образования, сложившегося в древнерусское время, а именно – Черниговского княжества. Исследователь особо подчеркивает, что верховские княжества оформились в политико-административном плане на основе феодальных владений черниговских князей домонгольской эпохи. В этом А.В.Шеков видит основную причину столь долгого владения потомками черниговских князей значительными территориями в Верхнем Поочье[1]. В развитие и углубление рассматриваемой темы А.В.Шековым в 2018 г. выпущен труд под название «Политическая история и география Верховских княжеств», заявленная как работа, продолжающая рассмотрение заявленной ранее тематики[2]. Как указано в предисловии, «в настоящем издании автор исправил замеченные опечатки, неточности и ошибки... Все разделы дополнены новыми материалами»[3]. Фактически монография представляет собой новое, расширенное, дополненное и исправленное издание предыдущей монографии. К числу несомненных её достоинств относится очень высокая насыщенность и «плотность» проработанного и использованного источникового и историографического материала, предоставляющая заинтересованному читателю весьма широкий объективный обзор источников и исследований, посвящённых тематике.

Все работы А.В.Шекова, посвящённые указанной тематике, имеют целый ряд несомненных достоинств и опираются на результаты археологических раскопок. В них преобладают археологические методы исследования, широко

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. С.277.

[2] Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в./ А.В.Шеков. М.: Квадрига, 2018. 522 с.: ил.+ карты.

[3] Там же. С.6.

используется анализ археологических источников, большое внимание уделяется детальному описанию археологических находок. Рассмотрение политических вопросов истории Верховских княжеств занимает менее половины авторского текста. Эти исследования являются хорошей отправной базой для продолжения проработки истории возникновения, развития и вхождения Верховских княжеств в состав Российского государства. Свои работы А.В.Шеков ограничивает серединой XIII в., практически не исследуя наличие связей (пусть даже и непрямых) с предшествующими историческими периодами. Кроме того, традиционное восприятие в качестве одной из важнейших целей существования постдревнерусских княжеств борьбы за освобождение от ордынского ига, не позволило автору оценить первостепенную значимость золотоордынских правового, политического и оборонного пространств, а также присущих им практик, в формировании собственно Верховских княжеств и ходе всего восточноевропейского исторического процесса. Золотая Орда и сформированная в результате её функционирования цивилизация (во всех его аспектах) описывается исследователем исключительно как внешний, чуждый и агрессивный фактор для русских и литовских (в широком смысле) политических, военных, экономических, социальных и культурных процессов, несмотря на их тесную и органическую внутреннюю связь, непрерывно эволюционировавшую и модифицировавшуюся со второй половины XIII в.

К настоящему времени отечественными и зарубежными учеными накоплен обширный исследовательский материал о прошлых этапах истории верхнеокских земель. Научные сочинения предшественников являются основой для продолжения изучения процессов развития верхнеокской территории, определения их качественных особенностей и представления обоснованных выводов. В тоже время следует указать, что аспекты, относящиеся к комплексному рассмотрению истории региона в его географической широте, хронологической глубине и междисциплинарной полноте до настояшего времени до настоящего времени не получили своего научного отображения, а соответственно и анализа. Накопленные информационные массивы зачастую

являются хронологически разорванными исследованиями, посвящёнными разным периодам единого регионального исторического процесса. Одной из широких задач данной работы и является исправление сложившейся негармоничной ситуации.

В завершение историографического обзора рассматриваемой темы целесообразно отдельно охарактеризовать состояние историко-географических исследований, наряду с прочими отраслями научного знания, весьма важных для проработки вопросов, затрагиваемых в настоящей работе. Работы основоположников отечественной исторической географии (В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, С.М.Середонина, А.А.Спицына, Н.П.Барсова, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, М.К.Любавского и ряда других) относятся скорее к области исторических изысканий в области, традиционно относимой к сфере изучения географических дисциплин: влияние ландшафтов на расселение и колонизацию, особенности установления государственных границ, связь между национальным характером и доминирующим рельефом и т.д. Работы названных ученых были, в первую очередь, работами историков, обративших внимание и указавших на влияние естественно-географических факторов на исторические процессы. Специальные методологические вопросы в них практически не прорабатывались. Активизировавшиеся в начале XX в. историко-географические исследования к середине столетия практически прекратились, хотя исследователями явно ощущалась необходимость использования не только классово-экономического подхода, но и других методов, привлекающих хорошо проработанный инструментарий естественно-научных дисциплин.

Возрождение интереса к историко-географической тематике можно проследить во второй половине XX в. К числу наиболее заметных относятся работы В.К.Яцунского, который в качестве предмета исторической географии определил «пространственную локализацию исторического процесса»[1]. После него в историческую географию хлынул поток работ по изучению ландшафтов

---

[1] Яцунский В.К. Историческая география: История её возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 333 с. + 17 карт.

прошедших эпох, топографии городов, географических сред, историю эксплуатации природных ресурсов, влияние особенностей природопользования на расселение и т.д. Вопросы методологии регионального исторического анализа относительно поздно стали предметом научного внимания и изучения. В 1980-е гг. в науке утвердилось в качестве направления изучение исторической географии ландшафта. Первопроходцем в данной сфере стал вице-президент Географического общества СССР профессор В.С.Жекулин. Изданная им в 1982 г. монография «Историческая география: предмет и методы» стала этапной в развитии этой дисциплины[1].

Массированное обращение преимущественно к географической и экономической тематике в некоторой степени создало впечатление потери значимости части историко-географических исследований, имевшей отношение к социально-политической истории. Вследствие этого, весьма продолжительное время происходило отдаление историческо-географических изысканий от основного потока исторического знания. На рубеже XX-XXI вв. обозначилось (а в последние годы усилилось) возвращение исторической географии к своим истокам[2]. Конкретное изучение региональной истории выявило ряд сложных вопросов, решение которых в рамках привычного исторического инструментария, основанного, прежде всего, на использовании письменных источников, оказалось крайне затруднено. Применение в исследовании данных археологии, ориентированных, зачастую, лишь на фиксацию факта обнаружения артефактов, их атрибутацию и типологизацию, также иногда было весьма затруднено, поскольку археология, несмотря на всю свою материальность и доказательность, не может обычно помочь, в частности, в решении ряда вопросов - к примеру, прохождения политических границ в разное время, что важно для адекватного рассмотрения и изложения вопросов политической и социальной истории. Вследствие этого ощущается насущная потребность в нахождении

---

[1] Жекулин В.С. Историческая география: Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с

[2] См. Моргунов Ю.Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович)/ Ю. Ю. Моргунов; [отв. ред. А. А. Медынцева]; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. Вологда : Древности Севера, 2019. 375 с.: ил.

дополнительного исторического инструментария для научного изучения огромного пласта локальной истории, не всегда охваченного исторического анализом на протяжении огромных хронологических периодов.

Следует признать, что историческая география сейчас представляет совокупность столь различных по целям, задачам и методам дисциплин, что применение этого термина, в некоторой степени, потеряло прежнюю дефинитивную точность: исследование может быть посвящено как истории какой-либо территории, так и истории изменения ландшафтов в течение геологических периодов. Впрочем, многие исследователи успешно используют различный географический «инструментарий» для решения конкретных задач: к примеру, рассматривают степень воздействия и зависимости (прямой и обратной) политических границ от географических рубежей и пределов. В частности, удачными и актуальными для использования в настоящем исследовании оказались работы Е.А.Шинакова, детально и подробно рассматривающие особенности воздействия физико- и историко-географических факторов на демографические и этнополитические процессы, протекавшие в средневековой Восточной Европе, в регионах, непосредственно прилегающих к здесь рассматриваемому[1].

Современная география (в своей исторической подотрасли) вполне способна дать большой исторической науке инструментарий, уже разработанный и опробованный в ходе её междисциплинарного использования. Монография Л.Б.Вампиловой «Региональный историко-географический анализ. Система методов исследования в исторической географии» вполне доказательно иллюстрирует это положение[2]. В работе весьма подробно показаны методы и методики осуществления историко-географического анализа, с примерами и

---

[1] Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. №8. Мінск, 1996.С.236-255.; Он же. К вопросу о естественных и антропогенных границах стародубского ополья в конце X-XII вв// Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Тезисы докладов и сообщений II межвузовской научной коноференции. Белгородский государственный педагогический институт, 1990; Он же и Лобанов Г.В. Физико-географические регионы и характер размещения населения на северо-западе новгород-северских земель в IX –XII вв.// Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск: РИО БГУ. 2016. С.173-179 и др.

[2] См.: Вампилова Л.Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследования в исторической географии. Кн.2. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2008. 148 с.

пояснениями. Имеются и другие исследования, посвящённые данной тематике, получившие отражения в ряде книг и статей. В их числе следует упомянуть работы Л.В.Смирнягина, в большей степени сосредоточенные на районировании зарубежных стран, исследования А.Г.Манакова, в большей степени посвящённые проблематике Северо-Запада России и др[1].

К счастью, принципиальное отличие историко-географических исследований от многочисленных работ краеведческого характера вполне понятно и заключается в масштабности, хронологической протяжённости и степени субъектности рассматриваемого в работе объекта. Если первые два параметра понятны, то относительно субъектности наиболее явным является уровень самостоятельности объекта изучения – в какой степени выявленные и отмеченные внутренние (региональные) процессы, оказываются влиятельными и значимыми для объектов внешних (национальных или федеральных). Также степень самостоятельности рассматриваемого объекта проявляется в том, как лидеры (вожди, руководители), авторитетные внутри объекта, действуют и воспринимаются за его пределами, насколько адекватно воспринимаются их притязания на значимость и влиятельность во внешней среде. Решение о степени субъектности политико-географического объекта должно основываться на точном и чётком анализе как внутренних процессов, так и его внешней авторитетности и «заметности» для внешних исторических акторов. Важным, в дополнении к озвученному, видится и признание *другими* (внешними) достоверно самостоятельными историческими акторами самостоятельного же существования

---

[1] Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках// Известия РАН. Серия географическая. М.: Наука, 2016. С.7-19; Он же. Методические подходы к районированию в общественной географии// Вестник Московского университета. Серия 5: География, Издательство МГУ, № 6. 2011. С.9-11; Он же. Общественная география. Федерализм. Регионализм: публикации 1989 - 2005 годов / Л. В. Смирнягин. Москва: «КомКнига», 2005. 464 с., ил.; Он же. Региональная политика России// Известия Русского географического общества. Т.128 № 3. М.: Наука, 1996. С.29-32; Он же. Развитие стран. Некоторые подходы к проблеме измерения уровня и динамики// География. Т.433. № 24. 1999. С.8-9; Он же. Узловые вопросы районирования// Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 1. М.: Наука, С.5-16 и др.; Манаков А.Г., Вампилова Л.Б. Периодизация и районирование в исторической географии: методика и опыт: Монография. Псков: Псковский государственный университет, 2015. 192 с.; Он же. Топонимические свидетели этногенеза славян. Псков: Изд-во ПГПУ, 2008. 264 с.; Он же. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с. и др.

изучаемого объекта либо статуса его руководителей на протяжении длительного периода.

Судя по всему, территория Верхнеокского исторического региона, в полной мере выступает в качестве целостного объекта, чья «субъектность» вполне достаточна для проведения комплексного научного регионального исторического исследования на базе широкого круга письменных источников разного рода, результатов археологических изысканий и профессиональных исторических исследований, прямо или косвенно затрагивающих избранную тематику.

§ 2. Физико-географические особенности рассматриваемой территории: геоморфология, гидрология, почвы, растительность

Территория, рассматриваемая в настоящей работе, географически относится, преимущественно, к бассейну Верхней Оки, а потому представляется обоснованным, во избежание затрудняющего восприятие информационного и стилистического нагромождения, предварительно дать общую физико-географическую её характеристику. Большая её часть размещается на Среднерусской возвышенности, а также прилегающих к ней с севера территориях Москворецко-Окской, с запада – Окско-Донской и с востока – Придеснинской равнин. Сама Среднерусская возвышенность характеризуется «рельефом возвышенной равнины с пологоволнистыми, частично пологохолмистыми и пологоувалистыми водораздельными пространствами с абсолютными высотами от 220-230 до 270-280 м, довольно глубокого расчлененными долинно-балочной и овражной сетью… наибольшие высоты приурочены к северной части возвышенности»[1].

По сути, эта возвышенность «представляет собой плато, приподнятое в средней меридиональной полосе и постепенно понижающееся к окраинам… Наивысшая отметка абсолютных высот возвышенности (310 м) приурочена к Окско-Донскому водоразделу в районе между городами Мценском, Плавском,

[1] Гидрогеология СССР. Т.IV. Воронежская, Курская, Белгородская, Брянская, Орловская, Липецкая, Тамбовская области. М.: Издательство «Недра», 1972. С.28

Ефремовом и Новосилем»[1]. Её западный «склон» «…несколько положе и длиннее восточного. Склон этот постепенно понижается к Днепровской низменности…На востоке он холмист, на западе переходит из холмистого в полого-волнистый, …а затем распадается на низкие плоские широкие холмы и незаметно сливается с обширным низменным левобережьем Десны с абсолютными высотами 120—140 м»[2]. Выровненный характер Среднерусской возвышенности обусловлен её геологической историей: правобережье Оки представляет собой «…сильно расчлененную доледниковую равнину»[3]. С запада к ним прилегают «водно-ледниковые равнины … Угринской и Жиздринской низин… Большая часть пространства представляет собой преимущественно зандровую равнину» (то есть пологую волнистую равнину, в основе сложенную песчано-галечными отложениями, возникшими в результате размывания края ледниковой морены – М.А.)[4].

По Среднерусской возвышенности, где размещаются (в значительной своей части) современные Тульская, Орловская и Калужская области, а также юг Московской области, проходит важнейшая геоморфологическая и ландшафтная граница – главный водораздел, разделяющий сток рек волжского, донского и днепровского бассейнов. Специфической чертой его в этой части большой Восточно-Европейской равнины является «переплетённость» рек различных бассейнов: «…линия главного водораздела… не всегда совпадает с самыми высокими точками междуречий. Часто верховья рек противоположных систем лежат в общем понижении… Река Шат (система Оки) вытекает из Иван-Озера, которое весной питает и Верхний Дон»[5]. Чрезвычайная географическая близость истоков рек разных бассейнов (фактически в «шаговой доступности») наблюдается также в местах соприкосновения бассейнов Оки и Десны (рр.Снежеть, Вытебеть, Нугрь, Навля, Орлик, Нерусса, Рессета и т.д.).

---

[1] Геология СССР. Т.VI. Брянская, Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовские области. Часть 1. Геологическое описание. М.: Государственное издательство геологической литературы, 1949. С.20.

[2] Там же.

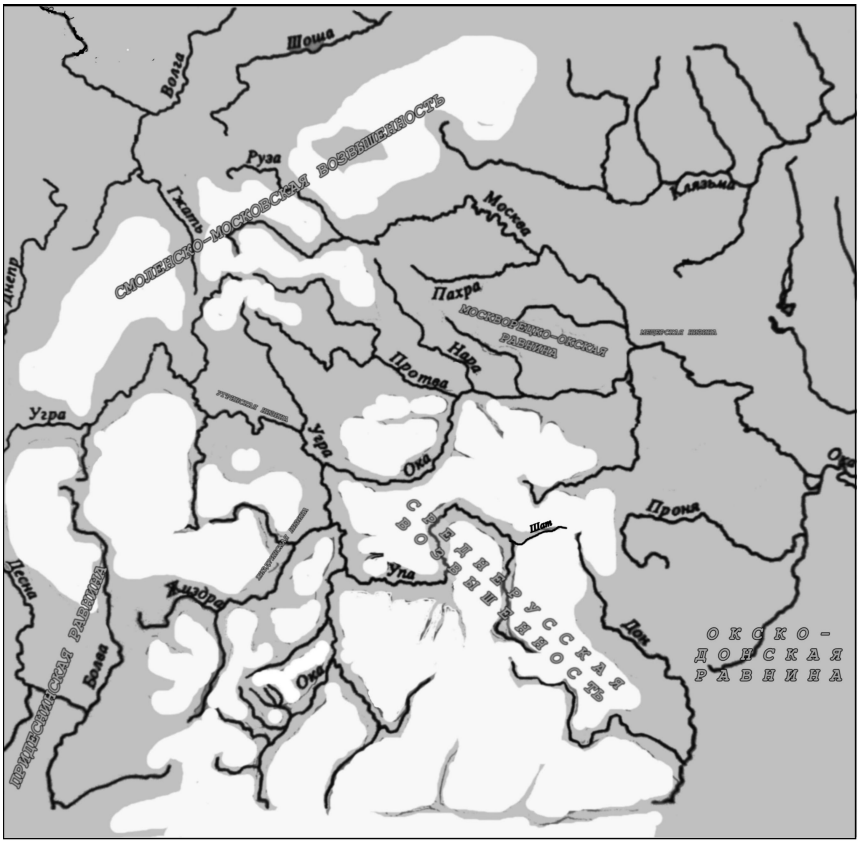
[3] Гидрогеология СССР. Т.1. Московская, Калинимнская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская области. М.: Издательство «Недра», 1966. С.105.

[4] Там же. С.102.

[5] Гидрогеология СССР. Т.1. С.48

Рисунок 1

Бассейн Верхней Оки и рельеф прилегающих территорий



Не удалены друг от друга и соприкасающиеся на самом северо-западе бассейна Угра с Десной и малыми днепровскими притоками – рр.Осьмой, Вязьмой, Рясьмой и т.д. Таким образом, межбассейновый переход для речных судов с малой осадкой становиться не слишком сложной с организационной точки зрения операцией.

Особенностью прилегающих к Оке с севера «равнин Подмосковья являются плоские и широкие междуречья и глубокие, хорошо разработанные речные долины… В долине р.Москвы… наблюдается до трёх ступеней надпойменных террас,… а также широкая пойма. …Широкие и хорошо разработанные долины имеют также реки Протва и Нара – притоки Оки»[1].

Упомянутая как наиболее высокое место Среднерусской возвышенности местность между Мценском, Плавском, Ефремовом и Новосилем относится к «внеледниковой части Средне-Русской возвышенности»[2]. Здесь берут начало реки

[1] Там же. С.99.
[2] Там же. С.106.

окского и донского бассейнов (Зуша, Плава, Красивая Меча и др.), долины которых «…глубоко врезаны и принимают в себя большое количество глубоких балок и оврагов… Междуречья имеют пологоволнистую поверхность, часто они увалообразные»[1].

Важным для характеристики территории и успешного ведения сельскохозяйственной деятельности является плодородие почв. В целом следует признать данный потенциал рассматриваемой территории весьма высоким. Именно здесь проходит естественная граница чернозёмной и нечернозёмной зон Восточно-Европейской равнины. В северной части (южное Подмосковье, Калужская, север и северо-запад Тульской области) преобладают подзолистые почвы: «…дерново-подзолистые (слабо- и среднеоподзоленные) суглинистые почвы чередуются с серыми лесными почвами»[2]. Отсюда (при движении с с северо-запада на юго-восток) явно и выраженно прослеживается изменение характера почв от дерново-подзолистых до выщелоченных и оподзоленных черноземов[3]. Юг Тульской области относиться к «лесостепной зоне, где на глинистых и суглинистых дерново-подзолистых почвах, сменяющихся местами плодородными серыми лесными землями и черноземовидными почвами, раскинулись поля»[4]. Юго-восток Тульской и восток Орловской областей являются зоной преобладания чернозёмов различного качества. В то же время, здесь «в долинах рек преобладают аллювиальные, местами песчаные и лугово-черноземные почвы»[5].

Характеризующим признаком региона также является проходящая через него граница между двумя основными природными зонами – лесной и степной. Через бассейн Верхней Оки проходит граница зоны лесов (широколиственных и смешанных) с лесостепью (луговыми степями). Связь этих типов растительности с характеристиками почвенного покрова очевидна, поскольку чернозёмы

---

[1] Там же.

[2] Геология СССР. 1971. Т.IV. С.35.

[3] Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: 2001.

[4] Геология СССР. 1971. Т.IV. С.35.

[5] Гидрогеология СССР. Т.IV. С.46.

возникли как следствие и результат развития степных ландшафтов[1]. Безусловно, глобальные климатические изменения влияли на иногда весьма внушительное смещение границ этих природных зон, но, в целом, вследствие длительности периодов накопления плодородных чернозёмных слоёв их в сопоставлении с относительной краткостью существования человеческих социумов на этой территории, их можно полагать практически постоянными.

Среднерусская возвышенность в своей западной и северной части относиться к зоне смешанных лесов (широколиственной и лиственной в разных своих вариациях). В противоположность им, восток и юг Орловской, а также ряд прилегающих к ним районов других областей расположены «в лесостепной зоне, для которой характерно чередование на водоразделах луговых (или северных) степей и лиственных лесов (дубовых, березовых, осиновых). Сосновые леса здесь приурочены преимущественно к песчаным участкам в долинах рек»[2].

Специфической чертой рассматриваемой территории является наличие так называемых азональных ландшафтов, нетипичных для своего географического местоположения и окружения. К их числу относится, в качестве примера, юго-восточная часть Тульской области, нетипичная «в ландшафте лесной зоны центральных областей»[3]. Низкая степень её облесённости и богатство степных биоценозов дополняет описание.

К числу азональных также относят распространённые по западу и северу рассматриваемой территории ополья и полесья, находящиеся в лесной зоне и существующие в тесной связи друг с другом. «Полесья представляют собой обширные обычно сильно заболоченные зандровые равнины, которые расположены среди моренных равнин, покрытых смешанными лесами. Почти сплошной покров песчаных отложений, на которых формируются песчаные подзолистые почвы, обусловливает широкое распространение хвойных лесов,

---

[1] Докучаев, В.В. Картография русских почв: Объяснительный текст к почвенной карте Европейской России, изданной Департаментом земледелия и сельской промышленности / сост. по поручению Департамента В.В. Докучаев, магистр геологии и минералогии. Санкт-Петербург: Типография Киршбаума, 1879. С.61-62, 110,113; Вильямс В.Р. Почвоведение. Курс лекций читанных в Московском Сельскохозяйственном Институте в 1900-1901 г. М.: Типо-литография В.Рихтер,1900. С.38-40. (216 с)

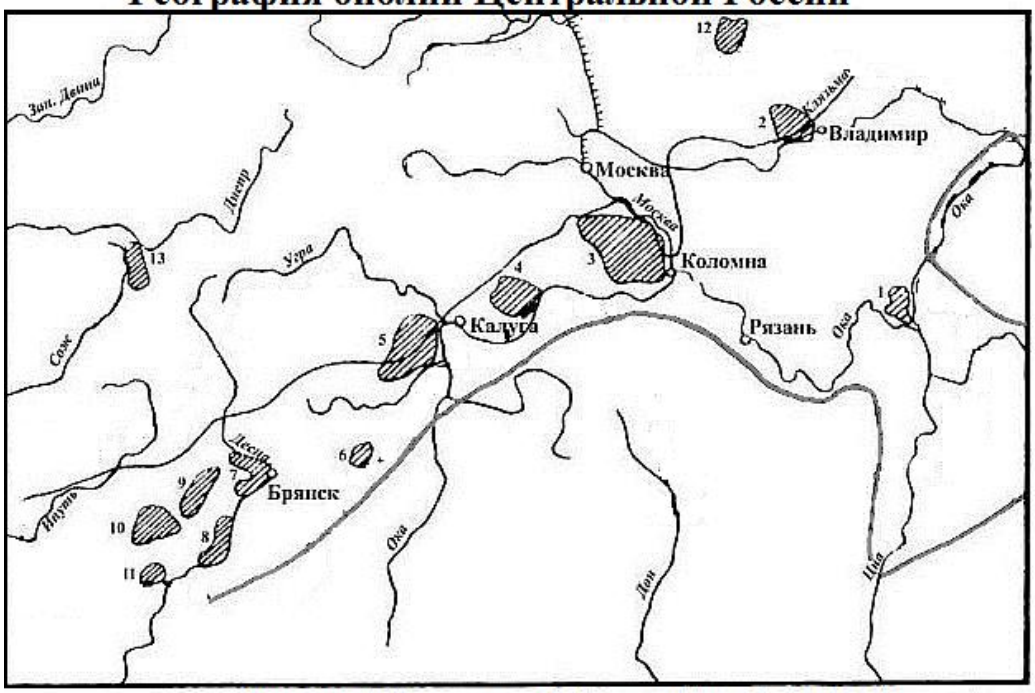
[2] Гидрогеология СССР. Т.1. С.48.

[3] Гидрогеология СССР Т.1. С.54.

особенно разного типа сосновых боров»[1]. Непосредственно соседствующие с ними ополья «занимают возвышенные, расчлененные (а следовательно, хорошо дренируемые) районы, где материнской породой для почв являются легкие лёссовидные суглинки. На них формируются плодородные «серые лесные земли» почвы, содержащие гумуса до 10%, т. е. вдвое больше, чем подзолистые. Такие почвы разбросаны в зоне подзолистых почв и лесов отдельными островками и резко выделяются всем обликом своего природного ландшафта. На этих островках междуречья совсем безлесны, повсеместно распаханы (почему и называются опольями), леса узкими полосками вытягиваются лишь вдоль рек»[2].

Рисунок 2

География ополий Центральной России



Ополья : 1 - Касимовское; 2 - Владимирское; 3 - Подольско-Коломенское; 4 - Тарусское; 5 - Мещовское; 6 - Ульяновское; 7 - Брянское; 8 - Трубчевское; 9 - Присудостьское; 10 - Стародубское; 11 - Вара-Судостьское; 12 - Переславское; 13 - Смоленско-Починковское.

граница Московского оледенения

северная граница лесостепи

Система ополий Центральной России давно изучается географами и историками[3]. Они протянулись от бассейна Припяти до Предуралья и включают в

---

[1] Геология СССР. 1971. Т.IV. М.: Недра, 1971. С.35-36.

[2] Там же. С.36.

[3] Ахромеев Л.М. История изучения ополий Центральной России: ландшафтный аспект// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2000. № 1. С.19-22; Николаев В.А. Парагенезис полесий – ополий Центральной России// Вестник Московского университета. Серия 5. География.

себя более десятка ландшафтных структур. Список их явно неполон и отчасти противоречив вследствие применения не до конца устоявшейся терминологии и дефинитивного аппарата, что обусловлено незавершённостью процесса их полной идентификации и классификации. В частности, не до конца признан и решён вопрос о месте в географической классификации т.н. рязанских степных ополий: Михайлова (Михайловского) поля, Пронско-Рановского, Пара-Пожвинского и Цнинского ополий[1]. Ряд такого рода спорных объектов (ополья Смоленско-Починковское, Переяславское и др.) находится вне границ рассмотрения настоящей работы.

Феномен ополий хорошо известен историкам и археологам, занимающимся исследованием восточнославянской тематики. Распространённые на территории современной России, Украины и Белоруссии, они стали основой для освоения этих земель в ходе славянской колонизации и расселения. Полоса столь значимых для успешного ведения хозяйства ландшафтных образований протянулась по территории современной России от среднего течения Десны до западных пределов владимирских земель. Ополья «…издавна служили житницей Центральной России. На их основе… шло становление средневековой восточнославянской цивилизации»[2]. Данные археологии позволяют отследить возникновение и становление предгородских поселений на базе ополий соседнего Деснинского региона[3].

Помимо почвенного плодородия, окружённые полесскими лесами ополья не испытывали больших проблем с таким важным, но в настоящее время недооценённым и жизненно важным ресурсом как дрова. Видовой состав окружавших их смешанных лесов представлен преимущественно долгорастущими (дуб, липа) и среднерастущими (ольха, береза, сосна) видами.

2013. №1. С.45-50.

[1] См. Стрикалов И.Ю. Рязанские ополья: динамика и характер колонизации в XII−XV вв.// Российская археология. 2015, № 4, С.158–171; Русаков П.Е. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля// Великое княжество Рязанское: историко-археологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С.397-412.

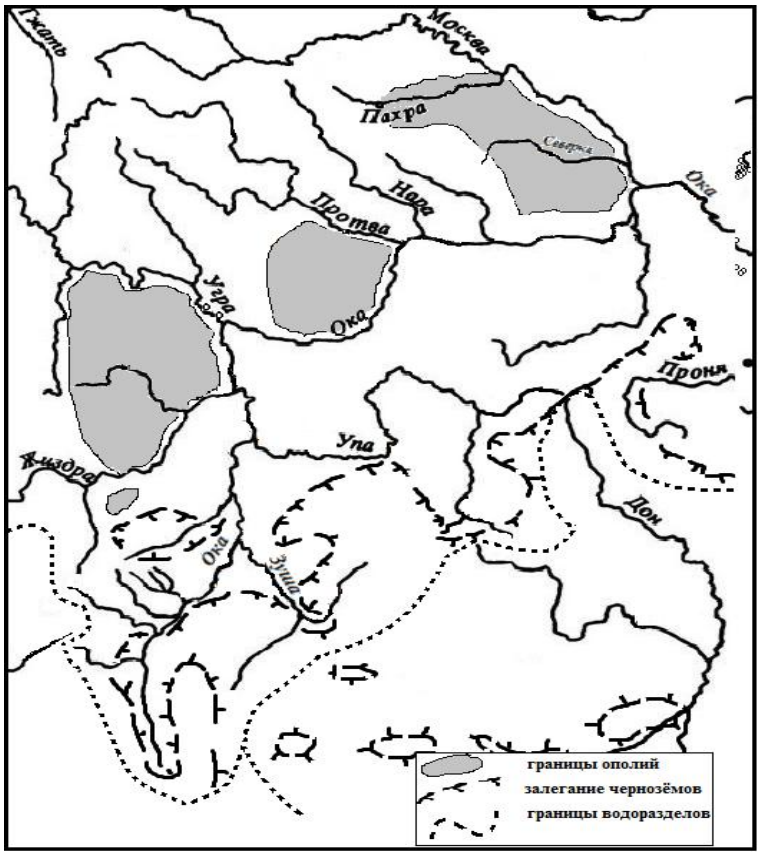
[2] Николаев В.А. Парагенезис полесий – ополий. С.47.

[3] Шинаков Е.А. Освоение ополий в X – XII вв.// Брянские ополья: Природа и природопользование. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1991.С.81, 83.

При значительном увеличении численности населения, нуждающегося в длительном периоде отопления, а также при использовании необходимой в жизнедеятельности деловой древесины, вследствие оседлости населения древесный ресурс достаточно быстро начинает истощаться. Преимущество наличия и доступности качественной древесины (наряду с прочими обстоятельствами), по всей видимости, и заставляло ранее проживавших в степной и лесостепной местности восточных славян рассматривать окружённые лесами северные, но плодородные территории ополий в качестве вероятного места переселения.

Рисунок 3

Физико-географические особенности рассматриваемой территории



Несложно заметить, что в зону вятичского контроля можно уверенно включать Мещовское, Подольско-Коломенское и Тарусское ополья, а также, вероятно, небольшое Ульяновское[1]. Первые два из них являются наиболее богатыми на находки, относящиеся к рассматриваемому хронологическому

[1] Карта приведена по Ахромеев Л.М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополий Центральной России. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2008. С.7.

периоду. Подольско-Коломенское, ставшее основой так называемого Москворечья (южной части современной Московской области в междуречье рек Москва и Ока) является наиболее подробно изученным из них, но, выступая в качестве пограничной и поздно освоенной зоны вятичско-роменского этнокультурного ареала, представляет собой явление особое и нуждающееся в отдельном рассмотрении[1].

В последнее время активно исследуется Мещовское ополье, располагающееся на равнине площадью около 3,5 тыс. кв. км, ограниченной течением рек Жиздра, Теча, Угра и Ока с географическим (но не административным) центром в городе Мещовск (центральная часть современной Калужской области). Это – типичное восточноевропейское ополье, представляющее собой безлесную плодородную, увлажнённую, но неболотистую равнину в окружении лесов («полесий»). Мещовское ополье стало основой и базой формирования северо-западной части Верхнеокского исторического региона. Важным фактором для этого является то обстоятельство, что «преобладающими типами почв здесь являются серые и светло-серые лесные на суглинистой основе, встречаются богатые гумусовые лесные почвы мощностью до 0,5 м и более в местах расположения намытых почв, а также дерново-подзолистые луговые»[2].

Не следует исключать выявление в дальнейшем на рассматриваемой территории других природно-экономических структур, подобных описаным выше. В частности, южная полоса рассматриваемого региона находится на границе лесной и лесостепной зон, потому классический вариант северного лесного ополья, с его пологоравнинных рельефом и плодородными серыми почвами на лёссовидных суглинках в окружении лесов не является здесь типичным. В то же время, присутствие здесь довольно обширных слаборасчлененных пологоволнистых равнинных зон, сочетающихся с распространением на них

---

[1] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековтя: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019. С.83-88.

[2] Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным// Краткие сообщения Института археологии. Вып.249. Часть.II. 2017. С.69.

чернозёмных почв разного качества (в частности в окрестностях, прилегающих к р.Нугрь, к истоку р.Ока и её дальнейшему течению до впадения р.Зуша) позволяет говорить о территориях, приближенных по своим качествам к украинским лесостепным опольям[1]. В пользу этого говорит и явная лесистость окружающих описанную местность ландшафтов.

Специфической особенностью геологической истории описываемой местности, наряду с описанным, является то, что «сюда же с севера заходит небольшой язык морены по бассейну р.Оки, поднимаясь до устья р.Оптухи в 15 км северо-восточнее г.Орла»[2]. Это закономерно привело к отмечаемой сглаженности рельефа. Моренные отложения, в свою очередь, вдоль течения р.Оки и р.Нугрь покрыты флювиогляциальными и древнеаллювиальными отложениями высоких террас, а равнинные местности между ними – лёссами и лёссовидными породами[3]. Указанные характеристики сближают значимые для ведения хозяйственной деятельности параметры описываемой территории с параметрами ополий.

Завершая тему азональных ландшафтов, следует упомянуть «болотные и аллювиальные почвы широких долин… больших рек. На поймах рек развиваются заливные луга, на террасах и придолинных склонах —суходольные луга»[4]. Разветвленность речной сети с её многочисленностью различных проточных водоёмов и их русел вкупе с многочисленностью болотистых мест на востоке и севере вели к возникновению ряда необычных и нетипичных для данного природного пояса ландшафтных форм на рассматриваемой территории.

Дополнительными аргументами в пользу благоприятности ряда физико-географических условий на территориях верхнеокского бассейна в целом является многочисленные и несложные в добыче местные залегания болотных руд и гончарных глин[5]. К сожалению, современные данные геологической разведки,

---

[1] Гидрология СССР. Том IV. Воронежская, Курская, Белгородская, Брянская, Орловская, Липецкая, Тамбовская области. М.: Издательство «Недра», 1972. Приложение I Лист 2; Ахромеев Л.М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополий Центральной России. С.7-8.

[2] Геология СССР. Том VI. С.239.

[3] Там же. С. 245. Рис. 47.

[4] Геология СССР. 1971. Т.IV. М.: Недра, 1971.

[5] Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период)/колчин Б.А.

рассчитанные на применение механизированных способов добычи полезных ископаемых практически игнорируют поверхностные, небогатые и небольшие месторождения, пригодные для ручной разработки. В тоже время наличие богатых залежей железных руд, песков, глин и известняков на этой территории не подлежит сомнению[1].

§ 3. Описание применяемых методик, их специфика и особенности

Одной из общих задач настоящей работы является комплексное описание процессов, происходивших на рассматриваемой территории в рассматриваемый период, выявление их специфических и особенных черт в сопоставлении с хронологически параллельными и географически близкими регионами и обоснование на его основе исторической концепции, демонстрирующей и обосновывающей специфику и оригинальность рассматриваемого региона, а также наличие признаков преемственности между различными, последовательно сменявшими друг друга организационными формами территориального контроля и социального бытования. Вследствие этого определение границ объекта изучения для каждого из этапов его существования, выявление основных тенденций и причин их изменения, определение наиболее стабильной и мало подвергшейся изменениям зоны (гипотетического «ядра» территории) представляется принципиально важным.

Уже упоминалось, что особенностью настоящей работы является необходимость анализа и соотнесения значительно различающихся по качественному составу источников: крайне малое число письменных сообщений для ранних периодов (времён славянской колонизации, затем – формирования и функционирования вятичского этнополитического объединения, а также начального этапа черниговского периода) вынуждает обратиться, в первую

// Материалы и исследования по археологии СССР. № 32. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С.36-38.

[1]Геология СССР. Том VI. Брянская, Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовская области Часть 2. Полезные ископаемые, подземные воды, инженерная геология и обзор геофизических исследований. М.: Государственное издательство геологической литературы, 1949. С.31-33, 82,103-105, 113-114 и др. ; Геология СССР. Т.IV. Центр Европейской части СССР (Московская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская, Смоленская и Ярославская области). Полезные ископаемые. М.: Издательство «Недра», 1974. С.188-199

очередь, к результатам археологических исследований, что сочетается с весьма большим по количеству и объёму, но относительно скудно описывающими значимые характеризующие факторы, письменными сообщениями более поздних периодов (период Верховских княжеств и их поглощения Русским централизованным государством). Традиционные методы, применяемые при достаточном количестве письменных источников, в данном случае применимы ограниченно, поскольку имеющиеся сообщения преимущественно косвенно описывают ход процессов на рассматриваемой территории. Необходимым и обязательным для достижения целей исследования является применение мульти- и междисциплинарного подхода к объекту изучения в различных его проявлениях, вследствие чего особое значение приобретает применение системного подхода, основанного, на использовании эффекта от установления междисциплинарных связей.

Выявление маршрутов прохождения меж- и внутрирегиональных границ, детали межрегиональных взаимоотношений и взаимовлияний, хронологические рамки возникновения и развития многих исторических явлений, феноменов и процессов до настоящего времени являются. Одним из способов частичного решения задачи являются методы, относящиеся к сфере географического анализа, многие из которых являются развитием хорошо известного картографического метода. Формирование необходимой для этого информационной базы, в свою очередь, побудило обратиться к результатам экономической и физической географии, археологии, лингвистики, этнографии.

Выяснение первоначальных пределов региона в раннюю (дописьменную) эпоху может быть осуществлено, в первую очередь, с опорой на результаты археологических исследований. Безусловно, что совпадение этнических и политических границ не является обязательным и этнокультурная однородность не предполагает автоматической подчинённость выявленной данными археологии этнокультурной группы единому административному центру. Тем не менее, устанавливаемое археологическими исследованиями культурное единство догосударственных социумов предполагает большую вероятность существования,

по меньшей мере, явных культурно-религиозных, лингвистических и, зачастую, административных связей внутри них.

Основой определения границ региона стало применение развёрнутых форм картографического метода. Очень плодотворным в этой связи оказалось обращение к методикам, применяемым в историческом районировании. Первая, традиционно называемая «*методом наложения», представляет собой* «вычленение историко-географических… районов путём совмещения границ физико-географических (ландшафтных) районов с границами исторических и современных политико-административных образований, территорий компактного проживания этнических и конфессиональных групп населения, наречий и групп говоров, диалектных зон, историко-этнографических областей и т.п.».[1]

Прямое использование имеющегося материала, неоднократно обработанного другими исследователями, могло дать лишь повторение ранее уже полученных результатов. Для выявления новых данных понадобилось обращение к двум другим приёмам – методу ведущего признака и методу плавающего признака. Первый «…нацелен на выделение историко-географических единиц по какому-то одному компоненту»[2]. Второй позволяет применять данные которые «которые то появляются… то исчезают»[3]. При его использовании «…на каждом уровне районирования может использоваться не один или жестко фиксированный набор признаков, а достаточно произвольный, «главный индивидуализирующий признак», по которому собственно и выделяется тот или иной район. Такой признак на одном иерархическом уровне районирования может «плавать», варьировать от района к району»[4]. Все методы достаточно разработаны в географических исследованиях и опробированы в ходе исследований историко-

---

[1] Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Историко-географическое районирование северо-западной России: методика и опыт// Псковский регионологический журнал, №18, 2014. С.85.

[2] Там же.

[3] Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности// IX Сократические чтения. Сб. докладов под ред. В.А. Шупера «Проблемы географической реальности». М.: «Эслан», 2012. С.196-199 (191-200)

[4] Шувалов В.Е. Районирование в трудах экономико-географов//Социально-экономическая география в России/ под общей редакцией П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Русское географическое общество. Владивосток: Дальнаука, 2016. С.109-110. (103-116)

географических.[1]

Первым шагом стала самостоятельная подготовка карт и схем, основанных на выявлении и графическом отражении границ археологических, административных, лингвистических, нумизматических, политических явлений, ареалов и типических находок, что, в сочетании с их наложением на физико-географические карты рассматриваемой территории, дало основу для возможности проведения комплексного анализа. На этом этапе использовались результаты исследований и применения приёмов большинства «неисторических» дисциплин (лингвистики, экономической и физической географии, антропологии и т.д.).

Затем были проведены поиск, подбор и приведение к единому стандарту всего картографического материала: как оригинального, так и подготовленного иными исследователями. Важным и значимым показателем в данном случае стала устойчивая повторяемость границ Верхнеокского (Верховского) исторического региона в разные исторические периоды, что стало весомым аргументом для выявления и фиксации пределов территории, актуальных для различных периодов существования.

В ходе анализа удалось выявить, что рассматриваемый регион отличается своей постоянной «пограничностью» – географические рубежи находятся внутри него, а не выступают в качестве непреодолимых препятствий. Подтвердилось положение, что «не всякая природная граница является маркером историко-географического района, а только та, которая неоднократно «проявляла» себя при формировании политико-административных рубежей»[2].

На основе имеющихся сведений, был проведён региональный историко-географический анализ, который представляет собой «…анализ комплекса сведений, где в пространственно-временном аспекте рассматривается множество составляющих (природная, экономическая, историческая, политическая,

---

[1] Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Историко-географическое районирование северо-западной России: методика и опыт// Псковский регионологический журнал, №18, 2014. С.85.

[2] Манаков А.Г., Андреев А.А. Историко-географическое районирование как междисциплинарный исследовательский проект// Псковский регионологический журнал, №12, 2011.С.111.

этнографическая, топонимическая и др.), а также изучаются взаимосвязи между природой, населением и хозяйством, в частности, взаимосвязи этноса с ландшафтом»[1]. В настоящей работе историко-географические методы являются вспомогательными, нацеленными, в первую очередь, на поиски решения задачи выявления общих границ рассматриваемой территории (как политических, так и ареальных) в течение ряда последующих хронологических периодов. Применённая методика оказалась весьма гибкой и, по всей видимости, носит универсальный характер, что позволяет применять её в большинстве случаев, требующих выявления и определения линии прохождения границ историко-географического региона и подтверждения факта его существования не только в виде формальной административной единицы. В диссертационном исследовании представлены конечные результаты применения описанной методики.

Отмечаемая повторяемость (на разных хронологических этапах) маршрутов прохождения границ региона в периоды существования значительно отличающихся по своим административно-правовым основам управленческих структур стала важным и значимым аргументом в пользу высокой степени вероятности наличия между ними преемственности, что служит аргументом в пользу гипотезы о непрерывности существования региона как историко-географического явления. Наглядно иллюстрирует высказанную гипотезу рис. 4, полученный путём наложения известных в настоящее время границ (ареальных, археологических и политических), относящихся к различным историческим эпохам, на одно географическое пространство.

Явно и чётко прослеживается сходство очертаний границ образований, значительно отстоящих друг от друга хронологически, но чем-то связаны между собой. И весьма вероятными выглядят, в этой связи, некие отношения преемственности, основой которых не может быть только территориальное совпадение, поскольку на рассматриваемой части Русской равнины не существует значимых природно-географических барьеров, способных дать исключительно

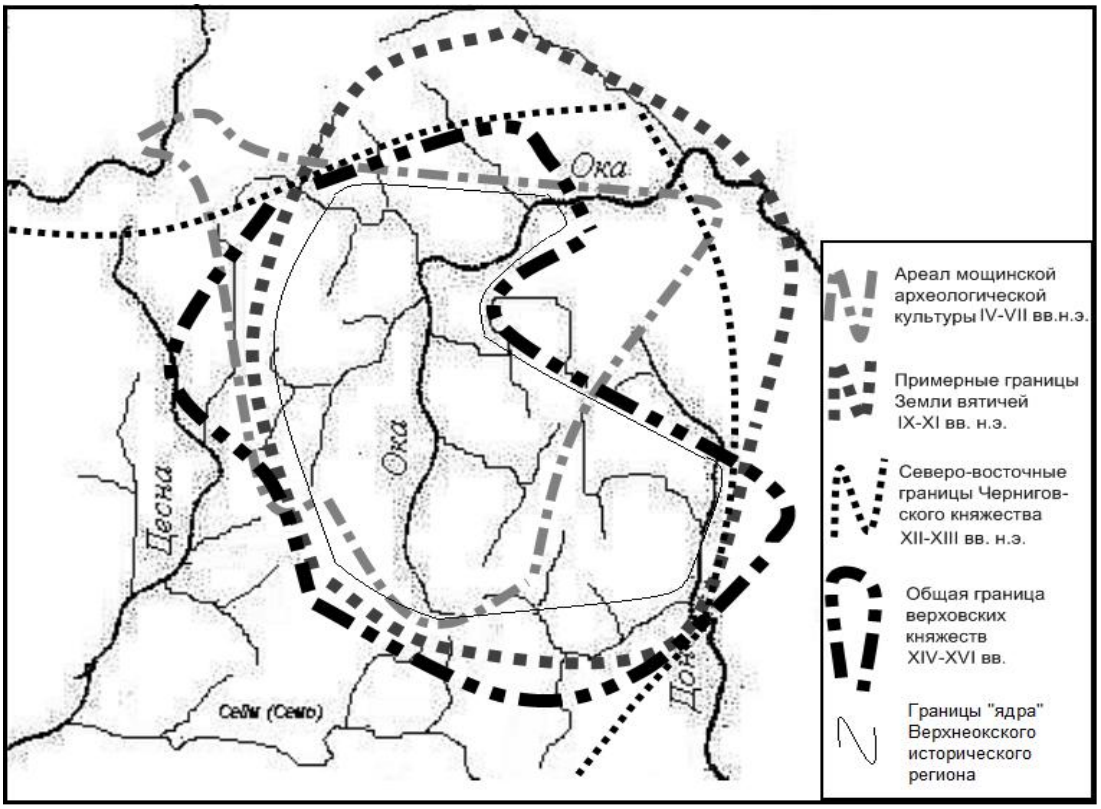
---

[1] Вампилова Л.Б., Дементьев В. С., Манаков А. Г. Метод временных срезов в исторической географии населения: монография / Л. Б. Вампилова, В. С. Дементьев, А. Г. Манаков. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С.9.

физико-географическое объяснение отмеченному феномену – отсутствуют явные физико-географических препятствия (горы, широкие реки либо иные природные рубежи), которые могли бы стать основой для формирования естественной географической границы.

Рисунок 4

Территориальное совпадение историко-географических характеристик различных образований на верховских землях с VI по XVI вв.



Таким образом, **первым этапом** регионально-исторической части данного исследования стало **определение границ исследуемого региона**, уровень субъектности которого должен быть весьма высок для того, чтобы рассматриваемая территория на протяжении достаточно длительного периода (не менее нескольких сотен лет) была достаточно обширной и выступала в качестве субъекта международной военно-политической, культурно-этнической и экономической активности.

Вторым этапом регионально-исторической части исследования стало (ввиду отсутствия на этой территории единого суверенного административного образования в черниговский и верховской периоды) выявление и фиксация так

называемых «реперных точек», то есть наиболее значимых, важных и долговременно существовавших поселений либо местностей, известных по данным письменных (археологических) источников. В качестве «реперов» могут выступать как поселения, так и производственных зоны, месторождения, известные центры торговли, а также иные по какой-либо причине значимые места и местности. В качестве основных реперов в настоящей работе были использованы города Белев, Воротынск, Елец, Карачев, Козельск, Мценск, Кром, Новосиль, Одоев, Серенск, Болхов, реки Ока, Упа, Зуша, Угра, иные географические объекты.[1] Кроме того, были территориально локализованы и получили привязку к населенным пунктам изученные археологические объекты. Выборка письменных и неписьменных источников осуществлялась на основе их отнесения к одному из «реперов» либо непосредственного соприкосновения с «репером».

Третьим этапом регионально-исторической части исследования стала оценка уровня экономического развития региона в части его вовлечённости в систему межрегиональной (международной) торговли. В случае верхнеокских (верховских) земель конца первого тысячелетия важным стало выявление факта прохождения значимых транспортных путей внутри либо в непосредственной близости к изучаемой территории, определение уровня их значимости для межрегиональной (международной) и внутренней торговли[2]. В анализируемый период «крупная магистраль являла собой не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Она вызывала к жизни развитие сложной инфраструктуры …В зонах крупных торговых путей создавались… предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская. Изд. 2. 1908. Стб. 332, 335, 342, 479; ПСРЛ. Т.VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип-я Э.Праца,1856. С.38, 39; ПСРЛ. Т.9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1862. С.171, 203; ПСРЛ. Т.11 Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1897. С.55.; ПСРЛ. Т.13. 2-я пол. Дополнения к Никоновской летописи. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1906. С.342, 404.; Разрядная книга. Сост. М.: Издательство «Наука», 1966. С.154.

[2] Григорьев Г.А. Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С.67-69; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 273-277; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв./ Назаренко А.В. М.: Языки русской культуры, 2001.С.92-94, 108-112.

в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью»[1]. Оценка межрегиональной торговли в этот и последующие периоды шла, преимущественно, с опорой на результаты археологических исследований.

Четвёртый этап регионально-исторической части исследования заключался в отборе, изучении, классификации и анализе прочих возможных видов дополнительной информации. В их качестве могут выступать: упоминания (прямые и косвенные) в дипломатических актах, описаниях путешественников, легендах[2]. Целью этого этапа является максимальное использование любой достоверной и хронологически соответствующей информации для описания истории и ситуации внутри и вне Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

На завершающем пятом этапе регионально-исторической компоненты исследования решалась задача построения повествования на основе собранной, первично обработанной и подготовленной информационной базы. Информация была хронологически ранжирована и проанализирована с целью выявления внутрирегиональных процессов, определения их связи с внешними процессами и воздействиями, в сопоставлении с обоснованными суждениями специалистов, хронологически и географически соответствующими исследуемому периоду и территории.

Использование описанной методики позволило определить **территориальные рамки исследования** и обосновать терминологические новации. Удалось установить очертания исторического «ядра» Верхнеокского

---

[1]Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. – 2009: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. тома Т.Н.Джаксон; отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. М.: Индрик, 2010. С.10-11.

[2] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне/ Заходер Б.Н. М.: «Наука», 1967. 212 с.; Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдье) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. С.403; Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. Издание, перевод и комментарий Д.А.Хвольсона. СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1869. С.32-33; Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства// Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С.281-282; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий/ И.Г.Коновалова; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Вост. Лит, 2009. 223 с. и др.

(Верховского) исторического региона, выступающего как его «…наиболее яркая его часть»[1], осуществить первичную сортировку и хронологическое позиционирование собранного материала для анализа.

Территориальной историко-географической структуре, полученной в результате анализа, требовалось дать определение. Участие в дискуссии о наименовании таксономических единиц, относящихся к географическим характеристикам рассматриваемой территории, не входит в число целей настоящей работы, но применение термина «микрорегион» при описании земель площадью в десятки тысяч квадратных километров не представляется корректным[2]. Применяемая в историко-географических исследованиях терминология (микро-, мезо-, мегарегион) интуитивно ясна, но чёткие количественные критерии до настоящего времени окончательно не определены. Для наименования рассматриваемой территории был использован нейтральный термин «исторический регион», а не более традиционные в географических и историко-географических исследованиях термины («страна», «зона», «провинция», «подпровинция», «область», «макрорегион», «полоса» и т.д.), применение которых обусловлено, зачастую, привычками и традициями[3]. Историко-географическое районирование не должно обязательно совпадать с районированием географическим, что позволяет избегать смешения похожих по форме, но разных по сути явлений.

В качестве основного критерия прекращения существования Верхнеокского (Верховского) исторического региона в настоящей работе понимается ощутимое, заметное и устойчивое на протяжении десятилетий изменение его пределов и

---

[1] Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии// Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 6. С.15.

[2] Вампилова Л.Б. Крылова А.Н. О подходах и принципах к историко-географическому районированию в зарубежных опытах пространственно-временных исследований// От карты прошлого – к карте будущего: сб.; науч. тр.: в 3 т. / отв. ред. С. В. Пьянков; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Т. 1. С.41-47; Манаков А.Г., Андреев А.А. Историко-географическое районирование как междисциплинарный исследовательский проект// Псковский регионологический журнал, №12, 2011. С.101-112.

[3] Мильков Ф.Н. Итоги физико-географического районирования Центральных черноземных областей// Природное и сельскохозяйственное районирование СССР. Вопросы географии. Сборник пятьдесят пятый. М.: Государственное издательство географической литературы, 1961. С. 42-44 (42-48); Физико-географическое районирование СССР. Характеристика региональных единиц. По ред. Проф. Н.А.Гвоздецкого. М.: Издательство Московского университета, 1968. С.9-10, 55-57, 82-83. (576 с.); Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития// Региональные исследования. №3 (49). 2015. С.23-24. (19-29)

рубежей, следствием которого стало кардинальное (вплоть до исчезновения значимых черт) изменение административно-управленческой и финансово-экономической системы, которое, в свою очередь, обусловило ряд демографических и культурных модификаций, в новом своём состоянии не позволяющих рассматривать земли в новом состоянии как части прежнего единого целого, значительно отличающиеся от своих ближайших территориальных соседей. Хронологическим пределом существования для Верхнеокского (Верховского) исторического региона стала середина XVI в., после чего произошла окончательная интеграции рассматриваемых земель в Российское государство.

Полученные (после анализа и структурирования) результаты в виде повествования излагаются в тексте настоящей работы. В целом, они стали подтверждением изложенной рабочей гипотезы. Установленные территориальные пределы объекта рассмотрения представляют, преимущественно, земли бассейна Верхней Оки, ограниченные на западе деснинским бассейном, на юге – водоразделом р.Сейм, а на востоке включающие бассейн верхнего Дона (см. Карту №1). Более подробное описание маршрутов прохождения границ не представляется целесообразным ввиду очень высокой степени их мобильности (даже в пределах отдельных и обоснованных этапов развития исторического региона) и недостаточности письменных источников, особенно в ранние периоды. В частности, подтверждённая археологически этнокультурная и религиозная принадлежность к вятичам, судя по всему, могла сочетаться с военным и фискальным контролем со стороны доминирующей близкорасположенной вооружённой группировки того или иного норманнского клана (Рюриковичей etc.). Точное выявление на местности и во времени линий прохождения границ влияния, контроля и администрирования на территории бассейна Верхней Оки нуждается в отдельном историческом исследовании.

В ходе исследования региональных особенностей, помимо «картографического» единства, удалось проследить ряд видов преемственности (экономической, политической, этнокультурной), проявивших себя в различных

аспектах. Возможность выявления культурной преемственности населения региона, относящегося к различным этапам его существования, является важной особенностью Верхнеокского (Верховского) исторического региона. Предками большей части популяции региона в средневековье являлись летописные вятичи. Меньшая часть состояла, в том числе, из потомков жителей иных регионов Черниговского княжества, укрывшихся здесь от бед и лишений монголо-татарского нашествия. Династическое и фамильное единство местных правителей, возводивших свой род к Михаилу Черниговскому, сочеталось с укоренённостью и единством боярства.

Отличительной чертой региона являлась постоянная эксплуатация существовавших транспортных маршрутов, проходивших здесь стабильно длительное время[1]. Подобное положение облегчало поддержание многочисленных контактов в гуманитарной, идеологической, коммерческой и производственной областях между различными этнополитическими группировками, как расположенными поблизости, так и удалёнными. Специфика построения речной сети верхнеокского бассейна, отмеченная её «переплетённость» с реками днепровского и донского бассейнов, превратила эти земли в место относительной транспортной доступности. Как отмечал В.О.Ключевский, «никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России»[2]. Первоочередным следствием этого была относительная простота колонизации и расселения на Верхней Оке восточных славян, продолжавших, благодаря транспортной доступности поддерживать по рекам внутренние коммуникации, необходимые для возникновения и сохранения культурного и организационного единства.

Верхнеокской исторический регион, несмотря на административную изменчивость, имел в своих наиболее общих проявлениях единую историческую судьбу, прослеживаемую у земель, волостей, княжеств и их жителей на

---

[1] Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд., испр. и доп. Варшава: Типография К.Ковалевского, 1885. С.16-17.

[2] Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М.: Мысль, 1987. С.74.

протяжении нескольких сотен лет: масштабные исторические процессы, протекавшие на верхнеокских землях на протяжении нескольких веков, отличались впечатляющей синхронностью, что позволяло подавляющему большинству исследователей рассматривать конгломерат политически различных административно-управленческих структур как единое целое. Подобное положение подтверждает гипотезу о существовании единой историко-географической зоны. Обобщение полученных историко-географических данных позволило очертить верхнеокские территории, которые на протяжении всего периода рассмотрения более тяготели к внутренней, а не внешней консолидации и составляли искомое «ядро» историко-географического региона.

Важным является положение о хронологической конечности существования такого рода структур: развитие общества, эволюция социальных, административных, экономических, политических, военных и иных отношений внутри и вне его могут вести к разрушению старых и появлению новых исторических регионов и стран, которые территориально могут и не повторять своих предшественников, могут декларировать свою преемственность либо способны отрицать наличие связей с прошлыми вариантами территориально-общественной организации. Наглядным примером такого отношения является возникновение на месте республик бывшего СССР ряда национальных государств, которые, фактически являясь следствием своеобразия советской национальной политики, в большинстве своём упорно отрицают какую-либо связь и, уж тем более, преемственность в отношении к «материнским» для них советским государственным структурам.

Пример Верхнеокского (Верховского) исторического региона показывает, что территориальные образования, являющиеся результатом сочетания и взаимодействия множества исторических, географических, экономических, этнических и политических взаимодействий, несмотря на противодействие ряда значимых внешних и внутренних факторов, могут возрождаться в новых условиях и продолжать своё существование в тех случаях, когда совокупное воздействие конструктивных и деструктивных для них факторов позволяет реализовать

потенциал территориальной административно-политической организации.

Применение предложенных в данной работе методов способствовало достижению целей исследования. Представляется, что их использование может оказаться полезным для систематизации, конкретизации и детализации работ, близких по тематике, облегчить разделение наблюдаемых частных и общих исторических процессов, и, таким образом, может способствовать более глубокому пониманию фактов, событий и явлений прошлого всего Российского государства либо его отдельных частей.

Глава II. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ ВЕРХНЕОКСКИХ ЗЕМЕЛЬ

§ 1. Дославянское население верхнеокских земель и возможность его участия в этногенезе вятичей

Результаты археологических исследований показывают, что территория бассейна Верхней Оки была заселена ещё со времён палеолита, что подтверждает значительное число памятников различных археологических культур и этнических групп[1]. Потому вполне логичным представляется рассмотрение результатов изучения следов существования тех человеческих популяций, которые здесь непосредственно предшествовали восточным славянам.

Историко-географические особенности рассматриваемой территории (в особенности в своей естественно-географической части) не могли не повлиять на «предшественников» вятичей. Представляется необходимым проследить возможность влияния этих человеческих популяций и особенностей их культуры на сложение и становление этнополитической группировки вятичей в её специфике и отличиях от соседних территориальных восточнославянских формирований. Результаты, полученные в процессе изучения указанной проблематики, позволяют конкретизировать значимые особенности и результаты местного культуро- и этногенеза. Данные археологических исследований дают возможность отнести начало славянской колонизации верхнеокского бассейна примерно к VIII в. н.э.[2] Последним крупным археологическим феноменом, который исследователи фиксируют на рассматриваемой территории (верхнеокского бассейна) в период, предшествующий возникновению вятичского

---

[1] Археологическая карта России: Брянская область. Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.; Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.; Археологическая карта России: Орловская область. Сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.; Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН. 1999. 304 с.; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.; Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1999. 376 с.; Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006. 320 с. и др.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981. С.12.

этнополитического объединения, являются памятники так называемой мощинской археологической культуры. Безусловно, существует весьма высокая вероятность коррекции и уточнения границ территорий, на которых обнаруживаются признаки распространения этой культуры в качестве вятичского «предшественника». В частности, автором настоящей работы была неофициально получена информация о значительно большем и более раннем распространении в южной части верхнеокского бассейна колочинской культуры, признаваемой сейчас раннеславянской[1]. В то же время, что-либо утверждать по этому поводу *до* выхода публикаций, основанных на верифицируемых источниках, представляется преждевременным и некорректным.

Задача установления соответствия археологического феномена мощинской культуры известным по различным источникам этносам Восточной Европы представляла собой определённую сложность. В качестве одного из вариантов этнолингвистической «привязки» (благодаря летописным сообщениям и исследованиям лингвистов) в настоящее время рассматривается отнесение «мощинцев» к древним балтским этносам, потомками которых могли быть «люди голядь», зафиксированные в XI-XII вв. в северной части верхнеокского речного бассейна[2]. Также носители мощинской культуры (либо их близкие сородичи) могли, по всей видимости, оставить свой след в сообщениях древних авторов: на знаменитой Певтингеровой карте наблюдается река Agalingus и некая местность (либо этноним) Tanasis Galatie в бассейне Дона, которые можно соотнести с родственными им племенами[3]. Иордан, вероятно, упоминает их под именем голтескифов (Golthescytha) либо колдов (голдов - Coldas) в числе

[1] См. Радюш О.А., Никитина А.В., Провоторов Е.В. Разведки памятников III–VI вв. в Орловской области// Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2020. С.225-227; Обломский А.М. Колочинская культура// Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. Выпуск 17. М.: ИА РАН, 2016. С.10-113; Рябчевский Н.Г., Шинаков Е.А., Лобанов Г.В. К вопросу о топографии и хозяйстве поселений северо-восточной части деснинского варианта киевской культуры (Постановка проблемы)// Вестник Брянского государственного университета.2018. № 3(37). Исторические науки и археология/ Экономические науки/ Юридические науки. С.135-149.

[2] ПСРЛ. Т.1 Летопись по списку Лаврентия.1872. С.158; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись СПб.: Тип-я Александрова, 1908. Стб. 151, 339; Седов В.В. Голядь// Iš baltų kultūros istorijos. Вильнюс: Diemedis, 2000. С.75-84; Топоров В.Н. Балтские следы на Верхнем Дону// Балто-славянские исследования 1988-1996. М.: Издательство «Индрик», 1997. С.312-314 и др.

[3] Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С.332, 336, 338-339.

«…воинственных северных племен», которые покорил «…Германарих, благороднейший из Амалов»[1]. По поводу «списка Эрманариха» наличествует большое количество разнообразных исследовательских позиций, изложение и анализ которых выходит далеко за рамки настоящей работы, тем не менее, существующие аналитические и археологические данные не противоречат этой гипотезе[2].

К настоящему времени имеется обширная историография, посвящённая мощинской культуре, гипотезам о её происхождении, этнической базе, культуре, связях и судьбах[3]. В этой связи представляется нецелесообразным давать развёрнутое историографическое описание результатов её исследований. Далее приводится очень краткое изложение характеристик рассматриваемого явления. Название данная культура получила от деревни Мощины Мосальского района современной Калужской области, где в конце XIX в. Н.И.Булычовым был обнаружен крупный клад серебряных и бронзовых изделий, украшенных выемчатой эмалью[4]. Изучение на протяжении XX в. памятников, культурно близких обнаруженному кладу, позволило прийти к выводу, что мощинская археологическая культура являлась обычной для лесной полосы Восточной Европы той эпохи, но имела ряд самобытных черт и особенностей, выделявших её из числа родственных и соседних[5].

Мощинская культура характеризуется как земледельческая, где

---

[1] Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/ Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч.Скрижевской/ Иордан. СПб.: Алетейя, 2000. С.83-84, 142; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР № 163. М.: Издательство «Наука», 1970. С.47-48.

[2] См. Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «Getica» Иордана// Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского исниститута истории РАН «Нестор-История», 2004. С. 46, 60-63; Топоров В.Н. Еще раз о Goltescytha у Иордана (Getica 116)// Славянское и балканское языкознание. М., Издательство «Наука», 1983. С.38-49; Зиньковская И. В. К вопросу об историко-археологической идентификации одного из «северных народов» у Иордана (Get., 116)// Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения, вып. 2, ч. 1. С.56-63 и др.

[3] Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР № 163. М.: Издательство «Наука», 1970. С.43-44, 45-49; Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в 1 тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР. Том 72. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1959. 152 с.;

[4] Булычов Н.И. 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 85 с.; Массалитина Г.А. Мощинский клад/ Массалитина Г.А.// Славяно-русские древности. М.: Наука, 1991. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 205. М.: С.29-37.

[5] Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв./ Археология СССР. М.: «Наука», 1982. С.41-45.

доминировало «…земледелие с широким применением подсечно-огневой системы… Скотоводство опирается на разведение крупного рогатого скота и коневодство. …Значительно развивается ремесло: обработка железа, цветных металлов, костерезное мастерство и др. …Лепная керамика – толстостенные горшки с бугристой…поверхностью, а также лощеная керамика. …Погребения – курганы по обряду кремации покойных»[1]. В числе важнейших её характеризующих черт обычно упоминаются (наряду с локализацией и датировкой) «…украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей, грубая и лощеная лепная керамика, курганы с кольцевой оградкой, домовиной и безурновыми трупосожжениями в основании насыпи»[2]. Безусловно, список этот не является окончательным, поскольку некоторые её характеристики (в частности хронологические) уже неоднократно пересматривались.

Одним из важных характерных признаков мощинской культуры является лощёная глиняная посуда преимущественно чёрного цвета, изготовленная из тщательно подготовленной и специально обработанной глины. Она не была основной в бытовом применении, но явно широко использовалась в качестве парадной (ее доля составляла около 15% находок наряду с грубой лепной)[3]. Найдено изрядное количество миниатюрных лощёных сосудиков неустановленного назначения, разнообразных поделок из глины (пряслица, грузики, погремушки, шарики). Многие поделки украшены непонятными значками[4]. На пике своего развития мощинские традиционные производства оказывали влияние на соседние регионы. В частности, «в IV–V вв. н. э. в Москворечье распространяется новый керамический стиль, так называемого мощинского круга. …Вероятно, с южным влиянием следует связывать появление в керамическом комплексе дьяковских городищ в бассейне р. Пахры глиняных

---

[1] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. Там же. С.248. ОГУК «ОКМ». Арх. 3592. Дело 40. Отчет об археологических раскопках городища Торкуновка Мценского района Орловской области 1987-1988 гг. 2007. Л.Н.Красницкий. 48 л.; ОГУК «ОКМ». Арх. 3593. Дело 41. Археологические разведки в Орловской области Л.Н.Красницкого. 1990-1991 гг. (Орловский археологический отряд НПЦ). 157 л.

[2] Воронцов Т.А. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э.// Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) Раннеславянский мир. Выпуск 17. М.: ИА РАН, 2016. С.221.

[3] Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. М., 1994. С.12.

[4]Археология Калужской области. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1999. С.196.

сковородок»[1].

О развитии и значении ремёсел и земледелия, свидетельствуют многочисленные находки изделий из железа: «…ножи, топоры, косы, серпы. Высокого развития достигло бронзолитейное производство. Появился новый тип украшений - подвески и застежки с выемчатой многоцветной эмалью. …На В.Оке сложился свой центр их производства»[2]. Обнаружены признаки существования железоделательного, бронзолитейного, ювелирного производств, которые, несмотря на удалённость региона от мировых культурных центров, ощутили на себе многие культурные влияния и воздействия. В частности, став результатом влияния и «…поздними реликтами фибул раннеримского периода…», местные фибулы «с «кнопкой» на ножке… давно считаются культурным индикатором древностей мощинской культуры»[3]. По мнению ряда исследователей, знаменитые восточноевропейские выемчатые эмали в некоторые периоды своего распространения часто имели мощинское происхождение и весьма активно экспортировались[4]. В XIX – начале XX вв. их порой принимали за готские и даже древнеегипетские изделия. Наличие технологической способности производить качественные изделия в местностях, весьма удалённых от традиционной сферы прямого римского культурного воздействия, указывает на вполне высокий уровень производственной базы. Безусловно, особенности дизайна указывают на определённую «вторичность» данных изделий, поскольку позволяют отследить целый ряд культурных влияний – от позднеримского, латенского, дунайского до деснинского, поднепровского, балтийского и западноевропейского (во всей широте римского культурного «лимеса»)[5].

---

[1] Кренке Н. А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье// Краткие сообщения Института археологии. Вып.235/ Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С.350.

[2] Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. С.18.

[3] Ахмедов И.Р. Окские фибулы// Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1: Сб.статей/ И.Р.Ахмедов, И.О.Гавритухин, А.М.Воронцов и др. Предисл. А.М.Воронцов, И.О.Гавритухин: Под ред. А.Н.Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С.7.; Воронцов А.М., Столяров Е.В. Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела// История вещей - история и вещи – Раннеславянский мир. Выпуск 20. М.: ИА РАН, 2020. С.67-75.

[4] Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1999. С.197-200.

[5] См. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского)//

Выявлены мощинские поселения двух типов: городища и селища, отличающиеся друг от друга наличием или отсутствием укреплений. «Для мощинской к-ры характерны наземные, прямоугольные в плане постройки каркасно-столбовой конструкции площадью 12-40 кв.м, стены которых часто обмазывались глиной. Изредка встречаются остатки полуземлянок»[1]. Надземные дома были преимущественно столбовыми с глиняными и глиняно-каменными очагами. Традиции местного домостроения были устойчивы «…на протяжении почти целого тысячелетия»[2]. Поздние городища хорошо укреплены. Застройка располагалась внутри укрепления очень плотно. Городища культуры характеризуются наличием значительных земляных укреплений, защищавших рвами и деревянным тыном выровненные земляные площадки, на которых располагались наземные сооружения и полуземлянки[3].

Погребальные обряды мощинской культуры восстанавливаются благодаря раскопкам полусферических курганов высотой 2-4 м с кольцевой оградкой у их основания. В курганах размещались кремированные останки умерших – в насыпи или в погребальных сосудах. Крайне интересно, что «ни на соседних, ни на отдаленных от ареала мощинской культуры территориях нет племен, в погребальном обряде которых сочетались бы те же признаки, что и у мощинцев»[4]. Речь идет о сочетании кремации, обычая возведения курганов и ряда иных, более мелких особенностей, не присущих близким и дальним соседям-современникам «мощинцев». Данное обстоятельство имеет особое значение при рассмотрении

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 113-141; Румянцева О.С. Восточноевропейские выемчатые эмали: независимое развитие или связь с провинциально-римским эмалированием?// Краткие сообщения Института археологии. Вып. 254. 2019. С.270-284; Она же. Обстоятельства возникновения, проблема организации производства и возможные причины упадка стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (по итогам технологического анализа)// Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М.: ИА РАН; Вологда : Древности Севера, 2018. С.221-276.

[1] АКР Калужская область. С.18.

[2] Никольская Т.Н. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки (с середины I тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э.)// Древние славяне и их соседи. Материалы и исследования по археологии СССР. № 176. М.: Издательство «Наука», 1970. С.89.

[3] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология. С.250; «Орловский краеведческий музей». Арх. 3100. Отчет об археологических раскопках городища Торкуновка Мценского района Орловской области (1987-1989 гг). Л.Н.Красницкий. 1998. 89 л.

[4] Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. М., 1994. С.15.

вопроса о наличии либо отсутствии культурной связи и элементов преемственности между описанными обычаями и обрядами проживавших позднее на этих землях вятичей. Симптоматично, что мощинские «курганы по внешним признакам трудноотличимы от более поздних славянских»[1].

Рассмотрение генезиса собственно мощинской культуры позволяет предполагать, что она возникла в результате расселения в начале I тысячелетия пришедших с запада на верхнеокские земли племён, относившихся к земледельческой почепской археологической культуре (почепскому варианту зарубинецкой)[2]. Подавляющее большинство выявленных памятников которой были обнаружены на территории современных Брянской и Орловских областей, очень немного в Смоленской области и в Черниговской области Украины[3]. Там были найдены характерные остатки полуземлянок и наземных жилищ с очагами и следами глиняной обмазки стен и полов. Через некоторое время пришельцы-«почепцы» «…растворились в среде верхнеокских племен, войдя в состав новой балтской культуры региона Верхней Оки – мощинской»[4]. Согласно современным взглядам, процесс мощинского этно- и культурогенеза мог происходить и сложнее, так что «…почепское наследие, по всей видимости, является лишь одним из компонентов мощинской культуры»[5]. В то же время, более подробное рассмотрение данного вопроса не является целью настоящей работы. Результаты археологических исследований подтверждают, что первоначальная территория, откуда шло распространение мощинской культуры, по всей видимости, находилась, в основном, западнее: в частности, на территорию современной Тульской области «…мощинское население проникло с З или ЮЗ, с терр. совр. Калужской или Орловской обл.»[6].

Несложно заметить, что географические особенности верхнеокских земель, осваиваемых «мощинцами» (по ряду гипотез ассоциирующихся с предками

---

[1] АКР Калужская область. С.18.

[2] Обломский А.М. Памятники типа Почеп// Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) (Раннеславянский мир. Выпуск 12). М.: ИА РАН, 2010.С.45-53.

[3] Там же. С.46.

[4] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. С.246-248.

[5] Обломский А.М. Памятники типа Почеп. С.51.

[6] Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1. С.46.

голяди/галиндов), достаточно чётко и ясно проявили себя в момент экспансии этой культуры на верхнеокские земли: расселение по реками и вдоль них, с запада – с той стороны, где границы бассейнов Оки, Десны и (судя по всему) Западной Двины особенно сложно переплетаются, что облегчает межбассейновый переход[1]. Равномерность и определённая однотипность протянувшихся с запада на восток ландшафтов в сочетании с высокой плотностью речной сети, по всей видимости, стали факторами, в значительной степени упростившими экспансию и расселение. Подтверждению значимости водных путей служит размещение поселенцев в городищах и селищах вдоль рек.

Б*о*льшая часть мощинских поселений выявлена в современных Калужской и Тульской областях[2]. Упомянутое ранее плодородное Мещовское ополье к северо-западу от Оки интенсивно стало заселяться и осваиваться в экономическом отношении именно в мощинское время[3]. К мощинскому периоду относится и большое количество археологических памятников на территории западных и северных районов Орловской области[4]. Имеются мощинские памятники на современной смоленской территории, прилегающей к р.Угра[5].

Как упоминалось ранее, вопрос этнической принадлежности носителей этой культуры окончательно не решён, хотя большинство исследователей относят «мощинцев» к балтскому языковому ареалу, ориентируясь на археологические и лингвистические данными. Первоначально археологи-исследователи относили «мощинцев» к ранним славянам, но позднее появились и стали преобладать гипотезы о балтской этнической принадлежности носителей этой культуры

---

[1] См. Шинаков Е.А. Балто-славянские связи: галинды-голядь// Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сборник научных статей. НИИ фундаментальных исследований. Центр славяноведения. Брянск: Издательство БГУ имени академика И.Г. Петровского, 2009. С.169-173.

[2] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Издательство «Наука»,1982. С.41; Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Автореферат дис.… доктора ист. наук/ Воронцов А.М.М.: 2007. С.14-18; Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.; Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.

[3] Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы... С.69.

[4] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006 . С.249.

[5] Археологическая карта России: Смоленская область. Часть 1. Сост. Ю.А.Краснов, С.Е.Михальченко, Г.К.Патрик. М.: Институт арехеологии РАН, 1997. С.35-36.

поскольку хронологический разрыв в 200-300 лет между достоверными летописными славянами и «мощинцами» представлялся слишком большим и непреодолимым. Кроме того, в научной среде стало преобладать суждение о полной депопуляции рассматриваемого региона на протяжении двух-трёх веков.

Относительно недавно хронологические пределы существования этой археологической культуры на Верхней Оке ограничивались промежутком между II и V вв. н.э., а потому считалось, что связь её с изначальной (вероятно, роменской) культурой вятичей была невозможна: большой разрыв между поздними датировками позднемощинских поселений и ранними следами славян крайне смущал исследователей. Был сфомулирован «тезис об отсутствии генетической преемственности между мощинской культурой и памятниками боршевского типа. К этому склоняет выявление ошибочности оснований для такого вывода и наличие более чем 300-летнего разрыва между древностями обеих культур»[1]. Явная и наглядная разница между относительно высокими ремесленными навыками носителей мощинской культуры и примитивной продукцией первых славянских поселенцев косвенно подтверждала приведённое выше утверждение. Но в последние десятилетия появились данные, способные поколебать столь категоричную оценку: был выявлен ряд аргументов в пользу гипотезы о возможности существования элементов преемственности между этими этническими группами[2].

Прежний категоричный вывод оказался, по-видимому, несколько поспешным. Возможность продолжения существования носителей мощинской культуры и в период славянской колонизации была подтверждена когда, после «обработки керамических коллекций с верхнеокских памятников роменской культуры IX-X вв., появились свидетельства о сохранении традиций мощинской культуры в их керамическом комплексе»[3]. Проведённая на основании недавно полученных сведений датировка ряда городищ, непрерывно существовавших

---

[1] Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. канд. ист. наук. М., 1994. С.17.

[2] Воронцов М.А. К вопросу о поздней дате мощинской культуры// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. СПб., М., Великий Новгород, 2011. С.14.; Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006. С.249-250.

[3] Воронцов М.А. Указ. соч. С. 14.

здесь на протяжении нескольких столетий, позволила отнести их финал к VI-VII вв. н.э.[1]. Помимо прочего, недавние находки позволили исследователям получить доказательства в пользу ранее высказывавшихся предположений «об участии носителей позднемощинских традиций в формировании славянского населения Верхнего Поочья»[2]. Недавние раскопки позволили установить, что «…объективно верхняя дата мощинских древностей может быть определена временем около середины VII в.…. Найдены и изучены памятники, верхняя дата которых относиться к середине VII в.»[3]. Исследования Акиньшинского городища, расположенного на границе современных Тульской и Калужской областей, дало весомые аргументы в пользу утверждения, что «остатки мощинского населения продолжали существовать на данной территории вплоть до появления памятников роменской культуры и даже какое-то время сосуществовать с ними»[4]. Таким образом, современные исследования подтверждают существование мощинских поселений, как минимум, до середины VII в. (не считая единичных находок, по меньшей мере, на трёх городищах в разных частях верхнеокского бассейна – Акиньшино, Воротынцево, Картавцево), что в совокупности с присутствием «в составе керамического комплекса славянских памятников IX-X вв. сосудов мощинского типа позволяет предполагать, что какая-то часть носителей культуры продолжала существовать на территории Верхнего Поочья вплоть до этого времени» и, соответственно, тесно контактировать с расселяющимися славянами[5].

Исследование восточноевропейской гидронимики показало огромный пласт балтской по своему генезису гидронимии в местах последующего расселения восточных славян. В соответствии с этими исследованиями, так называемая «Восточная Балтия» (в терминологии В.Н.Топорова) размещалась на территории, окружённой границей, «начинающейся на северо-западной оконечности Волынской возвышенности, следующей вдоль северных её окраин на восток

---

[1] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. Там же.

[2] Воронцов М.А.Указ. соч. С.15.

[3] Он же. Поздний период существования мощинской культуры// Краткие сообщения Института археологии. Вып.235/ ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С.318-322.

[4] Воронцов М.А. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э.// Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V-VII вв.). Раннеславянский мир. Выпуск 17. М.: ИА РАН, 2016. С.226.

[5] Воронцов М.А. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. С.231-232.

примерно на параллели Киева (и даже несколько южнее его), далее от Киева к Курску, от него к верховьям Дона, месту впадения Москвы в Оку, к Москве (и даже немного севернее её), оттуда к Бологому, южному Приильменью (южная Новгородчина), к Псковщине»[1].

Указанные земли представляют собой значительную долю исторической русской территории, что позволяет ставить вопрос о высокой степени воздействия местного балтского населения на этногенезе древнерусской народности в целом. В пользу предположения косвенно говорит упоминание проживавшего в среднем течении Оки народа «голядь», являющегося одним из возможных претендентов на статус носителя поздней мощинской культуры, которую как раз и ассимилировали славяне, ставшие вятичами[2]. Впрочем, существует чётко аргументированная версия позднейшего насильственного переселения балтов на Русь в результате походов древнерусских князей XI-XII вв. (хотя численность такого *полона* вряд ли могла быть слишком большой)[3]. Следует отметить, что позднее переселение *части* балтов отнюдь не противоречит их раннему проживанию на рассматриваемых землях.

Топонимический анализ рассматриваемых в настоящей работе территорий подтверждает присутствие здесь двух выраженных субареалов балтской гидронимии – верхне- и среднеокского. Помимо того, в непосредственной близости и частичном пересечении с ними отмечается верхнедонской «локус балтийской гидронимии»[4]. Озвученные выводы подтверждаются явственно балтским происхождением значительного количества названий малых рек и озер, что усиливает аргументацию гипотезы о длительном совместном проживании славян и балтов на этих территориях. Помимо того, исследования наглядно

---

[1] Топоров В.Н. О балтийском слое русской истории // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С.361.

[2] ПСРЛ. Т.1 Летопись по списку Лаврентия.1872. С.158; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись СПб.: Тип-я Александрова, 1908. Стб.151, 339.

[3] Шинаков Е.А. Балто-славянские связи: галинды-голядь// Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сборник научных статей. НИИ фундаментальных исследований. Центр славяноведения. Брянск: Издательство БГУ имени академика И.Г. Петровского, 2009. С.169-173; Он же. У истоков русской государственности. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. С.425-427; Шинаков Е.А., Пискунов В.А. Балтский этнический элемент населения владельческих сел середины XI – середины XIII вв. среднего Подесенья// Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2014. № 1 (5). С.125-126.

[4] Топоров В.Н. Там же. С.373-374, 376.

демонстрируют практическое отсутствие финноязычных терминов в обозначении водных объектов на территории Окско-Донской равнины.[1]

Уже упоминалось, что В.Н.Топоров выделил отдельный верхнеокский субареал балтских (балтийских) гидронимов Верхней Оки, разделяя их ещё на правобережные и левобережные. К верхнему левобережью отнесены «Бутынь, Мелынка, Мезинка, Савенка, Нугрь, Локна, Цканка, Клетенка, Чиченка, Паленка, Ламенка, Домашов, Турея, Велья, Мажок, Обля, Десенка, Варзенка, Кипятка, Аполка, Жиздра, Жиздрица, Шершинка, Сенет, Ослинка, Ослянка, Которянка, Драгошанка, Брынь, Леменка, Дрисенка, Щева, Лукосна, Другусна, Орденка, Ординка, Бестань, Серена, Серенка, Мерея/Мирея, Мирейка, Тушинка, М. Радопля, Рес(с)ета, Желанейка, Миленка, Ловать, Жизна, Сусейка, Сусенка, Обельна, Абельна, Абольня, Абелейка, Босна, Вытебеть, Витебеть, Сороча, Тусца, Рес(с)еть, Велейна, Пальна, Ордынка, Ардынка, Вертеба, Купренка, Лузгинка, Птора, Выс(с)а, Кирекрея, Кирекрейка, Вежовка, Шерна, Кванка, Угра, Бушенка, Семиченка, Светинка, Капорка, Турейка, Верговка, Гордота, Колденка, Корея, Карейка, Недел(ь)ка, Деменка, Вобста, Волста/Вольста/Волоста, Залазенка, Матарушка, Жижала/Жижила, Дряголовка, Толжа, Никота, Истра, Вобжа, Осма, Веля, Кочеса, Саполенка, Кзапня, Колтянка, Цеделка/Цыдель, Цыделка, Сволонка, Черменка, Удва, Удка, Верешка, Крутолка, Желонья, Шаня, Шанка, Рута, Велинка, Антуповка, Сетунка, Вепрея, Вепрейка, Ужеперт, Слоча, Слочья, Желанейка, Лосьменка, Лосьминка, Ужетка, Рес(с)а, Уса, Усия, Сарпея, Ужать, Орля, Можай, Можайка, Пополта, Долженка, Туросна, Тусна и др.»[2]. Всего – 139 названий.

«В верхнем правобережье – Очка, Кнубрь, Воин, Зуша, Зушица, Сетунской, Велья, Велье, Мцена, Мецна, Жимаринка, Тушинка, Иста, Журенка, Жужал, Упа, Деготня, Вепрея, Плава, Мизгея, Мезгея, Уперта/Уперть, Моржовка, Упка, Упица, Спорелка, Шат(а), Стубленка, Волотея, Волоть, Волостея, Волконь, Волкона и др;

В среднеокском субареале на принадлежность к балтийскому слою претендуют:

---

[1] Лагутина О.В. Гидрографическая терминология междуречья Оки и Дона (по памятникам письменности XVI-XVII вв.). Автореф. дис… канд. фил. наук. М., 2006. С.10.

[2] Топоров В.Н. Указ.соч. С.373.

в среднем левобережье – Угра, Деготня, Негра, Полея, Леменка, Таруса, Иноча, Велья, Протва, Чичера, Исма, Сажелка, Мжут, Нара, Ильма, Война, Турейка, Истья, Турья, Веля, Велейка, Москва, Цна, Жидель, Велье, Дрисела, Ушна, Ламша и др.;

в среднем правобережье – Черепеть, Желенка, Дугна, Жежелна, Вепрея, Вепрейка, Аболовка, Велья, Кледейка, Блиденка, Осьма, Восьма, Серена, Серенейка, Жежельской, Жуполов, Натажела, Чечора/Чичора, Осетр, Вардунов верх, Веркуша, Веркошь, Алитовка, Малынь, Туренка, Клевеченка, Моржовка, Мелинка, Велина, Каптелка, Матыр(к)а, Вобля, Першня, Меча, Рустелка, Купелка, Ведерка, Истья, Выжолка, Вилинка, Даберка, Вальшута, Верда, Уда и др.»[1].

Итого – по субрегионам: 33, 28 и 44 названия (всего – 105) вероятно балтского происхождения. Даже с учётом возможности неточного толкования количество выявленных и сохранившихся до наших дней гидронимов впечатляет.

Несложно заметить, что (несмотря на многозначительное окончание всех четырёх списков, указывающее на их возможное продолжение) именно верхнее левобережье даёт наибольшее количество балтских по своему генезису гидронимов, что указывает на явно более тесные и долгие контакты между прежним и новым населением. Подобная ситуация могла быть обусловлена демографической причиной – относительной многочисленностью балтов, лучше переживших в лесах верхнеокского левобережья неблагоприятный период депопуляции, в сравнении с их сородичами на окском правобережье. Это обстоятельство также находит косвенную поддержку в летописях, именно на левобережье Верхней Оки локализующих исторический этнос голядь.

В настоящее время известен ряд признаков, указывающих на вероятность прямого участия носителей мощинской культуры в формировании вятичского этноса: особенности погребальных обрядов, гончарного производства, домостроения, приёмов земледелия, животноводства, наследование гидронимики и топографии расселения. Гидронимический аргумент в пользу тесного взаимодействия носителей указанных культур в данном случае представляется

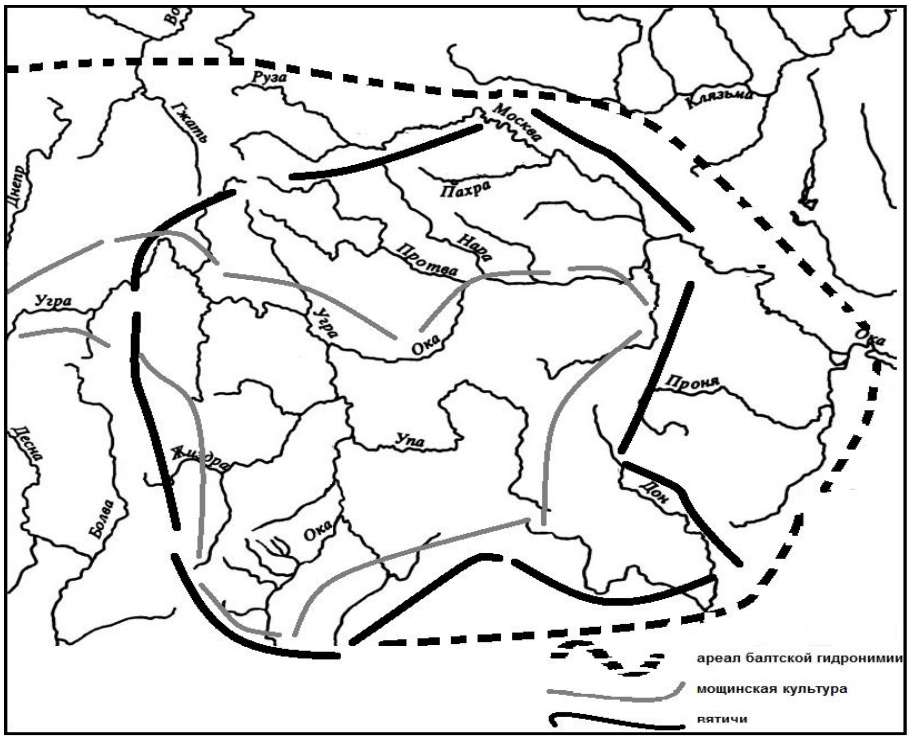
---

[1] Там же, С.374.

особо весомым и значимым (из числа не относящихся к археологии), поскольку в условиях бесписьменных обществ передача иноязычных наименований крупных, средних и, в особенности, малых географических объектов без многочисленных, непосредственных и длительных контактов лингвистически разных этнических групп является абсолютно невозможной.

Рисунок 5

Ареалы распространения балтских гидронимов, мощинской культуры и расселения вятичей



Косвенным признаком возможного взаимодействия мощинской и вятичской культур является то обстоятельство, что территория первоначального размещения пришедших на Верхнюю Оку славян в определённой степени совпадает с выявленными пределами распространения мощинской культуры. Вне зависимости от того была ли голядь автохтоном верхнеокских земель, либо поздним переселенцем, эти территории по данным лингвистики и археологии прежде представляли собой часть обширного балтского этнического массива, простиравшегося в предшествующие века отсюда далеко на запад и юго-запад – через современные Смоленщину и Брянщину к Балтийскому морю и Поднепровью – и оставившего здесь, как отмечено выше, значительный

топонимический след[1].

Безусловно, смена доминирующего этноса никогда не проходила без проблем и археология говорит о наличии следов возможных боевых столкновений «мощинцев» и (не доказано, но и не исключено) ранних вятичей[2]. В то же время, вероятная ассимиляция окских балтов славянами, явно не походила на типичное завоевание, поскольку немногочисленные «мощинцы» сумели весьма ощутимо повлиять на многие стороны жизни и обычаи, в частности, передав вятичам такой важный и значимый обряд, как упомянутые ранее специфические особенности обрядов погребения и прощания с умершими, что было бы невозможным при военном завоевании. Столь глубокое проникновение чужих обычаев возможно только в случае потери ими статуса «чужих» и «чуждых», перехода в категорию «своих».

То обстоятельство, что практически у трети (то есть у 21 из 65) раннеславянских поселений в бессейне Верхней Оки (в современных Калужской, Тульской и Орловской областях) обнаружены предшественники в виде балтских поселений является весьма показательным[3]. Более того, суммирование с этим показателем данных о «предположительно мощинских» и «неопределённых» (но возможно мощинских) предшественниках, относимых хронологически ко второй половине I тысячелетия н.э. позволяют довести долю вероятных мощинских предшественников до почти половины (49,2%) от общей численности роменских (вероятно, вятичских) поселений бассейна Верхней Оки[4]. Даже с учетом гипотетической возможности совпадения предпочтений пришлых «роменцев»-славян и предшествовавших им «мощинцев»-балтов в вопросе размещения поселений (что выглядит маловероятным виду разницы опыта освоения и использования особенностей ландшафтов – лесостепном у одних и

---

[1] Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР № 163/ Седов В.В. М.: Издательство «Наука», 1970. С.10-53.

[2] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006. С.250.

[3] Майоров А.А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII – VIII веках// Ученые записки Орловского государственного университета: научный журнал. Орел: издательство ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева. 2016. № 3 (72). С.61.

[4] Там же.

исключительно лесном – у других), столь высокая степень тождественности не может быть случайной.

Верхнеокские территории, занимавшиеся носителями мощинской культуры, с формальной точки зрения, имели те же географические предпосылки для их превращения в зону активной транзитной деятельности, что отмечались и у славян: смыкание бассейнов крупнейших европейских рек, контроль зоны их водоразделов и потенциальных волоков между ними, наличие квалифицированного ремесленного ювелирного производства, прочные контакты с ближними и дальними соседями и ряд других. Использование местного транспортного потенциала в дославянское время, безусловно, отмечено рядом исследователей[1]. Имеются указания на его использование при ведении местной региональной и даже межрегиональной торговли[2].

В то же время, масштабы торговых операций в хронологических пределах существования мощинской археологической культуры были, в сравнении с данными более позднего времени, относительно невелики, что вполне объяснимо, поскольку в первой половине I тысячелетия н.э. ещё не существовало сколько-нибудь заметных и значимых производителей и потребителей продукции (либо сырья), производимого (добываемого) на разных концах потенциального торгового пути. Северная и Центральная Европа в период Великого переселения народов не имели возможности выступать в качестве значимых торговых партнёров Востока. Главной политической, культурной, коммерческой и военной доминантой эпохи выступала средиземноморская Римская империя (во всех её воплощениях), плотно контролировавшая и обеспечивавшая безопасность морской транзитной торговли Запада и Востока. Все значимые финансовые и товарные потоки той эпохи шли через римскую территорию, что обеспечивало широчайшие возможности сбыта и высокую степень безопасности. Центральная,

---

[1] См. Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст// Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / Ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С.168–202; Шинаков Е.А. «Мост» между средним Поднепровьем и Поочьем в позднеримское время//Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск: РИО БГУ. 2016. С.165-172.

[2] Шинаков Е.А. «Мост» между средним Поднепровьем… С.165, 168-169.

Северная и Восточная Европа выступали в этот период времени в качестве близкой либо далёкой имперской периферии, нацеленной, преимущественно, на потребление римских материальных и культурных продуктов.

Мощинская культура является последней неславянской археологической культурой верхнеокской земли. Вероятно, эта этнокультурная общность имела некую единую структуру территориальной организации, в пользу чего свидетельствует хронологическая синхронность процессов и событий, зафиксированных археологами в разных её частях (запад, центр и восток – Т.Н.Никольская и Г.А.Массалитина, Л.Н.Красницкий и А.М.Воронцов соответственно): возникновение, становление, рост и гибель мощинских поселений произошли практически одновременно во всех частях весьма широкого ареала их распространения.

Реликтовое балтское население, пережившее времена падения, и являвшееся носителем мощинской культурной традиции стало, по всей видимости, одним из важных элементов формирования восточнославянского вятичского этноса. В пределах Верхнеокского (Верховского) исторического региона славяне сменили своих предшественников. Славянские переселенцы, начиная с VIII в., стали постепенно расселяться среди немногочисленных балтских поселений, смешиваться с аборигенами и занимать лидирующие позиции. В процессе заселения и хозяйственного освоения рассматриваемой территории славяне ассимилировали местных балтов, что и дало в итоге основания считать эту зону частью славянских земель.

§ 2. Славянская колонизация территории бассейна Верхней Оки: маршруты перемещения и этапы расселения

К сожалению, ни одна из групп источников по истории вятичей не отличается полнотой содержания. Наиболее известными и хорошо изученными являются летописные сообщения – при всей их фрагментарности, а зачастую и необъективности составителя, они предоставили основу многих предположений и гипотез, впоследствии нашедших подтверждение при использовании иных

информационных источников. Как и прочие нарративные источники, летописи заставляют своего исследователя привлекать, помимо банального прочтения, множество иных способов верификации их содержания и разделения реального и фантастического.

Рассмотрение особенностей размещения обследованных археологами поселений вятичей на рассматриваемых в настоящей работе территориях подтверждает старый тезис о первостепенном значении верхнеокской речной сети для их расселения и проживания и, в конечном итоге, является важнейшим фактором уточнения её границ. В то же время, следует учитывать, что первоначальное размещение поселенцев, по всей видимости, не всегда сопровождалось постройкой относительно капитальных сооружений, которые могут быть обнаружены современными средствами. Некоторое время у новых жителей Верхнеочья должно было уйти на хозяйственную и бытовую адаптацию к условиям местных ландшафтов. В настоящее время известна территория «прибытия» и первоначального расселения, которая тяготела к меридианальному участку течения Оки: «ареал ранних вятичей может быть очерчен… в бассейне верхней Оки. На средней Оке и в бассейне Москвы пока известны только отдельные, немногочисленные поселения и курганы»[1].

Ранее отмечалась специфичность верхнеокского региона как места соприкосновения и взаимопроникновения нескольких крупнейших речных бассейнов Восточной Европы, что гипотетически давало возможность потенциальным поселенцам проникать сюда со всех сторон света и делает вопрос о конкретных маршрутах перемещения сюда славянских переселенцев одним из важных. Единого мнения о них ещё не выработано. Летописный рассказ в ряде важных деталей не соответствует данным археологии и лингвистики, что и ведёт к отсутствию до настоящего времени единой и непротиворечивой теории «вятичского» этно- и культурогенеза. Ввиду противоречивости данных, невозможным также является и нахождение единой «точки исхода» славян-«правятичей» в окрестности Верхней Оки, что делает необходимыми развёрнутое

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.41.

пояснение уже выявленных деталей вятичского этногенетического процесса.

Как известно, древнерусские летописи в повествовании об общей родине славян сообщают, что «по мнозехъ же времянахъ сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. [И] отъ техъ Словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте».[1] Содержание и контекст чётко указывают, что все славянские этнические группы, проживающие на Русской равнине, a priori являются на этих землях пришельцами. Летописец о путях и странствиях большей части восточных славян в их путях на новую родину (которые обязаны были происходить ввиду явной географической удалённости старых и новых территорий проживания) по какой-то причине умалчивает. Примерного указания направления и маршрута удостоились лишь вятичи и родственные им радимичи: «...Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясехъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша и седоста Радимъ на Съжю, [и] прозвашася Радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ негоже прозвашася Вятичи»[2]. Заложенная сообщением традиционная локализация места исхода актуальна и в настоящее время: многими исследованиями по данной тематике в качестве главного пути колонизации рассматривается западный вариант.

В то же время, имеется целый ряд факторов, заставляющих полагать приведённое сообщение, по меньшей мере, недостаточным для выявления точного пункта начала миграции вятичей на Верхнюю Оку. Первый – явное преобладание в материальной культуре местных жителей, доступной по результатам археологических исследований, черт роменской археологической культуры, единой в качестве основы для вятичей, северов и радимичей, самые многочисленные и развитые их которых (северы) явно принадлежат к весьма масштабной и устойчивой юго-восточной славянской этнополитической группировке, тесно связанной с различными неславянскими археологическими

---

[1] Полное собрание русских летописей. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. С.5.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.11-12.

культурами восточной части северного Причерноморья[1]. Наглядное отличие местной культуры от пражско-корчакской центрально-европейской и суковско-дзедзицкой – типичных для хронологически параллельных западнославянских земель – не позволяет в полной мере принимать повествование летописца на веру.

Второй – демографический: высокая численность населения данного региона и плотное размещение выявленных поселений вдоль различных рек и их притоков[2]. Судя по всему, «бассейн Верхней Оки в I и в начале II тысячелетия н.э. практически был довольно плотно заселен»[3]. Подобное положение не могло быть следствием естественного прироста населения, пришедшего туда совсем недавно, поскольку установленная средняя продолжительность жизни в хронологически синхронных восточнославянских регионах составляла 36-38 лет и сочеталась с относительно невысоким числом выживших детей (1,66 – 2,6 ребёнка на 1 женщину)[4]. Быстро «размножится» гипотетическим пришельцам с запада не позволяли естественные биологические и хозяйственные ограничения.

Третий указывает на постоянное проживание в этих местностях – до предполагаемого переселения славян, в его ходе и даже после завершения – нескольких группировок неславянских жителей. Помимо упомянутых ранее реликтовых мощинцев-балтов, следует сказать отдельно о носителях т.н. волынцевской археологической культуры, которые, судя по всему, были наставниками и «проводниками» первых славянских поселенцев[5]. Волынцевская культура именно в это время на ряде территорий к югу от Оки проходила процесс

---

[1] Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К. 2000 г. С.175-177; Он же. Славянское население… С.144, 167.

[2] Археологическая карта России: Брянская область. Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.; Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.; Археологическая карта России: Орловская область. Сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.; Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН. 1999. 304 с.; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.

[3] Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // Краткие сообщения института археологии. 146. Славяно-русские древности. М.: «Наука», 1976. С.12.

[4] Риер Я.Г. Историческая демография: учебное пособие. 2-ое изд. доп. Могилев: МГУ им.А.А.Кулешова, 2006. С.75-76.

[5] Шинаков Е.А., Чубур А.А. Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы// Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць/ ЦП НАН України і УТОПІК; ІКЗ «Більськ»; [відп. ред. – І.І.Корост, наук. ред. – О.Б.Супруненко; ред. колегія: О.М.Титова, І.Б.Шрамко та ін.]. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК, 2018. С.194-196.

сложных преобразований и тесно взаимодействовала с роменской (их иногда рассматривали даже как разные стадии единой культуры), на что указывают многочисленные находки керамики, относимой к этой культуре, на памятниках рассматриваемой территории[1]. Помимо упомянутых, верхнеокская территория периода начала славянского расселения также демонстрирует явное наличие салтово-маяцкого населения, ассоциируемого, прежде всего, с Хазарским каганатом[2].

Таким образом, летописный рассказ о единовременном вятичском «прибытии» при внимательном рассмотрении выглядит для современного исследователя недостаточно подтверждённым, неполным и явно неточным. В то же время, судя по всему, полностью полагать его фантастической легендой представляется несколько преждевременным. Внимательно рассмотрение структуры сообщения демонстрирует, что его автор терминологически чётко очертил масштабы описанного переселения и немалые пределы занятых территорий. В нём отмечено, что Вятко, каким бы не был его социальный статус, пришёл на место будущего поселения не во главе «языка», «племени», «дружины» и т.д. Он пришёл «**с родом** своим». Масштабы рода обычно ограничиваются пределами нескольких семей – по сути, родственной общиной. Летописец фокусирует внимание на явном главенстве в нём Вятко («родом **своим**»).

В форме подачи материала просматриваются прямые аналогии и повторы другой, хорошо всем знакомой летописной истории о призвании варягов: «…и изъбрашася. трие брата. с роды своими. и пояша по собе всю Русь. И придоша къ Словеномъ первее. и срубиша город Ладогу. и седе стареишии в Ладозе Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Белеозере. а третеи Труворъ въ Изборьсце. И от техъ Варягь. прозвася Руская земля»[3]. «Придоша», «седе», «с роды своими» – эти термины использованы в обеих историях и указывают на явное подобие описываемых

---

[1] Никольская Т.Н.Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981. С.22, 28, 33; Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование/ Ин-т археологии Рос. академии наук. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.256-266.

[2] Григорьев А.В. Славянское население…С.157-1587.

[3] Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 14.

ситуаций. Указание на «седе стареишии», то есть «старшими» (аналогами которых могут служить «старосты», «старцы» либо «архонты» в византийской традиции), а отнюдь не «седе князе», также обозначает близость и аналогичность положения географически удалённых друг от друга пришельцев на новой родине.

Важность соблюдения ритуальных форм, как известно, является значимой чертой любого иерархически выстроенного традиционного общество, в данном случае – раннесредневекового. Применение в отношении «простеца» (которым летописный рассказ косвенно пытается представить Вятко, не указывая, но и не опровергая прямо его княжеское достоинство), формы, применяемой к официальному основателю правящего династического клана – Рюрику – является кощунственным и попросту невозможным. Кроме того, повторяемость рассказа в древнейших версиях летописей, также указывает на вероятную официальность зафиксированных формулировок и трактовок. Наличие установленных ритуалов и «форм», чрезвычайно значимых для определения и указания общественного положения описываемого исторического персонажа в средневековом социуме, указывают на вероятность его (как минимум) близости к статусу «князя» (руководителя, вождя).

Судя по всему, Вятко, несмотря на явное упрощение его имени, даже в начале XII в. (времени вероятной записи сообщения) воспринимался как руководитель и предводитель, то есть - «князь». О наследственности либо приобретённости статуса хроники умалчивают. Попытка оценить порядок явления с точки зрения масштаба воздействия на местную демографию, в сочетании с полным отсутствием следов масштабного переселения, позволяют предполагать относительную численную компактность и мобильность группировки предполагаемого Вятко, которая без конфликтов и споров сразу стала во главе уже проживавших на Верхней Оке различных этнических и территориальных групп.

Рассмотрению вопросов связанных с информацией о возможности западнославянского происхождении Вятко, о его вероятной принадлежности к великоморавскому культурному кругу и о значении проходившего по территории

верхнеокского бассейна торгового пути «из немец в хазары» как маршрута вероятного переселения автор настоящей работы посвятил несколько отдельных статей[1]. Следует упомянуть многозначительность и явную претенциозность общепризнанной реконструкции полной формы имени Вятко – «Вячеслав».[2] Антропоним «Вятко» (vętъko) представляет собой сокращение от славянского «Вячеслав» – «ещё более славный»[3]. Учитывая его двусложный характер, подчёркивающий значимость, он мог служить именем, указывающим знатность своего носителя. Наиболее активно это имя использовалось в чешско-моравской западнославянской традиции и восходит к праславянскому ***vętjeslavъ.*** Отмеченная «статусность» подкрепляет предположение о возможной реальности основ возникновения изложенной легенды[4]. Существование такой именной формы подтверждается обнаружением упоминаний в европейских хрониках интересующего нас периода на территории Богемии, Чехии и Моравии князей с именами «Witislan» и «Witizla»[5]. Учитывая весьма бурную военную и политическую историю тех земель в VIII-IX вв., они вполне могли стать родиной либо местом формирования группировки по руководством лидера (вождя, князя и т.п.), носившего (или не носившего) имя Вячеслав, пришедшей затем по какой-то причине на верхнеокские территории (в этой связи интересна история Зличанского княжества и восточной части т.н. Белой Хорватии)[6].

Существование легендарных эпонимов «Вятко» и «Радим» подкреплено наличием реальных антропонимов, а их форма соответствует принципам

---

[1] Майоров А.А. Призвание Вятко (к вопросу о создвнии вятичского племенного союза) //Вестник Брянского государственного университета: Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. 2015. № 3 (26). С.101-104; Майоров А.А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция// Вестник Брянского государственного университета: исторические науки и археология / литературоведение / языкознание/ педагогические науки 2016. № 4(30).С.71-77.

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева/ под ред. и предисл. Б.А.Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. С.376, 378.

[3] Фасмер М. Там же.

[4] Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения //Вопросы языкознания. 2000. №5. С.6.

[5] Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales. – Ed.G.H.Pertzii, Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891. С.126.

[6] Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд-во Брян. ун-та, 2002. С.51-52; Войтович Л.В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э.: Начальные этапы формирования государственности //ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С.35.

славянского словообразования: «Если бы названные имена не были засвидетельствованы другими источниками, то летописный текст мог бы служить вполне аутентичным доказательством их реального существования. …В родословных легендах радимичей и вятичей в качестве эпонимов использованы подлинные имена. Не эпоним отвлечен от племенного названия (как в случае с Чехом, Лехом и Русом), а племенное название является производным от реального антропонима. Исторически сомнительный источник оказывается вполне надежным ономастически»[1]. Приведённое суждение также является непрямым, но значимым аргументом в пользу гипотезы о «призыве».

Исходя из имеющейся явной исторической аналогии, Вятко со своим родом (кланом, вооружённой либо родственной группировкой и т.п.) мог прибыть на Верхнюю Оку для обеспечения безопасности торгового маршрута и населения, некоторое время здесь уже проживавшего. Степень знатности и родовитости рассматриваемого персонажа в настоящее время является параметром неясным, но применение в рассказе о нём оборотов, аналогичных использованным при описании «призвания варягов», позволяет рассматривать вопрос о высокой статусности персонажа. Среди изложения об историческом пути восточнославянских этнических группировок летописного рассказа *о призвании* удостоились лишь две группы «братьев» – Рюрик с Синеусом и Трувором и Вятко с «братом Радимом». Хронологически параллельное «призванию варягов», «верхнеокское призвание» не могло не уйти в его смысловую «тень». В то же время, последствия этого легендарного события выглядят вполне правдоподобно и указывают на вероятность его реальности.

В отличие от них, также упоминаемое в летописях предание о Кие, Щеке и Хориве не соответствует критерию «призванности», несопоставимо по масштабу деяния и «местечково» локально в первоначальном значении этого слова: «седяше Кий на горе, идеже ныне оувозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, идеже ныне

---

[1] Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год)/ Ин-т всеобщей истории. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С.388.

зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, отъ негоже прозвася Хоривица»[1]. Впрочем, даже в нём содержится попытка возвеличивания «основателя»: «…Кий княжаше в роде своемъ. …велику честь приялъ от царя»[2]. Кстати, здесь также, как и в случае Вятко и Радимом, исследователи замечают явный великоморавский след[3].

Повествование о «приходе Вятко» географически масштабно и выглядит вариантом хорошо известной истории о «призвании вождя издалека» местным населением. Подобная гипотеза позволяет примирить факты «неместного» происхождения Вятко с неплохой заселённостью региона уже к X в., а также спецификой летописного рассказа. Кроме того, «призванность» уже подразумевает проживание «призывающего» населения на рассматриваемой земле и даёт возможность отнести начало освоения территории к значительно более ранним, относительно момента «призыва», хронологическим периодам. Интересной темой для дальнейших исследований может также стать изучение явно прослеживаемых параллелей между летописным рассказом о «братьях Вятко и Радиме» и описанной в повествованиях западных хронистов братской (единокровной) паре католических епископов конца IX – начала X в., причисленных к лику святых – Адальберта Пражского (в миру Вацлава/Воцеха) и первого польского архиепископа Радима Гаудентиуса[4].

Столь подробное рассмотрение гипотезы о западном происхождении самого легендарного Вятко отнюдь не является попыткой обосновать западнославянское происхождение всех вятичей: бесспорным представляется, что основная часть славянского населения бассейна Верхней Оки переселилась сюда с не столь далеко расположенных территорий. Хотя, тот же В.В.Седов допускал вероятность существование славянского лидера с таким именем и «…что Вятко был предводителем той группы славян, которая первой пришла на верхнюю

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.8.

[2] Там же. С.9.

[3] Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. С.124.

[4] B. Bretholz. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II. Berlin, 1923. C.60.; Witold Taszycki [red.]: Słownik staropolskich nazw osobowych, t. IV, z. 3, Pstrocha - Rżeniec. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. C.421.

Оку. …Изолированная жизнь на Оке и метисация с местными балтами привели к племенному обособлению вятичей».[1] Н.К.Никольский, анализируя древнейшие летописные рассказы, обозначил именно Великую Моравию в качестве территории, славянского исхода и места первоначального распространение христианства среди славянских народов[2]. Им же высказывались предположения о существовании «политических причин» удаления информации о связях восточных славян с великоморавской традицией[3]. В русле озвученной выше гипотезы своеобразие отношения летописцев к Вятко и вятичам, заключающееся в недоговорённостях о статусе вождя и параллельных «намёках» на специфические особенности описываемых процессов, выглядит вполне логичным.

Весьма объёмный комплекс исследований о славянской колонизации верхнеокского бассейна полон противоречивых гипотез. В.В.Седов полагал вероятным отнесение времени начала поселения славян на землях, прилегающих к Верхней Оке, чуть ли не к постчерняховскому периоду (начиная с последних десятилетий IV века), когда падение «черняховцев» стало одной из причин кардинальной модификации ряда черт поселенческой и бытовой культуры балтов-«мощинцев»[4]. Основной же объём славянской колонизации он относил к VIII веку, указывая, что «сложившаяся здесь культура по основным показателям сопоставима с синхронными древностями южной зоны Восточной Европы»[5]. Выявление точных маршрутов переселения и территории исхода являлось, по его мнению, невыполнимой задачей. В суждении о моменте начала полномасштабной колонизации в VIII в. его, с оговорками, поддерживают Т.Н.Никольская и А.В.Григорьев[6]. Логичным в этом ряду выглядит начало славянского расселения в северной части рассматриваемой территории с середины IX в., либо даже

---

[1] Седов В.В. Восточные славяне в VII – XIII вв. М.: Наука, 1982. С.148.

[2] Никольский Н.К. «Повесть временных лет»как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Сборник по русскому языку и словесности. Т.2. Вып.1. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1930. С.69-77.

[3] Там же. С.84-106.

[4] Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины //Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С.155.

[5] Там же.

[6] Никольская Т.Н. Земля вятичей… С.12-16, 42, 56; Григрьев А.В. Славянское население… С.134.

несколько позднее[1].

Указанием на неравномерность хода колонизации можно полагать отмечаемое археологами «многократное увеличение населения в первой половине IX в.»[2]. Ранние славянские поселенцы численно пополнились носителями различных славянских традиций, о чём свидетельствует появление новых типов украшений, хозяйственных и бытовых приёмов. Верхнеокский бассейн следовал в русле восточноевропейских демографических тенденций, поскольку «…в начале IX в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона»[3]. В такой ситуации необходимость появления и фиксации некой значимой и лидирующей фигуры локального масштаба выглядит вполне возможной. В условиях действующего транспортного маршрута «восток-запад» миграции такого рода могли продолжаться ещё довольно длительное время. Интересно, что и летописи, в древнейшей своей части явно восходящие к единому источнику, косвенно определяют время консолидации населения Верхнеокского исторического региона после размещения на Оке легендарного Вятко серединой IX в., поскольку *единовременный* платёж дани с весьма обширной территории мог быть осуществлён только в условиях существования *единой управленческой структуры* либо нескольких структур, явно координирующих деятельность между собой[4].

Интересно, что в расположенном несколько восточнее Поволжье в хронологически близкий период происходили процессы, аналогичные верхнеокским. Археологические данные свидетельствуют, что после разгрома Хазарского каганата «с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется поток беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. …Предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население… было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих

---

[1] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: «Свиток», 2019. С.87; Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Дис. к.и.н. М., 2001. С.166.

[2] Григорьев А.В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы)// Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С.99.

[3] Григорьев А.В. О «второй волне» славянской колонизации. С.100.

[4] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.18

переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства»[1]. Там фиксирует резкий рост численности оседлого земледельческого и ремесленного населения, появление множества протогородских поселений[2]. Исследователи обычно связывают описанные события с религиозными столкновениями внутри Хазарского каганата. В то же время, место нового поселения «вынужденные переселенцы», по всей видимости, выбирали в соответствии со своей этнической принадлежностью, так что те из них, кто ощущал себя относящимся к славянской этнокультурной среде, вполне мог переместиться на земли восточнославянские.

Таким образом, рассматриваемые касательно Верхней Оки переселенческие процессы отличались высокой динамичностью и многоплановостью, а потому полагать колонизацию единым, цельным и чётко организованным явлением, абсолютно неверно. Судя по всему, начало формирования вятичей как территориальной этнической и политической группировки стало результатом, по меньшей мере, нескольких разнообразных и разнородных переселенческих событий. Оно было весьма протяжённым по времени и сложным по составу участников, происходивших из различных, иногда весьма удалённых друг от друга территорий и, вероятно, являвшихся носителями различных (порой значительно) культурных традиций.

Хронологический разрыв между благополучным широкомасштабным проживанием на Верхней Оке «мощинцев» и расселившимися позднее вятичами нуждается в «закрытии» ещё и по той причине, что данные археологии и нумизматики указывают на весьма высокую местную хозяйственно-торговую активность, обозначенную выпадением монетных кладов, которые позволяют относительно точно датировать период своего заложения[3]. Сложность шедших процессов явно обозначается изрядным разрывом между 810-ми и 850-ми гг.,

---

[1] Измайлов И.И. Становление Волжской Булгарии// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С.227

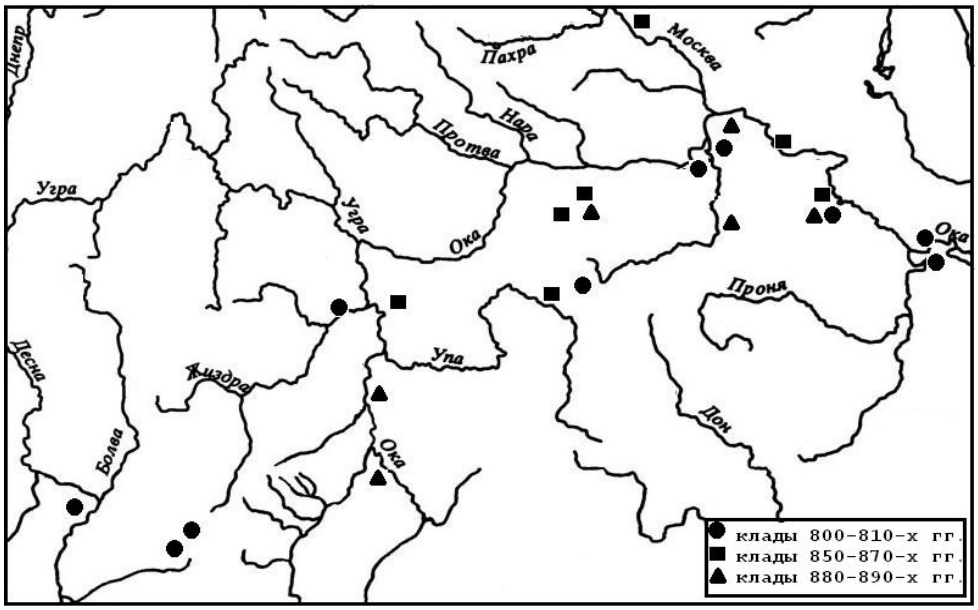
[2] Казаков Е.П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии// Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ. С.80-82.

[3] См. Кулешов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв.// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С.387-389

отслеживаемым благодаря отражённой на карте нумизматической информации, обозначившего очевидную проблемность продолжения налаженной деятельности в течение, по меньшей мере, второй четверти IX в. К середине того же столетия сложности были преодолены и активизация переселенческих и организационных процессов на верхнеокских землях выглядит хорошим способом их разрешения.

Рисунок 6

Клады, датируемые IX в.



Можно полагать обоснованным утверждение, что для IX в. «основное направление движения восточного серебра — по Дону»[1]. Донской путь выводил верхнеокские (а через них волжские, двинские и деснинские) маршруты, через нижнее течение Дона к Азовскому морю. А ведь в этот период та называемая «Черная Болгария», включавшая земли Приазовья и Подонья, была одним из самых экономически развитых регионов Хазарии. …Основу его составляло земледельческое население, имевшее навыки ремесленного производства и участия в мировой торговле»[2]. Это не могло не сказаться на явном росте благосостояния жителей бассейна Верхней Оки и активизации процессов нового расселения.

В качестве одного из наиболее вероятных вариантов возможных

---

[1] Измайлов И.И.. Становление Волжской Булгарии //Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С.224.

[2] Измайлов И.И.. Указ. Соч. С.226-227.

первоначальных поселенцев на почти опустевших после мощинской катастрофы верхнеокских землях представляются носители волынцевской археологической культуры, выступавшие в качестве передовой группировки освоителей рассматриваемой территории[1]. Принимая во внимание ранние датировки выявленных волынцевских памятников (VIII в.), можно говорить о закрытии (либо, по меньшей мере, значительном сужении) хронологического разрыва между поздними мощинцами и ранними «протовятичами»[2]. Несколько позднее здесь фиксируется расселение славян, чётко относившихся к роменскому культурному ареалу.

Подробное рассмотрение территории нахождения и датировок волынцевских древностей позволяет говорить об административной и культурной связанности славянских первопоселенцев на Верхней Оке с носителями волынцевской культуры, являвшихся, судя по всему, отдельным социально-этническим сословием Хазарского каганата[3]. Составлявшие на первом этапе местную «элиту», они некоторое время явно сохраняли особую «…этнокультурную идентичность, степень которой снижалась по мере продвижения на север до больших излучин Десны и Оки»[4]. В более поздние периоды отдельные особенности «волынцевского наследия» можно отследить, как уже указывалось, среди черт, присущих различным вариантам роменской культуры[5].

Юго-восточная граница вятичского ареала, согласно выводам И.И.Ляпушкина, А.В.Григорьева и ряда других исследователей, в последующем долгое время являлась зоной культурных, военных и коммерческих контактов с инокультурными и иноязычными (тюрко- и ираноязычными) соседями[6]. Её

---

[1] Григорьев А.В. Славянское население. С.145-146.

[2] Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа// Краткие сообщения института археологии. Вып. 144. Средневековые древности Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С.3-10.

[3] Шинаков Е.А., Чубур А.А. Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы. С.193-195.

[4] Там же. С.196.

[5] Григорьев А.В. Славянское население. С.127, 134, 145-146, 158-159.

[6] Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в). Историко-археологические очерки. Ленинград: Наука, 1968. С.149-153; Григорьев А.В. Славянское население. С.10, 13-14, 55-56, 66-68, 73, 78, 87, 91,93-94, 96, 98, 100-101, 105, 127, 145, 151, 155-156, 158-159.; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ляпушкин И.И. Ф-1. Р-1. № 205. Краткий

особенностью, как неоднократно указывалось, был выход сюда двух значимых торговых маршрутов – донского и волжского, продолжавшихся далее, в том числе по Оке и её притокам.

Постоянно возникающая тематика полиэтничности и поликультурности демографической основы, послужившей базой для сложения вятичей как этнической группы, заставляет несколько более внимательно рассмотреть возможные внешние культурные и этнические влияния, сыгравшие ощутимую роль в рассматриваемом этногенезе. В этой связи стоит проследить степень воздействия мощинского наследия и оценить влияние иных соседствующих этносов. Упоминавшиеся результаты исследований гидронимов верхнеокского бассейна подтверждают сохранение славянами огромного пласта исходно балтских названий местных водоёмов на всей его площади[1]. Учитывая общепризнанно бесписьменный характер рассматриваемого исторического периода, следует считать это убедительным подтверждением существования плотных и длительных контактов указанных этносов, вплоть до участия поздних балтов в процессе этнического становления вятичей. Отсутствие в современных говорах Верхней Оки каких-либо балтских элементов не является синонимом отсутствия взаимодействия: современный английский язык и его многочисленные диалекты практически также далеки от бриттского языка, как и различные скандинавские диалекты, не имевшие контактов с кельтами, а генетически близкие финнам поморы являются несомненно русской по языковому и культурному признакам этнографической группой.[2]

Проживавшие на Верхней Оке восточные балты, судя по всему, находились, примерно, том же культурном уровне, что и расселявшиеся славяне, а потому, по

предварительный отчет о полевых исследованиях Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Института Археологии АН УССР 1947 г. 1 черт. б.ф. На 160 л.

[1] Топоров В.Н. Балтский элемент в гидронимии Поочья. I/ Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С.154-177; Он же. Балтский элемент в гидронимии Поочья. II / Балто-славянские исследования 1987. М.: Наука, 1989. С.47-69; Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2004. С. 83-114.

[2] Балановская Е.В., Пежемский Д.В., Романов А.Г., Баранова Е.Е., Ромашкина М.А., Агджоян А.Т., Балаганский А.Г., Евсеева И.В., Виллемс Рихард, Балановский О.П. ГЕНОФОНД РУССКОГО СЕВЕРА: СЛАВЯНЕ? ФИННЫ? ПАЛЕОЕВРОПЕЙЦЫ?// Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. №3. 2011. С.53-54. (27-58)

всей видимости, они не смогли внести в общую «языковую копилку» новых восточнославянских групп каких-то принципиально новых понятий, терминов и значений. Постоянный приток новых поселенцев неизбежно должен был сделать гипотетический восточнобалтский культурный и лингвистический элемент неразличимо малозначимым. О неоспоримости длительных, близких и очень тесных контактов местных восточных славян с балтами позволяет уверенно говорить лишь богатейшее балтское гидронимическое «наследие», обусловленное тем, что восточнославянские колонисты, как и на других восточноевропейских территориях, традиционно использовали при переселении сюда возможности разветвлённой верхнеокской речной сети[1].

Отличить хозяйства славян от их предшественников позволяет разница способов земледельческого освоения территории: ранние балтские культуры активно применяли лесную подсеку как осн**о**вный агротехнический приём, в то время как славяне предпочитали пашенное земледелие. Об этом говорит расположение обнаруженных поселений: балты «…предпочитали песчаные ландшафты полесского типа», а вторые ориентировались «в сторону преимущественного заселения ландшафтов с черноземами»[2]. Судя по всему, подсечно-огневой метод применялся вятичами значительно реже – как ситуативно-вспомогательный.

Подсечное земледелие как набор агротехнологий порождено изначальным хозяйствованием на лесных почвах, когда «сжигание предварительно высушенного горючего материала во много раз увеличивает плодородие почв за счет растворимых веществ, поступающих из золы. Тем самым на короткое время (один-два года) создаются исключительно благоприятные условия для произрастания культурных растений. …Для культурных растений последствия огневой обработки песчаных ландшафтов оказываются в общем благоприятными. Эти ландшафты превращаются в богатое, хотя и недолговечное, вместилище

---

[1] Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев: 2000.

[2] Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // Краткие сообщения института археологии. 146. Славяно-русские древности. М.: «Наука», 1976. С. 14, 16.

элементов питания. Водно-физические свойства и воздухопроницаемость песчаных, супесчаных и легкосуглинистых почв хотя и ухудшаются, но не выходят за пределы допустимого. Кислая реакция почв даже уменьшается за счет внесения древесной золы»[1].

Иной выглядит ситуация на чернозёмах – «после обработки огнем и обесструктуривания воздухо- и водопроницаемость этих почв резко ухудшается, и это неблагоприятно отражается на развитии культурных растений. …Урожай на такой подсеке при равных затратах труда будет значительно ниже, чем на подзолистых почвах»[2]. По сути дела, после огневой обработки чернозёмы «спекаются» в плотную недостаточно водопроницаемую массу, мало пригодную для последующей обработки. Сжигание леса и степных трав, помимо того, очень разнится по времени и степени термического воздействие на почвы: кратковременные низкотемпературные «палы» в степи не сравнимы с дающими порой экстремальные результаты лесными пожарами.

Результаты археологического изучения находящегося внутри лесных массивов (а потому показательного) верхнеокского Мещовского ополья в целом подтверждают указанные выводы: обследованные памятники, относящиеся к славянскому периоду его освоения, локализуются преимущественно в долинах речных террас, там, где «присутствуют основные типы наиболее плодородных гумусовых лесных почв», близких по своим характеристикам к чернозёмам[3].

В традиционных аграрных обществах (в число которых явно входили социумы восточных славян) набор способов ведения производств мало изменяем, а потому маловероятным выглядит заимствование навыков и приёмов у враждебных и побеждённых этносов. Первоначальные же славянские переселенцы, согласно результатам археологических изысканий, относились к роменской археологической культуре, располагавшейся, преимущественно на чернозёмах и компетентной именно в их обработке[4]. Подтверждая это заключение,

---

[1] Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки. С.14-15.
[2] Там же.
[3] Прошкин О.Л. Мещовское ополье. С.80-81.
[4] Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Гос.

раннее расселение славян первоначально происходило на чернозёмах (и близким к ним по характеристикам почвах речных долин), лишь позднее сменившись «менее разборчивой» территориальной экспансией. Освоение новой агротехники, актуальной именно в лесной почвенно-климатической зоне, также косвенно подтверждает гипотезу об участии местных балтов в становлении восточнославянской этнополитической группировки, известной в настоящее время под именем вятичи[1].

Анализ известных деталей погребальной обрядности позволяет предположить ряд прямых заимствований славянами-переселенцами отдельных черт балтской похоронной обрядности. «Славяне, поселившиеся в ареале мощинской культуры, первоначально не знали курганной обрядности и переняли ее от аборигенов. Воспринят был и обычай сооружения кольцевых оград»[2]. Наличие этих явлений подтверждают гипотезу о (по меньшей мере) тесном взаимодействии и кооперации с остатками предшествующего этноса (*реципрокности*, говоря языком эволюционной биологии) либо даже об инкорпорировании части автохтонной ритуальной практики в ходе культурной ассимиляции.

Скорость культурного поглощения реликтового балтского населения оказалась очень высокой, в числе же проявлений вятичской самобытности, отличной от обычаев и порядков их восточнославянских соседей, можно указать целый ряд явлений, относящихся, скорее всего, к «мощинскому» наследию[3]. Среди них, помимо указанных выше приёмов хозяйствования на лесных почвах и огромного пласта сохранившихся дославянских гидронимов и топонимов, а также балтских каменных «ограждений» на захоронениях, следует обязательно отметить специфические украшения (в частности, височные кольца) и ряд приемов домостроения[4]. О «стремительности» ассимиляционных процессов можно судить по знаменитому летописному сообщению о лесном образе жизни вятичей, что

музей-заповедник «Куликово поле», 2005. С.144-145.

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.12.

[2] Седов В.В. Голядь// Iš baltų kultūros istorijos. Vilnius: Diemedis, 2000. С. 75-84.

[3] Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. С.143-144.

[4] Григорьев А.В. Указ. соч. С.52-54.

явно противоречит современным археологическим данным. По всей видимости, чрезвычайно быстрое усвоение новых способов и методов ведения хозяйства привели к возникновению в течение буквально нескольких десятилетий новых культурных стереотипов.

В свою очередь, славянский колонизационный поток также не был однороден в культурно-этническом аспекте и представлял собой совокупность носителей различных производственных и хозяйственных традиций. Об этом говорят данные анализа традиций сооружения и размещения печных сооружений, являющихся, так же как и ряд других аспектов бытийности (таких как домостроение, различные элементы обрядовости, организация производственных и социальных процессов и т.д. и т.п.) весьма традиционной и табуированной сферой. Судя по всему, вятичская традиция их возведения близка традициям карпатских хорватов и части полян (каменные очаги для обогрева и каменно-глиняные печи)[1]. Есть некоторые параллели с «мощинцами». Показательно, что культурно и территориально близкие северы пользовались в это время иными по технике сооружения конструкциями (подбойные печи и очаги для обогрева и останцовые либо глиняные печи)[2]. В данном случае невольно вспоминается гипотеза о западном происхождении некоторой части «первовятичей», а изложенным фактом подтверждается явное наличие западного (возможно, «карпатского») переселенческого маршрута.

Ряд местных топонимов совпадает либо близок северным (новгородским), которые, в свою очередь, имеют параллели среди западнославянского ареала. Среди них – Будогощь, Велеговши (Велегощ), Перестряж, Хотынец (Хотынка), Залегощь (из первоначального Жалегощ), Легоща, Радогощ (Радогощь, Радугощи, Редгощ и т.п.), Домагощ, Шигостово, Гощь, Хотимль, Жупань, Болычево, Гостомля, Судимир, Жирятино и т.д.[3] На рассматриваемой территории отмечена

---

[1] Смиленко А.Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII-X вв.// Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов/ АН УССР, Ин-т археологии; Отв. Ред. Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1989. С.111.

[2] Там же.

[3] См. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)/ Великий Новгород: Изд-во Новгород. ун-та, 2005. С. 92, 100, 108, 130, 134, 135, 136, 141, 144, 157, 168, 186, 195, 205, 308, 323, 333.

концентрация гидронимов, оканчивающихся на «гощ» (а также ряд прямых топонимических совпадений)[1]. Стоит заметить, что в отечественной истории перенос старых названий на новое место обычен. Как пример: зафиксировано перемещение слова «Воронеж» с территории современной Сумской области Украины в Центральное Черноземье и позднейшее его присвоение новопостроенному укреплённому поселению[2]. В русле рассмотрения этого вопроса находится и отмечаемые исследователями лингвистические отличия между вятичами и культурно близкими северами и радимичами[3]. То есть, и славяне, практически одновременно переселявшиеся на Верхнюю Оку, были носителями различных культурных и лингвистических традиций.

Судя по всему, формирование вятичской этнополитической группировки представляло собой процесс, протяжённый во времени и прошедший несколько этапов, включающих в себя несколько значимых миграционных потоках славянской колонизации верхнеокского бассейна. Первый – роменский (и, вероятно, предвосхитивший его ранний, ещё неславянский волынцевский) – шёл с юго-запада и, возможно, с юга, на что указывает явно прослеживаемое культурная близость расположенных на юге и юго-западе северских и локализованных на севере и востоке вятичских земель, подтверждаемое археологией[4]. Он, видимо, представлял собой неспешное и слабо организованное расселение славян среди аборигенов, относившихся к мощинской археологической культуре, в бассейн Верхней Оки и Верхнего Дона. Его, по всей видимости, следует рассматривать как базовый для формирования славянского демографического облика региона.

Второй поток – западный – использовался, по меньшей мере, два раза: при прохождении ранней «деснянской волны», во многом выступавшей продолжением ранее описанных процессов переселения с южных территорий как

---

[1]Там же. С.124.

[2]Селезнев Ю.В. Первое и второе упоминание Воронежа: обзор летописных известий // «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании). Воронеж, «Новый взгляд», 2017. С. 5-8.

[3] Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. №3. С.39, 42.

[4] Седов В.В. Восточные славяне в VII – XIII вв. М.: Наука, 1982. С.148.; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. С.144-147.

логистически удобный маршрут перемещения и позже – в период хронологически синхронный летописному «призванию Вятко» IX-X вв. Более поздний, по всей видимости, включал в себя несколько небольших по численности и различных по происхождению групп – с элементами западно- и южнославянскими – и, вероятнее всего, имел местом исхода славянские территории, находившиеся значительно южнее и западнее, которые подвергались воздействию великоморавской и балканской (болгаро-византийской) культурных традиций (это в некоторой степени подтверждает возможность существования связей верхнеокского региона с гипотетической родиной летописного Вятко). Второе событие, по всей видимости, стало поводом обозначить местную культурную самобытность, поскольку способствовало появлению собственного этнонима «вятичи» и было запечатлено летописцем. Совокупность отмеченных явлений подтверждают предположение о синтетическом характере формирования вятичской этнополитической группировки.

В качестве отдельного вопроса, требующего упоминания, выступает верхнедонская группировка восточных славян, не соотносимая ни с одним из летописных славянских «племён»[1]. Высказываются даже предположения о её намного более древнем происхождении, нежели известные летописные «племена»: около «III в. начинается проникновение на Верхний Дон отдельных групп киевского, а позже киевско-черняховского населения из Левобережья Днепра. Скорее всего, оно уже говорило на диалектах праславянского языка»[2]. В то же время, характеристики найденных остатков их материальной культуры показывают значительную (вплоть до совпадения) их близость вятичам Верхней Оки[3]. Речь идёт об огромном количестве признаков: особенностях изготовления и украшения сосудов, сооружения погребальных курганов и их внутреннем устройстве (погребальные камеры, круговые оградки и т.п.), ряде предметов материальной культуры.

---

[1] Седов В.В. Восточные славяне в VII – XIII вв. М.: Наука, 1982. С.140-143.

[2] Медведев А.П. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье // Исторические записки: науч. тр. ист. фак. ВГУ. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, Вып. 8, 2002. С.204.

[3] Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII-начало XI века). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С.110-115.

В качестве вероятных вариантов возможны предположения, что какая-то крупная группа вятичей в IX в. переселилась сюда с Верхней Оки, либо где-то существует до сих пор ещё не найденная общая прародина донских и окских славян, отличающихся по своей культуре от прочих славянских этнических групп[1]. Впрочем, может быть сформулирован и вариант обратный – переселения с Дона части местных славян на Оку. Возможным выглядит и разнонаправленное движение переселенцев в разное время. Как и вятичей, данные археологических изысканий позволяют отнести донских славян к числу носителей роменской (роменско-боршевской) археологической культуры, максимально близких верхнеокским. Потому вполне возможным выглядит их будущее классификационное объединение с вятичами в единую этнополитическую группировку.

В ряде работ упоминается гипотетический финский характер этнического субстрата вятичей. Основой такого утверждения являются результаты исследований восточнославянской краниологии, которые содержат вывод «о преобладании в крайних восточных группах славян (вятичи, ярославские, костромские, владимирские кривичи) антропологических черт присущих финно-угорскому, по-видимому, древнемордовскому населению»[2]. Аргументация также опирается на неупоминание Лаврентьевской летописью вятичей в чётко очерченом списке славян: «Се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси»[3]. Оба аргумента опровергаются чёткой локализацией обследованных исследователями ареалов вне верхнеокского бассейна: «антропология располагает данными лишь о вятичах, известных по курганам *среднего течения Оки*»[4]. Известно, что среднее течение Оки (после впадения в неё р.Москва) заселялось восточными славянами несколько позднее и здесь разнообразные признаки присутствия здесь угро-финнов бесспорны, другое дело, что движение в этом направлении восточные

---

[1] Там же. С. 116.

[2] Алексеева Т.И. Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении// Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С.164.

[3] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.10.

[4] Алексеева Т.И. Антропологические характеристики. С.166.

славяне начали несколько позднее – в IX-X столетиях[1]. Потому и положение о воздействии финно-угорского субстрата на вятичей в целом выглядит следствием неудачного обобщения.

В более поздних своих работах Т.И.Алексеева чётко указывает, что ей проводилось обследование черепов, принадлежащих весьма специфической и поздней по времени северо-восточной (московской) группе вятичей[2]. Верхнюю Оку, бывшую зоной первичного расселения рассматриваемой этнической группы, Т.И.Алексеева обоснованно относила к зоне балтского расселения: «по данным археологии, языкознания и по летописным источникам, до появления славян в Восточной Европе балты занимали огромные пространства по Неману, Западной Двине, в верховьях Днепра и Оки»[3]. Исследований костных останков ранних верхнеокских славян, по сути, не велось – вследствие распространения кремации как основного способа захоронения. Единственный крупный массив костных останков бассейна Верхней Оки, хронологически синхронный раннему периоду вятичской колонизации, которые могли принадлежать вятичам, обнаруженный на Супрутском городище, оказался малоинформативным вследствие серьёзной повреждённости[4].

Аргумент летописный легко нейтрализуется указанием на невхождение вятичского этнополитического объединения в состав приднепровского политического формирования «Русь» (как сферы контроля Рюриковичей) на момент создания летописи[5].

Таким образом, можно констатировать признаки нескольких маршрутов колонизации территорий бассейна Верхней Оки, начиная с VIII в. К числу первопоселенцев следует отнести небольшие группы носителей волынцевской археологической культуры, вслед за которыми началось перемещение всё

---

[1] Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.78, 87, 97.

[2] Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. С.24-25.

[3] Алексеева Т.И. Этногенез и этническая история восточных славян// Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С.311.

[4] Изюмова С.А. К вопросу о «погребениях» на Супрутском городище// Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д.А.Авдусина). М.: Памятники исторической мысли, 1998. С.114-116.

[5] Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

возрастающего количества славян-«роменцев». Переселение происходило, прежде всего по юго-западному и, в меньшей степени, западному маршруту. Использование юго-восточного (донского) пути пока не имеет достаточного количества аргументов. Расселение происходило, по-видимому, вполне мирно, ввиду малочисленности сохранившегося в ряде мест на второстепенных речных притоках «постмощинского» балтского населения и, вероятно, благожелательно воспринималось частично контролировавшими транспортные маршруты властями Хазарского каганата.

В середине IX в. по западному маршруту на территорию Верхнеокского региона прибыло несколько групп, являвшихся вероятными носителями ряда черт, соотносимых с южной (балканской) и западной (моравской) славянской традицией. Не будучи численно крупными, они, тем не менее, оказали заметное влияние на формирование ряда культурных и бытовых черт формирующегося верхнеокского этнополитического объединения. Среди них, по всей видимости, имелась группа, состоявшая из социально высокоранговых лиц, ставших основой для формирования зафиксированного летописями повествования о приходе (призвании) Вятко и Радима на Оку и Сож соответственно. Летописный рассказ, вероятно, отражает существование, в момент фиксации, реальных преданий о ходе вятичского этно- и политогенеза.

Исторический опыт, полученный местным населением, имел значительные специфические черты, отличавшие его от опыта прочих восточнославянских этнических группировок и дал возможность формирования собственной идентичности, отличной от соседей. Специфика её могла быть следствием инкорпорации в неё этнокультурных составляющих групп различного происхождения. Изначально разнородные по происхождению этнические элементы, сосуществовавшие на верхнеокской территории, были для летописца «вятичами», что указывает на внешнее восприятие цельности существовавшего вятичского этнополитического образования. В последующие после расселения периоды на рассматриваемой территории удаётся проследить признаки культурного и, судя по всему, экономического единства, что позволяет

предполагать существование здесь общей территориальной структуры, пронизанной культурными, религиозными, экономическими и родственными контактами и связями.

§ 3. Возникновение и становление вятичского этнополитического объединения

Географические особенности территории всегда прямо или косвенно воздействуют на формирование и сохранение специфических черт быта и общественного сознания местного населения. Местоположение этнополитического объединения вятичей на юго-восточной окраине славянских земель во многом определило обособленный характер существования местных жителей и их сообществ. Другой особенностью, традиционной для славянских поселений, являлась отмеченная выше явная «привязка» структуры расселения вятичей к речной сети. В современном орловском регионе относящиеся к их ареалу поселения и находки, локализуются преимущественно на Оке и её притоках, на берегах относящейся к донскому бассейну реки Сосна (Быстрая Сосна), многочисленны также курганные могильники по всей территории области.[1] На калужской территории вятичские памятники также сосредоточены вдоль Оки и её притоков: Жиздры, Серены, Угры, Выссы и т.д.. Такие памятники немногочисленны, но распространены по всей области. Находки весьма близки синхронным роменским образцам.[2] К водным же объектам привязаны памятники ранних вятичей, распространённые в центре и на западе современной Тульской области. Характерно, что «в отличие от других районов верхнеокского региона, здесь выявлено значительное количество укрепленных поселений… Все эти поселения были основаны на местах более ранних городищ мощинской культуры, причем их оборонительнве сооружения были значительно усилены, все характеризуется мощным культурным слоем VII-X вв.… Последнее обстоятельство может указывать на большую интенсивность жизни поселения в

[1] Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. С.255-258.
[2] Археологическая карта России: Калужская область / Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. С.19.

ранневятичское время»[1]. Исследователями отмечается многочисленность вятичей в докиевское время. Восток Брянской области традиционно считается местом расселения вятичей. В качестве его западной границы здесь можно указать течение реки Снежеть без её низовий, продвижению в которые явно препятствовали «густые, отчасти заболоченные лесные массивы левобережья Десны»[2]. По всей видимости, вятичей и северов (северян) в деснинском левобережье разделяла «выраженная естественная граница»[3].

Известно, что перечислявший славянские группировки знаменитый «Баварский географ» IX в. не располагал сведениями о вятичах[4]. Восточные источники более полны, в частности у Ибн Русте (ранее Ибн Даста), жившего в конце IX – первой трети X вв., указано, что «между страной печенежской и страной славянской 10 дней [пути]. В начале пределов славян – город, называемый Ва?.и?. Идешь к ней… по степям, бездорожью, через источники вод и густые леса, пока не придешь в их страну. Страна славян – равнинная и лесистая, и они живут в ней»[5]. Анонимный персоязычный «Худуд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб», датирующийся концом X в., упоминает «Вабнит – первый город на востоке [страны славян], и некоторые из его жителей похожи на руссов»[6]. Гардизи (Абу Са‘ид Абд аль-Хайй ибн ад-Даххак Гардизи) в своей работе середины XI в. «Зайн ал-Ахбар» («Украшение известий», «Краса повествований») упоминает город «Вантит», располагающийся на краю славянских земель[7]. Точная датировка моментов хронологической фиксации наименования у восточных авторов порой затруднена вследствии, зачастую, компилятивного

---

[1] Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН. 1999. С.50.

[2] Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX – XI веках // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э.М. Загорульского. Минск, 6-7 декабря 2018 г. Минск: Изд-во БГУ, 2018. С.80.

[3] Там же.

[4] Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства// Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С.281-282.

[5] Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г., Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I — Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; части II — В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С.44.

[6] Там же. С.51-54.

[7] См. Бартольд В. Отчет о поездке в СреднююАзию с научною целью 1893-1894 гг. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1897. С.122; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г., Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III. С.56-57.

характера сохранившихся описаний. В то же время, многие исследователи уверенно соотносят «Вантит/Вабнит» с городом либо территорией вятичей[1]. Кроме того, иногда с вятичами соотносят упоминаемый в ответном письме (958-965 г.) хазарского «царя» («мелека») Иосифа бен Аарона этнос «В-н-н-т» (чаще, впрочем, трактуемый как тюрки-оногундуры)[2].

Русские летописи говорят о вятичах под (очевидно условным) 859 г.: «В лето 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенехъ, и на Мери, и на всех, [и на] Кривичах; а Козари имаху на Полянехъ, и на Северехъ и на Вятичехъ, имаху по белей веверице отъ дыма»[3]. Несмотря на относительно невысокую достоверность приведённой даты, её всё же можно учитывать в качестве ориентира при определении верхней границы датировки гипотетического «призвания Вятко», поскольку данное сообщение фактически нацелено на косвенную «лигитимизацию» претензий возводящих свою родословную к варяжским князьям Рюриковичей в их праве управления славянскими (и неславянскими) этносами будущей Руси, а также владения, пользования и распоряжения их землями.

Фактическая датировка начала оформления Земли вятичей как общепризнанного явления в политико-административной структуре Восточной Европы скорее может быть соотнесена с явлением, которое археологи отмечают как «многократное увеличение населения в перв. пол. 9 в.» в междуречье рр.Днепр и Дон, тесно связанное с резкой активизацией освоения бассейнов «Верхнего Дона, Верхней Оки и междуречья Оки и Дона»[4]. Поскольку безосновательное «удревнение» момента начала функционирования

---

[1] Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С.147; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Издательство «Наука», 1982 С.259-260; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знак, 2004. С.210; Пряхин А. Д. Комплекс памятников конца I тыс. н. э. на северной окраине Воронежа: проблема локализации Вантита// Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М.: Институт археологии РАН, 1997. С.109-117.

[2] Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г., Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III. С.44, 198-199; Щавелев А.С. Датировка дипломатических писем Хасдая Ибн Шапрута// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С.186-195.

[3] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.18.

[4] Григорьев А.В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы). С. 99.

взаимосвязанных управленческих структур на землях Верхней Оки не является целью настоящей работы, постольку предлагается определить, что, в соответствии с результатами археологических исследований верхнеокских земель, сопоставленных с данными летописных нарративов, завершение формирования особой этнополитической и управленческой зоны, называемой в настоящей работе вятичским этнополитическим объединением можно отнести к середине IX в.

На представленной ранее карте транспортных маршрутов указаны основные пути перемещения, преимущественно связанные с речной сетью, которые отмечены археологическими материалами и местами нахождения кладов (См. Рис.7). Дискуссионным является функционирование в ранний период (до XII в.) «перемычки» между западнодвинским и окским маршрутами[1]. Данные современных археологических исследований показывают, что существование именно этого маршрута для периода конца IX– середины X вв. выглядит вполне возможным, учитывая наличие прослеживаемых связей с хазарской сферой экономического влияния[2]. Территориальная поселенческая структура соседних «смоленских» земель, сконцентрированная в тот период вокруг Гнёздовского комплекса, была построена вокруг проходившей здесь торгово-транспортной сети. В этой связи представляется маловероятным коммерчески нецелесообразное «удлинение» маршрутов доставки крайне востребованного монетного серебра, центром распространения которого в IX в. была контролировавшая низовья Дона и Волги Хазария (и её вассалы), а в более поздний период - расположенная на другом конце окского пути Волжская Булгария[3]. В особенности с учётом того обстоятельства, что найденные в окрестностях Гнёздово «дирхемы и подражания,

---

[1] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в.// Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С.396; Монгайт А.Л. Рязанская земля. 1961. С.310.

[2] Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.)// Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) /М-во культуры РФ, Правительство Вологодской обл., Ин-т археологии РАН; [редкол.: С. Д. Захаров (отв. ред.), А. В. Суворов].Вологда: Древности Севера, 2012. С. 90,94.

[3] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения. С.386.; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН.Ф-1. Р-1. № 123. Смирнов Алексей Петрович Отчет о раскопках городища Великие Болгары в 1947 г. На 73л. + 37 л.; НОА Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 219. Смирнов А.П. Отчет о раскопках городища Великие Болгары в 1948 г. На 180 л., чертежи, рис.

вышедшие с монетных дворов Востока, составляют 90 % нумизматической коллекции»[1]. Помимо прочего, территория вокруг "перемычки" весьма насыщена поселениями и памятниками, возникновение и функционирование которых датируется IX-X вв., что, с учётом относительно невысокого плодородия местных почв, ставит вопрос о вероятно торговом характере экономической основы их формирования и существования (именно транзитная торговля традиционно является источником высокой прибыли при относительно небольших вложениях)[2].

Возвращаясь на Верхнюю Оку, следует отметить, что обеспечение бесперебойного функционирования транспортных маршрутов (как, по всей видимости, и в описанном выше «гнёздовском узле») было одной из явных экономических основ зарождения и формирования вятичского объединения. Ранее уже отмечалось, что по территории верхнеокского бассейна проходили маршруты многих средневековых торгово-транспортных путей. Судя по всему из трёх наиболее доступных вариантов эксплуатации столь выгодного экономико-географического положения (ведение самостоятельной торговой деятельности, сервисное обслуживание торговых караванов, охрана/ограбление купцов) наиболее вероятными, в силу специфики экономического развития территории, представляются предоставление охранных услуг и обслуживающий сервис.

Преимущества географического расположения позволили Верхнеокскому (Верховскому) региону выступать в качестве удобного транспортного узла для транзита из балтийского региона через Волгу, Каспий, Среднюю Азию и в обратном направлении. Симптоматично, что активное использование торгового пути из Северной Европы в Центральную Азию и район Персидского залива было хронологически параллельно периоду расселения вятичей на рассматриваемой территории, когда «балтийская система коммуникаций приобретает новое содержание: из региональной она преобразуется в общеевропейскую и затем – в

---

[1] Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс// Русь в IX–X веках. С.262.

[2] Седых В. Пути поступления арабских монет на территорию Беларуси// Studia Numismatica Albaruthenica. Vol. I (Вып. 1)/ уклад. В.М. Сідаровіч, М.А. Плавінскі. Мінск: «Медысонт», 2011. С. 65-71; Археологическая карта России: Смоленская область. Часть 2/ Сост. Ю.А.Краснов, С.Е.Михальченко, В.С.Нефедов, Г.К.Патрик.М.: Институт археологии РАН, 1997. С.28-48, 157-172.

трансконтинентальную. Резкий рост значения Балтики был обусловлен радикальными переменами, происходившими в Средиземноморье, где арабские завоеватели перекрыли традиционные пути, связывавшие его с Востоком… Центр тяжести в поисках новых путей на Восток был перенесен с юга Европы на север»[1]. Установление и укрепление связей между территориями Северной Европы, прилегающими к Северному и Балтийскому морям, с одной стороны, и Волжской Булгарией, Хазарией и рядом иных стран к востоку и югу от мест расселения славян, с другой стороны, стало, во многом, результатом нахождения новых удобных торгово-транспортных маршрутов.

Через территорию Верхнеокского исторического региона в Северо-Восточную Европу (либо в южные страны) перемещались меха, мёд, воск, скот и рыба. Купцами могли быть представители разных наций, но, если в Хазарском каганате после уплаты пошлины в размере десятины торговец мог надеяться на относительную безопасность (как сообщает Абу Касим бен Хордадбех), то за пределами каганата риски были значительно выше[2]. В этом плане поддержка транзитной торговли местным населением была обоюдовыгодной для всех сторон. Специфической особенностью организации восточноевропейских торговых путей в IX-X вв. являлось то обстоятельство, что главной её целью была отнюдь не доставка местных товаров (пусть и успешно реализуемых на рынках развитых стран того времени). Основным востребованным объектом перевозки и торговли выступало, судя по всему, восточное монетное серебро[3]. Прочие товары (за исключением, пожалуй, компактных по габаритам предметов роскоши и, вероятно, специй) являлись, по сути, дополнением к нему. Зарождение Земли вятичей как структуры было обусловлено необходимостью поддержания порядка на многочисленных транспортных путях, проходящих по региону и имевших достаточно важное значение для контролировавших их сил во главе с Хазарским

---

[1] Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э.// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.51.

[2] См. Персидский географ Абу Касим Бен Хордадбех (820- 885 или 912) о титулах хазар и русов, городах Хамлидж, Баланджар и Самандар, о «путях еврейских купцов»// Хамидуллин Б.Л.Хазары и их вассалы глазами современников / Хамидуллин Б.Л. Казань: «Слово», 2014. С.146.

[3] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения. С.384.

каганатом.

Рисунок 7

Торговые маршруты Восточной Европы

Исследования указывают на существование масштабной разветвлённой восточноевропейской сети транспортных маршрутов, материальную основу которых составляли Каспий, Волга и крупные реки Северного Причерноморья. Многократные пересечения и переплетения имеющихся путей позволяют говорить о функционировании целой восточноевропейской торгово-транспортной системы, связывавшей Центральную Азию с Северной Европой и Центральной Европой[1].

Функционирование этой системы в VIII - X вв. находилось, судя по всему, под контролем двух крупнейших группировок, обеспечивавших бесперебойность и безопасность на своих, географически разделённых участках. Вполне вероятно существование и иных структур, действовавших на каких-то отдельных путях, а также внутреннее подразделение и конкурентная борьба внутри указанных группировок. В то же время, археологические данные позволяют по

[1] Там же. С.397.

этнокультурной принадлежности выделить именно две крупнейшие[1]. Первая группировка, условно обозначаемая как северная («норманнская», «варяжская»), контролировала пути, прилегавшие к Балтийскому морю. Вторая – южная («хазарская») – основывалась на маршрутах, связанных с Чёрным и Каспийскими морями[2]. Зоной их прямого контакта выступала полоса, проходившая приблизительно от бассейна Верхнего Днепра и далее, в Волго-Окское междуречье[3].

Особую роль, в особенности на волжских маршрутах, играла, расположенная в Центральном Поволжье Волжская Булгария. Речные торговые пути юго-востока Восточноевропейской равнины, расположенного в непосредственной близости от Верхнеочья, в период колонизации и становления Земли вятичей находились в сфере непосредственного влияния Хазарского каганата либо на его территории[4]. Благодаря этому, каганат мог непосредственно влиять как на местные экспорты (меха, воск, мёд и т.д.), так и на поставки серебра из Азии. Бассейн Верхней Оки являлся неотъемлемой и важной составной частью этой зоны, что подтверждается весьма активным выпадением кладов, состоящих преимущественно из куфических монет. Судя по ним, начиная с IX в. местным жителям удавалось пользоваться преимуществами своего географического расположения[5].

Часть волго-окского транзитного пути, за пределами Верхней Оки переходившая в деснинское и западнодвинское ответвления, пролегала по вятичским землям. Значение деснинских притоков признаётся всеми исследователями. Важность же западнодвинского пути подчёркнута фактом его упоминанием в древнейшей части летописей: «Двина… идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское… а по Двине въ Варяги»[6]. По крайней мере,

---

[1] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения. С.385-386.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.18.

[3] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. указ. соч. С.386

[4] Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв./ Назаренко А.В. М.: Языки русской культуры, 2001.С.92-94, 108-112.

[5] Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. – 2009: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.59-60.

[6] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.6.

западнодвинский путь, наряду с Днепровско-Волховским и Волховско-Волжским, «в ментальной карте Восточной Европы составителя «Повести временных лет» входил в тройку наиболее важных путевых речных маршрутов[1]. Знаменитое Гнёздово получило стимул к возникновению и росту именно как место «скрещения двух водных магистралей: Западная Двина – Днепр – Ока – Волга и Волхов – Ловать – Днепр»[2]. О продолжении окских путей через будущие смоленские земли говорят многочисленные находки в Верхнем Поднепровье кладов куфических дирхемов, младшие из которых были отчеканены в 810 – 820-х гг.[3] По этим же маршрутам следовало возвратное движение.

Сопоставление ландшафтных особенностей территории с данными найденных кладов позволяет определить трассу прохождения донского маршрута по рекам Дон и Упа в качестве наиболее вероятной трассы прохождения торгового пути. Прослеживается и параллельное использование (в меньших масштабах) для этого и прочих окских притоков в юго-западной части бассейна. «Возможные направления речных путей в полной мере совпадают с основными направлениями движения куфического серебра»[4]. Торговые караваны направлялись на запад и север: «Часть их уходила на запад, в верховья р. Оки, с последующим выходом на р.Десну. Другое ответвление пути шло на север, к устью р. Москвы. Оба направления маркируются более чем двадцатью кладами IX в.»[5].

Совокупная интенсивность транзитно-транспортных операций, осуществлявшихся на землях Верховского региона на протяжении IX-X вв. была

---

[1] Мельникова Е. Пути и народы: к характеритике ментальной карты составителя «Повести временных лет»// Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів /Редколегія: О.Б.Коваленко (відповідальний редактор) та ін. Чернігівська міська рада; НАН України. Інститут археології, Інститут історії України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського; Чернігівський державний педагогічний університет ім. Т.Г.Шевченка; Всеукраїнська спілка краєзнавців. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С.74.

[2] Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения// Краткие сообщения института археологии. Вып. 160. Средневековые древности Восточной Европы. М.: «Наука»,1980. С.30.

[3] Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С.384-410.

[4] Григорьев Г.А. Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С.69.

[5] Там же. С.67.

весьма высока. Оба основных маршрута активно использовались, как минимум, вплоть до конца X в.[1] Впрочем, в «Хронике» Галла Анонима содержится довольно интересное замечание, что «…страна польская… знакома… лишь немногим, идущим на Русь ради торговли»[2]. Учитывая естественность польского маршрута в качестве продолжения деснинского и двинского, можно полагать, что даже в конце XI в. торговля по этим путям, пусть и в несколько иных форме и содержании, всё же продолжалась.

Вовлечённость Хазарского каганата в ход местных дел обозначают данные исследований Рыльского, Битицкого, Супрутского городищ, раскопок в Киеве и Чернигове. Для вятичей и их ближайших соседей первый период освоения новых земель (с IX по вторую треть X в.) характеризовался «включением большей части населения… в состав Хазарского каганата», а затем последовала вероятная «конфронтация радимичей, вятичей и северян с Киевом, возможно создание… самостоятельного протогосударства»[3].

Общий уровень социального развития восточных славян, по всей видимости, позволяет его отнести к предгосударственному этапу социально-политического развития. По меньшей мере, в рассматриваемый период «происходил переход от простых вождеств к сложным, после чего оставался один шаг к формированию государства»[4]. Прослеживаемые между вятичами и значительно более многочисленными и социально развитыми северами тесные связи разного рода, а также описанная выше последовательность освоения верхнеокских территорий дают основания предполагать существование между ними не только торгово-хозяйственного, но и управленческого взаимодействия.

Для данной работы важной представляется сформулированная Е.А.Шинаковым и А.В.Григорьевым гипотеза, постулирующая единство, по

---

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 273-277.

[2] Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С.27.

[3] Шинаков Е.А О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)// Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. С.239-240.

[4] Горский А.А. К вопросу об уровне развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь// Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С.66.

меньшей мере, трёх восточнославянских этнополитических группировок, являвшихся носителями роменской культуры, которая к настоящему времени уже получила весьма серьёзное научное оформление[1]. Первичное формулирование научного предположения её авторами произошло в 1990 г.[2] Для подбора аргументации и оттачивания формулировок авторам понадобилось, по меньшей мере, несколько десятилетий, посвящённых накоплению и систематизации необходимого объёма исторического, археологического и нумизматического материала, его анализу на основе широкой хронологической и географической выборки[3]. Дальнейшие перспективы проработки обосновываемой гипотезы выглядят чрезвычайно масштабно.

Судя по всему, тройственный восточнославянский союз оформлялся на базе как политико-экономических интересов его участников, так и тесных культурных связей[4]. Несомненным представляется единство социально-культурной основы, воспринявшей многие черты «политической культуры соседей-кочевников (болгар и алан) и бывшего сюзерена – Хазарского каганата»[5]. Соглашаясь в целом с излагаемой авторами концепцией, следует отметить, что рассмотрение верхнеокской истории IX - начала X вв. заставляет весьма ощутимо «удревнить»

---

[1] Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в.// Восточная Европа в древности и срендневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена–корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2017. С.253-256; Шинаков Е.А. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник /Отв. ред. А. А. Бессуднов. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова- Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-ТянШанского, 2017. С.193-208;

[2] Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в.// Вівчення історичної та культурної спадщины Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990. С.66-68.

[3] Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Русско-радимичское пограничье середины X – середины XII вв.: природногеографический аспект // Гістарічна-археалагичны зборник. № 3. Под ред. А.А. Метельского. Мінск, 1994.С. 248–274; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века…С.182-223; Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (русские X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і Середньовіччя. Тези доповидей междунар. Науковоі конф. у м. Славутичі. Київ, 1994. С. 41–47; Щавелев С.П. Вятичи и «семцы» в контексте военно-политической деятельности Владимира Мономаха// Деснинские древности. Вып. II. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Под. ред. Е.Н. Прокофьева. Брянск, 2002. С. 190–199; Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Межплеменные пограничья в Брянском Подесенье: современное состояние вопроса // Stratum Plus. Культурная антропология и археология. № 5. 2005–2009. Русское время. Под ред. М.Е. Ткачука, С.В. Белецкого, Р.А. Рабиновича. СПб.Кишинев, Одесса, Бухарест, 2009. С.576-589. и др.

[4] Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. Лит., 2009. С.150-156.

[5] Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник. отв. ред. А.Н. Бессуднов. Выпуск 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,2017. С.202.

период становления описанного союза, поскольку организация переселения роменского в своём большинстве славянского населения в бассейн Верхней Оки не могла не привести к активному и постоянному участию в ней наиболее многочисленной группы носителей именно роменской культурной традиции, то есть северов.

В условиях традиционно тесных, в силу их архаичности и значимости, семейно-родовых отношений, контроль со стороны властей Хазарского каганата за колонистами вряд ли мог превзойти степень их взаимодействия с оставшимися на юге северскими родственниками. Поставление гипотетического руководителя – князя – не вело и не могло вести к единомоментному культурному и хозяйственному «отпочковыванию» новой общности от старой, а необходимое тесное взаимодействие в сфере обслуживания и охраны транспортных путей давало постоянную подпитку для поддержания, сохранения и даже укрепления родовых связей. Активность же относительно недавно образованной в Приднепровье Руси как территориально-управленческой структуры была в этот период нацелена, в первую очередь, на установление контроля и закрепления на собственном эксклюзивном маршруте «из варяг в греки», а потому степень её воздействия на верхнеокские и верхнедонские дела и события представляется для IX – первого десятилетия X в. исчезающе малой.

Вятичи, уже на этапе своего формирования, судя по всему, являлись в определённой степени «дочерней» структурой более мощного и развитого северянского этнополитического объединения (союза объединений). В этом случае они, в ходе проведения и после завершения своих организационных процессов и процедур, должны рассматриваться как северо-восточная составная часть совместного политико-административного формирования, включавшего в свой состав также и радимичей, что позволяет говорить о «предгосударственном» статусе Земли вятичей той поры не как самостоятельной единицы, но в качестве организованной части северско-вятичско-радимичского союза[1].

---

[1] Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования

Возвращаясь к собственно вятичской истории начала X в., когда существование Земли вятичей как единой организационной и управленческой структуры выглядит в глазах летописца вполне естественно, следует указать на документально зафиксированное событие легендарного похода князя Олега «на греки» в 907 г.: «...поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци … [И] съ сими со всеми поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ»[1]. Характерно весьма прагматичное описание организации похода: Олег позвал и все потенциальные участники, несмотря на явно имеющиеся противоречия, собрались и выступили.

О судьбе, целях и маршруте отрядов, ушедших «на конех», ничего не известно, хотя именно «на конех» могли *уйти* в поход близкие вятичам северы (памятуя о конной дружине Супрутского поселения). Прохождение сколько-нибудь заметного конного войска через Балканы представляется практически невозможным из-за сложности общеполитической и военной обстановки конца IX – начала X вв., проявившейся в успешной борьбе болгарского царя Симеона Великого, а затем его сына Петра с Византией за первенство на полуострове[2]. Гипотетически, одним из вариантов реальности факта конного похода является сбор конного контингента (либо доставка «конями» снаряжения и припасов) в каком-либо из причерноморских прибрежных пунктов с последующим его спешиванием и посадкой на нанятые (захваченные, купленные, построенные и т.д.) суда. Да и морской поход ни тогда ни в более ранние времена отнюдь не выглядит беспроблемным[3].

Другой информации об участии в походе интересующих нас персонажей нет, помимо того важного момента, что в тексте сообщения описана ситуация

Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.65.

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.29.

[2] Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М.: «Наука», 1987. С.75-78, 84-86.

[3] См. Шинаков Е.А., Джамбов И.Х. Болгарские аспекты «посольства хакана рос» 838-839 гг.// Труды совместной историко-археологической экспедиции. Под ред. Е.А.Шинакова и И.Х.Джамбова. Выпуск 1. Брянск; Пловдив, 2013. С.10-12.

плотной кооперации и отсутствует противопоставление вятичей иным восточнославянским группировкам, вычленить же специфику их роли не представляется возможным. С этим же событием связаны упоминаемые в пересказе мирного договора «велиции князи, подъ Олгом суще», что можно трактовать не только как указание на городских наместников, но как намёк на военных руководителей от каждого из собранных для похода этнополитических объединений[1].

Археологические исследования подтверждают, что к X в. вятичи занимали значительную территорию в верховьях Оки и Дона, площадь которой составляла явно более 100 тысяч квадратных километров. Приведённая ниже карта составлена Т.Н.Никольской и до настоящего времени является, пожалуй, наиболее полной признанной научным сообществом картой Земли вятичей[2]. На ней отмечено большинство мест находок артефактов, определяемых по своему происхождению как вятичские, в местах длительного проживания их носителей. Карта демонстрирует компактное и плотное расселение вятичей на рассматриваемой территории. Её принципиально важным достоинством является материальная основа составления, базирующаяся на использовании результатов многочисленных археологических изысканий разных учёных в бассейне Верхней и Средней Оки.

Привычно прослеживается невключение культурно идентичных вятичам донских славян в границы единой территории. Безусловно, суждение об организационно-управленческом, религиозном, культурно-бытовом, лингвистическом либо ином другом виде единства этих групп следует оставить другим специалистам. В то же время, следует отметить, что до настоящего времени достаточно весомых аргументов, убеждающих в необходимости классификационного разделения этих чрезвычайно близко расположенных группировок не наблюдается[3]. По-видимому, подобный подход был обусловлен тем, что исследования само й Т.Н.Никольской проводились преимущественно в

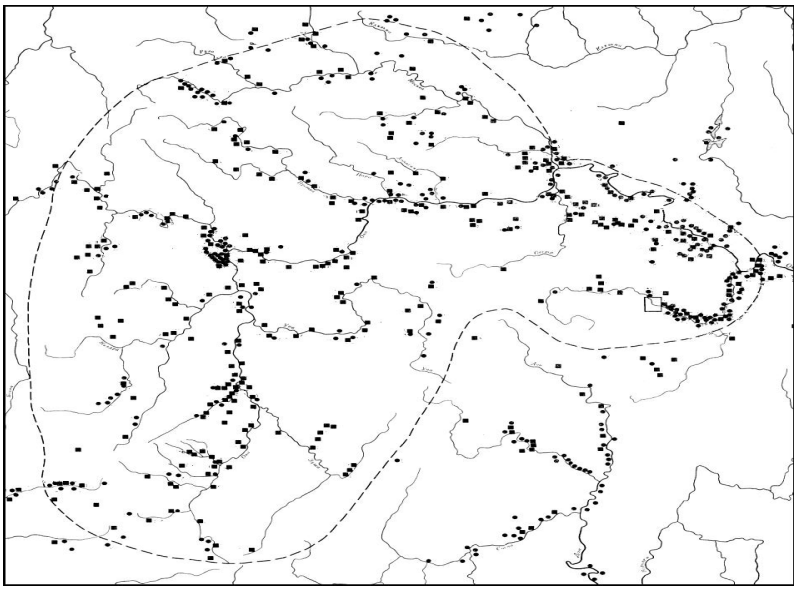
---

[1] Там же. С.30.
[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. См. Рис. 1а. Города и селища в Земле вятичей по бассейнам рек.
[3] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.9-10.

бассейне Оки.

Рисунок 8

Места археологических свидетельств проживания вятичей



• Археологические находки достоверных свидетельств проживания вятичей

- - - - Граница зоны массового расселения вятичей (по Т.Н.Никольской)

Это «оторвало» от единой в культурно-этническом отношении территории значительную (около 20%) часть и, в определённой мере, противоречит наблюдаемой позднее вятичско-черниговской территориальной преемственности (включавшей в себя верхнедонские земли), которая в дальнейшем очень органично перешла в преемственность черниговско-верховскую. Впрочем, в настоящее время археологи, занимающиеся донскими славянами, полагают, что «…на Среднем Дону обитала одна из групп вятического племенного союза»[1]. Отдельные же черты наблюдаемой обрядовости указывают на длительное и параллельное присутствие здесь носителей различных славянских погребальных традиций[2].

По всей видимости, осторожность Т.Н.Никольской обусловлена обычной

---

[1] Винников А.З. Славяне на р. Воронеж// Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Выпуск 5. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии: сборник научных трудов/ Комитет по культуре Администрации Курской области, Курский государственный областной музей археологии, АНО "Центр археологический исследований». Курск: ИП Бескровный А.В., 2018. С.101.

[2] Там же. С.100; Он же. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 14-18.

аккуратностью исследователя, так как хорошо известно, что археологически вероятная и достоверная этническая принадлежность жителей тех или иных поселений к этнокультурной общности не является ультимативным аргументом, доказывающим политико-административное подчинение этой местности в целом той или иной территориально-управленческой структуре. Как известно, отдельные группы, археологически определяемые как носители «вятичских» этноопределяющих признаков, в разные хронологические периоды относились к сфере влияния и контроля, в том числе, ряда иных, «невятичских» этно-политических образований. Это подтверждается их последующим «разбросом» по разным княжествам в древнерусские времена: вятичи как этнокультурная группа присутствовали, помимо основного Черниговского, также и в Рязанском, Смоленском и Суздальском княжествах[1].

Следует заметить, что первоначально использование транспортных маршрутов, проходивших через землю вятичей, не привлекало особого внимания группировок, контролировавших знаменитый путь «из варяг в греки» и иные северные пути. Обусловлено это было тем, что, во-первых, в силу весьма значительной разницы в географической ориентации и номенклатуре возможных поставок, эти маршруты, скорее, дополняли друг друга. Они являлись важным составным элементом единой трансконтинентальной системы и явочным путём повышали значение пересекавшихся с ними трасс, исключая дополнительные расходы на обустройство новых путей, что, в свою очередь, создавало ощутимый синергетический эффект в условиях ощутимых масштабов проходящего товарооборота. Верхнеокская транзитная торговля скорее могла составлять некоторую конкуренцию давно функционировавшим волжско-балтийским маршрутам, которые в тот период контролировались отдельными норманнскими группировками (частью известного по сагам Austerveg'a)[2]. В этой связи,

---

[1] Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Издательство АН СССР, 1961. С.80-87, 96-97, 122-140; Археологическая карта России: Владимирская область./ Сост. М.П.Зимина, Ю.А.Краснова, А.Е.Леонтьев, Л.А.Михайлова, Н.Г.Самойлович, М.В.Седова. Институт археологии РАН, 1995. С.43; АКР: Смоленская область. Часть 1/ Сост. Ю.А.Краснов, С.Е.Михальченко, Г.К.Патрик.М.: Институт археологии РАН, 1997. С. 53 и др.

[2] См. Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь// Советская археология. 1963. №3. С.126-135; Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.// КСИА. 183. Средневековая археология Восточной Европы. М.: «Наука». 1986. С.3-9; Седых В.Н. Этнокультурная ситуация в ярославском Поволжье в IX-XI вв.// Мавродинские

приходится учитывать крайне высокую необходимость в организации транспортного маршрута именно как системы последовательных координированных доставок с применением различных транспортных средств ввиду слабой вероятности использования скандинавских килевых судов на относительно мелководных речных маршрутах[1]. Очевидная сложность этой многокомпонентной системы, в свою очередь, повышала степень внешней уязвимости такого рода путей.

А во-вторых, положение приднепровской Руси во второй половине IX – начале X вв. было ещё не настолько прочным, чтобы начинать открытое противостояние со структурами, явно находившимися под покровительством сильного Хазарского каганата.

Потенциальными конкурентами для части маршрутов, проходивших по верхнеокским территориям, через несколько десятилетий стали активизировавшиеся в конце IX – первых десятилетиях X в. уже упоминавшиеся верхневолжские группировки, археологически относимые к скандинавскому этнокультурному кругу[2]. Именно их деятельность географически и коммерчески имела ощутимые пересечения с функционированием верхнеокских и верхнедонских торговых путей и, наряду с не очень благоприятными результатами набеговых походов на южнокаспийское побережье, могла побудить к агрессии против основного верхнеокского военно-административного центра, известного в настоящее время как Супрутское поселение[3].

Донской маршрут в месте его соприкосновения с бассейном Верхней Оки можно по праву называть узловым, так как он ясно делился на два направления:

чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Под ред. Проф. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С.571-578. Спицын А. Серебряная фибула скандинавского типа, найденная близ г.Ельца// Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел: Типография Губернского Правления, 1904. С. 75-80.

[1] Stalsberg Anne. Skandinavisk handel i Austerveg: to aspekter arkelogisk belyst// Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. М., «Индрик», 2001. С.386-389. (норв.яз.)

[2] Щавелев А.С.,Фетисов А.А. К исторической гнографии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов// Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. Экономические Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. / Отв. ред. тома А.С. Щавелев; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С.311-313.

[3] Григорьев А.В. Славянское население… С.163-164.

«на север, в устье р. Москвы, и на запад, с выходом на верховья р.Десны»[1]. Особенность гидрографии данной территории позволяет использовать множество различных вариантов межбассейнового перехода, что и наблюдалось в виде нескольких поселений на переходах-волоках (Торхово, Уткино, Слободка и, возможно, другие). Контроль же осуществлялся из единого центра, которым было поселение в Супрутах[2]. Захват и разрушение Супрутского городища является ещё одним, пусть и неточно, но датируемым, событием верхнеокской истории. Археологическими исследованиями были обнаружены следы осады и штурма: наконечники стрел, значительная доля из которых «относится к типам, характерным для северных районов Европы»; множество «обломков топоров и поясных бляшек», останки защитников городища и местных гражданских жителей (в том числе женщин и детей)[3]. Нумизматические данные позволяют датировать гибель поселения первыми десятилетиями X в.

В ряду нескольких проработанных гипотез о судьбе поселения наиболее правдоподобным представляется предположение об осаде и разрушении Супрут некой «северной дружиной», «располагавшейся на «Верхней Волге»[4]. Анализ письменно зафиксированных и хронологически приближенных к моменту осады событий позволяет предполагать её соответствие возможным последствиям известной истории о разграблении и убийстве участников набега неких «русских» дружин (912-913 гг.) на прикаспийские города[5]. Запутанный и многосоставной сюжет сохранившейся истории затрагивает и вопросы транскаспийской политики и проблемы сложных взаимоотношений религиозных общин (мусульманской, христианской, языческой и иудейской) внутри Хазарского каганата и фактическое нарушение предварительных обещаний правителями[6]. Как бы то ни было, но русы, потерявшие вследствие сложившихся обстоятельств значительную часть

---

[1] Григорьев А.В. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки// Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: «Древности Севера», 2012. С.372.

[2] Там же. 373.

[3] Григорьев А.В. Славянское население. С.162-164.

[4] Там же.

[5] См. Коновалова И.Г. Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения / Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. С.116-117.

[6] Арабский шейх и географ Абу Исхак Ал-Истахри (849-934) о хазарах, булгарах и русах// Хамидуллин Б. Л. Хазары и их вассалы глазами современников. Казань: «Слово», 2014. С.147-148.

захваченных трофеев, вполне могли посчитать себя преданными и нуждающимися в отмщении. Обитатели Верхней Оки, находившиеся под хазарским протекторатом, вполне могли быть восприняты в качестве удобной цели для мести. Вполне вероятно, что «…предательство со стороны хазар, приведшее к гибели большей части русской дружины, послужило толчком к разгрому торгового узла в районе Упы, весьма важного для каганата»[1]. В пользу мести как основного мотива агрессии говорит то, что на месте почти отсутствуют следы традиционного и систематического грабежа. Об этом свидетельствуют многочисленные находки сохранившихся украшений, а также останки женщин и детей, которые не были полностью ограблены и захоронены (исследователи обнаружили 104 тела)[2]. На Супрутском городище сохранились следы полного и окончательного разгрома.

Супрутское городище к настоящему времени является одним из наиболее полно изученным, а потому информационно и материально насыщенным источником сведений о функционировании и специфике ранних славянских поселений на территории верхнеокского бассейна[3]. Характеристики находок указывают на существовании здесь регионального торгово-ремесленно-военного центра. Составленная из местных находок коллекция отличается «…уникальным сочетанием в ней предметов славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения»[4]. Помимо обозначенных, отмечено «большое количество балтских древностей» и «большое количество поволжско-финских древностей»[5]. Судя по характеристикам и датировкам находок атрибутируемых в качестве славянских, славянская часть городской общины, проживавшей на городище, была носителем культуры, ставшей «материнской» для (по меньшей мере) трёх восточнославянских культурных традиций – вятичской, радимичской и северянской. На это указывают, помимо прочего, наиболее ранние образцы

---

[1] Григорьев А.В. Указ.соч. С.164.

[2] Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. С.184.

[3] Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1. М.: Институт археологии РАН, 1999. С.236-240.

[4] Мурашева В.В. Городище у с.Супруты (IX – начало X в.) в системе этно-культурных связей)// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. СПб – М – Великий Новгород, 2001. С.72.

[5] Там же.

височных колец, позднее ставших одним из главных признаков, очерчивающих пределы расселения различных групп восточных славян.

Характеристики обнаруженных на месте городища предметов указывают на широкую географию торговых связей, объяснимую транзитным характером местной торговли: «Основная часть привозных вещей связана с южным, степным направлением. По Дону, вероятно, поступали многочисленные предметы конной упряжки, поясных наборов, украшения из цветного металла, стекла, сердолика и горного хрусталя. Оттуда же поступали амфорная тара и качественная столовая посуда. С восточными традициями связано и денежно-весовая система, применявшаяся населением городища. Однако помимо вещей южного происхождения, на памятнике отчётливо прослеживается группа изделий, очевидно поступивших с севера. Это удила и их детали, выполненные в стиле Borre, и скандинавские по своему происхождению украшения, и не характерные для восточных славян костяные гребни. С северным направлением торговли могут быть связаны гривна «глазовского» типа, фрагмент гривны из железного перевитого дрота, ладьевидные подвески и топор»[1]. Географическое разнообразие перечисленного ассортимента дополняется многочисленностью хронологически синхронных поселению кладов, выявленных на территории верхнеокского региона.

Судя по находкам, включающим в себя предметы и детали вооружения, поясов и разнообразные элементы конской сбруи, поселение являлось базовым для весьма крупного кавалеристского воинского формирования, что для славян того периода выглядит необычно[2]. Отмечается принадлежность найденных предметов к разной производственной и воинской традициям, что говорит о вероятной полиэтничности формирования. Явно заметна стационарность проживания здесь его участников.

Нахождение здесь поселения и выявленные особенности прямо подтверждают гипотезу о высокой степени значимости функций охраны и

---

[1] Григорьев Г.А. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005.. С.156.

[2] Там же. С.157.

поддержания порядка на проходящих поблизости торговых путях, к исполнению которых были явно привлечены местные жители. Характеристики местного ремесленного производства дают возможность видеть именно здесь, весьма далеко от признанных торговых и ремесленных городов Древней Руси, один из экономических и производственных центров, ставших источником многих ремесленных традиций последующих периодов. Рассматривать это обстоятельство в отрыве от тесных связей вятичей с северами, хазарами, носителями волынцевской культуры и прочими важными компонентами сложного по этнокультурной структуре общества «северо-восточной Хазарии» (к границе которой, можно отнести верхнеокские земли) представляется неверным[1].

Судя по всему, Супрутское поселение представляло собой экономический, военный и административный центр, к которому тяготели не только близлежащие территории, но и значительная (если не вся) часть верхнеокского участка окско-донского торгового пути: «для контроля над всем узлом было создано поселение на городище Супруты»[2]. Хронологическая синхроннность поселения подобным ему восточноевропейским населённым пунктам с явным присутствием норманнских вооружённых формирований (Ладога, Рюриково городище, Гнездово, Тимерёво, Сарское городище, Шестовица, и др.) подтверждает гипотезу о единой торгово-транспортной системе, ведущей каким-то образом согласованную деятельность.

Отличия верхнеокского центра от аналогичных поселений в других местах Восточной Европы заключаются в большей степени полиэтничности и многокультурности в сочетании с длительностью проживания и основательностью обустройства. «…Население Супрутского городища было сложным этносоциальным организмом, в котором сосуществовали гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население. Вопрос о взаимоотношениях между тремя основными составляющими населения ещё

---

[1] Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.): Монография. Харьков: ХГАК, 2006. С.202-229.

[2] Григорьев А.В. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки// Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: «Древности Севера», 2012. С.376.

требует своего разрешения»[1].

Военный разгром поселения привёл к значительному сокращению масштабов торговых операций[2]. Известные археологам поселения в земле вятичей последующего периода заметно отличаются от того, остатки которого хранит Супрутское городище. Более поздние вятичские селища и города в значительно большей степени приобретают черты традиционных роменских поселений[3]. Информации о поселениях вятичей в письменных источниках сохранилось мало. Наиболее древними считаются упоминания городов Хордаб и Вантит, отмеченные восточными источниками, но не локализованные на местности.

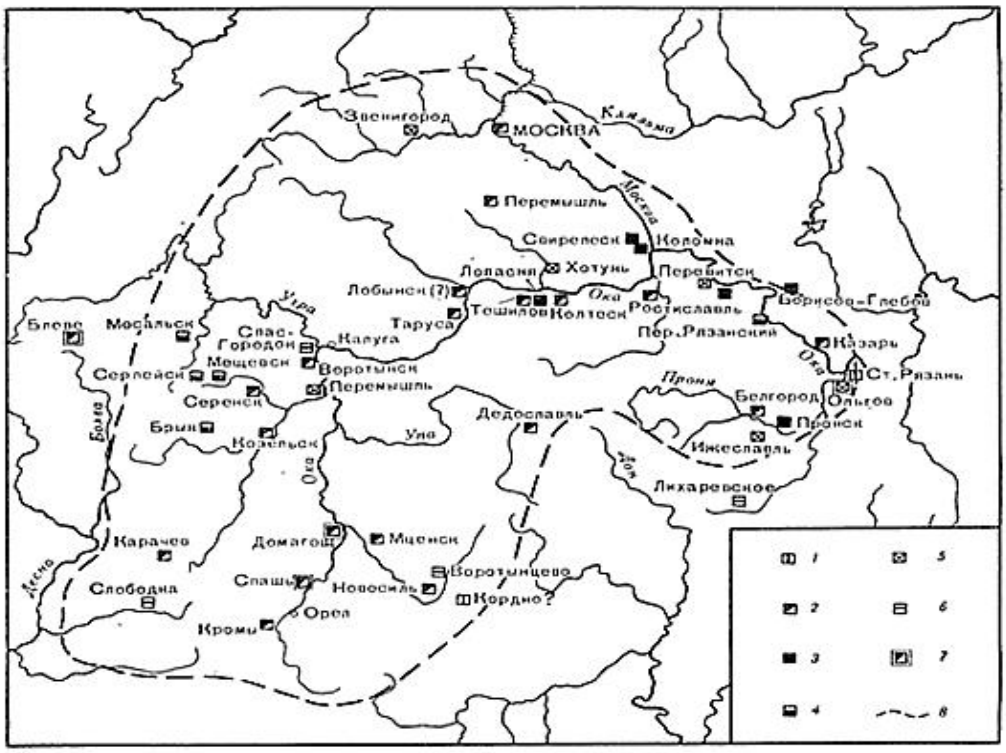
На основе доступных исследователям письменных сведений (количество которых до настоящего времени не изменилось) был составлен перечень поселений предгородского типа и городов, возникших в XI-XIV вв. в пределах Верховского (Верхнеокского) исторического региона, который Т.Н.Никольской был перенесён на карту (см. Рисунок 9). Представляется, что она до настоящего времени является актуальной[4]. На приведённой карте размещены преимущественно города, упомянутые в летописях, в то время как большинство вятичских поселений сельского и предгородского типа (существовавших, в том числе, и с VIII в.) внимания летописцев не привлекали, поскольку не были задействованы в делах церковных, государственных либо династических. Вследствие того карта, основанная преимущественно на письменных источниках, отражает взгляд киевско-черниговских политиков, которые интересовались, в первую очередь, своими - «русскими» - поселениями и укреплениями, игнорируя исконно вятичские, не задействованные в организации процесса управления.

Рисунок 9

Предгородские поселения и города в пределах земли вятичей в XI-XIV вв.

---

[1] Мурашева В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. Труды ГИМ. М., 2008. Вып.175. 48 с. С.39.
[2] Григорьев А.В. Славянское население водораздела... С.164-165.
[3] Григорьев А.В. Славянское население водораздела. С.166.
[4] Никольская Т.Н. Земля вятичей.. С.121. Современный Орел указан для облегчения в ориентировании.



Города в Земле вятичей

1—5 — города, упомянутые в письменных источниках: *1* — год 1096; *2* — 1146—1157; *3* — 1176—1186; *4* — 1207—1237; *5* — список городов XIV в.; *6* — города и поселения городского типа, известные только археологически; *7* — города — феодальные замки; *8* — граница Земли вятичей.

Анализ доступных материалов позволил автору составить собственную карту расположения верхнеокских протогородов и поселений (см. Рисунок 10). В качестве базовой информации использовались сведения о результатах археологических раскопок на территории Орловской, Брянской, части Тульской и Калужской областей[1].

Наряду с поселениями, которые соответствуют критериям города, отмеченным в монографии А.В.Кузы «Малые города Древней Руси» - экономические признаки (ремесло, торговля, добыча ископаемых или сельское хозяйство), административные (находки печатей и пломб), военные (доспехи, орудия, снаряжение), монументально-архитектурные (каменные строения), культурные (признаки письменности, наличие предметов быта феодалов), топографические (укрепления и усадебно-дворовая застройка) - на карте отмечен

[1] Археологическая карта России: Брянская область. Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.; Археологическая карта России. Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с; Археологическая карта России. Орловская область/ сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с. Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.

и ряд иных крупных населённых пунктов[1]. Применённый подход обусловлен тремя факторами. Первый: подлинно городских поселений, полностью отвечающих всем предъявленным требованиям, на территории Русской равнины в догосударственное время на территории, заселённой восточными славянами, было крайне мало (в определённой мере параметрам соответствуют, вероятно, лишь Новгород и Киев). Второй: атрибуты и знаки административного единства территорий, не вошедших в состав Руси, могли в значительной мере отличаться от известных нам (к примеру, киевских) и до сих пор просто остаются нераспознанными среди иных археологических находок. Третий: признаки феодального города XII в., как наиболее раннего из классифицированных и известных в настоящее время, скорее всего не будут соответствовать признакам предгородского поселения VIII-X вв. Максимум, на что можно рассчитывать – некие общие черты и аналогии.

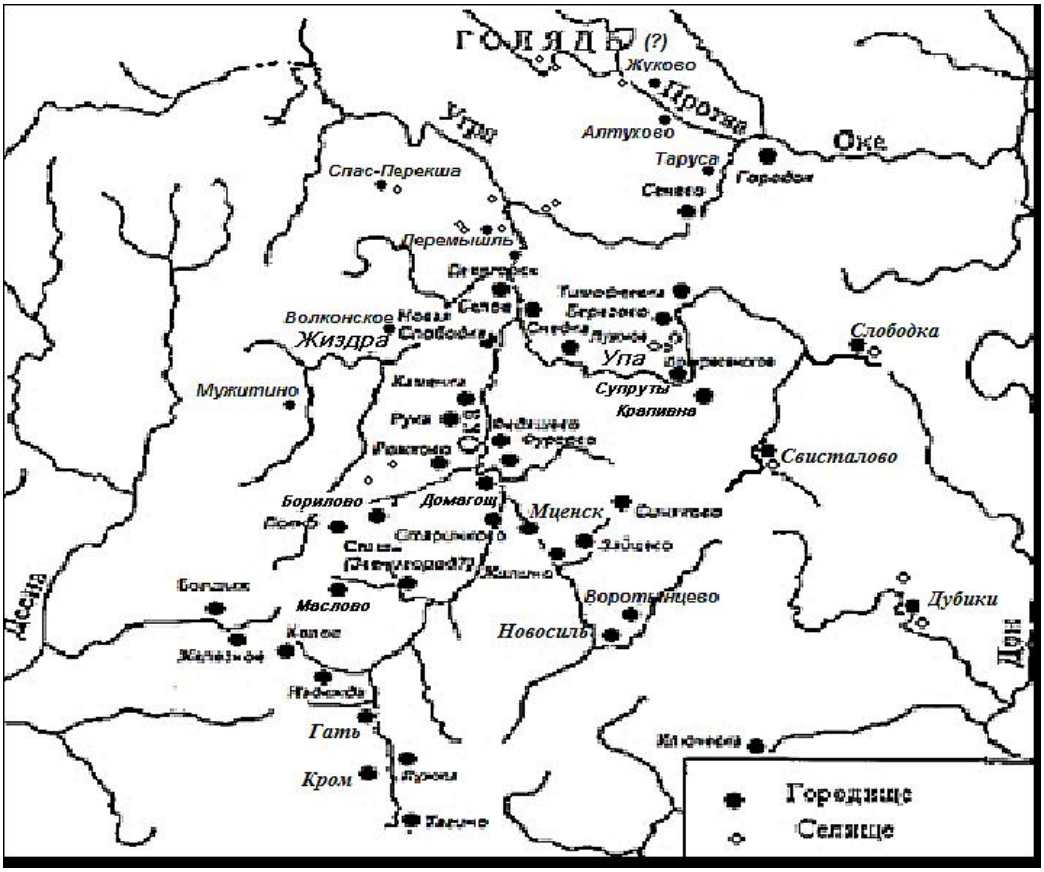
Степень укреплённости, развитость и масштабы поселения являлись определяющими признаками при отнесении его к той либо иной категории. На Рисунке 10 показаны, в основном, поселения вятичей VIII-X вв., часть которых позднее трансформировалась в русские города. Здесь, в основном, не отмечены поселения, не имевшие предшествующего периода славянско-вятичского развития и основанные в период русско-черниговской колонизации региона. Названия большинства городищ и селищ условны, так как они были присвоены современными исследователями-археологами – преимущественно по именам ближайших существующих населённых пунктов, что обусловлено отсутствием летописной информации о вятичском названии большинства из них. Указано минимальное количество селищ для достижения лучшей читаемости карты. Сопоставление Рис. 9 и 10 делает наглядной разницу, возникающую при опоре на разные источники информации – материалы археологические и летописные. Раскопки, в отличие от летописных упоминаний, демонстрируют чрезвычайно высокую плотность размещения поселений – на отдельных участках приречные поселения тянулись на протяжении нескольких километров с малыми

[1] Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука. 1989. С.51.

промежутками.

Рисунок 10

Поселения вятичей в VIII-X вв. (по археологическим данным)



Любопытно сопоставление происхождения названий двух городов, судя по специфике этих топонимов (астионимов), сохранившихся, в их основе, с «догосударственных» времён – Мценска и Крома. С Кромом все относительно понятно – название явно соотноситься с северной славянской традицией, родственно имени псковского княжьего города (псковского кремля) Крома, и обозначает укреплённую цитадель с боевым и хозяйственным припасом для высиживания в осаде. Кроме того, это укрепление длительное время находилось, по сути, неподалёку от границы («кромки») вятичей и Руси, будучи с запада и юга ограничена землями Подесенья и Посеймья. Иной функции, кроме «антирусской», а, вернее, «противокиевской» («противорюриковичской») обороны с юга, в условиях отсутствия прочих организованных территориально-административных структур, для неё выявить невозможно.

Название «Мценск» («Мьченеск», «Меченскъ») не столь прозрачно и требует отдельного пояснения. В популярной краеведческой литературе прослеживаются попытки свести его к несуществовавшему слову «мцела» либо к финскому «maahna» («рыбья икра»), что выглядит неубедительно[1]. Одним из вероятных толкований происхождения первоначальной формы «Мьченск» является связь с широко распространенным в вятичском ареале названием «Меча» (см. реки Меча, Красивая Меча), а уже та, в свою очередь, может восходит к «мечать» - «помечать, класть метку» либо к «мечка» (медведица)[2]. Показательно, что суффикс «ск», по мнению ряда исследователей, «…отражает укрепленность названного с ним поселения, т.е. его именно городской, по понятию средневековья, характер»[3].

Отмеченные на карте поселения, судя по всему, отнюдь не исчерпывают территорию контроля вятичского этнополитического объединения, поскольку к числу такого рода поселений здесь отнесены, в первую очередь, те, что имеют подтверждённые признаки роменской археологической культуры. Не все из этих признаков могли физически сохраниться в условиях средневековой ресурсно-хозяйственной ограниченности. В то же время, прочие вятичские этноопределяющие признаки, к числу которых относятся, в первую очередь, разнообразные украшения (височные кольца, перстни, браслеты, бусы и т.д.) весьма чётко выявлены на значительно больших территориях в виде массовых ареалов, охватывающих бассейн Верхней Оки.

Археологические исследования вятичских древностей начались в конце XIX в. и прерывались лишь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и в 1990-х гг., в связи со сложной социально-экономической ситуацией. К 2000 г. было известно 563 памятника славянского и древнерусского периодов на территории бассейна Верхней Оки, из которых 430 составляли городища и селища. Стационарные археологические исследования проводились только на 60

---

[1] Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. С.117.

[2] Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 9 (М), М.: Наука, 1982. С.134.

[3] Щавелев С.П. Имена городов с формантом «-ск» как топонимический источник политической истории Древней Руси// Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского – вып.2-3). Брянск: РИО Брян. ун-та, 2006. С.186.

поселениях (43 городища и 17 селищ). На 67 городищах и 128 селищах проводились предварительные разведывательные работы. 6 городищ и 160 селищ обследовались визуально, 5 городищ и четыре селища датированы «условно». Предпочтения отдавались обследованию городищ, степень изученности селищ ощутимо ниже[1]. Таким образом, научно обследованными могут считаться менее 14% выявленных поселений региона, поверхностно было обследовано 45% поселений, более 40% (175) остаются фактически неизученными. В то же время степень изученности южной (современной орловской) части вятичского ареала крайне мала, в особенности по правому берегу Оки до устья реки Зуша вследствие активной сельскохозяйственной эксплуатации местных плодородных почв. В результате такого положения информация о выявленных и научно обследованных памятниках априорно является неполной, что крайне затрудняет решение вопросов о хронологических и географических границах первоначального расселения вятичей. Вне зависимости от количественных показателей, можно считать, что собранный археологами обширный материал представляет собой достаточную базу для реконструкции древней вятичской истории.

Проработка вопроса о возникновении на базе этнокультурной близости и тесного экономико-управленческого взаимодействия упоминавшегося ранее восточнославянского союза является весьма перспективной в том числе для понимания особенностей функционирования вятичского этнополитического объединения на протяжении X в. и в последующее время. Укрепление и возможное формальное учреждение этого союза стало результатом хронологически параллельного ослабления днепровской Руси Рюриковичей (уже освоившей путь «из варяг в греки» и занимавшейся активной экспансией на восточноевропейских, преимущественно славянских, землях) и Хазарского каганата в первой четверти X в.[2]. Судя по всему, уже к концу предшествующего IX в. северо-западная часть Каганата имела высокую степень самостоятельности и,

---

[1] Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Дис. …канд. ист. наук. М., 2001. С.39-42.

[2] Голб Норман, Прицак Омельян. Хазарско-еврейские документы X в. Науч.ред., посл. и комм В.Я.Петрухина. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. С.132-133, 141-142; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С.215-219.

на фоне быстрого развития экономики в сочетании с этнокультурной консолидацией населения, здесь даже появилась вероятность «оформления… независимого от Хазарии этнополитического образования»[1].

Исчезновение внешнего (условно именуемого хазарским) контроля дел и вопросов безопасности родственных социумов (северов, радимичей, вятичей и донских славян) привело к необходимости поддержания контроля собственными силами. Судя по всему, сформировавшийся союз был скреплён культурно-политическими, идеологическими и, возможно, династическими внутренними контактами[2]. В нём продолжало сохраняться единство сложившейся в предшествующие времена денежно-весовой системы на «куфической» (саманидской либо булгарской) основе[3].

Экономической основой существования этого союза оставалась, как и прежде, транзитная торговля в широком смысле (как уже упоминалось – «сервис и охрана»). Правящая элита (какой бы этно-религиозной принадлежности она не придерживалась) занималась, как ей и положено – обороной, а также контролем путей, которые «…поставляли основной избыточный продукт и предметы престижного потребления, необходимые для нормального функционирования правящей верхушки»[4].

Преимущественно негативное восприятие этого формирования киевскими Рюриковичами представляется естественным, поскольку оно основывалось на двух им враждебных основах. Первая – прямая связь с более древним и, соответственно, более легитимным в южной части Восточно-Европейской равнины Хазарским каганатом, относительно недавно ещё законно контролировавшим территории, составившие первоначальную приднепровскую киевскую метрополию (др.-греч. μητρόπολις буквально - «материнский город», «мать городов»: термин применялся для чёткого понятийного разграничения

---

[1] Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.): Монография. Харьков: ХГАК, 2006. С.505.

[2] Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском. С.203.

[3] Шинаков Е.А.Там же; Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли// Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Сборник научных статей. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 18/ Гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. С.25-29.

[4] Шинаков Е.А. Там же. С.204

государственного центра и подвластных ему колониальных владений)[1]. Вторая – сохранение самостоятельности союзом крайне близких по своей этнокультурной основе восточнославянских этносов, уже тогда рассматриваемых Рюриковичами преимущественно как потенциальные данники и подданные – в особенности восточных северов (западных сородичей которых Рюрикиды уже покорили).

Также и контроль за волго-окским и окско-донским торговыми путями, всё ещё важными для поступления необходимого Европе куфического монетного серебра и предметов элитного потребления, оставался заманчивой целью. Принимая во внимание нахождение собственно Киева на одном из маршрутов торгового западного торгового пути, столкновение конкурентных «бизнес-интересов», а, следовательно, и попытка их удовлетворения военным путём оставались лишь вопросом времени и достаточности необходимых для этого сил[2]. Проблематика вооружённых столкновений и конфликтов с киевскими князьями будет освещена немного далее.

Тенденции, прослеживаемые в ходе военно-политических изменений на Восточно-Европейской равнине в X в., отразились на процессах эксплуатации транзитных транспортных маршрутов всего региона Верхней Оки. Достаточно иллюстративную картину дают исследователю результаты анализа выпадения кладов этого периода: датировок нумизматических материалов, мест их выпуска и вероятных путей поступления на рассматриваемую территорию, которые можно наблюдать на Рисунке 11[3].

В сравнении с IX в. заметно явное уменьшение количества кладов на центральных землях вятичского этнополитического объединения, что, вероятно, указывает на сокращение значения прежде лидировавшего донского пути для

---

[1] Щавелев А.С. Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: утентификация, локализация и хронология// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. Июль—Декабрь. С.113; Григорьев А.В. Северская земля… С.184-187.

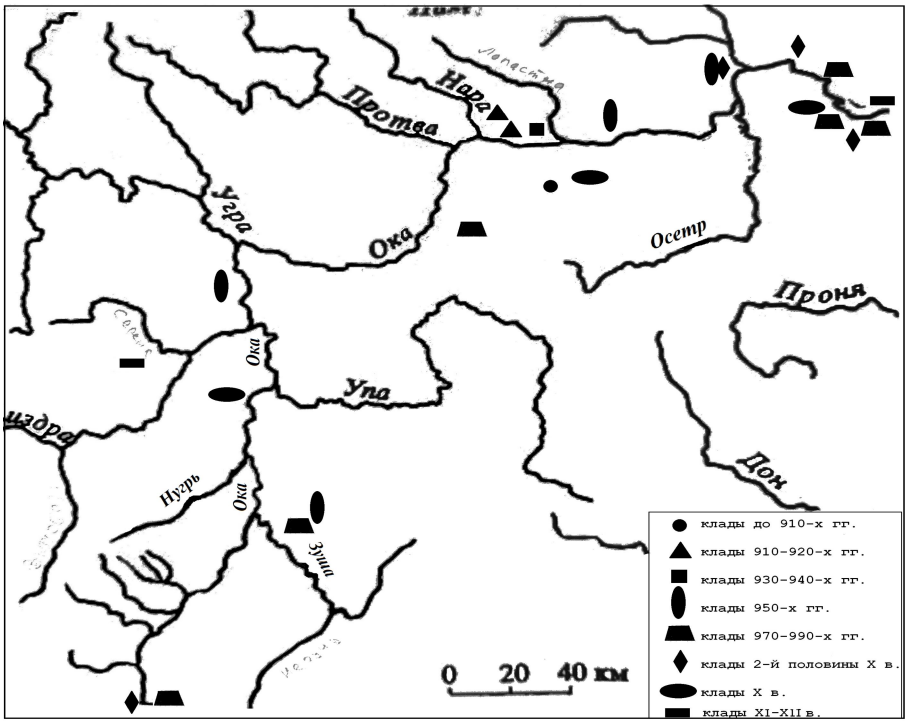
[2] Щавелев А.С.,Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX–нач. X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей//Историческая география. Отв. Ред.И.Г.Коновалова. Т.2.М.: Аквилон, 2014. С.С.13-17.

[3] На основе Гомзин А. А. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. С.390-393; Лебедев В.П., Амосов М.А. Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области// Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С.37-45.

транспортировки монетного серебра.

Рисунок 11

Верхнеокские клады X в.



Подобная ситуация чётко иллюстрирует, что «с начала X в. основной международный рынок… постепенно перемещается в Волжскую Болгарию, с падением Хазарии окончательно утвердившей своё первенство и к концу столетия ставшей основным партнёром Руси в восточной торговле»[1]. Подробнее последствия разгрома уже изрядно ослабленного Хазарского каганата будут рассмотрены в следующем параграфе. Для Верхнеокского региона достаточно указать на ощутимое изменение пропорций объёмов, перемещаемых по речным сетям, в пользу волго-окского направления в отличие от предшествующего столетия, когда несравненно более активно эксплуатировался донской путь.

Ход торговых процессов (частным отражением которых являются заложения кладов, представленные на приведённых в настоящей работе картах) всегда ощутимо зависит от геополитической обстановка, которая в Восточной Европе IX и X вв. весьма существенно различалась. Описанная выше ситуация

[1] Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в.// Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А.Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.С.386.

была, вероятно, обусловлена успешной экспансией Рюриковичей в Поднепровье, их борьбой с Хазарским каганатом и переходом статуса основного восточного торгового партнёра от каганата к Волжской Булгарии[1]. Значение окского торгового пути, на значительном отрезке находившегося под контролем вятичей, всё ещё оставалось весьма высоко, о чём свидетельствуют составленные по материалам обнаруженных монетных кладов другие карты этих периодов[2].

По сути, пограничное (в сопоставлении с прочими восточнославянскими территориями) географическое положение вятичских земель изначально являлось важным экономическим преимуществом. Само зарождение вятичского этнополитического объединения стало, в определённом смысле, следствием необходимости обеспечения функционирования транспортного маршрута и обеспечило ему постоянное тесное взаимодействие не только с неславянскими контрагентами, но и с северами и радимичами и с донскими славянами, работавшими на более южных отрезках данного пути.

Совместная тесная координируемая деятельность стала одной из важнейших причин зарождения фактического союза вятичей с их юго-западными соседями – северянами, и юго-восточными соседями – донскими славянами. Данные археологии и нумизматики подтверждают высокую вероятность возникновения в X в. предгосударственного восточнославянского образования северов, вятичей и радимичей, в определённой степени противостоявшего активизировавшейся в это же время «руси»[3]. Место в этом союзе для донских славян, судя по всему, «забронировано» явочным путём, поскольку их культурная близость и тесное организационное взаимодействие (обусловленное географическим расположением на Дону) с прочими родственными

---

[1] Щавелев А.С.,Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX–нач. X в.: карта кладов и конфигурация торговых путей//Историческая география. Отв. Ред.И.Г.Коновалова. Т.2.М.: Аквилон, 2014. С.10. Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Там же.

[2] См. Кулешов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв.// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С.387-389; Гомзин А.А. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. С.390-393.

[3] Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник/ отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. Выпуск 8. С.193-208.

восточнославянскими этническими группами, сомнения не вызывают. Представляется, что, в случае окончательного решения вопроса о месте статусе «донцев» среди восточных славян и будет определено: был ли указанный союз тройственным (как он определяется ныне) или же имел форму этнополитического «квартета».

Этот союз, по всей видимости, изначально был частью общехазарской военной системы контроля транспортных потоков. Причин отказываться от несения службы по охране торговых путей и границ, очевидно предложенной им Хазарским каганатом, у вятичей и их соседей не было. Отсутствуют свидетельства о влиянии на местных славян межрелигиозных противоречий «коренной» Хазарии. Судя по всему, хазары-иудеи не ставили целью проповедь и распространение своей религии среди народов Восточной Европы, но активно использовали выгоду от административного статуса и торговых операций[1]. Особенностью сложившейся административной структуры было изначально тесное экономическое её взаимодействие с местными славянами, что привело к возникновению с середины X в. на юго-восточном порубежье славянского мира оригинальной денежной системы[2].

Выгоды, получаемые вятичами от нахождения в сфере контроля каганата, значительно превышали неудобства уплаты полагающихся налоговых платежей, что позволяют достаточно полно понять описанные результаты археологических изысканий, проведённых на вятичских городищах. Главной причиной наблюдаемого в последней трети X в.явного понижения уровня транзитной торговли через земли вятичей представляется разгром Хазарского каганата, осуществленный совместным (но неясной степени координированности) напором

---

[1] Петрухин В.Я., Флеров В.С. Иудаизм и в Хазарии по данным археологии// История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени/ Под ред.А.Кулика. Том 1.М.: Мосты культуры/ Гешарим, 2010. С.157-159; Чернышева Е.В. Особенности социокультурного развития Хазарского каганата// Вопросы крымскотатарской филологии, истории и кудьтуры.№4. 2017. С.177.

[2] Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок// Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1992. С.27-28;.Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху// Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С.64-67; Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад. С.29.

кочевых тюрок и киевского князя Святослава[1]. После 966 г. перестало существовать главное организующее звено Восточной Европы в системе торговых связей стран Запада и Востока[2]. И хотя часть экономических, а возможно и политико-военных функций каганата по взаимодействию с верхнеокскими славянами и их защите, вероятно, сумела забрать себе Волжская Булгария, вятичи, лишившись территориально близкой хазарской поддержки, явно потеряли прежние объёмы доходов и превратились в несравненно более уязвимый объект экспансионистских устремлений различных киевских князей.

Взаимоотношения вятичского этнополитического объединения с Волжской Булгарией являются перспективной, хотя и недостаточно проработанной темой. Вопросы контактов и возможного политического влияния Волжской Булгарии на вятичей рассматривались в 70-х гг. XX в. А.Х.Халиков полагал, что «в 60-70 годы X в. булгары… вышли вплотную к землям вятичей»[3]. Данные раскопок и нумизматические материалы верхнеокских кладов (многочисленность дирхемов булгарской и вероятной славянской чеканки) демонстрируют явное и тесное практически непрерывное, за исключением 960-х гг., взаимодействие верхнеокских славян с этой поволжской государственной структурой[4]. Представляется высоко вероятным, что, оказавшись в кольце владений Рюриковичей, вятичи, продолжавшие контролировать функционировавший окский транспортный маршрут, вступили с Булгарией во взаимодействие политическое.

Перечисленные выше события практически исчерпывают известные и датированные (хотя бы примерно) сюжеты о «дорусском» периоде вятичской истории. Безусловно, указанные даты во многом условны и, зачастую, легендарны,

---

[1] Пилипчук Я.В. Границы печенегов в Восточной Европе// Тюркологические исследования. 2018. Т.1, №4. С.16.; Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд. М.: Наука, 1986. С.66-67; Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. Пер.Д.А.Хвольсона. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1869. С.18.

[2] Плетнева С.А. Указ. соч. С.71-72.

[3] Халихов А.Х. Волжская Булгария и Русь. С.8.

[4] Гоглов С.А., Лебедев В.П., Шинаков Е.А. О подражаниях куфическим дирхемам Краснодворского клада монет X в.// Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Выпуск 7. М.: Патриот, 2019. С. 70–98.; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации… к.и.н. М.: 2013. С.23-24; Казаков Е.П. Падение Хазарии. С.82.

о чем говорит и сам нарративный характер летописных рассказов, в особенности о давно прошедших временах. Тем не менее, не исключая неизбежный налёт легендарности и преувеличений, имеющийся в летописях, прямое дезинформирование и обман возможного читателя не являлись явной целью летописцев, что даёт возможность рассматривать данные сообщения в качестве относительно надёжных и достоверных источников.

§ 4. Попытки покорения Земли вятичей князьями клана Рюриковичей

Ранее уже отмечалось, что расширение Рюриковичами зоны их кланового контроля вело к неизбежному столкновению со всеми ещё не покорёнными ими обитателями Восточно-Европейской равнины, среди которых были и вятичи. Начало X в., по археологическим данным, совпало с формированием так называемого «княжеского домена» вокруг Киева и Чернигова: того, что позднее станет «Русью в узком смысле»[1]. Приступив к борьбе с доминировавшим в этой зоне на протяжении нескольких столетий Хазарским каганатом, киевский князь Святослав Игоревич в качестве первой мишени избрал хазарских союзников и клиентов – вятичское этнополитическое объединение.

Представляется, что реальной целью нападения, состоявшегося в 964 г., была попытка решения одной либо нескольких (в зависимости от удачи) актуальных задач, среди которых явными выглядят: военное «тестирование» хазарских данников и, косвенно, ослабленного каганата; попытка установления контроля за торговыми и транспортными путями, проходившими по региону; подчинение себе хазарских вассалов и включение их в систему полюдья; нанесение ущерба репутации «протектора», не сумевшего защитить своего клиента; воздействие на сложившуюся маршрутную систему для повышения значимости собственного «стольного» города и нанесения ущерба его

[1] Шинаков Е. А. Северные границы «Русской земли» X века// Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Коваленко В. П. (отв. ред.). Тезисы историкоархеологического семинара. Чернигов: Десна, 1990. 146-149; Фетисов А.А. Формирование «домена» Рюриковичей («Русской земли») по археологическим данным// Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2015 г. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015.С.281; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Издательсво АН СССР, 1951. С.29-35.

конкурентам. Решение любой из перечисленных задач способствовало росту авторитета киевских правителей.

Контекст летописного сообщения, частью которого является знаменитое «иду на вы», при внимательном прочтении подразумевает, что «вы» относилось не столько к хазарам, сколько к пока ещё непокорным и не платящим «дани и выходы» вятичам: «...посылаше къ странамъ, глаголя: «хочу на вы ити.» И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичемъ: «кому дань даете?» Они же реша: «Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ»[1]. Представляется вероятным, что основной целью похода было нанесение ущерба, в первую очередь, действовавшей транспортной системе, а не военно-политическим структурам каганата, на что намекает представленный на карте предполагаемый маршрут похода[2]. Результаты кампании нельзя оценивать в качестве однозначного успеха князя, так как даже после похода, взятия и разгрома одного из укреплённых центров Хазарского каганата Святославу вновь пришлось идти на Оку (в 966 г.) с карательным походом. «Вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи»[3]. Впрочем, установление стабильного и прочного контроля за «дважды захваченными» землями не подтверждает ни один известный исторический источник. Относительная синхронность походов Святослава против вятичей и последующее прекращение функционирования большинства славянских поселений на Дону выглядит указанием на высокую вероятность существования связи между этими событиями[4]. Недоказанным представляется захват и разгром донских поселений именно дружиной Святослава. Археология, скорее, указывает на относительно мирное затухание прекращение славянского присутствия на Дону в последующие годы[5]. Древнерусскому государству оказалось затруднительно и невыгодно организовывать защиту славянских поселений вдоль

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.63.

[2] Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века. С.211; Моргунов Ю.Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович); Рос. акад. наук, Ин-т археологии. Вологда: Древности Севера, 2019. С.47-49.

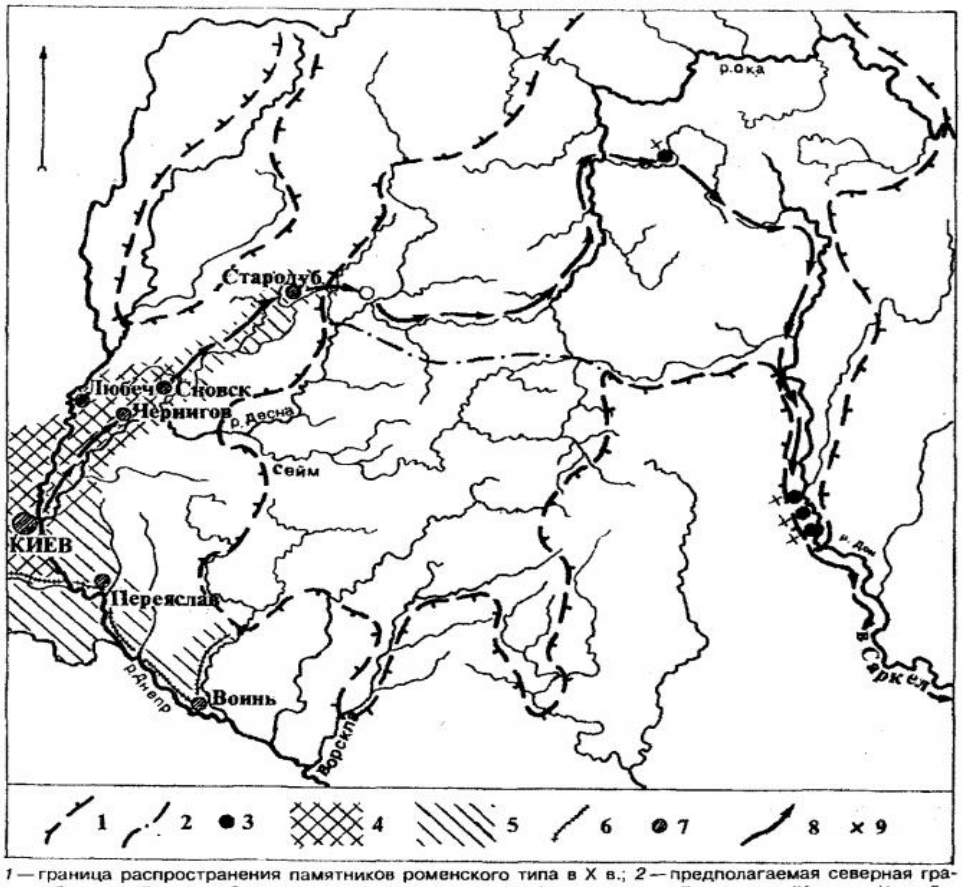
[3] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.64.

[4] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С. 269.

[5] Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С.19.

Дона, после разгрома Каганата оставшихся беззащитными от набегов различных кочевников (последовательно – печенегов и половцев).

Рисунок 12



1 — граница распространения памятников роменского типа в X в.; *2* — предполагаемая северная граница Северской земли; *3* — поселения роменского типа; *4* — территории Руси в кон. IX — нач. X в.; *5* — территории Руси к рубежу X—XI вв.; *6* — «Змиевы валы» (по М. П. Кучера); *7* — древнерусские города; *8* — вероятный маршрут похода Святослава Игоревича 964—965 гг.; *9* — поселения, погибшие в пожаре ок. сер. X в.

Вполне возможной (хотя и недоказанной) является и вероятность разгрома дружиной Святослава известного вятичского Чертова городища, расположенного на территории современного Козельского района Калужской области. Характеристики строительных приёмов, использованных при возведении обследованных фортификационных сооружений, характер их разрушения, особенности остатков сбруи, прочего инвентаря и обнаруженные наконечники стрел позволяют говорить о X в. как наиболее вероятном времени, когда произошло «…прекращение жизни на поселении… в результате нападения извне»[1]. Исследовавшие памятник археологи полагают весьма вероятным, что «это были не кочевники степей» и что «в военном конфликте на Чертовом

[1] Прошкин О.Л. Оборонительные сооружения Чертова Городища – результатыархеологического изучения// Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 12. М.: Институт археологии РАН, 2016. С.65-77.

Городище принимал участие отряд из дружинников»[1]. Точная датировка момента разрушения укрепления пока затруднена, но поход Святослава является одним из немногих письменно зафиксированных событий, ход и результаты которого в определённой мере соответствуют параметрам конфликта, выявленным путём археологических исследований.

В нескольких восточных источниках имеется указание и на агрессию князя Святослава также против Волжской Булгарии, повествуется о захвате и разгроме не одного, а нескольких значимых её центров, что в настоящее время полагается маловероятным[2]. Торговая и ремесленно-производственная деятельность булгар не ощутила последствий гипотетической атаки. Восточные походы Святослава могли быть особого рода «тараном» против «серебряной блокады» Руси со стороны восточных соседей[3]. Не исключая такого рода мотива в качестве одной из формальных причин указанной активности, следует отметить, что походы против Хазарского каганата и вятичей хронологически чётко совпадают с резким сокращением (вплоть до полного прекращения) денежного оборота на территории почти всего бассейна Оки, о чём свидетельствует практически полное отсутствие находок кладов, которые нумизматические материалы позволяют датировать 960-ми гг.[4] Восточные дирхамы вновь появились в составе кладов лишь к концу десятилетия и фиксировались до начала 980–х гг.

Падение Хазарского каганата, к тому времени уже прошедшего пик своей военной и экономической силы, принесло славянам Юго-Востока мало полезного: объём поступлений восточного серебра быстро сокращался, а из степи, ранее в некоторой степени прикрываемый землями каганата, пошёл поток новых кочевников – печенегов. Хронологически параллельное этому восстановление средиземноморской торговли между Европой и арабами привело к значительной

---

[1] Там же. С.77, 79.

[2] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С.221-225; Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах руси времен Святослава// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976.С.95-97.

[3] См. Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х годах X в.// Древнейшиие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.72.

[4] Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации… к.и.н. М.: 2013. С.23.

потере интереса к местным торговым путям со стороны европейских стран.

Хорошо известна нацеленность Святослава на обустройство государства на берегах Дуная: «не любо ми есть въ Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина [и] овощеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь»[1]. В качестве одной из вероятных причин подобных устремлений воинственного князя, наряду с первоначальной финансовой стимуляцией и агитацией за борьбу с Болгарией со стороны сына херсонского протевона патрикия Калокира, направленного Иоанном Цимисхием, и пробудившимся позднее желанием владеть благодатным западным Причерноморьем, могло выступать желание подчинить территории, пребывавшие в состоянии некоторой нестабильности после «обретения Родины» венграми и падения важной для всех славян Центральной и Восточной Европы Великоморавской державы (хотя из летописей лучше известна его активность в болгарском Нижнем Подунавье, а не постморавском Среднем)[2]. Впрочем, чтобы ни было основой его активности, реализовать свои планы Святослав не успел: в 972 г. он погиб в столкновении с печенегами. Эта смерть привела к прекращению на некоторое время военных походов против вятичей.

Представляется, что активность киевского князя была вызвана целым многокомпонентным комплексом причин, сред и которых (помимо упомянутых ранее) следует указать на хронологически параллельное разрушение системы восточноевропейских скандинавских поселений, активно использовавших преимущества восточного «серебряного потока» и представлявших собой прямых конкурентов ещё весьма слабого Киева[3]. Уничтожив своими походами основной источник их процветания в виде обслуживания действующих маршрутов

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.66.

[2] Диакон Лев. История. Пер. М.М.Копыленко. Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М.: Издательство «Наука», 1988. С.121-122; Майоров А.А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция// Вестник Брянского университета. №4 (30) (2016): исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2016. С.71-77.

[3] Пашинский В.М. Экономические и политические последствия борьбы князя Святослава за доминирование в Восточной Европе (по данным о кладах куфических дирхамов)// Российская история. Июль-август 2019. № 4. С. 54-65.

стабильной торговли, Святослав сделал свою столицу главным торговым перекрёстком. Впрочем, расцвета при своей жизни он не добился и, вероятно, спровоцировал внутренний заговор киевских христиан против себя[1].

Об активности наследовавшего Святополку его сына Ярополка в отношении вятичей достоверной информации не имеется. Дискуссионен вопрос о его религиозной принадлежности[2]. Судя по всему, Ярополк был в значительной степени занят на западном направлении. Ставший же правителем после убийства Ярополка его брат Владимир спустя некоторое время обратился к вопросу подчинения себе вятичей (и, следовательно, налаженных торговых путей) со свойственной ему обстоятельностью, что весьма выразительно продемонстрировали походы на Верхнюю Оку 981 и 982 гг. Они также косвенно подтвердили отсутствие контроля со стороны Киева за ранее якобы покорёнными землями. Как сообщает Ипатьевская летопись, в 981 г. Владимир «…вятичи победи. и възложи на ня дань. от плуга. яко же о(те)цъ его ималъ»[3]. Победа, судя по всему, оказалась не очень убедительной, поскольку и в следующий год «заратишася Вятичи. и иде на ня Володимеръ. и победи я въторое»[4]. Впрочем, неокончательность и этой победы не вызывает больших сомнений. «Неучтенным оказался «человеческий фактор»: жившие «в лесех» вятичи оказали яростное сопротивление, что отодвинуло их окончательное подчинение вплоть до конца XI в.»[5].

Сложно определить, какие причины, помимо нежелания потерять самостоятельность, лежали в основе столь постоянного вятичского упорства. Помимо свободолюбия, следует учитывать и явно ощутимое сокращение объёмов обслуживаемой им транзитной торговли после падения Хазарского каганата.

---

[1] Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. (VI-X вв). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1996. С.346-354.

[2] ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С.466; ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Издательство «Наука», 1978. С.46; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С.378-390; Щавелев А.С. Летописные известия о крещении Ярополка Святославича// Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 12 (74). С.78-87.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.69.

[4] Там же.

[5] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С. 269-270.

Прежние не обременительные «по щьлягу отъ рала» могли стать в новых условиях просто неподъёмными для натурального раннесредневекового хозяйства.

В 985 г. князь Владимир предпринял поход на Волжскую Булгарию в традиционной варяжской манере – на ладьях и в сопровождении торкской кавалерии: «иде Володимиръ на Болъгары. съ Добрынею оуемъ своимъ в лодьяхъ. а Торки берегомъ приведе на конехъ. и тако победи Болгары».[1] Летописный рассказ о походе на Булгарию не упоминает о вятичах, хотя движение войска (по крайней мере, в его речной части) могло происходить по окскому маршруту. Впрочем, возможен как согласованный «транзитный» поход, так и использование иных маршрутов (к примеру, через Верхнюю Волгу).

Тем не менее, нумизматические данные, как и во времена князя Святослава, свидетельствуют о повторном возникновении здесь серьёзных финансовых затруднений: «В самом конце X – начале XI в. происходит нарушение связи в торговле монетным серебром между Волжской Булгарией и славянскими землями Поочья»[2]. Иных объяснений, помимо вмешательства Рюриковичей в дела вятичей и их управленческих структур, подобная ситуация не находит: либо начался активный и успешный сбор дани, что препятствовало накоплению дирхамов, либо значительно сократилась выручка за «обслуживание» маршрута из-за падения товарооборота.

Археологические данные позволили сформулировать гипотезу, что Владимир Святославович организовал поход и по другому маршруту – вдоль реки Семь (будущий Сейм), через территорию непокоренных до тех пор восточных северов. Земли эти были хорошо укреплены: были возобновлены прежние крепости и построены новые укрепления, а в борьбе с экспансией Рюриковичей принимало участие всё местное население. Судя по данным археологических исследований, восточные северы были полностью разгромлены, большинство их укреплений и поселений уничтожено – роменская археологическая культура

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.71. Торки (гузы) – тюркская народность, в X-XII вв. кочевавшая в северном Причерноморье. Периодически совершали набеги на своих соседей (в том числе и на Русь). Довольно часто привлекались русскими князьями для решения военных задач.

[2] Гомзин А.А. Указ.соч. С.24.

прекратила своё существование здесь. Население было в значительной степени замещено переселенцами с подконтрольных Киеву территорий, а своеобразный социум так называемого «Посемья», прослеживаемый исследователями, прекратил своё существование[1]. Число населённых пунктов здесь значительно (практически наполовину) сократилось. Относительно существования и сути этнонима «семичи» и хоронима «Посемье» до настоящего времени ведётся дискуссия[2].

Согласно гипотезе Б.А.Рыбакова, одним из связанных с походами Владимира Святославича мероприятий могла стать организация сухопутного торгового пути в Волжскую Булгарию с обустройством караванного торгового пути и постройкой цепочки станций-«манзилей»[3]. Ряд современных данных, полученных археологами, говорит в пользу этой версии. Впрочем, схожесть природно-климатических условий Киева и Булгара, приводила к тому, что «торговать между собой… Киеву и Булгару… практически было нечем. Их роль, в первую очередь, заключалась в посреднической торговле между Востоком и Западом с конечными точками на Тихом и Атлантическом океанах»[4]. Транспортное перемещение с использованием речных путей могло бы значительно сократить издержки транзита, но подконтрольность вятичей Киеву вызывает явные сомнения. В пользу таких сомнений говорит появление в этот период в вятичской среде значительного числа предметов материальной культуры свойственных северянским культурным традициям, что косвенно свидетельствует

---

[1] Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С.96; Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С.275; Он же. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска)// Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.2018. № 3(47). http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52

[2] См. Щавелев А.С. К интерпретации древнерусских летописных известий о славянских общностях Восточной Европы// Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто Москва, 19–21 апреля 2017 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017 С.263, 265-266; Зайцев А.К. Черниговское княжество. С.73-74, 79-80.

[3] См. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года// КСИА. XLIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С.11, 29-31, рис.14; Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев// Древности Восточной Европы. Древности Восточной Европы: сб. ст./ Отв. ред. Л.А. Евтюхова. Материалы и исследования по истории СССР. № 169. М.: Наука, 1969. С. 189–196; Енуков В.В. Славяне. С.272-273; Моргунов Ю.Ю. «Русская» часть трассы Киев–Болгар// Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. 2015. Випуск 37. С.3-13.

[4] Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок пути Булгар-Киев (особенности поселений и маршрута» // Путь из Булгар в Киев. Материалы науч. конференции 26-27 февраля 1991 г. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. С.23.

о переселении части посеймских жителей на север, на земли верхнеокского бассейна[1]. Вряд ли беженцы от киевской экспансии стали укрываться на территории подконтрольной Киеву.

Места нахождения следов «северского наследства» в последующий период распространены весьма широко (Суздальское ополье, Подмосковье, Поволжье, Рязанская земля, Прибалтика, Поднепровье, новгородские земли и т.д.)[2]. Признаки компактного размещения носителей северянских культурных черт на вятичских землях обнаруживаются в районе широтного течения Оки, в нескольких сотнях километров от прежнего места жительства[3]. Переселение ушедших от киевской экспансии северов вполне могло быть фактором, способствовавшим росту плотности местного населения, в пользу чего говорят археологические данные[4]. Принятие и размещение южных переселенцев (меньшая часть – вооружённая элита, большая, по сути, беженцы) вполне может быть зафиксировано в качестве составной и неотъемлемой части вятичской истории.

Повышение управляемости подчиняемых территорий путём переселения на них иных этнических групп и разрыва, таким образом, существовавших ранее вертикальных и горизонтальных социальных связей известно с самых древних времён и является высокоэффективным управленческим приёмом. Оставленные без защиты донские славяне, как уже упоминалось ранее, сразу после походов Святослава начали своё переселение с Дона. Активность его сына Владимира также способствовала славянской депопуляции донских поселений[5]. Имеются

---

[1] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С. 288, 305.

[2] Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья/ А. П. Смирнов // МИА. № 28. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С.124-129; Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В, Даченков И.Б. Древние города Подмосковья: эпоха домонгольской Руси. Тверь.: ОАО «Тверская областная типография», 2012. С.20-50; Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец// Советская археология. 1980. №3.С.123-125; Он же. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістаричныя лёсы Верхняга Падняппроуя (Частка I). (Археалогія). Маглеу, 1995. С.161-174; Лапшин, В. А. Ранняя дата Владимирских курганов/ В. А. Лапшин// КСИА. Т. 166: Средневековые древности. М.: Наука, 1981. С. 45-48; Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 8/ Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2017. С.14-15, 18, 21;

[3] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. С. 305- 306.

[4] Енуков В.В. Посемье и семичи (По данным письменных, археологических и нумизматических источников)/ Енуков В.В.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.6. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: Едиториал УРСС, 2002. С.39-45.

[5] Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства

данные об их переселении в бассейн Средней Оки (вплоть до пределов Волжской Булгарии)[1].

Уже отмечалось, что результаты археологического изучения территорий, прилегающих к Верхнему Дону, позволяют предполагать высокую вероятность существования в X в. единого для донских славян и вятичей культурного, а возможно и административно-политического пространства. По-видимому, вследствие именно этого положения – общего этнического, культурного, религиозного, и, вероятно, административного прошлого – укрепившееся позднее в качестве самостоятельного государственного образования Черниговское княжество по праву преемства установило здесь свой административный контроль.

В соответствии с сообщением летописей от 988 г., по указанию киевского князя была начата постройка укреплённых поселений по рр.Сула, Десна и Стугна и отбирать для размещения здесь «…мужи лутши от Словенъ. и от Кривичъ. и от Чюди. и от Вятичь и от сихъ насели и грады…»[2]. Этими действиями киевский правитель попытался «закрыть» обнажившееся перед степью пространство, ранее защищённое Каганатом и тройственным восточнославянским союзом. Именно этой датой, вероятно, можно определить исчезновение этого протогосударственного объединения.

Разрушение прежних иерархических связей и слияние новых с официальной властной структурой обеспечивало практическую бесперебойность исполнения принятых наверху управленческих решений: решался вопрос установления связей типа «сюзерен – вассал» между киевскими князьми (либо их семьёй) и родственниками переселенных на новые земли «лучших мужей». Е.А.Шинаков видит в описаных мероприятиях явное влияние «…византийско-болгарской практики искуственного «перемешивания» разноэтничного населения путем переселения на противоположный конец государства главных носителей

(лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С.198.

[1] Он же. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. С.125-126.

[2] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.106.

этнополитического сознания – аристократии того или иного народа»[1]. Как бы то ни было, это помогало Рюриковичам укреплять свой контроль над ещё не полностью покорными восточнославянскими территориями и решало принципиальный для любой полиэтнической структуры вопрос обеспечения подчинённости на присоединяемых территориях. Завершение переселения и обустройства, по всей видимости, произошло к 1008 г.[2]

Представляется, что последовавшая через несколько десятилетий победа князя Мстислава Владимировича над своим братом Ярославом Мудрым в качестве одной из своих причин, по-видимому, имела особые отношение первого с северами. Реальные подробности и детали взаимодействия старых вятичских союзников северов с черниговским князем неизвестны, хотя первичный состав войск Мстислава очень любопытен и специфичен: «Поиде Мстиславъ на Ярослава, съ Козары и съ Касогы»[3]. Мстислав, как архонт Таматархи (исходя из сведений нумизматики о титуле последующих властителей Тмутараканской земли) вполне мог носить титул «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии», то есть он являлся легитимным и законным правителем хазар и их вассалов[4]. Логичным выглядит, в этой связи, согласие и других вассалов – северов – подчиниться тому, кто требует повиновения на основании старых порядков, правил и законов.

Судя по всему, именно северское ополчение, уничтожив варяжскую дружину Ярослава, помогло Мстиславу Храброму (Удалому) одержать принципиальную победу в битве при Листвене в 1024 г.: «…иде Ярославъ съ Якуномъ на Мьстислава, Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има къ Листвену. …и бысть сеча… силна и страшна. …Ярославъ, яко побежаемъ есть, побеже с Якуномъ»[5]. В следующем году русские земли были разделены между Киевом и старым северским центром – Черниговым: «И разделиста по Днепръ

---

[1] Шинаков Е.А. У истоков русской государственности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. С.418.

[2] Шинаков Е.А. Там же.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. С.134.

[4] Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М.: «Древлехранилище», 2009. С.25; Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Материалы конференции. Мю: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.339-340.

[5] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.144-145.

Русьскую землю»[1]. Представляет симптоматичным, что даже пределы территории, перешедшей под контроль Мстислава после раздела Руси, весьма точно воспроизводили прежние западные и северные рубежи казалось бы давно сокрушенного Хазарского каганата. К сожалению, нехватка сохранившегося источникового материала не позволяет выяснить каким образом прочие вассалы, среди которых следует упомянуть, к примеру, вятичей и аланов, отреагировали на такое своеобразное восстановление власти «правителя Хазарии» на землях днепровского Левобережья.

Впрочем, победа эта не принесла желанных плодов. Вскоре после смерти князя Мстислава, последовал полный разгром северов ставшим единовластным правителем Руси князем Ярославом Владимировичем. Уничтожение носило массированный характер, что подтверждается данными археологических исследований: «В кон. X — 1-й пол. XI в. на территории Днепровского Левобережья происходит практически полная смена материальной культуры. Подавляющее большинство изученных раскопками поселений позднего этапа роменской культуры гибнет в результате пожаров. На основной части этих памятников слои сер.— 2-й пол. XI в. не фиксируются, но и там, где на месте роменских поселений возникают древнерусские, преемственности между ними нет»[2]. Кто-то из местных жителей погиб, кто-то покорился, а кто-то убежал уже привычной дорогой – на север.

После указанных событий вятичи и их союзники исчезают из фокуса внимания летописцев, что, вероятно, обусловлено, многочисленными усобицами первой половины XI в., которые, вплоть до вокняжения в Киеве Ярослава Владимировича, были довольно масштабны и затрагивали весьма обширные территории. Вероятнее всего, ослабление центральной власти привело к традиционно вятичскому «дрейфу» в сторону самостоятельности, плавно переходившей в фактическую независимость.

Одним из вероятных вариантов, способствовавших сохранению высокой

---

[1] Там же. С.145.

[2] Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. С.216.

степени вятичской самостоятельности, могло быть заключение неких гласных либо негласных соглашений о поддержке (защите) с Вожской Булгарией, с давних времён выступавшей в качестве надёжного экономического партнёра разгромленного Киевом восточнославянского союза и вполне способной оказать и другие виды поддержки – военной, политической, дипломатической[1]. Тема эта обширна, объёмна, по всей видимости, перспективна и требует отдельного тщательного скрупулёзного изучения и обсуждения.

В пользу суждения о явном отсутствии киевского контроля за верхнеокскими землями свидетельствует характер упоминания вятичей в бытность Владимира Ярославовича (Мономаха) киевским князем. В знаменитом «Поучении» он указывает три эпизода своей жизни, которые, по контексту, должны были характеризовать твердость его характера и полководческий талант. В первом, он, невольно характеризуя специфику обстановки, типичной для времён правления Ярослава Мудрого, указывает, что «...къ Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отець», подчеркивая, что стремился исполнить отцовское поручение и не побоялся пойти прямой дорогой, опасной для князей и их дружин[2]. Отмеченный текстом характер перемещения, подразумевающий преодоление опасного и трудного пути, явно не вписывается в представление о беззаботном путешествии сюзерена через земли верных вассалов. Безусловно, упомянутые «Вятиче» географически не локализованы и вполне могут относиться как к зоне южнее Оки, так и к современному Подмосковью, что лишний раз акцентирует

---

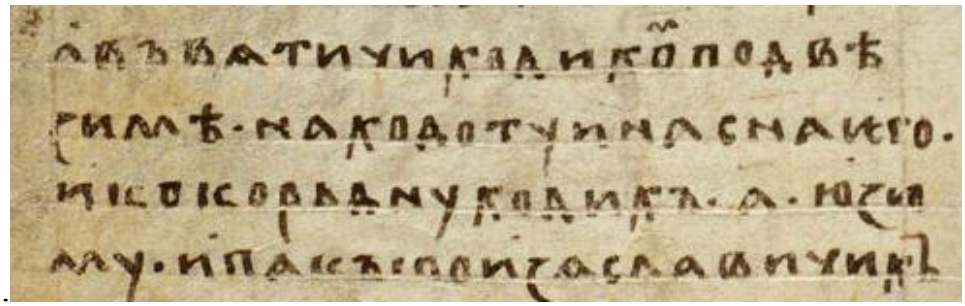
[1] Голб Норман, Прицак Омельян. Хазарско-еврейские документы X в. Науч.ред., посл. и комм В.Я.Петрухина. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. С.132-133; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации… к.и.н. М.: 2013. С.20-21, 23-24; Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. С.146; Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. – 2009: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.59-60; ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.29-36, 82; Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс// Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С.262; Шинаков Е.А. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник /Отв. ред. А. А. Бессуднов. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-ТянШанского, 2017. С.193-208; Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в.// Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена–корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2017. С.253-256.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.238.

«сложную» для Рюриковичей репутацию этого восточнославянского объединения.

Вятичский «проблемный» (для Рюриковичей) статус сохранялся и во время прямых походов Мономаха, пребывавшего уже в статусе черниговского князя, против вятичей на рубеже 70-80 гг. XI столетия: «...въ Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму»[1]. Факсимиле древнейшего списка летописи прилагается[2].

В этом «сдвоенном» сообщении «Вятичи» выступают уже в качестве отдельного, по меньшей мере, территориального (но возможно и этнополитического) образования, без прямого указания на их починённость Чернигову. Эти упоминания характеризуют вятичей конца XI в.в качестве самостоятельной и, фактически, откровенно независимой от Киева и Рюриковичей силы.



Текст сообщения при анализе прямо указывает на наличие на Верхней Оке собственной наследуемой управленческой структуры, представленной, по меньшей мере, «военным вождём» Ходотой, передавшим по наследству свою власть сыну (т.е. выполнившим большую часть «княжеского» функционала)[3]. В рамках простой социальной «племенной» структуры подобная ситуация представляется маловероятной, поскольку должность вождя, в случае невозможности исполнения им своих обязанностей, должна передаваться другому доблестному воину, но никак не сыну-наследнику.

Исходя из сообщения, центром «Вятичей» являлось некое место (город,

---

[1] Там же. С.239.

[2] Источник http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/Project/page_Show.php С.81 об.

[3] См. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10000 слов/ Э.Благова, Р.М.Цейтлин, С.Геродес и др. Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М.: «Русский язык», 1994. С.301. «КЪНЯЗЬ… правитель… начальник…вельможа»; Мешкова Т.С. Способы актуализации концепта князь (на метериале Новгородской I лнтописи. Автореф. … канд. филолог.наук. Архангельск, 2005 г. 20 с.

местность, сооружение) Корьдно («Око-рьдно», «Редно» и пр. – вероятны различные искажения топонима), занятие которого имело важное (военное, политическое, статусное, мистическое?) значение для решения вопросов подчинённости всей территории официальным властям. Наличие такого рода «столицы», в свою очередь, подразумевает существование внутренней иерархии и подчинённости, то есть признаков сложной социальной структуры. Ситуация эта для центральной части Восточно-Европейской равнины XI в. нетипична (ввиду успешного покорения Рюриковичами к тому времени прочих восточнославянских этнополитических объединений), а потому часто отмечается исследователями особо: «до последней четверти XI в. дожило племенное ***княжение*** вятичей, о подавлении которого и присоединении к государству сообщает в своем Поучении Владимир Мономах»[1]. Место нахождения и реальная природа этого объекта не ясны до настоящего времени. Практически ни одна из многочисленных попыток его локализации не выглядела окончательной и абсолютно убедительной[2]. Существует даже мнение о топониме «Корьдно» как об «ошибке палеографа»[3]. Кстати, успешность походов Владимира против вятичей, как и походов Святослава, объективных доказательств не имеет.

Приведённая выше информация подтверждает гипотезу о сохранении (в различных видах и формах) самостоятельности вятичей, по меньшей мере, до последних десятилетий XI в. Прослеживается ясная закономерность – при сокращении внешнего военного давления вятичское этнополитическое объединение сразу же восстанавливало и наращивало степень своей автономии, постепенно переводя её в некий местный суверенитет. Судя по всему, внутренняя структура социальной организации позволяла ставить, преследовать и достигать столь амбициозные цели на протяжении, по меньшей мере, нескольких веков.

---

[1] Котляр Н.Ф. О социальной сущности древнерусского государства IX – первой половины X в.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. М.: Наука, 1995. С.38.

[2] См. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой летописи. Варшава: Тип-я Н.Ковалевского, 1885. С.157; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Издательство «Наука», 1982. С.217-218, 259-262; Никольская Земля вятичей. С.121; Алексеев А.В.Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи// Археология Подпосковья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2004. С.177-192.

[3] Краснова Т. В. Город Корьдно: реальность или ошибка палеографа?// ФИЛОLOGOS. 2014. № 23 (4). С.97-98.

Подобное положение делает высоко вероятным существование местной социально-политической и военной элиты, обладавшей высокой степенью легитимности в восприятии возглавляемого ей социума.

Вхождение вятичских земель в состав русского государства по сути началось лишь на рубеже XI-XII в., в то время, когда уже сформировалась тенденция к политическому раздроблению Руси. Вятичские земли могли быть частью формально единого Древнерусского государства весьма короткий срок – в первой трети XII в., поскольку великое княжение Владимира Мономаха (1111-1125 гг.) и его сына Мстислава (1125-1132 гг.), по сути, завершило историю фактического существования единой центральной власти на Руси[1]. Из этого следует, что кратковременное пребывание вятичей в составе единого государства может быть определено как условный факт, не успевший оставить заметного следа в истории этой этно-культурной группировки.

Таким образом, территория Верхнеокского исторического региона не входила, в полной мере, в состав Русской державы с центром в Киеве в период её формирования, развития и наибольшего расцвета. Первоначально являясь частью земель, охваченных влиянием Хазарского каганата, Земля вятичей (после его ослабления) стала органической частью восточнославянского союза во главе с северами, а затем, после разгрома северов, оставшись в вынужденном одиночестве, вероятно, вступила в тесное военно-политическое взаимодействие с Волжской Булгарией[2]. Таким образом, она была рядом с Древней Русью, более того — практически полностью окружена её территориями, она была связана с ней многими этническими, экономическими и культурными контактами. Она не могла реально обособиться от Руси по причине своего географического положения. Тем не менее, данная территория на протяжении всего времени существования Древнерусского государства сохраняла индивидуальные особенности исторического развития.

---

[1] Долгов В.В. Мстислав Великий// Вопросы истории. 2018. № 4. С.26-47; Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С.505-509.

[2] Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. Лит., 2009. С.151-156; Он же. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики). С.203.

Последствия экспансии Рюриковичей на земли Верхней Оки вполне прослеживаются. Археологическими исследованиями здесь выявлено 14 городищ и 47 селищ начала XI в., относящихся к роменской археологической культуре, что позволяет признать их вятичскими. В XII в. продолжили свое существование 49 славянских городищ и селищ из названных 61[1]. На 12 поселениях жизнь прекратилась. Таким образом, 20% выявленных вятичских поселений прекратили существование на рубеже XI-XII вв. Письменные источники и результаты археологических раскопок не зафиксировали какие-либо иноэтничные нашествия на рассматриваемую территорию, которые могли бы уничтожить пятую часть вятичских населённых пунктов. Безусловно, проведение арифметических вычислений на основе только найденных археологами поселений может быть не вполне точным. Тем не менее, такие подсчеты показывают общую тенденцию уменьшения числа поселений, что, без сомнения, отражает исторические реалии того времени: можно уверенно предполагать, что подчинение верховских земель киевской власти оказалось весьма жёстким, а иногда и весьма кровавым.

Подчинение вятичских земель Рюриковичам, таким образом, стало результатом многолетней целенаправленной военно-политической активности центральных властей древнерусских княжеств. Результатом военной составляющей этой деятельности стало заметное сокращение здесь числа населённых пунктов. В целом, все вышеперечисленное подтверждает гипотезу о невхождении вятичей в состав Древнерусского государства, что лишний раз подчеркивает правильность исключения их летописцем из числа *русских* людей славянского языка.

Конец XI – начало XII в. стал финальным рубежом отдельного существования вятичей вне русских пределов. Более двухсот лет сопротивления попыткам Киева подчинить себе Землю вятичей в итоге закончились победой Руси. Потеря вятичами самостоятельности хронологически совпала с моментом окончательной утери восточноевропейскими торговыми путями своего особо

---

[1] Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Дисс…. канд. ист. наук М., 2001. С.63-64.

значения как для Европы, так и для Азии после «возобновления торговых связей в Средиземноморье, когда европейские страны овладели морскими коммуникациями в эпоху крестовых походов»[1]. По всей видимости, исчезновение заметных доходов от транзитной и попутной торговли по старым волго-окским и донско-окским маршрутам, потеря внешней – хазарской, северской, волжско-булгарской – поддержки в сочетании с полным «окружением» Земли вятичей территориями, находившимися под контролем Рюриковичей, вначале сделали противостояние попыткам централизации восточнославянских земель политически и экономическими затруднительным, а затем и невозможным.

§ 5. Экономико-географические особенности Земли вятичей. Специфические черты материальной и духовной культуры

Ранее неоднократно указывалось, что Верхнеокский исторический регион имел выгодное географическое положение, ибо располагался на перекрестье важных торговых путей. Судя по всему, неоспоримое влияние географической организации пространства и отдельных ландшафтов на формирование политических, этнических, административных и иных видов границ не прямолинейно: выглядящие естественными преградами рубежи могут стать не пределом, а, напротив, связующим звеном между различными территориальными, политическими и этническими социальными структурами.

Именно наличие разветвлённой и развитой транспортной сети, в первую очередь, способствовало расселению славян по рр.Ока, Упа, Угра, Осётр и другим. Степень значимости и роль транзитной торговли в формировании и функционировании вятичского этнополитического объединения, о которых упоминалось неоднократно, не подлежат сомнению. Вместе с тем, следует заметить, что торговля обеспечивала поступление, в первую очередь, дополнительного «сверхпродукта» – качественных импортов и предметов престижного потребления, в то время как основой функционирования и

---

[1] Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали// Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.65.

жизнедеятельности подавляющей части местных жителей являлись производство продукции сельского хозяйства, охота, промыслы, различные ремесленные производства.

Почвенно-ландшафтные характеристики территории расселения вятичей, специфика географического расположения их поселений в речных бассейнах и почвенных зонах описывались в §2 Главы 1 настоящей работы. Особенностью восточнославянского освоения верхнеокского бассейна и непосредственно прилегающих к нему земель является наличие описанных выше ополий (по типу хозяйственной эксплуатации сходных с иными российскими и украинскими опольями), которые вполне эффективно сочетались с традиционно применяемыми роменской археологической культурой агротехническими приёмами обработки чернозёмов.

На Рисунке 13 указаны места поселения вятичей в сопоставлении с ландшафтно-почвенной спецификой территории. Здесь, ввиду крупномасштабности, не отмечены места залегания пойменных почв, которые являлись местами первичного оседания славян. Б*о*льшая часть верхнеокских «…поселений находится на берегах рек, имеющих широкие пойменные участки, т.е. в зонах распространения пойменных почв. …Расположение памятников скоплениями… наблюдается чаще в тех местах, где имеются не только широкие поймы рек… но и соприкасающиеся с ними участки светло-серых, серых и темно-серых лесных почв в северной и северо-западной частях региона, черноземов – в южной и юго-восточных частях»[1]. Представленная карта позволяет отследить две явные доминантные установки для определения мест поселения, которыми руководствовались верхнеокские славяне.

Первая – наличие, сопровождение и обслуживание транспортных путей, наблюдаемое особенно ясно на двух участках: по Оке – Упе – Дону (включая, по всей видимости, их многочисленные притоки) и по широтному течению Оки. Вторая – наличие почв, удобных для привычной пашенной обработки (ополья,

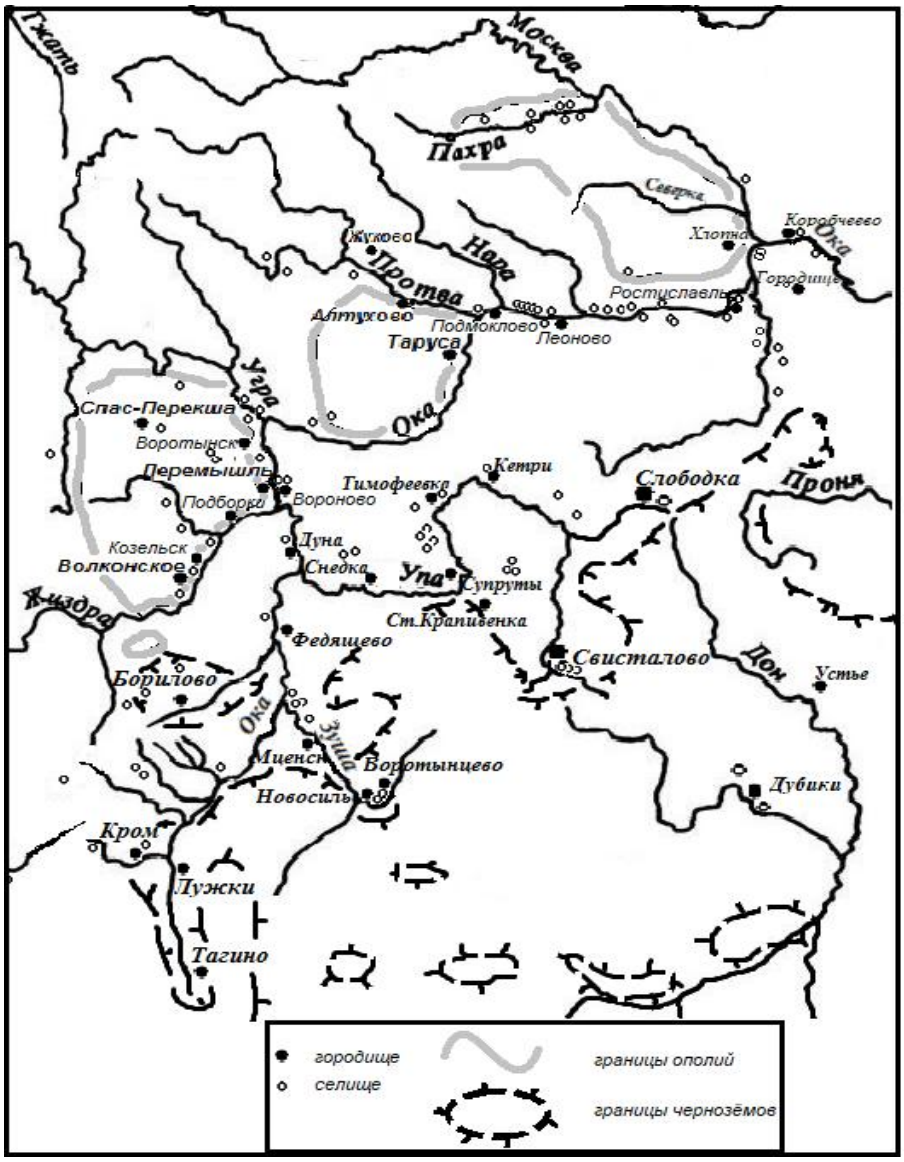
---

[1] Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация… к.и.н.. 2001. С.12-13.

черноземья и речные долины).

Рисунок 13

Расселение вятичей в бассейне Верхней Оки



Очевидно, играла свою роль и доступность природных ресурсов (древесины, дикорастущих растений, мёда, полезных ископаемых, мехов, мяса, кости диких животных, рыбы и тд. и т.п.). Эти факторы отмечаются исследователями как ведущие и для отдельных местностей (в особенности для ранних этапов)[1].

Достоверно известно о расселении вятичей в Мещовском, Тарусском и Подольско-Коломенском опольях, пригодных для пашенного земледелия, являвшегося основой вятичского сельского производства. В тоже время,

[1] Прошкин. О.Л. Чертово городище. С.97; Григорьев А.В. Славянское население… С.153-156.

славянское расселение каждого ополья происходило с рядом особенностей и в разные сроки. Значительно отличается и степень их археологической изученности: если Мещовское и Подольско-Коломенское ополья обследовано профессионально и тщательно, то Тарусское изучено, в основном, в полосе, непосредственно прилегающей к Оке, а Ульяновское (самое маленькое) демонстрирует парадоксально малое число выявленных памятников в сравнении с близлежащими территориями. Следует учитывать, что земли в настоящее время относящиеся к орловскому и частично тульскому течению Оки, находятся преимущественно в лесостепной и степной зонах, которые, с точки зрения географов, несовместимы с опольем, поскольку расположены на возвышенном рельефе (Среднерусская возвышенность) и не окружены лесами (полесьями)[1]. Вследствие описаных физико-географических особенностей местных ландшафтов значительно повышалась степень доступности поселений для вероятного внешнего агрессора, что ограничивало славянское расселение в необлесённых местностях.

Следует также учитывать как фактор, явно негативный для попыток исторической реконструкции, непрерывную, по сути, многовековую сельскохозяйственную эксплуатацию равнинных плодородных лесостепей юга Вехнеокского бассейна, что неизбежно привело к гибели и уничтожению памятников и следов славянского расселения на рассматриваемых территориях. Активная ежегодная агроиндустриальная обработка территорий в настоящее время, скорее всего, уничтожает последние признаки проживания вятичей на такого рода землях.

Наиболее полно обследовано Мещовское ополье, которое активно заселялось ещё в дославянское время. Здесь пересекалось воздействие двух важнейших факторов – прохождение нескольких речных транспортных путей и наличие «классического» славянского ополья как защищённого массива плодородной влажной, но хорошо дренированной почвы, близкой по

[1] Геология СССР. Том IV. Центр Европейской части СССР (Московская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская, Смоленская и Ярославская области). Геологическое описание. М.: Издательство «Недра», 1971. С.36

агротехнических характеристикам к привычным южным чернозёмам. Учитывая транспортную доступность, возможность дополнительного заработка на «сервисных услугах», а также благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, расселение восточных славян в этих метах шло весьма активно. Начало заселения славян – носителей роменской культуры – на территорию ополья относится, согласно оценкам специалистов, к IX в. Ранний период, который весьма уверенно можно связать с вятичским этнополитическим объединением, характеризуемый типичными роменскими признаками на поселениях и типичным погребальным обрядом, продолжался здесь, по меньшей мере, до второй половины XI столетия[1].

В это время здесь возникли и в настоящее время выявлены 6 городищ (Волконское, Козельск, Перемышль, Воротынск, Подборки и Вороново), 22 селища, несколько курганных могильников[2]. Симптоматично расположение поселений, в которых найдена керамика роменского типа, исключительно в восточной части ополья, прилегающей к наиболее крупным рекам, что указывает на «изначальный путь его освоения славянским населением в IX в. – с р.Оки на юго-запад и на северо-запад по р.Угре»[3]. Чётко прослеживается, что подавляющее большинство (80%) перечисленных выше городищ раннего периода имели своё продолжение в виде административных центров и княжеских столиц на протяжении нескольких последующих столетий.

Соседство Мещовского ополья с речными транспортными магистралями (Окой, Упой и Угрой) повышало его экономическую и политическую значимость. О реализации локальных преимуществ ясно говорят местные нумизматические материалы, представленные фрагментами четырёх кладов и отдельными находками куфических монет[4]. Большинство датированных монет относятся к четвёртому периоду распространения куфических монет – с 939 г. до конца X в.[5]

---

[1] Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным. С.70.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 81.

[4] Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. С.72.

[5] Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. С.146-159.

Один клад накапливался длительное время и датирован концом X – третьим десятилетием XI в.[1] Этим подтверждается предположение о существовании и поддержании весьма широких самостоятельных внешних контактов вятичской этнополитической группировкой по меньшей мере до середины XI столетия.

Отдельным субрегионом Земли вятичей выступает так называемое Москворечье, расположенное в бассейне окского притока Москвы-реки – на севере этнической границы группировки[2]. Традиционно этнополитическая принадлежность субрегиона полагалась доказанной, что получило ряд корректировок в ряде современных исследований. Причиной его выделения служит окраинный характер географического положения и специфика локальных этнокультурных процессов, которые заключались в относительно позднем расселении и явном присутствии, пусть и не очень многочисленных, но явственных кривичских мотивов. «Во второй половине XI в. долина среднего течения Москвы-реки и долина её правого притока р. Пахры (нижнее течение) были колонизованы населением, видимо, пришедшим сюда с юга, из-за Оки. Отдаленной исходной точкой колонизационного движения, возможно, являлся северянско-радимический ареал»[3]. Эти данные совпадают с активизацией борьбы Рюриковичей против северянской и вятичской самостоятельности, а поздние сроки заселения этой местности определяют её скорее как регион-убежище.

Отмеченные рядом исследователей культурно-бытовые особенности указывают на весьма выраженные локальные отличия населения Москворечья от жителей прочих вятичских территорий. Речь идёт о специфических деталях выявленной керамики и украшений (в особенности височных колец), позволяющих связать их не только с вятичскими и, если брать шире, роменскими исходными вариантами, но и проследить влияние иных славянских традиций, в

---

[1] Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Издательство «Наука», 1967. С. 48-49.

[2] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья : этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Москва; Смоленск, 2019. С.8, 28, 30, 31,34, 83, 86, 87 и т.д.

[3] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореф…. д.и.н. Москва, 2014. С.32.

частности, кривичских, а также свойственных Смоленской земле[1]. В то же время ряд значимых черт, прямо связывающих жителей данной территории с вятичским культурных ареалом (на что в своих исследованиях указывали А.В.Арциховский, Т.Н.Никольская, В.В.Седов, Н.Г.Недошивина) отрицать сложно.

Материальная культура верхнеокских вятичей весьма подробно представлена в публикациях Т.Н.Никольской, осуществлённых ею на основе результатов археологических раскопок. Ценность этих работ, в первую очередь, заключается в характере материалов, послуживших основой для исследования. Сам термин «Земля вятичей» широко распространился именно благодаря названию одной из книг этого автора. Рассматривая особенности ведения хозяйства славян на территории бассейна Верхней Оки, следует отметить явное преобладание пашенного земледелия как следствие происхождения переселенцев (в своём большинстве) из южных чернозёмных местностей. Хозяйственная деятельность жителей предгородских поселений отличалась бо́льшей долей ремесленного производства, но по-прежнему базировалась на сельскохозяйственном производстве. По данным археологических исследований, «основными отраслями сельского хозяйства в городах Земли вятичей являлись земледелие и скотоводство, в то время как рыболовство, охота и бортничество были только дополнением к ним»[2].

Традиционно приписываемое многим восточным славянам применение подсечно-огневого метода на Верхней Оке ограничивалось, по всей видимостью, его использованием в качестве агротехнического приёма в первичной борьбе с лесом на отдельных участках (расчистка участков под постоянные поля): для последующего использования всё в том же пашенном земледелии. Освобождённые от кустарника и молодого леса делянки обрабатывались несколько сезонов пахотными орудиями, затем они, особенно расположенные вблизи поселений, могли использоваться в качестве выгонов и через 8-12 лет

---

[1] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековтя: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019. С.83-88.

[2] Никольская Т.Н. Сельское хозяйство и промыслы в городах Земли вятичей// Краткие сообщения института археологии. 144. Средневековые древности Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С.29.

вновь расчищались под пашню. Поскольку доминировало пашенное земледелие и главным приёмом была распашка, сжигать могли лишь пни, а мелколесье использовали для хозяйственных нужд. Урожайность, по современным меркам, была невысокой. Возделывались (в порядке сокращения объёмов) просо, ячмень, пшеница, вытеснявшаяся рожью, овёс, бобовые, лен и конопля. Кстати, первое упоминание плуга в русской истории связано с летописным рассказом о походе князя Владимира на вятичей, что может свидетельствовать о достаточно высоком уровне технического развития местного земледелия[1]. Обнаружены многочисленные сошники, плужные лемеха и плужные ножи, что подтверждает вероятность разнообразия орудий почвообработки, впрочем, о точных их (орудий) характеристиках говорить сложно ввиду ощутимой терминологической изменчивости, свойственной именно рубежу I и II тысячелетий н.э.[2]. Занятиям пашенным земледелием весьма способствовали особенности благоприятных почвенно-климатические условий, которые характерны и специфичны именно для этого региона, что прослеживается и до настоящего времени[3].

Злаковые убирались серпами, иногда косами-горбушами, больше приспособленными для сенокошения и уборки бобовых (прослеживается прямая и непосредственная аналогия с упоминавшимся ранее набором мощинских сельскохозяйственных орудий). Молотили цепами, сушили в овинах, иногда (в малых объёмах) на специальных глиняных блюдах-жаровнях. На огородах выращивались репа, капуста, огурцы, свёкла, тыква, лук, чеснок. Мололи зерно ручными круговыми мельницами с каменными жерновами диаметром до 60 см. Крупу обычно толкли в ступах[4]. Помимо того, активно практиковались традиционные хозяйственные отрасли – бортничество, скотоводство, охота и рыбная ловля (неводами, острогой, на крючок, на блесну, «кошками» зимой подо

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.69.

[2] Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. Отв.ред. А.В.Чернецов. М.: «Наука», 1987. С.130-133; Никольская Т.Н.Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981. С.239-246; «Орловский краеведческий музей». Арх. 517. Дело 13. Отчеты Т.Н.Никольской о раскопках городища у д. Пашки (Лужки) Кромского района 1959 г.; 2.Раскопки городища у д.Слободки Шаблыкинского района 1960 г. 1960.

[3] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса/ Милов Л.В. М.: РОССПЭН, 1998. С.12, 43; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.239-245.

[4] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.239-246.

льдом) [1]. Не вдаваясь в подробное перечисление всех видов хозяйственнной деятельности, следует упомянуть прядение и ткачество: моно- и полицветные ткани в клетку из растительного сырья (конопля, лён) либо овечьей шерсти, окрашенных растительными красителями. В животноводстве использовался крупный и мелкий рогатый скот, лошади и свиньи. Пушной промысел основывался на добыче белок, куниц и бобров.

Известно несколько типов вятичских жилых построек (по Т.Н.Никольской). По положению на поверхности – наземные (клети и срубы, дополненные подполом, углублённым полом либо без них) и углублённые (столбовые и срубные), соотносимые с традиционными полуземлянками[2]. Хозяйственные строения подразделяются примерно также, учитывая специфику выполнения иных функций (погреба, различные виды ям-хранилищ и т.д.). К их числу также относятся гончарни с печами для обжига, кузницы и сыродутные печи-домницы[3].

Интересна направленность строительной эволюции – более ранние строения в большей своей части соответствовали хорошо известным полуземлянкам, позднее дополнившимися постройками с подпечной ямой[4]. Но довольно скоро значительно более широко и активно начали возводиться строения с подклетом, что является иллюстрацией изменения архитектурных предпочтений. Типичные постройки того периода (в опоре на результаты раскопок верхнедонского городища Титчиха) «позволяют считать, что ведущей домостроительной техникой … являлся сруб, поставленный с отступом от котлована».[5] Строения начали «расти» вверх.

Характер типичных вятичских поселений был довольно стандартен: приречные кучевые либо линейные селища площадью до 6 гектаров. Обычно

---

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.244-248.

[2] Никольская Т.Н. Указ соч. С.185.

[3] Там же. С.184-214.

[4] Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. С.35-51.

[5] Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха)// Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И.Ляпушкина (1902-1968) 3-5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург./ Сост., ред. О.А. Щеглова, науч. ред. к.и.н. В.М. Горюнова. СПб: СОЛО, 2012. С.145.

неукреплённые[1]. Внутренняя обстановка жилищ в виде нар, полатей, лавок и столов, прикреплённых к поверхностям (стенам и полу). Традиционная лепная неорнаментированная кухонная и столовая посуда. «Чёрное» отопление и лучина для вечернего освещения[2].

Следует отметить, что ведение натурального хозяйства в ситуации ограниченности ресурсов приводит к формированию высокой степени автаркичности домохозяйства – когда изготовление большей части орудий и предметов осуществляется в нём самом. Такая стилистика обычна в раннем средневековье и хорошо иллюстрируется данными археологических исследований славянских поселений ранних периодов. Нетоварный характер производства, в свою очередь, приводит к невозможности формирования финансовых запасов и к неразвитости ремёсел как отдельного вида деятельности.

Верхнеокские поселения несколько более позднего периода демонстрируют иную картину[3]. Обнаруживается значительное количество мастерских различной направленности: металлургических, гончарных, ювелирных, слесарных и т.д., что позволяет говорить об активном развитии ремёсел. Сам факт их существования указывает на скорее благополучное материальное положение населения, поскольку ограниченность и скудость ресурсов натурального хозяйства (на грани выживаемости в северном климате) не могли бы оставить дополнительных доходов, необходимых для оплаты услуг ремесленников. На относительную зажиточность местного населения указывают многочисленные находки ювелирных заготовок и форм (только киевские раскопки дали большее количество).

Разнообразие и относительная развитость ювелирных производств прослеживается ещё в археологических материалах ранних верхнеокских

---

[1] Никольская Т.Н.Земля вятичей. С. 13-26, 42-96.; «Орловский краеведческий музей». Арх. 3198. Дело 47и. Из архива Т.Н.Никольской. Отчеты об археологических исследованиях на территории Орловской области в 1958 г (Лебедка, Воротынцево); 1971 (Спасское), 1973 (Кромы). Статьи. 1999. 82 л

[2] Никольская Т.Н.Земля вятичей. Там же.

[3] Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело "Земли вятичей" во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. С.35-76.

славянских поселений[1]. Дунайские мотивы, наблюдаемые в ряде украшений, характерных для вятичей и северов (такие как псевдозернь первичных височных колец, «трёхрогие» лунницы), являются подтверждением существования контактов и связей между столь удалёнными регионами в начале X в.[2] В какой форме – вольной либо невольной – происходило установление таких связей, неясно. Вполне может быть, что оно было прямым следствием балканских походов и контактов[3]. Строго говоря, датировка ранних височных колец на самых старых вятичских поселениях даёт ещё более ранний период – начиная со второй половины VIII - не позднее конца IX в., что явно древнее легендарного Олегова похода[4].

Строго говоря, генезис роменских височных колец сложен, интересен и запутан[5]. Он включает множество разнородных элементов, которые, при квалифицированном рассмотрении, выстраиваются в сложную и длинную цепочку растянутых межкультурных и межвременных взаимодействий и взаимовлияний, среди которых относительно чётко видны, помимо итоговых восточнославянских, также праболгарско-аварские, византийские, волынцевские, моравские, болгарско-дунайские и даже угорско-уральские мотивы[6]. Взаимодействие восточных славян с Восточной Римской (Византийской) империей, а также жившими «по Дунаю» славянами (и неславянами) явно было весьма тесным и очевидно продуктивным (в особенности у предположительно имевших дунайский период своей истории северов), что было бы затруднительно без относительно длительного и стабильного существования различных восточнославянских этнополитических общностей, среди которых рассматриваемые здесь вятичи выглядят хронологическими «долгожителями».

---

[1] Григорьев А.В. Славянское население…С.155-156.

[2] Прошкин О.Л. Чертово городище. С.26-30, 59.; Григорьев А.В. Славянское население… С.88-91.

[3] Григорьев А.В. О «второй волне» славянской колонизации. С.99.

[4] Григорьев А.В. Славянское население… С.88-94.

[5] Шинаков Е.А., Чубур А.А. Меж Моравией и Мавераннахром: вновь о происхождении лучевых височных колец и гетерогенности русской культуры// Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Международной научно-практической конференции 29-30 мая 2017 года. М-во культуры РФ, СГИК; под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой Ч. I. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2017. С.225-232.

[6] Шинаков Е.А. Болгарский контекст происхождения лучевых головных колец// Археологически хоризонти. Пловдив, 2018. (Университетско издетелство «Паисий Хилендарски»). С.1414-142.

Рисунок 14

Знаменитые семилопастные кольца являются наиболее ярким и хорошо известным этномаркирующим вятичских признаком, хотя самих признаков, безусловно, ощутимо больше. Б.И.Арциховский и Т.Н.Никольская, выделяли, по меньшей мере пять характерных предметных категорий: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, пластинчатые загнутоконечные браслеты и бусы двух видов – шарообразные хрустальные либо бело-жёлтого стекла[1].

В тоже время именно кольца, как наиболее широко распространённые, яркие и узнаваемые (вероятно, религиозные) атрибуты вятичских женщин запечатлились в общественном сознании. Актуальную до настоящего времени классифицию височных колец, относящихся к роменской культурной традиции (т.е. северянских, радимичских и вятичских), дал Е.А.Шинаков[2].

---

[1] Арциховский А.В. Курганы вятичей/ Арциховский А.В. М.: РАНИОН, 1930. С.113; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981. С.98.

[2] Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец// Советская археология. 1980. № 3. С.110-127; Он же. Ещё раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности// Рэгіянальная навуковая канферэнцыя «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя» (Частка I) (Археалогія). Магілеў, 1995. Ч. I. С.161-174.

Им же в ряде работ упоминается о существовании явной связи традиционного дизайна этих предметов с традицией, восходящей к моравской, либо имеющей с ней единые истоки[1]. Особенности нанесённых на них рисунков и элементов декора к настоящему времени подробно исследованы и классифицированы[2]. Потому степень их распространённости позволяет говорить о зоне распространения предметов, несущих на себе явные следы воздействия вятичской культурной традиции. Специфика их использования в качестве вероятного этномаркирующего признака, а также наличие традиций местного производства, позволяют очертить примерные границы расселения женщин, относящих себя к вятичской общности.

Уточнить ареал расселения носителей вятичской культурной традиции можно по материалам захоронений. Число их значительно превосходит численность выявленных к настоящему времени вятичских поселений, что вполне объяснимо уничтожением древнейших культурных слоёв в последующие эпохи. Примечательно, что отдельные крупные регионы (в частности, Подмосковье), если судить по соотношению числа выявленных поселений и захоронений, выглядят, скорее, как огромные некрополи, а отнюдь не как места проживания. В целом же, картографирование вятичских захоронений (преимущественно курганов) «наполняет» ранее составленную карту расселения. Проблемной является точность датировки погребений вследствие скудости инвентаря, что не позволяет в полной мере решить вопрос синхронности функционирования поселений периода самостоятельности и выявленных курганных захоронений. Типичный вятичский погребальный комплекс включает в себя курганную группу численность до нескольких десятков насыпей. Форма кургана – полусфера диаметром 5-16 м высотой от нескольких дециметров до трёх метров[3].

---

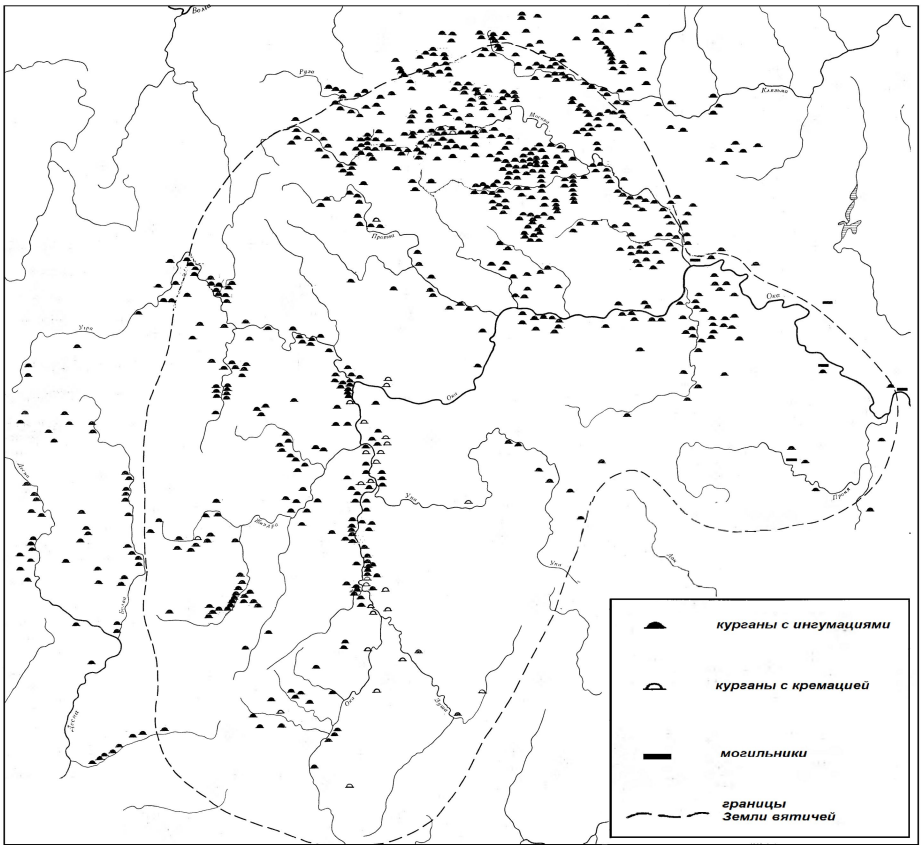
[1] Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция. С. 115, 123.

[2] Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца// Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С.183; Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом// Российская археология. 1992. № 4. С.69; Кренке Н.А. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации// Российская археология. 2014. № 3. С.39-49.

[3] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.100. ; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 104. Авдусин Д.А. Отчет о курганных раскопках в с. Беседы под Москвой в 1947 г. На 8 л.; Там же. Ф-1. Р-1. № 351. Авдусина Г.А. Отчет о курганных раскопках в с. Беседы под Москвой 16 мая 1948 г. На 2 л. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 217; Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганной группы Поречье

Рисунок 15

Курганы вятичей *(по Т.Н.Никольской)*



Ранние захоронения содержат мало инвентаря ввиду специфики обряда кремации, в то время как поздние основаны на ингумации (трупоположении) и инвентарём не обделены: традиционно щедры на украшения женские погребения. Признаки исповедования христианства немногочисленны даже в поздних захоронениях, что традиционно объясняется неукоренённостью православия и двоеверием вятичей[1].

Информацию о религиозных воззрениях вятичей даёт хорошо известное летописное сообщение: «И Радимичи, и Вятичи и Северъ одинъ обычаи имяху: живяху в лесехъ якоже [и] всякий зверь, ядуще все нечисто, [и] срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами, [и] браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы схожахуся на игрищ а на плясанье и на вся бесовьская игрища, и ту оумыкаху жены собе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. [И] аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и

Звенигородского района Московской области. 1948 г. На 14 л. и др.

[1] Никольская Т.Н. Там же, С.106.

възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путехъ, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи [и] прочии погани, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе закон»[1].

Толкование сообщения несложно, хотя и весьма затруднено действующей до настоящего времени в русском социуме религиозной и лингвистической традицией, заставляющей воспринимать церковно-славянский язык летописей как «возвышенный» и наполненный «особой духовностью». Подобное восприятие (в сочетании с близостью церковно-славянского языка русскому) на протяжении долгого времени формировало специфические трактовки приведённой информации – в качестве характерного примера достаточно привести суждение жившего во второй половине XIX в. знатока истории Орловского края Г.М.Пясецкого: «в ряду других славянских племен вятичи отличались особенною дикостью, грубостью и воинственностью»; девушку после свадьбы «ожидал… тяжелый деспотизм мужа и грубое, не целомудренное обращение к ней свекра»; «труп мертвеца провожали с ужасным воем». По его мнению, в X в. вятичи «начали выходить уже из своих лесов, где они жили как звери, познакомились с земледелием и промыслами и не были уже так дики как прежде»[2]. Подобные толкования, фактически, долгое время были нормой даже для добросовестных исследователей.

Современное комментированное прочтение приведённого летописного свидетельства позволяет высоко оценить реальную информационную насыщенность сообщения, из которого следует, что образы жизни (либо существующие социальные либо административные установки) радимичей, вятичей и северов имели множество общих черт, явно были схожи (или же едины) в представлении монаха-летописца и активно им не одобрялись.

Заметен негативный акцент на «нехристианском» поведении перечисленных этносов: отсутствуют привычных христианам пищевых ограничений («ядуще все

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.12-13.

[2] Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. Составитель, автор предисловия и примечаний В.М.Катанов. Тула: Приок. кн.изд-во, Орел: изд-во Орловской государственной телерадиокомпании, 1993. С.18-21.

нечисто»); «сквернословие» (возможно, обращение к языческим богам и духам), вне зависимости (возможно, специально – для осуществления неких языческих обрядов) от присутствия стариков и невесток. Нет церковного венчания – заключение браков происходит по предварительной договорённости на нецерковных праздниках, где пляшут (обрядовые) танцы, совершают языческие ритуалы и создают новые семьи. Полигамные отношения (наличие двух-трёх жен) являются нормальными. После смерти устраивают поминальные тризны, складывают большую конструкцию из дерева («кладу»), на которую помещают тело усопшего, а затем его сжигают. Кости (и прах) после кремации складывают в некую ёмкость («судину малу») и ставят возле оживлённых транспортных маршрутов («на путехъ») на возвышениях («на столпе»). Такой обычай у вятичей продолжал существовать «и ныне» (вероятно, для радимичей и северов подобные порядки уже не так актуальны), то есть уже после становления державы Рюриковичей и начала летописания. По мнению летописца, подобных же обычаев придерживаются в настоящее время кривичи и иные язычники, не соблюдающие христианских обрядов, но живущие в соответствии с собственными языческими правилами.

Неточности и несоответствия, прослеживаемые в летописном тексте, обусловлены ожидаемой необъективностью монаха-летописца, наиважнейшей задачей которого являлась борьба с искушениями и дьявольскими кознями. В этой связи представляется уместной цитата основоположника исторического изучения древнерусского летописания А.А.Шахматова, который отмечал, что «...рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал… благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями… рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы; если летописец был монахом, то тем большую свободу давал он своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной обители и чернеческого стада,

ее населявшего».[1] Исполнение язычниками своих религиозных ритуалов («бесовских игрищ») вело, по мнению христианина, к гибели их бессмертных душ (если это были не представители неприкосновенные для летописца члены княжеской династии), было опасно и преступно. Монашеский долг требовал непримиримости и нетерпимости к язычеству («поганству») во всех его проявлениях ввиду того, что «…в XI-XIV вв. книгописание было своеобразным духовным обетом»[2]. Потому краткое изложение череды наиболее значимых событий в летописях то и дело прерывается многостраничным пересказом библейских сюжетов и рассуждениями о греховности либо праведности того или иного персонажа или события. Грубое насилие (вплоть до убийства) выглядело зачастую менее тяжким грехом, нежели следование языческим ритуалам. Само христианство ещё не чувствовало себя комфортно на восточнославянских землях. С точки зрения монахов, непрерывно шла борьба с происками дьявола в лице его языческого воинства. Конечной целью церкви было полное искоренение язычества и иных нехристианских идеологических и религиозных систем. В число же текущих задач входила дискредитация язычества как явления и язычников как его носителей.

Интересно, что исследователи обнаруживают прямую аналогию между летописным описанием нравов восточнославянских племён и текстом хорошо известной «Хроникой Георгия Амартола» и её вероятных византийских источников[3]. По всей видимости, «изображение восточно-славянских племен в ПВЛ испытало влияние ХГА («Хроники Георгия Амартола» - М.А.) и, предположительно, её источников – «Диалогов» Псевдо-Кесария и «Палладиевой статьи»… Летописцу важно было с помощью «этнографического» описания обозначить полян (противопоставляемых прочим восточным славянам – М.А.) как богоизбранное племя, которое, будучи языческим, обладало чертами,

---

[1] Шахматов А.А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Издание Императорской Археографической Комиссии. Петроград: Тип-я А.В.Орлова, 1916. С. XVI.

[2] Столярова Л.В. Как работал древнерусский летописец/ Столярова Л.В.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Редактор С.Н.Кистерев. М.: УРСС, 1997. С.53.

[3] См. Матвеенко В.А., Щеголева Л.И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М.: «Богородский печатник», 2000 г. 544 с.

позволившими ему в конечном итоге воспринять и усвоить христианство»[1]. Противопоставление «праведности» и «грубости» подчёркивало антагонистичность и борьбу христианства с язычеством. «Само язычество виделось летописцу как Царство Сатаны, где властвовали темные порядки, например, выражавшиеся в «нечистом ядении», отсутствии брака или полигамии, в страсти к кровопролитию и в конечном итоге, в «кумиротворении» и человеческих жертвоприношениях»[2]. Язычник, услышавший о Христе и не последовавший за церковью христовой, автоматически становился недругом православия. Языческие обычаи выглядели для монахов, долгие годы проведших в монастырях, в высшей степени мерзкими и ужасными, а потому объективности оценок в этой сфере ожидать не приходится. Вятичи (а также северы, радимичи, кривичи и прочие славяне-язычники) для летописца были, «иными», «несвоими», в первую очередь, из-за своего «нехристианства». Почти как половцы – пусть и давно известные, но относящиеся к категории «других»[3]. Впрочем, совсем уж «чужими», т.е. опасными и подлежащими физическому устранению они, судя по тексту, не воспринимались.

Строго говоря, летописный рассказ повествует о ничем особенно не выдающемся образе жизни славян-язычников, обходившихся, судя по всему, без кровавых жертвоприношений либо каких-то иных морально сложных процедур. По-видимому, в качестве основного прегрешения рассматривается, помимо отмеченного «нехристианства», нахождение вне княжеского контроля со стороны Рюриковичей.

Реконструированный по данным археологических исследований вятичский обряд захоронения усопших, в принципе, довольно точно соответствует описанию летописца (если отставить в сторону его антиязыческие посылы). Приведённая ранее карта нахождения курганов, демонстрирующая их географическую распространённость и многочисленность, объясняет, почему они до настоящего

---

[1] Андрейчева М.А. Образы иноверцев в Повести временных лет. Дис… канд. ист. наук. М. 2017. С.59-60.

[2] Там же. С.189.

[3] См.: Николаева И.В. Семантика «своих» и «чужих» в Повести временных лет. Автореф. дисс…. канд. культурологии. М.: 2003. 26 с.

времени являются наиболее полным образом изученным памятником культуры вятичей. Заслуги археологов в этом неоспоримы. Курганные захоронения предварительно кремированных останков покойных отмечаются на рассматриваемой территории, по меньшей мере, до XI в. включительно, что подтверждает относительно позднее и относительно малое распространение здесь христианской обрядовой практики[1]. В свою очередь, это также указывает на несколько менее сильный административный контроль со стороны представителей княжеской власти и позволяет отследить его постепенное усиление во времени. Кстати, летописное сообщение прямо объясняет некоторую пространственную «разделённость» хронологически синхронных поселений и курганов: поселения требовали, прежде всего, ландшафтного, почвенного и фортификационного удобства для проживания, курганы же требовалось устанавливать «на путехъ» разного рода (сухопутных и водных), пересечения которых, согласно славянским воззрениям, являются местами возможной связи «с потусторонним светом»[2].

Значительных признаков религиозности вятичей как этнокультурной группы (помимо традиционных украшений, несших вероятно некое идеологическое наполнение) не установлено. Вероятно, распространённые здесь языческие воззрения были связаны с почитание определённых мест либо предметов (водоёмов, культовых камней, растений и т.д.), которое было свойственно и жившим по соседству этносам[3]. Также вероятно использование разнообразных оберегов и амулетов[4]. Языческие святилища и храмовые комплексы, по образцу различных святилищ, описанных И.П.Русановой и Б.А.Тимощуком, либо сложноструктурированных храмов Рюгена и Арконы с их следами многочисленных кровавых жертвоприношений, судя по всему, не были широко распространены в вятичском ареале, несмотря на то, что политическое подчинение верхнеокских территорий русским христианским властям произошло

---

[1] Седов В.В. Восточные славяне в VII – XIII вв. М.: Наука, 1982. С.144-148, 151.

[2] Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.3. М.: Международные отношения, 2004. С.684-685.

[3] Прошкин О.Л. Чертово городище. С.68-71, 72; Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней// Советская археология. 1988. № 3. С.79-90.

[4] Григорьев А.В. Славянское население. С.122.

значительно позднее, чем в описанных приведенными примерами случаях[1].

По всей видимости, скульптурные изображения (разного рода) божественных сущностей вероятного вятичского пантеона не были слишком широко распространены в Земле вятичей: бытовавшее ранее объяснение их отсутствия в качестве результата успешной христианской миссии, стремившейся к уничтожению предметов и мест, связанных с отправлением языческих ритуалов, в настоящее время не выглядит доказательным. Результаты археологических исследований демонстрируют на вятичских поселениях признаки существования архаических ритуальных площадок и вероятного культа священных предметов (камней), но они не выглядят как-либо масштабно[2].

Обследованные захоронения подтверждают долговременное существование так называемого «двоеверия», которое априорно доказывает длительное и прочное отражение существования и бытования языческих воззрений и ритуалов, нуждающихся в конкретных местах проведения. «Лишь во второй половине XII в. и особенно на рубеже XII и XIII вв. наблюдается переход … к ямным захоронениям, для которых характерно почти полное отсутствие языческих деталей обряда и наличие христианских признаков»[3]. Значительное число языческих по своему происхождению обрядов, до настоящего времени сохранившихся на рассматриваемой территории, доказанная малая степень христианизации потомков вятичей как минимум до середины XII в.

Столь же обширные археологические свидетельства позволяют полагать весьма достоверной гипотезу об отсутствии либо редкости языческих храмов в Земле вятичей. В ином случае существование культовых зданий либо сооружений, а также стационарных объектов религиозного поклонения неприродного происхождения или их остатков каким-то образом должно было найти подтверждение в результате археологических изысканий.

---

[1] См. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. Под ред. д-ра ист. наук С.А.Плетневой. 2-е изд-е., испр. М.: «Ладога-100», 2007. 302 с; Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI – XIII вв.// Российская археология. 1992. №4. С.50-67.

[2] Прошкин О.Л. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. С.68-71.

[3] Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII веков/ Недошивина Н.Г.// Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С.49.

В то же время, существование и значимость языческого культа предков на территории Земли вятичей подтверждается (помимо пафосного сообщения летописца) многочисленностью и величиной погребальных курганов, до настоящего времени являющихся основным источником информации о культуре вятичах[1]. Название гипотетического центра вятичей, зафиксированное летописями – Дедославль – указывает на вероятность существование культа предков («дедов») в их социуме. Характерно существование дошедшего до наших дней восточнославянского праздника «Деды» («Дзяды»), связанного с поминанием умерших предков, являющегося обычным во всех традиционных обществах[2].

Помимо общеславянских ритуалов, до настоящего времени этнографами в обычаях современных жителей бассейна Верхней Оки весьма чётко прослеживаются сохранившиеся элементы нескольких явно языческих обрядов, восходящих к вятичским временам, в пользу чего говорит география их распространения. Речь идёт о, по меньшей мере, двух обрядах – «похороны кукушки» и «сторожение солнца - солнекараул».

Кукушка является одним из ярких героев славянской мифологии, в которой преимущественно подчёркивается её связь с женским началом, но также хорошо прослеживается и связь этой птицы с миром умерших[3]. Описанный обряд до недавнего времени был распространён на Верхней Оке и в прилегающих к ней верховьях бассейна Десны, что чётко ассоциировалось у исследователей с сохранённой вятичской традицией: «…наиболее полно обряд был представлен в

---

[1] См. Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья : этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта/ Кренке Н.А. Москва; Смоленск, 2019. 392 с.; Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.; Археологическая карта России: Орловская область. Сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.; Археологическая карта России: Московская область/ Часть 4. Сост. Г.Г.Король, Ю.А.Краснов, Т.Д.Николаенко, Б.Е.Янишевский.М., 1994; Археологическая карта России: Московская область/ Часть 4. Сост. Г.Г.Король, Т.Д.Николаенко, Б.Е.Янишевский.М., 1997.; Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН. 1999. 304 с.; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.; Арциховский А.В. Курганы вятичей/ Арциховский А.В. М.: РАНИОН, 1930; Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука,1981. и др.

[2] Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 2. Д-К. М.: Международные отношения, 1999. С.43-45.

[3] Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 3. К-П. М.: Международные отношения, 2004.С. 36-39.

компактной зоне, расположенной в верховьях Оки и частично Десны, что в административном отношении соответствовало четырем юго-западным уездам Калужской губ., двум западным и двум центральным уездам Орловской губ.», которая «...представляет собой территорию, которую … занимали племена вятичей»[1]. Далее приведена карта территорий распространения этого обряда - несложно заметить близость их северных пределов границам Верхнеокского региона.

Рисунок 16

Суть обряда – «кумление» молодых девушек, вступающих таким образом «…в ритуальную связь между собой и в сакральную – с тайной, высшей силой, предстающей в образе кукушки»[2]. В роли кукушкиной кумы выступало «…высшее, скорее всего, женское божество, имевшее в языческую пору название «кукушки» – птицы, представлявшейся её земной ипостасью и обладающей пророческой и могущественной силой, в первую очередь в женских сферах бытия»[3]. В личном общении с жителями современных поселений на границах Орловской, Брянской и Калужской областей автору настоящей работы приходилось слышать также о похожем ритуале, в котором участвовала мужская

[1] Бернштам Т.А. Обряд «крещение и похороны кукушки»// Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л.: Наука, 1981. С.182, 190.

[2] Бернштам Т.А. Там же. С.197.

[3] Там же. С.200.

ипостась кукушки – т.н. «кукун».

Другим традиционным праздником, явно восходящим к языческим корням является, по всей видимости, так называемый «солнцекараул» («сторожение солнца», «встреча солнца», «игра солнца», «городушки» и т.д.)[1]. В настоящее время он соотносится с Петровым днём (12 июля). Формой празднования являются разного рода ночные каверзы: «молодежь обоего пола проводила вместе всю ночь в канун праздника, наблюдала как при восходе солнце «играет», переливаясь разными цветами, устраивала в складчину трапезу, веселилась, рядилась… бесчинствовала»[2]. Очевидна ритуальность действий такого рода для ограждения своего поселения от враждебных потусторонних сущностей. По всей видимости, бесчинствам «…придавалось магическое и продуцирующее значение: потерпевшие не только не обижались на молодежь, но, напротив, сочли бы себя оскорбленными, если бы их обошли. Наутро… хозяева собирали похищенные вещи по всему селу или извлекали их из кучи нагроможденных предметов»[3].

Направленность части реконструируемых религиозных взглядов вятичей позволяет выявить явную связь между наличием явного почитания предков («дедов»), особой значимостью погребальных курганов и функцией кукушки не только как проявления женского божества, но и как вестника иного мира. Без риска ошибиться можно констатировать наличие признаков существования широкого культа почитания предков: ушедших к божественным сущностям в иные миры, но продолжавших общаться и влиять на действительность самостоятельно (в определённое время и в определённых местах) либо через посредников в различных ипостасях. Тема эта большая и нуждающаяся в самостоятельной проработке. Указанные выше особенности материальной и духовной культуры вятичей как этнической группы позволяют частично реконструировать её «крупными мазками», и, до появления новых археологических либо письменных данных, демонстрируют существующие

---

[1] Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 2. М.: Международные отношения, 1999. С.376-377.

[2] Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 1. М.: Международные отношения, 1995. С.172-174.

[3] Там же.

представления об этой стороне самостоятельной жизни верхнеокских славян.

Начиная с VIII-IX вв. несколько колонизационных потоков, численно преобладающим этнокультурным элементом в которых были восточные славяне - носители роменской археологической культуры, заняли обширную территорию в бассейне Верхней Оки, заселили и освоили её в тех масштабах, которые были достижимы на их уровне организации общества. Как и иные восточные славяне, они селились по берегам рек и оставили здесь после себя многочисленные следы пребывания. Восстановленные археологами специфические черты хозяйственной жизни, быта и прикладного искусства вятичей подтверждают наличие достоверных признаков их культурного и этнического единства. Исходя из этого, можно утверждать, что во второй половине IX – начале X в. из различных этнических и культурных компонентов сформировалось особое вятичское этнополитическое объединение. Судя по упоминаниям в летописях, относящихся к различным периодам русской истории на протяжении не менее четырёх столетий, оно оказалось весьма жизнеспособно.

Сохранившееся летописное свидетельство связывает возникновение вятичского объединения с фактом существования и «пришествия» легендарного Вятко. Иной информацией об этом персонаже историческая наука не располагает, хотя ряд косвенных свидетельств, подтверждающих возможность существования прототипа этого образа, имеются. Следует отметить, что реальность существования Вятко не является обязательным для анализа процессов, приведших к возникновению вятичского объединения. Он ***мог*** быть реальным историческим персонажем, а мог стать результатом объединения повествований о деяниях нескольких «основателей». Впрочем, препятствий для предположения об его историчности в настоящий момент не существует. Локализация места происхождения Вятко в том или ином регионе ничего не говорит о преобладающей степени влияния такого региона на верхнеокские земли: единовременное переселение легендарной личности, пусть даже и в окружении нескольких десятков сородичей и последователей, не в состоянии оказать принципиальное воздействие на ход внутренних культурно-этнических и

экономико-управленческих процессов. Судя по всему, гипотетическое переселение Вятко на Верхнюю Оку могло быть одним из эпизодов происходивших в это время масштабных демографических перемещений.

Расположение вятичей на восточных пределах славянского мира, их отдалённость от большинства известных нам значимых древнерусских городов, контроль над частью важной торгово-транспортной артерии континентального масштаба, обусловили становление *самостоятельного* положения вятичского объединения по отношению к другим восточным славянам, а затем к укреплявшемуся Древнерусскому государству. Отделённые от агрессивных степных племён союзными им этнополитическими и государственными формированиями, защищённые лесами от прочих внешних врагов, вятичи в определённой степени были самодостаточны. Они имели собственные источники дохода и не были заинтересованы в дополнительном поиске иного (помимо имевшихся) сильного сюзерена, на роль которого с IX в. претендовали киевские Рюриковичи. В свою очередь, киевские князья были заинтересованы в установлении контроля над землёй вятичей ради получения от её удачного географического положения прямой коммерческой выгоды и подтверждения своего привилегированного статуса в отношении всех восточных славян.

Для вятичей правители стремительно растущего формирования с центром в Киеве являлись постоянной угрозой, стремившейся ликвидировать их независимость, обложить данью и, следовательно, ухудшить их материальное положение. Стабильное политическое положение вятичского объединения было выгодно организаторам и участникам торговли по окско-донскому и окско-волжскому торговым путям. Его устойчивость обеспечивалось административной поддержкой Хазарского каганата, которому, как свидетельствуют летописные источники, вятичи платили дань до середины X в.[1] Соседями северян, вятичей и донских славян были преимущественно подданые каганата, придерживавшиеся

[1] Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.69-77.

языческих культов, рассредоточившиеся по окраинам этого государства и на территориях его влияния. В пользу этого говорят многочисленные находки, указывающие на смешанный (славянско-алано-хазарский) характер многочисленных городов и поселений: к примеру, изучение особенностей салтовского (хазарского) сельскохозяйственного производства, показывает широкое распространение свиноводства, что не могло сочетаться с иудаизмом как религиозной основой[1].

Имеющаяся в настоящее время информация подтверждает наличие явных признаков существования особой вятичской этнополитической общности в качестве отдельной административной, этнокультурной и, по-видимому, политической территориальной структуры. Начало её зарождения может быть отнесено к IX в., а существование прослеживается на большей части X в. В качестве экономической основы её существования следует, наряду с традиционными для раннесредневекового земледельческого общества, рассматривать обслуживание проходивших по занимаемой территории ответвлений трансконтинентальных торговых маршрутов. Особенности географического расположения, в целом, способствовали относительно высокому уровню обороноспособности. Данные летописей и археологических раскопок подтверждают существование тесных связей с Хазарским каганатом, а затем восточнославянским тройственным союзом и Волжской Булгарией, последовательно выступавших внешними протекторами вятичей.

Удобное экономико-географическое и политическое положение способствовало более длительному (в сравнении с другими восточнославянскими этническими группами) сохранению высокой степени самостоятельности территории. Вероятным представляется участие вятичей в упомянутом выше «тройственном союзе» с другими носителями роменской культуры – северянами (северами) и радимичами – просуществовавшем до второй половины X в. После

---

[1] Горбаненко С.А., Колода В.В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры/ Горбаненко С.А., Колода В.В.// Матеріали і дослідження по археології Східної України. 2011. Вип. 11. С.235-236; Колода В., Кройтор Р. Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 3/ Колода В., Кройтор Р.// Revista Arheologică, seria nouă, V. XIII (nr. 1-2). 2017. С.223-224.

захвата радимичских и северских земель киевскими князьями вятичское этнополитическое объединение, судя по всему, продолжало самостоятельное существование, по меньшей мере, до конца XI- начала XII вв.

Глава III. ВЕРХНЕОКСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ЧЕРНИГОВСКИХ КНЯЗЕЙ

§ 1. Вхождение верхнеокских земель в состав Черниговского княжества. Особенности территориальной структуры расселения и новое административное деление

Процесс перехода вятичского этнополитического объединения под контроль Черниговского княжества не получил должного отражения в сохранившихся документах. Постепенное же расширение ареала древнерусской культуры и проникновение характеризующих её обиходных предметов в жизнь местных верхнеокских жителей археологи фиксируют с конца XI, а чаще – с XII в.[1] Это позволяет отнести начало установления реального контроля над верхнеокскими землями со стороны администрации Рюриковичей также к этому времени. Судя по всему, подчинение территорий происходило по стандартному сценарию и первоначальные взаимоотношения потенциальной центральной власти с будущими поддаными состояли, в основном, из периодических набегов князей, претендующих на статус правителей, и их попыток закрепиться на неподконтрольных территориях, которые встречали постоянное противодействие местных жителей. Упоминавшиеся ранее походы Святослава Игоревича, Владимира Святославича и Владимира Мономаха являются одним из свидетельств наличия отношений именно такого рода[2].

Как указывалось выше, источники, повествующие об истории вятичских земель в составе Руси весьма малочисленны и немногословны. К их числу следует отнести, в первую очередь, Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи (наиболее древние), Киево-Печерский патерик, отрывочную информацию византийских церковных сводов и результаты археологических исследований, проводившихся

---

[1] АКР: Тульская область. Часть 1. С.55-56; АКР: Московская область. Часть 1. С.39; АКР: Калужская область. С.20; АКР: Орловская область. С.17; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки.С.115;

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.63, 66, 103.; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.69, 103, 106.

на рассматриваемой территории. Хронологически близкая периоду Новгородская первая летопись уделяет данной территории относительно немного внимания.

Собственное черниговское летописание не дошло до заинтересованного исследователя вследствие его утраты, хотя присутствие отдельных его фрагментов в важнейших летописях (в первую очередь, в Ипатьевской) не подлежит сомнению. Ещё А.А.Шахматов обратил внимание, что «существование черниговской Л. (летописи – М.А.) в XII в. можно доказать из многих статей… южнорусского свода»[1]. М.Д.Приселков в процессе проработки темы отмечал, что «третьим вспомогательным источником киевского великокняжеского свода 1200 г. был черниговский Летописец князя Игоря Святославовича. …большинство черниговских известий легко выделяется из состава киевского свода 1200 г. и явно относится к черниговскому Летописцу князя Святослава Ольговича (отца Игоря), продолженный позднее Олегом Святославовичем (братом Игоря) и затем уже законченный как Летописец князя Игоря. Другими словами, перед нами семейный Летописец Святослава Ольговича и его сыновей»[2]. Он также указал на косвенное влияние частично реконструируемого черниговского повествования не только на Лаврентьевскую, но и на Новгородскую летописи[3].

В «Истории русского летописания XI – начала XVIII века» А.Н. Насонов обосновал принадлежность к черниговскому летописанию статей Ипатьевской летописи за 6654 (1146), 6655 (1147), 6657 (1149), 6658 (1150), 6659 (1151), 6660 (1152), 6661 (1153), 6663 (1155) гг.[4] Исследователь также отметил киевское происхождение ряда известий (иногда оппонирующих черниговской точке зрения) о черниговских событиях в Лаврентьевской и, частично, Ипатьевской летописях[5].

Логическим продолжением перечисленных выше поисков и исследований «следов» черниговского и новгород-северского летописных сводов являются

---

[1] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV- XVI вв. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С.364.

[2] Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. С.89, 90-91.

[3] Там же. С.85, 91-92, 97-98.

[4] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С.100-107.

[5] Там же. С.87-92, 97.

работы А.К.Зайцева и А.В.Шекова, в которых подробно анализируется влияния различных по месту происхождения летописей друг на друга и роль, в этой связи, не сохранившихся черниговских (и новгород-северских) летописей в формировании общерусской традиции[1]. Исследователями установлено, что, несмотря на физическую утерю черниговского (и новгород-северского) летописания, отдельные известия и сообщения, восходящие к нему и описывающие регионально значимые и важные события до наших дней сохранились, что позволяет частично реконструировать ход некоторых политических и социальных процессов, протекавших на рассматриваемой территории.

Результаты археологического изучения верхнеокских земель весьма значимы и информативны. На их основе автором настоящей работы была составлена последующая карта (Рисунок 17) и проведён анализ структуры территориального размещения поселений на Верхней Оке в XI-XIII вв. [2]

Приведённая картограмма показывает очевидное увеличение количества населённых пунктов в бассейне Верхней Оки в XI-XIII вв. Рост их числа находился в прямой зависимости, в первую очередь, от общей численности жителей. Приведённые ранее ограничения на скорость естественного прироста в преимущественно аграрной экономике средневековья (см. §2 главы II) ставят принципиальный вопрос о необходимости поиска источника явно наблюдаемого увеличения, которое заведомо не могло происходить только путём естественного прироста (предполагающего значительное сокращение смертности новорожденных и рожениц вкупе с ростом числа родов в ранее проживавших здесь семьях)[3].

---

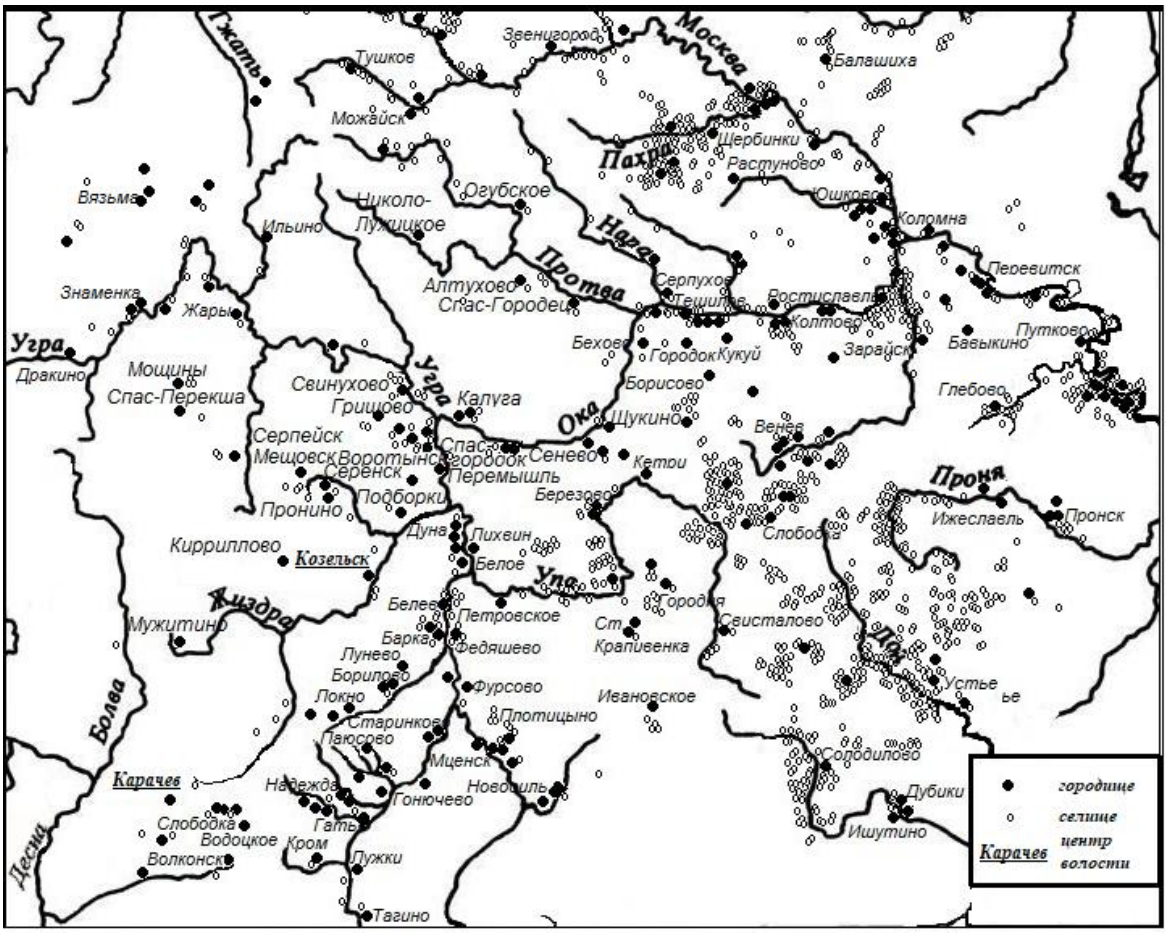
[1] Зайцев А.К. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683 и 6698, 6701 гг. Ипатьевской летописи// Летописи и хроники. 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М.: Издательство «Наука», 1981. С.69-78.; Шеков А.В. Заметки о черниговском летописании XII в.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: №3(29). 2007. С.106-114.

[2] АКР: Брянская область. М., 1993.; АКР: Калужская область. М., 1992.; АКР: Московская область. Ч.1. М.,1994.; АКР: Московская область. Ч.3. М., 1996.; АКР: Московская область. Ч.4. М., 1997.; АКР. Тульская область. Ч.1. М., 1999.; АКР: Тульская область. Ч.2.М., 2002; АКР: Орловская область. М., 1992.; АКР. Рязанская область. Ч.1. М., 1993.; АКР: Рязанская область. Ч.3. М., 1996.; АКР: Смоленская область. Ч.2., 1997.; ОГУК «ОКМ». Арх. 3819. Дело 03-08…03-24.

[3] Риер Я.Г. Историческая демография: учебное пособие. 2-ое изд. доп. Могилев: МГУ им.А.А.Кулешова, 2006.

Рисунок 17

Схема расселения жителей северо-восточных волостей Черниговского княжества



Добровольный миграционный прирост также выглядит затруднённым, поскольку вряд ли обитатели значительно более плодородных и тёплых южных земель среднего Поднепровья (как наиболее близко расположенного и демографически развитого региона) по своей воле отправлялись на север, в климатически менее благоприятные места с явно более рискованным земледелием, обусловленным худшим качеством почв и худшими же климатическими показателями (бедные почвы, более долгие зимы и более короткие тёплые периоды).

Представляется, что лучшими «кандидатами» на роль новых верхнеокских поселенцев являются «ущемлённые в правах» Рюриковичами на прежних местах проживания обитатели северских (и придонских) территорий, чьи предки в

С.75-76.

относительно давние уже времена проживали на землях «северо-восточной Хазарии», а впоследствии – тройственного славянского союза[1]. После успешной киевской экспансии на восток от Днепра значительная часть носителей роменской культуры, явно ощущая негативное отношения новых властей и испытывая отмечаемую исследователями дискриминацию, вполне могли посчитать переселение на север (в частности, на Верхнюю Оку) меньшей проблемой, нежели пребывание под властью своих старых соперников[2]. Специфические черты материальной культуры нового этапа развития верхнеокского региона, претерпевший резкую модификацию в первой трети XI в., прямо подтверждают данную гипотезу[3]. Показательным в этой связи выглядит сохранение, несмотря на явное появление новых жителей, усиливших и прежде высокую степень «роменского» культурного влияния, старого территориально-политического этнонима – «вятичи».

Выявление места вероятного исхода переселенцев позволяет перейти к рассмотрению специфики пространственного размещения населения бассейна Верхней Оки в XI – XIII вв. Рост числа поселений оценивать объективно всё же затруднительно вследствие большей хронологической удалённости предшествующих материальных данных и, соответственно, очевидно меньшей их сохранности. Структура расселения, как и в предшествующий период (см. Рис. № 8,9,10,13), ориентируется на речную сеть и явно имеет выраженный «древовидный» характер. В то же время, если прежде соотношение развитости двух основных «древ» – числа поселений базирующихся на Оке и её притоках в сравнении с числом поселений донского бассейна – было вполне сопоставимым, то в рассматриваемый период наблюдается рост степени значимости окских транспортных маршрутов. Следует напомнить, что именно в это время, помимо

---

[1] Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)// Верхнедонской археологический сборник. отв. ред. А.Н. Бессуднов. Выпуск 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,2017. С.193-208.; Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII- третья четверть X вв.): Монография/ А.А.Тортика; Харьк.гос.акад.культуры. Харьков: ХГАК, 2006. 553 с.

[2] Енуков В.В. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска)// Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 3 (47). http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52

[3] Григорьев А.В. Славянское население… С.166-168.

упомянутых драматических событий на северских территориях, стремительно сокращается и практически исчезает ранее весьма ощутимая группировка культурно чрезвычайно близких верхнеокским вятичам донских славян[1]. Значительная их доля, по всей видимости, наряду с уходом на Верхнюю Оку, вместе с прочими роменскими переселенцами приняла участие в активизации освоения среднеокских (будущих рязанских) земель[2]. Любопытно, что практически всякая демографически насыщенная сельская округа на рассматриваемой территории сопровождается в этот период обязательным наличием укреплённого городища.

Хронологически параллельно прочим верхнеокским землям стремительно растёт и визуально «разбухает» Москворецкая зона расселения, которая, несмотря на все хозяйственные достоинства Подольского ополья, ранее была заселена значительно менее плотно[3]. Вероятно, сыграл свою роль статус этого места как укрытия от чрезмерной активности черниговской (и прочей русской) государственности. Управленческие структуры, находившиеся в подчинении различных ветвей Рюриковичей, на этом этапе сюда, по всей видимости, ещё не проникли. А.А.Юшко, по материалам анализа документов поздних периодов и археологических материалов, для XI в. размещала в междуречье рр.Москвы и Северки территорию свободную от контроля со стороны какого бы то ни было княжества: «границы крупнейших княжеств XII в. – Владимиро-Суздальского, Смоленского, Черниговского и Рязанского – окружают со всех сторон территорию, расположенную по правому берегу р.Москвы от Звенигорода до устья р.Северки и до Нары на юго-западе, свободную от каких-либо княжеских владений»[4]. Начало градостроительства и попытки «окняжения» местных жителей следует отнести к 30-40 гг. XII в., а уже «к середине - концу XII в. территория между реками

---

[1] Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (Лесостепное Подонье в VIII - первой половине XI вв.)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С.14-20; Майоров А.А. Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв.// Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. Июль-Сентябрь С.18–21.

[2] Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.78, 87, 97.

[3] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки. С.84-88, 96,98-99,106-107.

[4] Юшко А.А. О междукняжеских границах в бассейне р.Москвы в середине XII – начале XIII в.//Советская археология. 1987. № 3. С.91.

Москвой и Окой была поделена четырьмя княжествами»[1].

Н.А.Кренке обосновывает формирование в Москворечье отдельной этнической группы: «на Москве-реке в XII-XIII вв. «кристаллизовалось» новое этническое образование, которое, хоть и имело какие-то вятические корни, но отнюдь не может быть сведено к ним»[2]. Данный вопрос не является для настоящего исследования принципиальным, поскольку в XIII в. большая часть москворецких земель политически уже была интегрирована в структуры Владимиро-Суздальского и (в значительно меньшей степени) Рязанского княжеств, которые находятся вне фокуса внимания этой работы.

Возвращаясь к основной теме, следует указать, что в ситуации усиления внешнего давления на верхнеокский вятичский социум одновременное распространение маркирующей XI-XII вв. древнерусской круговой керамики и *демонстративно* этноопределяющей атрибутики в виде височных колец, перстней и знаков иного рода, отмеченных явно нехристианской символикой, выглядит вполне объяснимо и понятно: «В культурном развитии общества в XI в. начинаются процессы самоизоляции, особенно ярко проявившиеся в XII — 1-й пол. XIII вв.… Такой вид украшений, как лучевые серьги, в предшествующий период присущий всей территории распространения культур роменского круга, в XI в. приобретает характер племенного индикатора… С кон. XI в. получают распространение и решетчатые перстни, которые можно считать характерным признаком вятичей»[3]. Вятичи таким образом, вероятно, визуально обозначали, что не были, в отличие от своих соседей, завоёваны Рюриковичами, а имели некий особый статус, подчёркиваемый демонстрируемыми этническими атрибутами.

Официальное право владения и управления верхнеокскими землями на рубеже XI-XII вв. было внутри клана Рюриковичей признано за черниговскими Рюриковичами (потомками Святослава Ярославича) – традиционно считается, что закрепление этих земель за сыновьями Святослава Ярославича (Давыдом, Олегом

---

[1] Там же. С. 92; Темушев В.Н. Юго-западные границы Владимиро-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества// Восточноевропейский археологический журнал, 1(14) январь-февраль 2002, http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/temushev.htm

[2] Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки. С.107.

[3] Григорьев А.В. Славянское население… С.168.

и Ярославом) произошло по решению Любечского съезда 1097 г.: «В лето 6605. Придоша Святополк, [и] Володимеръ, [и] Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославич, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроение мира… И на томъ целоваша крестъ: «да еще кто отселе на кого будеть, то на того будемъ вси и крест честный»[1]. Хронологически параллельные новгородские летописи данный съезд не упоминают, вероятно, полагая его для себя неактуальным и далёким[2]. В определённой степени позиция новгородского летописца вполне объяснима – не подкреплённое военным и административным контролем распределение земель мало что давало для реального управления.

Стоит отметить, что ранее подробно рассмотренная летописная (а следовательно и официальная) фиксация легенды о «приходе» Вятко указывает на относительно широкую известность этого этногенетического придания и выглядит косвенным признанием определённой легитимности порождённых ей прав владения и распоряжения верхнеокскими территориями за реальными либо формальными наследниками «первовятича». В то же время, анализ политических событий XI в. показывает, что и у Рюриковичей в первой половине века появился собственный «юридический» повод претендовать на контроль за вятичскими землями.

Уже упоминавшийся эпизод соперничества двух Владимировичей – князей Мстислава и его брата Ярослава – своим косвенным следствием имел изменение статуса правителя Черниговского княжества. Мстислав, пребывая во главе Таматархи (Тьмутаракани), судя по всему, обладал титулом архонта «Матрахи, Зихии и всей Хазарии», что в значительной степени облегчило подчинение ему «Козары и Касоги», а также северского этнополитического объединения, которое, в свою очередь, являлось вероятной основой триединого восточнославянского союза с вятичами и радимичами[3]. Легитимный правитель «всей Хазарии» мог

---

[1] ПСРЛ. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 2, 1872. С.247.

[2] См. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред Н.А.Насонова. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. С.19, 202,

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.134; Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М.: «Древлехранилище», 2009. С.25; Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г.

потребовать (и, судя по всему, потребовал) от перечисленных этнических формирований исполнения их вассального долга в борьбе с киевскими правителями, что в целом не противоречило их собственным устремлениям.

Подобная трактовка объясняет ожесточённость противостояния Мстислава и его союзников (по сути, восстанавливавших зону контроля исчезнувшего, но ещё не забытого Хазарского каганата) с одной стороны и норманно-русскими формированиями Ярослава, официально наследовавшего сокрушившему каганат князю Святославу и претендовавшему ***на всё*** «наследство» их общего отца князя Владимира. Последовавший после битвы при Листвене 1024 г. раздел державы «по Днепру», по сути, очертаниями практически точно повторял прежний «докиевский» раздел восточнославянских земель между варягами и хазарами: «и разделиста и по Днепръ. Рускую землю. Ярославъ прия су страну. а Мьстиславъ ону. и начаста жити мирно… и бы тишина. велика в земли»[1]. Установившаяся «тишина» была весьма относительна, о чём свидетельствует восстание волхвов, предшествовавшее разделу и явно направленное против Ярослава: «в се же лето вьсташа вълъсви в Суждалцихъ. избиваху старую чад[ь] по дьяволю наоученью»[2]. Мстислав явно не ставил вопрос о получении *всего наследия* своего отца – ничто не мешало ему начать, воспользовавшись благоприятным моментом, подчинение, к примеру, того же Суздаля либо Смоленска – но посчитал для себя возможным (а может и необходимым) ограничиться *прежними хазарскими границами*. Также и Ярослав не стал учреждать некий центр неподалёку от «русской земли в узком значении», а убыл править туда, где призванные «из Заморья» варяги правили прежде – в Новгород и близлежащие территории. Эти события обозначают вероятную привычность и даже традиционность раздела восточнославянских земель по Днепру, вероятно, освящённого некими старыми *до-русским* порядками.

В результате описанных событий статус князя черниговского перерос уровень «одного из Рюриковичей», но поднялся до уровня (со множеством возможных оговорок) легитимного правителя территорий, относившихся прежде

Материалы конференции. Мю: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.339-340.

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.137.

[2] Там же. Стб. 135; ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. С.144.

к зоне хазарского доминирования. Это автоматически относило земли вятичей и прочих существующих либо уже исчезнувших этнических и территориальных группировок прежних хазарских вассалов к сфере легитимного контроля черниговского правителя. В такой ситуации ранг руководителей (архонтов, князей, старейшин и т.д.) вятичей (равно как и прочих этнотерриториальных структур, размещавшихся на территориях под контролем Мстислава) фиксировался как вассальный относительно Чернигова. Мстислав официально и легитимно устанавливал свой сюзеренитет над ними.

Характерно, что Мстислав Владимирович, несмотря на явное ему сочувствие со стороны «некиевских» этнотерриториальных формирований, в которых позиции нехристианские были очевидно весьма сильны, придерживался политики укрепления позиций христианства, о чем свидетельствуют летописные сообщения, повествующие о строительстве, по его указанию, по меньшей мере, двух храмов – в Таматархе и Чернигове: «пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица… яже стоить и до сего дне Тьмуторокани… и положиша и [в церкви] у святого Спаса (в Чернигове - М.А), юже [бе] сам заложил»[1].

Пресекновение рода черниговских правителей (после смерти наследника Евстафия и самого князя Мстислава) не нарушило легитимную последовательность наследования рангов и статусов, поскольку переход власти в Чернигове (и, соответственно, над вассальными ему формированиями) от почившего Мстислава к его брату Ярославу произошёл относительно законно – в рамках действующих обычаев и порядков, к ближайшему живому родственнику, находившемуся на свободе, что особо подчёркнуто летописцем: «посему же перея ***власть его всю*** Ярославъ, и бысть самовластець Русьстей земли»[2]. Последний (помимо Ярослава и Мстислава) всё ещё живой сын князя Владимира, который формально мог выступать как вероятный и законный претендент на черниговский стол, псковский князь Судислав Владимирович был Ярославом схвачен и на 24 года помещён в «поруб», что даже у лояльного летописца вызвало осуждение: «в

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 143, 146.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 2-е. 1872. С.147; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1977. С.38-39.

се же лето всади Ярославъ Судислава в поруб… Плескове, оклеветавъ (бе) к нему»[1]. Самостоятельное Псковское княжество также было ликвидировано.

Любопытен летописный акцент на переходе к Ярославу «всей власти» именно *от Мстислава*. Таким образом полномочия последнего явно обозначались как особые и специфические, что косвенно подчёркивает правомочность власти Мстислава и отличие природы его власти в его же владениях от прав гипотетического «русского сепаратиста» как можно было бы понять из летописного повествования. Ярослав наследует не только своему отцу, но и другому правителю (Мстиславу), законно получившему и иные владения, полномочия и возможности. В этой связи позитивное описание внешности и характера Мстислава летописями явно способствует возвеличиванию его брата, *законно унаследовавшего* мстиславову державу.

Симптоматично, что получение полноты власти сопровождалось явным поворотом Ярослава Владимировича в сторону поддержки структур православной церкви: «И при семъ нача вера хрестьянсьска плодитися и расширяти, а черноризцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьце, и книгамъ прилежа, и почитая е часто в нощи и въ дне; и собра письце многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словеньское писмо, и списаша книгы многы»[2]. Судя по всему, князь Ярослав искал в церковных структурах идеологическую опору своего статуса единовластного правителя. Поддержка православной церкви, структурно настроенной на взаимодействие именно с единоличным правителем, а потому чувствовавшей себя в новой политической ситуации вполне органично, должна была исключить обвинения в узурпации. Началось (в какой-то степени по образцу Мстислава в Чернигове) большое строительство в Киеве: «заложи Ярославъ городъ великыи Кыевъ. оу негоже града врата суть златыя заложи же и црквь. стыя Софья… и по семь церьковь на Златыхъ вратехъ камену… по семь стго Георгия монастырь. и стыя Орины. и при семь. нача вера крстьянская

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Там же.
[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. С.148.

плодитися. и расширятис»[1].

Произошла явная «легитимизация» прежних претензий Рюриковичей, ныне обоснованных не только силой, но и правом внутрисемейного наследования. Территории вятичей, как до этого земли радимичей, северов и дреговичей, в течение XI в. осваивались и становились частью черниговского княжения. Несложно заметить близость и определённое сходство прежних этнических границ с новыми – государственно-административными. Ранее отмечалось, что бассейн Верхнего Дона (по крайней мере, в бассейнах рек Сосна и Красивая Меча, но, возможно, и южнее) был частью единого вятичско-донского культурно-этнического пространства. По всей видимости, именно это единство послужило причиной и поводом для превращения верхнего Дона в объективную границу расширения Черниговского княжества. Очевидно непродуктивной является позиция, когда этномаркирующие признаки выступают в качестве главного обоснования прохождения политико-административных границ – подобный подход опровергают данные археологии, демонстрирующей синтетический характер славянских культурных признаков на многих обследованных памятниках[2]. Это хорошо видно при сопоставлении карт, позволяющих соотнести распространение этномаркирующих признаков и прохождение административных границ, и будет несколько более широко показано далее.

Общность этно-культурных традиций и элементов с аналогичными характеристиками прочих поглощённых этнополитических образований (ныне объединённые верховной властью Чернигова земли вятичей, северов и радимичей в предшествующие периоды уже находились внутри единых пространств различного происхождения) сыграла важную роль в переходе вятичских земель под контроль именно Черниговского княжества[3]. Недаром же в Повести

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.139.

[2] Поляков Г.П., Шинаков Е.А. Этнический и социальный состав предгородских центров Среднего Подесенья в период сложения, расцвета и кризиса Древнерусского государства (середина X - середина XII вв.). (по материалам статистико-комбинаторного анализа 1986 года Кветуньского некрополя)// Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2: История. Литературоведение. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2012. С.156-164; АКР. Смоленская область. Ч.2. С.11-26, 42-48.

[3] Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики). С.197-204.

временных лет эти три группировки выделены едино, отдельно и особо: «И Радимичи, и Вятичи и Северъ одинъ обычай имяху»[1]. Право силы, к которому ранее малоуспешно пытались прибегать Рюриковичи для обоснования своих претензий на верхнеокские земли, было дополнено правом внутрисемейного наследования, а также дополнительно аргументировано уменьшением традиционной внешней поддержки вятичей. И данное воздействие оказалось результативным.

Прослеживается хронологически последовательная и стройная причинно-следственная цепочка исторических событий и процессов:

а). формируется единое культурное пространство, маркируемое в настоящее время роменской археологической культурой;

б). происходит политическая консолидация верхнеокских земель, символом которой стал Вятко (гипотетический князь Вячеслав);

в). верхнеокская территория входит в сферу хазарского политического протектората и культурного влияния: «Козари имаху... на Северехъ и на Вятичехъ»[2];

г). ослабление Каганата сопровождается началом экспансии киевских владетелей, против которой различными способами разворачивается борьба (закончившаяся для разных этнополитических группировок в разное время с разным результатом);

д). Рюриковичи получают возможность заявлять о легитимности наследования прав властителя днепровского Левобережья и громят проживающих там восточных северов;

е). как один из важных итогов – большая часть рассматриваемых в настоящей работе верхнеокских земель (как и прочая доступная зона северянского доминирования) входит в черниговскую сферу административного контроля.

Вероятно, в русле мер, направленных на сохранение целостности всей

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд.2. С.12-13.
[2] Там же. С.18.

Древней Руси, достаточно скоро последовало территориальное уменьшение и, соответственно, «понижение» потенциально опасного для киевского лидерства статуса Черниговского княжества. В этом ключе можно рассматривать выделение из территорий прежде единого днепровского Левобережья (по договору Мстислава с Ярославом ранее отнесённого к сфере контроля черниговского князя) отдельного Переяславского княжения в 1054 г.: «…Изяславу Кыевъ… Святославу…Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, [а Игорю Володимиръ], а Вячеславу Смолинескъ»[1]. Часть старых «хазарских» земель таким образом официально выводилась из-под черниговского контроля.

Хронологические рамки начала утраты фактической независимости вятичскими верхнеокскими землями, определяемые с помощью летописных сообщений, находят подтверждение в археологических данных, которые весьма чётко определяют этот рубеж концом XI века – моментом начала повсеместной смены прежнего традиционного обряда кремации на христианское трупоположение[2]. Несмотря на то, что отдельные языческие пережитки и обычаи прослеживаются и в захоронениях XII-XIII вв. (и даже позднее), изменение в столь важном и значимом ритуале однозначно доказывают кардинальное изменение политической и идеологической ситуации в пределах Верхнеокского исторического региона. Результаты археологических исследований принципиально важного для анализа ситуации географически удалённого от политических центров северного Мещовского ополья показывают, что и здесь «в XI в. происходит смена культуроопределяющих типов. …Наблюдается более мощная «волна» освоения… Наиболее широкое распространение их (предметов общерусских типов – М.А.) на территории ополья начинается не ранее второй половины XI в.»[3].

Характерно, что именно к этому периоду относится распространение на верховских землях вятичского классического «этноопределяющего» инвентаря: бипирамидальных бус, лопастных височных колец, решётчатых перстней,

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд.2. С.157.
[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 100.
[3] Прошкин О.Л. Мещовское ополье. С.75.

проволочных браслетов разных типов и т.д.[1] По всей видимости, новые бытовые и культурные привычки, распространившиеся в этот период среди жителей территории, опирались на две важнейших обстоятельства: активизацию расселения носителей общерусских бытовых традиций (явочным путём распространявших их среди местного населения) и стремление местных жителей подчеркнуть свою самобытность и культурные отличия, поддержанные активизацией местных производственных центров (Серенска, Спас-Городка и др.). Согласно данным археологических исследований Мещовского ополья, «опорными пунктами освоения ополья в поздний период» выступали Серенск в центральной части ополья и Спас-Городок, Козельск и Брын на окраинах[2]. В том же хронологическом периоде фиксируется, наряду с изменением обряда погребения, и активизация процесса перемещения вятичей (и прочих носителей роменских культурных традиций) из регионов первоначального расселения в сторону Средней Оки и её северных притоков – на будущие рязанские и московские земли. Весьма заметно увеличивается число сельских поселений (что демонстрирует ранее приведённая картограмма) и, параллельно, значительно (в 2-3 раза) сокращается их размер[3].

Таким образом, конец XI в. демонстрирует появление ряда бытовых, политических, географических и хозяйственных новаций, наиболее вероятной причиной которых следует полагать закрепление зависимости рассматриваемой территории от черниговской великокняжеской династии. По крайней мере, результаты археологического изучения демонстрируют весьма высокую вероятность активизации процессов вхождения «…вятичских территорий в бассейне верхней Оки в состав Черниговского княжества ко времени княжения там Владимира Мономаха (до 1094 г.)»[4].

Приведённые данные явно коррелируют с выводами А.Е.Шинакова, который, рассматривая ситуацию на огромной территории левобережья Днепра,

---

[1] Прошкин О.Л. Указ. соч. С.77.
[2] Прошкин О.Л. Мещовское ополье. С.79.
[3] Там же. С.62, 65.
[4] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.97.

относит это время к выделяемому им второму периоду (конец X – начало XII в.) расселения славян в местных ландшафтах и характеризует в политическом отношении его как период «повторного завоевания Рюриковичами северян, радимичей и южной части вятичей»[1]. Исследователь указывает, что в этот период для характера расселения (а, следовательно, для социально-хозяйственной и управленческо-организационной сторон бытия местных жителей) определяющим являлся «политичекий фактор»[2].

А.К.Зайцев также полагал, что «период середины XI – середины XII в. был временем завершения процесса государственного освоения, сложения государственной территории Черниговской земли, …временем завершения процесса обособления»[3]. По всей видимости, привлечение «лучших людей» от вятичей к освоению захваченного киевскими князьями Посемья, о котором упоминалось ранее, сыграло свою роль в успешном покорении собственно вятичских территорий: «…и поча нарубати муже лучьшие отъ Словенъ, и отъ Кривич, и отъ Чюди, и отъ Вятичь»[4]. По крайней мере, достоверных известий о масштабных боевых действиях между вятичами и их новыми официальными правителями не сохранилось (если исключить не имеющую датировки былинную повесть о Соловье-разбойнике, чьё имя весьма созвучно современной тульской реке и ряду населенных пунктов, названия которых возводятся к общей форме «***солова***»).

Черниговская часть прежней Земли вятичей в начале XII в., согласно А.К.Зайцеву, опиравшемуся на летописные сообщения и исследования Н.П.Барсова, Б.А.Рыбакова и Т.Н.Никольской, административно была разделена на несколько территориальных единиц, из которых известны две крупнейшие: волость «Вятичь» и волость «Лес» («Лесная земля»)[5]. В пользу этого

---

[1] Шинаков Е.А. О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)// Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. С.239, 240.

[2] Шинаков Е.А. О характере размещения. С.252.

[3] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. С.114.

[4] ПСРЛ. Т.1. Изд. 2. Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.119.

[5] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.82-94; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 334, 336, 342, 455,459,502; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. С.149, 155-157, 302, 306; Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж// По следам древних культур. Древняя Русь. Под ред. Федорова

свидетельствуют многочисленные упоминания в Ипатьевской летописи «Вятичей» и менее многочисленные упоминания «Лесной земли» не в качестве этнонима и природного хоронима (дрионима), а как имён собственных: «…отчине своее не даст Вятичь…Вятичь не състоупашеть… поиди в Лесноую землю. и оттоуди слати… бежа за Лесъ оу Вятиче… выбегоша посадничи Володимери Изяславли из Вятичь… заемъ вси Вятичи… заялъ Олгович Стославъ волость мою Вятиче»[1].

В несколько меньшем количестве было отражено существование волости «***Вятиче***» как административно-территориальной единицы в Лаврентьевской летописи: «…прогна наше опять, а самъ бежа в Вятиче… заялъ волость мою Святославъ Ольговичь, Вятиче… пришедшю же ему в Вятиче, и ста не дошедъ Козельска… оттоле прогнаша и в Вятиче… иде Изяславъ в Вятиче…»[2]. «Лесная земля» в этой летописи не упомянута ни разу, а Карачев, много раз становившийся центром значимых событий, – только один раз, что подтверждает тезис о значительно меньшем погружении автора Лаврентьевской летописи в детали и подробности северочерниговского административно-политического бытования[3].

На южной части рассматриваемой территории, то есть, заведомо являясь частью вятичского культурного ареала, возникает волость «**Лесная земля**» («Лес»)[4]. Она упоминается реже и не всегда это упоминание можно чётко отделить от географического описания территории. Тем не менее, термин «лесная земля» или «лес» в летописном тексте применительно к землям южной части прежнего вятичского ареала используется неоднократно[5]. Эта волость, судя по всему, своими очертаниями представляла собой условно продлённую на запад и восток территорию западной части современной Орловской области с административным центром в относящемся ныне к Брянской области городе

Г.Б. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. С.103; Никольская Т.Н. К исторической географии земли вятичей// Советская археология. 1972. №4. С.158-170, рис.7.

[1] ПСРЛ. Т.2. Изд. 2-е. Ипатьевская летопись. Стб.310,311, 334, 336, 342, 343, 368, 371, 374, 455,459, 468.

[2] ПСРЛ. Т.1. Изд. 2. Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.298, 299, 324, 331, 333.

[3] Там же. С.298.

[4] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.149.

[5] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 334, 336,

Карачев. А.К.Зайцев в одной работе указывает и на «лесноземельскую» столичность Карачева и на отдельную от Лесной земли Карачевскую волость[1]. А.В.Шеков оперирует примерно теми же аргументами[2]. Вопрос определения места расположения волостного центра в настоящее не может быть разрешён однозначно.

Несмотря на указанную дискуссионность размещения административных центров на окраине территории, выглядит логичным, что подчинение вятичских земель шло с запада, со стороны надежно покорённых Подесенья и Посожья, но не с юга, который ближе географически, а также напоминает модель «инвазии русов» - первоначальный захват территории «межплеменного пограничья» с последующим освоением окрестной территории[3]. Как известно, «…процесс «окняжения» Земли вятичей был длительным и не всегда успешным»[4]. Это, кстати, могло быть связано как с необходимостью накопления сил, необходимых для подчинения территории, так и со спорным статусом Курска (до середины XII в. относимого иногда, по данным летописей, к переяславским землям), затрудняющим его использование в качестве плацдарма для экспансии на север[5]. То обстоятельство, что и христианское «освоение» данных территорий, шло тем же маршрутом, не может быть случайным и лишний раз подчёркивает тесную связь между процессами христианизации и огосударствления («окняжения») этих земель.

Волости как новые административно-управленческие структуры, размещавшиеся на территории прежней верхнеокской Земли вятичей, принадлежали черниговским князьям и являлись (помимо управленческих функций) значимыми ещё и в экономико-политическом смысле. Административными центрами двух указанных волостей были Карачев для

---

[1] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.113, 149; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 334.

[2] Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. С.144, 146-147.

[3] Щавелев А.С.Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX – X в.)// Уральский исторический вестник. №1 (38). 2013. С.114.

[4] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.288.

[5] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 305, 355, 431; Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.73-79.; Раздорский А.И. Владельческая принадлежность Курского княжества в XI-XIII вв./ Раздорский А.И.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.2. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: УРСС, 1998. С.5-12.

«Леса» и, по всей видимости, Козельск для «Вятичей» (предполагаемый иногда в качестве центра «Вятичей» Воротынск явно имел в то время заведомо меньшую значимость, нежели фигурировавший в титуле черниговского князя Козельск; к тому же Лаврентьевская летопись явно указывает на его центральную роль для волости: «пришедшю же ему в Вятиче, и ста не дошедъ Козельска»)[1]. «Лес» («Лесная земля») и «Вятичи», по всей видимости, стали домениальными владениями новгород-северской ветви черниговского княжеского дома, так же как «Радимичи» и «Подесенье» с центром во Вщиже были закреплены за Давыдовичами. В этой связи некоторыми исследователями даже отмечается «процесс переноса политических центров на домениальные территории»[2]. Указывая на административное разделение, следует помнить об археологически обоснованном культурном единообразии рассматриваемых территорий, что, по всей видимости, подтверждает сохранение их внутреннего культурно-религиозного и хозяйственно-экономического единства.

Помимо строительства городских укреплений, шла весьма активная экспансия владельческих поселений, иногда называемых феодальными замками либо усадьбами. Т.Н.Никольская, в частности, обследовала около 50 таких объектов: «…эти феодальные «городки» довольно многочисленны как в области левого, так и правого берегов верхней Оки. Располагаются они обычно гнездами… Как правило, «замки группируются вокруг одного из городов»[3]. Такого рода малые (в сравнении с городами) укрепления также, без всякого сомнения, формировали здесь крайне необходимую для закрепления черниговской власти силовую, экономическую и политическую основу.

Рисунок № 18 показывает примерные очертания границ северо-восточных волостей Черниговского княжества в XII – начале XIII вв., очерченные на

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. С.104-105; ПСРЛ. Т.2.Ипатьевская летопись. Изд.2. 1908.Стб.741; ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентьевскому списку. 1872. С.324.

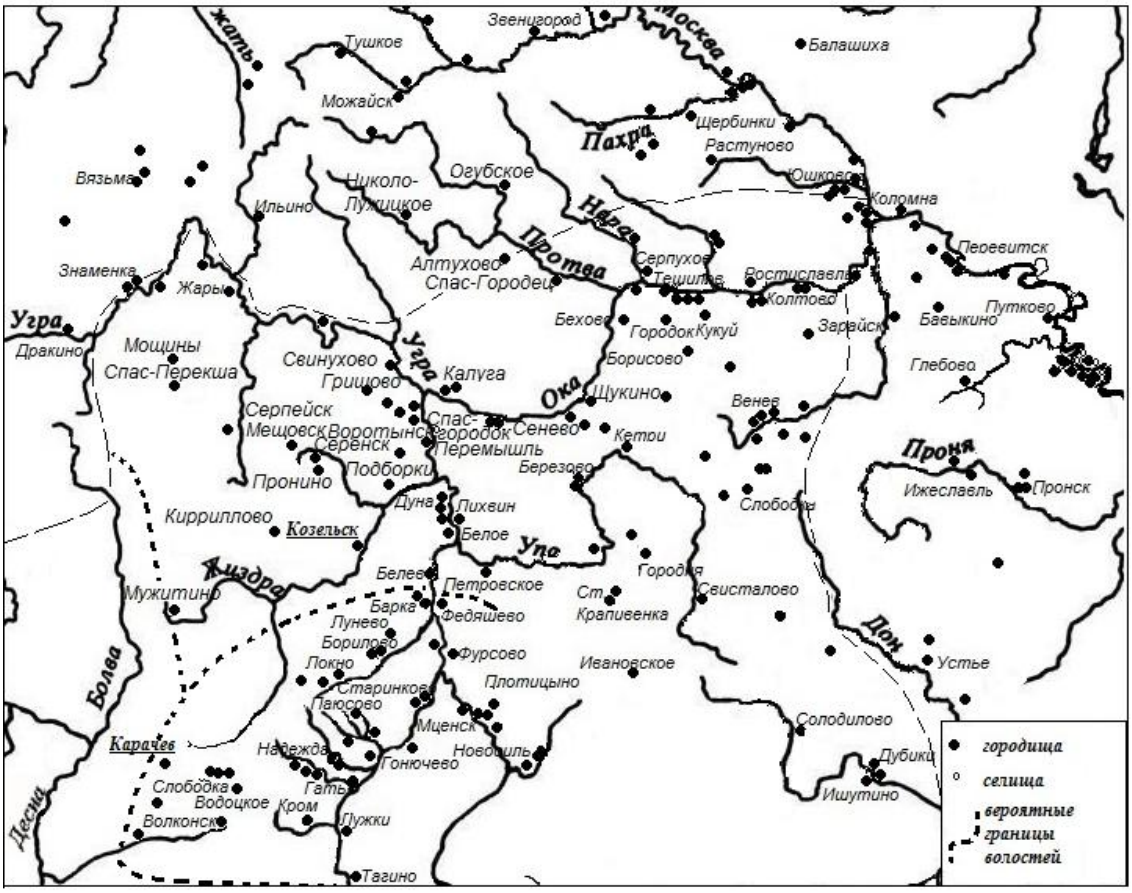
[2] Шеков А.В. Личное княжеское землевладение в структуре Черниговского княжества XII – первой трети XIII в.// Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С.322.

[3] Никольская Т.Н. К вопросу о федальных «замках»в земле вятичей// Культура Древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1966. С.184.

основании работ ряда исследователей[1].

Рисунок 18

Северо-восточные волости Черниговского княжества в XII – первой половине XIII вв.



Безусловно, данные, на основании которых составлен рис. № 18, не являются полными и окончательными (в силу динамичности исторических исследований и накопления нового знания). В то же время, она, на уже имеющейся основе, позволяет определить динамику и тенденции шедших процессов освоения черниговской (в широком значении термина) администрацией территории прежнего вятичского этнополитического объединения.

Трасса северной границы черниговских владений многократно обсуждалась

[1] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009; Юшко А.А. О междукняжеских границах в бассейне р.Москвы в середине XII – начале XIII в.//Советская археология. 1987. № 3.; Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2006.; Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: «Наука», 1980.; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400с.; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951 и др.

историками и, в целом, известна. Относительно ясна северо-западная граница со Смоленским княжеством. Сложности вызывает южная часть рязано-черниговской границы, поскольку по обоим берегам Дона можно наблюдать весьма многочисленные поселения, единые в археологическом отношении. Потому, опираясь на данные несколько более позднего времени (исходя из высокой вероятности приемственности рубежей), граница была проведена по р.Дон до р.Красивая Меча. Большая часть течения р. Быстрая Сосна также была отнесена к черниговскому ведению[1].

Археологические данные подтверждают, что в середине XII и позднее «юго-восточная граница Черниговской земли проходила по р. Быстрая Сосна и выходила к р.Дон, где находились уже рязанские владения»[2]. Пределы контролируемых властями черниговских земель ограничивались Лавским торгово-ремесленным поселением на Быстрой Сосне, неподалёку от её впадения в Дон[3]. В условиях относительной малозаселённости указанных территорий фактические границы явно представляли собой явление не устоявшееся, а потому их отражение на картах в настоящее время весьма условно. Сложность черниговского периода для исследователя заключена ещё и в том, что земли собственно Черниговского княжества не были едины в полной мере и представляли собой составную структуру: непосредственно относящиеся к Черниговскому столу и, отдельно, Новгород-Северские, к которым, собственно, и принадлежали «Вятичи» с «Лесной землёй»[4]. Рассмотрение этих деталей представляется обязательным к упоминанию.

Территориальная управленческая структура черниговского периода, по всей видимости, должна была быть несколько более сложной, нежели представляется на основании весьма фрагментарных летописных сообщений. Помимо обычных «волостей» вполне возможно допустить существование иных схем

---

[1] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.94; Монгайт А.Л. Рязанская земля.С.144; Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. С.260.

[2] Тропин Н.А. На Юго-востоке Руси: Чернигово-Рязанское порубежье в IX-XV веках. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С.136.

[3] Там же. С.135-136.

[4] Щавелев А.С.Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX – X в.). С 62-65, 82-94.

администрирования, тем более, что в большом Черниговском княжестве отмечены такие структуры как знаменитая «Сновская тысяча», основанная на явно «дорюриковских» управленческих традициях. А.К.Зайцев, обосновывая существование «Вятиче» и «Лесной земли» (с центром в Карачеве), также в ряду новгород-северских волостей указывает «…территории городов, расположенных к востоку и югу… (Домагощ, Мценск, Севск и др.)»[1]. Такой подход, судя по всему, оправдан, но сразу значительно усложняет картину в силу явной разницы в размерах большой «Вятиче», меньшей «Лесной земли», неясных по очертаниям прочих волостей и «пригородных» образований.

Относительно границ признанных волостей: явно прорисовывается северная граница «Вятиче», совпадающая, по всей видимости, с северной границей всей черниговской земли, включавшей в себя территории, прилегавшие к Оке в её широтном течении до рязанского г.Ростиславль и устья р.Москвы. Прослеживаются рубежи по р.Угре со Смоленским княжеством, следующие затем к верхнему течению р.Болвы. Не вполне чётки, но примерно понятны границы между «Вятиче» и «Лесом» в верховьях рр.Рессеты и и Жиздры – на полпути между волостными центрами Карачевым и Козельском, далее проходящие к северу от Домогоща, Мценска и, по всей видимости Новосиля с Воротынцевым. Ранее упоминалась недостаточная ясность маршрута рязанско-черниговской границы.

Не вполне понятна «межволостная» граница в бассейне р.Упы. Слишком большие и вытянутые территории волостей выглядят неудобными с точки зрения обеспечения эффективности их администрирования: руководство территориями предполагает не только сбор управленческой информации и фискальных поступлений (даней, сборов и т.д.), но и достаточно скорую реакцию на то или иное происшествие, что, в условиях транспортной удалённости, а, порой, и недоступности, ставит достаточность «управляемости» контролируемых земель под сомнение. Помимо того, упомянутые далее в §3 события межусобных войн середины XII в. показывают ненулевую вероятность наличия и

[1] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII в. С.111,

функционирования на этих землях некой отдельной от администрации княжества управленческой структуры, официально восходящей к вятичскому этнополитическому управлению. Подобная ситуация позволяет предполагать возможность функционирования на неких условиях здесь некой отдельной от двух известных волостей управленческой организации, выполнявшей до середины XII в. локальные административные функции. В качестве возможных центров (центра) гипотетического вятичского самоуправления могли выступать летописные Корьдно (Окорьдно, Редно) либо упомянутый в этой связи летописями Дедославль (впрочем, нет указаний на географическое различие и разделённость этих пунктов)[1].

Безусловно, административно-политический аспект явно не является единственным и исчерпывающим для определения преемственности между разными стадиями существования региона, в то время как этническая, культурная, логистическая (транспортная и транспортно-сервисная) и, отчасти, религиозная основы местного социума представляются весьма значимыми. Эти основы изменялись в относительно малой степени и, скорее, эволюционно, а не путем быстрого замещения старых норм, порядков, навыков и умений[2].

Важным представляется то обстоятельство, что являясь последней крупной восточнославянской территорией, присоединённой к владениям Рюриковичей, земли вятичей в наибольшей степени сохранили прежние свои особенности и географические очертания. Кстати, напрашивающийся тезис о её прежнем политико-административном единстве в «вятичский» период существования может быть в настоящее время подкреплён лишь признаками экономического и культурного единства, выявленными в ходе археологических исследований, а потому не выглядит абсолютно бесспорным. До настоящего время, как известно, не существует доказательств полного административного единства рассматриваемой территории в «дочерниговское» время. «Вятичи» в качестве этнополитического формирования во времена относительной самостоятельности

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.338.
[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.287-291

IX – XI вв. структурно могли быть организованы как по унитарному, так и по федеративному (конфедеративному) принципу. В то же время и объективных данных, опровергающих гипотезу, что черниговские волости при их формировании могли организовываться на основе неизвестных нам в настоящее время «внутривятичских» административно-территориальных единиц также не существует.

Недостаточность письменных источников при рассмотрении исторических событий заставляет, как и прежде, обращаться к результатам анализа археологических исследований. Они, в целом, подтверждают продолжение в XI-XII вв. вятичской колонизации вниз по течению Оки, в район Рязани и Мурома, что было бы невозможно без признания вятичами верховенства черниговских Рюриковичей[1]. Вокняжение в муромско-рязанских землях князя Ярослава Святославича начало процесс их отделения от черниговских земель, закончившийся официальным разделом в 1127 г.[2] Данные археологии и этнографии говорят об ассимиляции здесь славянами-вятичами местных финно-угорских племён, что придало ещё большее разнообразие сложному «генетическому коктейлю»[3]. По-видимому, именно из-за усложнения прежней (понятной и однородной) административно-этнической ситуации в письменных документах появляется деление прежде единой вятичской народности, выделение из неё «своих» («наших») вятичей: «Володимиръ Двдвичъ. и С(вя)тославъ Олговичь. стоита въ ***своих*** Вятичехъ»; «Гюрги стрьи твои идеть на тя. а оуже есть вшелъ в ***наше*** Вятиче»[4]. Интересно, что Лаврентьевская и Новгородская первая летопись, повествующие о событиях этих лет, не содержит упоминаний об указанных черниговских волостях – вероятно, эти подробности были их составителям не интересны, несмотря на участие их сюзеренов в перипетиях

---

[1] Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.78, 87, 97; Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 79. Воронин Н.Н. Отчет о работе Муромской экспедиции в 1946 г. № 87 - Альбом иллюстраций к отчету. На 218 л., сх., рис.;

[2] ПСРЛ. Т.1. Лаврентиевская летопись. 1872. С.281-282.

[3] Алексеева Т.И. Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении// Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С.164.

[4] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.371, 374.

межкняжеской борьбы[1].

Рязанские земли, традиционно относимые к вятичским, но расположенные на Средней Оке, имели отдельную и особую историческую судьбу, затрагивание деталей которой может привести к чрезмерному для формата данной работы увеличению объема излагаемого материала. К счастью, к настоящему времени имеется весьма значительное количество специальных исследований, посвящённых собственно рязанской истории[2]. Специфичность вопросов, особенностей, исторических реалий и масштабов Рязанской земли явно нуждаются в отдельном изложении.

Сопоставление рис.9 и 10 показывает, что некоторые (иногда весьма значительные) части преимущественно окраинных территорий летописных вятичей, выявленных археологами, были в ходе административного «освоения» подчинены Смоленскому, Владимиро-Суздальскому и Рязанскому княжествам. Это подтверждает верность тезиса, что «…говорить о непосредственной территориальной преемственности земель XII-XIII вв. по отношению к догосударственным этнополитическим общностям нет оснований»[3]. Но говорит ли административное разделение о разделении культурном, языковом, религиозном и хозяйственном?

На рассматриваемой в настоящей работе территории в указанный хронологический период параллельно прослеживаются несколько процессов: подчинение черниговским Рюриковичам ранее фактически независимых вятичей (еще долго сохранявших относительную внутреннюю автономию), установление границ черниговской и рязанской земель и шедшая вовне колонизация средней Оки, по всей видимости, сопровождаемая ассимиляцией аборигенного финно-угорского населения. Всё вышеперечисленное сопровождалось перманентным

---

[1] См. ПСРЛ. Т.1. Лаврентиевская летопись. 1872. С.302-309; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. С.28.

[2] См. Иловайский Д. История Рязанского княжества/ Иловайский Д. М.: Университетская типография, 1858. 338 с.; Монгайт А.Л. Рязанская земля/ Монгайт А.Л. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400с.; Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань: Записки археолога/ Даркевич В.П. Рязань: «Новое время», 1993. 256 с.; Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. Отв. ред. А.В.Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 589 с. и др.

[3] Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С.25.

внутричерниговским спором между столами собственно черниговским и новгород-северским, что делало ситуацию весьма сложной для её точного воссоздания историками в наше время.

§ 2. Особенности христианизации региона

Ранее неоднократно отмечалось, что вятичи дольше остальных восточнославянских этносов сохраняли свои традиционные обычаи и ритуалы. Освоение их территории великокняжеской властью шло рука об руку с распространением на этой земле христианской веры. Традиционно проникновение православия связывают с изменением ритуалов погребения усопших, появлении христианских атрибутов, и определяют, на основании археологических находок, временем не позднее рубежа XI-XII вв.[1]

Весьма интересно, что вятичи явно имели представление о существовании и особенностях христианства, по меньшей мере, за несколько десятилетий до официального крещения Руси. К этому их вело нахождение на оживлённом торговом пути «из хазар в немцы», поскольку жители западной части пути – германцы, моравы, чехи, ляхи – в большинстве своём были к тому времени крещены, а на восточном конце пути (в Хазарском каганате), судя по всему, существовала собственная христианская община[2]. Тем не менее, материальных следов приобщения к ценностям христианства на рассматриваемой территории того периода до настоящего времени не обнаружено.

Территориально земля вятичей вошла в состав черниговской епархии, включавшей в себя земли, ранее принадлежащие северам, вятичам, радимичам и дреговичам. Неспешность христианизации была обусловлена рядом причин. Принципиальной выглядит явное несоответствие структур вятичского этнополитического объединения (основанного, по мнению разных исследователей,

---

[1] Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII веков// Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С.49-52.; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.27-41, 94, 100.

[2] Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001.С.71-112; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль. С.153; Гайденко П.И. Несколько замечаний о состоянии христианской жизни на Руси накануне крещения// Вестник Челябинского государственного университета. «000. № 32 (170). История .Вып.35. С.85.

на принципах племенной демократии, автономного княжеского управления либо даже жреческого верховенства) и жёсткой церковной централизации, созданной по образу и подобию византийских государственных структур[1]. Негативное отношение к церкви могло быть и следствием её союза с княжеской властью (неважно, киевской или черниговской), разрушившего ранее существовавшее равновесие, что продолжало оставаться чувствительной темой вследствие наличия длительной традиции самостоятельности. По всей видимости, и численность способного изъясняться на славянских языках духовенства, которое могло присутствовать в регионе, была физически очень мала[2].

Распространённость так называемого двоеверия (почитание новых христианских святых и старых языческих богов одновременно) и соблюдение только внешней обрядовой стороны, вероятно, весьма точно характеризовали религиозное поведение местных жителей. «Было бы упрощением утверждать, что исчезновение трупосожжений у вятичей является свидетельством полной победы христианства… Смена сожжений трупоположениями на горизонте с полным сохранением всех деталей языческой обрядности (пестрая ориентировка, большое количество угля в погребениях, вытянутые вдоль тела руки, горшки рядом с погребенными, большое количество вещей как в женских, так и в мужских захоронениях и т.д.) говорит не о победе христианства, а лишь о зарождении двоеверия, удержавшегося у восточных славян вплоть до XIX в. Форма обряда становится христианской, а множество деталей ритуала говорит о верности старым языческим представлениям»[3].

Некоторый объем информации, позволяющей охарактеризовать местную религиозную ситуацию (помимо данных археологии), даёт исследователям легенда о мученическом подвиге печерского иеромонаха Кукши, которая основывается на самом коротком рассказе Киево-Печерского патерика[4]. Автором

---

[1] Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год. С.40, 48-51, 59-71, 73-74; Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь. С.194-196, 202-203, 206.

[2] Гайденко П.И. Несколько замечаний о состоянии христианской жизни на Руси накануне крещения. С.89.

[3] Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей IX – XIII вв.// Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С.49.

[4] Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: «Наука», 1999. С.27.

сообщения о деяниях Кукши (о чем говорит заголовок) считается епископ владимиро-суздальский Симон (вторая половина XII в. – 1226 гг.)[1]. Приблизительные оценки относят описанные события ко второму десятилетию XII в. – времени сохранения признаков внутреннего самоуправления и начала освоения черниговскими княжескими властями бывшей Земли вятичей. Излагаемая патериком история носит традиционные черты жизнеописания христианского праведника, вследствие чего от неё сложно ожидать объективного изложения хода событий.

Сюжет весьма прост и традиционен. Монахи киевского Печерского монастыря проповедовали православную веру среди вятичей-язычников. Местные жители не приняли их проповеди и (вероятно, по научению языческого жреца, на что указывают отмеченные ритуальные детали события) убили Кукшу и его спутника, принявших, таким образом, мученическую смерть. «…Священомученика того же манастыря Печерскаго чрънца Кукшу, егоже вси сведают, како бесы прогна, и вятичи крести, и дождь сведе, езеро изсуши, и многа чюдеса сътворе. По многых муках усеченъ бысть съ своим ученикомъ. С нима же и Пимин, блаженый постник, въ един день скончася, проувидев свой отход преже двою летъ, и многа ина пророчествова, недужныа исцели. Посреде церкве велегласно рек: «Брат нашъ Кукша противу свету убьен бысть». И тако рек, преставися в един час с тема святыма»[2]. Харатеристики, использованные автором рассказа, не оставляют сомнения в ритуальном характере смерти монаха: «усечен был» (т.е. голова иеромонаха была отрублена) в специальной позиции «противу света» (на солнце).

Своеобразно выглядит официальная реакция на смерть признанного позднее «апостолом вятичей» миссионера, вернее – её демонстративное отсутствие[3]. Нигде и никогда нет упоминания о справедливой каре, постигшей убийц. Ни Чернигов, ни Киев никак не отреагировали на возмутительное ритуальное

---

[1] Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике/ Абрамович Д.И. СПб.: Отделение рус.яз. и словесности Императорской академии наук, 1902. С.XXII-XXIX.

[2] Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: «Наука», 1999. С.27.

[3] Ливцов В. Апостол вятичей// Родина. 2013. № 11. С.126-128.

убийство (о котором говорят характерные признаки жертвоприношения). Впрочем, равнодушие черниговских властей могло объясняться принадлежностью Кукши (Купши) к киевскому монастырю. Киево-Печерский монастырь всегда был очень самостоятелен в ведении политической деятельности всех направлений, что прослеживается даже в таком мирном деле как ведение летописей: «в Печерском монастыре …не смотрели на составление летописного свода как на работу, которая велась бы по заказу того или иного князя …Печерские руководители не раз оказывались в резкой оппозиции киевским князьям …Причиной разногласий были междукняжеские отношения и злоупотребления властью княжеских слуг и самих князей»[1].

Автором настоящей работы в свое время было выявлено большое количество странностей, нестыковок и подозрительных моментов в изложенной патериком легенде, указывающих на наличие признаков искусственности и, как следствие, предопределённость произошедших в вятичских лесах событий[2]. Кстати, аналогичная (причём в ряде важных деталей) смерть настигла католического святого Адальберта (Войцеха) Пражского, погибшего от руки пруссов-язычников в конце X в. и позднее названного их апостолом[3]. В этой связи множественные аналогии, наблюдаемые в комплексно рассмотренном рассказе о Кукше, а также сохранившихся повествованиях о единокровных братьях Адальберте (Войцехе) и Гаудентиусе (Радиме) и другой паре – Вятко и Радиме – приобретают какой-то особенный парадоксальный оттенок[4].

Аналогичная по сюжету история неудачной борьбы с язычеством прослеживается на другой территории, в северном Ростове, где язычники просто изгоняют епископа из города. По разным версиям дальнейшая судьба епископа складывалась, в целом, печально, хотя и была признана соответствующей идеалам

---

[1] Насонов А.Н. История Русского летописания XI - начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука,1969. С.54.

[2] Майоров А.А. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. Изд. второе. Орел: «Картуш», 2013. С.107-110.

[3] Титмар Мерзебургский. ХРОНИКА. В 8 книгах. 2-е изд., исправл./ Перевод с лат. И.В.Дьяконова. М.: «Русская панорама», 2009. С.57.

[4] Майоров А.А. Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествования// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С.78-86.

святости: иерарх вскоре умер либо был убит последователями восставших волхвов в 1075-1076 гг.[1] Никаких административных кар за гонения на епископа никто из язычников не понёс. Власть предпочла не вмешиваться в открытый религиозный конфликт[2].

Археологические данные, полученные в процессе исследования хронологически параллельных северных (новгородских) древностей, демонстрируют ситуацию, подтверждающую наличие аналогичного положения: «…во второй половине XIII–XIV вв., согласно археологическим данным, в средневековом Новгороде мы имеем неоднозначную картину присутствия элементов языческой культуры. В ней сочетаются и возрастание популярности одних традиционных предметов, и спад её в отношении других, а также появление новых веяний, связанных с внешними импульсами»[3]. Подобное положение можно считать нормальным для Руси XII-XIII вв., а на отдельных её территориях и позже: «В лесной зоне Восточной Европы языческий обряд захоронения бытовал в течение всего XIII в…. Лишь к концу XIII в. наблюдалось почти повсеместное исчезновение языческого обряда погребения. Усиление позиций христианства … было обусловлено в какой-то степени поражением Руси при нашествии татаро-монгольских орд. …на окраинах …курганный обряд продолжал функционировать и позднее, в течение и отчасти XV в.»[4].

Таким образом, на различных, значительно удалённых друг от друга, территориях наблюдается весьма схожее индифферентное отношение княжеской администрации к распространению христианства – и это уже по прошествии более столетия после официального крещения Руси. Создаётся впечатление, что либо миссионерская деятельность велась проповедниками без согласования с

---

[1] Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского// Труды отдела древнерусской литературы/ Академия наук СССР. Институт русской литературы. Т.42. Л.: Изд-во АН СССР, 1989. С.241-254.

[2] Черепнин, Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X– начала XIII в. // Ист. зап. М., 1972. № 89. С.389.

[3] Тянина Елена. Элементы языческой культуры в Новгороде во второй половине XIII–XIV вв. (по археологическим данным)// COLLOQUIA RUSSICA Series I, vol. 3 Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480) Ed.:Vitaliy Nagirnyy. Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15–17th November 2012. Krakow 2013. С.139.

[4] Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам)// Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сборник тезисов. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы,1987. С.42-43.

местными властями, либо существовали какие-то отдельные договорённости между князьями и их подданными-язычниками, не позволявшие властям действовать напористо в сфере религиозно-идеологической. Одним из явных признаков этого, является, в частности то, что, несмотря на описываемое летописцами демонстративное благочестие властей, ещё очень долго «…жизнь древнерусского монаха… не была защищена ни церковным, ни княжеским правом»[1]. Первое сохранившееся упоминание о наказании за покушение на лицо духовного сана относится к договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, датируемой 1189-1199 гг.: «Оже убьють таль или попъ новгороцкое или немецкъе Новегороде, то 20 гривнъ серебра за голову»[2]. Незамедлительная реакция последовала, только после посягательств волхвов на княжеское имущество и привилегии.

Исследователи церковной истории, помимо прочего, указывают, что «…выпадавшие на долю древнерусского монашества испытания и страдания чаще всего вследствие деятельности и поступков людей, также принадлежавших к христианской среде. Мученичество на Руси порой принципиально отличалось от мученичества в исходном его понимании, поскольку принятые страдальцами испытания были вызваны не религиозными разногласиями, а обычной человеческой жадностью и жестокостью»[3]. Вопросы религиозно-идеологические в социальной жизни древнерусского общества явно не имели чересчур большого значения. В тоже время, русская церковь таким образом «накапливала» собственный, независимый от Константинополя, духовный ресурс в виде святых, миссионеров и подвижников, что технически явно «повышало» её значение в неофициальной внутриправославной иерархии.

Симптоматично, что Черниговская епархия, в ведение которой земли вятичей попали автоматически, была, по всей видимости, одной из древнейших и

---

[1] Гайденко П.И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков)// Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιορωσια: εν χρόνο, εν προσωπω, σε εν ειδει.Альманах, вып.4/ Под ред. д.и.н. П.И.Гайденко. СПб.; Казань, 2015. С.49.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н.Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР,1949. С.56.

[3] Гайденко П.И. Подвиг иноческого мученичества в Киевской Руси: несколько наблюдений// Христианское чтение. 2015. №2. С.18-19.

сильнейших на Руси. Существует гипотеза, что Чернигов упомянут (в эллинизированной форме Маврокастрон) в качестве одной из православных епархий византийским списком второй половины XI в.[1] Одним из факторов, повлиявших на это, могло быть и фактическое построение князем Мстиславом на основе хазарского наследия, второго (параллельно Руси с центром в Киеве) крупного восточноевропейского (преимущественно славянского) государства, лишь по причине фактической ликвидации собственной правящей династии поглощённого принадлежавшей Рюриковичам Русью в качестве составной части. Примечательно, что, как уже отмечалось, именно Мстислав Владимирович в третьем десятилетии XI в. (т.е. ещё до строительной активности князя Ярослава в Киеве) начал в Чернигове строительство кафедрального собора Святого Спаса.

Полученный импульс самостоятельности придал Чернигову особый статус, который, по-видимому, ощущался ещё весьма долго. В частности, возникновение особой черниговской митрополии (и параллельной ей переяславской) во второй половине XI в. «...должно было... произойти по инициативе русской стороны, и не просто русской - а именно Чернигова и Переяславля, и не просто по инициативе - а под их давлением. Это, в свою очередь заставляет думать, что такое расчление случилось в ситуации, когда и Константинополь, и Киев... были недостаточно сильны... В течение 60-х годов XI века подобная ситуация действительно имела место... в мае 1069 г.»[2].

Таким образом, можно предполагать, что в момент номинального начала освоения верхнеокских вятичских земель само Черниговское княжество находилось на высоком политическом уровне, вплоть до способности в случае необходимости прибегать к некой форме давления в сторону номинально первенствующего киевского стола. Собственный кафедральный собор и собственная митрополия в подобной ситуации выглядят в качестве престижного статусного атрибута, подчёркивающего значимость и силу княжества.

---

[1] Поппэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии// Византийский Временник. Том XXVIII. М.: Наука, 1968. С.102.

[2] Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века//Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С.102.

Описанное ранее изменение порядка захоронения умерших, постепенно перешедшего от сожжения на погребальных кострах к трупоположению, изменения традиционных языческих оберегов и медленное появление христианских символов указывает на продолжение христианизации верхнеокских земель, несмотря на возможные затруднения[1]. Конкретных данных о росте числа христиан на этих территориях не сохранилось, но очевидно, что при активной поддержке властей княжества было начато строительство культовых сооружений (церквей, усадебных молелен, часовен и т.д.), что должно было вести к активизации обращения язычников в христианство. Информации о конкретных организационных формах и управленческих структурах, занимавшихся христианской проповедью среди вятичей, не сохранилось.

До недавнего времени предполагалось, что основным центром распространения христианства был город Вщиж на Десне, с единственной на севере Черниговского княжества достоверно известной каменной церковью. Имелась также информация о существовании храмов в относительно близко расположенных Трубчевске и Стародубе (которые, безусловно, вятичскими не являлись).[2] Буквально несколько лет назад, после археологического обследования, появились первые достоверные свидетельства нахождения в наиболее вероятном административном центре вятичской волости Лесная земля — Карачеве — кирпичного фундамента и остатков стен, подтверждающих, что здесь располагалось «не зафиксированное ранними письменными источниками церковное каменное сооружение домонгольского времени»[3].

Археологические данные, относящиеся к непосредственно граничащему с вятичскими землями среднему Подесенью, позволяют весьма точно отследить изменение обрядности и «…соотнести процесс транформации погребального

---

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.102-106, 112, 117.

[2] Рыбаков Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948 - 49 гг.// Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. XXXVIII. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. С.36-37; Раппопорт, П.А. Трубчевск/ П.А. Раппопорт// Советская археология. 1973. №4. С.209-216.

[3] Миненко В.В., Яганов А.В. Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII - XVII вв.// Краткие сообщения Института археологии. Вып.232 / Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2014. С.214, 218; Они же. Карачевская крепость// Россия как археологическое пространство/ Под ред. академика Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2016. С.138-139.

обряда с абсолютной хронологией: это конец X – начало XII в.»[1] Учитывая явное и значительное «запаздывание» христианского освоения Верхней Оки относительно деснинского региона, следует предполагать вероятным, по меньшей мере, полувековой промежуток между христианизацией этих регионов.

Очередной этап начался во второй половине XII в. за счет уже упоминавшихся местных церквей, явочным путём ставших миссионерскими центрами[2]. Иным путём христианизации верхнеокской территории (помимо проповеди) было переселение христиан в Подесенье и далее на Верхнюю Оку из окрестностей Чернигова. Этим же временем датируется начало сокращения числа погребений, сохранявших языческий характер погребальной обрядности. В эти годы на рассматриваемой территории постоянно присутствовали вооружённых дружин различных князей, что обуславливалось продолжением усобиц и должно было (прямо либо косвенно) способствовать усилению позиций христианства.

Таким образом, православие в XII в. получило на верхнеокских землях второй по силе (первым следует полагать официальное включение Земли вятичей в состав Черниговского княжества) стимулирующий импульс, что, наряду с ослаблением языческих религиозных структур, должно было активизировать организационное освоение территорий церковными структурами. Поскольку христианство было тесными узами связано с древнерусской государственной элитой, постольку его распространение свидетельствовало скорее об успехе государства во всех его формах[3].

Значительно забегая вперёд, следует упомянуть, что третий, завершающий этап христианизации края был, по всей видимости, связан с переносом княжеского стола и епископской кафедры из Чернигова в Брянск во второй половине XIII в., и, как следствие, переселением на эти земли многочисленного

---

[1] Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Переход от языческой к христианской погребальной обрядности (на примере Среднего Подесенья)// Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С.315.

[2] Шинаков Е.А. Время и направление распространения христианства на севере черниговской епархии/ Шинаков Е.А.//1000 років Чернігівській єпархії. Тези доповідей церковно-історичної конференції. Чернігів, 1992. С.45-50.

[3] Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей IX – XIII вв. // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С.51.

духовенства и основанием здесь сразу нескольких монастырей[1].

§ 3. Княжеские усобицы XII века и их последствия

Важным эпизодом верхнеокской (как и общерусской) истории стала борьба за киевский стол отдельных ветвей Рюриковичей в середине XII в. Именно её описание дало весьма заметный блок информации для анализа ситуации на верхнеокских землях: именно тогда прозвучали названия городов, существовавших и недавно основанных на прежней вятичской земле, появились упоминания о системе управления, ходе военных действий и отдельные характеристики рассматриваемых территорий.

Киевский князь Всеволод Ольгович (бывший до того князем северским и черниговским) скончался в 1146 г.: «и совокупи Всеволодъ братью свою… и разболеся велми… скончашся месяца июля въ 30 день»[2]. После его смерти в непрекращающуюся борьбу с черниговскими Ольговичами за киевский стол включились не только вечные соперники Мономашичи, но и родственные Давыдовичи. Игоря Ольговича после переворота заключили в киевскую темницу, а Святослав Ольгович бежал в Новгород-Северский: «И вниде Изяславъ в Кыевъ… И по 4-хъ днехъ емше Игоря в болоте… и посла и в манастырь… и всадиша и в порубъ в манастыре … и приставиша к нему стороже. …а брать его Святославъ убежа Новугороду с малою дружиною»[3]. Ипатьевская летопись, в целом, подтверждает ход описанных событий, снабжая их множеством дополнительных деталей[4]. После начала военных действий, оценив имевшиеся силы и запасы и посоветовавшись со своим окружением, Святослав пришел к выводу о невозможности длительного сопротивления, а потому, собрав своих и Игоревых родственников, попытался укрыться в Карачеве: «тако побеже С(вя)тослав из Новагорода Корачеву»[5].

По информации сочувствующей этому князю Ипатьевской летописи,

---

[1] См.: Шинаков Е.А.Указ.соч.
[2] ПСРЛ. Т.1.Летопись по Лаврентиевскому списку. С.296-297.
[3] Там же. С.297-298.
[4] См. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 320-333.
[5] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.334.

настигнутый погоней Святослав первоначально сумел отбиться: «Стославъ же бы изъ головы любовь иже дати женоу и дети и дроужиноу на полонъ. Любо голову свою сложити»[1]. Но, здраво оценив свои возможности и размер подходящего войска противников, «...воеваша оу Корачева много и бежа за лесъ оу Вятиче С(вя)тославъ»[2]. Похожими словами описывает эту ситуацию Лаврентьевская летопись: «И бежа [Святославъ] Корачеву, и посла по немъ Изяславъ Шварна и Изяслава Давыдовича, и взяша полона много у Корачева; Святославъ же воротивъся, прогна наше опять, а самъ бежа в Вятиче»[3]. Давыдовичи быстро разместили в городах своих наместников. Ход военных действий междоусобной борьбы князей на территории Южной и Юго-Восточной Руси представлен на отдельной карте.

Продолжавшаяся до 1154 г. война по масштабу и длительности переросла обычные внутрисемейные «склоки» Рюриковичей за первый (киевский) стол. В неё включился князь ростово-суздальский Юрий Владимирович Долгорукий, принявший активное участие в соперничестве на стороне Ольговичей, и в ходе борьбы сам несколько раз становившийся князем киевским[4].

Ни один из летописных текстов не зафиксировал ответ на предложение в адрес вятичей принять одну из сторон в конфликте и совместными усилиями захватить врага, прозвучавшее на собрании, проведённом в 1147 г. в Дедославле[5]. Причём, несмотря на уверенность ряда крупных историков, само летописное повествование не содержит четких указаний на личность обратившихся: «С(вя)тославъ же перебравъ дроужиноу. и хоте ехати …къ Дедославлю. и в то веремя поча изнемагати Иванко Гюргевичь. и был боленъ велми. С(вя)тославъ же не еха от него. ни дроужины пусти. она же слышавша оже Гюрги прислалъ къ немоу в помочь и не сместа понемъ ити, но съзваша Вятиче и реша имъ. се есть ворогъ нама и вамъ. а ловите его на полъ вама. и тако възъвратистася ис

---

[1] Там же. Стб.335.
[2] Там же. Стб. 336.
[3] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 2, 1872. С.298.
[4] Приселков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С.75-93; Селезнев Ю.В. Княжеские усобицы в Древней Руси 1132-1169 гг. М.: Руниверс, 2018. С.110-257.
[5] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.338.

Дедославля в то же веремя поидоста Гюргевича Ростиславъ»[1]. Контекст указывает на представителей дружины Святослава, которые предприняли поездку в Дедославль.

Отрывок этот значим, поскольку наглядно демонстрирует специфику верхнеокской политики первой половины XII в.: кем бы не был обращающийся к вятичам, он сам был вынужден идти в Дедославль (возможный вятичский центр) и просить вятичей о помощи[2]. Принимая во внимание заметный объем летописного рассказа, посвящённый описываемому событию, обращение имело официальный характер и было направлено к лицам, уполномоченным принимать решения по данному вопросу. Судя из контекста, эти лица («архонты», «старцы», «вожди», жрецы и т.д.) вряд ли значительно зависели от Рюриковичей различных конкурирующих ветвей. В тоже время, они были способны (по крайней мере, так полагали обратившиеся к ним княжеские приближённые) собрать достаточное количество вооружённых людей, чтобы оказать ощутимое воздействие на ход военной компании: «ловите его на полъ вама». Кто был уполномоченным руководителем вятичей (жрецы, старейшины либо изредка упоминаемая летописцами вятичская знать – «лучшие люди») определить в настоящее время невозможно.

В.Н.Татищев, ссылаясь на несохранившиеся источники, приписывал отказ от вмешательства христианскому смирению вятичей: «Кто нами владеет, тому мы верны и покорны, рассуждая, что Бог вас над нами определяет. И не без ума, по Апостолу, меч в наказание винным, а отмщение злым носите. А руку на господина своего и никогда такого в нас и в праотцах наших не бывало»[3]. Предположить существование подобных политических и мировоззренческих настроений среди вятичей не представляется возможным, так как христианизация рассматриваемой территории к тому времени шла ещё относительно недолго (что было показано ранее). Покорение земель вятичей не было завершено в полной

---

[1]Там же. Стб.338.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.131; Майоров А.А. К вопросу локализации летописного Дедославля// Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. № 2 (22). 2016. С.21-24.

[3] Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. Т.2 / В.Татищев. М.: ООО Изд-во АСТ, 2003. С.204-205.

мере: по оценкам разных историков оно приближено, скорее, ко второй четверти того же века (некоторые полагают, что только к середине), а потому покорности и желания помогать князьям ожидать, скорее всего, не стоило. В то же время, некая военная значимость у вятичей имелась в достаточной степени, чтобы даже не пытаться изображать желание услужить властителям. А.К.Зайцев полагал, что «…еще в 1147 г. В «Вятичах» было своего рода двоевластие: местная знать не слилась с княжеской администрацией (посадники) и, обладая реальной военной силой, была враждебна… к князьям»[1].

В поздней Никоновской летописи на месте общения с вятичскими руководителями содержится рассказ о странном походе Святослава Ольговича по маршруту «Мценск – Тула – Дубок-на-Дону – Елец – Пронск – Рязань – Осетр»[2]. А.Н.Насонов аргументировано называл эту запись позднейшей вставкой XV в.[3] Можно предположить, что правка эта была сделана на месте непонятного и невероятного, на момент письменной фиксации, сюжета о просьбе высокородных христианских князей по отношению к каким-то языческим вождям или старейшинам, что выглядело, по прошествии 300 лет, совершенно нереальным в восприятии монаха-летописца.

Знаменательно, что начиная с 1146-1147 гг. летописи упоминают множество городов, находившихся на Верхней Оке – в прежней Земле вятичей[4]. Под 1146 г. упомянуты Дедославль, Козельск, Карачев, Колтеск, Лобыньск, Мченеск, под в 1147 г. Девягорск, Домагощ, Москва, Неринск, Спашь, Кром, Серенск, Тешилов; в 1149 г. – Ярышев; в 1155 г. – Воротынск, Новосиль; в 1176 г. – Лопасна, Свирельск; в 1177 г. – Коломна[5].

Интересной подробностью является распределение упомянутых городов по летописным спискам. Большая часть населённых пунктов, ставших сценой для

---

[1] Зайцев А.К. Черниговское княжество X-XIII вв. С.111.

[2] ПСРЛ. Т.9. Никоновская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 171.

[3] Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С.209-211.

[4] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.125; Барсов Н.Материалы для историко-географического словаря России. Вильно: Типография А.Сыркина, 1865. 220 с.

[5] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С.376; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб. 334, 338, 339, 341-342, 376, 479, 602, 614; ПСРЛ. Т.VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип-я Э.Праца,1856. С.38, 39, 63; ПСРЛ. Т.9. Патриаршия Никоновская летопись. 1862. С.172.

событий 1146-47 гг. отмечены записями Ипатьевской летописи (Дедославль, Козельск, Карачев, Колтеск, Лобыньск, Мченеск, Девягорск, Домагощ, Москва, Неринск, Спашь)[1]. В ней же имеются сведения о Ярышеве, Воротынске, Свирельске, Лопасне[2]. Серенск и Новосиль упомянуты Воскресенской летописью (базирующейся на Московском своде 1479 г.)[3]. Серенск отмечен совместно Ипатьевской и Воскресенской летописями, также как и Кром – упомянутый в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи[4]. В Лаврентьевском своде и в Ипатьевской летописи упомянута рязанская Коломна[5]. Тешилов указан Никоновской летописью[6]. Несложно отметить полное отсутствие интереса к событиям в черниговских землях со стороны новгородцев, целиком занимавшихся своими делами и борьбу между Давыдовичами и Ольговичами практически не заметившими[7]. Малое внимание, уделяемое новгородскими летописями южнорусским событиям, прямо ставит вопрос о реальности единства Древней Руси.

Безусловно, названные в летописях даты лишь в редких случаях являлись датами основания упомянутых городов. Населённые пункты эти явно существовали и ранее, просто упоминание их в каких-либо контекстах, помимо военных, было не актуальным для монастырских летописцев. В то же время, следует указать, что неожиданно большое число поселений подтверждает представленные на приведённых выше картах данные об относительно высоком демографическом и, вероятно, экономическом потенциале региона. Изложение батальных событий (сложных и имевших свою логику) не относиться к задачам настоящей работы, в ней отмечены те эпизоды, которые представляются важными для описания и анализа общего хода исторических процессов.

Рисунок 19

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб. 334, 338, 339, 342.

[2] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб. 376, 479, 602

[3] ПСРЛ. Т.VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: тип-я Э.Праца,1856. С.38, 39, 63.

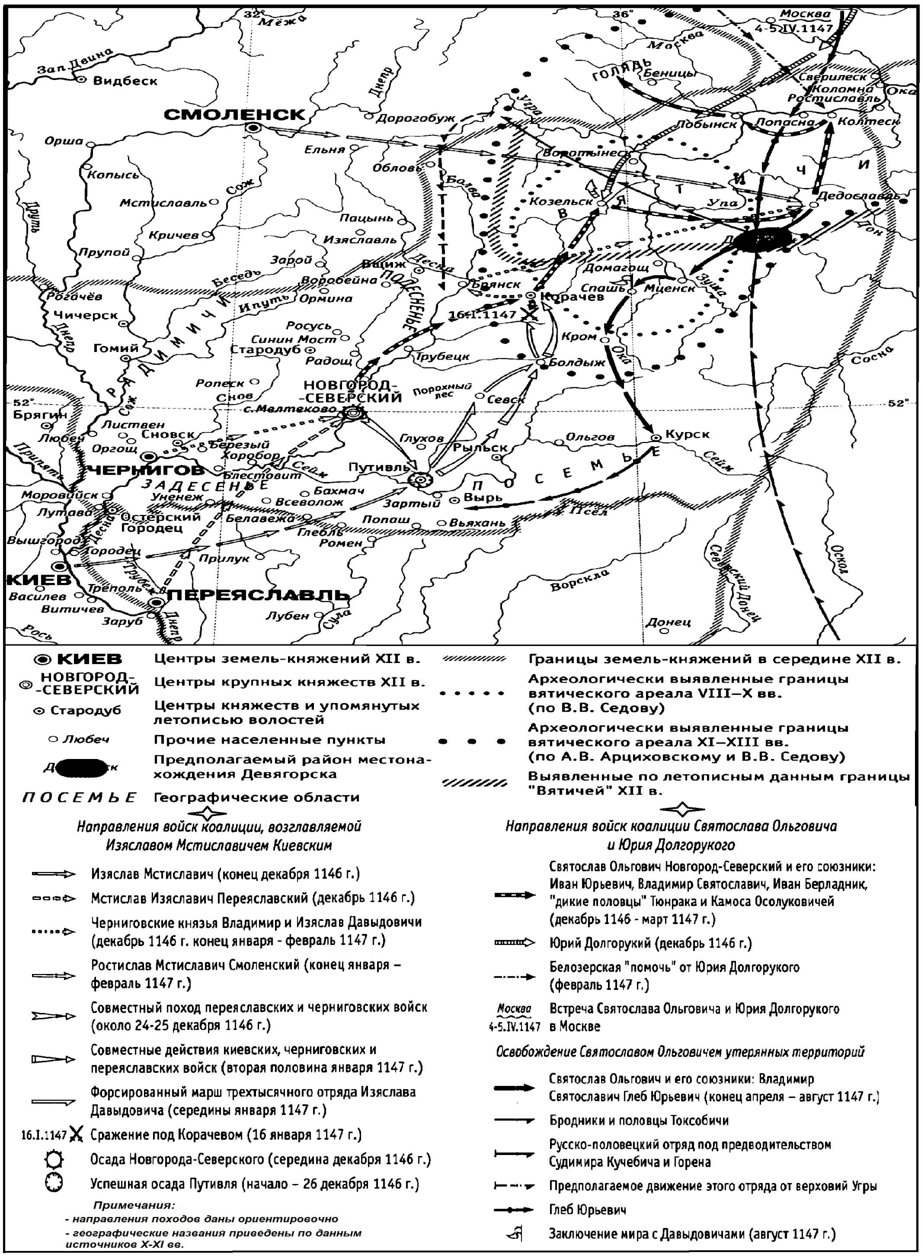
[4] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб.614. Примечание по стб.341-342; ПСРЛ. Т.VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: тип-я Э.Праца,1856. С.38, 39.

[5] ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская. С.363; ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб.614

[6] ПСРЛ. Т.9. Патриаршия Никоновская летопись. 1862. С.172.

[7] Новгородская первая летопись. М.-Л.: 1950. С.27-43.

Военные действия междоусобной борьбы князей на территории Южной и Юго-Восточной Руси в 1146-1147 гг.



Приведённая выше карта иллюстрирует общий ход военных действий 1146-1147 гг. Летописные сообщения позволяют уточнить ряд деталей. В частности, посадники, отправленные для контроля за территорией, вскоре бежали из «Вятичь», из Брянска, Мценска и других мест, вероятно, вследствие угрозы своим жизням: «…выбегоша посадничи Володимери. Изяславли. изъ Вятич. изъ Бряньска. и изъ Мьченьска»[1].

Такого рода поведение указывает на непрочность их положения: «…власть

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. 1908. Стб. 342.

их была временной и в значительной степени номинальной, поскольку в случае военной опасности… им следовало возглавить оборону города»[1]. На пути Святослава Ольговича к Крому, в Спаши, произошла его встреча с послами Давыдовичей[2].

Анализ хода боевых действий не является важной частью настоящей работы, тем не менее, следует указать на то обстоятельство, что в этой кампании обозначились нюансы, важные для более точного понимания политической ситуации. Судя по всему, управленческое «освоение» бассейна Верхней Оки к середине XII в. ещё не было завершено. Летописи показывают наличие в «Лесной земле», по меньшей мере, шести населённых пунктов: Карачева, Меченска, Домагоща, Крома, Спаши и, возможно, Новосиля либо его предшественника. Принадлежность Лесной земле упоминаемого Болдыжа не определена[3]. Данные археологии (см. Рисунки 17 и 18) демонстрируют здесь значительно большее число укреплённых поселений, многие из которых были сопоставимы по своим параметрам с перечисленными, но в политических событиях задействованы не были.

Северная часть территорий – волость «Вятиче» – также не вполне прозрачна в административном плане. Уже указывалось, что центром её мог быть Воротынск либо Козельск. Аргументация в пользу Воротынска основывается на летописном сообщении 1155 г., в котором он упомянут в одном ряду с достоверными волостными центрами: «тогды приеха к Стославу Олговичю сновець его Стославъ Всеволодичь и целова к нему хрстъ. тогда же прида ему 3 городы. а Сновескъ собе отя. и Корачевъ и Воротинескъ»[4]. В то же время последующий ход исторических процессов склоняет в сторону первенства Козельска: «…даже при вступлении на Киевский стол или при переходе в

---

[1] Юшко А.А. К вопросу о городах земли вятичей бассейна верхней Оки// Краткие сообщения Института археологии. Вып 229. 2013. С.213.

[2] Прекрасный анализ структуры и истории Черниговской земли был дан А.К Зайцевым в упомянутой работе Черниговское княжество//Древнерусские княжества X-XIII в./ Зайцев А.К. М.: «Наука», 1975. С.57-117; Его же. Черниговское княжество X-XIII в.: избранные труды/ Алексей Зайцев. М.: Квадрига, 2009 г. 226 с. Размещенная карта взята оттуда. Спашь упомянут под 1152 г. в ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 455.

[3] См. ОГУК «ОКМ». Арх. 3552. Отчет об археологических разведках на территории Дмитровского р-на Орловской обл.: селище Балдыж и городище Волконск. Май 2004 г. Отчёт составила Краснощёкова С.Д. На 17 л.

[4] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.479.

Чернигов, они (черниговские и новгород-северские князья – М.А.) пытались оставить его за собой»[1]. Это единственный город на вятичской земле, запечатлённый в титулатуре князя, получившего позднее старшинство в черниговском княжеском доме – город выступает как место пребывания старшего сына и наследника[2]. Кроме прочего, события междоусобной войны XII в. подчёркивают его значимость. Уже в следующем столетии при взятии Козельска монголам пришлось отдельно разбивать «…градоу стеноу и возиидоша на валъ»[3], что указывает на серьёзность и прочность укреплений города, включавших в себя множественность фортификационных сооружений. Малозначимый населённый пункт подобной системы защиты вряд ли был бы удостоен.

Летописного упоминания в «Вятиче» удостоились, помимо отмеченных выше, Серенск, Осетр, Колтеск, Лобынск, Дедославль, Лопасна. Расположение не всех перечисленных населённых пунктов точно локализовано. Археологические данные также указывают на значительно большее число укреплённых поселений (см. Рисунки 17, 18). Как отмечалось ранее – практически в каждой плотно заселённой местности имелось, по меньшей мере, одно такое. Явно просматриваются три основные функции подобных сооружений – контрольная (за землями, населением и транспортными путями), оборонительная (от внешней и внутренних угроз) и хранения (даней, оброков, ценного имущества).

Подробности и детали, имеющие отношение к проходившим на этой территории боевым действиям (войнам 1146-1156 гг. и продолжавшимся до 1161 г. вщижским войнам) либо «проявившиеся» для историков в их ходе, освещены в ряде специальных исследований[4]. Ввиду сохранения базовой причины соперничества (формально каждый Рюрикович имел право претендовать на б***о***льшее) начавшиеся усобицы, затрагивавшие верхнеокские земли, продолжались ещё несколько десятилетий, что получило летописное отражение. Под 1159-1160

---

[1] Никольская Т.Н.Земля вятичей. С.130.

[2] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 741; Войтович Л. Княжа доба. С.405,410, 413; Зотов Р. О черниговских князьях. С.69-70, 90-91.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 781.

[4] Зайцев А.К. Указ. соч. С.85, 89; Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Ценртполиграф, 2018. С.76-94.

гг. в Ипатьевской летописи описываются взаимные захваты заложников, «приведение» кочевников, выкупы, торги, захват вятичских городов: «..поиде из Гомья к Вятичемъ и взя город княгининъ на щитъ… оттуда идее оу Вятиче и зая вси Вятиче… Половце же бежаша от Белагорода на Гюргевъ. и много ихъ изоимаша Берендичи»[1].

Знаменитое «Слово о полку Игореве», повествующее о походе русских князей на половцев в 1185 г., имеет прямое отношение к территории Верхнеокского края, поскольку изначально и «Вятиче», и «Лесная земля» были новгород-северскими владениями, а герой «Слова» Игорь Святославович был князем новгород-северским, занявшим в 1198 г. черниговский стол («В лето 6706 Преставися Черниговьскыи князь Ярославъ Всеволодичь… и… седе на столе его блговерныи кнзь Игорь Стьславличь»)[2]. Он сам и его многочисленные родственники и союзники, упоминаемые в «Слове», происходят из Ольговичей, которые неоднократно бывали в верхнеокских местах, неплохо их знали и довольно часто здесь княжили. Касательно похода, стоит упомянуть, что согласно Ипатьевской летописи под 1185 г. «Б(о)жиею помочью. взяша веже Половецькеи. много полона и конии. м(еся)ца априля …тогда же С(вя)тославъ князь. иде въ Вятиче Корачевоу. ороудеи деля своихъ»[3].

Тогда же отмечено достоверное и чётко фиксированное использование термина «верховия, верховья» применительно к рассматриваемой в настоящей работе территории. В столбце, относимом к 1185 г. Ипатьевская летопись упоминает ситуацию, в ходе которой «...великыи кн(я)зь Всеволодичь С(вя)тославъ. шелъ бяшеть в Корачевъ. и сбирашеть от верхних земль вои. хотя ити на Половци к Донови на все лето»[4]. Местность эта противопоставлялась «низовским» землям ниже по течению Оки и Десны (аналог такого противопоставления зафиксирован в словаре Брокгауза и Эфрона: «Верховые города, места, села, т.е. лежащие в верхнем течении рек, в противоположность

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.502, 508-509.
[2] Там же. Стб. 707-708.
[3] Там же, Стб.637.
[4] Там же. Стб.644-645.

низовым, т.е. лежащим ниже по течению»)[1]. «Низовский антипод» «верховским» землям сохранился до наших дней в названии Нижнего Новгорода – Новгорода «низовския земли». В.Н.Татищев в своей «Истории Российской», описывая данный эпизод, вполне обоснованно полагал, что верхними в нем именовались именно «верховье Оки и Десны»[2].

В 1196 г. набег на черниговские земли совершил великий князь Всеволод Большое Гнездо. Ипатьевская летопись информирует, что «...Всеволодъ и Д(а)в(и)дъ. вшедша в землю их и жьжета волость ихъ и Вятьскыя городы. поимали и пожьгле»[3]. Лаврентьевская летопись уточняет, что великий князь «землю ихъ пусту сотвори». По мнению большинства исследователей «Вятьскыя» представляют собой слегка искажённое (вероятно, вследствии пропуска титла поздним переписчиком) упоминание городов вятичских, что логично следует из контекста летописного повествования[4]. Немного (на 1 год, что может быть вызвано опорой на различные календарные стили) расходится с приведённой выше датировкой сообщение Летописца Переславля Суздальского от 1197 г.: «…великыи кн(я)зь Всеволодъ… поиде къ Чернигову съ рязанскыми кн(яз)и и муромъскыми… Кн(я)зь же великыи внида въ волость ихъ и поима городы вятьскыя, и землю ихъ пусту сътвори»[5]. Контекст – поход рязанских и муромских князей к Чернигову – географически подразумевает прохождение именно «вят(ич)ской», а не какой-то иной территории расположения городов.

Термин «город» в те времена использовался для обозначения в первую очередь укреплённого места, а отнюдь не урбанистического феномена. Потому вероятно, что речь шла не столько о разрушении укреплённых поселений, сколько о ликвидации оборонительных сооружений. Кстати, нигде нет указаний на разрушение именно княжеских городов, а не старых укреплений времён

---

[1] Энциклопедический словарь. Том VI. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. С.-Пб.: Типо-Литография И.А.Ефрона, 1892. С.84.

[2] Татищев В.Н. История Российская. Т.2. С.702.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб.698.

[4] Арциховский А.В. Курганы вятичей. С.160; Зайцев А.К. Черниговское княжество. С.87; Шеков А.В. Верховские княжества. С.107.

[5] ПСРЛ. Т.41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. С.122.

вятичской самостоятельности, на что указывает значительное изменение карты размещения поселений, которая будет приведена в следующей главе. В итоге фактически исчезнет целая полоса старых укреплённых мест по р.Оке вверх и вниз от впадения в неё р.Упы, отражённых в данных археологических исследований.

Рассматривая историю верхнеокских земель, нетрудно заметить изменение семантического значения слова «Вятичи» примерно с начала XII в. Из фактического этнонима в период вятичской самостоятельности X-XI вв. слово «Вятичи», видоизменившись, стало административным хоронимом – собственным именем одной из административно-территориальных единиц регулярного государства: за исключением эпизода в Дедославле 1147 г., все летописные упоминания «Вятиче» подразумевают название (новгород-северской) волости Черниговского княжества. В частности, Ипатьевская летопись содержит 34 упоминания термина «Вятиче»/«Вятичь». До 991 г. включительно он использовался 11 раз в качестве этнонима, соотносимого с известной нам восточнославянской группировкой[1]. Начиная с 1142 г. его применение (исключая ранее упомянутый эпизод в Дедославле) однозначно можно трактовать как название одной из административно-территориальных единиц (волости) в 22 эпизодах[2].

Современная историческая наука не имеет в своём распоряжении данных об уничтожении новой властью населения территории Верховского исторического региона по худшим образам предшествующих периодов (подобно тому, как когда-то произошло в Посемье)[3]. Культурные традиции ушедших эпох на верхнеокских землях переплетались с новыми «общерусскими», сохраняя, в то же время, ряд особенных местных черт. Это обстоятельство позволяет полагать верным утверждение, что прежняя культурная традиция была сохранена и продолжала эволюционировать, что явно указывает на сохранение, в качестве основы, прежнего этнического состава рассматриваемой территории, не

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 9, 10, 14, 53, 69, 106.
[2] Там же. Стб. 310, 311, 336, 342, 343, 368, 371, 374, 455, 459, 468, 502, 509, 637, 697.
[3] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С.275.

претерпевшего существенных изменений со времён вятичской самостоятельности. Любопытно, что по данным археологических исследований, «наивысший расцвет материальной и духовной культуры населения Земли вятичей… происходит в XII-XIII вв.»[1].

Политическое господство древнерусских князей, утвердившееся на землях вятичей с конца XI в., принесло местному населению не только дополнительные материальные тяготы в виде выплачиваемой дани, но и осложнило условия его существования военными действиями междоусобной борьбы князей друг с другом. Личные княжеские конфликты, их постоянное стремление нанести взаимный урон, конъюнктурность и переменчивость интересов, активное политическое противоборство, безусловно, негативно влияли на положение населения Верховского исторического региона по сравнению со временем былой независимости от великокняжеских центров. Феодальные распри, разорение хозяйств и населённых пунктов, убийства местных жителей не могли соответствовать интересам населения Верхнеокского исторического региона.

Во второй половине XII в. верхнеокские земли не только формально, но и реально (административно, финансово и экономически) стали частью Черниговского княжества. Датировка эта в определённой степени символична, поскольку после 1132 г. (момента смерти киевского князя Мстислава Великого) фактически уже не существовало единого Древнерусского государства. Бывшие прежде более территориально-административными, границы княжеств приобрели новое политическое значение, став по сути межгосударственными. Верхнеокские территории, будучи окраиной Черниговского княжества, продолжали сохранять присущие им этнографические, демографические, религиозно-культурные и, вероятно, управленческо-административные особенности, что позволяет и в это время полагать их особым и своеобразным северо-восточным черниговским регионом.

§ 4. Особенности материальной культуры. Преемственность

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.287.

относительно вятичского периода

Важной особенностью, характеризующей этнокультурную обстановку в рассматриваемом регионе, является то обстоятельство, что именно к фактическому времени киевской и черниговской экспансии на верхнеокские земли – XI-XIII векам – археологи относят широкое распространение основных признаков, маркирующих вятичское присутствие – семилопастные височные кольца[1]. Специалистами выделяется ряд иных находок, присущих именно вятичам: решетчатые перстни, пластинчатые загнутоконечные браслеты, шарообразные бусы (хрустальные и стеклянные), лунницы[2]. Последние часто имеют прямые аналоги у прочих славянских и неславянских соседей и не выглядят столь узнаваемо.

А.В.Арциховский выделял 3 основных периода истории вятичей, основанных на изучении содержимого их курганов – XII, XIII и XIV в.[3] Специально занимавшаяся изучением височных колец Т.В.Равдина полагала, что древнейшие семилопастные височные кольца могут быть датированы «серединой XI в. или началом второй половины XI в.»[4]. Поздние варианты относятся ей к XII – XIII вв. и особо указывается, что «ни разу в погребениях с семилопастными кольцами не встречены горшки второй половины XIII – XIV вв.»[5]. В современных исследованиях, посвящённых изучению тонких вопросов технологии производства и материалам, из которых изготавливались признанные типично вятичскими украшения, также был поддержан вывод об их датировке XI-XIII вв.[6]

Земля вятичей быстро (несмотря на упомянутые летописные характеристики в качестве дикой и неразвитой окраины) приобрела значение важного ремесленно-производственного региона Черниговского княжества, одного из значимых центров ювелирного и декоративно-прикладного

---

[1] См. Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец// Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С.136-142.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.107-118.

[3] Арциховский А.В. Курганы вятичей. С.150.

[4] Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца// Советская археология. 1975. №3. С.223.

[5] Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца// Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С.186.

[6] Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. С.30.

производства в масштабах всей Древней Руси. Археологические изыскания XX века позволили выявить один из крупных древнерусских центров ремесленного и ювелирного производства – располагавшийся рядом с самым центром Мещовского ополья летописный вятичский город Серенск[1]. По всей видимости, именно оттуда происходила значительная часть инструментов, украшений и даже механизмов (замков) широко распространившихся не только внутри прежней Земли вятичей, но и по всему Черниговскому княжеству и его соседям[2].

Трагическое разрушение города и его мастерских в момент монгольского завоевания позволило зафиксировать впечатляющие масштабы и объемы протекавшей здесь производственной деятельности. Для иллюстрации достаточно сказать, что «...в 1965-1966 гг. с раскопанной площади в 630 м^2 ... при толщине слоя 1,5 м найдено много женских украшений: свыше 7 тыс. обломков стеклянных браслетов, 213 бронзовых браслетов (из них 127 проволочных витых, 10 плетеных, 11 ложновитых), 44 перстня (из них 24 бронзовых решетчатых, 4 серебряных, 2 золотых, 2 стеклянных), 69 височных колец (из них 44 семилопастных и одно пятилопастное), шейные гривны, бусы и подвески. В Новгороде с площади 5 тыс. м^2 при толщине слоя до 7 м найдено всего 19 витых и 70 других бронзовых браслетов»[3]. Помимо металлических украшений, здесь было найдено значительное количество изделий из стекла и сырьевых заготовок для их производства. Были раскопаны мастерские, матрицы и литейные формы, печи и плавильные горны с совокупности с большим числом различных полуфабрикатов и готовой продукцией различного вида[4]. Исследования показали признаки присутствия в Серенске не только местных, но и, по всей видимости, черниговских мастеров либо лиц, прошедших у них обучение. В то же время, состав применяемых сплавов и использование местных производственно-художественных традиций позволяют поместить Серенск «...в вятичскую зону

---

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.140-141.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.287; Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело. С.272.

[3] Равдина Т.В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища)// КСИА. Вып 113. Средневековые памятники Восточной Европы. М.: Наука, 1968. С.117.

[4] Никольская Т.Н. К истории древнерусского города Серенска// КСИА. Вып 113. Средневековые памятники Восточной Европы. М.: Наука, 1968. С.115.

цветной металлообработки»[1].

По указанию исследователей, «самая многочисленная категория находок в Серенске - предметы быта»[2]. Упоминаются, наряду с отмеченными ранее украшениями, произведённые здесь же замки и ключи к ним, железные ножи, гвозди, железные кольца, топоры, косы, серпы, различный промысловый и сельскохозяйственный инвентарь и многое другое[3].

Масштабы производства – найденные производственные печи, формы, инструменты, заготовки и полуфабрикаты – позволяют прийти к выводу о явно товарном его характере, направленном на широкие поставки готовой продукции далеко за пределы города и его округи. И это при том, что значительное количество бытовых предметов и украшений традиционно производилось ремесленниками на местах, весьма удалённых от крупных центров, что подтверждают многочисленные материалы археологических исследований. Меньшие объёмы и худшее качество продукции, выявленные Т.Н.Никольской при раскопках Спас-Городка и Слободки, тем не менее, подтверждают весьма широкое распространение необходимых профессиональных навыков и их носителей в поствятичском социуме. При этом следует указать на явно местный характер и специфику производственных приёмов и навыков, прослеживаемых при изучении найденных образцов продукции. Более того, имеются свидетельства распространения такого рода навыков и в поселениях, носящих явно негородской характер[4]. Исследования, посвящённые материальной культуре вятичей, большая доля образцов которой, без всякого сомнения, относится к периоду черниговского доминирования на вятичских землях, весьма многочисленны и объёмны для того, чтобы подробно рассматривать этот вопрос ещё и в настоящей работе (достаточно указать уже упомянутые монографии А.В.Арциховского, Т.Н.Никольской, Т.В.Равдиной, И.Е.Зайцевой и ряд других).

Помимо прочего, исследования материала, использованного верхнеокскими

---

[1] Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” второй половины XI-XIII в. С.271.
[2] Никольская Т.Н. К истории древнерусского города Серенска. Там же.
[3] Там же. С.110-116.
[4] Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” второй половины XI-XIII в. С.72-76.

ремесленниками, позволяют проследить наличие признаков продолжения (вероятно, в других масштабах) функционирования ряда прежних («дочерниговских») торгово-транспортных маршрутов, проходивших по территории бассейна Верхней Оки. Утверждать о достоверности этого предположения позволяет то, что «...анализ показывает сходство металла вятичей с металлом Донецкого городища, Волжской Болгарии и Торопца. Оно выражается в преобладании оловянных и оловянно-свинцовых бронз, незначительном количестве латуней, употреблении сплавов с серебром. ...Не исключено, что Волжская Болгария была поставщиком цветного металла в вятичскую зону металлообработки»[1].

Важным аспектом, демонстрирующим наличие преемственности черниговского периода развития верхнеокских земель вятичскому, является уже рассмотренная в § 1 настоящей главы структура размещения населённых пунктов (рис. 10 и 17). Явно наблюдаемое сходство и, по-видимому, принципиальное «наследование» функционирующих поселенческих структур указывают на наличие признаков относительно плавного перехода от одного административно-управленческого этапа к другому, несмотря на всю их внешнюю малосовместимость. Безусловно, прежние, основанные изначально на этно-культурной основе территориальные границы претерпели в черниговский период очевидную трансформацию (обусловленную как особенностями борьбы за контроль за новыми землями внутри клана Рюриковичей, так и способностью к сопротивлению со стороны местных этно-территориальных формирований), вследствие чего и не произошло полного превращения так называемых … была наиболее ярким проявлением завершения формирования феодальной государственной территории»[2].

Следует также отметить явное расширение функционала местных поселений: если прежде основными причинами их возникновения являлась, прежде всего, близость транспортных маршрутов и плодородие почв, то в

---

[1] Там же. С.272.

[2] Зайцев А.К. Черниговское княжество. С.56, 90-93, 131-133.

черниговское время к ним добавилась необходимость военного и административно-фискального контроля территорий ввиду явно большей степени эффективности в этой связи поселений, которые объединяли «функции торгово-ремесленных и княжеских административных центров и центров местной (в прошлом – племенной) округи»[1]. Вследствие этого на верхнеокских землях возник (либо был переориентирован в своём предназначении) ряд специализированных населённых пунктов, ранее нетипичных для этой местности: административные и торгово-ремесленные городские центры, поместья, усадьбы[2]. Их размещение, как и в вятичское было во многом привязано к «…Оке, или по её притокам. …к плодородным аллювиальным почвам речных долин», хотя присутствие здесь упомянутых выше плодородных ополий позволяло поселениям уже весьма значительно отступать непосредственно от речных берегов (пример чего демонстрирует Мещовское ополье)[3].

В то же время, существующий массив исторической информации позволяет сделать однозначный вывод, что в период черниговского владычества на Земле вятичей прослеживается прямая этническая и культурная преемственность местной материальной культуры с предшествующим собственно вятичским временем существования и развития рассматриваемых территорий. В частности, «сравнительно-исторический анализ находок из поселений и погребальных памятников дает возможность детально рассмотреть ювелирное дело вятичей как единую целостную систему» на протяжении всего периода его существования[4]. Несложно заметить, что многие исследователи датируют значительную часть оригинальных материальных следов последовательных этапов существования вятичской этнокультурной общности (за исключением самого первого - колонизационного) периодом расширения киевской (а впоследствии

---

[1] Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)// Е. А. Мельникова. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды/ Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.С.98.

[2] Юшко А.А. К вопросу о городах земли вятичей бассейна верхней Оки. С.207-217; Прошкин О.Л. Мещовское ополье. С.79; Никольская Т.Н. К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей// Культура Древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1966. С.182-190; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.42, 72- 96, 120-173.

[3] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.171.

[4] Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело. С.34.

черниговской) государственной экспансии на рассматриваемую в данной работе территорию. Это позволяет заключить, что Земля вятичей, несмотря на активно шедшее политическое покорение и попытки культурной ассимиляции, демонстрировала явно признаки целенаправленного сохранения культурно-религиозной самобытности, имевшей, по всей видимости, уровень полноценной внутренней автономии: «в XI в. начинаются процессы самоизоляции, особенно ярко проявившиеся в XII — 1-й пол. XIII вв.»[1]. Прерваны шедшие процессы культурного взаимодействия и диффузии, сопровождавшие политическое покорение, по всей видимости, были лишь с началом монгольского нашествия[2].

Таким образом, гипотеза о необходимости рассмотрения истории Земли вятичей и северо-восточных волостей Черниговской земли (Вятичей и Лесной земли) в качестве целостного, тесно взаимосвязанного и, по всей видимости, единого непрерывного процесса находит своё прямое подтверждение. Характеристика этих хронологических периодов в качестве последовательных этапов существования единого Верхнеокского (Верховского) исторического региона с явными чертами преемственности прослеживается весьма чётко.

Уникальная совокупность культурных, хозяйственных, религиозных, экономических связей и черт, присущая населению рассматриваемого региона, продолжала сохраняться, несмотря на многочисленные попытки её ликвидации (первоначально со стороны Древнерусского государства, затем – Черниговского княжества), которые не привели к этно-культурной ассимиляции и нивелированию местных особенностей и специфик. Попытки прямого военного подчинения территорий оказались, в целом, неуспешны. Вероятным способом обоснования легитимности подчинения рассматриваемой территории Рюриковичами стало внутриклановое наследование в рамках норм традиционного права, сопровождаемое впоследствии установлением на местах управленческого контроля. Потеряв к середине XII в. политическую самостоятельность, регион продолжал оставаться самобытным и пронизанным многочисленными

---

[1] Григорьев А.В. Славянское население. С.168.
[2] Нико льская Т.Н. Земля вятичей. С.289, 291.

внутренними связями.

Черниговский период существования, в который вступили земли, прежде относимые к Земле вятичей, позволяет проследить значительное число тенденций, указывающих на его преемственность по отношению к предшествующим этапам. Многочисленные археологические находки, отражающие их культурно-бытовые особенности в новом качестве, подтверждают как продолжение ряда прежних производственных и бытовых традиций и практик, так и зарождение новых, которые, в большинстве своем, ограничивались пределами прежних вятичских территорий.

В сочетании с единством политической истории, зафиксированной летописными источниками, отмеченная культурная и бытовая преемственность указывает на необходимость рассмотрения вятичского и черниговского хронологических периодов верхнеокской истории в качестве тесно связанных этапов истории единой территориальной историко-географической единицы – Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Глава IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХОВСКИХ КНЯЖЕСТВ С СЕРЕДИНЫ XIII В. ДО КОНЦА XV В.

§ 1. Особенности военно-политической истории Брянско-Черниговского княжества во второй половине XIII в. Значение и влияние на неё ордынской правовой и управленческой систем

Западный (Кипчакский) поход войск Монгольской империи, одной из составных частей которого стали события, оставшиеся в русской истории как монголо-татарское нашествие, привёл к сильнейшим потрясениям и краху сложившейся на Руси к первой четверти XIII в. административной и политической системы. Большинство границ кардинально изменилось, некоторые княжества фактически перестали существовать. Сформировавшиеся ранее традиции управления Русью были направлено реорганизованы с целью оптимизации управления захваченной территорией как составной части единой трансконтинентальной империи[1]. Несколько крупных и значительное число средних городов, служившие организационными центрами феодального и административного контроля над населением, были разрушены захватчиками. В пределах верхнеокских земель, входивших в состав Черниговского княжества, были реализованы почти все сценарии реорганизации и перестройки административной и политической систем организации общества, привнесённые в жизнь Руси новой высшей управленческой элитой.

Разделение прежде единой черниговской территории на отдельные части было обусловлено, помимо прочего, наличием специфических черт исторического развития и географического положения каждой из них. Как отмечалось ранее, вятичи (как, впрочем, и другие восточнославянские этнополитические группировки) не смогли сохранить собственное княжение. Проиграв (пусть и не сразу) в военно-политической борьбе князьям дома Рюриковичей, они оказались не в состоянии (как и прочие восточнославянские этнополитические объединения)

[1] См. Селезнев Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С.18-24.

сохранить независимую от тех основу для последующего оформления отдельной государственности – вятичские земли были административно подчинены Черниговскому княжеству и стали его северо-восточной окраиной. С падением Чернигова под ударом возглавляемых монголами войск для северо-черниговских (а ранее – вятичских) земель перестала в полном объёме существовать прежняя форма политической власти формально единого княжества. Функции административного управления и феодального владения землёй в такой ситуации стали переходить непосредственно к местным центрам и их правителям. Безусловно, нельзя сводить причины постепенного разделения прежде единого великого княжества лишь к географическому положению и транспортно-логистическим особенностям, так как они оставались стабильными на протяжении нескольких столетий как до образования Верховских княжеств, так и в последующие времена. В поисках иных причин дезинтеграции, а также последующего длительного сохранения самостоятельности относительно небольшими и не очень сильными княжествами в весьма агрессивном окружении необходимым является осуществление анализа всего спектра политических, военных, административно-управленческих и юридических событий и изменений, произошедших как на рассматриваемой территории, так и на Руси в целом.

Главная кампания монголо-татарского нашествия на Русь началась в 1237 г. вторжением через её северо-восточные рубежи. Верхнеокской исторический регион оказался непосредственно на направлении удара завоевателей. Вступив в его пределы в районе города Серенск, монголы в 1238 г. прошли через всю область вятичей с севера на юг. Большинство городов в «Вятичах» и «Лесной земле», по всей видимости, серьёзного сопротивления не оказали[1]. Единственным зафиксированным в летописях исключением стал легендарный Козельск. Этот город на протяжении нескольких поколений был уделом, которым руководил наследник черниговского князя. Вероятно, поэтому молодой княжич и его дружина (вероятно, чтобы не посрамить своего имени) весьма долго выдерживали

[1] Голубовский П.В. История северской земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И.Завадского, 1881. С.192.

ожесточённые штурмы и предпринимали ответные вылазки[1]. Кроме того, окрестности города, по всей видимости, были «сборным пунктом для монголо-татар, опустошавших «облавой» Северо-Восточную Русь. Сюда собирались завоеватели для отдыха и подготовки к дальнейшему походу»[2]. Данное предположение имеет весьма серьёзную аргументацию[3].

Симптоматично, что до недавнего времени среди историков, изучающих историю Козельска и окрестностей, не было единства в понимании вопроса: тот ли Козельск штурмовали монголы, который известен нам, поскольку археологического подтверждения ожесточенный штурм города, о котором сообщали летописцы, не находилось. В коллективной монографии 2005 г., выпущенной Институтом археологии РАН, указывалось, что «вопрос о местонахождении древнерусского Козельска, перенесшего семинедельную оборону 1237 г., остается открытым. Археологические материалы не подтверждают городской статус древнерусского поселения на территории современного Козельска. Отсутствуют и какие-либо археологические данные (например, характерные для монголо-татар предметы вооружений, слой пожарища и т.п.), подтверждающие сам факт обороны и взятия города. В округе Козельска также неизвестно ни одного укрепленного поселения древнерусского времени, которое могло бы являться остатками городского центра»[4]. Лишь по результатам раскопок 2010-2014 гг. на участке, смещённым несколько в сторону от общепризнанного «старого центра» города, были обнаружены признаки существования роменского поселения VIII-X вв. и вероятного древнерусского города XI-XIII вв. со следами пожара, что может в будущем материально подтвердить летописные сообщения[5].

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Летопись по списку Лаврентия.1872. С.494-495; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип-я Александрова, 1908. Стб. 780-781; ПСРЛ. Т.XLV. Варшавский летописный сборник. 2018. С.22-23.

[2] Каргалов В.В. Внешнеполтические факторы развития феодальной Руси. М.: «Высшая школа», 1967. С.111.

[3] См. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. С.220-222; Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. С.123-127 и др.

[4] Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. ИА РАН. Т.4. М.: ИА РАН, 2005. С.142.

[5] Массалитина Г.А., Болдин И.В. Летописный Козельск: Проблемы и этапы археологического исследования// Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С.1998-213; Болдин И.В. Раскопки в Козельске, Калуге и на Любутском городище// Археологические открытия 2010–2013 годов/ Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2015. С.145.

Разгром самого Чернигова произошёл позже, в следующую военную кампанию – осенью 1239 г. Захват столичного города привёл к фактическому прекращению существования Черниговского княжества как мощнейшей и потенциально сильнейшей части политически разделённой Руси. Ход военных действий на территории Черниговского княжества (в особенности в его северной части), а также прямые их административные последствия, чётко описан Е.А.Шинаковым[1]. Уцелевшие в ходе многочисленных боевых действий и столкновений представители княжеских и боярских родов, значительная доля пережившего падение своей столицы торгово-ремесленного населения, простые крестьяне бежали в менее пострадавшие от завоевателей части княжества и за его пределы: «Инеи же бежаша в далнюю страну, а инеи крыяхуся в пещерах и в лесехъ…»[2]. По всей видимости, вятичские леса приняли под свою защиту очередную волну переселенцев и беженцев.

Российская историческая наука достаточно долго оставляла вне сферы своего внимания те последствия монгольского завоевания, которые относятся к формированию на захваченной территории новой управленческой системы, совместимой с управленческой системой Монгольской империи и являвшейся, в определённой мере, её составной частью. Карамзинская традиция (которой придерживались Н.Г.Устрялов, Н.И.Костомаров и многие другие) трактовала завоевание как бедствие, близкое стихийному, и главную причину отставания Руси от развитых стран Европы[3]. Последователи линии С.М.Соловьева (В.О.Ключевский, С.Ф.Платонов, а позднее - М.Н.Покровский и А.Е.Пресняков) основывались на положении, что направление и ход развития русских земель в XIII-XIV вв. в первую очередь определялся внутренними причинами, к числу которых Орда не относилась[4].

---

[1] Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Ценртполиграф, 2018. С. 121-132.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.298.

[3] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1-3. М., 1988-1989.; Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т.12. СПб.: Тип-я А.Траншеля, 1872.; Устрялов Н. Русская история. Изд-е 2-е, исправленное. Ч.1. Древняя история. Спб.: Тип-я экспедиции заготовления гос. Бумаг, 1839.

[4] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. I-IV. 2-е издание. Спб.: тип-я Тов-ва «Общественная польза», 1851.; Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987; Т. II. Курс русской истории. Ч. II. М., 1988. Платонов С.Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб., 1993.; Пресняков А.Е. Образование

Советское время привнесло несколько новых аспектов изучения. В совместной работе Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского «Золотая Орда» ордынское владычество определялось, скорее, в карамзинском смысле — как препятствие на пути прогрессивного развития, также здесь получила отражение марксистская теория классовой борьбы[1]. В «Монголы и Русь» А.Н.Насонова чётко формулировалось, что «непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Определяющим мотивом… было желание не допустить значительного усиления какого-либо князя или княжеской группы… Образование централизованного государства явилось… в результате борьбы с монголами, когда… поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества»[2]. Основные подходы, сформулированные в этой книге, развивались в исследованиях большинства выдающихся советских историков (А.А.Зимина, Л.В.Черепнина, Г.А.Федорова-Давыдова, В.Л.Егорова, М.Г.Сафаргалиева, В.В.Каргалова и других), а положение о национально-освободительной борьбе русского народа (с разной степенью антифеодальной направленности), как важнейшем элементе исторических процессов, приобрело статус аксиомы. Весьма интересными для рассмотрения исследуемой тематики являются работы В.Н.Темушева – рано ушедшего белорусского историка, занимавшегося изучением вопросов территориального и административного развития Великого княжества Литовского, его взаимодействия и борьбы со своими восточными соперниками, соседями и вассалами[3]. Активное использование и разработка картографического материала делают эти исследования весьма ценными для

Великорусского государства. Пг., 1918.

[1] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.

[2] Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С.7-8.

[3] Темушев В.Н. Территория и границы Московского княжества в конце XIII - певой половине XIV в. Дис…. канд. ист.наук/ Темушев В.Н. Минск, 2002. 124 с.; Он же. Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей// Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История/ С.Н. Азбелев, Ю.В. Селезнев, А.В. Шеков и др. Предисл. А.Н. Наумова; под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С. 257–277; Он же. «Странная» война 1486-1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции/ Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 311-315.

проведения широкого исторического анализа.

В большинстве исторических работ, упоминавших о верхнеокских княжествах, тема управленческого взаимодействия, а не военных действий, с Ордой была освещена крайне незначительно, при том, что завоевание Руси Монгольской империей непосредственно предшествовало возникновению этих княжеств и неизбежно должно было оказать на них прямое влияние. Довольно долго изучение внутренней и внешней структуры Золотой Орды шло почти не пересекаясь с изучением и описанием процессов её взаимодействия с русскими княжествами, которые рассматривались, преимущественно, как объект немотивированного грабежа и военной агрессии.

Последние десятилетия позволили сделать несколько более объективным и неидеологизированным отношение к монгольскому нашествию, что довольно быстро принесло интересные с научной точки зрения результаты. Исследования А.А.Горского, В.В.Трепавлова, Ю.В.Селезнёва, А.В.Лаврентьева, Р.Ю.Почекаева, ряда других историков дали возможность выявить новые аспекты ранее изученных вопросов ордынского господства на Руси[1]. Появились исследования, подробно освещающих систему взаимоотношений внутри Монгольской империи и Джучиева улуса. Превалирующей позицией в них является рассмотрение реальных правовых норм и практик их применения во взаимоотношениях Монгольской империи и улуса Джучи со своими восточно-европейскими данниками, что заставило увидеть их, в значительной части, как отношения регулярного государства-сюзерена со своими вассалами-протекторатами. Подобный подход позволил существенно дополнить, а иногда переосмыслить ряд

---

[1] Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV веках. Пути политического развития. М.: Издательский центр института российской истории РАН, 1996. 128 с.; Он же. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь: [сб.ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. [Вып.]; Он же. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.; Он же. От земель к великим княжениям: примыслы русских князей второй половины XIII - XV в. М.: Индрик, 2010. 176 с. и др.; Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI вв.// М.: Квадрига, 2011. 256 с.; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Ред. И.М.Мергалеев. Казань: Издательство «ФЭН» АН РТ, 2009. 260 с.; Он же. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Спб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.; Селезнѐв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.; Он же. Русско-ордынские конфликты XIII-XV веков. М.: Квадрига, 2010. 224 с.; Он же. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.; Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука. «Восточная литература», 1993. 168 с.; Он же. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

широко известных исторических сюжетов, объяснить некоторые, ранее казавшиеся несообразными, события и явления.

Использование традиционных и сравнительно новых теоретических подходов даёт возможность более полно и объективно рассмотреть ход исторических процессов на территории Верхнеокского (Верховского) исторического региона. Для анализа положения, сложившейся в рассматриваемом регионе во второй половине XIII в., следует напомнить общую канву протекавших исторических процессов.

Взятие Чернигова штурмом в 1239 г., бегство его главы и фактический перенос столицы княжества в Брянск стали началом череды событий, принципиально важных для формирования на востоке северочерниговских земель будущих Верховских (верхнеокских) княжеств. Параллельно «большому переезду» на новое место главного стола (после падения прежнего центра) шли процессы формирования новых княжеств, первоначально считавшихся неотъемлемой составной частью большого Черниговского. Точного перечня этих княжеств и дат их основания не существует вследствие некоторой хаотичности, сопровождавшей установление нового порядка управления и наследования в первые годы после ордынского завоевания. Тем не менее, без большого риска ошибиться можно утверждать, что в южной части прежнего большого княжества, на основе прежнего административного деления, возникли меньшие по размерам и статусу Курское, Рыльское, Воргольское и Липовецкое, сохранилось даже резко сократившееся в размерах и статусе локальное княжение в самом городе Чернигове, на северо-западе — Брянское (фактически преемник прежней столицы), на северо-востоке — Козельско-Карачевское, Глуховско-Новосильское и Тарусско-Оболенское («зародыш» будущих Верховских)[1]. Интересной и важной деталью возникновения Новосильского княжества стало его первоначальное возникновение в качестве удалённой территории южного Глуховского княжества, быстро ставшего Новосильским и Глуховским, а затем —

[1] Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV вв. Пути политического развития. М.: Инс-т российской истории РАН, 1996. С.30-31,

просто Новосильским.

При сопоставлении с прежними черниговскими региональными центрами сразу заметно, что только северо-восток в определённой мере сохранил свои прежние «столицы»: в списке новых центров отсутствуют Новгород-Северский, Вщиж, Сновск, Стародуб, Трубчевск (хотя два последних ещё упоминались в титулах князей). После своего обособления довольно быстро (уже в первые десятилетия XIV в.) исчезают Курск, Рыльск, Путивль, Воргол, Липовецкое княжество. В то же время Брянск, Карачев, Новосиль, Таруса, ряд других верхнеокских городов избежали уничтожения, а предположительно сожжённый Козельск был поразительно быстро восстановлен.

Через несколько лет после разгрома Чернигова последовала трагическая смерть великого черниговского князя Михаила Всеволодовича. Традиционно принято считать днём его гибели 20 сентября 1246 г.: «Михайло же князь… заколенъ бысть», «убьенъ бысть Михалко Черниговьскый», «…убиенъ бысть князь Михайло Всеволодичь Черниговьский… от окаяннаго царя Батыа в орде»[1]. Анализ имеющейся информации, произведённый Н.Г.Бережковым, убедительно показывает б*о*льшую достоверность именно 20 сентября 1246 г. в качестве даты смерти князя[2]. Имеются указания и на иные, более ранние даты, о чем свидетельствуют, в частности, новгородские летописи и отдельные житийные повествования, дающие 1245 и даже 1244 г.[3]

Черниговский князь долгое время скрывался за пределами Руси, но затем вернулся и, предварительно причастившись, направился в ставку хана. Согласно свидетельству папского посла де Плано Карпини, отправленного к монгольскому хану в 1245 г. и оставившего классический труд «Historica Mongolorum» (История монголов), «Михаила, который был одним из великих князей русских, когда он отправился на поклон к Батыю, они заставили раньше пройти между двух огней;

---

[1] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С.447-448, 496; ПСРЛ. Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. С.152.

[2] Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С.111-112.

[3] ПСРЛ. Т.5. Псковские и софийские летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1851. С.182-186; ПСРЛ. Т.3. Новогородские первые летописи. С.298; Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М.: Синодальная Типография, 1915. С.58, 70.

после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Батыю и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Батый послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука не долго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие. После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова также была отнята ножом»[1]. Сыном суздальского князя Ярослава (который, по Д.Феннелу, был старым противником Михаила Черниговского), о котором де Плано Карпини постоянно упоминал в своей работе, был, вероятно, будущий князь Александр Невский либо его брат Константин.

Ситуация с Михаилом Всеволодовичем выглядит абсолютно беспрецедентной: тот же автор указывал, что монголы «никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше»[2]. Причины, заставившие опытнейшего политика Михаила Всеволодовича ехать в ставку хана (как было объявлено) в надежде на ханское прощение и тут же занимать нарочито принципиальную и демонстративно несгибаемую позицию, до настоящего времени являются предметом дискуссий[3]. Возможно, сыграло свою роль какое-то несоответствие культурных кодов древнерусской и монгольской культуры либо наличествовала неизвестная ныне договорённость между сторон, поскольку, несмотря на описанные осложнения, его род остался правителем фамильных земель. Как

---

[1] Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1911. С.8

[2] Там же.

[3] См. Шинаков Е.А. Монголо–татары и Подесенье в XIII в.// Studia internationalia: Матерриалы III междуеародной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С.25-27.

известно, Михаил Всеволодович Черниговский был впоследствии причислен к лику святых, а его смерть стала одним из ярких эпизодов рубежа новой эпохи русской истории.

Как бы то ни было, именно предварительное заключение некоего соглашения, направленного на избежание смены правящей династии и возникновения кризиса легитимности представляется наиболее вероятным условием прихода беглого князя в ставку Бату: эта явка, вероятно, была условием сохранения черниговских земель под властью черниговского княжеского рода. Тогда и казнь князя выглядит как *персональная казнь непослушного вассала* при общем нейтралитете либо подразумеваемой лояльности остальных потомков черниговских Ольговичей[1]. По всей видимости, именно введение конфликтной ситуации в рамки стандартного феодального решения удержало рассматриваемые черниговские (а в их составе и верхнеокские) территории от полной дезинтеграции.

Говоря о верхнеокских делах, стоит отметить, что смерть Михаила Всеволодовича фактически стала началом принципиально нового этапа в истории Верховских земель. С одной стороны, добровольная явка беглого правителя в Орду «на поклон к Батыю» подчеркнула реальность и, в определённой степени, «законность» перехода верховной власти на русских и черниговских землях к хану по праву завоевания. Начался процесс включения элементов существовавших на Руси управленческих норм в качестве составных частей монгольской общеимперской административной лестницы методами их частичного инкорпорирования и целенаправленной адаптации на основе уже сложившейся ранее управленческой системы. Падение Чернигова «смягчилось» плавным переходом локально-столичных функций к Брянску, функций имперско-столичных – в далёкий Карокорум, а фактически – в близкий Сарай. Для локального властного уровня изменения оказались незначительными: на местных столах находились представители легитимной династии, у которых и «болели головы» об уплате установленных податей и даней. Кроме того, вследствие

[1] Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.

изменения политических границ и центров силы, вновь заметно возросло транспортно-географическое значение речной сети, иных торговых маршрутов, как и в вятичские времена, во многом переориентировавшихся на Восток. С другой стороны, началась серия административных экспериментов новой власти, целью которой было нахождение оптимального соотношения между чёткостью исполнения местными правителями имперских законов, порядков, распоряжений и необходимостью понятно очертить границы их полномочий на местах, которые ранее фактически ничем, кроме обычаев и норм морали, не были ограничены.

Среди нестандартных для Руси управленческих экспериментов следует упомянуть эпопею с Ахматовыми слободами в окрестностях Курска в южной части старого Черниговского княжества в последней четверти XIII в. Важное замечание: летописи датируют события, связанные *с кульминацией* этого сюжета, с 1283-1284 гг., в то же время, проанализировав сообщения с точки зрения необходимости отладки управленческо-снабженческих схем, набора и подбора персонала всех уровней, организации производства и сбыта продукции, системы внутренней и внешней охраны, планировки и строительства обнаруженных не так давно постоянных зданий и решения большого количества прочих обязательных организационных вопросов, следует признать, что указанного двухлетнего периода для этого явно мало[1]. Весьма подробный разбор различных вариантов летописного рассказа был проделан В.А.Кучкиным[2]. Летописцы, в основном негативно настроенные в отношении татар, повествуют: «…бяше некто бесерменинъ… имя ему Ахматъ, держаше баскачьство Курьскаго княжениа, откупаша у Татаръ дани всякиа… Еже же къ тому наряди две слободы… и умножишася люди въ слободахъ техъ, со всехъ сторонъ сшедшеся… И пришедъ князь Олегъ и Святославъ съ Татары (от другого хана – М.А.), повелеша людемъ своимъ пограбити обе те свободы, а иных поимати, а иных поковати повеле, а

[1] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С.458-459.

[2] Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата// Средневековая Русь : [сб. ст.] / редкол.: А.А. Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. [Вып.] 1. С.5-57.

свои люди выведе в свою отчину»[1]. Обидившись за разорение слобод Ахмет пожаловался чингизиду Ногаю на беззаконие, получил войско и устроил карательную экспедицию, в результате которой уже княжества Олега и Святослава были разорены. Не поймав князей, «…изби бояръ… А трупья бояръ повеле по деревью извешати, отъимая голову и правую руку…»[2].

На следующий год князь Святослав убил двух соотечественников либо единоверцев Ахмета («2 бесерменина») и *более 30 человек русских дружинников*, упустив ахметовых братьев: «…саме 2 братеника бесерменина, та утекла. …А на заутреи въ понеделникъ побежа вся свобода та, и другая; и тако разоидошася обе свободе бесерменьские»[3]. Позднее, вернувшийся из Орды князь Олег убил *за разбой* уже князя Святослава, но это отдельная ветвь повествования, не имеющая отношения к рассматриваемому вопросу[4]. Не так давно появились сообщения о находке крупного золотоордынского поселения на Бесединском (Ратском) городище в 18 километрах от Курска, по всей видимости, представляющего собой те самые Ахметовы слободы[5]. Суть новаций, вносимых в администрирование созданием баскачеств, состояла в создании на черниговских землях *некняжеских* управленческих структур. Они, судя по всему, продемонстрировали вполне достаточную эффективность, но вследствие возможности возникновения конфликтных ситуаций, не были очень уж широко распространены.

К числу относительно удачных и ранее опробованных в других странах способов контроля локальных правителей относиться введение выдачи ярлыка в качестве подтверждения и утверждения полномочий и статуса князей. Многозначность слова «ярлык» в позднейших версиях русского языка всегда

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова. С.79-80.

[2] ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. С.206.

[3] Там же. С.207.

[4] См. Шинаков Е.А. Монголо–татары и Подесенье в XIII в.// Studia internationalia: Матерриалы III междуеародной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С.32-34.

[5] См. Енуков В.В. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды// Археология евразийских степей. №4. 2018. VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. С.47-52; Щавелёв С.П. Курская тьма в составе Золотой Орды// Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 232–236. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 05-01-72105 а/ц. Адрес в сети Интернет: http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vi/kurskaya-tma

добавляла излишнюю эмоциональную окраску характеристикам данного исторического явления. «Советская историческая энциклопедия» определяет, что ярлыки ханские «…являлись иммунитетными льготными грамотами, дававшимися ханами Золотой Орды… подвластным им светским и духовным феодалам. Я.х. утверждали русских князей на столах их княжеств»[1]. Таким образом, ярлык выступал в качестве юридически более развитого, нежели на западе континента, варианта традиционной европейской феодальной инвеституры, которая, в свою очередь часто сопровождалась вручением синьором своему вассалу не документа, но некоего символического предмета (кольца, скипетра и т.д.), подчёркивающего легитимность утверждаемой власти.

Прежние русские обычаи в этом отношении не отличались от общеевропейских: «...Всеволодъ великый князь посла сына своего Констянтина Новугороду Великому на княженье… И да ему отець крестъ честны и мечь, река: «се ти буди схраньникъ и помощникъ, а мечь прещенье и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя отъ противныхъ...»[2]. Символизм вручённых предметов прозрачен и понятен. По всей видимости, именно меч был на Руси первоначальным символом властных полномочий, как и в других европейских странах связанный с культом воинской доблести[3]. В этой связи, несложно отметить б*о*льшую развитость и даже «цивилизованность» письменного документа монголов в сравнении с сакральными предметами европейцев.

Строго говоря, даже понимание ярлыка как знака инвеституры суживает и примитивизирует реальное положение вещей, поскольку его функции были значительно важнее и шире: «…основным источником имперского права в Золотой Орде стали ханские ярлыки как акты высшей юридической силы, которые издавались по самым разным вопросам: были ярлыки-законы, ярлыки-послания, тарханные ярлыки…, ярлыки о назначении на должность…, ярлыки-

---

[1] Советская историческая энциклопедия. Гл.ред.Е.М.Жуков. Т.16. М.: «Сов. Энциклопедия», 1975. Стб. 977.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по списку Лаврентия.1872. С.400-401.

[3] Пономарева И.Г. Об обряде инвеституры в Древней Руси// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-23 ноября 2013 г. М., 2013. С.50.

предписания по отдельным вопросам»[1]. Таким образом, ярлык являлся понятием универсальным и представлял собой юридически оформленный формально структурированный нормативно-правовой документ, что подтверждает весьма высокую степень ордынской правовой культуры[2]. Полное правовое оформление введения нового князя в должность и на стол также сопровождалось особой процедурой, где каждое действие имело собственное значение: обязательная поездка в ставку хана с последующим ритуальным собеседованием, получение соответствующего документа (ярлыка), возвращение в своё княжество вместе с ханским послом и публичное обнародование содержания ярлыка[3].

Титул русского князя в XIII в. точно соответствовал монгольскому нойону - высшему уровню служилой знати, не относящейся к чингизидам. Русские великие князья соотносились с ***эке нойонами*** (старшими/великими эмирами), князья низкого уровня (удельные) – с обычными нойонами (эмирами)[4]. Указанный статус имел две черты, важные именно для русской высшей знати. Первая - совпадение родового характера правления и передачи должностей в первоначальной Монгольской империи, воспринятое улусом Джучи, и родового же в своей основе лествичное права наследования, принятого у Рюриковичей на Руси. Вторая - необходимость личного представления хану (в крайнем случае — персонально уполномоченному им лицу) и личного же получение ярлыка, подтверждающего право на управление княжеством, что вело к необходимости обязательного посещения ставки.

Первая особенность позволяет понять относительную лёгкость принятия русской знатью новых административных порядков, привнесённых Ордой в управленческий обычай Руси (в сочетании с военной победой, указующей, согласно воззрениям того времени, на реализацию подобным образом

---

[1] Почекаев Р. §3. Право Золотой Орды. Налогообложение. Придворный этикет и протокол// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань:Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С.179.

[2] См. Назипов И.И. Верховенство права Орды в русских землях как признак государственного ордынско-русского единства// Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 44. 2015. №23 (378). С. 13-17.

[3] Почекаев Р. Право Золотой Орды/ Ред. И.М.Миргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С.180.

[4] Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Дис. д.и.н. Воронеж, 2014. С.125-126; Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С.8, 9-11,14-17.

божественного промысла)[1]. Вторая особенность определяет, что каждый русский князь во второй половине XIII в. в целях окончательной легитимизации своего статуса владетеля той или иной территории совершал визит в ставку хана и, добившись личной аудиенции, получал соответствующий ярлык. Отказ правителя (или его замена своим родственником либо представителем) прибыть в ставку хана сразу же вёл к возникновению конфликтных ситуаций, мог вызвать отказ в инвеституре и даже передаче ярлыка на правление иному претенденту. Подобные прецеденты к тому времени наблюдались в государстве Сельджуков (также некоторое время бывших частью улуса Джучи), когда ярлык на правление в султанате был выдан *лично прибывшему* на курултай брату султана, из-за чего позднее (с 1249 г. по 1254 г.) на троне в Конье одновременно находились три конкурирующие брата-султана[2].

Понимание порядка передачи властных полномочий путём передачи ханом специального документа – ярлыка – позволяет достаточно чётко идентифицировать первого легального князя, прошедшего процедуру инвеституры на владение Черниговским княжеством – Романа Михайловича (Старого). Об этом свидетельствует упоминание Плано Карпини о встрече миссии с князем Романом, который «…въезжал в землю Татар и его товарищей» [3] (вероятно – княжеская свита) в 1246 г. Наличие «товарищей», по-видимому, указывает на подготовку к проведению церемониала личной передачи ярлыка из рук сюзерена. Существует мнение, что новая ветвь Ольговичей приняла «титул великих князей… подчеркивая, очевидно, свою независимость от великих князей владимирских и королей Руси (галицко-волынских обладателей), а также особые отношения с Золотой Ордой, прямыми вассалами которого они стали после гибели Михаила Всеволодовича»[4].

Вопрос о черниговском княжении как великом в тот период (в

---

[1] Селезнев Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 1. С. 18–24.

[2] Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. С.259-260.

[3] Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. СПб.: изд-е А.С.Суворина, 1911. С.62

[4] Войтович Леонтій. Княжа доба: портрети еліти / Л. В. Войтович. Ін-т українознав. Ім. І. Крип'якевича НАН України ; ЛНУ ім. І. Франка. Біла Церква: Олександр Пшонківський, 2006. С.419.

противопоставлении великому князю киевскому Александру Ярославичу и великому князю владимирскому Андрею Ярославичу) является дискуссионным. В то же время личный вассалитет князя черниговско-брянского непосредственно хану, полученный, вероятно, хронологически ранее передачи ярлыков на княжение владимирским Ярославичам, говорит о высокой вероятности наличия у него столь высокого статуса, что позднее неоднократно проявлялось в непосредственных обращениях к хану для разрешения ряда споров. По замечанию Е.А.Шинакова, произошло своеобразное отделение титулатуры от объекта непосредственного владения и «наименование «великий князь черниговский» означало… только переходящий титул»[1].

В то же время, нельзя говорить о полном подчинении всех сторон жизни русского общества нормам ордынской правовой системы: «ордынское право имело ограниченную сферу применения. …Право Золотой Орды … распространялось исключительно на отношения русских правителей со своими ордынскими сюзеренами и некоторые вопросы государственного и административного права… Внутренние вопросы в полной мере регулировались древнерусскими правовыми нормами. …Русские князья участвовали в военных предприятиях Золотой Орды и соотносили свою внешнюю политику с ордынской. Но при решении административных и экономических вопросов они опирались на традиционное русское право, лишь в особых случаях апеллируя к ханскому авторитету…»[2]. Отношения между княжествами даже одного великого княжения юридически и фактически являлись отношениями внешнеполитическими, а потому влияние на них ордынской правовой системы было чрезвычайно велико. Поскольку летописной фиксации подлежали, большей частью, *значимые события внешней и высшей внутренней политики*, тесно связанные с областью регулирования ордынского права, постольку прямое применение юридических

---

[1] Шинаков Е.А. Монголо-татары и Подесенье в XIII в.// Studia internationalia: Матерриалы III междуеародной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С.28; Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. С.45.

[2] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды/ Редактор И.М.Мнргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С.186-188.

норм Орды получило вполне широкое освещение в летописных источниках.

Перед началом изложения повествовательной части диссертации, представляется важным заранее уточнить некоторые терминологические вопросы. В данной работе используется термин «сюзерениально-вассальные взаимоотношения» как определение взаимодействия, которое возникает между значимыми участниками социальных (военно-политических) процессов в результате заключения договорённости между сторонами, в результате которой старшая сторона (сюзерен) обязуется предоставлять младшей (вассалу) земли (фьеф, лён, феод), иные материальные и нематериальные виды имущественных и властных полномочий взамен получая обязательства верной службы, исполнения указаний сюзерена в рамках, определяемых взаимно признаваемыми письменными либо устными правовыми нормами. Полнота степени соответствия этого термина действующим концепциям «феодального общества» не входит в число первоочередных задач работы: само понятие «феодализм» трактуется в настоящее время в европейской историографии не в качестве общественно-политической формации, но чаще как «историографический *конструкт*, обозначающий социальные, экономические и политические условия в Западной Европе в раннем средневековье …феодальные *ярлыки* утратили свою актуальность как термины для обозначения реалий средневекового общества»[1].

Социально-политическое устройство Золотой Орды как части единой Монгольской империи, а затем как обширного суверенного государственного образования имперского типа (в сферу доминирования и покровительства которого входили находившиеся в вассальной зависимости от её хана русские князья) вследствие его сложности и масштабности трудно сопоставить с весьма географически компактными европейскими образцами феодальной иерархичности. Не стоит забывать об обязательной искусственности и ограниченности происхождения *всяких* исторических и юридических терминов,

---

[1] «**Feudalism**, also called **feudal system** or **feudality**, French **féodalité**, historiographic construct designating the social, economic, and political conditions in western Europe during the early Middle Ages, the long stretch of time between the 5th and 12th centuries. …the feudal labels have lost their validity as terms to designate the realities of medieval society». См. Brown, Elizabeth A.R.. "Feudalism". Encyclopedia Britannica, 12 Feb. 2021, https://www.britannica.com/topic/feudalism. Accessed 25 April 2021.

характеризующих понимание феодализма как некой целостной формации[1]. В то же время не следует, по всей видимости, и полностью исключать употребление терминов «феодализм», «феодальный» лишь на основании их искусственности – обобщения и термины всегда искусственны и неполны в их попытке объективного отображения реальности[2].

Не уходя глубоко в теоретические детали, следует указать на явное наличие множества параллелей между европейским феодализмом и вассально-сюзерениальной системой, складывавшейся во взаимоотношениях между русскими князьями и ордынскими ханами: личная присяга вассала сюзерену, инвеститура (ритуальный предмет в Европе, документ-ярлык в Орде), обязанность по сбору в пользу сузерена установленных по единому нормативу налогов и податей, наличие земель прямо управляемых чиновниками сюзерена (сеньории и баскачества), право суда над подданными внутри собственных владений, взаимная обязанность защиты от внешней агрессии, подсудность вассала своему сюзерену (князя – только хану) и многое другое. Следует также помнить, что Великая замятня, ставшая рубежом этапа быстрого развития Орды, не дала возможности завершения полного процесса эволюции этого сложного и молодого государственного образования, ведь «XII – XIII вв. были временем возникновения феодальных по существу общественных отношений в самой Монголии»[3].

Различия между «классическими» феодальными отношениями и реальными формами подчинённости, прослеживаемыми в русских княжествах, по мнению автора, явно существовали. Среди них можно упомянуть, нетипичное для Западной Европы кланово-семейное наследование властных полномочий, основанное на традиционном русском «лествичном праве»; наделение не столько земельным «феодом», сколько правами по управлению и распоряжению

---

[1] См. Reynolds Susan. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon press, 1994. pp.66-73.

[2] Филиппов И.С. Размышления о книге Сюзан Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятии в современной медиевистике// Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Выпуск 76 (3-4). М.: Наука, 2015. С. 43-48.

[3] Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Издательство Московского университета, 1973. С.35.

территорией, сбору с неё налогов и податей; неясность в реализации принципа «вассал моего вассала не мой вассал» (впрочем, не очень-то распространенного и в Западной Европе, в частности, в Англии), кочевой характер ставки хана и ряд других. Представляется, что эти отличия, в большинстве своём, выглядят как региональные и незаконченные в своём развитии вариации близких, по сути, к хронологически параллельным европейским, социальных отношений. Недаром ещё К.Маркс, характеризуя особенности феодализма, порождённого активностью варягов Рюрика, указывал, что при этом князе и его потомках существовал «vassalship without fiefs, or fiefs consisting only in tributes» (вассалитет без феодов или феоды, состоящие из даней), что может говорить в пользу явного наличия здесь долговременной региональной специфики[1].

Вполне уместно, в этой связи, вспомнить ход и результаты так называемой второй дискуссии об «азиатском способе производства», имевшей место в отечественной исторической науке с 1957 по 1971 гг., после выхода в 1957 г. исследования К.А.Виттфогеля «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тоталитарной власти», проведшего ряд параллелей между устройством некоторых древних и средневековых обществ европейских и азиатских стран («гидравлическое общество», «азиатское общество», «тоталитарное общество» и т.п.) и управленческими теориями и практиками СССР, что вызвало в марксистской и научной среде бурную реакцию[2]. Строго говоря, эта дискуссия неформально продолжалась ещё несколько десятилетий – вплоть до момента упразднения СССР и даже несколько дольше[3]. Несмотря на ряд обозначенных непримиримых мировоззренческих позиций, в её ходе было

---

[1] Marx K. Secret diplomatic history of the eigteenth century. London: Wan Sonnenschein & C^{O}., Limited. Paternoster Square, 1899. p.76.

[2] Афанасьев О.А. Обсуждение в институте истории АН СССР проблемы «Азиатский способ производства// Советсткая этнография, 1965. №6. С.122-126; Гуревич А. Я., К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад// «Вопросы философии». 1968. № 2. С.115-123; Семенов Ю.И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации// Разложение родового строя и формирование классового общества / Отв. ред. А.И. Першиц; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1968. С.250-290; Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.: Наука, 1971. 288 с. и т.д.

[3] См. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации// Вопросы истории. 1992. № 4-5. С.52-72; Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система// «Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти», М.: Наука, 1993 год. С. 62-87; Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы) Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 406 с. и др.

выявлена гигантская вариативность управленческих и социальных практик, применявшихся в процессе формирования и функционирования реальных административных систем: как восточных, так и западных. Это позволяет (присовокупляя сюда проблематику, обозначенную С.Рейнольдс) утверждать, что простая совокупность выявленных признаков, подтверждающих «развитость», «неразвитость», «чуждость» и иные характеристики реально функционировавших общественных взаимоотношений, не даёт полных оснований для окончательного «ранжирования» тех или иных социумов по уровню их «развитости», «прогрессивности» либо «архаичности». Всегда существует опасность недооценки либо упущений реальных аспектов, влиявших на социум, но специфичных лишь для него и нехарактерных для иных обществ.

Возвращаясь к восточноевропейской истории XIII – XIV вв., следует отметить, что наличие в сложной внутренней управленческой структуре Золотой Орды многочисленных систем «сдержек и противовесов» (системы «четырёх правящих племён» и совета карачи-беев, тарханных владений и социально-групповых иммунитетов, легитимизация посредством курултаев и т.д.), явно ограничивавших возможность принятия ханом опасных управленческих решений, делает несколько поспешным рассмотрение её государственного аппарата, военных и социальных структур в качестве покорных проводников неограниченно деспотической власти[1]. Потому (во избежание излишней идеологизации и «клиширования») анализу в настоящей работе подвергаются именно *некоторые особенности отношений* «сюзерена» (хана) и «вассалов» (русских князей), что позволяет объективно анализировать информацию существующих источников и оправдывает использования приведённого выше термина для характеристики описанного в диссертации комплекса взаимоотношений.

---

[1] Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография/ Перевод с англ. яз. Ч.И.Хамидовой, Р.Хаутала; отв. ред. И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С. 185-196; Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. С.20-34; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Издательство Московского университета, 1973. С.109-144 и др.

§ 2. Становление земель Черниговского княжества в качестве владений вассалов Золотой Орды

Традиционные генеалогические древа возводят все княжеские династии Верховского (Верхнеокского) региона к сыновьям канонизированного православной церковью Михаила Черниговского: «Того же великого князя Михаила Черниговского сынове: князь великии Роман Черниговскии...; вторыи сын Мстислав Карачевскои и Звенигородскии; третеи сын Семион Глоуховьскои и Новосилскои; четвертои сын Юрии Брянскои и Тороускои»[1]. Примерно такую же (хотя и более развернутую) информацию дают поминальные списки предков (синодики, помяники)[2]. Кроме равенства происхождения, каждая субдинастия в лицах конкретных правителей имела ещё и подтверждения законности прав на свой стол в виде ордынских ярлыков. Подобное положение стало формальным поводом начала процесса окончательного дробления прежнего, формально единого, княжения на отдельные части.

Кстати, исследования демонстрируют высокую вероятность значительно более сложной схемы происхождения и наследования[3]. В частности, вероятно, ни один из основателей новых династий (по различным причинам) не мог быть сыном Михаила Всеволодовича: кто-то по причинам излишне близкого родства с известными супругами, кто-то - в силу чрезмерно большого хронологического разрыва между моментом своего рождения и деятельностью будущего святого, ряда иных обстоятельств[4]. В настоящее время конкретные подтверждения достоверности информации позднейших родословцев отсутствуют, не всегда ясно - являются ли эти данные самостоятельными либо внесены позднее. В частности, относящаяся к XV в. Ермолинская летопись под 1246 г. сообщает о сыновьях, внуках и последующих потомках Михаила Черниговского: «...князь великии

---

[1] ПСРЛ Т.28 Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1963. С.214-215.

[2] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С.190.

[3] Келембет С. Н. Великие князья Черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.)// Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 11. Минск: РИВШ, 2018. С.72-113.

[4] Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы)// Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2011. Вып. 13. С. 73-81.

Романъ Черниговскии, бездетенъ... вторыи сынъ Мстиславъ Карачевскои и Звенигородскии; третеи сынъ Семион Глуховьскои и Новосильскои; четвертои сынъ Юрии Брянскои и Торускои. У Юриа сынъ болшои Констянтинъ, а у Констянтина болшои Иванъ, у Ивана первое Никита, другое Василеи. Мстислава Корачевьскаго сынове: Титъ, вторыи Ондреянъ Звенигородскои. Титове сынове: Святославъ Олгердовъ зять; вторыи Иванъ Козелскои. Ондреяновъ сынъ Звенигородскаго Федоръ; Федоровъ сынъ Олександръ; Александровы сынове Глебъ да Иванъ; Глебове сынове Василеи да Иванъ да Федоръ; Ивана Олександровичя сынове Звенець да Ноздроватои»[1].

Указание на поздний характер данного сообщения даёт перечисление дальних потомков черниговского князя и деталей их жизни («Олгердовъ зять»), а также сама витиеватая титулатура самого Михаила Всеволодовича - «князь великии Михаило Черниговскии, сынъ Всеволожь, внукъ Олговъ, правнукъ Святославль, праправнукъ Ярославль, сына великаго князя Владимера, крестившаго русскую землю», которая намекает на конец XIV в., когда, в силу возникновения особой политической обстановки, многократно возросло почитание православного князя, пострадавшего за землю русскую[2].

Основоположниками новых династических линий были, вероятнее всего, представители черниговской династии, относившиеся к боковым её ветвям, и имевшие, в случае обычного развития ситуации, не очень высокие шансы на получение собственных наследуемых столов. Информацию же хроник и родословцев легко объяснить попыткой повысить престиж и статус живых представителей фамилии путём добавления (либо небольшого смещения) в список прямых предков пары-тройки особо знатных или прославленных родственников. Впрочем, прочими Рюриковичами принадлежность новых властителей к черниговской династии сомнению не подвергалась, что говорит о бесспорном признании их легитимности.

Согласно большинству существующих источников, княжество

---

[1] ПСРЛ. Т.23. Ермолинская летопись. Спб.: Тип-я М.А.Александрова, 1910. С.81-82.
[2] Там же, С.81.

Новосильское и Глуховское возглавил Семен Михайлович, Козельско-Карачевское – Мстислав Михайлович, Тарусско-Оболенское – Юрий Михайлович, Брянское – Роман Михайлович. Титул черниговского князя первым получил троюродный брат погибшего великого князя Всеволод Ярополкович, а затем уже его сын Андрей. В 1263 г. ослабевший Чернигов захватили литовцы, но вскоре были выбиты оттуда владетелем сильнейшего в регионе Брянского княжества Романом Михайловичем. Южные княжества – Курское, Рыльское, Воргольское и Липовецкое – прекратили существование к концу XIII в.[1] По всей видимости, все первые правители перечисленных княжеств участвовали в посольстве брянско-черниговского князя Романа, упомянутого в «Истории монголов» де Плано Карпини.

Инвеститура столь высокого уровня должна была подчёркивать особый статус князей, принимавших в ней участие и быть дополнительной защитой их столов и земель. Последующие же правители в обязательном порядке должны были получать собственные ярлыки в ханской ставке, чтобы избежать фактического отстранения от стола, как мы можем наблюдать и в русской истории и в ранее упомянутой истории изначально значительно более лояльных монголам сельджуков, также входивших в состав улуса Джучи[2]. Таким образом, черниговские (а в их числе и верховские) земли разделились на отдельные княжества, претендовавшие на самоуправление под общим сюзеренитетом монгольских (татарских) правителей. Начались процессы, в ходе которых бывшие вятичские земли, в своё время долго и медленно входившие в сферу древнерусской государственной системы, постепенно стали приобретать всё большую степень политической самостоятельности.

Возникшие во второй половине XIII в. на территории Руси (и Черниговского княжества в том числе) административно-государственные образования, а также их правители согласовывались и утверждались (в своих границах и на своих столах соответственно) монгольской администрацией на

---

[1] Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV в. С. 31.
[2] Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. С.259-260.

правах вассалов; новообразованные княжества признавались своими соседями продолжателями прежней черниговской государственной традиции, что придавало им высокую степень легитимности; князья, правившие в рассматриваемых княжествах, входили и являлись составной частью относительно единой родовой княжеской корпорации, возводимой к черниговскому княжескому дому; во главе черниговской межгосударственной родовой корпорации во второй половине XIII в. находились брянско-черниговские (брянские и черниговские) князья, соединявшие в себе легитимность династическую и старшинство политическое; сюзеренитет Монгольской империи и наследовавшего ей в Восточной Европе улуса Джучи над Русью большинством местных князей не оспаривался и признавался.

Как уже отмечалось, имеющихся в распоряжении исследователей документов явно недостаточно для полноценной реконструкции социальных и политических процессов, протекавших со второй половины XIII в. до второй половины XIV в. в тех северочерниговских княжествах, которые через некоторое время стали называть Верховскими. Поисками и попытками реконструкции черниговского летописания на протяжении полутора столетий занимались такие признанные научные авторитеты как Н.И.Костомаров, А.А.Шахматов, М.Д.Присёлков, Д.С.Лихачев, А.Н.Насонов, Б.А.Рыбаков, П.П.Толочко и многие другие. В основном они оказались безуспешны, поскольку обнаруженные признаки его существования и следы в сохранившихся летописных сводах явно недостаточны для полноценной реконструкции протекавших военно-политических, социальных, экономических и иных процессов. Основным письменным источником для воссоздания истории рассматриваемого региона является информация поминальных синодиков и преимущественно косвенные упоминания в хрониках регионов-соседей. Подобные ограничения в доступности материала для исследований сохраняются вплоть до последней четверти XIV в. Ситуация, сложившаяся на черниговских землях в тот момент, не была уникальной для русских княжеств, но здесь она была усугублена разрушением прежнего княжеского центра.

В условиях недостаточности информации о формировании и деятельности каждого отдельного княжества, из числа возникших на севере черниговских земель во второй половине XIII в., представляется перспективным осуществить изучение и анализ деятельности ближайшей к ним таксонометрической единицы более высокого ранга, составными частями которого они (отдельные княжества) являются. В нашем случае такого рода единицей выступают Брянско-Черниговское княжество и упомянутая ранее северо-черниговская княжеская корпорация, «следы» и результаты деятельности которых письменная история до нас донесла в несколько лучшей сохранности. Применение данного приёма позволяет построить логически непротиворечивую модель политической, военной и административной деятельности интересующей нас группы наследников древнего Черниговского княжения во второй половине XIII в. В то же время, её использование возможно лишь при постоянном учёте высокой степени вероятности различных флуктуаций, порождённых индивидуальными характеристиками акторов либо следствием различных внешних воздействий (к примеру, стороннего агрессора, активности различных внутриордынских партий и группировок и т.п.).

Первыми крупномасштабными мероприятиями невоенного характера, осуществлёнными создаваемым Монгольской империей управленческим аппаратом на территории Руси, было проведение переписей населения для формирования (используя современную терминологию) информационной базы о наличии различных видов податного населения на контролируемых территориях. Проведение столь масштабных и важных мероприятий в обязательном порядке должно было сопровождаться предварительным сбором и инструктажем управленческого аппарата, к которому с полным правом ныне относились русские князья, в том числе – все князья черниговского дома. Сомнений в проведении переписей на территориях, относившихся к Черниговскому княжению, нет.

Причинами, побудившие к проведению переписей, провозглашалось стремление к соразмерности обложения населения и избежание злоупотреблений: «…он приказал: Не допытывайтесь строго и не спорьте о минувших

обязательствах, ибо у нас намерение облегчить положение подданных, а не умножать богатства казны». … земледельцы, особенно [страдавшие] от множества причитавшихся сборов, повинностей и поборов, дошли до того, что урожая хлебов у них не хватало на удовлетворение половины причитавшихся сборов, – [Менгу-каан] приказал, чтобы простые люди из [числа] купцов, владельцев промыслов и ремесленников своим подручным оказывали снисхождение и уделяли [им] из своих благ и чтобы всякий безотлагательно уплачивал причитающийся с него с суммы сделки [денежный сбор] пропорционально количеству и достатку и исключая лиц, освобождённых от стеснительных обязанностей и повинностей согласно ярлыку Чингиз-хана и каана [Угедея]… Так как каждый работающий не может уделять ежедневно долю [своего заработка], [Менгу-каан] установил ежегодный налог… [Он приказал], чтобы сборщики податей и писцы не были пристрастны и лицеприятны, не брали бы взяток; налог с пастбища, который называют копчур, с каждого рода скота всякий, у кого будет сто голов, должен дать одну голову, а с [количества] меньше ста голов ничего не должен давать. А недоимки, где бы и за кем бы они ни оставались, с населения не брать»[1]. Таким образом, целями переписей были провозглашены борьба со злоупотреблениями, а система налогообложения выглядела «довольно мягкой»[2].

Имеются разной степени достоверности сообщения о, как минимум, трёх общерусских переписях, проведённых соответственно в 1245/46, 1257 и 1273 гг. В рассказе о судьбе черниговского населения после прихода монголов говорится: «тех же не по колецех временех осадиша в градех, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати»[3]. По версии цитированной летописи, именно эти события подвигли князя Михаила Всеволодовича к возвращению на родную землю. Упоминание такого рода событий имеется у Плано Карпини: «...В бытность нашу

---

[1] Рашид ад-Дин. Сборник летописей/ Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 2. С.141-142.

[2] Данилевский И.Н. Русские земли в правовой системе улуса Джучи// Труды по Россиеведению. 2016. №6. С. 206.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С.298.

в Руссии, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил... дань... »[1]. Перепись 1245 г., по всей видимости, была одной из причин (наряду с инвеститурами, определением порядка вассалитета и внутриимперского статуса) большого съезда русских князей в ставке Батыя[2]. Этот съезд точно соответствовал нормам монгольского права, требовавших обязательного сбора знати при решении важнейших вопросов (в монгольской традиции - курултая). Он формально завершил установление монгольского господства над русскими княжествами и закрепил местные столы за конкретными правящими родами.

Относительно недавно были опубликованы сообщения восточных источников, отмечавших, что в «...год гуй-чой (1253 г.) было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и асов»[3]. Мероприятие это, по всей видимости, носило общеимперский характер, так как согласно официальной хронике династии Юань «Юань ши» примерно тогда же была организована и проведена «регистрация простого народа в ханьских землях»[4]. Неясна локализация и всеобщность характера прошедшей переписи, вызывает сомнение и завершённость указанных действия.

Дата второй переписи — 1257 г. — подтверждена данными из северо-восточных княжеств: «Въ лето 6765 поехаша князи въ Татары… Тоя же зимы приехаша численици и исчетоша всю землю… В лето 6766 поехаша князи въ Татары… Тоя же зимы приехаша численици въ Владимеръ; и поехаша численики и князи чести Новгорода… и щетше Александръ же удержа Новгородци, и щетоша и много»[5]. Несложно заметить тесную связь предварительного съезда князей (русских нойонов-«улусников» - см.выше в этом же параграфе) с

---

[1] Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. СПб.: издание А.С.Суворина, 1911. С.33.
[2] Селезнев Ю.В. Дис. д.и.н. С.202.
[3] Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники. Пер., ред, сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП "Типография "Наука", 2009. С.208.
[4] Там же. С.190.
[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.71.

проведением переписи. Исходя из незавершённости во второй половине XIII в. процесса становления ордынской административной системы на Руси и неокончательную ясность ряда важнейших характеристик этой системы (в частности, не был определён важнейший принцип – являются ли русские земли землями Орды, подлежащими прямому управлению по имперским правовым нормам или ордынские нормы следует применять косвенно, через полномочия князей, которые являются вассалами великого хана), такая трактовка события выглядит наиболее правдоподобно[1]. Осуществление столь масштабного и значимого мероприятия явно требовало «сопровождения» местной чиновной властной вертикали, к которой относились и русские князья.

Передача сбора налогов откупщикам была обычна в этот исторический период, в то же время успешность данной операции, учитывая количество и ожесточенность протестных выступлений, подлежит большому сомнению. Негативные последствия передачи, после проведения второй переписи, сбора дани откупщикам-бесерменам проявились довольно быстро: «В лето [1262]...люди Ростовьския земля… изволиша вечь и выгнаша из городовъ. из Ростова. ис Суждаля, изъ Ярославля. окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть,. работяще резы и многы д[у]ши кр[ес]тыяньскыя разно ведоша»[2]. Третья перепись 1273 г. стала завершающей в череде статистических исследований, предпринятых ордынскими властями для организации соразмерного обложения населения.

Исходя из общепринятой ордынской практики, следует полагать обязательными съезды князей в качестве имперских чиновников накануне каждой из проводимых переписей в целях обеспечения правопорядка и оказания содействия «численникам». Можно предполагать подобные мероприятия относящимися к 1257 и 1273 гг., также как и наличие признаков более мелких территориальных переписей.

---

[1] См. Почекаев Р.Ю. И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси// Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6/ Под ред. д.ф.н. В.В.Милькова и д.и.н. П.И.Гайденко. СПб.; Казань, 2016.С.419-425.

[2] ПСРЛ. Т.1 Летопись по списку Лаврентия.1872. С.452-453.

За неуплату установленных платежей после проведения переписей со стороны ордынской метрополии на территорию различных русских княжеств последовало несколько серьёзных походов карающей направленности. Кроме того, летописцы сообщают о городских восстаниях и недовольстве населения в разные годы в Новгороде, Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле[1]. На этом фоне отсутствие упоминаний о недовольстве в ходе переписей на постчерниговских землях, по всей видимости, косвенно подтверждает более успешное их проведение в сравнении с русским Северо-Востоком либо относительно небольшие масштабы гипотетических инцидентов. Впрочем, подобного рода упоминаний нет и по другим княжествам, находившимся в сфере влияния администрации Ногая. Вероятно, относительно малая величина и традиционная (ещё с вятичских времён) закрытость крестьянских общин позволяла минимизировать личные княжеские потери от проведения точного учёта численности населения в ходе переписей и введения регулярного налогообложения. Кроме того, рассматриваемый регион в предшествующие времена отличался неплохим уровнем развития ремёсел и распространённостью промыслов, что давало определённые преимущества в условиях привязки системы налогообложения преимущественно к земледельческой деятельности.

Внешнеполитическая деятельность черниговского (брянского) князя и Черниговского (фактически Брянского) княжества (а следовательно, и деятельность «меньших» князей региона) во второй половине XIII в., может быть сведена к двум важнейшим процессам - оборона от внешних территориальных и политических претензий (в первую очередь, Смоленска и Литвы) и координация действий с новым ордынским сюзереном. По всей видимости, практически каждый поход и каждую битву с участием брянского князя либо его наследника можно трактовать как мероприятие с участием всех северочерниговских (а следовательно и верховских князей) ибо демонстрация верности старшему князю и сюзерену на поле боя является наиболее ярким и, с точки зрения представлений о воинской чести, самым обоснованным доказательством высоких личных качеств

[1] Там же. ПСРЛ. Т.1. Изд.4. 1927. Стб. 476, 526, 530,

каждого члена княжеского рода и княжеской фамилии в целом.

Летописи фиксируют под 1258/9, 1263, 1264 гг. военную активность Литвы, направленную против русских (в т.ч. черниговских в широком смысле, а затем и брянских) земель: «...иже велико оубиство творяше земле Черниговськои», «послалъ бяшеть Миндовгъ. всю свою силоу. за Днепръ. на Романа на Бряньского князя...», «...рать приде Литовьская. на Романа. он же бися с ними и победи я... и приеха во Брянескь с победою»[1]. Количество столкновений меньшего масштаба неизвестно. Чуть ранее, в 1257-58 гг., литовские войска атаковали Смоленск и Торжок[2]. Некоторая разбросанность летописных повествований не позволяет точно определить, чья же военная активность – литовская либо русско-ордынская – была изначальным поводом для открытия боевых действий, но столкновения произошли. Сил местных князей для решения «литовского вопроса» было недостаточно. Логичным следствием необходимости выполнять обязательства сюзерена по (возможно и превентивной) защите законопослушных вассалов (а среди пострадавших от литовских набегов был не только Брянск и подчинённые черниговские земли, но и прочие русские княжества, граничившие с Литвой) стал поход 1257-58 гг. на Литву полков татарских во главе с Бурундаем[3]. Долг хана-сюзерена таким образом выполнялся, хотя литовская угроза для брянско-черниговских земель и не была ликвидирована.

Затем последовали походы ордынских войск в Малую Польшу, с верхнеокским сюжетом очевидно не связанные. Именно к этому времени (1260 г.) относиться предполагаемое основание на берегу Оки баскаческого центра-заставы «тин Колыган» (греч. «τήν Κολούγάν»), предназначенного для обороны и налогового контроля окрестных территорий, гипотетически ставшего возможным началом современной Калуги[4]. Впрочем, общепризнанным считается первое

---

[1] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2-е. С-Пб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. Стб. 839-840, 860, 862. Летописные датировки могли быть смещены переписчиком.

[2] ПСРЛ. Т.3. С.82, 310; ПСРЛ. Т.4. Ч.1. Новгородская четвертая летопись. Выпуск 1. Петроград: Тип-я Я.Башмаков и К°, 1915. С.232; ПСРЛ. Т.6. Выпуск 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. Стб.334-335.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 846-84; Селезнев Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты. С.41.

[4] См. Горолевич И.Е. Древняя Калуга – «ниже памяти остались...» XIII-XIV века// История. Общество. Политика. Сетевое научное периодическое издание. 2019. №3 (11). С.24-45. http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2019-N3.pdf; Он же. Сражение, разрушившее «счастливый для нас союз, дело иоанновой

упоминание города в послании князя Ольгерда патриарху Филофею в последней трети следующего века, которое будет подробнее рассмотрено в настоящей работе далее.

Брянские князья черниговского дома во второй половине XIII в. ещё несколько раз отмечаются в качестве участников батальных и политических событий. В частности, князь Роман и его сын Олег упоминаются под 1274 г., когда, после просьбы Льва Галицкого, хан Менгу Тимур направил против «забывшего любовь Львову» литовского князя Тройдена «...Ягураина с ними воеводу, и заднепръскиа князи все да ему в помочь, Романа дебряньского и съ сыномъ Олгомъ, и Глеба князя смоленьского, инехъ князей много...»[1]. Ряд исследователей, прямо относят к числу «заднепровских» именно смоленских и брянских князей[2]. В таком случае, в число «инехъ князей» князья верховские, сопровождаемые своими дружинами, входить должны были обязательно.

Летописи отметили личную боевую доблесть брянского наследника Олега Романовича в этом походе: «...тъкмо Олегъ, сынъ Романовъ, притяглъ, пришелъ бо бяше напередъ с татары...»[3]. Во время возвращения из похода ордынскими войсками были разорены курская округа: «... около Курска ...и всюды и вси дворы, кто чего отбежалъ, то все пограбиша погании...»[4]. Вероятной причиной эксцесса со стороны войск сарайского хана, возможно, стала сыграла активизация в этих княжествах чингизида (правнука Джучи) беклярибека Ногая: разорение курской округи было обусловлено желанием досадить деятельному сопернику и конкуренту. Под 1285 г. упоминается поход князя Романа Брянского на Смоленск: «...Романъ князь Брянскый приходилъ ратью к Смоленску, и пожже пригородъ и

мудрости…»// Studia internationalia: Материалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» (2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С.45; 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.137.

[1] Галицко-Волынская Летопись. Текст. Комментарий. Исследование/ сост. Н.Ф.Котляр, В.Ю.Франчук, А.Г.Плахонин под ред. Н.Ф.Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. С.147.

[2] Селезнёв Ю.В. Заднепровские князья Галицко-Волынской летописи// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С.121-122.

[3] Галицко-Волынская Летопись. Текст. Комментарий. Исследование/ сост. Н.Ф.Котляр, В.Ю.Франчук, А.Г.Плахонин под ред. Н.Ф.Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. С.147.

[4] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. С.74.

отъиде всвояси»[1]. Рать эта, ввиду принципиальности противостояния, должна была включать дружины интересующих князей Верхнеокского региона. Масштабная военная операция одного «опекаемого» правителя против другого была, в условиях имперского контроля, возможна при наличии прямого поручения своего сюзерена либо при нелегитимности атакуемого. Правдоподобно выглядит предположение о наличии различных сюзеренов у конфликтующих сторон: вследствии активности Ногая, полагавшего своими вассалами всех русских князей запада и юго-запада, в том числе и брянско-черниговских. По всей видимости, именно принадлежность к проигравшей группировке Ногая стала причиной стремительной замены в последнем десятилетии XIII в. брянско-черниговских правителей из черниговских Ольговичей на смоленского Ростиславича в лице князя Василия Александровича.

Постриг в монахи мог для Романа Брянского стать альтернативой поездке в ставку хана, откуда он, как относившийся ранее (вольно или невольно) к проигравшей политической партии, вполне мог и не вернуться. Время правления его сына Олега Романовича точно не известно, ясно только, что после него князем в Брянске стал относившийся к смоленским Рюриковичам Василий Александрович. Рукописные святцы упоминают, что князь Олег Романович принял смерть, как и его отец, прибывая в монашеском постриге[2]. Быстрое разочарование в светской жизни доблестного князя (о чем говорилось выше) и довольно длительное пребывание в монашестве (что подтверждает крепость здоровья) наводят на мысль о присутствии в качестве важного фактора для принятия подобного решения воли ордынского правителя.

А.А.Горский определяет раннюю дату перехода власти в Брянске 1294 г., «в начале которого в Северо-Восточную Русь смогло прийти войско от Ногая», а позднюю относит к 1296 г., когда «...блокировались связи Ногая и его союзников на Севере Руси»[3]. Переписка рижского епископа со смоленским князем,

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Лаврентиевская летопись. Изд. 2-ое. 1872. С.459.

[2] Зотов Р. О черниговских князьях по Любецкому синодику. С.84-85.

[3] Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой// Отечественная история. 1996. № 3. С. 85, 92.

датируемая последними десятилетиями XIII в., также упоминает о брянском князе из смоленской династии[1].

Подобная замена должна была быть санкционирована только самим ханом. Возможно, князья брянские (в качестве великих князей курировавшие черниговский княжеский дом) зарекомендовали себя, во мнении противостоящей стороны, чрезмерно лояльными сторонниками Ногая, что и стало поводом потери княжения, после того, как чингизид Ногай был низложен собственным троюродным племянником Тохтой, ранее взошедшим к своему титулу при непосредственной поддержке троюродного деда[2]. Логичным следствием описанных событий стало изъятие ранее полученного (либо намёки на отсутствие шансов получения нового) ярлыка на Брянск и Черниговское княжение у прежнего обладателя. Но вот передача его представителю сторонней (смоленской) династии является событием необычным и нуждающемся в дополнительном рассмотрении.

Представляется, что особую роль в этих событиях сыграла близость к хану длительное время находившегося в Орде смоленского князя Федора Ростиславича, который, помимо прочего, был женат на дочери хана (предположительно, Менгу-Тимура), что помещало его в ордынской иерархии значительно выше любого русского князя[3]. Утверждение его внучатого племянника Василия Александровича на брянско-черниговском столе с изъятием того у клиентов «низложенного» Ногая находится вполне в русле ордынской административной логики: родственники (пусть и не кровные) Чингизидов всегда занимали значительно более высокую ступень, нежели любые представители местной знати, в данном случае — русские князья.

Вероятно, «в отсутствии правителя/ при его неявке» хан Тохта был «вынужден» искать ему замену, ориентируясь на советы «сведущего в местных

---

[1] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб.: 1857. Грамота III.

[2] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Ред. И.М.Миргалеев. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009. С.87-90.

[3] Селезнев Ю.В. К вопросу о хронологии пребывания в Орде Фёдора Ярославского// Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто (Москва, 18-20 апреля 2012 г.). Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С.225-230.

делах» Фёдора Ростиславича, который и мог рекомендовать своего молодого родственника. Таким образом, *передача стола, с точки зрения ордынской правовой системы, произошла не столько от черниговских Рюриковичей к смоленским, сколько от конкретного черниговского Рюриковича к некровному родственнику Чингизидов*, который «оказался» представителем одного из знатных местных родов.

Столь длительное изложение в настоящем тексте особенностей брянско-черниговской политики в контексте взаимодействия с соседними княжествами и ордынскими сюзеренами в отсутствие прямых упоминаний о событиях на Верхней Оке связано, в первую очередь, с их принципиальной важностью для возникновения и становления Верховских княжеств и правящих ими династий. Без упоминания описанных выше событий будущий административный и династический статус верховских князей может выглядеть как некий случайный и парадоксальный казус, хотя, в реальности, он был весьма логичным следствием сложных переплетений ордынских и русских династических и управленческих интриг.

Существует гипотеза, что замужество дочери Олега Романовича Брянского за одним из смоленских князей, давало смоленской династии некие права на брянско-черниговский стол, но такой подход к наследованию всё же не вполне традиционен для Руси[1]. Поиск удачных прецедентов наследования правящего стола по линии жены возвращает вновь к опыту всё того же Фёдора Ростиславича, женившегося на дочери ярославского князя Василия Всеволодовича и ставшего около 1276 г. ярославским князем: «…князь Феодоръ Роститславичь Ярославский, внукъ Мстиславль Давыдовича Смоленскаго. ...братья его… даша же ему единъ Можаескъ… а въ то время во Ярославли бе княгини Васильева Всеволодича внука Констянтина Ростовского со дщерью, сей же женися у нее, и того ради достася ему Ярославль»[2]. Указанные «исключения» отнюдь не демострируют особое

---

[1] Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь: [сб.ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. С.78-79.

[2] ПСРЛ. Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1856. С.173.

благоволение *ко всем* смоленским князьям, а являются следствие особого отношения *персонально* к Фёдору Ростиславичу, ставшего немного позже «ханским зятем». В ином случае (при передаче всего княжения другой династии), не ясно как бы могли сохранить прежние черниговские (и верхнеокские) владетели и их наследники (для которых брянский стол не был «чужой отчиной») свои столы в остальных постчерниговских княжествах и почему смоленские князья были ограничены переподчинением одного только Брянска.

Представляется вероятным, что санкции в отношении брянско-черниговского князя могли быть заявлены в качестве *персональных* и не относящихся к прочим северочерниговских родам. Также можно предполагать вероятность наличия у верхнеокских (верховских) князей собственных каналов коммуникации с ханской ставкой, что дало им возможность получить отдельные от Брянска ярлыки на княжение: хан, вероятно, не имел явных причин для изъятия ранее полученных *от него самого* ярлыков. И, конечно же, свою роль могло сыграть сложное сочетание всех выше перечисленные факторов.

На территории северных черниговских земель в конце XIII в. сложилась уникальная для Руси ситуация — центральный стол княжества был занят представителями одного рода, тяготевшего к соседним землям, столы же традиционно зависимые остались в руках прежних правителей. Легитимность всех подтверждалась законными ордынскими ярлыками. Следствием столь необычной ситуации стало начало постепенного политического и административного обособления верхнеокских княжеств (известных позднее как Верховские), территориально располагавшихся на том же важном транспортно-географическом узле (пересечение путей по Дону, Оке, Десне, Западной Двине и т.д.), что и предшествовавшая им Земля вятичей[1].

Одной из наиболее вероятных причин потери в последнем десятилетии XIII в. черниговской династией старшего стола в Брянске и переход его к смоленским Рюриковичам (роду Ростиславичей) следует полагать внутриордынский конфликт

---

[1] Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия// Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 2 (154). С. 67-75.

между ханом Тохтой и его двоюродным дедом беклярибеком чингизидом Ногаем, окончившийся поражением последнего. Результатом особого статуса князя Фёдора Ростиславича и специфических особенностей ордынской инвеституры стал переход брянского княжения к его младшим (смоленским) родственникам и сохранение младших столов в большинстве верхнеокских княжеств за местными правителями черниговской династии. К концу столетия на севере черниговских земель произошло их деление на управляемые князьями смоленской династии (собственно Брянское княжество) и прочие, управляемые князьями из черниговской династии. В результате, на северных территориях Черниговского княжества в конце XIII в. в бассейне Верхней Оки была заложена правовая основа для возникновения в дальнейшем группы суверенных административно-политических формирований, получивших в российской истории название Верховских княжеств.

§ 3. Рост самостоятельности Верховских княжеств. Катастрофы второй половины XIV в. и их политические последствия

Описанные выше нетривиальные события подчёркивают высокую ценность и статусность великого брянско-черниговского княжения. Официальная столица Черниговского княжества и резиденция черниговского епископа продолжала оставаться местом влиятельным, престижным и финансово перспективным: по данным Любецкого синодика последний брянский князь черниговской династии, принявший монашеский постриг, оставил «...двенадесять темъ людей»[1]. Данное сообщение даёт возможность нескольких вариантов своей трактовки.

Первый — простое указание на численность податного населения, проживающего в княжестве, полученного по результаты проведенных ордынской администрацией податных переписей. Принимая во внимание то обстоятельство, что, согласно бытовавшим тогда представлениям, в число учтённого населения включались, в первую очередь, уплачивавшие подати лица мужского пола, но исключались женщины, дети, старики и духовенство, численность брянских

[1] Зотов Р. О черниговских князьях по Любецкому. С. 26.

дворов в количестве двенадцати тем (120000) представляется очень серьёзной. Общее число подданых брянского князя, в этом случае, следует полагать значительно превышающем 300 тысяч человек. Общая численность населения всей Восточной Европы оценивается примерно в 9 млн. человек, так что общее население русских княжеств в этот период не должно было намного превышать половину от этого числа[1]. Указанный показатель численности податного населения выглядит, пожалуй, несколько завышенным.

Более вероятна иная интерпретация сообщения синодика. Советская историческая энциклопедия таким образом определяет «тумэн» (тьму): «(монг. - десять тысяч, тьма) — в 13-15 вв. - воен-адм. единица и одновременно феодальный удел в Монголии воинское подразделение в монг. армии и ополчении, составлявшееся населением из завоеванных терр. […собственно монг. войско насчитывало 40 «тём» вост. монголов и 4 «тьмы» ойратов [западные монолы]; ...территория, где проживало такое количество населения, к-рое могло выставить 10 тыс. воинов-аратов в ополчение»[2]. Представляется, что в синодике идет речь о территориальной единице «тьма» (тумен). Это, в свою очередь, даёт нам два возможных варианта трактовки: либо под контролем Брянско-Черниговского князя в конце XIII в. находилось 12 княжеств-«туменов», либо подконтрольные княжества были способны выставить 120-тысячное войско, что в определённой степени сопоставимо с мобилизационным резервом всей Монголии (и выглядит маловероятным).

При описании ситуации в традиционных монгольских терминах вырисовывается вполне адекватная картина. Применяемый в настоящей работе термин «улус» многозначен и его правомерно используют в разных значениях – от «орды», «империи» и «удела» до «региона» и «местности»[3]. В данном случае он, скорее, выступает в качестве аналога региона, обязанного выставить либо снарядить примерно тумен «тьму» воинов. Известны названия княжеств (малых

---

[1] Шевеленко А.Я. Демографическая заметка о Европе раннего средневековья// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М.: Наука, 1981. С.217.; Риер Я.Г. Историческая демография: учеб. пособие. 2-е изд. доп. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. С.69.

[2] Советская историческая энциклопедия. 1973. Т.14. Стб.503.

[3] Там же. Стб.786.

улусов), починенных брянско-черниговскому эке нойону (великому нойону) – великому (главному) князю: Брянский, Карачевско-Козельский, Глуховско-Новосильский, Воргольский, Липовицкий, Курский, Рыльский, Черниговский городской и пригородный, Стародубский, Трубчевский, Новгород-Северский. К сожалению, нет данных, каким образом (как одно либо как два) в тот период времени учитывались указанные выше «сдвоенные» княжества, имевшие в составе уделы меньших размеров, и входила ли в число подведомственных «тём» земля, условно именуемая Тульским баскачеством. В любом случае число таких «улусов» примерно соответствует указанному «двенадесять» (с учётом возможных коррекций во времени).

Для сравнения: в сфере ответственности налогового агента и эке нойона (великого князя) Владимиро-Суздальского можно выделить пятнадцать обычных налоговых улусов (княжеств): собственно Владимирское княжество, Суздальское, Ростовское, Переяславль-Залесское, Юрьевское, Углицкое, Ярославское, Белозерское, Стародубское, Нижегородское, Дмитровское, Московское, Тверское, Галицкое и Костромское княжества: «…дая емоу княжение великое, 15 темъ»[1]. В сфере контроля Рязанского великого князя — 5 достоверных княжеств-улусов: собственно Рязанское, Муромское, Пронское, Коломенское, Елецкое княжества. Под администрированием Смоленского великого князя находилось не менее десяти княжеств: Смоленское, Торопецкое, Вяземское, Мстиславское, Ржевское, Фоминское, Березуйское, Можайское, Дорогобужское и позднее Порховское. Таким образом, формальная величина и масштабы Брянско-Черниговского княжества были вполне сопоставимы с зонами контроля других великих князей (эке нойонов).

Таким образом, общая постановка вопроса об административном контроле (пусть иногда лишь формальном) брянского князя над дюжиной территорий выглядит вполне уместно. В этом случае подтверждается великокняжеский статус брянско-черниговского правителя, поскольку в его административном ведении в качестве ордынского вассала находилась весьма крупная группировка

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.68.

князей (нойонов) более низкого ранга, связанная со старшим не только административной подчинённостью, но и (в предшествующие смоленскому перехвату власти времена) отношениями глав старшего и младших родов. Безусловно, однозначное суждение о существовании в тот исторический период прямого формального соотнесения «тьмы», как единицы территориально-мобилизационного и административного учёта, с княжеством второго уровня нуждается в дополнительном изучении и рассмотрении, но, в качестве предварительной и правдоподобной рабочей гипотезы, требующей углублённого и специализированного исследовании, оно имеет право на существование и выглядит перспективно.

Интересно, что русские княжества долго сохраняли первую, наиболее архаичную форму внутреннего территориального деления, свойственного Орде, когда она была поделена на улусы, возглавляемые прямыми вассалами хана – темниками и родственниками хана[1]. В этом прослеживается прямое соотнесение русских князей с высшим слоем ордынской знати, не относимой к роду Чингиз-хана. В самой Орде такое устройство продержалось до 1313 г., после чего было кардинально реформировано ханом Узбеком, уничтожившим 120 Чингизидов и «еще больше менее знатных ордынских сановников, отказавшихся перейти в ислам» и поделившего Орду на 4 улуса во главе с улус-беками и 70 новых туменов[2]. В итоге, на основной ордынской территории появились (помимо резко сократившихся в числе улусов) территориальные единицы, не отражённые в реальности русских земель: области-велайаты, округа-беледы, ханские ставки, столичные и малые города[3]. Урождённые царевичи-чингизиды в такой ситуации были принуждены подчиняться намного менее знатным эмирам[4].

Парадоксальным образом это положение формально возвышало в

---

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV веках. М.: Наука, С.163-165; Пигарёв Е.М. Улус, область, округ Сарай// Археология евразийских степей. 2018. №4. VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. С.160.

[2] Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. И доп. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С.110-111.

[3] Пигарёв Е.М. Улус, область, округ Сарай. С.161-162.

[4] Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. С.111.

ордынской административной иерархии русских князей, сохранивших прежний «дореформенный» статус. Помимо того, получение персональных ярлыков на правление конкретными территориями конкретными князьями, относившимся к наследственно правившим этими землями родам привело к возникновению дополнительной правовой (и, следовательно, военно-политической) защиты со стороны ордынского сюзерена, без предварительного ведома и согласования с которым, ярлык (а следовательно и з*е*мли) отняты быть не могли. Наличие такого рода иммунитета на недобровольную передачу родовых земель (каковой можно было ожидать в условиях ослабления русских административно-политических образований), по всей видимости, является наиболее вероятным объяснением относительной устойчивости границ между многочисленными русскими княжествами в первой половине XIV в.

В подобных условиях смена династии на одном из русских княжеских столов могла быть санкционирована лишь на самом высоком уровне. При смене брянско-черниговского великого князя, по всей видимости, осуществлённой *как персональное назначение дальнего родственника ханской семьи*, сработала юридическая защита верхнеокских родовых земель, заложенная в ордынские ярлыки русских князей их двойственной природой — и как личного и как, в определённой степени, родового (учитывавшего традиционное преимущество конкретного рода) документа. Несмотря на успешное подчинение стольного Брянска в последнем десятилетии XIII в., в находившемся от него поблизости Карачеве вплоть до 1310 г. продолжал править князь, относившийся к черниговскому дому. Собственно Брянск ещё несколько раз переходил из рук в руки различных смоленских князей, но, несмотря на административное «черниговское» старшинство, судя по всему, он не рассматривался ими как равная замена Смоленску.

Постчерниговское пространство оставалось местом приложения многочисленных внешних воздействий, ведших к его фрагментации и дезинтеграции. В 1309 г., во время очередной смены правителя: «Святославъ Глебовичь выгна братаничя своего князя Василиа изъ Брянска, и самъ седе на

княжении въ Брянске. Того же лета князь Василей Брянский иде в Орду ко царю жаловатися на дядю своего, на князя Святослава Глебовичя»[1]. Ход этих событий получили своё отражение в летописном рассказе о путешествии митрополита Петра в Брянск в 1310 г. Вероятно, именно в этом эпизоде можно наблюдать первое прямое вмешательство Москвы (в лице её князя-авантюриста Юрия Даниловича) в дела постчерниговских княжеств. Принимая во внимание состоявшийся в 1303 г. переход к Москве (безусловно, с полного одобрения хана) прежде относившегося к Смоленску Можайского княжества, где Святослав Глебович правил до этого времени, интрига выглядит сложной и запутанной: «…князь Юрьи Даниловичь съ братьею своею ходилъ къ Можаиску и Можаескъ взялъ, а князя Святослава ялъ и привелъ къ собе на Москву»[2]. Прибытие митрополита Киевского и всея Руси Петра (перебравшегося из Киева во Владимир и поддержавшего претензии московского князя Юрия Даниловича на великое княжение в борьбе с Михаилом Тверским) в Брянск для встречи с Святославом Глебовичем, недавно отобравшим княжество у своего племянника Василия Александровича, выглядит заведомо неслучайным[3]. Митрополит, встреченный Святославом Глебовичем «со многою честию», сразу же предложил князю совместное с ранее изгнанным племянником правление Брянском, что представляется заранее подготовленным и согласованным компромиссным решением: «поделися, сыну, съ Васильемъ княжениемъ, или оступися ему, а самъ поиди прочь и не биися»[4]. А.А.Горский, в частности, увидел здесь признаки наличия старых связей между князем Святославом, Москвой, многочисленностью его двора и родственными контактами с вяземско-дорогобужскими князьями[5]. Хотя имеющихся источников пока явно мало для точного выяснения: был ли к этому времени можайский князь ставленником Москвы либо просто стал жертвой интриг и собственных властных амбиций.

---

[1]ПСРЛ. Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.1885. С.177.

[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. 1913.С.86.

[3] Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.)// Средневековая Русь. М.: Российское университетское издательство, 1996. С.87.

[4] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. 1913.С.87.

[5] Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С.86-87.

Несмотря на вероятные предварительные контакты с московским руководством, традиционно тесно контактировавшим с руководством Орды, против Святослава Глебовича была прислана ордынская рать в поддержку изгнанного князя Василия, поскольку «...бысть мятежь велий во граде въ Брянске»[1]. В битве князь Святослав был убит, митрополит Пётр укрылся в храме и не пострадал. Василий Александрович был восстановлен на княжении. Интересно, что аргументируя митрополиту необходимость сражения, Святослав Глебович ссылается на мнение горожан: «...Брянци мя не пустятъ, хотятъ за мя головы свои сложити»[2]. Эта деталь демонстрирует наличие каких-то специальных договорённостей князя с горожанами и, в сочетании с ранее озвученной информацией о последовавшем «велем мятеже», позволяет говорить о политической субъектности брянского городского социума.

Следует указать на чётко наблюдаемое игнорирование событий отцом изгнанного из Брянска князя – правящим смоленским владетелем Александром Глебовичем: его сын сразу отправился за поддержкой «к татарам», а не к родственникам. По всей видимости, полученные в отношении Брянско-Черниговского княжества полномочия никоим образом не предусматривали его слияния со Смоленскими землями, а выданный ярлык требовал исполнения обязанностей и обязательств, ранее возложенных на князей черниговской династии, без права изменения существующих административно-политических границ. Конкретный князь (оставаясь представителем своего рода) из Смоленска был приглашён возглавить брянско-черниговский ордынский великий улус, но в качестве верховного руководителя по воле хана, а не владетеля по праву наследования (хотя хан мог позволить его потомкам наследовать должность). Величина и границы податного большого улуса (Брянско-Черниговского княжества) оставались неизменны вне зависимости от происхождения эке нойона (великого князя) до тех пор, пока хан не принимал иное решение. В эту логику вполне укладывается подчёркнутое равнодушие хана к захвату Москвой ранее

---

[1] ПСРЛ. Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1885. С.177.
[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская. С.87.

смоленского Можайского княжества, поскольку оно до того момента, вероятно, не входило в число земель, охраняемых всей полнотой власти и обязательств ордынского сюзерена.

Следующим шагом князя Василия Александровича после восстановления его власти в Брянске стал поход на Карачев: «Того же лета князь Василей Бряньский ходи съ Татары къ Карачеву, и уби князя Святослава Мстиславичя Карачевскаго»[1]. Данное сообщение, несмотря на поздний характер Никоновской летописи, ложится в канву достоверно известных исторических процессов и позволяет сделать вывод о возложении вины за брянские события на происходившего из черниговского рода Святослава Мстиславича Карачевского, так как нападение совершалось вместе «съ Татары», явно признавшими его неправоту и принявшими сторону прежнего брянско-смоленского князя. По всей видимости, степень вины карачевского князя оценивалась как высокая (возможно, поддержка силового отъёма княжества, отданного ханским ярлыком, рассматривалась как действие, направленное на прямое противодействие воли хана, т. е. как разновидность предательства сюзерена), чтобы приговорить его к смерти. Ещё одно верхнеокское княжество перешло под контроль представителя смоленского княжеского рода. В то же время, прочие уделы Карачевско-Козельского княжества под контроль смолян переданы не были, что указывает на ордынскую оценку событий как *персональную* (но не родовую) ответственность за персональную же инициативу перехвата власти.

В литературе существует предположение, что «правители Золотой Орды с середины XIII в. вплоть до конца правления хана Узбека проводили политику по развалу и ликвидации Черниговского княжества», а также о том, что «князья черниговской династии в свою очередь пытались заручиться поддержкой союзников, способных противостоять Орде»[2]. В свете вышеизложенного подобное суждение выглядит не вполне обоснованным, исходя из того, что носителями антиордынских взглядов полагаются северо-черниговские потомки

---

[1] ПСРЛ. Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1885. С.178.
[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.119.

Ольговичей: отстранить князей черниговской династии хан мог собственным решением в любое время, а санкции последовали *только* после конкретных виновных действий. Можно предполагать, что старая династия (возможно, в лице семьи карачевского князя), используя связи с амбициозной Москвой и влияние на горожан, пыталась продвинуть на первый по статусу северо-черниговский стол более лояльного к ней претендента, но в своих начинаниях не преуспела, а лишь потеряла фамильный стол в Карачеве. Стоит отметить, что параллельно описанным событиям на Северо-Востоке Руси происходила эпопея московско-тверского противостояния, в которой митрополит Петр занимал явную промосковскую позицию, что могло повлиять и на активизацию внешнеполитической экспансии московского князя Юрия Даниловича, шедшего зачастую и против прямой ханской воли[1].

Важным событием для всей управленческой системы улуса Джучи стала смерть в 1313 г. хана Тохты (Токты). Новый правитель Узбек принял ислам и сделал его официальной государственной религией, что стало серьёзным обще- и геополитическим потрясением континентального масштаба: «...тогда Тохта царь умре, а новыи царь Озбякъ селъ на царстве и обесерменился»[2]. Анализ многочисленных последствий этого шага далеко выходит за рамки настоящей работы. Достаточно сказать, что принятие ислама способствовало установлению более тесных связей с восточными странами, принятию ряда общеисламских юридических и административных практик, но одновременно воздвигло между Ордой и её русскими вассалами ранее отсутствовавшие идеологические препятствия. Впрочем, положения православной церкви при дворе царя (хана) это событие пока не поколебало.

В соответствии с существующими порядками, все значимые должностные лица поспешили в Орду для подтверждения прежних и получения новых полномочий: «…и вся обновишася, и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи. ...милостию Божиею Петръ митрополитъ

---

[1] Горский А.А. Москва, Тверь и Орда в 1300-1339 годах// Вопросы истории. 1995. №4. С.35-37.
[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.87.

во Орде у царя бысть в чести велице»[1]. Неясно, случайны ли эти совпадения, но в том же году умер князь смоленский Александр Глебович, а его сын — упомянутый выше «новый-старый» брянский князь Василий — скончался на будущий год[2]. Сообщение об «обновлении» всех ярлыков и съезде для этого руководства всех властных светских и духовных властных иерархий указывает на явное участие в этих событиях верховских князей.

Период правления хана Узбека (1313-1341 гг.) и его сына Джанибека (1341-1357 гг.) традиционно считаются периодом расцвета Джучиева улуса[3]. Хан Узбек на протяжении всего периода своего правления «очень активно вмешивался в дела своих вассалов – русских князей... Узбек полностью отверг древнерусский лествичный принцип престолонаследия старшим в княжеском роду… За время правления Узбека в его ставке было казнено не менее десяти русских князей... Русские князья, напуганные его активным вмешательством в свои дела и многочисленными расправами с представителями княжеского рода, старались не давать поводов для новых опустошительных походов»[4]. Как часто бывает, именно при жёстком правителе начинается активный рост самых настойчивых, последовательных и гибких вассалов, в роли которых выступила московская княжеская династия, умело воспользовавшаяся специфическими особенностями характера нового правителя империи. Выверенная политика князя Ивана Калиты, действия его потомков и родственников втянули в орбиту московского влияния почти все северные русские княжества.

Начавшееся в XIV в. быстрое возвышение ранее периферийного и слабого Московского княжества в большой степени затрагивало различные аспекты существования княжеств, расположенных в бассейне Верхней Оки. Новые руководители Брянско-Черниговского княжества (а также родственные им правители Карачевского) как представители смоленской династии, были по должности кураторами прочих северочерниговских земель, но более

---

[1] ПСРЛ. Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб. 1885. С.178.

[2] Там же.

[3] Почекаев Роман. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека// Золотая орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С.244-264.

[4] Там же. С.250, 251.

ориентировались на первенство в родовых смоленских землях и в меньшей степени интересовались ситуацией на черниговском северо-востоке, если вопрос не касался установленных выплат в Орду. Сообщение о казни в Орде в 1326 г. князя Александра Новосильского прекрасно укладывается в отмеченную канву развития событий. Исходя из исторического контекста, можно полагать, что казнь эта стала негативным результатом участия верховских князей в борьбе между Москвой и Тверью за обладание великокняжеским ярлыком. Описание череды сложных интриг, войн и скандалов, ставших следствием упомянутой борьбы, само по себе весьма объёмно. Достаточно, по всей видимости, лишь процитировать летопись за 1325 г.: «поиде в орду князь Дмитрий Михаилович Тверский, и шедъ тамо уби великаго князя Юрья Даниловича, без царева слова»[1]. Деяние это не осталось безнаказанным, хотя принятие решения и кара и потребовали долгого ожидани: «осени, месяца септября 15, уби царь въ орде, про великаго князя Юрьа Даниловича, князя Дмитрея Михаиловича Тверьскаго, на Кондракле; и другаго князя ту же убиша, того же часа, Александра Новосильскаго»[2].

«Отложенная» кара за убийство без «царёва слова» указывает на вероятность присутствия интриг и осуществления некоего торга. Разрыв между преступлением и карой мог быть обусловлен также двойственностью личности убитого — Юрий Данилович был известным авантюристом и сумел совершить великое множество проступков перед Ордой, за меньшие из которых другие князья порой присуждались к смертной казни. До поры его оберегал статус некровного родственника Чингизидов (овдовевшего гургана). Но ярлык на великое княжение после казней был ханом демонстративно передан не в Москву, а родному брату казнённого князя Дмитрия Михайловича: тверскому «князю Александру Михаиловичу дано княжение великое и прииде изъ Орды и седе на великое княжение»[3].

---

[1] ПСРЛ. Т. 7-й. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Э.Праца, 1856. С.199.
[2] ПСРЛ. Т. 7-й. Летопись по Воскресенскому списку. С. 200.
[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.42.

В описании трагической судьбы Дмитрия Тверского можно предполагать намеренной летописную оговорку «без царёва слова», что отсылает к ордынской системе права, согласно которой «...подобное самоуправство в ханской ставке рассматривалось как оскорбление величества»[1]. Важнейшей представляется принадлежность убитого Юрия Даниловича к ханским зятьям («гурганам»), что автоматически уравнивало его в привилегиях с высшей монгольской аристократией и не позволяло ограничиться выплатой виры за убийство[2]. Значимым для данной работы обстоятельством является то, что оно до настоящего времени является первым достоверным летописным упоминанием собственно новосильских князей. Подробности и детали дела неизвестны: нет даже намёка на то, что официально было поставлено в вину князю Александру – соучастие в убийстве Юрия Даниловича, дружба с тверским князем, недонесение хану, иная персональная либо коллективная провинность.

Несмотря на лапидарность сообщения, новосильский князь в описанных событиях участвовал как самостоятельный исторический персонаж, несший ответственность в той же мере, что и тверской князь, боровшийся за ярлык на великое княжение. Конкретная вина князя Александра летописцем не указывается, но контекст весьма красноречив. Согласно информации Любецкого синодика, вместе с Александром (либо вслед за ним) был убит его сын Сергий, что привело к передаче Новосиля глуховской ветви рода: родословец поминает «Кнзя Александра Новосилскаго оубытого от татаръ За православную веру: Кнзя Симеона Александровича… Кнзя Сергия Александровича: оубыеннаго от татаръ»[3]. Факт одновременного упоминания смерти тверского и новосильского князей указывает на высокую вероятность существования между обоими казнёнными князьями каких-то особых отношений, поскольку к этому времени новосильский князь, согласно фактическому положению дел (замещения брянского и карачевского столов смоленскими князьями), являлся главой (либо

---

[1] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды/ редактор И.М.Миргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С.127.

[2] Там же. С.133.

[3] Зотов Р. О черниговских князьях. С.27.

одним из глав) обширного черниговского дома, в сфере влияния которого сохранялось ещё не менее десяти княжеств-улусов, что делало эту фигуру весьма значимой и влиятельной.

В это же время (1326-27 гг.) в ставке хана находились ещё два князя — московский Иван Данилович и рязанский Иван Ярославович. Живым и «с прибытком» вернулся только Иван Калита, а Иван Ярославович был казнён в 1327 г.[1] Все три княжества, потерявшие своих владетелей, граничили с растущей Москвой (Новосиль, как уже говорилось, явочным путём стал к этому времени самым крупным и, по-видимому, старшим столом для черниговского княжеского рода, к которому относились также князья Тарусские, Козельские и прочие меньшие ветви). Возможно, это совпадение, но выглядит правдоподобным, что московский князь мог принимать участие в решении вопроса о судьбе казнённых.

Последующее цитирование летописных сообщений обусловлено обязательностью участия в них князей из верхнеокских княжеств, хотя после событий, связанных со смертью князя Александра, прямой информации о верхнеокских землях и их князьях долгое время не поступало. Впрочем, можно отметить, что административно-налоговая подведомственность Брянску как центру большого улуса продолжала сохраняться. В то же время признаков установления более тесных контактов с владетелями подведомственных княжеств летописями зафиксировано не было: брянский князь осуществлял административное руководство, собирал и отправлял установленные дани и сборы. Даже дошедшие матримониальные известия повествуют о лучшем поддержании территориально дальних, а не близких династических контактов: «В лето 6838 оженися (тверской – М.А.) князь Василии Михаилович[ь] въ Дебрянске»[2]. Свадьба подразумевала приглашение верхнеокских соседей.

Западные летописи сообщают о резкой активизации в вопросе подчинения русских земель литовского князя Гедимина сразу же после принятия им власти в 1331 г., что вызвало конфликт с ордынскими вассалами, для защиты которых

---

[1] ПСРЛ. Т.1. Изд.2. Лаврентьевская летопись. С.503; ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.44.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.45.

были привлечены силы ряда русских княжеств, в том числе и Брянско-Черниговского: «Княжата… северские, видячи, же беда литовская наступует, збиралися до купы противко литвы. И так князь переславский Олег, а луцкий князь Лев… Роман бранский з рицерством и войсками, якые могли на той час згромадити, стягнулися на ратунок до Станислава, князя киевского»[1]. Князья русские были разбиты, а великий князь литовский Гедимин «...за едным звитязством монархию Киевскую, Волынские и Северские князства ажь до Путивля за Киевом на 50 миль и далей опановал, и до Литовскаго панства прилучил»[2]. Подобные сообщения подразумевают привлечение младших княжеств к оборонительным мероприятиям и подтверждают существование постоянного литовского фактора в качестве угрозы, нацеленной на вывод из-под ордынского контроля и подчинение русских земель.

Судя по всему, именно переплетение родственного соперничества с различными внутри- и внешнеполитических течениями и угрозами привело к последующему развитию ситуации. Летопись за 1334 г. сообщает: «...прииде ратью Дмитреи князь Бряньскыи на Смоленескъ съ Тотары Калънтаи и Чирича съ многыми воеводами и взяша миръ с Ываномъ»[3]. Ясно и чётко видна общая тенденция — контролируемое Джучиевым улусом Брянско-Черниговское княжество, вне зависимости от родовой принадлежности своего официального руководителя либо в его качестве как легитимного претендента на смоленский стол, имеющего поддержку хана, продолжает натиск на Смоленск. Учитывая общегосударственный характер организованного похода (поскольку отмечена «рать с Татары»), в нём в обязательном порядке должны были принимать участие войсковые соединения близлежащих верхнеокских княжеств.

По всей видимости, западная граница Джучиева улуса была зоной повышенного внимания и продолжала вызывать беспокойство. Под 1339 год имеется сообщение о большом походе на запад: «выиде изъ орды посолъ,

---

[1] ПСРЛ. Т.32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Беркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Издательство «Наука», 1975. С.37.

[2] Там же. С.38.

[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб..47.

именемъ Товлубии, егоже царь послалъ ратью къ городу къ Смоленьску, а съ нимъ князь Иванъ Коротополъ Рязанскии. …поиде ратию ис Переславля къ городу къ Смоленьску, а князь велики Иванъ Даниловичь послалъ же свою рать съ Товлубьемъ къ Смоленску по цареву повелению, а отпустилъ князя Констянтина Суждальскаго, князя Костянтина Ростовскаго, князя Ивана Ярославичя Юрьевьскаго, князя Ивана Дрютскаго, Федора Фоминскаго, а съ ними воеводу Александра Ивановичя, Федора Акинфовичя. И стоявши рать у Смоленьска немного днеи, и отступивъ поиде прочь, а города не взяша»[1]. Поздняя Никоновская летопись уточняет, что, помимо перечисленных, в войске были «...князь Менгукашъ и инии мнози князи съ Татары, послани царемъ Азбякомъ къ Смоленску ратью. ...и баскаки, и Мордовскиа князи съ Мордовичи. И прешедше подъ Смоленскъ посады пожгоша, и власти и села пограбиша и пожгоша, и подъ градомъ немного дней стоаше, и тако Татарове поидоша во Орду со многымъ полономъ и богатествомъ, а Рустии князи возвратишася во свояси здрави и цели»[2]. Столь масштабный по числу участников поход не мог не затронуть Верхнюю Оку и должен был иметь весомые причины, среди которых литовская угроза напрашивается в качестве одной из наиболее вероятных. Не совсем ясно, имеет ли к данному походу отношение информация Никоновской летописи о предшествующей описанному походу войне с Литвой, но определённая логика в этом прослеживается, т.к. «...татарове воеваше Литву»[3]. Хан обоснованно опасался выхода Смоленского княжества из сферы ордынского контроля и сговора с Тверью после казни тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора, поскольку и Александр Михайлович и смоленский князь Иван Александрович по разным причинам в разное время признавали старшинство (а по сути личный вассалитет) литовского князя Гедимина[4].

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.92-93.

[2] ПСРЛ. Т.10. Изд.1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Ноконовскою летописью. СПб. 1885. С.211.

[3] Там же. С. 208.

[4] Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. С.88; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С.343.; Смоленские грамоты XIII-XIV веков. Под ред. Р.И.Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С.70

К тому же 1339 г. относится гибель козельского князя от руки родного племянника: «Тое же зимы убиенъ бысть князь Козельскыи Андреи Мьстиславич[ь] отъ своего братанича отъ Пантелеева сына, отъ окаанного Василиа, месяца июля въ 23, на память святаго мученика Трофима»[1]. Летопись особо оговаривает, что поход князей с татарами на Смоленск и убийство князя Андрея произошли «в зиму», явно связывая их между собой, что можно трактовать как намек на описание военных событий либо на наличие какой-то иной связи между этими событиями.

Датировка 23 июля по старому стилю соответствует и ныне празднуемому (5 августа по новому стилю) дню поминовения святых Трофима (Ликийского), Феофила и тринадцати мучеников, отказавшихся принести жертву идолам, невредимыми вышедших на перебитых ногах из огня, в котором их пытали римляне-язычники, но впоследствии обезглавленных. Её указание монахом-летописцем является прямым намёком на «языческий» фактор, хотя и неясно, кого в данном контексте считают язычниками — литовцев или татар. В свете предполагаемого тверского генезиса источника, автор должен быть, скорее, «против татар» – в этом случае, сочувствие убитому Андрею Мстиславичу показывает большую вероятность принадлежности его к предполагаемой литовско-смоленско-тверской коалиции. Это позволяет предположить, что с 1326 г. (казни Александра Новосильского) и в последующие десятилетия (по меньшей мере по 1339 г.) прослеживается *тенденция установления представителями верхнеокских княжеских родов особых отношений с князьями тверскими и, вероятно, литовскими.*

Верхнеокские князья наверняка присутствовали на общерусском княжеском съезде в Орде в 1340 г.: «...вси князи тогда въ Орде были»[2]. Событие, летописцем связываемое со смертью московского князя Ивана Даниловича, по всей видимости имело и иные смыслы, поскольку после него прошёл отдельный княжеский съезд в Москве: «бысть съездъ на Москве всемъ княземъ Роусскымъ и

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.52.
[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.53.

поиде князь велики Семенъ Иванович[ь] ратию къ Торжку… и вси внязи съ ними и пресвященныи Фегнастъ, митрополитъ всея Руси съ нимъ же, взя на нихъ черныи бор»[1]. Вряд ли «вси князи» и метрополит неожиданно бросили все свои дела для сбора обычного новгородского «выхода» в Орду. Скорее всего, речь шла о втором «выходе» («черном боре») по требованию хана, предъявленного ещё князю Ивану: «…прося другого выхода: «а еще даите ми запросъ цесаревъ»[2].

Рассматривая статьи летописей за 1340 г., сложно отделаться от мысли о возможности ошибки в их датировке, так как в отдельных чертах описанные события практически повторяют рассказ от 1310 г.: «Тое же зимы, месяца декабря 6, убиша Брянцы князя Глеба Святославича, выведши изъ церкве святаго Николы; бе же въ то время въ Бряньсце и митрополитъ Феогнастъ, и не возможе уняти ихъ»[3]. Поразительно сходство с событиями 30-летней давности: восстание горожан против своего государя одновременно с присутствием в городе русского православного первоиерарха подтверждается и другими сообщениями с небольшими уточнениями: «Тое же зимы сшедшеся злыя коромолници вечемъ Брянци убиша князя Глеба Святославича, месяца Декабря въ 6 день, на память святого отца Николы. Тое же зимы бысть великъ съездъ на Москве всемъ княземъ Русскымъ»[4]. Отрицательная характеристика, данная брянцам московским летописцем - «коромолници» - показывает вероятную нежелательность этого выступления для Москвы. С другой стороны, последовавшие вскоре действия должны были нивелировать потерю дружественного брянского князя, о чем говорит прошедшее вскоре бракосочетание дочери нового брянского князя с московским князем Иваном Ивановичем (будущим Иваном Красным): «Тое же зимы князь Иванъ Ивановичъ оженися у князя Дмитрея у Брянскаго»[5]. К сожалению, его первая жена, судя по всему, вскоре скончалась. Ситуация с Дмитрием Брянским также далека от прозрачности.

Весьма симптоматично, что в рассказах 1310 и 1340 гг. фигурируют в

---

[1] Там же.
[2] ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись. С.350.
[3] ПСРЛ. Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. Спб.: Тип-я Э.Праца, 1856. С.206.
[4] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. Спб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. С.93
[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.94; ПСРЛ. Т.10. Изд.1-е. 1885. С.213.

качестве значимой и действенной силы горожане Брянска. В первом эпизоде как фактор, учитываемый князем в качестве значимого для принятия решения о вступлении в безнадёжный бой: «...Брянци мя не пустятъ, хотятъ за мя головы свои сложити»[1]. Во втором — как «сшедшеся... вечемъ Брянци» с указанием, что они «злыя коромолници». Вероятно, роль возглавляемой лучшими людьми городской общины стольного города всё ещё была достаточно высока, чтобы оставаться весомым аргументом как во внутренней, так и во внешней политике. Высказываются даже предположения об отнесении Брянска и Карачева (возможно, Стародуба и Трубчевска) середины XIV в. к особого «…типа субгосударствам», в которых «…республиканских институтов власти… нет. Но отсутствует и наследственная … монархическая власть. Князья приглашаются боярством городов и волостей, с ними заключается «ряд» на основе «уставных грамот»[2]. Возможен и особый статус «стольного города», пусть и не дотягивающий до уровня города-«господина», т.е. полностью *самоуправляемого* городского поселения, но имеющего особые права в отношениях с местным князем.

Быстрая реакция Литвы на московские действия в пограничье подтверждает возможное наличие тесного взаимодействия между Смоленском и Вильно: немедленно последовавшая литовская военная кампания 1341 г. против захваченного московским князем Можайска была бы неосуществима без свободного прохода и организации снабжения литовского войска через смоленские земли: «Тое же осени месяца Октября въ 1, въ Покровъ святыа Богородица, пришедшее и самъ Олгердъ, Литва ратью къ граду Можаиску, посадъ пожгли, а города не взяли»[3]. В череде событий достаточно чётко видна цель Смоленска – «ограничить влияние Москвы (а следовательно и Орды как её сюзерена — М.А.А.) на политическую жизнь восточных территорий

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.87.

[2] Шинаков Е.А. Политический статус Брянского княжества в сравнительно-историческом аспекте (к вопросу о «демократических» тенденциях в русской истории)// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Москва, 19-20 сентября 2009 г. М: Изд-во МГУ, 2009. С.37; Он же. О степени суверенитета Брянского княжества и «республиканских» тенденциях// Брянский политологический вестник. Выпуск 1 (4). Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2002. С.68-69.

[3] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись.1913. С.93; ПСРЛ. Т.10. Изд.1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Ноконовскою летописью. СПб. 1885. С.213.

земли. ...Частично это ему удалось»[1]. Агрессивные действия против Смоленска лояльных ордынской власти князей демонстрируют явное присутствие признаков его выхода из-под ордынского контроля. Подобная реакция вполне объяснима, поскольку «следствием взаимного сближения Смоленска и Вильны в этот период становится вероятнее всего значительное сокращение, а, возможно, и полное прекращение выплаты татарской дани смоленскими князьями»[2]. Впрочем, последовавшее после военных действий бракосочетание московского княжича с брянско-смоленской княжной может быть рассмотрено и как попытка исчерпать взаимные претензии.

Наглядную иллюстрацию степени взаимодействия московских князей с ордынскими сюзеренами даёт анализ количества поездок князя Симеона Ивановича Гордого, который за 35 лет своей жизни, из которых он 13 лет был великим князем владимирским и князем московским, совершил по разным поводам 8 поездок в ставку хана и провёл при ордынском дворе порядка 4 лет[3]. Значительная часть этих визитов имела отношение к решению вопросов соперничества с Литвой и её союзниками, в числе которых не последнее место занимал Смоленск. Перипетии московско-смоленско-литовской борьбы не являются темой настоящего исследования, за исключением того обстоятельства, что под контролем смоленскими князьями находился стольный город Черниговского княжения – Брянск, что, в условиях описанного противоборства, повышало степень самостоятельности Верховских княжеств.

Отношение хана Джанибека к русским землям традиционно считается несколько более мягким, нежели отношение его отца Узбека. В частности, казней русских князей в ханской ставке по его приказу не зафиксировано. В то же время, летописи, написанные монахами, не очень добро поминали его отношение к церковным привилегиям: в 1342 г. «митрополит Феогност прииде из Орды на Москву, много же и пострада в Орде, обадиша бо его къ царю и емше мучиша его,

---

[1] Ластовский Г.А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI веков. Минск-Смоленск: 2001. С.42.

[2] Там же. С.38

[3] Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII – XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. С.399.

а ркуще: «даваи дань полетнюю». Он же в то не вдася и положи посула 600 рублев»[1]. Впрочем, по всей видимости, обязанность заботится о различных религиозных организациях были распределены ещё между жёнами отца правящего хана, а его мать «...Тайдула выступала в роли покровительницы всех христиан»[2]. Здесь явно прослеживается политико-технологическое разделение — хан строг, его мать — добра и заботлива.

Следует отметить в качестве постоянной тенденции (за редким исключением) сокращение контролируемых Верховскими княжествами территорий. Некоторые переходы права собственности довольно безобидны и вполне законны: «...купил Петр митрополит, земли и воды и борть, что будет ни потягло издавна к Олексину...»[3]. Датировка упомянутой сделки ориентируется на владимирский период митрополита: после переезда из Киева во Владимир в 1309 г. и до его смерти в 1326 г., так как вряд ли бы интерес к этим северным землям мог быть проявлен при нахождении в Киеве. В роли продавцов земли и угодий здесь, судя из известной обстановки, выступали Тарусские князья[4]. Другой вполне мирный эпизод: в докончании московского великого князя Симеона Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем, датируемом приблизительно 1350 г., упоминается, «...что есмь прикупил Забереги»[5]. В духовной грамоте того же московского князя указывается волость «...Заберегъ, что есмь купил оу Семена оу Новосильског(о)»[6]. Уточнение датировки позволяет отнести факт купли к 1348 г. или несколько ранее[7]. Судя по всему, волость была остатком прежних черниговских земель по р.Протва и была окружена московскими и рязанскими территориями. Потому и переход права её налогового

---

[1] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С.175.

[2] Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2004. С.46.

[3] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV - XVI веков. Часть первая. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.: Издательство АН СССР, 1951. С.23

[4] Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII - XV в.// Средневековая Русь.Вып. 5/ Отв. Редактор А.А.Горский. М.: Издательство «Индрик», 2004. С. 176.

[5] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.12.

[6] Там же. С.14.

[7] Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII - XV в.// Средневековая Русь.Вып. 5/ Отв. Редактор А.А.Горский. М.: Издательство «Индрик», 2004. С.150.

администрирования должен был выглядеть для хана вполне приемлемо ввиду традиционной лояльности московских князей. Анклавный характер новосильских владений на Протве подчёркивает уже завершённое к этому времени освоение усилившимися соседями прочего черниговского наследства, оставшегося без защиты в момент общего падения прежнего княжества. Началось «переваривание» остатков.

На фоне растущих агрессивных соседей, фактически потеряв уже второй стольный город — Брянск — верховские князья черниговской княжеской династии могли рассчитывать, в первую очередь, не на силу оружия или финансов, а на поддержку политических и военных тяжеловесов-соседей. В первое столетие после монгольского завоевания сохранению ими фамильных княжеств способствовала уже упомянутая специфика ордынских вассально-сюзерениальных отношений, давшая прочную защиту всех видов как вассальным князьям, так и наследуемым фамильным землям. Затем, по мере усиления окрестных центров политической силы, верховские владетели перешли к поиску полезных союзов с ними в разных конфигурациях, в определённой степени сохраняя и прежнюю защиту Орды. Сложившаяся к 40-м гг. XIV в. на Руси административно-политическая система выглядела весьма прочной и устойчивой.

До настоящего времени не вполне оценённой по значимости исторической темой, оказавшей огромное воздействие на политическое положение всех русских княжеств и князей в системе ордынского управления и на ход исторических процессов в середине XIV столетия является проблема Чёрной смерти – начавшихся в это время и следовавших друг за другом эпидемических волн бубонной чумы (либо бубонной и лёгочной чумы), отягощённой различными инфекционными заболеваниями[1]. Летописи чётко определяют её первое появление 1346 годом. «Въ лето 6854 …казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточную страною на городъ Орначь, и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежъ, м на прочие грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены, и

[1] Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия// Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С.99-100.

на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всехъ тамо живущихъ, яко не бе кому ихъ погребати...»[1]. Довольно скоро заболевание перекинулось на юг средиземноморской Европы.

Обстоятельства распространения чумы в европейских странах и печальные последствия эпидемии для развития европейских государств и культуры достаточно хорошо исследованы. Серьёзных последствий для Руси и даже для государственных институтов Орды, по общему мнению специалистов, первая волна (1346-1347 гг.) не имела[2]. Из значимого для Верховских земель следует отметить разве что сокращение объёмов нацеленной на Северное Причерноморье торговли по донскому пути и, предположительно, потерю экономического значения мастерских так называемого «Тульского баскачества» (что будет освещено далее). Более того, несмотря ни на что продолжался «расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке - со второго десятилетия до 60-х годов XIV в.»[3]. Строительная активность и экономическое развитие ордынской империи не останавливалось, несмотря на значительные демографические потери от эпидемии: «К середине XIV в., когда Золотая Орда достигла наивысшего расцвета, города уже не были исключительным явлением в степях. В различных частях государства появляются обширные районы оседлости не только с городским, но и с сельским населением. ...В результате тесного союза степи и городов, бурного развития ремесла и караванной торговли и образовался тот специфический экономический потенциал, который длительное время способствовал сохранению мощи Золотой Орды»[4]. Для развития и поддержания устойчивости Верховских земель, стоявших на пересечении нескольких важнейших торговых маршрутов, указанная особенность социально-экономической организации ордынского общества выглядела весьма благоприятной и перспективной.

---

[1] ПСРЛ. Т.7. Воскресенская летопись. Спб.: тип-я Э.Праца, 1856. С.210.
[2] Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Указ.соч. С.101.
[3] Егоров В. Историческая география Золотой Орды. С.78.
[4] Егоров В. Историческая география Золотой Орды. С.140.

Несмотря на огромные демографические потери, функционирование государственных механизмов Орды осуществлялось вполне успешно. Русские князья продолжали ездить к Джанибеку, несмотря на болезни, решая вопросы чрезмерной активизации Литвы, которая не прекращала свой поход на западные русские княжества. В частности, в 1348 г. «...князь великии Семенъ, погадавъ съ своею братьею, съ княземъ с Ываномъ и съ Андреемъ, и съ бояры, и посла в Орду… къ царю жаловатися на Ольгерда. И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердъ съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ»[1]. Никоновская летопись уточняет жалобу: «…улусы твои все высекъ и въ полонъ вывелъ, а еще хощеть и насъ всехъ вывести къ себе въ полон, а твой улус пустъ до конца сотворити»[2]. чётко прописывается обозначение русских земель как вассальных ордынских улусов, нуждающихся в защите от внешнего агрессора со стороны сюзерена.

Также последовательно прослеживается и линия демонстративно справедливого отношения ко всем своим подданым (равенство перед судом хана), в частности «того же лета князь Темирь Ординский приходи ратью ко граду Алексину святаго чюдотворца Петра, митрополита Киевъскаго и всея Русии, и посадъ пожже, и со многымъ полономъ возвратися во Орду; но Богъ… отъмсти праведънымъ своимъ судомъ: убиша бо его его же слуги Татарове во Орде того же лета, и тако окаянный зле погибе и з чяды своими»[3]. Преступник понёс жестокое наказание от хана, хотя и было отмечено его знатное происхождение («князь»). Сообщение имеет достаточно высокую достоверность в силу принадлежности города находившемуся в Москве митрополиту – Алексин размещался как раз на Верховских землях.

Продолжалась борьба за Смоленск, в которой явственно усиливаются литовские мотивы. В 1352 г. «...князь великии Семенъ Ивановичь сбравъ воя многи, и поиде ратью къ Смоленску въ силе тяжце и велице, а съ ним братья его

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись.1913. С.96.

[2] ПСРЛ. Т.10. Изд.1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб. 1885. С.219.

[3] Там же. С.220

князь Иванъ, князь Андреи и вси князи съ ними, и дошедше Вышегорода на Поротве, ту усретоша его послове от князя Литовскаго, отъ Олгерда со многими дары о миру. Князь же великии Семенъ, не остави Олгердова слова, миръ взялъ, а послы отпустилъ с миромъ, а самъ подвижеся еще къ Угре, хотя ити къ Смоленьску, и ту приехаша къ нему послове Смоленскыя. Князь великии стоялъ на Угре недель 10, оттоле своя послы посла въ Смоленескъ, и миръ взяша, а самъ увернулъся на утре и поиде къ Москве и рати розпусти, и разъехашася»[1]. Учитывая продолжавщийся контроль представителей смоленской династии над Брянском, можно констатировать фактический распад к тому времени прежнего большого Брянско-Черниговского княжества, так как княжества Верховские оставались частью ордынской административной системы. Юридически же распад был оформлен несколько позже.

Под 1352 г. фиксируется приход чумы на Русь уже из Европы: «Бысть моръ селенъ велми во Плескове»[2]. Дальше зараза распространялась стремительно: «Того же лета бысть моръ силенъ в Новеграде прилучися приити на ны, по человеколюбию божию, праведному суду его; вниде смерть въ люди тяжка и напрасна, от госпожина дни почалося нольне и до велика дни, множество бещислено людии добрых помре тогда. Сице же бысть знамение тоя смерти: хракнетъ кровью человекъ, и до треи день бывъ да умрет. Не токмо же въ едином Новеграде бысть сиа смерть, мню, яко по лицю всея земъля походи… Тои же весне преставися Феогнастъ митрополит всея Руси, много поболивъ»[3]. Уточнения по масштабам распространения эпидемии имеются в других источниках: «Того же лета бысть моръ силенъ зело въ Смоленске, и въ Киеве, и въ Чернигове и Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна, и скора... Въ Глухове же тогда ни единъ человекх не остася, вси изомроша...»[4]. Примечательна высокая скорость распространения эпидемии, её высокая летальность и специфические маршруты распространения - по старым торговым и транспортным путям, идущим с Запада

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись.1913. С.97-98.
[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.362.
[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.С.363.
[4] ПСРЛ Т.10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Ноконовскою летописью. СПб. 1885. С. 224.

на Восток. Таким образом, счастливо избежав проблем в предшествующую волну, Русь была обескровлена чумой в начале 1350-х гг.

Несложно отметить большое количество смертей на рассматриваемых территориях. Полное вымирание Глухова привело к автоматическому переходу основного стола княжества в Новосиль. Ослабление Смоленска, по всей видимости, сопровождалось распространением эпидемии через северочерниговские земли до Чернигова и Киева: «…в Смоленске, Брянске, Вязьме и других крупных населенных пунктах… умерло не менее 25-30% жителей»[1].

Волна 1352-53 гг. имела значительно б***о***льшие последствия. Вполне вероятно, что именно значительная депопуляция западных русских княжеств стала одной из причин литовских успехов по их покорению: ни сами княжества, ни их ордынский сюзерен не могли дать полноценный ответ на усилившийся натиск, будучи чрезвычайно ослабленными последствиями эпидемий. «Литва... расширилась в Белоруссии и в пяти Украинских землях (завоевание Чернигова в три стадии, начиная с 1345 года; Сиверия; завоевание Киева и Киевщины к 1361–1363 годам; Переяславль после Киева; и основная часть Подолии в первой половине 60-х годов XIV столетия) ... Литва одержала крупную победу над войсками Золотой Орды в битве на Синей Воде в 1362 году... Эта территориальная экспансия совпадает со временем свирепствования бубонной чумы, приведшей к существенной депопуляции и политической дестабилизации в период, который последовал за смертью хана Джанибека. Возможно, что Черная Смерть могла не затронуть Литвы настолько глубоко, как она сделала это с территориями Руси и Золотой Орды...»[2]. Поскольку изучение особенностей распространения эпидемиологических заболеваний на территориях, прилегающих к Балтийскому региону, не входит в число приоритетных целей настоящей работы, постольку рассмотрение вопросов подобного рода демографических потерь

---

[1] Ластовский Г.А. Политическое развитие Смоленской земли. С.48.

[2] Шамильоглу Юлай. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань:Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С.688.

Великого княжества Литовского не будет здесь осуществлено. Вместе с тем, наличие прямой связи между предшествующей подчинению Литве высокой смертностью от чумы на территориях, контролируемых Ордой, и успехом литовской экспансии отрицать крайне сложно и вряд ли уместно.

Общерусский съезд князей состоялся в Орде в 1353 г.: «...вси князя Русстии были тогда в Орде»[1]. Принимая во внимание длительность поездок, примерно на полгода (или больше) Верховские княжества были лишены присутствия своих князей и их помощников. Неизвестно, рассматривались ли на съезде проблемы борьбы с чумой, но вопросы одновременного поставления двух неладящих митрополитов (Брянско-Черниговская традиционно тяготела к Владимиру и Москве), межкняжеских конфликтов и внешних угроз наверняка звучали.

Поворотным для судеб северочерниговских земель стал 1356 г., когда количество типичных местных бедствий превысило обычные пределы и сконцентрированно обрушилось как на существовавший миропорядок, так и на местный социум: «тое же осени воевалъ Олгердъ Брянескъ и Смоленескъ, смоленскаго сына Оувара полонилъ… Того же лета князь Василеи Смоленскыи приде изъ Орды селъ на княженьи въ Дьбрянске и мало пребывъ, тол[ь]ко осмь недель, преставися и бысть въ Брянске лихостию лихихъ людей замятьня велика и опустенье града, и потомъ нача обладати Ольгердъ Брянскомъ»[2]. Можно лишь поражаться совокупному числу бедствий, среди которых присутствовали столь разные факторы как агрессия литовского князя Ольгерда, неожиданная смерть только утверждённого брянского князя, активизация хорошо знакомых брянских лихих людей в сочетании с последующими замятней и опустением града. На этом фоне переход Брянска под контроль Литвы выглядит меньшим злом, в какой-то мере даже чаемым ради приведения ситуации хоть к какому-то порядку.

Хан Бердибек, сразу по занятию стола, созвал в 1357 г. князей всех княжеств: «...прииде изъ орды посолъ, именемъ Итькара, по запросъ къ всемъ

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.63.
[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.65.

княземъ Русскымъ. ...Бердибекъ царь въ орде седе на царстве»[1]. Во исполнение вызова «...вси князи Роусьскыи… поидоша въ Орду»[2]. Детали прошедшего сбора неизвестны, вероятно, он представлял собой традиционный княжеский съезд. Возможно, в его ходе были озвучены реальные проблемы, тревожившие небольших самостоятельных правителей, подобных верхнеокским северочерниговским князьям, и озвучены варианты решения. По крайней мере, они могли быть одними из таких инициаторов. На это указывают летописные сообщения о следующем княжеском съезде в Орде, также поставившем ряд весьма актуальных и злободневных вопросов.

Хорошо известная трагическая эпопея 1357 г. с излечением митрополитом Алексеем «царицы» Тайдулы не относятся к числу важных тем, в отличии от летописных сообщений о том, что «...зане же замятьня ся доспела въ Орде… Того же лета царь Чанибекъ… по поути разболеся и възбесися. И послаша рядьци по Бердибека, онъ же пришедъ отца оудави, а братью изби, а самъ седе на царство»[3]. Этими событиями была начата череда кратковременных царствований многочисленных ордынских ханов разной степени легитимности. Понятно, что в подобной ситуации осуществлять в полной мере свои обязанности сюзерена ни один из них просто не успевал.

В 1359 г. вновь «...князи Роусьскыи поидоша въ Ордоу. …седе на царстве царь Навроусъ и къ немоу приидоша вси князи Роусьскыи и бысть имъ въ Орде розделъ княжением[ъ] ихъ и которои же ихъ поверенемъ своимъ возвратишася восвоаси и кои же ихъ приде въ свою очину»[4]. Более поздняя Никоновская летопись уточнила цель визита: «...вси князи Русстии... биша челомъ царю о разделении княженей ихъ; и таки смири ихъ и разделъ положи княжениамъ ихъ, и знати имъ комуждо свое княжение, и не преступати. И тако раздели ихъ коегождо вотчину его...»[5]. В данных сообщениях отразились очень многие подробности взаимодействия князей с ханом: общий сбор русских князей 1360 г. у нового

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.100.
[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.66.
[3] Там же. Стб.66.
[4] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.68.
[5] ПСРЛ. Т.10. Никоновская летопись. Спб.: Тип-я МВД, 1885 С.231.

правителя, подтверждение княжеских полномочий в сочетании с очерчиванием точных «нерушимых» границ родовых территорий, наследуемых в соответствии с существующими правилами владения.

Съезд 1360 г. получился очень важным и содержательным ввиду своевременности и даже злободневности объявленной повестки общего съезда – определение границ, подтверждение их нерушимости и обязательности для представителей всех родов, подтверждение наследственного права владения землями и княжествами и т. д., в том числе для продления безопасного существования рассматриваемых Верховских княжеств. Можно уверенно утверждать, что присутствовавшие представители верхнеокских столов (а они, судя по характеру летописных сообщений, там присутствовали) активно и совершенно искренне должны были поддержать верховные ордынские власти в решении поставленных задач и проблем. Недолгое правление Навруса закончилось гибелью его, его сына и даже знаменитой Тайдулы[1].

Термин «замятня» прижился и распространился: «И бысть въ Орде замятня великая»[2]. Количество проблем у не так давно чрезвычайно грозной империи нарастало с чрезвычайно высокой скоростью.

§ 4. Воздействие последствий Великой замятни на положение и статус Верховских княжеств

Период Великой замятни принёс обострение многих проблем на верхнеокских землях: прямой и косвенной агрессии Литвы и Смоленска, неспособности Орды в полной мере выполнять свои обязательства по защите границ, усложнения финансового положения княжеств в условиях разрушения старой системы трансконтинентальной торговли, стремительного роста вооружённой крупномасштабной преступности, болезненного ухудшения климатической обстановки и т.д.. Ордынское право на защиту (при уплате даней и выходов) сменилось необходимостью самостоятельно думать о будущем своих

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.69.
[2] Там же.

семей и княжеств в условиях политической, военной, социальной и финансовой неопределённости. Именно это время падения прежних авторитетов и «столпов» стало моментом начала выхода Верховских княжеств из исторической тени.

Этот процесс не был драматически одномоментным: небольшие полунезависимые государства во главе со своими династиями искали способы и методы наиболее эффективного личного, родового и общекняжеского выживания в условиях принципиально более сложной внешней общеполитической, военной и экономической среды. Выбор во второй половине XIV в. был относительно невелик и ограничивался активно действующими центрами силы – Литвой и Москвой. Орда как верховный сюзерен и юридический хозяин продолжала существовать, но, в силу отягощения гигантским числом рвущих её на части проблем, порождённых причудливым ходом Замятни, оказалась в значительной степени выключена из расчётов – впервые более чем за столетие.

Без всякого сомнения, количество действующих на политической арене лиц было значительно большим, нежели три – достаточно упомянуть Тверь, Рязань, Смоленск, многочисленные татарские кланы и объединения, Польшу, ряд иных удалённых западных и восточных действующих лиц. Но удержаться на протяжении почти двух столетий оказались в состоянии лишь три главных актора – Москва, Литва и Орда (в нескольких ипостасях). Примечательно, что все три центра силы в своих идеологических формулировках обращались к прошлому. Орда – к деяниям Чингиз-хана и его потомков, общепринятому на тот момент юридическому порядку межгосударственных отношений и сформировавшуюся более чем за сто лет привычку согласовывать с ней все мало-мальски значимые политические, социальные и военные моменты. Москва неизменно обращалась как к могучему православному наследию в виде места нахождения митрополита, так и к своей традиционной роли – то как «великое княжество» волею хана, то как центр силы, стремящийся к национальному единству и объединению наследия предков. Литва официально провозгласила курс на сохранение старинных «добрых» обычаев и порядков, обеспечить выполнение которых, по её мнению,

способны были могучие великие князья литовские: «…мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ»[1].

Поиск партнёров и покровителей во второй половине XIV в. стал для верховских князей, фактически, частью «служебного функционала». Кто-то вступал в военные союзы, кто-то — в матримониальные. В частности, князь Звенигородский Андрей (Андриян), сын Мстислава Михайловича Карачевского, женился на дочери великого князя литовского Гедимина. Уточним, что свой титул Звенигородского князя он, вероятно, получил от города Звенигород на притоке Оки реке Неполодь, который был одним из центров его владений[2].

Скрытое и открытое соперничество Литвы и Москвы за влияние неизбежно должно было выплеснуться в открытое столкновение. В ранний период за Москвой, как полноправным вассалом, всегда стояла мощь Орды: состоявшийся в 1341 г. поход литовского князя Ольгерда на Можайск стал единичным и не превратился в повод для начала серии войн – в это время Орда стояла крепко и уверенно[3]. После начала Замятни ситуация резко изменилась. В 1362 г. великий князь литовский Ольгерд Гедиминович разгромил трех татарских нойонов в крупной битве у Синих Вод: «Коли государь был на Литовской земле князь великий Ольгерд, и шед в поле с литовским войском побил татаров на Синей воде трех братов»[4]. Безусловно, в прежние времена подобный успех стал бы причиной сурового ответа со стороны Орды. Сейчас же обстановка была иной и победа лишь добавила литовским князьям сторонников.

Продолжались вспышки эпидемий. Под 1362 г. летописи сообщают: «Того же лета бысть мор на люди в Орде, так по ряду и пошел и по русским городам в Новосиле и в Коршеве, и в Брянске и по иным местам»[5]. На следующий год Коршев был занят Ольгердом. Ряд признаков позволяет определить в качестве города «Корчев» современную Чернаву на границе Орловской и Липецкой

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том первый. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.110; АЗР. Т.2. 1506-1544. 1848. СПб.: Тип-я II Отделения собственной Е.И.В.Канцелярии, С.35-36.

[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.55, 78, 126.

[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. Стб. 53-54.

[4] ПСРЛ. Т.17. Западнорусские летописи. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1907. С.81.

[5] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. Стб.73.

областей. Судя по всему, князья новосильского дома оказали содействие Великому княжеству Литовскому. Их неожиданная «антитатарская активность» в последующие годы, повсей видимости, стала результатом появления надежного литовского «тыла» и определённого рода «стимуляций» с его стороны. В сражении на р.Войда в 1365 г. объединенные силы Рязанского и Козельского княжеств под руководством Олега Рязанского, Владимира Пронского и Тита Козельского разбили войско татарского царевича Тагая: «Князь же великии Олегъ Рязанскыи съ своею братьею съ Володимеромъ Проньскымъ и Титомъ Козельскимъ, събрав силу свою, и иде въследъ его, и постиже его на месте, нарицаемемъ подъ Шишевскимъ лесомъ, на Воине, и бысть имъ бои, брань зело люта и сеча зла, и поможе Богъ великому князю Олгу, и братии его Проньскому и Козельскому, а Тагаи въ мале дружине одва убежалъ»[1].

Новосильское княжество естественным образом втягивалось в союз с Литвой, а московско-литовский конфликт шёл по собственному сценарию. В 1368 г. походом князя Ольгерда на Москву началась так называемая «Литовщина»: прямое военное противоборство Литвы и Москвы. Московский кремль литовским войском взят не был, но его округа была разграблена. Ответным походом князь московский Дмитрий Иванович нанес урон окрестностям Брянска, Мценска и Калуги, попутно поменяв на Новосильском столе дружного с Литвой князя Ивана Семеновича на более удобного Москве Романа Семеновича. К тому времени Иван Семенович Новосильский и Святослав Титович Карачевский были женаты на дочерях Ольгерда, а потому реакция возмущенного тестя не заставила себя долго ждать[2]. Новая осада литовцами московского кремля в 1370 г. продолжила разбирательства о праве первенства, что, учитывая общие корни тверской и московских династий, а также женитьбу Ольгерда на сестре Михаила Тверского Юлиании, придавало ситуации оттенок внутрисемейного спора.

Подробности сражений и битв изложены в исторической литературе, а потому здесь приведена лишь карта, иллюстрирующая ход военных действий

---

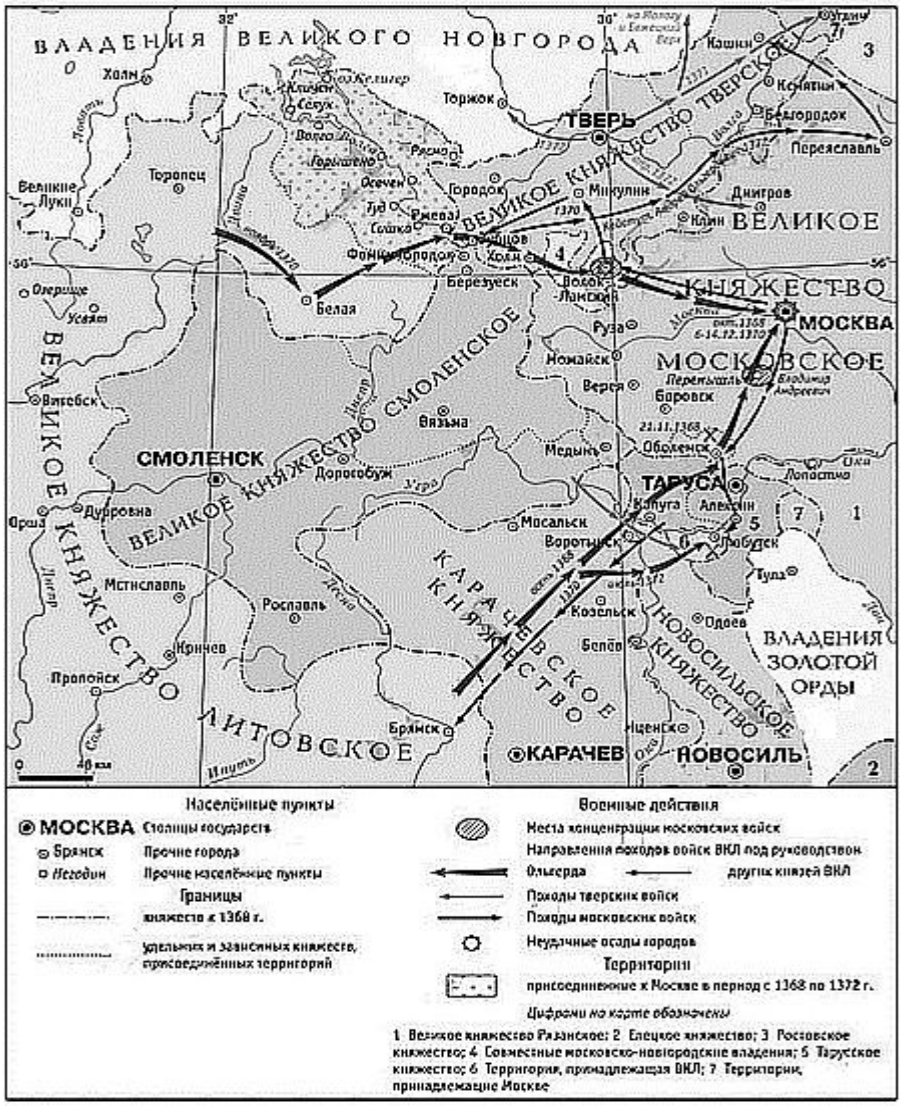
[1] ПСРЛ. Т.18 Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. С.104.
[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. … С.66.

1368-1372 гг. По ней несложно заметить, что у войск Великого княжества Литовского было два главных маршрута для походов на Москву: северный, проходивший через союзные им тверские земли, и южный, ведший через, вероятно, также союзные (то одной стороне, то другой) Верховские княжества. Политическая конъюнктура колебалась, так же менялись персоналии князей-руководителей. Переходы княжеств из лагеря в лагерь были делом обычным.

Когда в борьбу за влияние на русские земли с Московским княжеством вступило ещё и Рязанское великое княжество, Новосиль выступил против Рязани – в Скорнищевской битве 1371 г. войско Новосильского княжества во главе с новым князем Романом Семеновичем выступало на стороне Москвы.

Рисунок 20

Литовско-московская война 1369-1372 гг.



Московская команда победила и посадила на рязанский стол своего человека, которого чуть погодя рязанские жители прогнали: «и сретошася Рязаньци и бысть имъ бои на Скорнищеве и поможе Богъ князю великому Дмитрию Иванович[ю] и его воемъ и одолеша, а князь Олегъ едва убежа… И седее тогды на княженье Рязаньскомъ князь Володимеръ Проньскыи»[1].

Согласно Любутскому миру, подписанному после третьего похода Ольгерда на Москву в 1372 г., Роман Семенович Новосильский входил в московский блок во главе с князем Дмитрием Ивановичем, наряду с Серпуховским, Рязанским и Пронским князьями[2]. На стороне Ольгерда оказались Тверь, Смоленск и Брянск (к тому времени руководимый сыном Ольгерда Дмитрием). Что характерно, столкновения этих блоков происходили на верховской земле. В частности, согласно сообщению Московско-Академической (Суздальской) летописи «того же лета (6881/1373 - М.А.А.) Олгердъ, князь Литовъскый, поиде ратью къ Москве; слышавъ же князь великый Дмитрей Ивановичъ, поиде противу, и стретошася у града у Лубудьска, и стояху рати прямо себе, а промежу ими врагъ крутъ, и не лзе снятися полкома на брань, и взяша мир и разидошася»[3].

Результат длительных военных действий оказался парадоксально благоприятен для всех сторон: княжество Литовское подтвердило свой статус первоклассного участника внутрирусских разбирательств, а Москва получила спокойствие на западе. На юго-западной московской границе сформировалась зона, «которая имела резервы для бесконфликтного развития и находилась в стороне от основных политических событий», что дало почувствовавшим свою силу московским князьям возможность сосредоточиться на решении вопроса «перераспределения прав и полномочий» с Ордой[4]. Такого рода разбирательства, ранее невероятные для земель, подконтрольных Орде, стали возможны вследствие продолжения борьбы различных потомков Чингизхана за верховную

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. 1922. Стб.99.

[2] См. Кучкин В.А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. №1. С.11-39.

[3] ПСРЛ Т.1 Летопись по Лаврентиевскому списку. 1872. С.507.

[4] Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г.// Куликовская битва в истории России: Сб.статей. Под ред. А.Н.Наумова. Тула: ГУП- Изд-во «Левша», 2006. С.100

власть. В ходе этой борьбы возвысился зять хана Бердибека беклярибек Мамай – человек активный, деятельный и удачливый, сумевший взять под свой контроль большую часть Улуса Джучи.

Общеизвестно, что у московского князя Дмитрия Ивановича первоначально были прекрасные отношения с Мамаем: тот помог ему, вопреки обычаю, получить великокняжеский ярлык в малолетнем возрасте и освободить из литовского плена митрополита Алексия – опекуна княжича. Уровень взаимопонимания был достаточно высок, чтобы после перехода великокняжеского ярлыка в Тверь, Дмитрий Иванович сумел лично убедить Мамая вернуть ярлык Москве. До определённого момента даже победы русских над татарами (карачевско-рязанская победа на Войде 1365 г.[1], битва на Пьяне 1367 г.[2]) не вызывали у Мамая протеста – русские били представителей конкурирующих группировок[3].

Перые серьёзные осложнения у Мамая с ранее лояльными клиентами зафиксированы под 1374 г.: «..ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышет[ь] межи ихъ бои. Того же лета Новогородци Нижьняго Новагорода побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ с тысящу. ...идоша на низъ Вяткою оушкуиница разбоиници… и Вятко пограбиша и шедши взяша Блъгары… 50 оушкуевъ поидоша по Волзе на низъ къ Сараю...»[4]. Тот же источник относит к этому же периоду противоречия и с московским князям: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»[5]. Хотя конкретизация причин прямого «розмирья» в летописи отсутствует, можно предполагать потерю Мамаем легитимности из-за захвата обоих Сараев: Нового Сарая — Урусом, а Старого Сарая — Салчи-Черкесом[6].

---

[1] Одним из руководителей войска был карачевский князь Тит Козельский.

[2] Известна другая битва на р.Пьяне 1377 г., когда русские войска, напротив, были разбиты.

[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.80, 85; ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.5, 9.

[4] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.106.

[5] Там же.

[6] Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. С. 135-136.

Откровенное противостояние Мамая с Дмитрием наблюдается после княжеского съезда в Переяславле-Залесском в 1375 г.:«и был съезд велик в Переславле»[1]. На большом собрании, куда не позвали только тверского князя, присутствовали князья, митрополит и персонально Сергий Радонежский. Были на этом мероприятии, судя по дальнейшим действиям, и верховские князья. Там, по всей видимости, было принято решение противостоять Мамаю и его войскам. Впервые в истории московский князь открыто выступил против Орды как института и верховной власти. Ситуация сложилась новая и необычная: потомок княжеского рода, чётко осознавшего принесённые Ордой перемены и склонившего голову перед монгольской армией, постоянно опиравшегося на поддержку ханов и боровшегося с антиордынскими выступлениями, вдруг стал во главе новой коалиции, направленной против прежнего сюзерена. Дело, вероятно, в личности Дмитрия Ивановича, воспитанием которого больше занимался митрополит Алексий, а не прагматичные родственники. Москва уже достаточно усилилась, Орда же показала свою внутреннюю слабость. «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»[2]. С другим «собирателем земель русских» – Литовским княжеством – напротив, наметилось замирение.

К сожалению, не вполне ясны причины выбора именно этого момента: были ли получены дополнительные известия о будущем ослаблении Мамая, либо достигнута договорённость о перспективном союзе. Возможно, свою роль сыграла позиция церкви, простимулированной Патриархом Филофеем, который «..решительно последовал… промосковской политике… Важнее было вдохновить на борьбу с иноверцами именно эту страну»[3]. Есть предположение, что константинопольская патриархия ставила своей целью и к зиме 1373/74 гг. почти добилась, чтобы на севере Русской равнины «…образовалась система княжеств,

---

[1] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1897, С.21.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000.Стб.106.

[3] Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1978. С.17-18.

связанных миром, союзом и единым митрополитом»[1]. В этом же русле, по-видимому, находится и избиение посольства Мамая во главе со старейшиной «именем Сарайка» под Нижним Новгородом, пленение его участников и последующее их убийство, под предлогом, что посол «…възбеже на владыченъ двор и съ своею дружиною и зажже дворъ и нача стреляти люди и многи язви люди стрелами, а иныхъ смерти преда и въсхоти еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу. И пришедъ стрела и коснуся епископа периемъ токмо въскраи подола монатии его»[2]. Здесь заметно явное участие церковной структуры в организации самого событий и быстром оповещении паствы о святотатственном нападении.

Анализ текущей ситуации на юге и востоке показывает, что пока дела Мамая, несмотря на различные осложнения, шли относительно неплохо. Западные земли Орды почти полностью перешли под его контроль, а прямой угрозы от правящего на востоке Урус-хана и поднимающейся державы Тамерлана пока не существовало.

Можно лишь догадываться о наличии каких-то гарантий нейтралитета либо даже обещаний помощи князю Дмитрию от западных литовских соседей. Из всех кандидатов на звание потенциального русского союзника наивысшие шансы, вероятно, имел Кейстут, сын князя Гедимина. Его нацеленность на борьбу с католической опасностью как нельзя лучше соответствовала настроениям Дмитрия. Великий князь Литовский ранее находился с Мамаем в прекрасных отношениях, но, вероятно, какие-то аргументы для его сдерживания у московского князя существовали.

К новой московской коалиции по результатам Переяславского съезда присоединились практически все значимые русские князья, за исключением тверского (получившего от Мамая ярлык на великое княжение). Среди них был и Роман Новосильский. На Переяславском съезде, оформленном как праздник по поводу рождения сына Дмитрия Юрия, по сути, было создано антимамаевское

---

[1] Там же. С.27.
[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник.Стб. 106, 108-109.

объединение, в состав которого, помимо прочих, вошло и Новосильское княжество. Первым общим мероприятием союзников стал поход на Тверь. В 1375 г. объединённая армия в течение месяца осаждала Тверь, полностью разграбила окрестности и увела большой полон: «…учинивъ всю Тферьскую область пусту и огнемъ пожеглъ, а люди мужа и жены и младенца въ все страны развели в полонъ»[1]. В числе участников похода были князья Роман Семенович Новосильский и Иван Тарусский[2]. Очень интересно в позднем летописном сообщении была оформлена титулатура новосильского князя – ни один из многих других участников этого похода не удостоился столь длинного именования: «князь Романъ Семеновичь Новосилскый, внукъ великого князя Михаила Чрьниговскаго, правнукъ Всеволожь, праправнукъ Святославль, препраправнукъ Ольговъ, пращуръ Святославль, прапращурь Ярославль, препрапращуръ великого Владимера»[3]. Сам великий князь там же назывался просто – Дмитрий Иванович Московский, и только Семен Константинович Оболенский назывался внуком Юрьевым и правнуком великого князя Михаила Черниговского. Вероятно, подобные пышность и подробность были связаны с антиордынской репутацией святого Михаила Черниговского и лишний раз подчёркивали серьёзность отношения к статусу верховских князей. В тоже время более ранний Рогожский летописец не отметил факт столь возвышенного и пышного титулования[4].

Вероятным ответом на съезд и тверской поход стал татарский набег 1375 г. на союзный Дмитрию Новосиль: «А потомъ передъ Николинымъ днемъ отъ Мамая приида рать татарьская, взялъ Новосилъ»[5]. Летописи прямо связывают набег с предшествовавшим ему походом на Тверь: «Татарове Мамаевы приидоша подъ градъ подъ Новосиль, глаголюще: «почто естя воевали Тферь?» И тако Новосилскую землю всю пусту сътвориша и со многимъ полономъ возвратишася

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.112.

[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.116; ПСРЛ. Т.XLV. Варшавский летописный сборник/ сост. А.М.Введенский, Т.И.Афанасьева; предисл. А.Г.Бобров, А.М.Введенский; указ. А.М.Введенский; отв. ред. А.В.Майоров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С.50-51.

[3] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С.22-23.

[4] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.110-111.

[5] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.113.

въ свояси»[1]. К числу остальных «ответов» летописец относит также походы татар на Нижний Новгород, а литовцев – под Смоленск: «Литовский Олгердъ Гедимановичь прииде ратью къ Смоленску, глаголя: «почто естя ходили воевати князя Михаила Тверскаго?» И тако всю землю Смоленскую повоева и поплени, и градки многи Смоленскиа взя и пожже, а люди въ полонъ поведе»[2]. Интересно сообщение от следующего года: «...князь великии Дмитрии Московьскыи ходилъ за Оку ратию, стерегася рати Тотарьское»[3]. Оно подтверждает либо наличие собственных земель «за Окой» у московского князя либо присутствие там земель, не контролируемых русскими князьями (или иными владельцами), поскольку обычно летописец указывает куда или к кому шло войско.

Из-за разорения столицы новосильскому князю Роману с двором и семьей пришлось переселиться самому и перенести административный центр княжества в Одоев. По всей видимости, Новосиль был основательно разрушен, но не уничтожен полностью, так как позднее он упоминался в «Списке городов русских»[4]. Имеются также нумизматические и историко-географические аргументы в пользу существования города, как минимум, в первой четверти XV в.[5] Название княжества – Новосильское – продолжало сохраняться, как и столичный статус Новосиля, хотя фактический центр переместился к северу. Соседнее Рязанское княжество, дистанцировавшееся от антимамаевских и противотверских действий, от помянутого набега не пострадало, что подтверждает «показательный» характер нападения на Новосиль. Ситуация с набегом была ясно понята современниками и летописи чётко обозначают это нападение как предупреждение московскому князю Дмитрию и его союзникам.

В 1370-е гг., в условиях нарастания числа конфликтов, верховские князья продолжали подчёркивать своё особое («промежуточное») положение между крупнейшими русскими княжествами и Литвой. Их статусность подтверждалась

---

[1] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.24.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.116.
[4] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику. С.212.
[5] Беспалов Р. А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества// Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г./ Под ред. И. Г. Бурцева. Тула, 2013. С.87-92.

высоким уровнем брачных контактов и связей: к примеру, в 1377 г. сыновья Тита Карачевского князья Святослав и Андриан женились на литовских княжнах из дома Гедимина, их брат Иван – на дочери Олега Рязанского, а Иван Новосильский – на дочери Ольгерда[1]. Показательны и комплиментарные сообщения независимой от Верховских княжеств Никоновской летописи о сыне князя Андриана Звенигородского Федоре, повествующие о его победе над татарами. Согласно летописному отзыву, перенасыщенному пышной титулатурой, «сей князь Феодор звенигородцкий, Андреановъ сынъ, Титовъ внукъ, Мстислава Карачевскаго правнукъ, великомученика Михаила Черниговскаго праправнукъ, теломъ великъ зело, и храбръ на супостаты, и крепость и силу многу имея»[2]. Помимо информации о личных достоинствах князя Федора, летопись подчеркивает принципиальность борьбы с татарами путём указания на предка-мученика за веру православную, прославившегося как борец теперь уже не с законными сюзеренами, но с захватчиками (что отсылает к реалиям XVI в., когда составлялась Никоновская летопись).

В том же 1377 году умер князь Ольгерд и Великое княжество Литовское перешло по завещанию к его любимцу среднему сыну от второй жены тверской княжны Юлиании – Ягайло[3]. Эта смерть стала символическим рубежом, обозначившим серьёзные изменения характера политического взаимодействия во всей Восточной Европе.

К концу 1370-х гг. явная «антимамаевская» позиция московского руководства стала очевидной: несмотря на угрозы и предупреждения со стороны Мамая, боевые действия продолжались. Победа московского войска под руководством Дмитрия Ивановича в битве на реке Воже в 1378 г. над отрядами, посланными Мамаем, окончательно определила взаимоотношения сторон[4].

---

[1] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С.26; 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода//. Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.135-136.

[2] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью С.26.

[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.117.

[4] Там же. Стб.134-135.

Верховские князья в первую очередь в силу географического положения их земель, а также заявляемых династических традиций (ведомых от «пострадавшего за веру православную» Михаила Черниговского), не могли остаться в стороне от крупнейшего русско-татарского конфликта, выступили на стороне Москвы. Их антимамаевская ориентация не вызывает сомнений.

Представители правящих фамилий Верховских княжеств воевали в рядах объединённого русского войска в Куликовской битве в 1380 г. В числе участников сражения из верховских князей разными источниками называются тарусские князья Семен Константинович Оболенский и Иван Константинович Тарусский, новосильский княжич Стефан Романович, Федор Елецкий[1]. Те же сообщения упоминают о гибели двух других тарусских князей – Федора и Мстислава-Иоанна[2]. Кроме того, интересным фактом являются действия на стороне русских войск союзных Дмитрию литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, не принимавших (в отличие от других) участия в походе на Тверь. Поздняя Никоновская летопись в числе свидетелей, повествующих о судьбе раненого князя Дмитрия Ивановича, сразу после Куликовской битвы, по имени называет только одного — Стефана Новосильского: «азъ видехъ его пеша съ побоища едва идуща, яхвенъ бо бысть вельми зело, и не могохъ помощи ему, понеже самъ гонимъ бехъ тремя Татарины»[3]. Вероятно, подобное выделение как-то связано с формирующимся почитанием официального предка новосильских князей - Михаила Черниговского.

Роман Семенович Новосильский в это время закрепился в Одоеве, к которому подошло войско великого литовского князя Ягайло, считавшегося союзником Мамая. Летописи не сохранили упоминаний о боевых столкновениях литовских и новосильских сил. Более того, Воскресенская летопись отмечает, что после Куликовской битвы Ягайло спешно отступил от Одоева, а именно: «со всею

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.139-140; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С. 130; ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.52-65.

[2] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С.215.

[3] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.62.

силою Литовскою побежал назад с многою скоростию никем не гоним»[1]. Поведение Ягайло накануне и после Куликовской битвы, в случае существования реального союза с Мамаем, не имеет рационального объяснения. Будь целью его похода победа над Дмитрием московским, он мог бы значительно быстрее идти на соединение с армией беклярибека через подконтрольные северские земли либо, не успев к самой битве, попытаться захватить оставшуюся относительно слабо защищённой Москву. Совершенно реальной выглядит для него возможность взятия Одоева и оккупация прочих верхнеокских городов. В конце концов, успех его атаки на измотанные после сражения на Куликовом поле войска русских был почти гарантирован. Вместо этого (исходя из летописного рассказа) он терпеливо дожидался разгрома Мамая, а затем — скорым шагом возвратился домой.

Подобное необычное поведение склонного к авантюрам и бесстрашного литовского князя наводит на подозрение о существовании какой-то тайной договорённости Литвы с Москвой. Вполне вероятным выглядит предположение, что, формально объявляя себя союзником Мамая, литовский князь решал какие-то иные задачи и защищать своих татарских союзников совершенно не стремился. Обвинить Ягайло в личных симпатиях к Дмитрию либо идеализме совершенно невозможно: по отношению к своим врагам он был жесток, безжалостен и злопамятен. Интересной, хотя и небесспорной выглядит гипотеза о том, что реальной причиной «…выдвижения войск Ягайло к Одоеву… было присутствие в русском войске политэмигрантов Андрея и Дмитрия Ольгердовича. …Ягайло мог ожидать, что в 1380 г. г. русское войско вторгнется в его владения»[2]. А отнюдь не стремление поддержать Мамая. Существует гипотеза, что уже тогда между Ягайло, его братьями Скиргайло и Корибутом (Дмитрием) с одной стороны и Дмитрием Донским с другой существовало соглашение об тесном сближении Литовского и Московского княжеств и о женитьбе Ягайло на дочери Дмитрия, что фактически подтверждено имеющимися сведениями, о которых пойдёт речь в следующем параграфе. Также есть ещё предположение, что оно, якобы, не было

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Изд-во Э.Праца, 1859. С. 40.

[2] Пилипчук Я.В. Был ли Ягайло союзником Мамая?// Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. № 8. Т.1. С.89.

реализовано, поскольку Ягайло опасался войны с татарами либо большой дани в пользу хана, которую должен был бы выплачивать после объединения с Москвой[1]. В любом случае, создание возможного русско-литовского союза могло кардинально изменить политическую карту всей Восточной Европы.

Дмитрий Иванович, зная, что о гибели Мамая и провозглашении ханом Тохтамыша, не спешил отправлять тому положенную дань, всячески затягивая признание своего вассалитета. Посольство от «царя Тахтамыша» во главе с «царевичем Анхозей» в 700 человек с приглашением в Орду русских князей летом 1381 г. остановилось, дойдя до Нижнего Новгорода, т.е. едва покинув Булгарский улус, «а на Москву не иде, но посла отъ сущихъ съ нимъ Татаръ не въ мнозе дружине»[2]. Выглядят эти манёвры несколько необычно – как будто их участники ожидали начала неких важных событий, а потому детально «прощупывали» обстановку.

Осенью 1381 г. князь Кейстут Гедиминович отстранил Ягайло от власти. Вполне вероятно, что между этим событием, поведением Ягайло на верхнеокских землях и «маневрами» Тохтамыша существовала некая ныне не вполне ясная связь. Успешный мятеж, поднятый, в свою очередь, Ягайло в Литве весной 1382 г. против отстранившего его Кейстута, стал важнейшим поворотным пунктом: «Якгайло князь великого Кестутья дядю своего оковавшы …всадил в твержу»[3]. Пленение и «оковывание» Кейстута произошло, в том числе, благодаря поддержке, полученной Ягайло от крестоносцев. Кейстута в заключении задушили, его жену Бируту утопили, многих сторонников казнили[4].

Последовавший за этими событиями победоносный марш армии Тохтамыша на Москве в 1382 г. доказал Дмитрию Ивановичу, что сопротивление в данный момент бессмысленно. Оборону Москвы от татар возглавил внук великого князя литовского Ольгерда литовский же князь Остей: каким образом он там оказался, чего ждал в отсутствии Дмитрия и почему ему позволили

---

[1] См. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. С.133-134.

[2] ПСРЛ. Т.8 Продолжение летописи по Воскресенскому списку». С.42.

[3] ПСРЛ. Т.17. Западнорусские летописи. Стб. 320.

[4] ПСРЛ. Т.17. Западнорусские летописи. Стб.321

возглавить московское войско и весь город – доподлинно неизвестно[1]. Впрочем, продолжалось оборона недолго: «Царь же стоя у города 3 дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миромъ лживымъ, и вызва его изъ града и уби его пред враты града… взяша градъ месяца аугуста 26 день, на память святаго мученика Андреяна и Наталии, въ 7 часъ дни»[2].

Тохтамыш захватил Москву, Коломну, Переяславль. Сопротивление вторжению возглавил Владимир Серпуховской, сумевший разбить несколько татарских отрядов[3]. Представляется симптоматичным, что во время взятия Москву пострадали многие клирики, искавшие убежище в храмах: «...убьенъ бысть Семенъ, архимандритъ Спасскыи, и другыи архимандритъ Иаковъ и игуменъ Акинфъ Кирилов и инии мнози игумени и прозвитери, и черньци, и попове, и диакони и простьцы отъ оунаго и до старца… вси посечени быша»[4]. Подробно описаны действия по осквернению и грабежу церквей: «Татарове же силою разбиша двери церковныя и сихъ мечи иссекоша, а другыя оружиемъ смерти предаша, и церкви зборныя разграбиша и иконы честныя и честныя одраша, украшенныя златомъ и сребромъ, и женчюгомъ, и бисеромъ, и камениемъ драгимъ и пелены златомъ шитыя и саженныя одраша, кузнь съ иконъ одраша, а иконы попраша иссуды церковныя служебныя священныя поимаша и ризы поповскыа пограбиша. Книгъ же толико множество снесено съ всего града и изъ загородиа и ис селъ… то все без вести сотвориша»[5]. Представляется, что Тохтамышу были известны детали участия церкви и клира в организации неподчинения и сопротивления ему.

В том же 1382 г. состоялся поход армий московских союзников на нелюбимое Дмитрием Рязанское княжество, которое избежало гнева Тохтамыша: «На ту же осень князь великы Дмитрии Ивановичь посла свою рать на князя Олега рязанскаго… а землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пусту

---

[1] См. ПСРЛ. Т.8 Продолжение летописи по Воскресенскому списку». С.43-46.
[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.144.
[3] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.146.
[4] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.145.
[5] Там же. Стб. 144-145.

сотвориша»[1]. Новосильские дружины принимали в нем активное участие. Добыча была взята обширная и полон из княжества Рязанского был угнан большой.

По всей видимости, именно этот год может считаться хронологическим рубежом завершения Великой замятни. На территории Восточной Европы произошло изменение подавляющего большинства ранее незыблемых политических, социальных и военных констант. Новый хан Орды начал быстро восстанавливать ранее потерянное. Но основное – идеологическое – изменение ситуации началось. Именно в это время (в завещании князя Дмитрия Ивановича) родилась популярная и знаменитая формулировка завещаний русский князей – «а переменит Бог Орду»[2].

§ 5. Верховские княжества в политической системе Руси конца XIV – последней четверти XV вв.

После событий 1382 г. московский великий князь Дмитрий Иванович исчерпал большую часть своих аргументов для продолжения политического и военного противостояния с татарами. Через тверского князя Михаила Александровича ему было передано послание хана Тохтамыш о готовности забыть обиды: «азъ улусы своя самъ знаю, и кийждо князь Русский на моемъ улусе, а на своемъ отечестве, живетъ по старине, а мне служитъ правдою, и язъ его жалую; а что неправда передо мною улусника моего князя Дмитреа Московскаго, и азъ его поустрашилъ, и онъ мне служитъ правдою, и язъ его жалую по старине во отчине его…»[3]. Кроме того, «тое же осени къ князю великому Дмитрею Ивановичю отъ царя Тахатамыша прииде посол, именемъ Карачъ», с конкретными предложениями по урегулированию ситуации, которые, вероятно, и были согласованы[4]. Задолженность по дани, причитавшаяся хану с момента его восшествия на престол, была выплачена: «…бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому безъ отъдатка, со всякые деревни

---

[1] Там же. Стб. 146.
[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.36.
[3] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.84.
[4] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.133-134.

по плътине»[1]. Были, как указывает Никоновская летопись, задействованы все резервы, среди которых было даже крайне редко используемое в платежах золото: «...тогда же и златомъ даваше въ Орду»[2].

Дмитрий Иванович не прекратил попыток самостоятельного решения накопившихся проблем. Гипотезу о наличии предварительных договорённостей, приведших к фактическому отказу Ягайло от помощи Мамаю, подтверждает опись архива Посольского приказа от 1626 г., которая упоминает (не ясно, заключённую либо только подготовленную к заключению) «…докончальную грамоту великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича с великим князем Ягайлом и з братьею ево, и со князем Скиригайлом, и со князем Карибутом; и против того другую грамоту великого князя Ягайла и брата его Скиригайла и Карибута, как они докончали и целовали крест великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичу и их детем лета 6902 [6892?]-го году»[3]. Суть договора 1384 г., по всей видимости, передана другим документом, упомянутым в той же описи: «грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Олгердовы, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичу дочь свою за него дати а ему великому князю Ягайлу быть вь их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди»[4]. Речь здесь идёт о брачном соглашении между родителями (фактическими главами семей) – вдовой Ольгерда Иулианией Александровной и Дмитрием Ивановичем – о женитьбе детей: князя Ягайло и московской княжны (Анастасии либо Софьи).

Вероятно, спецслужбы у татар работа на достаточно высоком уровне, поскольку в том же 1384 г. сын Дмитрия Василий был срочно «приглашён» к ханскому двору в качестве почётного заложника: «…князь велики Дмитреи Ивановичь отпусти въ Орду къ царю Токтамышу сына своего стареишаго Василиа

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.149.

[2] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С.85.

[3] Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть первая. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С.50-51.

[4] Там же.

изъ Володимеря, а съ нимъ бояръ стареишихъ, и тамо пребысть 3 лета»[1]. Это, по всей видимости, было сделано, в том числе (помимо фактического получения «аманата») во избежание реализации упомянутых договорённостей о московско-литовском брачном союзе.

В 1385 г. была заключена Кревская уния Литвы и Польши о переходе первой в католичество и о последующем сближении уже этих двух государств, что автоматически отменило прежние русско-литовские соглашения: «Оженися великый князь Ягайло Ольгердовичь, поя некоторую королицю, не имущю ни отца, ни матери, еяже ради достася ему королевство въ Лядьской земли»[2]. Никоновская летопись уточняет, что Ягайло Ольгердович «...Литовский женися во Угрехъ у короля и преложися въ Немецкую веру Римьскаго закона и, пришедъ, Литву свою крести, пол-Вильны, въ Римской законъ»[3].

Смоленск, судя по всему, в это же время заключил письменный договор о военном союзе с Немецким Орденом и Полоцким княжеством, направленный против Великого княжества Литовского[4]. Весной 1386 г. смоленские князья были разгромлены Литвой под г.Мстиславлем («...князь Скригаило Олгердовичь... убиша великаго князя Святослава Ивановича Смоленскаго... и его братанича князя Ивана Александровичя, и его детеи, и бояръ, и слугъ, и множество воя побиша. ...на княжении на Смоленьскомъ посадиша князя Юрья Святославичя») и Смоленское княжество, по сути, потеряло политическую независимость[5]. Текст договора нового смоленского князя Юрия Святославича предусматривал полный союз княжества с Польшей и Литвой и выглядел скорее как вассальная клятва: «…и запсалъ есмь с королемъ што ми с нимъ за одинъ быти… далъ есмь ему правду и до своего живота не изменити ми тое правды а помогати ми королю бес хитрости»[6]. Таким образом, исчез ещё один центр силы, способный воздействовать на Верховские княжества – их политическое маневрирование

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.148.

[2] ПСРЛ. Т.5. Софийская первая летопись. 1851. С.238.

[3] ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1897. С.87.

[4] См. Мартынюк А.В.«Немецкое эхо» битвы под Мстиславлем в 1386 г. // Мсціслаў і Мсціслаўскі край: зб. навук. арт./ уклад. А.А.Мяцельскі; рэдкал.: В.В.Даніловіч [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2019. С.47-58.

[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.137.

[6] Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М.: Издательсво Академии наук СССР, 1963. С.72-74.

отныне упростилось, сведясь к движению между Вильно, Москвой, частично Рязанью и номинально главной, хотя и ослабленной, далёкой Ордой.

Возвращение московского наследника на родину, по всей видимости, было обусловлено крупной взяткой, отвезённой в ханскую ставку. Василий Дмитриевич ехал в Москву через Литву в обществе митрополита Киприана (ранее изгнанного князем Дмитрием). Там он познакомился со своей будущей женой, внучкой Кейстута Софьей Витовтовной. Князь Дмитрий Иванович после возвращения сына Василия из ставки хана умер («месяца мая в 19 день»). Вступление на престол Василия произошло в 1389 г.: «Того же лета месяца августа въ 15 князь Василеи Дмитреевичь седе на княжение на великомъ въ граде въ Володимери на столе отца своего и деда и прадеда, а посажен бысть царевымъ послом Шихматомъ»[1]. «Декабря въ 1 день… приведена бысть на Москву изъ заморіа княжна Софиа», а в январе 1391 г. состоялось венчание Софьи с Василием[2].

Великий князь Василий Дмитриевич вернулся к традиционной московской политике скупки окрестных земель и прав на владение ими. Симптоматично, что во времена ордынского господства «...«примыслы» московских (как и других русских) князей на русских землях осуществлялись всегда при наличии определенных «правовых», с точки зрения той эпохи, оснований. Сила могла применяться в качестве дополнительного средства… Но прямого захвата не было»[3]. Если первоначально князья больше покупали напрямую у других князей, то в последующем периоде ориентация пошла на выкуп ярлыков на земли у ордынских ханов, зачастую даже при наличии живого владельца либо его прямых наследников. Таким образом, с 1392 г. Московским княжеством были приобретены Нижний Новгород, Городец, Мещера, Таруса, Муром[4]. Тарусское княжество, бывшее самым северно-восточным из сохранившихся к тому моменту наследных владений князей черниговского дома, с 1393 г., первым из Верховских

---

[1] ПСРЛ. Т.15. Издание второе. Выпуск первый. Рогожский летописец. Петроград,1922. Стб.157.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.159; ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С.139-140.

[3] Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М.: Индрик, 2010. С.145.

[4] Там же. С.139-146.

княжеств, прекратило самостоятельное существование, став (пусть и не совсем обычным) московским уделом.

С вступлением Василия I на московский стол и его женитьбой на Софье Витовтовне явочным порядком оформился фамильный московско-литовский союз, который, несмотря на конфликты и даже военные столкновения, просуществовал до смерти князя Витовта в 1430 г. Формальным его знаком, вслед за бракосочетанием, стала родственная встреча 1393 г. в Смоленске, куда Витовт не так давно поставил князем «своего» кандидата Глеба Святославича: «Великий же князь Василей Дмитреевичь и со княгынею своею ези въ Смоленескъ, ко тестю своему Витовту на повидание»[1]. По всей видимости, именно тогда было заключено не сохранившееся соглашение о сотрудничестве и разграничении интересов, на наличие которого указывает активная военно-политическая экспансия зятя и тестя во всех направлениях, а также ряд косвенных упоминаний в различных поздних документах[2].

Встреча эта не была единственной – в 1396 г. «князь великий Василей Дмитриевичъ еде съ Москвы въ Смоленескъ видетися съ тестемъ своимъ Витофтомъ… съ нимъ же вкупе и Киприанъ митрополитъ былъ у Витофта… и оттоле иде къ Киеву, и тамо пребысть полтора года»[3]. Присутствие митрополита вкупе со сложной обстановкой, обусловленной очередным «нестроением» в Орде, отозвавшемся на Руси проходом Тамерлана через Елецкое княжество, явно означало необходимость прибегать к широкой координации позиций.

Наличие разграничения сфер интересов, судя по всему, значительно облегчило Верховским князьям переход под покровительство Литвы. Вероятно, принадлежность к сфере влияния восходящего Великого княжества Литовского представлялась наиболее стабильным вариантом развития, защитой от нападений и гарантией от поглощения другими княжествами. Многолетнее военное,

---

[1] ПСРЛ. Т.6. VI. Софийские летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1853. С.123; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С.160.

[2] См. Беспалов Р.А. Литовско-московские отношения 1392-1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [Редкол.: д.и.н. А.А. Горский (отв. ред.) и др.]. М.: Индрик, 2012. [Вып.] 12, 2016 С.139.

[3] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.69.

политическое и личностное взаимодействие с различными литовскими князьями подтверждало для верховских князей надёжность сотрудничества. А потому обязательства перед Великим княжеством Литовским не имели какого-либо негативного «предательского» оттенка.

Последнюю четверть XIV в. можно назвать временем начала вхождения почти всех русских земель к юго-западу от Верховских княжеств в сферу влияния или состав обширного «Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных земель». Исходя из специфического типа внутреннего устройства, эти территории получили возможность жить в соответствии со своими обычаями, хотя степень подобной самостоятельности явно не следует преувеличивать. Вопросы даней и выходов в Орду решались, судя по всему, на уровне правителя Великого княжества Литовского.

Огромным потрясением для всей Восточной Европы стал разгром весьма популярного в Орде хана Тохтамыша среднеазиатским правителем и военачальником Тамерланом (Тимуром Аксаком)[1]. В результате череды войн были целенаправленно разрушены многие ордынские города, в только начавшей восстановление стране вновь начался голод и вспыхнули эпидемии[2]. Длительная борьба Тохтамыша за восстановление прежней Орды завершилась для него 12 августа 1399 г. на р.Ворскле, где, по иронии судьбы, объединённая армия Витовта и Тохтамыша была разбита объединённым же войском других противников «Железного хромца» – Идегея и Тимур-Кутлука[3].

Формально сохранившись (скорее в качестве правового института) Орда реально потеряла своё прежнее значение государства имперского типа, значительно превосходящего всех своих соседей в военном, политическом и экономическом аспектах. Прежняя ориентация русских княжеств на хана-сюзерена сменилась неопределённостью и нежеланием принимать участие в опасных разбирательствах и интригах. Судя по всему, начался процесс

---

[1] Селезнев Ю.В. Токтамыш — последний хан единой Орды// Вопросы истории. № 2. 2010. С.122-131.

[2] Миргалеев И. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в.// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. С.702.

[3] Миргалеев. Там же; ПСРЛ. Т.11. Патриаршая или Никоновская 1897. С.172-174; ПСРЛ.Т.15. Рогожский летописец. Стб. 165.

постепенной деградации прежде великого государства. Ордынский сюзеренитет над русскими княжествами стал приобретать всё более формальный характер, а «дани и выходы» начинали всё более походить на взятку опасному соседу.

Следствием описанных потрясений стал активный передел сфер влияния. Чётко прослеживается тенденция активизации деятельности Великого княжества Литовского по расширению зоны контроля и по защите вассалов и союзников. Её успешность стала одной из вероятных причин того, что «Список городов русских», датируемый М.Н.Тихомировым и В.Л.Яниным последними десятилетиями XIV в. (первый исследователь указывает промежуток «между 1387 и 1392 г.», второй – с 1375 по 1381 гг. и «в дальнейшем подвергался коррекции»), прямо относит Воротынск, фактический центр Верховских княжеств, к числу литовских городов[1]. Названный документ также к литовским городам причисляет верховские Мценск (Мченеск), Козельск (Козелеск), Девягорск (Девягореск), Мезецк (Мезеск), Мосальск (Масалеск), Оболенск (Оболенеск), Карачев, Таруса (Торуса)[2]. В начале XV в. переход верховских городов под защиту и покровительство литовского княжества стал свершившимся фактом: «…происходит раздел региона, причем большая его часть… закрепляется за ВКЛ»[3]

Ранее изгнанный из Смоленска к своему тестю в Рязань после поражения Витовта и Тохтамыша князь Юрий Святославич в 1401 г. предпринял первоначально успешную попытку вернуть себе стол предков, который после смерти Глеба Святославича занимал по воле Витовта представитель черниговской династии Роман Михайлович (младший): «…вшедъ во градъ Смоленескъ…

---

[1] См. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних.// Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С.214-259; Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII – XV веков. М.Изд-во Моск. Ун-та, 1998. С.67. Гипотеза В.А.Кучкина о более поздней датировке «Списка» (1448-1449 г.) в настоящее время пока не является общепризнаннной. См. Кучкин В.А. Датировка списка «А СЕ ИМЕНА ГРАДОМ ВСѢМ РУСКЫМ ДАЛНИМ И БЛИЖНИМ»// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №3 (61). С. 70-72.

[2] См. Тихомиров М.Н. Указ.соч. С.224; ПСРЛ.Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С.476.

[3] Шинаков Е.А. Между Синими Водами и Грюнвальдом: центрально-восточные окраины литовско-русских земель в военно-политических вобытиях второй половины XIV – начала XV в.// Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. (г.Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде/ Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им.акад.И.Г.Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. С.307.

Витовтовыхъ воеводъ Ляховъ изсече… во граде седелъ отъ Витофта наместникъ и воевода князь Романъ Михайловичь Брянский; онъ и того уби, и бояръ Брянскихъ и Смоленскихъ изби, которые не хотели его. …а князь великий Олегъ Ивановичь Рязанский съ прочими князи … идоша въ Литву, и воеваша, и со многимъ полономъ возвратишася въ свояси»[1]. Длившийся несколько лет конфликт с Рязанским княжеством за влияние на Смоленск (вместе с Брянском находившийся под протекторатом Литвы) получил своим итогом литовскую победу под верхнеокским Любутском в 1402 г.: «…князь Родславъ Рязаньскы иде ратью на Брянескъ, и сретоша его князи Литовъстии, князь Семенъ Лугвени Олгердовичъ, князь Александръ Патрекеевич Стародубъскыи, и бысть имъ бои у Любутьска, и побиша Литва Рязанцовъ, а князя Родслава изымаша и приведоша его с нужею к Витовту и сковаша его въвергоша в темницу, и пребысть в нуже тои великои 3 лета, донде же Витовтъ взя на нем 2000 рублевъ окупа и отпусти его»[2].

Князья Воротынские, которые были одной из трёх ветвей новосильского княжеского дома и контролировали не только московско-литовское пограничье, но и часть старого окско-волжского торгового пути, далее уходившего на центральноазиатские рынки, стали одними из первых, кто извлёк выгоду из мира в московско-литовских отношений. Существуют данные, что уже в 1401 г. князь Федор Львович Воротынский, будучи уполномоченным вассалом, присягнул польской короне от имени Витовта: «W 1401 r. (kniaziowie) *Fedor Lwowicz z bratem Juszkem*, obok innych kniaziów i panów, za siebie i wielkiego księcia Witowda, przyrzekają wierność królowi i koronie Polskiejł»[3].

Позиция верховских князей способствовала продвижению границ литовского влияния на восток. Великий князь Витовт, утвердив свою власть в Смоленске, ходил на Рязань, вмешивался в дела Новгорода и Пскова и даже трижды в 1406-1408 гг. вторгался в пределы Московского княжества. Дело всё же

---

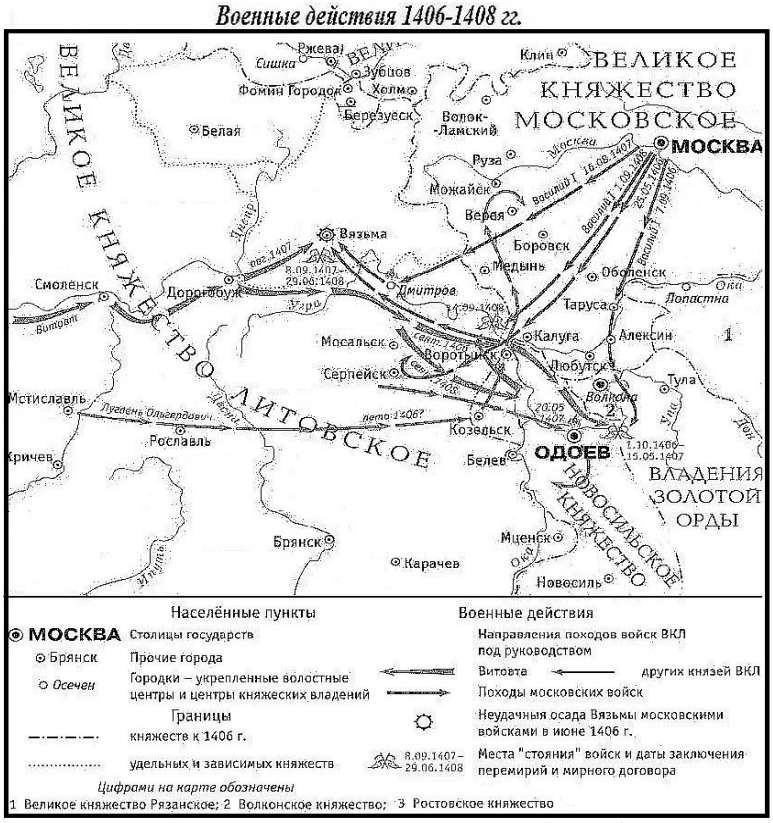
[1] ПСРЛ. Т.11. Никоновская летопись. С.186; См. Келембет С.Н. Великие князья Черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.)// Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып. 11. Минск: РИВШ, 2018. С.106-108.

[2] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С.231.

[3] Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, drukiem J.Filipowcza, 1895. С.585.

не дошло до полноценной войны и встреча двух армий на р.Плаве (между современными Тулой и Мценском), куда литвины пришли через новосильские земли, как и ожидалось, привела к примирению сторон. Особый характер московско-литовских отношений ярко отображён Тверской летописью, демонстрирующей обиду других русских князей на демонстрируемое московским князем пренебрежение княжеской солидарностью перед фамильно-родственными связями: «…приидоша Тверстии князи на помочь Москвичемъ, и вси вкупе сташа на Плаве, князь великый Василий взя перемирие съ Витовтомъ, а княземъ Тверскымъ и воеводам тутоже бывшимъ, а того не ведущимъ: и не токмо едино, но и въ грамоте перемирной не написа честно имени брата своего великого князя Ивана Тферскаго, но написа и после братии своей, а Тверичемъ никакоже не ведающимъ того. …И оттоле не въсхоти помагати Москвичемъ»[1]. Схематическое изображение военных действий 1406-1408 гг. представлено на Рисунке 21.

Рисунок 21



Исходя из цитаты, ощущение «постановочности» конфликта, сопровождаемого, в то же время, реальным кровопролитием, было очевидно

[1] ПСРЛ. Т.15 Тверская летопись. СПб.: Тип-я Л.Демиса, 1863. Стб.476.

современникам. Весной 1407 г. Витовт вошёл на верхнеокские земли и занял верховской Одоев, сохранилось описание захвата и сожжения города: «Маиа въ 20 Литва взяша Одоевъ и огнемъ пожгли»[1]. Тверская летопись датирует взятие Одоева и Новосильской земли следующим 1408 г.: «яко в перемирие миру не сотвориша, лету же наставшу, пришедшее Литва повоеваша землю Новосильскую и град Одоев огнем попалиша; се же зло содеяся»[2].

В 1408 г. некие «…Татарове взяша Брянескъ, иже которые помогалы князю великому, видя плошество Рускыхъ князей»[3]. Здесь, по крайней мере, наличествует попытка воздействовать на соперника своего вассала, поскольку Брянск находился под литовским контролем. Военные действия продолжились, закончившись полумесячным стоянием на Угре (куда также подошли татарские отряды) и заключением «Вечного мира» 14 сентября 1409 г. Как указано в Академическом списке Лаврентьевской летописи: «поиде князь великый Витофтъ на зятя своего, на князя великого Василья Дмитреевича; и то слышавъ князь великый, поиде противу ему, и снидошася о реце о Угре и взяша мир»[4]. Многократные конфликты, сопровождаемые быстрыми перемириями Василия и Витовта, заключаемыми при личной встрече, стали характерной приметой времени.

В это же время в Москву (т.е. на службу к Василию Дмитриевичу) отъехал с большой группой сторонников провозгласивший себя князем Русским упрямый соперник Витовта брянский наместник Свидригайло Ольгердович: «…прииде к великому князю изъ Дьбрянска князь Литовскыи Швитригаило Олгордовичь служити»[5]. Если бы князем литовским был не Витовт (тесть князя Василия), то у Свидригайло, которого поддерживали многие русско-литовские князья и бояре, был бы, наверное, более высокий шанс выделить Литву в отдельное, не связанное с Польшей государство. В составе свиты Свидригайло, помимо брянского

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.154.; ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.81; ПСРЛ. Т.6. Софийская вторая летопись. С.134; ПСРЛ. Т.XLV. Варшавский летописный сборник. 2018. С.74; Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С.217.

[2] ПСРЛ. Т.15 Тверская летопись. СПб.: Тип-я Л.Демиса, 1863. Стб.477.

[3] ПСРЛ. Т.15. Тверская летопись. СПб.: Тип-я Л.Демиса, 1863. Стб.474.

[4] ПСРЛ. Т.1. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3. СПб.: Синодальная типография, 1897. С.510.

[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.154.

епископа Исакия и многочисленных бояр черниговских, брянских, любутских и рославских, упомянуты верховские князья: звенигородские Патрикей (Карачевский и Хотимльский) и Александр (Карачевский и Звенигородский), Михаил Хотетовский и Семен Перемышльский[1]. Согласно летописному сообщению, «Князь же велики Василеи Дмитреевич приять его с честью и дасть ему град Володимерь со всеми волостьми… тако же и Переславль, по тому же и Юрьевъ Польскы и Волокъ Ламъскы и Ржеву и половину Коломны»[2]. Позднее Михаил Хотетовский вернулся в Литву, так же как и сам Свидригайло.

Подобные перемещения знати («отъезды») были обычной феодальной практикой и воспринимались как вполне нормальные и обыденные. «Отъезд» не был дорогой без возврата – почти всегда оставалась возможность возвращения. Существование общих обычаев и норм такого рода подчёркивает восприятие общего русско-литовского пространства того времени в качестве единого целого. Масштабность полученной «дачи» демонстрировала особо высокий статус Свидригайло на феодальной иерархической лестнице. Впрочем, долго он не задержался, видимо, осознав особые отношения московского и литовского великих князей: «В лето 6918 (1410 – М.А.) великии князь Светригаило Олгердовичь отъеха съ Москвы въ Литву»[3].

Взаимодействие с третьим крупным участником – татарами (как всё чаще по имени доминирующего этноса именовалась Орда) – развивалось по разным сценариям. Литовско-татарские отношения в целом регулировались доминирующей позицией Витовта. Любопытно, что хотя контроль за южнорусскими землями находился в руках литовского великого князя Витовта, ярлык на них был передан польскому королю Ягайло (Владиславу Ягеллону). Вероятно, это было обусловлено некими отдельными договорённостями между Литвой и Польшей. Знаменитый ярлык Тохтамыша, к сожалению исследователей, не очерчивает точных границ территорий, принадлежащих хану, но управляемых великим князем. В нём речь идёт о сборе и выплате традиционных платежей:

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.82; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.154-155.
[2] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С.237.
[3] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.159.

«што межи твоеи земле суть княния. давали выходъ Белой Орде. то намъ даите а што вашей державы под нами. а мы за то не стоимъ вамъ. ищите своего а мы вамъ дамо. А и еще што было межи насъ как здавня. гостемъ путь чистъ»[1]. Перевод с уйгурского даёт другие смысловые акценты: «С подданых Нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну. Еще по прежнему правилу (мои) негоцианты и твои купцы пусть ходят одни к другим: признавая это хорошим для Великого Улуса, мы утвердили грамоту с золотым знаком»[2]. Вне зависимости от толкования, земли, формально принадлежавшие ордынским правителям (пусть и являвшимся бледным подобием прежних ханов) и попавшие под контроль князя литовского, передавались тому в законное управление при условии своевременности положенных выплат. Судя по всему, рост силы и авторитета князя Витовта привели к вероятному получению им собственного документа на владение, реконструируемого по сообщениям летописей: «въ Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всемъ примории, и на Казани; и то будетъ все наше и царь нашъ, а мы не точию Литовскою землею и Полскою владети имамы, и Северою, и Великимъ Новымгородомъ, и Псковомъ, и Немцы, но и всеми великими княжениями Русскими, и со всех великихъ князей Русскихъ учнемъ дани и оброкы имати»[3]. С учётом нахождения несколько раз в качестве князя в Новгороде Лунгвения Ольгердовича это заявление не выглядит пустым самовосхвалением.

Позднее «…подобные ярлыки (подтвердительные по отношению к ярлыку Токтамыша) выдавали и последующие золотоордынские ханы. …В связи с упадком к середине XV в. международный авторитет Золотой Орды снизился, и ярлыки ее ханов перестали быть востребованы»[4]. Литовские же великие князья «…были заинтересованы в получении ярлыков не меньше, чем ханы». Более того,

---

[1] Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392-1393 годов. Издан К.Оболенским. Казань: Тип-я Н.Коковина, 1850. С.22.

[2] Там же. С.51.

[3] ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись.1897. С.172.

[4] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды/ Редактор И.М. Миргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009.С.197-198.

с формальной точки зрения и позднее, в XV в. «…Литовское княжество – одно из могущественнейших государств Восточной Европы того времени! – признавало себя вассалом Крымского ханства, получая ярлыки и выплачивая регулярную дань («выход»)»[1]. При Витовте это сопровождалось фактически решающим значением слова великого князя при выборе очередного хана – образовался несколько странный, но успешно работавший механизм.

Отношения Московского княжества и Орды начала XV в. развивались по более конфликтному сценарию, с явной (во второй половине первого десятилетия) тенденцией к эскалации. В декабре 1408 г. состоялся набег Едигея на русские княжества. В статьях летописей за предшествующие набегу годы содержаться обвинения Едигея в том, что ещё раньше он «лукавыи… враждолюбителю сынъ… ратолюбець окаянныи» своим коварством и интригами рассорил Василия и Витовта и, (sic!) с целью погубления, прислал татарскую помощь Москве, хотя «Русь не желателни суть на кровопролитье»[2]. Впрочем, такого рода морализаторские рассуждения были обычны для монахов-летописцев. Первыми от нового набега пострадали рязанцы: «прииде изъ Орды безбожный Едегей, и снимъ два царевича и множество Татаръ… на Рязанскую землю… много зла створиша земли Резанстей …градъ Коломный пожгоша, взяша окупъ»[3]. Затем татары подступили к Москве, где наряду с великим князем, его родственниками и боярами, находился и князь Юрий Козельский. За время трехнедельной осады были ограблены окрестности, захвачен и ограблен Серпухов, Переяславль и Ростов[4]. Город не был сдан, но ущерб был понесен чувствительный: «людей множество в полон поведе, а градꙋ зла ничтоже не сотвори»[5]. На обратном пути были разгромлены и разграблены Нижний Новгород, Городец, ряд иных населённых пунктов. По прошествии нескольких лет, в 1412 г. приостановленная ранее из-за внутриордынских конфликтов выплата дани возобновилась вновь[6].

---

[1] Там же. С.198.

[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.156; ПСРЛ.Т.15. Рогожский летописец. Стб.179-185.

[3] ПСРЛ. Т.15 Тверская летопись. СПб.: Тип-я Л.Демиса, 1863. Стб.483.

[4] Там же.

[5] ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись, С.539.

[6] Селезнев Ю.В. Деятельность хана Джелаль-ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы// Studia Slavica et Balcanica/ Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. №2.

Татарские набеги того времени не обходили стороной верхнеокские земли. Фатальный удар получило на не так давно учреждённое, пограничное и в конце прошлого века пострадавшее от Тамерлана Елецкое княжество. Летописи сообщают, что в 1415 г. «повоеваша татарове Елетьскую землю»[1]. Западнорусский летописец уточняет: «повоеваше татарове Елеческую землю и оттоле запустела»[2]. По всей видимости, этот момент следует считать концом прежнего Елецкого княжества, тесно связанного с Верховским регионом.

Сам факт разорительных набегов демонстрировал наличие явного «нестроения» в Орде. Её правителям времён расцвета не нужны были нищие подданные как потенциальные неплательщики даней и податей. Прошедшая же Замятня, несмотря на все усилия многих разумных ордынских ханов по восстановлению прежнего великого государства, активизировала процессы фактической его деградации и примитивизации, что вело к изменению самой сути русско-ордынских отношений, их постепенному движению в сторону отношений традиционно обороняющегося оседлого организованного общества и степной полувольницы, не задумывающейся о перспективах и правилах.

Никуда не делось и стремление Москвы подчинить себе, наряду с прочими, ещё и Верховские земли, несмотря на особые отношения с Вильно, что явно проявилось в 1415 г. в ходе так называемого «крещения мчан»[3]. Ему, в свою очередь, предшествовал непропуск и «ограбление» митрополита Фотия (за слишком промосковскую позицию) при попытке проехать через Литву в Константинополь: «Фотии митрополит въсхоте идти къ Царюграду и яко доиде до Литвы, Витовтъ же не пусти его, но пограбивъ его възврати къ Москве»[4]. Событие нерядовое и явно демонстративное. Оно, без сомнения, было обусловлено

С.51.

[1] ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.405; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.162.

[2] ПСРЛ. Т.17. Западнорусские летописи. С. 56.

[3] Анализ легенды дан в статье Беспалова Р.А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году» в контесте церковной и политической истории Верхнего Поочья// Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. С.27-34; См. Майоров А. До Орла. Славянская история окского истока. Орел: Изд-во «Картуш», 2012. С.96-97.

[4] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.161.

борьбой великого князя Витовта за создание отдельной литовской православной митрополии и противодействием этому со стороны московского духовенства. Суть просьбы литовского князя выражена в завершающем аккорде послания патриарху Филофею: «Дай намъ другаго митрополита на Киевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»[1]. Круг близких союзников и значимых населённых пунктов очерчен более чем конкретно.

Московская реакция была оформлена, в том числе, в виде военного похода из Москвы на Мценск, жители которого были обвинены в потворстве языческим верованиям. Поход «крестителей» совпал с солнечным затмением и может быть точно датирован: «В то же лето июня 7, тьма бысть, в пяток, перед обеднею; бысть же се не много, час един, видети было и звезды все якоже и в ночи»[2]. Особым трофеем, захваченным московскими и шедшими вместе с ними можайскими войсками в якобы «языческом Меченске» был резной образ святителя Николая, позже, вероятно, известный как чудотворный «Никола Можайский»[3].

Как известно, раздельное существование западной и восточной русских митрополий завершилось в 1419-1420 гг.: митрополит московский подтвердил свой титул и статус митрополита Киевского, Владимирского и всея Руси. Проклятия в адрес «поганых» литовцев почти сразу же прекратились. Но и позднее Брянская епархия, к которой относились как формально суверенные Верховские княжества, так и земли, находившиеся во владении Великого княжества Литовского, постоянно испытывала проблемы и неустроенности, обусловленные её пограничным положением и размещением приходов на территориях различных государств. Особое положение брянского епископа,

---

[1] См. 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставит особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.140.

[2] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.87-88.

[3] Беспалов Р.А. Сказание о крещении мецнян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 году// Труды отдела древнерусской литературы. Т.66. СПб.: «Наука», 2019. С.356–365.

традиционно тесно связанного с находившимся в Москве митрополитом, постоянно порождало конфликтные ситуации[1].

Московско-литовские противоречия первой трети XV в. отражались в разных событиях верховской истории. Главной проблемой оставался двойственный характер политической принадлежности рассматриваемой территории. К примеру, Верховские княжества, даже пребывая в союзе с Москвой, не всегда могли получить от неё военную помощь для борьбы с набегами, которые всё чаще осуществлялись татарами. Литовские же правители, в свою очередь, часто могли оказать такую помощь даже при отсутствии официальных договорных отношений. Показательным примером, в данном случае, являются факты набегов начала 1420-х гг. – в 1422 г. хана Барака, а в 1424 г. хана Худайдата на город Одоев[2].

Существует весьма проработанная гипотеза, что упомянутые выше события являются летописным удвоением одного реального, обусловленным вновь участившейся сменой ордынских правителей и переходом на новый календарный стиль[3]. В то же время содержательная сторона сообщений в разных летописных источниках одна: из Орды пришли войска хана (Барака или Худайдата), которые разорили сельские округи Одоевского княжества. Одоевские князья, формально являясь старшей ветвью потомков новосильских князей, находились в союзнических отношениях с Москвой, но достаточной помощи от московского князя во время набега не получили, а справились собственными силами при поддержке местных войск, относящихся к Великому княжеству Литовскому[4]. Таким образом, помощь одоевскому князю Юрию Романовичу пришла с литовской стороны: её собрал и привёл к Одоеву подданый Витовта мценский воевода Григорий Протасьев: «в лето 6932. Царь Куидадатъ поиде ратью къ

---

[1] Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь: [сб.ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. [Вып.] 1. С.91.

[2] Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII-XV веков. Справочник. М.: Квадрига, 2010. С.128-129.

[3] Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Кудайдатом осенью 1424 года// Верхнее Подонье: Археология. История. Вып.4. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С.205-210. С.205-206.

[4] Беспалов Р.А. Указ. соч. С.209.

Одоеву на князя Юриа на Романовича. И слышавъ то князь велики Витофтъ, и посла на Москву к зятю своему къ великому князю Василию Дмитреевичю, чтобы послалъ помочь на царя; а самъ послал князя Андрея Михаиловича, князя Андреа Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путяту, Дрючскихъ князей, князя Митка Всеволодича, Григориа Протасиевича. Они же шедше съ князем Юриемъ, царя Куидадата и силу его присекли, а самъ царь убежалъ, а царици поимали, одну послали въ Литву къ Витофту, а другую на Москву къ великому князю; а Московскаа сила не поспела»[1]. В данном случае литовский великий князь Витовт (в лице своего наместника) отреагировал быстрее московского великого князя Василия I. Качество государственного управления и оперативность военно-административных аппаратов отличались в тот момент не в пользу Москвы. Тем не менее, оба правителя рассматривали верховские земли как объект покровительствуемый и подлежащий защите от разбойных набегов.

Как старший родственник, Витовт Кейстутович в начале XV в. играл очень большую роль на всем восточноевропейском пространстве – в Литве, русских княжествах и землях, причерноморских и приволжских ордах и государствах, в Прибалтике, Польше и многих других территориях. Был период, когда только его доброй волей и нежеланием нарушать данное слово, сохранилось московское княжество: после смерти его зятя Василия I в 1425 г. по завещанию покойного опекуном Василия II Васильевича стал именно этот его дед: «А приказываю сына своего Князя Василья и свою Кнегиню и свои дети своему брату и тьстю Великому Князю Витовту, как ми реклъ, на Бозе и на немъ, какъ ся иметь печаловати, и своей братье молодшей»[2]. Даже ханский ярлык о правах молодого князя Василия на московский стол (согласно предположениям ряда исследователей) мог быть получен у хана благодаря связям и влиянию Витовта. Недаром один из разделов официального труда по литовской истории имеет название «Империя Витовта»[3].

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенс кому списку. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1859. С.92.

[2] Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В.Бахрушина. М.: Издание Н.Н.Клочкова, 1909. С.27.

[3] Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Пер. Е.Суворовой. Вильнюс:

Более того, протекторат Литовского княжества во главе с Витовтом в 1427-1430 гг. был признан Тверским, Рязанским, Пронским и оставшимися верховскими княжествами[1]. В 1427 г. великий князь литовский лично посетил верховские и рязанские земли, о чем писал в письме великому магистру Немецкого (Тевтонского) ордена Павлу фон Русдорффу[2]. Необходимо отметить, что в этом письме он титулует новосильского князя как князя великого («grosse herczogen»), что позволяет предположить официальное наследование новосильским князем черниговского титула либо обозначает его роль в сборе «даней и выходов» с местных княжеств: «Alexander nadirs Witawd von gotis gnaden grosfurste czu Lithauwen etc. Erwirdiger lieber here meister! … Do habin uns begagent grosse herczogen doselbist us den Russischen landen, die man ouch in irer achtunge grosfursten heiset, die Rasanischen, als die von Preaslaw, die von Proniesk, die von Nowossilesk mit iren kindern, und ouch us einem namhaftigen lande Odoyow, die herczogen und herczoginne wittwe von Wrotynsk etc.»[3]. Текст послания упоминает о просьбе защиты внешних границ княжеств со стороны их правителей, обещая верность и послушание (присягу). По всей видимости, присягу Витовту тогда принесли князья двух ветвей новосильского дома – одоевской и воротынской. О белевских князьях в названном документе речи не шло, существует предположение, что именно тогда они были временно лишены своих земель князем московским[4]. Кстати, следует отметить, что обязательные феодальные формальности были соблюдены – присягу Витовту они принесли только после смерти их предыдущего сюзерена Василия Дмитриевича.

Интересным источником и формой придания упорядоченности в отношениях верховских князей со своими сюзеренами стали их двусторонние

Eugrimas, 2013. С.47-57.

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т.1. 1294-1598. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. С.17-18; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.62-63.

[2] Беспалов Р. А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 г.// Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С.256.

[3] Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Codex epistolaris Vitoldi. Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430. Collectus opera. Antonii Prochaska. Krakow: Czcionkam drukarni WL.L.Anczyca I sp. 1882. С.778-779.

[4] Беспалов Р. А. Источники о поездке Витовта, С.258.

договоры («докончания»). Исходя из письменного же характера ордынских ярлыков, очерчивавших права и обязанности вассала, представляется вполне возможным воздействие именно ордынских юридических норм на практику активного применения подобных инструментов на всем общерусском пространстве того времени. Первые официальные письменные соглашения князей Одоевских и Воротынских с великим князем Литовским были заключены в 1427 г., затем они перезаключались – в 1430 г., 1442 г. и 1447 г.[1] В 1459 г. договоры были перезаключены ещё раз с участием вернувших свои земли князей Белевских[2].

Не так давно был опубликован текст докончания одоевского князя с польским королём от 1481 г.[3] В 1483 г. договоры перезаключили в последний раз[4]. Формулировки договоров, перечисление прав и обязанностей верховских князей были выработаны ещё при Витовте и практически не изменялись впоследствии. Согласно договорам князья должны были служить верно, налоги платить исправно, без ведома великого князя войну и мир не объявлять, поддерживать наследников сюзерена. Великий князь, со своей стороны, обещал защищать своих вассалов, их семьи, владения, честь и достоинство, в случае несправедливости осуществлять суд и наказывать виновных.

Заключение данных договоров свидетельствует о том, что Одоевское, Воротынское и Белевское княжества признавались отдельными государственно-административными единицами, осуществлявшими внутреннюю управленческо-административную деятельность независимо, а внешнюю - по согласованию с сюзереном. Названные территории на протяжении большей части XV в. продолжали тяготеть к Литовскому государству вне зависимости от его религиозной и политической сущности. В период укрепления Московского

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.140-142; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв./ Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. №№ 39, 49, 50,60. С.117-118, 149-150, 192-193.

[2] Сборник Муханова. М.: Университетская тип-я, 1836. С.11-12.

[3] Казакоў А.У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя навасільскага і адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г.// Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С.297-300.

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.100.

княжества, постепенно трансформировавшегося в Московское государство (и в полной мере ставшее таковым после «свержения монголо-татарского ига» в 1480 г.), верховские князья оставались в сфере влияния Литвы. Литовское покровительство тогда представлялось правителям верховских земель более выгодным и удобным. Оставаясь в политическом смысле равноудалёнными от Московского и Литовского государств, верховские князья продолжали ориентироваться на Литву.

Возникла причудливая правовая структура: не снимая с себя вассалитета в отношении Орды и её наследников, верховские князья стали вассалами великого литовского князя, чья реальная подчинённость постордынским «царям» выглядит сомнительно. Подобное положение можно, пожалуй, охарактеризовать как «двойной сюзеренитет». Безусловно, подобная подчинённость явно не была обычной в условиях межгосударственного соперничества, иногда переходившего в прямые военные столкновения и войны. Но, вследствии потери у большей части наследников ордынских правителей интереса к иному участию в делах своих вассалов, помимо получения «выхода», ввиду подавляющего авторитета Витовта на просторах Восточной Европы, а также явного ослабления Московского княжества в результате внутренней борьбы 30-40 гг. XV в., подобная химерическая конструкция всё же сформировалась и просуществовала впоследствии весьма долгое время.

Длительный опыт нахождения в зоне русско-литовско-ордынского взаимодействия и пограничья давал возможность верховским князьям делать свой военно-политический выбор, а иногда даже менять его. Б*о*льшая часть князей в 1-ой четверти XV в. явно пришла к мысли о целесообразности пролитовской внешнеполитической ориентации[1]. Ордынская (а теперь, скорее, татарская) военно-политическая составляющая в политической ситуации на верховских землях постепенно деградировала до военных набегов, противодействие которым со стороны Великого князя Литовского, в большинстве случаев, было более

[1] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. С.47-64, 78-82.

эффективным. На русско-литовско-татарском пограничье наибольший объем политических и владельческих прав местным верховским феодальным правителям могло предложить только квазифедеративное Великое княжество Литовское, основным принципом провозгласившее сохранение старых прав и обычаев.

Переходя на литовскую службу, владетели Верховских княжеств продолжали считать себя самостоятельными государями-вассалами великого князя (а впоследствии и польского короля), хотя верхнеокские земли формально оставались землями под сюзеренитетом Орды (в каком бы виде он не осуществлялся). Договоры верховских князей с литовскими правителями литовской дипломатией рассматривались как внешнеполитические – в литовских архивах они хранились среди переписки с иностранными государями. Данный факт подчёркивает официальное признание суверенитета Верховских княжеств в составе неформальной литовской конфедерации: юридически они относились к ордынским вассалам, фактически – к литовским, но всегда имели возможность отойти под руку формально ордынской Москвы.

Физическое наличие и сохранение этих «докончаний» (договоров) вместе с иной внешнеполитической документацией свидетельствуют об отсутствии в то время признаков устремлений высшего руководства Литовского княжества к прямому лишению местных князей их феодальных прав и политических возможностей. Напротив, всячески акцентировались их административная значимость и владельческий статус. Форма докончаний подчёркивала намерение сохранить имеющиеся специфические черты прошлого в статусе Верховских княжеств. В их текстах неизменно указывалось, что соблюдение «стар*и*ны» является залогом справедливости договоров. Литве (в широком смысле) было выгодно «законсервировать» особый статус земель, занимавших промежуточное положение между ней, Московской Русью и наследниками Орды. По сути,

происходило сохранение и воспроизведение в новых условиях столь приятных княжескому сердцу старых порядков Древнерусского государства[1].

В литовских документах осознанно акцентируется внимание на суверенитете верховской княжеской власти, родовитости её носителей, законности династических прав[2]. Подобное положение вещей представляло собой взаимовыгодный компромисс, близкий сути литовской феодальной государственности, не ориентированной на жёсткую централизацию всех уровней власти – именно в такой системе политических ценностей могли сохраняться сформировавшиеся ранее региональные отличия Верховского (Верхнеокского) исторического региона: «Путаные наследственные отношения характерны для этой восточной окраины (Верховских княжеств – М.А.), где сходились границы государств и сферы влияния. До третьей четверти XV в. этим в наибольшей степени пользовалась имевшая перевес Литва»[3]. Это давало конкретные результаты: в первой половине XV в. княжеские династии верховских земель продолжали следовать в русле литовской политики и не стремились к укреплению контактов с Москвой. Впрочем, в такие политические игры в последние десятилетия века научилось играть и московское руководство[4].

Не все договоры литовских и верховских князей известны в полном объеме, а некоторые лишь фрагментарно упоминаются в других документах. Старейшим из полностью сохранившихся источников такого рода является договор Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским Казимиром IV от 1442 г.[5] Точно известно, что в 1442 г. договор был заключен, помимо Федора Львовича, с князем Юрием Романовичем и его сыном Иваном Юрьевичем. Об остальных

---

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987. С.341-342.

[2] См. Сборник Муханова. М.: Университетская тип., 1836. С.11-12; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв./ Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. №39, 49-50,60. С.117-118, 149-150, 192-193; Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя навасільскага і адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г.// Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С.297-300.

[3] Гудавичус Э. История Литвы. Т. I: с древнейших времен до 1569 года/ науч. Ред. Е. Л. Назарова; пер. Г. И. Ефремова. М.: Фонд им. И. Д. Сытина Baltrus, 2005. С.397.

[4] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений. С.95-98.

[5] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.117-118.

участниках, среди которых могли быть дети князей Новосильских, «Одоевские герцоги и герцогиня-вдова Воротынские», можно только предполагать[1].

Имеется также позднее (датируется 1567 г.), но важное упоминание великокняжеского статуса Новосильских владетелей в переписке царя Ивана IV Грозного с западными адресатами – Сигизмундом II Августом и великим гетманом Г.Ходкевичем. Обращаясь к ним от имени потомка новосильских князей М.И.Воротынского, Иоанн Васильевич (как и всякий средневековый монарх крайне щепетильно относящийся к титулам и родословным) пересказывая пришедшие к Воротынскому первичные послания, сам явно не опровергает упомянутый в них высокий статус Новосильских князей, который признавался польско-литовскими отправителями: «Наш пак род великий з давных предков наших великих князей Новосилских… А наш пак род великий будучи надо всеми роды московскими… вышел с крови государьские великих князей Новосилских»[2]. Впрочем, само свидетельство это более чем на столетие отстоит от описываемого периода.

Литовские правители в XV в. не раз делали символические жесты, указывавшие на политическую значимость верховских земель и управлявших ими княжеских династий. Начало этому положил великий князь литовский Витовт. Как уже упоминалось выше, князь Федор Львович Воротынский выступал в 1401 г. в качестве официального представителя великого князя Витовта на присяге польской короне, что явно обозначало его высокий статус. Также и на съезд знатнейших правителей Центральной и Восточной Европы осенью 1430 г. в Троках были приглашены и «Одоевские князи»: «Князь великыи Витовт Кестутьевичь съзваша к собе короля Владислава, князя великого московьского Василия Васильевича и князя великого тферьского Бориса Олександровича, и мистра немецького, и прусьскаго, мештеря лифляньского, и велиции послы от Иоана, царя Цариградскаго, и от римьскаго цесаря послы приходили, и от доньского короля, и от великого князя Ивана рязаньскаго, и от волоского воеводы

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.141.

[2] Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье. перевод и комментарии Я.С.Лурье. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С.257, 266.

послы приходили, и Одоевьскыи князи сами были, и от Великого Новагорода, и от Пьскова, и от ордыньскаго царя послы быша, и от иных князеи и земль послы быша»[1]. Сам факт приглашения от имени крупнейшего восточноевропейского политического деятеля косвенно подтверждал князей новосильского дома в качестве носителей великокняжеского статуса[2]. Прямо об этом говорит Супрасльская летопись, указывая их в числе важнейших действующих лиц Восточной Европы: «Ти же велици князи немецки… мистрове, …господарь земли Мольдавскои и Босарабъския…осподарь земли Болгарскои… иные велици князи, велики князь тферьскои и великии князь резанскыи, и великии Одоевъскыи, и Велики Новгород, и великий Псков»[3]. Русские летописи высоко оценивали съезд в Троках: «Князь великий Василей Васильевичь и Фотий митрополитъ былъ въ Троцехъ у Витофта; а тогды къ нему всемъ землямъ сшедшимся: король Ягайло, и князь велики Борис Тверский, Пруский и Немецкий местеръ, и Мазавшанский князь велики, и прочии мнози»[4].

Роль и значение великого князя литовского Витовта в первой трети XV в. сложно переоценить. Без тени сомнения можно утверждать, что он был в это время, по сути, самым влиятельным правителем Восточной Европы. Кроме непосредственного руководства Великим княжеством Литовским, регентства в Великом княжестве Московском, сюзеренитета над большинством формально независимых русских княжеств, следует упомянуть и активнейшее вмешательство Витовта во внутриордынские дела, где ему удавалось не только влиять на борьбу различных партий за власть и стать тем, кто, по сути, имел возможность выбирать и ставить у власти своих собственных кандидатов[5]. А потому статусность и значимость съезда в Троках была чрезвычайно велика.

---

[1] ПСРЛ. Т.35. Летописи белорусско-литовские. М.: Издательство «Наука», 1980. С.34.

[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII - середина XVI в. С.141.

[3] ПСРЛ. Т.35. Летописи белорусско-литовские. С.59.

[4] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.95; ПСРЛ. Т.6. VI. Софийские летописи. С. 143; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.170 и др.

[5] Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460)// Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М.: Наука, 2001. С.174-175; Пономарева И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II// Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583-592.

Следствием особого места великого князя Витовта в урегулировании практически всех конфликтов на территории Восточной Европы в первой трети XV в. было возникновение ситуации, когда в находившихся под его покровительством землях значительно уменьшалась опасность татарских набегов и, опосредованно, увеличивалась результативность созидательного труда жителей. По всей видимости, ориентация на Литву в 1430-е гг. для Верховского исторического региона оказывалась выгодной и политически, и экономически. Литовское государство, время от времени также попадавшее в ситуацию активной борьбы за престол и династические споры, по всей видимости, представлялось верховским князьям (да и большинству представителей верховской аристократии) более стабильным образованием и предпочтительным выбором, нежели Московская Русь.

Непосредственно после названной встречи в 1430 г. Витовт неожиданно умер: «...Витовтъ умре Октября 24»[1]. Его смерть разрушила большое количество политических планов и надежд. Сам Витовт так и не смог короноваться королём литовским, как было запланировано, о чем впоследствии ходило много легенд: «А Жигмонт и Витолт … поставили межи собою писати до папежа о благословении на кролевство Литовское. А кроль Ягейло послал также своих послов до папежа, абы на то не позволил и не благословил, бо гды жь Литва з[ъ]едночона есть з короною Полскою. ...А так поляки... положилися обозом межи лесами… абы послов с коронами похватали. А гды послы доведалися, же поляки на них стерегут, не вдаючися в небезпеченство, вернулись до Жигимонта цесаря до Венгер. Учувши то, Витолт упал в хворобу и умер»[2].

«В лето» 1430 г. как символ разбалансировки ордынской управленческой системы фиксируется нападение татар на Мценск: «Того же лета князь ординский Андаръ воевалъ землю Литовскую и градъ Мченескъ, но города не взялъ, бяше бо тогда въ немъ Григорей Протасиевъ; [Андаръ же давъ Григорию роту [клятву – М.А.] по своей вере, онъ же внявъ тому веру выиде къ нему из града], Андаръ же

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.170.

[2] ПСРЛ. Т.32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Беркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. С.81.

веде его съ собою въ орду къ царю Махметю; царь же поругаася Андару и не похвали его о томъ, и почтивъ Григориа отпусти его»[1]. Процитированный документ повествует о том, что мценский воевода Григорий Протасьев был захвачен обманом и переправлен в Орду, откуда позднее хан его с подарками отпустил. По всей видимости, вассалитет наместника литовскому великому князю сыграл свою роль. Эмир Андар, вероятно, в подобных юридических тонкостях не разбирался.

Смерть Витовта, державшего под своим контролем или деятельно участвовавшего практически во всех политических процессах большинства государственных образований Восточной Европы, привела к ряду серьёзнейших потрясений. Несмотря на обязанность литовских вельмож, в соответствии с актом о Виленско-Радомской унии 1401 г., а позднее – Городельской уний 1413 г., лишь *согласовать* назначенного польским королём великого князя литовского (который, по сути, должен был быть всего лишь региональным наместником), произошло избрание самостоятельного правителя. Как сообщал сам новоизбранный князь Свидригайло: «Божьим промышлением и помощью и волей князей, панов и всей Литовской земли мы избраны и возведены в [достоинство] великого князя и посажены на престол, который по Божьей милости занимали наш отец и наш брат князь Витовт»[2]. Не ясно, было ли это частью сложной многоходовой интриги или последовавшее политическое маневрирование само стало следствием этих событий, но политическая ситуация в конце 1430 г. сразу приобрела конфликтный характер[3]. Вспыхнула борьба между Польшей во главе с польским королём Ягайло (Владиславом II Ягелло) и Литвой во главе с его братом-наследником великим князем литовским Свидригайло, который заключил антипольский союз почти со всеми соседями (в их число, в разной степени, вошли практически все соседи Великого княжества, за исключением самой Польши)[4].

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку». С.95.

[2] Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015.С.148-149.

[3] Там же. С.150-183.

[4] Там же. С.183-193.

Несмотря на ряд поражений, Свидригайло удалось добиться фактической независимости Литовского княжества от Польши.

В ходе этой борьбы ещё раз был обозначен номинально высокий статус знатнейших верховских князей. Свидригайло Ольгердович писал в апреле 1432 г. гроссмейстеру тевтонского ордена: «Не можем также скрыть пред достопочтенною милостию вашею, Великие Князья Одоевские, родные братья, прибыли к нам вчера с многоразличными дарами и просили нас убедительнейше принять их в милость нашу и покровительство, клятвенно обещаясь служить нам до скончания жизни своей»[1]. Интересно отметить, что Одоевские стремились утвердиться под покровительством Свидригайло, несмотря на непрочность его положения в Литве. Ситуация на восточной границе Великого княжества Литовского представлялась несомненно более устойчивой, нежели в Московском княжестве, в котором шла упорная кровопролитная борьба нескольких группировок за власть. Впрочем, довольно скоро (в 1432 г.) неготовый к крупномасштабным военным действиям Свидригайло был свергнут младшим братом Витовта Сигизмундом (Жигимонтом), который ориентировался на тесное взаимодействие с Польшей[2]. Разгорелась собственная гражданская война, продолжавшаяся до 1440 г., когда литовский престол занял сын Ягайло Казимир.

Ещё более серьёзные потрясения настигли Великое княжество Московское. После смерти Витовта в 1430 г., дядя Василия II Юрий Дмитриевич Галицкий, ранее явно опасавшийся деда-регента юного великого князя Василия, обратился к завещанию своего отца Дмитрия Ивановича Донского, в котором тот установил порядок наследования без учета внуков. На этой основе он предъявил претензии на великокняжеский стол, поскольку они соответствовало как тексту документа, так и памятному ещё «лествичному праву» наследования[3]. Для окончательного

---

[1] Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб.: Тип-я Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1835. С.127.

[2] См. Хроника Быховца. Пред., ком. И перевод Н.Н.Улащика. М.: «Наука», 1966. С.85-88.; Полехов С.В. Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском// Вестник московского университета Серия 8 История 2010 № 1. С.35-48.

[3] Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.:Мысль, 1991. С.7-10.

разрешения данного вопроса было решено обратиться к формальному сюзерену в лице ордынского хана.

Несмотря на явную предварительную подготовку и исчезновение поддержки со стороны ныне покойного деда Витовта, на суде у хана Улу Мухаммеда боярину Ивану Всеволжскому удалось убедить ордынского правителя отдать предпочтение молодому Василию II, а не князю Юрию Дмитриевичу, который «хочетъ взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию» (подчёркивая этим большую значимость ханской воли по сравнению с завещанием московского великого князя)[1]. Формально сторона юного великого князя победила, но то, ради чего шла длительная (ещё с прошлого века) и почти успешная борьба московских правителей – возможность передавать престол по завещанию князя, а не по желанию хана – было ради решения конкретного вопроса утеряно. Внутридинастический конфликт разрешить так и не удалось.

Спустя несколько лет борьбы и войн Юрий Дмитриевич в 1434 г. разгромил своего племянника Василия и триумфально занял Москву. Василий II бежал. Сложившаяся ситуация фактически «направляла» действия верховских князей, поскольку, согласно летописям, Свидригайло и Юрий Дмитриевич были побратимами, а верхнеокские земли были практически «окружены» территориями под их контролем при одновременном наличии деятельных ордынских союзников[2].

Вскоре Юрий Дмитриевич неожиданно скончался. Последовала длительная череда интриг в борьбе за власть наследников Юрия Дмитриевича, вновь приведшая на великокняжеский стол Василия II. В последующие годы прослеживается калейдоскопическое сочетание внутренних и внешних заговоров, сражений, союзов, предательств и соглашений, закончившееся установлением стабильности, но сопровождавшееся потерей прежнего фактически единовластного статуса московского великого князя и ростом общей

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.96.
[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.171.

неупорядоченности[1]. Перипетии внутренней борьбы, сопровождавшиеся боевыми действиями, предательствами и ослеплениями по силе эмоционального и политического накала, безусловно, достойны пера Шекспира для своего описания и ярко отражены в исторической литературе[2]. Все эти неустроения внутри Московского княжества и зависимых от него земель и территорий выглядели для внешнего наблюдателя весьма непривлекательно и крайне опасно.

Напряжённая внутриполитическая ситуация на Северо-Востоке Руси значительно осложняла положение пограничных верхнеокских земель и фактически требовала от местных правителей отгородиться от неё государственной границей Великого княжества Литовского. Помимо прочего, к этому побуждала традиционная (исходя из исторического опыта) ориентация московских князей на безусловное приведение своих соседей к покорности. В подтверждение реальности этого достаточно упомянуть пример белёвского князя, земли которого Василий II довольно быстро конфисковал (отправив семью в г. Волок), хотя позднее всё же вернул вотчину наследникам: «…у Князя Михаила дети: Василий да Федоръ… а жил на Волоце… и Князя Федора и Князя Василья Белевских отпустилъ Князь великий Василий Дмитриевичь съ Волока опять въ вотчину ихъ на Белевъ»[3].

Касательно третьей важной силы, действовавшей на территории бассейна Верхней Оки – Орды, которая весьма быстро переходила из статуса государства в состояние, скорее, «ордынского пространства» – несложно заметить, что после смерти Витовта процессы её дезинтеграции ощутимо ускорились. Активизировался рост сразу нескольких центров силы: наряду с традиционным Сараем, начал явно выделятся крымский Кырым (Солхат) с отдельным правителем (первоначально – ордынским наместником), на рубеже XIV – XV в.

---

[1] Зимин А.А. Указ. соч. С.69-79.

[2] См. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках: очерки социально-экономической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы 1960. С.743-810; Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.; Лурье Я. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. С.69-122 и др.

[3] Родословная книга. Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Книга 10. М.: Университетская типография, 1851.С. 157

всё более набиравший авторитет и самостоятельность. Для настоящей работы важно, что верхнеокские земли, судя по более поздним документам, «перешли» в сферу ведения именно крымских правителей, что ощутимо осложняло их юридический статус.

Тесное многолетнее взаимодействие Улу Мухаммеда с Витовтом не подлежит сомнению. После смерти великого князя литовского первоначально было продолжено сотрудничество с его преемником Свидригайло и, как упоминалось ранее, внуком Витовта Василием II. Позднее ситуация изменилась, поскольку Свидригайло (после ряда событий 1433 г.) принял сторону соперника Улу Мухаммеда, Сеид-Ахмеда, и помог тому занять место правителя Крыма[1].

Последовавшие неудачи в Поволжье привели в 1437 г. Улу Мухаммеда с 3-тысячным отрядом к верхнеокскому Белёву: «Тое же осени пришедъ царь Махмутъ, седе въ граде Белеве, бежавъ отъ иного царя»[2]. Судя по всему, он ожидал доброжелательного к себе отношения со стороны московского великого князя, которому ранее неоднократно (хотя и не бесплатно) оказывал покровительство[3]. Да и поздние данные Казанского летописца указывают на предварительное согласие московского великого князя на перемещение хана на формально его же верхнеокские земли: «И даша ему князь велики, царю, в качевище Белские места»[4]. Впрочем, Казанский летописец в этом сюжете, скорее, говорит о том, как *должен* был поступать великий князь, который властью хана «на великое княжение посажденъ бысть и сыномъ своимъ (хана- М.А.) названымъ» был признан[5].

Вряд ли хан мог рассчитывать на поддержку местного белёвского князя: поскольку упоминание о нахождении такового в этот момент времени «на отеческом столе» не встречается ни в одном из многочисленных источников,

---

[1] Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015. С.332-334.

[2] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.188.

[3] Пономарева И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II// Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583-592.

[4] ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском Царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1903. Стб. 15

[5] Там же.

следует полагать, что тогда суверенитет Белёвского княжения (после его фактического подчинения Московскому государству) был утрачен, хотя оно и продолжало числиться ордынским владением, переданным в управление с одновременным делегированием обязанности уплаты «выхода». Белёв, исходя из контекста сообщений, в тот момент был подчинён московским властям, вследствие потребности местных князей во внешней защите из-за принадлежности одоевских правителей к партии Свидригайло, проигрывавшего борьбу за власть правившему в Великом княжестве Литовском Сигизмунду.

Несмотря на позитивный характер прежнего взаимодействия, Василием II к Белёву против хана было послано 30-тысячное московское войско: «князь же великий Василей Василиевичь послал на него дву князей Дмитреевъ Юриевичевъ и прочихъ князей множество, съ ними же многочислены плъки, а царю въ мале тогда сущу. Идущимъ же имъ къ Белеву все пограбиша у своего православного христианьства, и мучаху людей изъ добытка, и животину бьюще назадъ себе отсылаху, а ни съ чимъ же не розойдяхуся все пограбиша, и неподобнаа и сквернаа деяху»[1]. Несложно заметить, что источник обращает внимание на неподобающее поведение московских воевод (в которых легко узнать Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного), чьи полки на пути к городу грабили православных. По всей видимости, грабежи распространялись не на старых подданых московского княжества, речь, скорее всего, идёт о местных верховских жителях, попавшихся князьям по дороге – в Воротынском, Одоевском и Белёвском княжествах.

Численное превосходство и успех первого натиска не помог московскому войску, которое на второй день было Улу-Мухаммедом разбито: «…попусти Господь невернымъ одолети многому въинству православнымъ христианомъ. яко неправедне бо ходящемъ нашимъ и свое христианьство преже губящимъ и худое оно малое безбожных воиньство безчисленное христианъ воиньство съодоле и изби, яко единому Агарянину десяти нашимъ и выше того одолети. Князи же

[1] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.107.

болшие убегоша здрави»[1]. Следует отметить, что Белёвское сражение 1437 г. было одним из эпизодов большого, долгого и чрезвычайно запутанного клубка интриг, которые вели между собой Вильно, Москва, Орда, а также великое множество иных (более мелких) игроков. По сути, в это время Верховские земли стали одним из физических центров реализации различных тенденций и направлений восточноевропейской политики[2].

Некоторые летописцы указывают на неподобающе мирное поведение мценского воеводы Григория Протасьева, который «сотвори крамолу, хотяше бо лестию промежъ ихъ миръ сотворити»[3]. Учитывая описанную роль Улу Мухаммеда в предшествующем освобождении мценского наместника (являвшегося, к тому же, подданым литовского князя) из крымского полона, попытка примирения сторон воеводой представляется морально оправданной. Тем более, что десятикратное численное превосходство московского войска явно подразумевало невозможность его проигрыша, которая, впрочем, сенсационно была опровергнута.

Летописная неправедность московских князей оттенялась, как бы странно это не звучало, летописным же благочестием ордынского хана – легенды приписывают победу хана его поддержке со стороны православного святого Николая Угодника, к которому Улу-Мухаммед взмолился в обиде на чёрную неблагодарность великого князя[4]. Большинство летописей весьма сочувственно отзываются об Улу-Мухаммеде в той ситуации, полагая его жертвой несправедливого отношения. Хан, впечатлённый неблагодарностью великого князя, ушёл в Поволжье (по одним данным в Нижний Новгород, по другим – в Казань), где его приняли весьма благожелательно. Ситуация с хрониками указывает на то, что национальная (и, даже в некоторой степени, религиозная) идентичность значили для образованного летописца значительно меньше, нежели

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. Спб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. С.189.

[2] Селиверстов Д.А. Белёвская битва 1437 года (1)// Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С.303-316.

[3] ПСРЛ. Т.6. Софийские летописи. 1853. С.150.

[4] Беспалов Р.А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и Белевская битва 1437 года// Вестник «Альянс-Архео». Вып.20. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С.3-38.

социальная: верность господину (в данном случае иноверному хану) в его восприятии является одной из важнейших черт достойного поведения. Следующий 1438 г. год также был не слишком удачным для всеми преданного хана – территория от Нижнего Поволжья по Северное Причерноморье перешла под контроль конкурирующего чингизида Кичи-Мухаммеда[1]. Поэтому его решение отойти в лояльный Булгарский улус и основательно там укрепиться выглядит вполне обоснованным.

Последствия Белёвского сражения оказали весьма значительное воздействие на ход практически всех восточно-европейских политических процессов. Улу-Муххамед фактически стал основателем Казанского ханства (официально это сделали его потомки), весьма влиятельного восточноевропейского государственного формирования, и надолго сохранил негативное отношение к московскому великому князю как к клятвопреступнику, что выразилось в длинной череде московско-казанских столкновений и войн: по подсчётам Ю.В.Селезнева только крупных, оставивших след в летописях, было с 1438 г. по 1447 г. не менее девяти[2].

Новый виток конфронтации начался в 1445 г., когда во время сражения под Суздалем великий князь Василий II попал в плен к Улу-Мухаммеду. За освобождение великого князя татарами был назначен гигантский выкуп[3]. Сбором денег занялись отряды татар, которые приехали вместе с Василием II: русские земли были розданы им в кормление, в Мещере было создано отдельное Касимовское ханство во главе с сыном Улу-Мухаммеда Касимом. В ответ сложился широкий антитатарский заговор, нацеленный, прежде всего, против Василия II. В 1446 г. Василий II был захвачен заговорщиками и ослеплён, затем выслан в Углич. По версиям летописей это была месть за ослепление Василия Косого, а кроме того, слепой, по обычаям того времени, не мог править страной.

---

[1] Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1971. С. 140-141, 150.

[2] Селезнев Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII-XV веков. Справочник. М.: Квадрига, 2010. С.136-137, 139-147.

[3] ПСРЛ. Т.18.Симеоновская летопись. С.193-195.

Но здесь заговорщики-патриоты просчитались: после болезни великий князь, получивший прозвище Тёмный, продолжил борьбу за стол и, в конце концов, вернул его себе, опираясь на поддержку московского служилого населения. Другой сын Юрия Галицкого, Дмитрий Шемяка первоначально поддерживал Василия II в борьбе со своим братом, но затем, после того, как Василий II привёл татар на Русь, возглавил борьбу против него. Шемяка несколько раз занимал московский стол и был отравлен по приказу Василия II в 1453 г.[1]

В московскую усобную «мясорубку» верховским князьям попадать не хотелось. Потому достигнутое ещё с Витовтом соглашение было подтверждено договоренностью 1442 г. с его преемником Казимиром IV. Согласно сохранившейся копии грамоты от 20 февраля 1447 г., «княз(ь) Федор Лвович новосильскии и одоевскии, билъ есми чоломъ великому князю Казимиру королевичу, ижъ бы мене прынял в служъбу, и великий княз(ь) Казимир королевичъ, по моему чолобитью мене жаловалъ, прынял мя у службу, по князя великого Витовътову доконъчанью»[2].

За свою готовность служить Литовскому государству (а также потенциальную договороспособность его зятя Ивана Можайского) Фёдор Львович Воротынский (Новосильский) уже в феврале 1448 г. получил от Казимира IV, ставшему к тому времени ещё и польским королем, земельные пожалования в «Смоленской державе» (волости Городечна, Колуговичи, Ужперед, Ковылна и Демена), позже закреплённые за его детьми в качестве наследуемого владения: «Казимиръ, Божью милостю король. Дали есмо… волости наши въ держанье… а узревши его верную службу къ намъ, то учинили и его детемъ такожъ… на имя волости: Демона а Городечна съ Ужеперетомъ, Ковылна, Крайшина… Кцинъ, Озерескъ, Перемышль, Логинескъ, Немъчиновский дворъ нашъ у Смоленску»[3]. Что интересно, волости эти уже имели владельцев в лице знатных смоленских бояр, а потому передача этих земель Фёдору, князю

---

[1] См. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.286 с.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.- Л.: Изд-во АН СССР , 1950. С.117-118.

[3] Русская историческая библиотека, т.XXVII. Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая: Книга записей. СПб.: Сенатская типография, 1910. Стб.52.

Новосильскому, Одоевскому и Воротынскому, означала переподчинение владельцев, ранее выходивших прямо на литовский великокняжеский двор. Есть основания предполагать, что эти земли ранее входили в состав Карачевского княжества[1]. Более того, Фёдор Львович был назначен королевским наместником в Козельск, ещё несколько лет назад бывший московским анклавом внутри литовских земель: хотя вполне возможно, что анклавом была его часть, а Москва и Вильно до того владели долями города, так как «Список городов русских» относил Козельск и к литовским и к смоленским городам, что может говорить о существовании отдельных долей внутри этой административно-территориальной единицы[2].

31 августа 1449 г. было достигнуто новое московско-литовское соглашение, более чётко определявшее сферы влияния и границы противоборствующих государств. Согласно «Докончанию великого князя Василия Васильевича с королём польским и великим князем литовским Казимиром» верховские княжества, «смоленские места», Мценск и Любутск признавались законным владением Литвы[3]. Город Серенск оставался совместным владением. Имелся ряд территорий совместного ведения на северном участке границы. Новгород и Псков считались московской зоной влияния, Тверь – литовской. Рязанское княжество могло, при желании, уйти под защиту Москвы. Москва старалась представить себя покровительницей Верховских княжеств, поскольку особо оговаривалось, что «верховъстии князи што будут издавна давали в Литву то им и нинечы давати, а болше того не примышляти»[4]. Этим же докончанием определялись условия по взаимной защите детей великого князя и короля в случае преждевременной смерти кого-либо из отцов. Представляется, что одной из значимых причин заключения взаимовыгодного соглашения, несмотря на явную конкурентность между великими княжениями, стала политическая нестабильность в обоих

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.142-146.

[2] Тихомиров М.Н.Список русских городов дальних и ближних. С.224-225.

[3] Духовные и договорные грамоты. С.160.

[4] Там же. С.162.; См.: Темушев В.Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе// Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі., серыя гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77-79.

государствах, обусловленная периодическим появлением сторонних претендентов на главные столы.

Титулы глав высоких договаривающихся сторон фиксируют имеющийся статус и уровень притязаний сторон: Казимир IV в договоре выступает в двойной ипостаси – как король польский и великий князь литовский, русский, жомойтский и иных земель, а Василий II Васильевич – как князь великий московский, новгородский, ростовский, пермский и иных земель[1]. На это стоит обратить внимание, поскольку неприменение в титулатуре московского князя определения «русский» здесь важно – Василий Васильевич ещё не претендовал на место властителя всей Руси. Впрочем, возможна и узкая трактовка значения «русский» как имеющий отношение к первоначальной «русской земле», прилегающей к Киеву либо, в ином варианте, – к прежнему Галицко-Волынскому княжеству территория которого (как и *при*киевская) была известна не позднее XIV в. как «Малая Русь» (Μικρα Ρωσία)[2].

Названные титулы напоминают нам важную общественно-политическую позицию XV в. Для современников «русскость» либо «литвинность» правителя как этнокультурная характеристика не относилась к числу значимых категорий. Некоторое, хотя и не столь важное (скорее как часть политической ориентации), имела конфессиональная его принадлежность. Время религиозных войн XV-XVII вв. на эти земли ещё не пришло. Важно, что ходе описываемых событий и Казимир IV и Василий II выступали как законные правители русских земель. В такой ситуации, переход любого верховского князя на службу от одного к другому и обратно не мог рассматриваться как непатриотичный, и уж, тем более, как предательство национальных интересов (ввиду отсутствия единой нации как таковой). У правителей русско-литовского пограничья (как и прочих владетелей) того времени не существовало нравственной проблемы выбора Родины или измены ей. В любом случае они не покидали русских земель, не переставали быть русскими людьми, не теряли связи с православием и национальной культурой.

---

[1] Духовные и договорные грамоты. С.160.

[2] Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.13-18, 24, 28, 29-32, 63-64, 75-76, 85-86 и др.

Позиция верховских князей была естественным отражением исторического процесса национально-политической дифференциации территорий бывшего Древнерусского государства, в ходе которого решалась, помимо иных, и задача создания базы для консолидации будущей великорусской народности.

Государственная принадлежность верхнеокских земель была одним из принципиальных (хотя и отнюдь не главных) геополитических факторов развития восточноевропейской истории. Включение всего Верховского исторического региона в состав Литовского государства (находившегося в личной унии с Королевством Польским) могло заметно усилить, прежде всего, его политический авторитет и, в некоторой степени, экономические возможности. Верховские земли для Литвы были восточной окраиной, уступавшей по своему значению западным регионам и подверженной периодическим грабительским набегам различных татарских «царевичей» и «князей». Их прямое присоединение для Великого Литовского княжества могло быть важно с точки зрения борьбы со своим постоянным соперником в деле собирания русских земель – Великим княжеством Московским. Их изъятие из состава Литовского государства ослабило бы его, но не создало бы принципиальной угрозы для его дальнейшего существования.

Верховские княжества для Москвы были б*о*льшей ценностью, нежели для Литвы. Их включение в состав формирующегося Московского государства имело, в определённой степени, принципиальное значение. Для Москвы верховские земли могли стать одновременно и форпостом продвижения на запад, и защитой от возможного нападения враждебных сил с Запада. Присоединение территории Верхнеокского (Верховского) исторического региона к Московскому государству стало бы демонстрацией его военно-политического могущества, показателем успехов в объединении под своей властью русских территорий. Для Москвы верховские земли в XV в. были западным рубежным регионом, относительно удалённым от основных путей татарских вторжений на Русь, имевшим долгую историю торгово-экономического развития, и населённым более плотно, чем тогдашние южные и восточные части государства. Для московских князей эти

территории, по всей видимости, представлялись ценным приобретением, способным значительно поднять их общественно-политический статус.

С середины XV в. прежнее соперничество постепенно превратилось на Верхней Оке в прямое противостояние: усиление московской стороны вело к ослаблению литовской и наоборот. Со второй половины XV в. на широко понимаемой литовско-московской границе, значимой частью которой был Верхнеокский (Верховской) исторический регион, началось решение вопроса о выборе основных геополитических направлений исторического развития будущей России.

В середине XV в. юридическое подтверждение законности литовского протектората над Верховскими княжествами обновилось в рутинном порядке. В 1459 г. был заключён новый договор («докончание») князей новосильских Ивана Юрьевича и его двоюродных племянников Федора и Василия Михайловича с королём польским и великим князем литовским Казимиром Ягайловичем, согласно которому князья «били есмо челом королю Казимиру, г(о)с(по)дару, великому кн(я)зю, абы нас прынял у службу, по дяди своего, великого кн(я)зя Витовътову, доконъчанью»[1]. Все подобные документы того времени подчёркивают наличие просьб князей об их принятии на литовскую службу, что свидетельствует о наличии у них чётко выраженного стремления находиться под покровительством сильного сюзерена в лице Казимира IV.

Влияние великого князя литовского и короля польского Казимира IV было велико не только в верховских землях. Его авторитет в иных русских землях также был очень высок. Достаточно напомнить, что после смерти Василия II Тёмного в 1462 г. опекуном его детей, согласно завещанию, должен был быть именно Казимир IV: «…приказываю свою кн(я)г(и)ню, и своег(о) с(ы)на Ивана, и Юрыя, и свои меншие дети брату своему, королю польскому и великому кн(я)зю литовъскому Казимиру по докончальной нашей грамоте…»[2]. Это был вполне обоснованный и, вероятно, верный выбор старевшего Василия II. Казимир IV за

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.192.
[2] Там же. С.197.

все время своего правления ни разу серьёзно не побеспокоил Москву, чем его упрекали многие литовские и польские современники. Казимир не стал использовать удобную для него ситуацию ослабления Великого княжества московского, чтобы оторвать себе кусок от соседнего государства.

При рассмотрении ситуации в соседних Литовском и Московском государствах в середине XV в. причины выбора верховскими князьями в качестве сюзерена литовского, а не московского великого князя, выглядят обоснованными и разумными. Гражданские волнения в Литве обошли Верховские княжества стороной, зато и татары с московскими князьями практически не наведывались с требованиями дани. Судя по всему, вопросы принадлежности верхнеокских территорий решались путём получения великими князьями литовскими у крымски ханов ярлыков на формально ордынские земли (в том числе, верховские): «Czernieiow z ziemiami, wodami, i pożytkami ich; Bryczienszinassf [sic], Luscza, Chotmy, Slenniczany [sic] z ziemiami, wodami, i pożytkami ich; Siewierskyh Nowohrod, Rilsko z wodami, ziemiami, i ze wszemi pożytkami ich; Rylsko [sic]; tumyen Szaraiewicza Jagalta wyssuyui [sic] z ziemiami, wodami, i pożytkami ich: Midzass, Uspuł;j Starodub, Bransko z ziemiami, wodami, i ze wszemi pożytkami ich; Mychalsko, Mobutulsko, Tula z wodami, ziemiami, i ze wszelkimi pożytkami ich; Biresta i Ratuznisko, Alibsko [sic], Burunsko, Kulminsko i Saschonar z ziemiami, wodami, i ze wszelkimi pożytkami ich… Černihiv along with lands, waters, and their profits; … Byryn, Synec, Losyčy, Xotmyšl’, and Nycjany along with all their lands, waters, levies, and incomes;… Novhorod-Sivers’kyj and Ryl’sk along with waters, lands, and all their profits; … Kursk;… the whole tümen of Jagoldaj, son of Saraj, along with lands, waters, and their profits: Mužeč and Oskol;… Starodub and Brjansk along with lands, waters, and all their profits; … Mcensk, Ljubutsk, and Tula along with waters, lands, and all their profits;… Berestej and Retan’, Kozel’sk, Pronsk, Volkonsk, Spažsk, Čynamir along with lands, waters, and all their profits»[1]. Текст копии ярлыка хана Хаджи Гирея великому князю Казимиру в польском варианте (с английским

[1] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents/ Kołodziejczyk D. Leiden, Boston: Brill, 2011. pp.530-532.

переводом) датирован периодом с 22 сентября 1461 по 14 сентября 1463 г. Такие же по содержанию ярлыки продолжали предоставлятся правителю Литвы и в последующем – Менгли Гиреем Казимиру в 1472-1474 гг., а упоминавшийся ранее ярлык Менгли Гирея Сигизмунду 2 июля 1507 г. [1]

Можно утверждать, что существование под литовским протекторатом обеспечило «Верховии» несколько десятилетий спокойной жизни. Именно в это время было начато большое каменное строительство в центрах княжеств. Вероятно, что основными источниками доходов для княжеств и земель верховского региона были торговля зерном с северными и восточными соседями, а также обеспечение транзитной торговли по все ещё функционировавшему окскому торговому пути[2].

Относительно недавно появилось сообщение о наличии в польском Главном архиве древних актов (Archiwum główne akt dawnych (AGAD) документа, содержащего текст ранее не опубликованного договора (докончания) от 26 января 1481 г. между польским королём и литовским великим князем Казимиром и князем Новосильским и Одоевским Михаилом Ивановичем, согласно которому последний присягает первому от себя, а также от имени своего брата Федора и племянника Ивана Васильевича. После сообщения приведён полный текст грамоты, который прямо подтверждает предположение о том, что каждое новое поколение верховских князей новосильской династии заключало со своим литовским сюзереном новый вассальный договор[3]. Форма его оставалась неизменной, «в результате некоторые статьи приобрели к концу столетия совершенно архаичный характер. …В докончаниях Новосильских князей как бы навечно застыла эпоха Витовта, рубеж XIV-XV вв.»[4]. Документы об отношениях с князьями новосильского дома всех линий, несмотря на многолетний вассалитет,

---

[1] Там же. pp.539-543, 555-560.

[2] Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. Серия «Україна крізь віки». Т. 6. Київ: Альтернативи, 1998. С.247-249.

[3] Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя навасільскага і адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г.// Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С.292- 293.

[4] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. С. 48,50-51.

продолжали числиться в делах внешних сношений Великого княжества Литовского. Помянутое соглашение является одним из последних в ряду «докончаний», заключавшихся между правителями Верховских княжеств и великим князем Литовским. В 1483 г. своё докончание с польской короной и литовским столом было подписано «…князьями Воротынскимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ, Дмитриемъ и Симеономъ Феодоровичемъ и племянникомъ ихъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ»[1]. Оно стандартно по содержанию и, судя по всему, является последним из череды известных нам соглашений.

Уже с начала 1470-х гг. власть московского князя на Северо-Востоке Руси стала укрепляться ускоренными темпами: началось постепенное, но неуклонное собирание русских земель под рукой Ивана III. В Московском государстве ликвидируется большое количество внутренних уделов, к нему присоединяются Ярославское (1471 г.) и Ростовское (1474 г.) княжества[2]. В результате военных действий 1471 г. и 1477-78 гг. под контроль Москвы окончательно перешёл Новгород: несмотря на неоднократные обращения к польскому королю, Казимир IV помощи Новгороду не оказал[3]. Московское княжество явно усилилось и могло отныне концентрировать свои силы и усилия на западной – литовской – границе.

К концу третьей четверти XV в. наметились расхождения в особенностях администрирования различных частей верховских земель. В связи с этим представляется целесообразным отметить внутренние различия и обозначить специфические черты развития и существования отдельных верховских княжеств и земель, внутри которых сформировавшиеся ранее особенности развития Верховского исторического региона проявились с разной степенью наглядности.

§ 6. Особенности существования отдельных Верховских земель и княжеств

Имеющаяся информация о размещении поселений в Верховском

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.100.

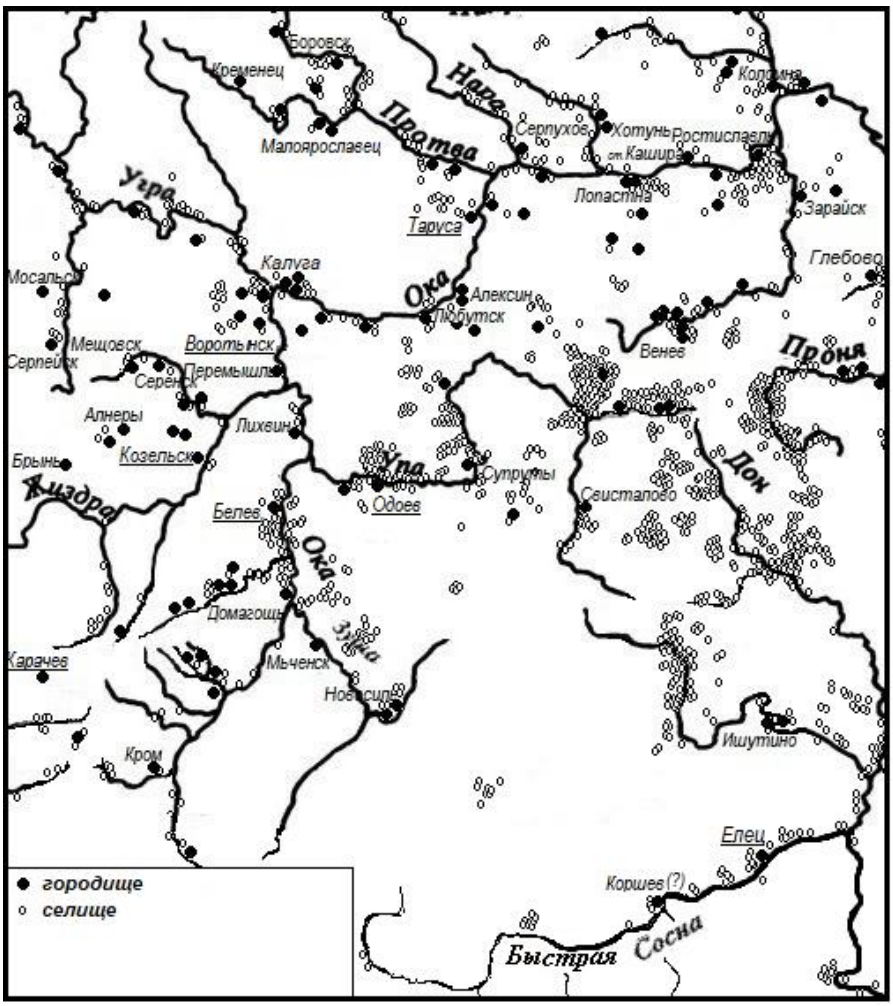
[2] Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. С.813-830.

[3] Черепнин Л.В. Указ. соч. С.862-874; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славяынских культур, 2008. С.292-330; Горский А.А. От земель к великим княжениям. С.135-136.

(Верхнеокском) регионе в XIV в. отражена на Рисунке 22, что позволяет прийти к некоторым выводам[1].

Рисунок 22

Территориальное размещение населения Верхнеокского региона в XIV- XV вв.



Прослеживаемые структурные изменение демонстрируют меньшую степень воздействия высокой подвижности внутренних политических границ региона на структуру расселения Верхнеокского региона, чем можно было бы ожидать при рассмотрении событий военно-политической истории. Безусловно, специфика сохранности археологических объектов, ставших основой составления данной карты-схемы, играет свою роль при формировании общей картины, но генеральные тенденции специфика археологических источников уловить

[1] На основе «Археологической карты России» разных регионов; юго-восток региона – см.Тропин Н.А. На Юго-востоке Руси…С.12.

позволяет. Сопоставление с Рисунками 13 и 17 демонстрирует явную модификацию прежней схемы расположения населённых пунктов.

По сравнению с предшествующими (черниговским и вятичским) периодами заметны отличия в расположении мест концентрации населения. В частности, как уже указывалось в прошлой главе, исчезла целая полоса укреплённых и неукреплённых поселений к северу и к югу по течению Оки от места впадение в неё р.Упы, в вятичское и раннечерниговское время чётко прослеживаемая и носившая, вероятно, важное значение сопровождения пересечения нескольких крупных транспортных маршрутов.

Население, ранее наиболее сконцентрированное здесь вдоль течения Оки (в местностях, оставивших выраженно многочисленные материальные следы вятичской эпохи), судя по данным картограммы, перемещается на восток, в окрестности Одоева – к северу и югу от него. Одним из вероятных вариантов причин этого представляется падение значимости прежних (ещё «вятичских») мест, чрезвычайно насыщенных погребальными курганными комплексами, ранее весьма значимых для отправления языческих ритуалов и осуществлявших, по всей видимости, функции не только религиозного, но экономического и административно-военного центра. Установление полного княжеского контроля над территориями закономерно вело к ликвидации старых управленческих центров и становлению новых.

На депопуляцию местности в большой степени мог также повлиять сбор в этих местах нескольких отрядов монгольских войск во время завоевательной кампании 1238 г. – после него восстановлению и заселению подлежали, в первую очередь, «княжеские» города. Очевидно прослеживается и сокращение количества укреплённых поселений на территориях, непосредственно прилегающих к р.Дон и верховьям р.Упа, при одновременном увеличении числа неукреплённых селищ, что вполне укладывается в золотоордынскую доктрину недопущения врага к поселениям. Число же городищ (укрепленных поселений), расположенных вдоль широтного течения Оки (с учётом исчезновения ряда прежних и постройки новых), сократилось незначительно.

Наблюдается общая тенденция сокращения общего числа укреплённых поселений. Заметно их «оттеснение» на север и северо-запад при том, что юго-восток и центр верхнеокских территорий приобретают характер местностей не «отягощённых» внушительными оборонительными сооружениями. Таким образом, для рассматриваемого периода можно констатировать постепенное перемещение центров самостоятельного территориального управления к северу территории при сохранении, в целом, общей освоенности и заселённости бассейна Верхней Оки.

К сожалению, информации (даже косвенной) о численности проживавшего на этой территории населения нет, поскольку монгольские переписи ушли в прошлое. Можно говорить лишь об общих тенденциях роста либо сокращения числа жителей. Местные «города», по-видимому, всё ещё сохраняли преимущественно административную и оборонительную функции, поскольку не являлись урбанизированными структурами, на постоянной основе притягивающими к себе территориальные демографические ресурсы. Исходя из преимущественно сельского характера расселения, преобладавшего на Восточно-Европейской равнине вплоть до начала XX в., для оценки реальной численности населения можно учитывать *общее число поселений* всех уровней. Этот показатель выглядит относительно постоянным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Прослеживаемые процессы подтверждают, что верхнеокские земли и княжества, несмотря на бурную политическую историю, продолжали характеризоваться наличием сходных черт в социальном и демографическом развитии. Изменения маршрутов прохождения политических границ лишь отчасти (конкретно – на юго-востоке) повлияло на это единство. По всей видимости, имевшиеся политические различия в относительно малой степени воздействовали на процессы, происходившие внутри цельного и единого конгломерата государственно-политических образований, известного как Верховской (Верхнеокский) исторический регион. Глубина воздействия такого рода процессов на действительность была, по всей видимости, вполне

сопоставима с влиянием хронологически синхронных внешних и внутренних военно-политических факторов.

Важное значение имела степень политической самостоятельности каждого из государственно-территориальных формирований Верхнеочья. По продолжительности сохранения относительно высокого уровня субъектности, выделяются четыре категории верхнеокских земель и княжеств. К первой категории, без сомнения, следует отнести Новосильское княжество и дочерние по отношению к нему княжества Одоевское, Воротынское и Белёвское. Все они длительное время (до начала XVI в.) сохраняли относительную политическую самостоятельность и определённую степень государственного суверенитета, что позволяло вступать в блоки и союзы с различными участниками восточноевропейской политики. Помимо прочего, их возглавляли собственные династии, возводимые к черниговскому княжескому дому.

Второй категорией являются те Верховские княжества, которые потеряли к концу XIV - началу XV в. б**о**льшую часть прежнего политического веса и, по сути, лишились суверенитета, хотя, в виде своих административных преемников (выделившихся уделов), и продолжили формальное существование до конца XV в. К ним относятся Козельское, Карачевское, Тарусское княжество (и его преемники – Волконское, Мезецкое, Конинское, Оболенское, Спажское). Козельское и Карачевское в XV в. потеряли свою черниговскую династию, а наследники тарусской ветви фактически перешли на положение служилых князей. Сюда же можно отнести рано выделившийся в самостоятельную административную единицу Мьченеск (Мценск)

К третьей категории следует отнести земли, прилегающие к современной Туле, имевшие уникальную историческую судьбу. Эти территории, в прежние «дорусские» времена явно относившиеся к ядру Земли вятичей, после монгольского завоевания попали под непосредственное управление ордынских администраторов-управленцев (баскаков, даруг). Условно обозначаемое «Тульское баскачество» (данный термин неофициален) просуществовало, по всей видимости, до второй половины XIV в., а затем основная часть его территории

была разделена между Московским и Рязанским великими княжествами. Здесь о династической преемственности говорить не приходится. Отнесение Тульского баскачества к верховским землям дискуссионно и должно быть определено только после накопления источникового материала и дополнительного изучения.

Четвёртой категорией (хотя и небесспорно, поскольку его можно счесть результатом взаимодействия второй и третьей) можно полагать Елецкое княжество, ставшее производным матримониального взаимодействия козельских и рязанских князей. Оно просуществовало недолго, было создано в конце XIV в. на основе южной части земель, ранее входивших в Тульское баскачество, и характеризуется малым числом летописных упоминаний. Основные его характеристики восстанавливаются на основе данных археологических исследований. Дата его окончательного падения в результате набега кочевников – 1414/1415 гг.

Новосильское княжество было крупнейшей и самой значимой частью верховских земель. Его история является наиболее показательной для рассмотрения прошлого всего Верхнеокского региона. Это княжество, по всей видимости, следует определить как старшее среди группы княжеств, объединённых по признаку родового владения землями и возводящих своё происхождение к Михаилу Черниговскому, а также как наиболее вероятный центр учёта и сбора даней. Вопрос о великокняжеском статусе князей новосильских до настоящего времени не решён однозначно и рассматривается разными историками по-разному[1]. Весомые аргументы в пользу того, что новосильские владетели имели право на титул «великих» князей даёт упоминавшееся ранее послание великого князя литовского великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу, а также их многочисленные браки с княжнами знатнейших литовских фамилий. Помимо того, Новосиль упомянут как равнозначный в списке великокняжеских столов для возможного поставления отдельного «…митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль,

[1] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. С.135-136.

Нижний Новгород» (после Малой Руси, но раньше Нижнего)[1].

Попытки реконструкции генеалогического древа Новосильских князей, основанные на материалах летописей и дошедших до нашего времени поминальных синодиках, предпринимаются с XIX века по настоящее время российскими, польскими, украинскими и белорусскими исследователями. Полное единство мнений в данных вопросах до сих пор не достигнуто, но наиболее вероятные варианты генеалогического древа вполне известны[2]. Ранее уже были описаны особенности и сложности выявления реальных основоположников новосильской династии. Упоминания представителей этой ветви Рюриковичей в XIV в. достаточно фрагментарны. Некоторая неясность в описании порядка наследования новосильского стола в сочетании с общим признанием его со стороны княжеских династий соседних территорий, говорят о вероятности внутридинастического перехода этих прав к иной династической ветви после казни князя Александра Семеновича Новосильского с сыном в Орде в 1326 г. Предполагаемыми наследниками могли стать представители глуховской ветви рода[3]. Последующие десятилетия в информационном отношении пусты либо недостоверны.

Известно, что упоминаемый в княжеских грамотах князь Семён Новосильский продал Москве часть удалённых от основной территории государства земель между 1340 и 1348 г.[4] Вероятность его личной принадлежности к прямым потомкам погибшего в Орде князя Александра

---

[1] Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Т.6. Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. Памятники XI-XV в. СПб.: Тип-я Имиператорской Академии наук, 1880. Приложения. Стб.140.

[2] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., издание Археографической комиссии, 1892. 374 с.; Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J.Filipowcza, 1895; Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012; Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст] / Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І. Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с.; Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы)// Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 13. Брянск: РИО БГУ, 2011. С.63-97. и др.

[3] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. С.105-111.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.12, 14; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси// Средневековая Русь. Вып.5/ Отв. редактор А.А.Горский. М.: Издательство «Индрик», 2004. С.150.

невелика. Как следует из документов, до 1371 г. у князей новосильских были московскими князьями приобретены волости Калуга и Роща (расположенные у реки Калужки и в верховьях рр.Тарусы и Суходрева соответственно), что вывело московские владения непосредственнно к основным территориям Козельско-Карачевского и Новосильского княжеств[1].

Князь Иван Семенович Новосильский был старшим в своём княжеском доме, в 1371 г. женился на дочери князя Ольгерда Гедиминовича, но вскоре умер (в 1371 г. или в 1372 г.). Его брат Роман Семенович Новосильский подчёркнуто упоминается в литовско-московском договоре 1372 г. как ***великий князь*** и союзник Дмитрия Донского[2]. При нем фактическая столица княжества, после взятия Новосиля татарами Мамая в 1375 г., переместилась в Одоев. Последнее упоминание о городе как функционирующей столице встречается в московско-рязанском договоре 1402 г.[3] Позднее титул «новосильский», судя по всему, отделился от города и означал принадлежность к первенствующей ветви династии. По всей видимости, именно в последние десятилетия XIV в. был окончательно сформулирован особый (вероятно, великокняжеский) статус этого государства, уже без привязки к его столице. Но и через столетие – в конце следующего XV в. – между князьями Одоевскими шло разбирательство о «о болшомъ княжение по роду, по старейшиньству», к которому они привлекали великого князя московского, как ранее было предусмотрено для польского «короля и великого князя»[4].

Помимо уже процитированного выше письма Витовта магистру Ордена с указанием титула новосильского владетеля в одном ряду с прочими русскими великими князьями («grosfursten heiset, die Rasanischen, als die von Preaslaw, die

---

[1] 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.135-136.; Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С.95-96.

[2] Кучкин В. А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года [Часть 1]// Древняя Русь. 2000. №1. С.3-5; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.22.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. С.53.

[4] Сборник Императорского российского исторического общества. Т.35. С.59; см. Духовные и договорные грамоты. С.193.

von Proniesk, die von Nowossilesk»), на особый статус княжения указывает применение термина одоевская «подать» («пошлина»), который активно использовался без пояснений и детализации в поздней переписке между крымским ханом и великим князем московским[1]. Строго говоря, наименование денежных поступлений хану от «одоевских городов» различается в разных документах – «ясак», «пошлина», «поминки», «корм с волостей», «годовой взимок»[2]. Вне зависимости от того, какой термин используется, конкретизирует эти понятия прилагательное «одоевский», а не «новосильский» и, конечно же, не «брянский (черниговский)».

Судя по всему, после переноса княжеской резиденции использование первоначального титула «Новосильский» стало сопровождаться упоминанием титула «Одоевский», а затем, в свете фактического местонахождения столицы в Одоеве, употребление титула «Новосильский» (ввиду сопоставимости обоих городов по размерам), вероятнее всего, перешло в разряд малоупотребительных архаизмов, редко используемых впоследствии. Либо применяемых исходя из двойственного значения слова «князь»: не только как наследственного владетеля и обладателя титула, но и как военно-административного ненаследного руководителя объекта, территории, вооружённого формирования[3]. Это время (окончательный перенос династического центра в Одоев), судя по всему, стало моментом очередной фиксации старшинства во владельческих княжеских родах, происходивших из Чернигова. Старшинство уже ушло из Брянска и Новосиля, зафиксировалось в Одоеве, но к следующему центру влияния (которым мог бы стать к концу XV в., к примеру, стремительно усиливавшийся Воротынск) перейти не успело. Данная «транзитная» ситуация была характерна для верховских территорий в конце XIV в. – первых десятилетиях XV в.

---

[1] Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Codex epistolaris Vitoldi. Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430. Collectus opera. Antonii Prochaska. Krakow: Czcionkam drukarni WL.L.Anczyca I sp. 1882. С.779; Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. С.306.

[2] Сборник Императорского РИО. Т.41. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°, 1884. С.269, 306; Сборник Императорского русского исторического общества. Т.95. СПб.: Печатня С.П.Яковлева, 1895. С.29, 158, 522, 638.

[3] Советская историческая энциклопедия. Т.7. Каракеев-Кошакер. Гл. ред. Е.М.Жуков. М.: «Советская энциклопедия», 1965. Стб.447-448.

Лев Романович, князь Новосильский и Одоевский, унаследовал стол отца после 1402 г. Роль его в становлении фамилии Воротынских не вполне ясна – в случае наличия детей (что дискутируется), он мог быть основоположником всей ветви Воротынских. Семён Романович указан как новосильский князь в упомянутом ранее договоре великого князя владимирского и московского Василия Дмитриевича и его рязанского коллеги Федора Ольговича от 1402 г., причем, следует указать на любопытную формулировку, говорящую о наличии более ранних соглашений: «а со кн(я)з(е)мъ с Семеном с Романовичем новосилским и с торускыми кн(я)зи так же взятии любов(ь) по давным грамотамъ»[1]. По всей видимости, именно в этот период начинается выделение внутри княжества особого Воротынского удела.

Юрий Романович Чёрный, князь Новосильский и Одоевский прожил дольше всех сыновей Романа Семеновича и унаследовал старший стол. При поддержке великого князя литовского Витовта в 1424 г. он сумел отразить нашествие на Одоев ордынцев царевича Кудайдата, когда «…московская сила не поспела»[2]. Умер после 1424 г.

Именно в период правления названных региональных князей начался полный переход верховских земель под сюзеренитет великих князей литовских. Процедура перехода, по всей видимости, имела отработанную структуру. В ранний период, в последней четверти XIV - начале XV в., князь, становившийся вассалом литовского великого князя (а к их числу, в большинстве своём, относились князья низшего статуса - в сравнении с князем литовским), давал ему относительно короткую «присяжную запись», которая выглядит как одностороннее обязательство в отношении сюзерена: «не хочемъ такожь николи отступити ихъ, коруны королевства Полско(го)», «не искати ми иныхъ государевъ, мимо нашего милого господаря», «не имамы иного господаря искати»[3]. Аналогичное обязательство середины XV в. по своей структуре более сложно, в

---

[1] Духовные и договорные грамоты. С.53.

[2] ПСРЛ. Т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С.100.

[3] См. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.26, 28-30.

него иногда вносятся более конкретные обязанности присягающего, помимо верной службы: к примеру, «не подати ми того первореченного города Козельска никому, толко господару своему»[1]. Первоначально «присяжная запись» применялась в отношении многочисленных Гидеминовичей и выглядела, скорее, как распределение старшим («великим») князем владений внутри широкого семейного клана. В иных, достаточно редких случаях, использовалась форма договорной грамоты[2].

Позднее в число присоединяемых земель вошли владения многочисленных Рюриковичей, многие из которых были в свойстве с литовским княжеским домом. И если в отношении подчинённых «по праву меча» присяга выглядела обоснованно, то к добровольно вступившим под руку своим равнородным родственникам (а верховские князья вследствие давнего породнения с Гедиминовичами относились именно к такой категории) применялась иная, более сложная процедура, каковой и стало заключение отдельного договора («докончания»). Докончания как форма договора давно были известны на Северо-Востоке Руси, а их применение подтверждает тезис об определённом ментальном единстве постдревнерусских территорий[3].

Внутренние дела вассального княжества должны были регулироваться на основе «стар*и*ны», под которой понимались древнерусские законы, обычаи и порядки. Местный князь (впрочем, как и иной легитимный правитель – наместник, воевода и даже епископ) мог иметь при себе собственных бояр, которые при определённых условиях составляли коллегиальный орган (думу, раду и т.п.). Регулирование внутренних вопросов княжества, касавшихся землевладения, землепользования, права и организации войска относилось к ведению местного правителя. Не сохранилось документов, прямо предписывающих именно такой порядок внутриполитической организации в Верховских княжествах, но его подтверждённость на прочих удельных землях великого княжества Литовского

---

[1] Там же. С.61.

[2] См. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.1-2.

[3] См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. С. 11-13, 19-21, 23-24, 25-33 и т.д.

делают вероятность существования именно такой структуры местной власти чрезвычайно высокой: «…служилый князь выступает… как вассал великого князя, но вассал, сохраняющий большую долю самостоятельности, ограниченной только в сфере внешней политики, в своей же вотчине он – полный хозяин. Обязательства носят взаимный характер, и в случае их несоблюдения сюзереном князь, добровольно заключивший договор, может его расторгнуть»[1].

Безусловно, описание литовских порядков отнюдь не следует идеализировать, представляя их как основанные на неких, пусть и верхушечных, но демократических началах. Как абсолютно верно указано в современной официальной «Истории Литвы»: «Древнерусские земли, разумеется, не спешили добровольно присоединяться к ВКЛ как к более милостивому оккупанту. В литовской экспансии было все: и прямой захват силой, и распространение влияния окольными путями... Даже династические браки в ту пору заключались под неприкрытым военным давлением. Литовцы, скорее всего, были такими же империалистами, как и все остальные, разница заключалась лишь в том, что после захвата чужого края они не торопились с притеснением, т. е. поначалу не меняли сложившийся порядок. … На окраинах ВКЛ зависимость колебалась в значительных пределах – от сюзеренитета до гегемонии»[2].

Каждое докончание с верховским князем являлось персональным договором и заключалось с новым правителем, вне зависимости от того – великий ли это князь или простой. Поэтому смена властителя с любой стороны требовала обязательной смены договора, который всякий раз текстуально несколько отличался от предшествующего ему варианта, несмотря на неизменные ссылки на «Витовтово докончание». Заключение отдельного докончания с представителями новосильского княжеского дома было, по-видимому, следствием особого его статуса. С прочими потомками черниговских князей, например, князьями мезецкими (являвшимися, в свою очередь, ветвью растерявшей наследные владения тарусской династии), великие князья литовские докончаний не

---

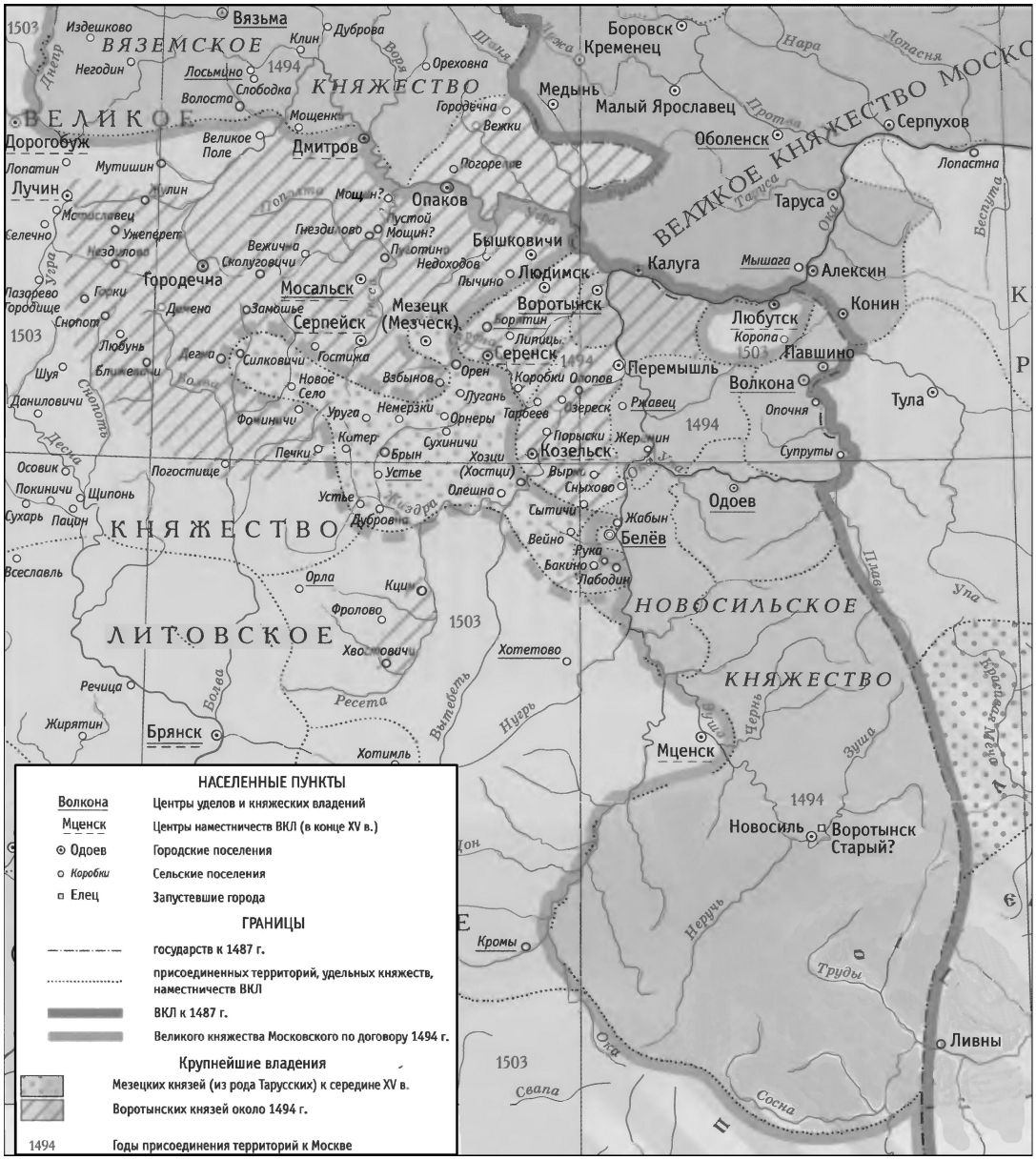
[1] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли… С.49.

[2] Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Пер. Е.Суворовой. Вильнюс: Eugrimas, 2013. С.41-42.

заключали, ограничиваясь пожалованиями за службу[1]. Кстати, отсутствие полного формального описания этих пожалований весьма успешно использовалось позднее московской стороной на переговорах о территориальном разграничении после военных действий конца XV в.[2]

Рисунок 23

Новосильское княжество и его соседи в конце XV в.



В середине XV в. разделение единого новосильского княжеского дома на одоевскую, воротынскую и белёвскую линии стало чётким и явным – ветви

[1] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли… С.59.
[2] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.120, 137.

родового дерева разошлись весьма широко. Единство территории продолжало осознаваться современниками, но различия его одоевской, воротынской и белёвской частей становились все более заметными. Одоевское княжество, будучи формально старшим династически, значительно уступало Воротынскому по силе, богатству и влиянию. Белёвское было слабейшим.

Княжество Воротынское благодаря успешной деятельности своих властителей значительно увеличило размеры фактически подконтрольных ему территорий за счет пожалований литовских великих князей и стало значимым образованием на литовско-московской границе. Площади, контролируемые Воротынскими, по величине, фактически сравнялись с размерами старых новосильских владений и, выйдя за пределы прежних новосильских границ, постепенно расширились за счёт части бывших козельско-карачевских и даже смоленских земель (см. Рисунок 23)[1].

О значимости возвышения Воротынского княжества в глазах современников может свидетельствовать то обстоятельство, что многие европейские карты, изображавшие часть русской территории, показывали герцогство Worotyn вплоть до середины XVII в. Города Worotyn, Odoiow и Beleff присутствовали на этих картах ещё дольше[2]. Более того, в описаниях России XVI в. Воротынское княжество постоянно упоминается как сильное и богатое, причиной чему могло быть, помимо собственной производственной деятельности, также и продолжавшееся участие в обслуживании транзитной торговли, окско-деснянский отрезок которого находился по его контролем и являлся значимым участком речного днепровско-волжского пути вплоть до середины XVI в.[3]

Как уже упоминалось, анализ ветвистого генеалогического древа, проросшего от новосильских князей, не является целью данной работы. В то же время не упомянуть отдельные этапы деятельности ряда князей, происходивших из всех его трех ветвей, и отмеченных в письменных источниках представляется

---

[1] Карта В.Темушева из книги А.В.Шекова «Верховские княжества».

[2] См. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах// Под ред. Р.Салихова, М.Усманова и Р.Хайрутдинова. Казань-Москва: Изд-во Феория, 2006. 480 с.

[3] Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. Серия «Україна крізь віки». Т. 6. Київ: Альтернативи, 1998. С.247-249.

неверным из-за их весьма наглядной иллюстративности. Василий Юрьевич Одоевский был в войске великого князя литовского Свидригайло Ольгердовича и погиб 9 декабря 1432 г. в битве при Ошмянах, выступая на стороне князя Свидригайло[1]. Иван Юрьевич Одоевский 21 апреля 1459 г. и его племянники Федор и Василий Михайловичи Белевские признали себя вассалами великого князя Казимира IV. В тексте грамоты Ивана III в 1490 г. указывалось их право служить либо Литве, либо Москве «на обе стороны… съ своими отчинами».[2] Семен Юрьевич Одоевский, вероятно, из-за малости своей дольницы, перешел на московскую службу и в 1474 г. погиб при разорении литовского Любутска[3]. Уже упоминавшиеся ранее князья Белевские Фёдор и Василий Михайловичи, племянники Ивана Одоевского, были лишены своего княжества московским князем Василием Тёмным и жили в г.Волок. Вернувшись в Белёв, они принесли присягу Казимиру IV[4].

Фёдор Львович, князь Новосильский, Одоевский и Воротынский в договоре 1442 г. с Казимиром IV подтвердил протекторат Великого княжества Литовского над новосильскими землями: «А великому кн(я)зю Казимиру боронити мене от всякого…»[5]. В 1448 г. в добавление к своему княжению он получил контроль над Козельским княжеством, став его наместником: «ме пожаловал корол(ь) полскии, дал ми город Козелескъ за свое руки держать в наметничество»[6]. Именно к этому событию А.В.Шеков, вслед за М.К.Любавским, относит переход г.Перемышль на Оке (первоначально бывшего карачевским) с его уделом к новосильской, а точнее – воротынской княжеской ветви[7]. В последний раз Фёдор Васильевич упомянут в жалованной грамоте на земли, полученные от Казимира IV в 1455 г. в Смоленской земле[8].

---

[1] Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. С.433.

[2] Сборник Императорского российского исторического общества. Т.35. С.51.

[3] Там же. С.5, 8.

[4] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. С.131.

[5] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.118.

[6] Там же, С.149.

[7] Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. С.207; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С.54-55.

[8] Акты, относящиеся к истории западной России. Т.1. 1340-1506. СПб., 1846. С.70.

Дмитрий Фёдорович Воротынский владел Воротынским княжеством вместе с братом Семеном и племянником Иваном. Соответственно, ему принадлежала третья часть земель княжества. 10 марта 1483 г. он присягнул Казимиру IV, а в декабре 1489 г. прислал с московскими послами прошение о снятии крестоцелования (присяги) с вассальной клятвы[1]. Король потребовал от Дмитрия вернуть ранее переданные ему Серенск и Бышковичи, что не одобрил Иван III. Дмитрий Воротынский официально перешёл на московскую службу и в 1492 г. возглавлял вместе с братом Семеном войска, посланные Иваном III для занятия Мосальска. Его переход был официально признан Александром Казимировичем по московско-литовскому договору 1494 г.[2] В 1496 г. князь Дмитрий был воеводой передового русского полка в походе на шведов[3]. После его смерти треть Воротынского княжества была переписана на Ивана III.

После потери суверенитета Верховских княжеств представители старых правящих родов и фамилий, возводимых к Михаилу Черниговскому, оказались по разные стороны границы. Большая часть (самая титулованная и, соответственно, обременённая вотчинами) – в Русском централизованном государстве, меньшая – в Великом княжестве Литовском и королевстве Польском. Далее приведены данные о деятельности и карьере некоторых верховских князей конца XV в. Эти данные не претендуют на полноту, но характеризуют направление и принципы использования их навыков на московской и литовской службах: военное и административное дело, преимущественно на литовской либо, соответственно, московской и татарской границах, хотя встречаются и иные территориальные локализации. Основа приведённой информации – опубликованные разрядные книги, переписка и пр.

Во владении брата Дмитрия Семёна находилась треть Воротынска, Мосальск, Серпейск, Залидов, ряд иных мест. Перешёл он на службу Москве последним из Воротынских в 1492 г., обосновав это в письме великому князю

---

[1] Акты, относящиеся к истории западной России. Т.1. 1340-1506. СПб., 1846. С.100-101; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.40

[2] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С. 125-126, 129-130.

[3] Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Издательство «Наука», 1966. Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И.Буганова. С.27.

литовскому отсутствием защиты со стороны своего сюзерена[1]. В 1493 г. вместе с племянником занял Серпейск и Мещевск. Умер в 1496 г., после чего его земли Иван III также переписал на себя[2].

Фёдор Иванович Одоевский, чей отец Иван Юрьевич правил Одоевом (вместе с его кузенами Василием и Фёдором) с 1459 г., в 1492 г. после захвата его матери, казны и доли Одоева другими двоюродными братьями, князьями Иваном и Петром, отъехал на московскую службу[3]. Был наместником и воеводой в Муроме[4]. Последний раз упомянут в 1497 г.[5] Судя по имеющимся данным, дробление территории небольшого Одоевского княжества продолжалось и в момент весьма напряжённого московско-литовского противостояния. В частности, между 1477 и 1492 гг. произошло выделение Лихвинского удела из земель, ранее контролировавшихся князем Иваном Юрьевичем[6].

Иван Семёнович Сухорук-Одоевский владел частью Одоева. Вместе с братом Петром захватил долю Фёдора Ивановича и «отъехал» на московскую службу. В 1502 г. возглавлял передовой полк в походе на Литву[7]. В 1508 г. был воеводой Большого полка. Василий Семенович Ших Одоевский участвовал в захвате одоевской доли Фёдора Ивановича, также в 1492 г. перешёл на московскую службу. В походе 1502 г. возглавлял полк правой руки[8]. Летом 1507 г. отражал между Одоевом и Белёвом татарское нападение[9]. Был наместником в Великих Луках[10]. В 1515 г. возглавлял Большой полк в Туле. Во время набега Мухаммеда Гирея на Москву в 1521 г. возглавлял московские войска на Угре[11].

---

[1] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.277; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.103, 105-106.

[2] Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст] / Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І. Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. С.441.

[3] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.57, 141.

[4] Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Издательство «Наука», 1966. Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И.Буганова. С.93.

[5] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.232.

[6] Антонов А.В. К истории удела князей Одоевских// Русский дипломатарий. Выпуск седьмой. [Сб. публикаций и архивных описаний]. М.: Древлехранилище, 2001. С. 261-262.

[7] Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Издательство «Наука», 1966. Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И.Буганова. С.34.

[8] Разрядная книга 1475-1598 гг. С.35.

[9] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С. 247.

[10] Разрядная книга 1475-1598 гг. С.48.

[11] Разрядная книга 1475-1598 гг. С.66.

Претендовал на долю в Одоеве вместе с Иваном Воротынским. Возглавлял войска в Коломне и Ростиславле в 1527-28 гг. Имел владения под Можайском. Умер в 1534 г.

Пётр Семенович Одоевский находился на московской службе с 1492 г. Отличился в 1508 г. при взятии Дорогобужа. После смерти в 1525 г. его доля княжества перешла московскому государю и была пожалована Михаилу Воротынскому.

Иван Васильевич Белёвский в 1489 г. перешёл на московскую службу и сохранил за собой Белёвское княжество. Литовская сторона обвиняла его в принуждении брата Андрея к отъезду в Москву. В 1512 г. был воеводой Полка правой руки на Угре, в 1513 г. стал первым воеводой Передового полка во втором смоленском походе[1]. В 1514 г. получил чин московского боярина. Умер в 1523 г. Его брат Андрей поступил на московскую службу в 1490 г. В 1512 г. в воинстве князя Оболенского возглавлял Передовой полк, в 1516 г. в рати князя Одоевского возглавлял Сторожевой полк на Вошани[2]. Василий Васильевич Белёвский дважды менял сюзерена – в 1490 г. перешёл под руку московского государя, но вскоре вернулся обратно в Литву. В 1492 г. вновь «отъехал» к Ивану III.

Иван Михайлович Воротынский, будучи князем Воротынским и Перемышльским, в 1483 г. присягнул Казимиру IV, но через несколько лет перешёл на службу Москве[3]. Как полунезависимый властитель он занимал особое положение при московском дворе, что не могло не вызывать раздражения окружающих. Он был умелым полководцем, но в военных действиях должен был принимать участие только при непосредственной угрозе южным и западным границам. В 1496 г. разбил татар под Козельском. В 1500 г. в литовском походе был воеводой Передового полка. Одержал победу под Мстиславлем, возглавлял полк в битве при Ведроши. В 1502 г. в следующем литовском походе также

---

[1] Разрядная книга 1475-1598 гг. С.50.

[2] Там же. С.56.

[3] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1846. С.100.

возглавлял Передовой полк[1]. В 1507 г. оборонял Воротынское и Одоевское княжества от татар, осенью был вторым воеводой Передового полка. Все его походы крайне сложно перечислять. Умер 21 июля 1534 г. в Белозерске[2].

Ушедшие в Литву и Польшу потомки черниговских князей также занимали видные посты либо оставили заметный след в истории. Большинство среди них составляли потомки династий, уже потерявшие свои фамильные владения и перешедшие на положение служилых князей. В числе «переселившихся» – несколько ветвей князей Мосальских (из козельско-карачевских князей), среди которых каштеляны, воеводы, гетманы и т.д.[3]. Потомки князя Ивана Барятинского играли видную роль в польской политике XVI в.[4] К числу потомков верховских князей относили себя представители многих известных литовских и польских княжеских и шляхетских родов: Пузыны, Огинские, Крошински и др.[5] Можно отметить в целом благополучные карьеры этих фамилий в последующие столетия.

Подводя итог периоду суверенного существования Новосильского княжества (и выделившихся затем из его состава княжеств-последователей – Воротынского, Одоевского и Белёвского), следует отметить, что после фактического падения Брянского княжества в XIV в. оно продолжало черниговские традиции самостоятельности. Князьям новосильского дома удавалось достаточно долго и со сравнительно малыми потерями сохранять свою самобытность и частичную независимость. В середине XV в. они приняли литовский сюзеренитет. Приведённые выше особенности биографий ряда князей новосильской династии демонстрируют, что большинство из них хоть бы однажды переходило на службу к иному сюзерену. После массового перехода на

---

[1] Разрядная книга 1475-1598 гг. С..3

[2] Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст]/ Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І.Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. С.441-442.

[3] Войтович Л. Княжа доба на Русі. С.435, 447. Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J.Filipowcza, 1895. pp.251-258.

[4] Войтович Л. Княжа доба на Русі. С.438.

[5] Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J.Filipowcza, 1895. pp.186-193, 288-327, 405-410; ПСРЛ. Т.35. Летописи Белорусско-Литовские. М.: Издательство «Наука», 1980. С.282.

московскую службу представители этой династии заняли в Московском государстве места высших военных и административных руководителей

Безусловно, не все Верховские княжества смогли сохранить хотя бы политическую автономию. Некоторые из них имели отдельные элементы и внешние атрибуты независимости, перейдя под руку иных династий, но не потеряв связи со своей традицией (в силу специфичности административно-управленческого устройства ВКЛ). К таким землям относятся территориальные владения, сосредоточенные вокруг столов Карачева и Козельска, составившие консолидированное **Карачевское княжество**.

Карачев и Козельск в домонгольское время являлись центрами черниговских домениальных волостей – «Лесной земли» и «Вятичей» соответственно. Козельск, по всей видимости, имел более высокий статус – в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи было особо подчеркнуто, что князем черниговским был Мстислав ***Козельский***: «Тогда бо бехоуть. Мьстиславъ Романовичь в Кыеве. а Мьстиславъ в Козельске и Чернигове. а Мьстиславъ Мьстиславичь. в Галиче. то бо беахоу стареишины в Роускои земли»[1]. Козельским княжеством, выросшим из «Вятичей», на протяжении нескольких поколений руководили старшие сыновья великого князя черниговского.

После прихода монголов две прежние волости, вероятно, были административно объединены в одну территориальную единицу и вошли в историю как единое Карачевское княжество[2]. Таким образом, новое Карачевское княжество стало продолжателем традиций не только собственно Карачева, как административного центра, но, в некоторой степени, и Козельска, как центра особо важного черниговского удела. Будучи, согласно традиционным историческим воззрениям, практически полностью разрушенным после длительной осады, Козельск на удивление быстро восстановился и фактически стал вторым, после Карачева, стольным городом княжества. Достаточно упомянуть, что величина раскопанного городища козельского острога (7,8 га)

---

[1] ПСРЛ. Т.2.Ипатьевская летопись. Изд.2. 1908.Стб.741.

[2] Мартемьянов Т.А Древние княжества в Оловском крае. Карачевский удел// Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел: Типо-литография А.П.Матвеевой, 1906. С.130-139.

ощутимо превосходила карачевскую (5,9 га)[1]. Определённую путаницу вносит выделение уже в ордынское время территорий, прилегающих к Козельску, в отдельный внутренний «удел», что создаёт впечатление разделённости Козельского и Карачевского княжеств.

Существует гипотеза о двух Козельсках, «…один из которых был древнерусским городским центром, перенесшим героическую оборону в 1237 г. и… не смог возродиться вновь на прежнем месте… был «перенесен» на берега р.Жиздры, где до этого уже существовало древнерусское поселение»[2]. Впрочем, при рассмотрении вопросов формирования территориальных административно-управленческих структур данная проблематика является хотя и важной, но не определяющей. Первоначально в состав княжества входило значительное число городов, среди которых необходимо упомянуть Карачев, Козельск, Звенигород, Кром, Перемышль на Оке, Мосальск, Мезецк, Облов (Блеве), Серенск, вероятно Меченск. Основателем карачевского дома по версии всех синодиков считается князь Мстислав Михайлович. Кроме информации из поминальных списков о нём ничего не известно[3].

Рубежными для судеб Карачевско-Козельских территорий стали события первой «Литовщины». В 1368-72 гг. местные города были заняты литовскими войсками. Представляется, что последовавший в последующие десятилетия переход большинства местных земель в прямое владение великого князя литовского во многом опирался именно на этот период захвата земель и принесения местными владетелями присяги князю Ольгерду. В уже цитировавшемся ранее послании Ольгерда патриарху Филофею Иван Козельский, в отличии от Ивана Новосильского и Михаила Тверского, упомянут в качестве присягнувшего слуги, без указания его княжеского достоинства, что для феодального общества является крайне важным знаком: «Иванъ Козельский,

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII- середина XVI в. С.114.

[2] Нигматулин Р. А., Прошкин О.Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. ИА РАН. Т.4. М.: ИА РАН, 2005. С.84.

[3] Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст] / Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І. Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. С.419.

слуга мой, целовалъ крестъ ко мне съ своею матерью, братьями, женою и детьми… Иванъ Козельский, Иванъ Вяземский и нагубникъ Василий целовали ко мне крест»[1].

Рисунок *24*

Карачевское княжество во второй половине XIV в.

Следует полагать цитату прямым указанием на принципиальной иное, значительно более низкое, положение и статус владетелей захваченных территорий. По всей видимости, многие карачевские и козельские князья тогда шли на службу великому князю литовскому с ощутимым понижением социального статуса, что было связано, скорее всего, с потерей большей части территории прежнего княжества и желанием получить дополнительную военную и материальную поддержку. В этот период времени контроль за большей частью земель прежнего Карачевского княжества находился у литовских князей либо оспаривался в литовско-московском соревновании. Информация о князьях

[1] 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб. 138, 145-148.

козельских основывается, в основном, на сведениях синодиков, а потому не может быть признана полностью достоверной.

А.В.Шеков справедливо указывает на отсутствие даже упоминаний о Карачеве и карачевских князьях в сохранившихся источниках этого времени[1]. Весомым, хотя и косвенным подтверждением потери (по меньшей мере, у части представителей карачевской династии) прежних полномасштабных владельческих прав на верхнеокские княжения выглядит «Жалованная грамота Литовского великого князя Александра Витовта Кестутиевича Василию Карачевскому, о дозволении ему в Подольской земле устроить новое село Княжую Луку, с предоставлением во владение его угодьев» [2]. Тит (Юрий) Федорович, князь козельский, в 1365 г. вместе с рязанскими князьями участвовал в разгроме эмира (князя) Тогая: «Того же лета Тагай, князь ординский, из Наручади прииде ратью татарскою на Рязанскою землю и пожже град Переяславль. Князь же великий Олег Рязанский с своею братью с Володимером Пронским и Титом Козельским, собрав силу свою, выследил его, и постеже его на месте, нарицаемом под Шишевским лесомъ, на Воине, и бысть им бой, брань зело люта и сеча зла, и поможе Бог великому князю Олегу, и братии его Пронскому и Козельскому, а Тагай в малой дружине едва убежал»»[3].

Княжество длительное время сохраняло наименование Карачевского и Козельского, по крайней мере, такой титул носили князья Тит и Андрей. И позднее, в течение 1395-1396 гг., уже другим великим князем литовским – Витовтом – занимались (хотя и не были прочно удержаны), в числе прочих, Карачев, Козельск и иные города княжества. В самом конце XIV в. Карачевско-Козельское княжество перешло под контроль московского князя Василия I, а затем было передано в удел Владимира Серпуховского[4].

Козельск в 1406 г. вновь отошёл Великому княжеству Литовскому с назначением сюда наместника: «Литва же, въступль же глубле въ страну

---

[1] Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. С.167.
[2] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. 1340-1506.С.22.
[3] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.104.
[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. С.43-44.

Московскую, градъ Воротынескь взяша, и въ Козельсте посадиша посадникы своа…»[1]. Частые переходы из одной юрисдикции в другую привели к быстрой потере ранее наличествовавших признаков суверенитета, поскольку уже была (старыми присягами и договорами) сформирована легитимная юридическая основа для изменения статуса этих территорий. В течение 1406-1408 гг. происходила ликвидация самостоятельного Карачевского княжества, часть территории которого была отдана тарусским князьям, недавно лишившимся своих владений, а часть, видимо, осталась в составе домена литовского правителя[2].

Соответственно, утратила свой прежний весьма высокий статус и козельско-карачевская княжеская династическая ветвь, рассыпавшись на множество относительно небольших родов. Уже в 1408 г. встречается (на фоне описания борьбы пронского и рязанского князей за верховенство) козельский князь в роли назначенного рязанским князем воеводы: «…помиришася князи Рязанстии, Феодоръ с Ываномъ. Повелениемъ великаго князя срублена бысть Ржева, а воевода бе князь Юрьи Козелски, да Юрьи Васильевич»[3]. После потери князьями карачевской династии Карачева и Козельска, центром их владений стал город Мосальск[4]. Имеется также информация о существовании в последней трети XIV – начале XV вв. (что совпадает с гипотетическим временем фиксации факта существования Мосальска) Звенигородского удела Козельского княжества с центром в Звенигороде на Оке, расположенном у р. Неполодь, недалеко от современного села Спасское Орловского района Орловской области, где сохранились остатки рва и полукольцевого вала[5].

Козельск, по всей видимости, удерживался великим князем Витовтом до его смерти в 1430 г. Затем город (либо его часть) вернулся под московский контроль и представлял собой московский анклав, окружённый территориями прямо либо

---

[1] ПСРЛ. Т.15. Тверская летопись. Стб.472.

[2] Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г.// Куликовская битва в истории России: Сб. статей. Под ред. А.Н.Наумова. Тула: ГУП–Издательство «Левша», 2006. С.97-98.

[3] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.154.

[4] Новгородская первая летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.476.

[5] Там же, С.223-224; Иншаков А.А., Белых А.В., Голотвин А.Н., Иншакова А.В., Остапенко А.А.. Археологическое изучение Верховского Звенигородского княжества XIV–XV вв. Раскопки поселения Плещеево 2// Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2020 С.218-222.

через вассалов контролируемыми Великим княжеством Литовским. В 1445 г. он, вместе с Калугой, указан в качестве вероятной цели литовского войска: «Приходи Литва къ Колузе… и бывше подъ Козелскомъ да подъ Колугою, да не учинили ничего»[1].

Но уже в феврале 1448 г. королевским и княжеским наместником в Козельск был назначен князь Ф.Л.Воротынский, что означало полный переход города под контроль Литовского княжества, очевидно, в результате предшествующих военных действий. В крестоцеловальной грамоте говорилось: «Се яз, князь Федор Лвовичъ Воротынъскии, записываюся г(о)с(по)д(а)рю своему Казимиру, королю полскому, великому кн(я)зю литовъскому и иныхъ. Што ме пожаловал корол(ь) полскии, дал ми город Козелескъ в своее руки держать в наместничество, и я маю тотъ город деръжати на г(о)с(по)д(а)ра своего, на короля, к великому княженью Литовскому»[2]. Такое положение было утверждено уже упоминавшимся московско-литовским соглашением 1449 г.[3]

Многочисленные потомки козельских и карачевских князей с начала XV в. перешли в категорию служилых князей. Перестав быть карачевскими владетелями, они пополнили ряды титулованных военачальников и администраторов соседних Великих княжеств. Карачевское же княжество на протяжении XV в. оставалось автономной единицей под прямой властью великого князя литовского. Особенностью установившегося правового режима стало сочетание потери формальной независимости с сохранением прежней административно-правовой структуры. Подобная ситуация была вызвана ранее озвученной особенностью литовской государственно-правовой системы, старательно следовавшей принципу «Мы старины не рухаем, новины не уводим». «…Земские обычаи («звечные», «давние», «стародавние») уравнивались с письменным, издавна уложенным законом и противопоставлялись «новине чого з давна не было»[4]. Более того, согласно другим документам близкого круга (см. Смоленский и Полоцкий

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.111-112.
[2] Духовные и договорные грамоты. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.149.
[3] Духовные и договорные грамоты. С.160.
[4] Васильев С.В. Псковская судная грамота и I Литовский Статут. М.: Квадрига, 2011. С.66-67.

привилеи) всякое нововведение («новина», «новщина») плоха именно своей новизной, поскольку только старое консервативное – хорошо. «Новина» была фактически приравнена к «кривде» и равнозначна преступлению[1].

В такой обстановке, великий князь литовский, включая новые земли в состав своего домена, не присоединял их просто к другой территории, распространяя на неё правовые нормы его домена. На первом этапе он фактически становился князем старого княжества с сохранением в силе прежних правовых норм и обычаев, которые позднее мог, безусловно, как законный владетель, менять и модифицировать в потребном ему направлении. Таким образом, Великое княжество Литовское с юридической точки зрения представляло собой не столько единое феодальное государство, сколько федерацию (а может и конфедерацию) различных правовых и государственных систем, объединяемых персоной своего владетеля. В этой связи стоит вспомнить приведённую выше трактовку официальной «Истории Литвы», весьма объективно оценивающей литовскую «имперскость» того времени. [2]

Таким образом, несмотря на официальную смену династии, некоторая форма квазигосударственного суверенитета Карачевского (и Брянского) княжества была сохранена. Более того, приобретя права местного суверена, великий князь (и его наместники) получал и все его обязанности. Не только прописанные, но и закреплённые обычаем. Иллюстрацией этого служит ситуация, сложившаяся в Брянске 60-80 гг. XV в., когда Казимир передал город отъехавшему из Москвы князю Ивану Можайскому, женатому на дочери Федора Львовича Воротынского. Передача прав управления сопровождалась «послушным листом»: «Всимъ бояромъ Брянскимъ и местичомъ, и всимъ мужомъ Брянцомъ. Дали есмо у Брянескъ у-въ отъчину князю Ивану Анъдреевичу Можайскому такъ, какъ за нами было. А ему намъ съ того верно служити. …А ему васъ приказали есмо съ вашихъ именей не гнати, ани отнимати, а въ церковное ся ни у-во што не вступати, ни отнимати, а суды судити по старине, какъ у вас издавно пошло, а

[1] Там же.

[2] Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Пер. Е.Суворовой. Вильнюс: Eugrimas, 2013. С.41-42.

своихъ новыхъ судовъ, а никоторыхъ пошлинъ новыхъ не уводити…»[1]. Обращает на себя внимание требование, предъявляемое новому наместнику-князю - «…судити по старине какъ **у васъ** издавно пошло…» - которое определятся в первую очередь местными традиционными нормами.

Дальнейшее развитие ситуации получилось показательным и весьма красноречивым. Выехавший из Москвы князь и его сын Андрей, по всей видимости, нарушали права горожан. В результате чего Андрей Иванович, судя по всему, был брянцами банально убит. Предполагать это позволяют жалобы московских купцов, переданные с посольством Ивана III королю Казимиру: «…въ Дебрянске… князь Андрея княжа Иванова сына свели…»[2]. Ситуация подробно исследована и, судя по всему, король и великий князь скорее пытался найти подходящего наместника, нежели покарать непослушных подданых[3]. Великий князь Литовский выступает как, в первую очередь, защитник старины, в чем его очень поддерживают горожане. В свете подобных обстоятельств отнесение земель прежнего княжества Карачевского к числу верховских, исходя из особенностей сохранения прежних нормативно-правовых норм, представляется вполне обоснованным.

Особую подкатегорию верховских земель составлял **город Мценск (Мьченск/Меченск) с пригородами** (Любутском). Первоначально, будучи частью Карачевского княжества, он очень скоро (вместе со своим расположенным в двухстах километрах севернее «пригородом» Любутском) перешёл в прямую юрисдикцию литовских правителей. В отличие от других карачевских и козельских городов, долгое время бывших частью формально суверенного княжества, эти два населённых пункта практически сразу получили собственного наместника (династию наместников) и собственное самостоятельное политическое значение. Это явление для рассматриваемых территорий уникально, потому и несколько более подробное рассмотрение проявления городской

---

[1] РИБ Т.XXVII, Литовская Метрика. Отдел первый. СПб.: Сенатская типография, 1910. Стб.123.

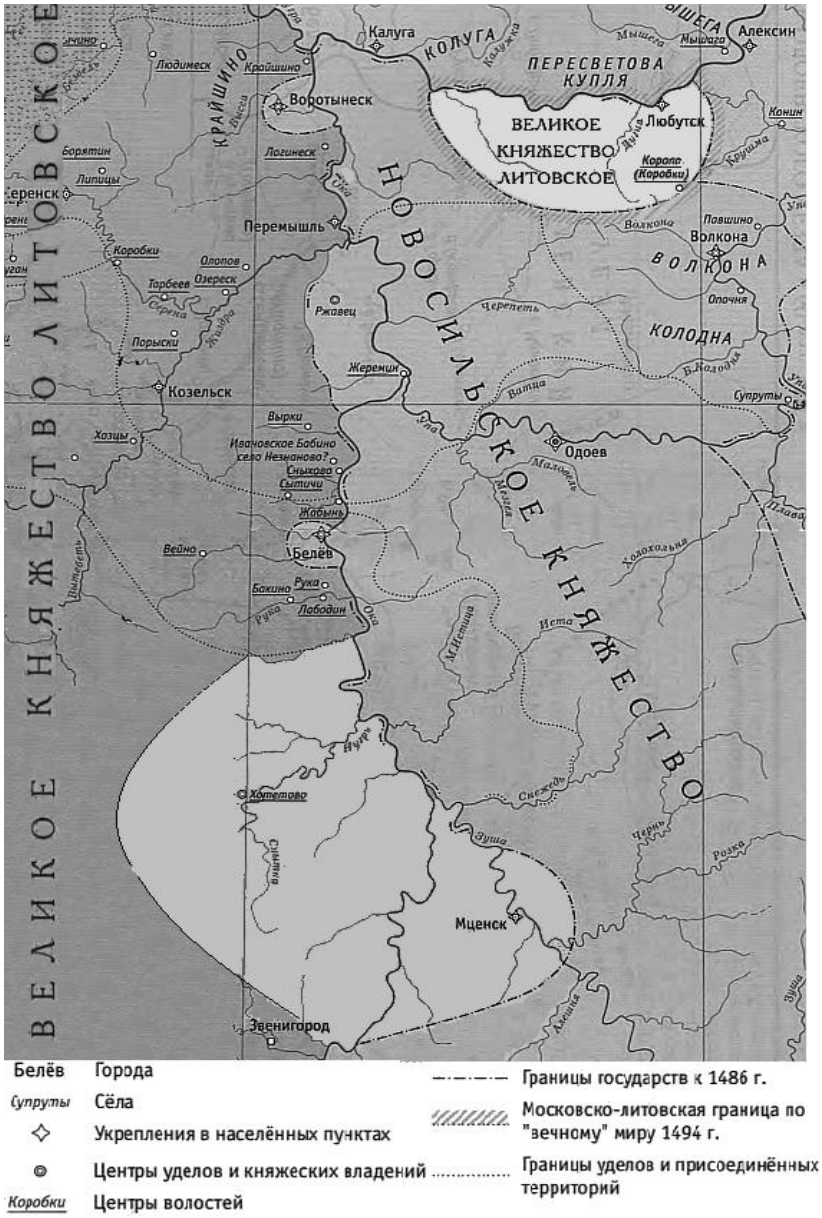
[2] Сборник РИО Т.35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип-я Ф.Г.Елконского и К°. 1882. С.10

[3] Кром М.М. Меж Русью и Литвой С.142-147.

субъектности (редкое для русских городов, расположенных к югу от Москвы) представляется необходимым.

Рисунок 25

Наместничество Мценское и Любутское



Мценск, по всей видимости, является одним из немногих собственно вятичских городов, ставших городом древнерусским, хотя это место было обжитым и до прихода славян[1]. Первое упоминание города в форме «Мьченьск» встречается в Ипатьевской летописи и относится к периоду княжеских войн за киевский стол середины XII в.[2] Уже тогда город был столь значим, что в нем

[1] Никольская Т.Н. Земля вятичей. С.144.
[2] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись Изд. 2. 1908.. С.342.

размещался отдельный посадник для контроля окрестной территории: «…выбегоша посадничи Володимери. Изяславли. … изъ Мьченьска»[1].

По приходу монголов Мценск пострадал не очень сильно и вошёл в состав Козельско-Карачевского княжества, где и находился до перехода под власть литовского князя. Небольшой период борьбы за контроль над городом связан с осложнением московско-литовских отношений и захватом Мценска москвичами во время их похода на Брянск в 1370 г.[2] Любутск впервые упоминается в летописях именно как место литовско-тверско-московского конфликта 1372 г.: «Олгердъ… събра воя многы и въ силе тяжце подвижеся… князь Михайло Александровичь с Тверечи… съвокупишася съ Литовской ратью въ единомъ месте подъ Люботьскомъ. … князь великий Дмитрей Иванович, поиде съ Москвы ратью противу ихъ, и сретошася близъ града Любутьска… И тако стояша неколько дний»[3]. Безусловно, поселение с «градом» там стояло и ранее, но контекст первых летописных упоминаний по сути «задал тон» последующему ходу истории в этой местности. Приведённая далее карта основана на данных А.В.Шекова[4].

В письме патриарху Филофею от 1371 г. великий князь литовский Ольгерд сообщал, среди прочих обид на московского великого князя, о захвате у него московской ратью городов Калуга и Мценск[5]. Данный документ указывает, что и до 1370 г. Мценск был подконтролен литовским правителям: переход под их руку состоялся предположительно в конце 1350-х гг. – начале 1360-х гг[6]. Судя по дошедшей информации, не позднее 1389 г. Мценск снова оказался в составе

---

[1] Там же.

[2] Русская историческая библиотека. Т. 6. Приложения. Стб.138; Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII - середина XVI в. С.75.

[3] ПСРЛ. Т. 4. IV. V. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1848. С.69; См. также ПСРЛ. Т.XV. Летописец Рогожский. Стб.103.

[4] См. Шеков А.В. Верховские княжества. Карта № 3.

[5] 1371 г. Грамота литовскаго князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особаго митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижняго-Новгорода// Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. Спб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.137-138.

[6] Русская историческая библиотека. Т. 6. Приложения. Стб.135-138; Шеков А.В.Указ. соч. С.63.

Литовского государства[1]. В то же время, говорить об окончательном завершении перемещений города между юрисдикциями было ещё рано.

Правовое закрепление Мценска под власть литовского великого князя произошло в 1406-1408 гг. как следствие присоединения к Литве этой части прежних козельско-карачевских территорий[2]. Факт именно такой подчинённости города подтверждается упомянутым в документах статусом мценских бояр, которым обладали хотетовские князья (их удел однозначно относился к Карачевскому княжеству): «…князя Хотетовского и иных бояръ нашихъ мценскихъ…»[3]. Наличие князя в качестве городского боярина весьма красноречиво говорит о весьма высоком статусе города, также как и само наличие городского боярства «…и съ землями и съ водами и съ людми»[4]. Вероятно, структура городского управления была аналогична традиционной управленческой структуре малого княжества в составе ВКЛ (описанного ранее) с учётом наличия городских особенностей, на существование которых явно указывают описанные выше события истории относительно недалеко расположенного Брянска.

В настоящее время распространена версия о прежней принадлежности Мценска Новосильскому княжеству, основанная на анализе послания великого князя Ольгерда патриарху Филофею от 1371 г., в котором Мценск только упоминается без чёткой привязки к своему владельцу[5]. Она не выглядит убедительной, поскольку продолжение использованной в нём логической цепочки позволяет приписать владение городом любому упоминаемому персонажу (и Ольгерду и князьям новосильским и рязанским – вплоть до князей нижегородских).

---

[1] Шеков А.В.Указ. соч. С.65.

[2] Темушев В.Н. Представления о территории и границах Верхнеокских княжеств в работах исследователей// Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История / С.Н. Азбелев, Ю.В. Селезнев, А.В. Шеков и др. Предисл. А.Н. Наумова; под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С.260-261. (см. также www.hist-geo.net).

[3] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.297; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С.52-53.

[4] Там же. С. 73, 297.

[5] Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой// Куликовская битва. М.: «Наука», 1980. С.50-51; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII - XV в. вне Северо-Восточной Руси// Средневековая Русь. вып. 5. М.: 2004. С.150.

В «Списке городов русских», составленном, вероятно, на рубеже XIV-XV вв. «Мченеск» относился к городам литовским, наряду с Воротынском, Девягорском, Мосальском, Козельском, Карачевом, Любутском и Тарусой[1]. Статус его в литовском государстве был достаточно высок – Мценск принадлежал к категории отдельных великокняжеских владений[2]. Управление от лица великого князя осуществлял им назначенный наместник, имевший статус мценского и любутского: Мценск считался старшим владением. Жители и бояре Мценска имели право напрямую обращаться к великокняжеской администрации, чем порой и пользовались. Кроме того, сохранившиеся посольские книги содержится большое количество жалоб мчан на «московские обиды», также как и множество встречных претензий московских подданых на их «грабительские наезды». Указанная активность всех видов свидетельствуют о довольно высокой степени фактической самостоятельности Мценска, ибо город рассматривается как отдельный субъект политических отношений в русско-литовских пограничных конфликтах[3].

Некоторые исследователи вполне обоснованно полагают «Мценско-Любутское господарское наместничество» «средоточием власти ВКЛ в Верхнеокском регионе»[4]. Мценск был его официальным и реальным центром, но и Любутск (расположенный на речном маршруте между Калугой и Тарусой, но на другой стороне Оки), судя по всему, рано перешёл под руку литовских князей: вероятна его первоначальная принадлежность к брянским владениям, переданным после 1356 г. непосредственно Великому княжеству Литовскому[5]. За исключением упоминания княжескими грамотами о его отнесении к московским владениям в промежутке между 1402 и 1408 гг. (взяты самые широкие

---

[1] ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.475-477.; ПСРД, Т.7. Воскресенская летопись. С.240-241.; Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних. С.224.

[2] Кром М.М. Между Русью и Литвой. Пограничные земли… С.160.

[3] Там же. С.160-162.

[4] Темушев В.Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494. М.: Квадрига, 2013. С.213.

[5] ПСРЛ. Т.10. Патриаршая или Никоновская летопись. С. 228; ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Издательсттво Академии наук СССР, 1949. С.204; Темушев В.Н. Указ. соч. С. 184-185.

хронологические границы), эта ситуация, вероятно, оставалась до конца XV в. неизменной[1].

В исторической и краеведческой литературе часто встречаются упоминания так называемого «крещение мценян» 1415 г., обусловленное, по-видимому, борьбой литовского князя за создание отдельной западнорусской православной митрополии (ранее приводилось письмо Ольгерда патриарху Филофею, иллюстрирующее существовавшую ситуацию). «Крещение» давно крещённого города было обставлено как «поход против язычников» и сопровождалось кратковременной московской оккупацией Мценска, не повлиявшей, впрочем, на внутреннюю управленческую структуру и общие тенденции развития[2].

В документах второй четверти XV в. многократно фигурирует имя наместника мценского и любутского, мценского воеводы Григория Протасьева (Протасьевича). К нему возводили (не всегда обоснованно) свои родословные несколько российских дворянских родов – Протасовы, Протасьевы, Чаадаевы, Борисовы-Муромские, Чертковы[3]. Этот исторический персонаж был представителем фамильной династии мценских наместников. Он прославился тем, что вместе с князем Юрием Одоевским отбил полон у хана Кудайдата в 1422 (или 1423) г.[4] Эта победа позже сподвигла верховских князей искать защиты от татар не у Василия II, а у Витовта. Григорий Простасьев упоминается как наместник и воевода литовского «града Мченеск» под 1430 г. во время осады города Айдар-ханом, как герой рассказа о пленении и последующем почётном возвращении воеводы из Орды[5]. Благополучный исход произошёл по протекции князя

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Под ред. С.В.Бахрушина. М.: Изд-е Н.Н.Клочкова, 1909. С.66; Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных XIV-XVI вв. М.-Л.: Издательстство Академии наук СССР, 1950. С.43-45, 160; Кучкин В.А . Об одной лакуне во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским// Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения)/ Ред. кол.: А.А.Горский (отв. ред.) и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.87-95.

[2] Русская вивлиофика. Т.1. М.: Тип-я А.Семена, 1833. С.361-362.; Беспалов Р.А. Опыт исследовани «Сказание исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья// Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г. Калуга Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. С.27-34.

[3] Пономарёва И.Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых)// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4(22). С.41-50; Лихачев Н.П. По поводу трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб.: Тип-я В.С.Балашева и К°, 1893. С.28, 31-33.

[4] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С.245.

[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С. 167, 170-171; ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С.248.

Свидригайло, направившего хану Улу Мухамедду новогрудского наместника Петра Монтигердовича для решения литовско-ордынских вопросов, среди которых было и освобождение полона, взятого в «земле Литовской»[1]. Достигнутые договорённости, по всей видимости, имели выраженную антипольскую направленность[2].

Имя наместника («Hrehore Prothasy») было в числе важнейших лиц, подписавших со стороны Великого княжества Литовского соглашение между великим князем Свидригайло и Орденом (Orden in Preussen und Livland) в 1432 г.[3] Внутреняя война за первенство в Великом княжестве Литовском весьма активно затронула Мценск. Город (также, как и Любутск, Мещёвск, Тула) упомянут среди земель контролируемых Свидригайло[4]. Вскоре мценский наместник попал в число значимых и важных представителей региональных элит, оказавших поддержку князю Свидригайло[5]. Несколько позднее он («Rehori Prothaſi capitaneus in Mezensk») оказался в числе шестнадцати «князей, нобилей, бояр, рыцарей, представителей горожан и поселян русских земель» («nos principes, nobiles, boiari, militates, civitates & oppidani terrarum Ruſſia»), подписавших 22 марта 1433 г. обращение русских владетелей к Базельскому собору о легитимности Свидригайло Ольгердовича («ducem BOLESLAUM») в качестве литовского правителя[6].

Перипетии внутрилитовского конфликта не являются предметом рассмотрения данной работы, а потому достаточно лишь упомянуть, что Г.Протасьев был верен князю Свидригайло до получения оказавшейся впоследствии ложной информации о смерти последнего в Вилькомирском

---

[1] Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460)// Славяне и их соседи. Выпуск 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. М.: "Наука", 2001. С.175; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись.С.170.

[2] Флоря Б.Н. Указ.соч. С.175-176.

[3] Русско-Ливонские акты. Russisch-Livlandische Urkunden. Собранные К.Е.Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С.191.

[4] Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С.119.

[5] Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015. С.285-288

[6] Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio. Tomus VIII. Complectens varia concilia episcoporum statuta synodalia. Parisiis, Apud MONT ALANT, ad Ripam PP. Auguſtinianorum, prope Pontem S. Michaëlis. MDCCXXXIII. Стб. 575-577

сражении 1 сентября 1435 г.[1] Верхнеокские и смоленские земли присягнули в такой ситуации Сигизмунду. Впрочем, судя по переписке Свидригайло с великим магистром, после возвращения к старой присяге Протасьева («Gregorius alias Prothasy, pallatinus castri Msczensko) Мценск и Верхенеочье вернулись к нему не позднее марта следующего года[2]. Проигрыш Свидригайло в войне за литовский стол был, в итоге, обусловлен не преданностью окраинных земель, а сложными взаимоотношениями внутри знати Великого княжества Литовского и Польского королевства.

Бурными событиями литовской межусобицы приключения мценского наместника не ограничились. Судя по всему, Г. Протасьев возглавлял значительную часть литовской администрации на верховских землях, что делало его одним из высших администраторов региона. Русскими летописями он отмечен при описании сражения под г.Белёвым в декабре 1437 г., упомянутого выше. За 1440 г. существует информация, что «Федко Блудовъ… Ивана Григорьевича Протасьева утопилъ. Того же лета и самого Федка, поимавъ, повесили на Коломне на осокори»[3]. Наличие отчества у жертвы Федка и локализация места его казни у приокской Коломны подтверждает возможность наличия родственной связи между Иваном и Григорием Протасьевыми. Также интересно упоминание под 1490 г. отдельного, но подчинённого Мценску, любуцкого наместника, которого калужане «самого наместника князя Иванова, Васка Протасьева, головою повели, и тепере в нятствы держатъ » (есть и другое упоминание «Васка Ивановича Потас…» (Протасьева?), вполне соответствующего вероятному отпрыску знатного местного рода)[4].

В 1460-е гг. Мценск, вместе с Любутском, стал частью территориальной административной зоны литовского государства, входившей в зону влияния внутрилитовской «Смоленской державы», о чем говорит встречающееся иногда совмещение смоленских и мценских должностей. Имеются упоминания о

---

[1] Полехов С.В. Наследники Витовта. С.403.
[2] Там же. С. 412-413, 504.
[3] ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. Спб.: Тип-я М.А.Александрова, 1910. С.150.
[4] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.37, 49.

нескольких мценских воеводах (наместниках) с примерными датами, обозначающими периоды их деятельности: Григорий Протасьев (Гржегош Протасьевич) 1422 – 1437 гг.; Миколай Немерович 1467 – 1471 гг.; Васко Павлович Любич – между 1477 и 1486 гг.; Дмитрий Иванович Путятич (Друцкий) – 1486 – 1487 гг.; Иван Юрьевич Трубецкой – 1487 - 1490 гг.; Борис Семенович Александров (Александрович) в 1492 г. был взят в московский плен, где пробыл до 1495 г.; Немир Якубович (возможно - брянский наместник Якуб Янович Немирович) – 1494 г.; Богдан Семенович Сопежич (Сапега) – 1494 -1501 гг.[1] Высокий статус города подчёркнут хорошей узнаваемостью и знатностью фамилий его воевод.

Со второй половины 1480-х гг. военное давление Москвы на Мценск и Любутск усилилось. В июне 1486 г. и в 1488 г. жалобы местного воеводы и наместника о нападениях на мценские и любутские земли были перманентным важным вопросом на переговорах литовских послов с представителями московского государя. В то же время и мчане с любучанами в конце 1480-х – начале 1490-х гг. ответно часто беспокоили своего северо-восточного соседа: «…ограбили на Шате сторожей Мечняне… …Да изо Мченска жъ…пограбили и пересекли сторожей великого князя… Мечнянинъ… пограбилъ деревню на Мьстиславле… …ограбили сторожей Олексинцов… мечняне жъ, княжы Семеновы [князя С.Ф.Воротынского – М.А.] люди Ромашко да Васюкъ Висковатой съ товарищи… наехавъ изъ Любутска наместника любутского Борисовъ Семенова сына Александрова человекъ… жита пожогъ… да четы(ре)хъ человекъ головами свелъ…»[2]. Иван III на жалобы по Мценску и Любутску, в отличие от посланий других жалобщиков, обычно отвечал, так как чётко видел их особый статус великокняжеского владения. Для описания административного статуса формирования иногда даже используется термин «держава Мценская»[3].

---

[1] ПСРЛ. Т.8 Воскресенская летопись. С. 92; ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. С.238-239; ПСРЛ. Т.6. Софийские летописи. С.150; Русская историческая библиотека. Литовская метрика. Отдел 1. Ч.1: Книга записей. Т.1.СПб.: Сенатская типография, 1910. Стб. 65, 445-446, 539, 562, 618; Полоцкие грамоты. XIII – начала XVI в. Том II. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. С.155; Urzednicy Wielkiego Ksiestwa Litewskigo. Spisy. Tom IV. Ziemia Smolenska i wojewodztwo Smolenskie XIV – XVIII wiek. 2003 . pp.55-56.

[2] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.66-67.

[3] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.55.

В 90-х гг. XV в. прямое и косвенное давление Московского государства на Мценск и Любутск ещё более усилилось и приобрело непрерывный характер. В августе 1492 г. московский военачальник князь Федор Телепень-Оболенский внезапным набегом захватил Мценск и Любутск, затем сжег их, а население увел в полон: «Мценескъ и Любутескъ зжогъ, и наместника нашего мценского и любуцкого Бориса Семеновича свелъ, и бояръ мценскихъ и любуцких зъ жонами и зъ детми и иныхъ многихъ людей головами в полонъ повели и животы и статки побрали»[1].

В результате захвата эта территория стала подвластна Москве. Однако, власть великого князя московского не имела опоры во Мценске и Любутске, их население было настроено скорее антимосковски, в связи с чем Иван III в 1494 г. посчитал целесообразным вернуть эти территории Литовскому княжеству[2]. Московское руководство признавало пограничность мценских земель, но, даже стремясь к их захвату, пока ещё не считало нужным нарушать сложившуюся почти за полтора века историческую традицию их принадлежности к литовскому государству.

Сразу же после возврата Мценска Литве в 1494 г., окрестности города подверглись набегу вассальных Москве князей Одоевских и Белёвских. В конце 1495 г. появились жалобы мчан на многочисленные белёвские «шкоды». В начале лета 1498 г. «…князи Белевские прислали многии люди войною, в зброяхъ, ко Мченску; и тыи ихъ люди города добывали, и отступивши отъ стены, что было животовъ и статковъ у бояръ и людей …, то все розграбили и дватцать человековъ до смерти забили, а иные многии и теперь лежатъ ранныи»[3]. Грабительские набеги на Мценск и его окрестности нашли письменное отражение в серии дипломатических жалоб 1497-1498 гг.[4]

Длительное пограничное русско-литовское соперничество в районе Мценска завершилось в 1500 г. захватом города московскими вооружёнными

---

[1] Там же. С.73.
[2] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С.98, 107, 198.
[3] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.268.
[4] Кром М.М. Между Русью и Литвой. С.200-202; Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. С.175.

силами. Интересно отметить, что московской администрацией официально было заявлено о том, что этот захват был вынужденным, так как местные православные жители терпели притеснения от католиков в своей вере. Исторический источник сохранил запись о том, что «…мченские бояре и со Мченскомъ …и иные люди и зъ землями и съ водами от той нужы къ намъ приехали служити…»[1]. Подобное объяснение причины присоединения Мценска для неосведомленных современников могло бы казаться правдивым, если бы не предшествовавшие этому событию два московских набега, в первом из которых из Мценска были вывезены все пушки и пищали, а затем город был просто оккупирован: «городъ… Мценескъ засели, и пушки и пищали выграбили»[2].

Следует отметить, что реальных притеснений на религиозной почве в приграничных верховских территориях, а также принудительного внедрения унии в литовских великокняжеских владениях документами не зафиксировано. Даже наместниками в последней четверти XV в. здесь, за очень редким исключением, были православные князья и паны. Католичество пока ещё не было настолько сильно на востоке территории великого княжества Литовского, чтобы быть способным реально потеснить традиционное православие.

Позиция мценских бояр в последнее десятилетие XV в. была вполне понятной: они считали себя обязанными служить законному государю. После захвата Мценска в 1492 г. многие мценские бояре попали в московский плен и пробыли там до августа 1495 г.: «городы… и бояръ Мценьскихъ и Любуцкихъ зъ жонами и зъ детми и иных многихъ людей въ полонъ повели»[3]. В документах не обнаружено ни одного упоминания об их переходе на московскую службу. Первым официальным перебежчиком в Москву только в 1498 г. стал некто Сенька Бунаков.

После вхождения Мценска в состав Российского централизованного государства в 1500 г. ситуация принципиально изменилась. Мценские бояре принесли присягу Ивану III и, как и раньше, продолжили службу своему

---

[1] Сборник Императорского РИО. Т.35. С.300.
[2] Акты, относящиеся к истории Западной Росии. Т.1. С.204
[3] Там же. С.123.

законному (на этот раз московскому) правителю. После 1500 г., в отличие от других верховских городов, случаев отъезда бояр из Мценска в Литву зафиксировано не было[1]. Это частично объясняется тем обстоятельством, что, как указано в посольских речах 1500 г. представителями великого литовского князя Александра Казимировича от его имени Ивану III, «…люди твои многии, пришодши тотъже городъ нашъ Мценескъ засели и иные наши городы… и волости наши многии»[2]. То есть состав самого боярства был кардинально изменён. Мценск заняли князья Белёвские, а в самом городе от них был князь Иван. В последний год XV в. Мценск с окрестностями окончательно перешел под московский контроль и стал неотъемлемой частью русского государства.

Особое место при рассмотрении событий в бассейне Верхней Оки должно быть отведено судьбе старинных вятичских мест на территории современной Тульской области. Сразу после прихода монголов эти территории были выведены из-под официального русского княжеского контроля и переведены в статус земель центрального ордынского подчинения. На данной территории было создано так называемое **баскачество Тайдулы** (Тульское баскачество) (последнее название условно и не имеет источниковой основы)**.** Подобное административное подчинение русских земель не является типичным случаем, так как даже более южные и гораздо в большей степени подходящие степнякам-кочевникам земли, после некоторого организационного перерыва были, в подавляющем большинстве своем, переданы различным княжеским администрациям. Лесостепные местности окрестностей Тулы оказались под контролем баскаков и, согласно легенде, ещё в середине XIV в. находились в собственности татарской «царицы» Тайдуллы. Это ещё раз наводит на мысль о вероятности существования более сложной, нежели принято считать, территориальной структуры северо-черниговских владений.

Данные рис. 22, показывающей размещение поселений региона, позволяют наблюдать вокруг Верхнего Дона и его притоков резкое сокращение числа укреплённых поселений, которые были построены здесь во времена старого

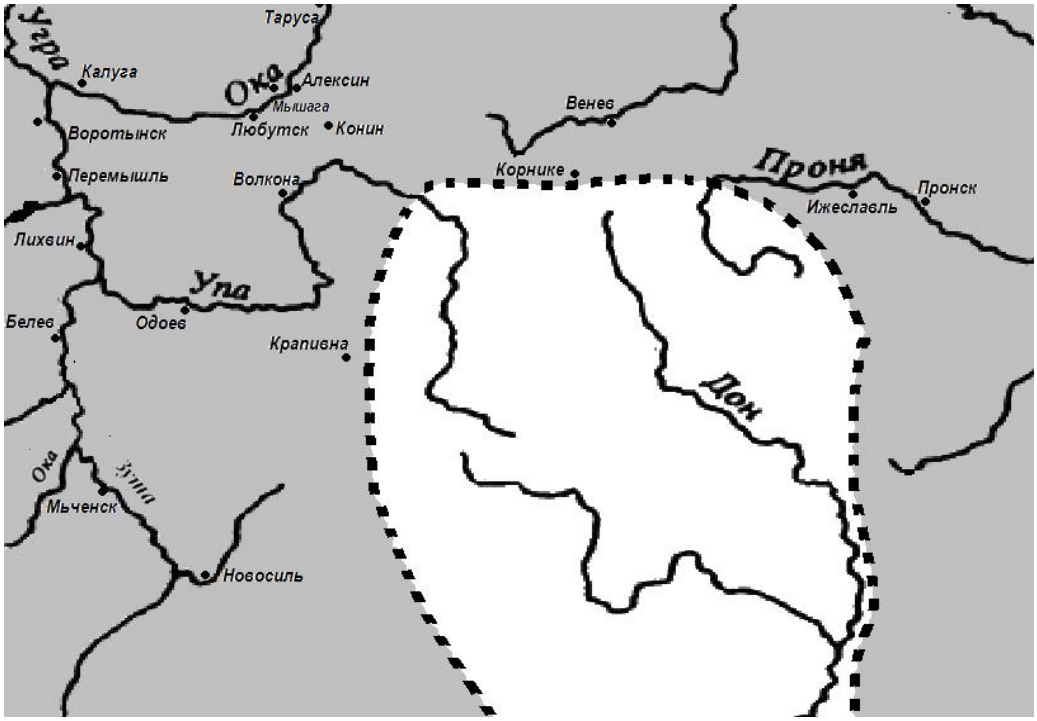
---

[1] Кром М.М. Между Русью и Литвой. С.230 -231.
[2] Акты, относящиеся к истории Западной Росии. Т.1. С.204.

Черниговского княжества, что отсылает к ордынской концепции «городов без крепостных стен»[1]. Поселения без оборонительных сооружений, по всей видимости, размещались на землях баскачества, что позволяет наметить их приблизительные очертания.

Рисунок 26

Вероятные границы «баскачества Тайдулы»



Более точно очертить границы территорий предполагаемого баскачества (Рисунок 26) позволяет сопоставление данных Рисунка 22 с результатами археологических исследований и схемами расположения почв (чернозём на Русской равнине всегда связан со степными ландшафтами). Восточная граница «баскачества» проведена по данным археологических исследований и включает в него территории, характеристики заселения которых (отсутствие укреплённых и значительное число неукреплённых поселений) близки к ордынским.

До середины XII в. здесь находились основные территории вятичского этнополитического объединения, сохранявшего весьма заметную самостоятельность и определённую степень политической субъектности,

[1] Недашковский Л.Ф. Исторические особенности золотоордынского города. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. 38 (3-4). С.100; Надырова Х.Г. Средневековые столичные города Волго-Камья: опыт сравнения пространственно-планировочных структур// Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 2(12). С.17.

впоследствии превратившиеся в отдалённую (преимущественно языческую) окраину Черниговского княжества. Можно допустить, что формирование прямого управления на этой территории было вызвано слабостью, после ордынского завоевания, позиций местных Рюриковичей для осуществления эффективного контроля за сбором и уплатой дани в пользу правителей Монгольской империи (затем - улуса Джучи), а также выполнения иных властных функций. Упоминания о событиях, происходящих в это время в тульских местах, практически исчезают из русских летописей. Даже непосредственные соседи (верховские и рязанские князья - в широком смысле этого слова) практически прекращают здесь всякую самостоятельную активность. Только во второй половине XIV в. (в 1381 г.) новые лидеры северо-востока – московские князья – для вхождения на указанные территории включают отдельное упоминание о них в большое внешнеполитическое соглашение с Рязанью[1].

Русские князья этого периода были органичной частью высшего ордынского управленческого аппарата и, наряду с баскаками (и даругами), выполняли властные, финансовые и судебные функции. По этой причине князь для местных жителей (в силу их традиционной удалённости от властных центров), вне зависимости от его династической линии либо территории проживания, был почти таким же чужаком, как и присланный из Орды чиновник. До настоящего времени археологические исследования данных территорий не выявили признаков, указывающих на существование здесь со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. какой-либо городской русской инфраструктуры, подтверждающей наличие княжеского контроля этих земель.

Археологические исследования захоронений местных жителей южной части рассматриваемых территорий XII - XIV вв. показывают наличие признаков, традиционно характеризующих «двоеверие»: «Форма обряда становится христианской, а многие детали соответствуют языческим представлениям. Наличие угля, обожжённых веток и соломы, зольные пятна у костяков, прокал

---

[1] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIVвека. Внешнеполитические договоры. М.: «Древлехранилище», 2003. С.344.

стенок и дна могильных ям, керамический бой в их заполнении, связываемый с обычаем ритуального битья посуды во время тризны, «дары» погребённым, наличие камней на или около захоронений, нестабильное положение рук — вот неполный перечень языческих черт»[1]. В то же время, гипотеза о вятичском участии в заселении территории подтверждается находками вятичских украшений, датируемых и ранними и позднейшими сроками их распространения[2].

Интересными представляются данные исследований морфологических типов антропологического материала, которые указывают на возможность присутствия здесь «полочан и жителей Смоленских земель», наряду с «населением юных территорий, например золотоордынских» и представителями «высокорослого населения городов Владимиро-Суздальской Руси» – что говорит в пользу предположения о целенаправленном «комплектовании» местного рабочего персонала[3].

Анализ экономической основы функционирования местного баскачества представляется уместным предварить напоминанием об «Ахматовых слободах» в окрестностях Курска и особенностях порядков, в них введённых. Первое: баскак Ахмат ещё в конце XIII в. организовал на черниговских землях ремесленные поселения – слободы – неподконтрольные русским князьям. Люди, которые в них селились, получали «различного рода материальную помощь или налоговые льготы. …Слобожане должны были или работать, или платить дань устроителю слобод. Тем самым не только территория, но и люди выводились из-под юрисдикции русского князя»[4]. Использование аналогии представляется вполне уместным, поскольку, исходя из единства ордынского законодательства, похожий статус территории и населения должен был распространяться и на жителей Тульского баскачества. Второе: поселение внутри зоны контролируемой баскаком представляло интерес для «черных людей» – «умножишася люди въ слободахъ техъ, со всехъ сторонъ сшедшеся». Третье: в варианте Никоновской

---

[1] Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII - 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. к.и.н. М., 2003. С.149.

[2] Там же. С.189-193, 196-197.

[3] Там же. С.148-149.

[4] Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. С.45.

летописи имеется упоминание, что в Ахматовых слободах «…быша тамо торгы и мастера всякиа, и быша те велики две слободы якоже грады великия»[1]. Данная информация до недавнего времени представлялась поздней и неточной характеристикой. В то же время, предварительная информация о результатах недавних раскопок подтверждает летописную оценку исследованных поселений, что также позволяет предполагать административный и экономический режим в такого рода образованиях привлекательным для простого люда[2].

В-четвёртых, появление такого рода анклавов, напрямую подчинённых и управляемых ордынскими чиновниками, было в этот период, по всей видимости, обычным делом, поскольку «…имела место определенная административно-территориальная реформа, лишь отчасти считавшаяся с территориальным делением русских княжеств в домонгольское время»[3]. Этому способствовала также специфика местного рельефа (т.н. тульский «степной язык» и судоходное течение Верхнего Дона), которые хоть и не имела решающего значения для возникновения «тульского баскачества Тайдулы», но оказала на него ощутимое влияние.

Приложение особенностей описанной для юго-востока Черниговщины ситуации к ситуации на северо-востоке позволяет говорить о вероятно схожих процессах: в районе, прилегающем к современной Туле, прослеживаются земли, которые также «баскаки Тайдулы ведали». Безусловно, существуют различные трактовки слова «ведали», которые определяют его значение как «управляли», как «судили» и как «осуществляли фискальные функции»[4]. Не вдаваясь в детали данного спора, можно утверждать, что, согласно данным археологических исследований на территориях, идущих полосой от южного берега Оки через современную Тулу, нынешнее Куликово Поле к Ельцу, в период, ограниченный второй половиной XIII — первой половиной XIV вв. сложилась специфическая

---

[1] ПСРЛ. Т.10. Патриаршая или Никоновская летопись. 1885. С.162.

[2] Енуков В.В. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды// Археология евразийских степей. 2018. №4. VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. С.47-52.

[3] Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. С49.

[4] Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой черверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. С.31-32.

обстановка, нетипичная для большинства русских земель (в том числе расположенных вблизи). В указанное время здесь возникают новые поселения с мастерскими, явно нацеленными на удовлетворение более широких потребительских потребностей, нежели у ощутимо сократившегося местного населения[1]. Существование производственных поселений в окрестностях Тулы также могло бы дать объяснение причинам позднейшего быстрого промышленного роста рассматриваемой территории.

Земли предполагаемого баскачества тянулись от р.Ока через современный Тульский район и далее Куликово поле к междуречью р.Дон и р.Красивая Меча. Результаты археологических исследований окрестных территорий, как и ожидается после победы монгольского войска, подтверждают первоначальное сокращение численности населения и числа населённых пунктов сразу после ордынского завоевания в середине XIII в.: «События ...связанные с Батыевым нашествием, резко изменяют ситуацию в Верхнедонском регионе... Происходит значительный отток русского земледельческого населения в более безопасные, видимо, северные регионы. Прекращают свое существование поселения южной, остепненной части Поля, а также гнезда памятников, расположенных на водораздельных территориях поблизости от древних сухопутных дорог. Наиболее сильное запустение территории приходится на середину — 3-ю четверть XIII в.»[2]. Спустя несколько лет после первого бегства местного населения, «...происходит вторичное заселение Поля русскими земледельцами»[3]. Автор исследования связывал это с контролем со стороны Тульского баскачества и определенной стабилизацией социально-политической ситуации[4].

В ходе последующего развития ситуации в южной части рассматриваемой территории, на Куликовом поле «…в конце XII – первой половине XIII вв. складывается инфраструктура мастерских по производству и переработке железа,

---

[1] Археологическая карта России. Тульская область. Ч.2. Под ред. А.В.Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. С.15-17, 87, 109-111.

[2] Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII - 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. к.и.н. М., 2003. С.85-85.

[3] Там же. С.209.

[4] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII- XIV вв. 1985. С.41-45, 53.

где на 573 крестьянских двора существовало 15-17 производственных комплексов. После татаро-монгольского нашествия численность населения сокращается до 210 крестьянских хозяйств, но число ремесленных комплексов по производству и переработке железа возрастает в 1,5 раза (25-27 мастерских). Более 50% всего ремесленного производства сосредотачивается в двух районах – в среднем течении р.Вединец и нижнем течении р.Мокрая Табола…»[1]. Подобное количество выглядит чрезмерным для удовлетворения относительно малого по объёму местного спроса и может быть объяснено как попытка организации производства для внешних продаж. В пользу предположения говорит наблюдаемая активизация торговли с восточными соседями, поскольку «...к концу XIII - началу XIV вв. происходит налаживание экономических связей Верхнедонского населения с Волго-Камским регионом»[2].

Помимо активизации производственной деятельности, исследователи отмечают новые здесь «...Болгарские и Северо-Донецкие традиции в формах и орнаментации керамической продукции. ...Появляются новые типы стрел, ...детали конской упряжи, ...ременная гарнитура, ...некоторые типы украшений. ...В XIV в. влияние кочевого мира ещё ярче проявляется в материальной культуре древнерусских памятников региона»[3]. Отмеченная производственная активность продолжается без малого столетие и окончательно прекращается только к 70-м гг. XIV в.[4] Также датируется и окончательный уход местного населения.

На землях будущего Елецкого княжества, расположенных к югу, удалось выявить те же тенденции: «...монголо-татарское нашествие серьезно не нарушило естественный ход развития древнерусских поселений на южных территориях Чернигово-Рязанского пограничья в середине - второй половине XIII вв. Более того, мы наблюдаем рост числа памятников почти в два раза»[5]. Ко всему,

---

[1] Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XV вв. Автореф. к.и.н. М.: 2004. С.9.

[2] Гоняный М.И. Указ.соч. С.204.

[3] Там же. С.206-207.

[4] Там же. С.209.

[5] Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII – XV вв. Автореф. дис. д.и.н. М., 2007. С.21,

«...активизируется участие жителей в донской торговле с Крымом, Северным Кавказом, территориями византийского круга»[1]. В ходе исследований выявлено, что «...На южных территориях Чернигово-Рязанского порубежья во второй половине XIII–первой половине XIV вв. численность памятников возрастает и составляет 239 селищ, 8 монетных кладов и отдельные находки, 4 могильника. В два раза их численность возрастает по р. Дон в районе гг. Данкова, Лебедяни, Задонска, а также по р. Красивая Меча и почти в пять раз – в нижнем течении Быстрой Сосны. Это время активных торговых связей с Ордой и Востоком»[2].

Опыт Ахматовых слобод, подкреплённый археологическими данными, указывает на наличие высокой степени вероятности существования со второй половины XIII в. по последние десятилетия XIV в. подобных управленческих структур на рассматриваемом стыке верхнеокского и верхнедонского речных бассейнов. Результаты археологической исследований обстановки на землях от современной Тулы до современного же Ельца, также дают аргументы в пользу гипотезы о функционировании здесь особого баскаческого административно-управленческого аппарата. Вполне возможно, что и современная Тула имела в это время предшественника в виде комплекса городищ и селищ XII-XIV вв., известного ныне как Торхово[3]. В пользу этого говорят некоторые факты и результаты исследований[4].

Исследователи часто связывают опустение и обезлюживание рассматриваемой территории с последствиями Великой замятни середины XIV в.[5] Не оспаривая это утверждение, представляется, что остаётся не до конца оценённым вклад в эти процессы результатов знаменитых эпидемий чумы середины XIV в., ранее уже упомянутых в настоящей работе. Летописи чётко определяют её первое появление 1346 г.: «Въ лето 6854 …казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточную страною на городъ Орначь, и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежъ, м на прочие грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены,

---

[1] Там же. С.31.
[2] Там же. С.35.
[3] АКР. Тульская область. Под ред. А.В.Кашкина. Ч.2. М.: Институт археологии РАН, 2002. С.160-164.
[4] Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы… С.209-212.
[5] Гоняный М.И. Указ.соч. С.209.

и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всехъ тамо живущихъ, яко не бе кому ихъ погребати...»[1]. Довольно скоро заболевание перекинулось на юг средиземноморской Европы.

По всей видимости, влиянием последствий этой эпидемией было обусловлено начало запустения земель Тульского баскачества, так как именно донской торговый путь связывал земли Верхнего Дона с Северным Причерноморьем и Крымом. Резкое сокращение числа торговых партнёров в сочетании с последовавшей «замятней» являются наиболее вероятными причинами последующего обезлюживания земель, по крайней мере в их южной части: «...бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша быша древле грады красны и нарочиты зело видениемъ места, точью пусто же все и не населено»[2]. В последних десятилетиях XIV в. (в частности, к Куликовской битве) рассматриваемая «территория становится незаселенной, что согласуется со сведениями текста «Хождение митрополита Пимена в Царьград»[3].

Другим фактором, окончательно приведшим к ликвидации зоны прямого ордынского управления должна была стать победа великого князя Ольгерда над татарами, взятие Коршева и уничтожение местных управленческих структур в 1362 г. [4] Ослабленный эпидемиями и внутренней борьбой местный военно-административный аппарат мог попросту «разбежаться», не вынеся решительного и успешного литовского натиска.

Таким образом, предположение о функционировании в зоне соприкосновения бассейнов Верхней Оки и Верхнего Дона зоны прямого баскаческого управления, известной в исторической литературе как Тульское баскачество, имеет достаточно многочисленные подтверждающие аргументы. На данной территории в конце XIII — начале XIV вв., в соответствии с результатами археологических исследований, произошло повторное расселение восточных

---

[1] ПСРЛ. Т.7. Воскресенская летопись. Спб.: тип-я Э.Праца, 1856. С.210.

[2] ПСРЛ. Т.11. Никоновская летопись. С.96.

[3] Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII - 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. М.: 2003.

[4] ПСРЛ. Т.15. Изд. 2-е. Вып. первый. Рогожский летописец. Петроград. 1922. Стб.75.

славян, ставшими трудовым ресурсом для функционирование производственных комплексов, занимавшиеся выпуском товаров, вывозившихся за пределы территории, в первую очередь по Донскому торговому пути. В рамках существования единой ордынской налоговой и административной территории существование такого рода управленческой зоны выглядит вполне обоснованным и высоко вероятным. Предположение о «ведении» данных территорий баскаками в смысле «сбора информации о величине установленной дани» также не противоречит изложенной гипотезе[1]. Распределение запустевших мест могло предполагаться в 1360 г.: «...седе на царстве царь Навроусъ и къ нему приидоша вси князи Роусьскыи и бысть имъ въ орде розделъ княжением[ъ] ихъ...»[2]. Следует отметить, что несмотря на явную освоенность и достаточно богатую археологию этих мест, до настоящего времени не удалось окончательно установить наличие на этой территории единого крупного административного либо производственного центра, относимого к периоду баскачества. Упоминание Тулы под 1146 г. в Никоновской летописи в настоящее время не считается вполне достоверным: «Князь же Святославъ Олгович идее в Рязань, и бывъ во Мченске, и въ Туле и въ Дубке…»[3].

Суть княжеской службы в части исполнения функций ордынского чиновника вполне позволяла безболезненно совершать переподчинение «брошенных» земель более эффективным управленцам. Последовавшее повторное административное освоение и ассимиляция рассматриваемых территорий русскими княжествами была осуществлена через несколько лет после их нового запустения, прямо или косвенно обусловленного результатами эпидемий чумы в 40-50 гг. XIV в., а затем – последовавшей управленческой деградации вследствие начавшейся в Орде «Великой замятни». Документированный раздел тульских земель между московскими и рязанскими русскими князьями состоялся только к 1382 г., когда эту территорию присоединил к Московскому княжеству Дмитрий Донской: «А что место кн(я)зя великог(о)

---

[1] Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы… С.31-33.
[2] ПСРЛ. Т.15. Изд.2-е. Вып. Первый. Рогожский летописец. Петроград. 1922. Стб. 68.
[3] ПСРЛ Т.9. Патриаршая или Никоновская летопись. 1862. С.171.

Дмитрия Ивановича на рязанскои стороне Тула, как было при ц(а)р(и)це при Таидуле и коли ее баскаци ведали, в то ся кн(я)зю великому Олегу не вступати и кн(я)зю великому Дмитрию»[1]. Основание города Тулы также традиционно относят к 1382 г. – моменту упоминания в договоре Дмитрия Донского и Олега Рязанского. Впрочем, дата полного перехода всех территорий баскачества под княжеский контроль продолжает оставаться вопросом дискуссионным[2].

Юго-восточная и восточная часть современных Орловской и западная часть Липецкой областей входили с последних десятилетий XIV в. входили в состав **Елецкого княжества –** одного из самых малоизученных средневековых русских княжеств. Если Верховские и Рязанское княжества часто называют пограничными, то елецкие земли следует полагать настоящим «фронтиром»[3]. За пределами Елецкого княжества была зона, полностью контролируемая (зачастую неэффективно и слабо) Ордой либо формированиями, претендующими на преемственность в отношении Орды. Существование прямой связи между возникновением этого территориально-административного образования и ликвидацией ослабленного чумой «баскачества Тайдулы» (Тульского баскачества) представляется весьма вероятным.

Первое упоминание Ельца встречается в летописном своде под 1147 г. Современные исследования считают это сообщение Никоновской летописи ненадёжным ввиду тенденциозности источника и возможности фигурирования под именем «Елца» черниговского Елецкого монастыря. Потому и свидетельство о приезде рязанского князя Андрея Ростиславича в Киев из Ельца («Того же лета прииде из Резани с Елца князь Андрей Ростиславич») можно трактовать неоднозначно, поскольку город Елец того времени, в случае своего

---

[1] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. С.344.

[2] Шебанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в.// Великое княжество Рязанское: историко-археологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С.470-474.

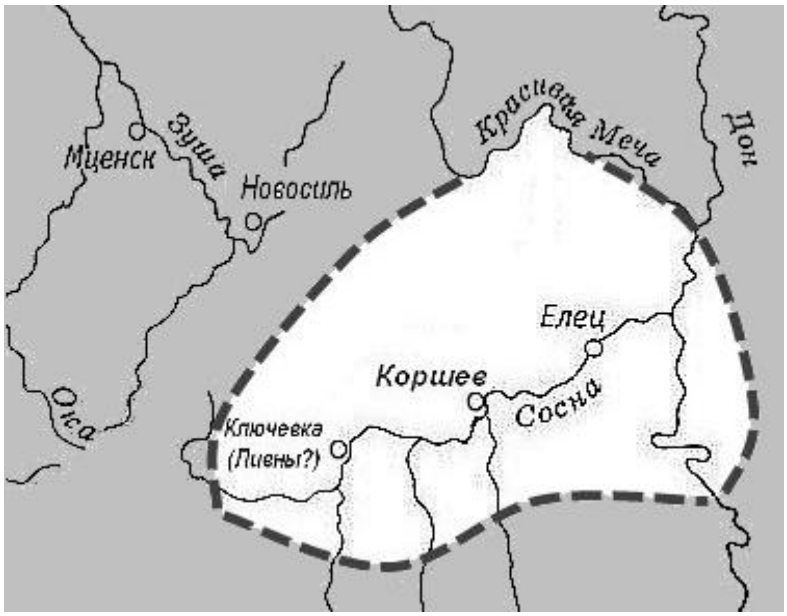
[3] См. Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. М.: 2007.; Он же. Военная элита Елецкого княжества второй половины XIV-XV вв.: исторический комментарий к данным археологии// Общество и власть: история и современность : материалы Тринадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 1 февраля 2019 г.)/ Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С.8-12.

существования в качестве административного центра, не мог относиться к Рязани[1]. И хотя поселения на месте старого Ельца существовали издавна, точная дата его основания до сих пор остаётся неизвестной.

По всей видимости, земли к западу от современного г.Ельца в начале XIII в. (и позднее) принадлежали Черниговскому княжению. Собственно черниговская земля располагалась в этом районе на правом берегу Дона. По мнению Д.И.Багалея елецкие земли начинались там, где заканчивалась степь, а «в XIV и XV ст. степь начиналась ***за*** Быстрой Сосной, т.е. в северной части нынешней Воронежской губернии, на границе ее с Орловской»[2]. Тот же исследователь указал, что уже на территории средней части тогдашней Воронежской губернии начинались первые татарские кочевья. Вполне логично будет предположить, что эти земли, издавна населённые оседлыми славянами и (вероятно) тюрками, не могли остаться в полном запустении[3].

Рисунок 27

Елецкое княжество в XIV в.



Достоверным считается территориальное выделение Елецкого княжества в последней четверти XIV в., что хронологически привязывает зарождение

---

[1] ПСРЛ. Т.9 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1862. С.173.

[2] Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография, 1887. С.68.

[3] См. Лаптенков В.В. Елецкие древности. Воронеж: ВГПУ, 1998.

княжества к запустению «Тульского баскачества» после эпидемий чумы в связанном с ним донским торговым путем Северном Причерноморье, событий Великой замятни и последствиям успешной литовской военной экспансии. Династия князей Елецких была, по всей видимости, дочерней по отношению к князьям Козельским и Карачевским, что предполагает прежнюю принадлежность, по меньшей мере, части этих земель Козельско-Карачевскому княжеству[1]. Существуют основательные доводы в пользу первичности наименования города и княжества в форме «Елеч(ь)» и «Елечское»[2].

По мнению Н.А.Тропина, в середине XIV в. происходит активизация на этой территории деятельности Верховских княжеств, приведшая к установлению тесных связей и политического контроля над этими территориями. Вероятно переселение сюда значительных масс населения и формирование на Елецких землях отдельной волости. «С этого времени население …Быстрой Сосны оказалось в этнокультурном и политическом единстве с Верховскими землями»[3]. Отмеченное ранее прекращение деятельности «баскаков Тайдулы» и исчезновение населения «баскачества», по всей видимости, также повлияло на быстрое формирование княжества и рост численности его населения.

В нижнем течении р.Быстрая Сосна располагается так называемый Лавский археологический комплекс, который являлся административным центром сельской округи и занимал общую площадь около 31 га[4]. Ранее процветавший административный и производственный центр был в начале последней четверти XIV в. фактически разгромлен и «превратился в сельское поселение»[5]. Симптоматично, что описанные процессы хронологически параллельны процессам, протекавшим на территории расположенной к северу и традиционно относимой к «баскачеству Тайдулы». Одновременный переход роли

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.126.

[2] Лаптенков В.В. Указ. соч. С.11-12.

[3] Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. М.: 2007. С. 27.

[4] Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья. Автореф. д.и.н. С.25, 36; Он же. На Юго-востоке Руси: Чернигово-Рязанское порубежье в IX-XV веках: учебное пособие. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С.90-94, 96-99.

[5] Тропин Н.А. Южные территории. С.30.

административного центра к новопостроенному Ельцу, расположенному поблизости от старого центра, сопровождался значительными изменениями торговой, производственной и политической составляющих данной территории. К числу елецких владений поздний Пискаревский летописец относит Ливну, которая может быть как городом (поселением), так и рекой: «…елецких князей вотчина Ливна»[1]. Населённый пункт (г.Ливны) с таким названием и сейчас стоит на фактически одноимённой реке (р.Ливенка), что даёт основание полагать эту местность, по меньшей мере, западными пределами Елецкого княжества.

Анализ имеющихся археологических и исторических данных указывает, что «строительство г.Ельца могло произойти не ранее 1381 г.»[2]. Первые датированные сведения о Елецком княжестве относятся к 1389 г., когда ехавшего в Константинополь митрополита Пимена в устье реки Воронеж встретил елецкий князь Юрий с боярами и делегацией: «…приеде къ намъ князь Юрьи Елетцкий з бояры своими и со многыми людми; …он же воздаде намъ честь, и радость, и утешение велие…»[3].

Нашествие Тамерлана 1395 г. оказалось не столь фатальным для Ельца, как о том писали летописи, указывая на разорение «земли Елечской» и взятие в плен елецкого князя: «…и взя Елець градъ, и князя Елецкаго поима, и люди плени, а иных изби»[4]. Через две недели войско грозного завоевателя ушло обратно на юг: «Темиръ Аксакъ, дошедъ Елча, възвратися въ свояси»[5]. Само же княжество и его столица продолжили существование.

В своей «Книге побед» («Зафар-намэ») Низам-ад-дин Абд-ал-васи, рассказывая о деятельности и походах эмира Тимура (Тамерлана), повествует о его походе в русские земли в 1395 г. в погоне за «неблагодарным» Тохтамышем. В ходе преследования сторонников Тохтамыша, войско Тимура дошло до реки Тан (вероятно, Дон) и достигло земли «урусов». «Победоносное войско, дойдя до

---

[1] ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Издательство «Наука», 1978. С.195.

[2] Тропин Н.А. Указ. соч. С.36.

[3] ПСРЛ. Т.11. Патриаршия или Никоновская летопись.1897. С.96.

[4] Там же. С.159.

[5] ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. С.143.

города урусов по имени Карасу, разграбило его со всей областью»[1]. Русские источники повествуют о захвате Ельца. Если бы Тимур с боем брал Елец, то, принимая во внимание основательность и жёсткость этого полководца, уже тогда бы история этого города могла быть завершена. Но город простоял в качестве центра княжества ещё два десятилетия.

В источниках довольно часто встречается упоминание другого города Елецкой земли – Коршева на реке Сосне. Во время антитатарской кампании, позднее принёсшей великому князю литовскому Ольгерду победу у Синих Вод в 1362 г., Коршев на Сосне был им занят, что дало почву для предположений о присоединении этой территории к Великому княжеству Литовскому[2]. Перевод Карасу с тюркских наречий на русский язык – «черная вода». На реке Сосне, протекавшей через летописный Елец, примерно в 40-50 км от него, находится старинное село Чернава с речкой Чернавкой. Весьма вероятно, что тюркское название было дано местными тюркоязычными православными жителями, составлявшими весьма значительную часть населения княжества[3]. Коршев после Тамерлана в русском летописании не упоминался, хотя и фигурирует в знаменитом «Списке городов русских», но, по всей видимости, сам список был составлен в 1392-1395 гг., то есть до описанных фатальных событий[4].

Реальное разорение княжества и города относится к 1414-1415 гг., времени нашествия татарских отрядов неустановленной принадлежности: «Приидоша Татарове мнози… и град Елецъ взяша, и Елецкаго князя убиша, а инии въ Резань убежаша»[5]. Уцелевшие горожане спаслись бегством на территорию Рязанского княжества[6]. С того момента Елецкие земли, значительно опустевшие, находились под контролем рязанских князей, а в 1483 г. были закреплены за великим князем

---

[1] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С.121.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.75.

[3] Лаптенков В.В. Золотоордынская область Карасу и образование Елечского княжества// Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып.2. Липецк: ЛПГУ, 2000. С.126-127; Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья. Л.:1987. 139 с.

[4] Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних. С.219.

[5] ПСРЛ. Т.11. Патриаршия или Никоновская летопись.С.225.

[6] Татищев В.Н. Собрание сочинений. История Российская. Части третья и четвертая. С.222.

московским Иваном III Васильевичем по договору с своим молодым рязанским тёзкой: «… а тебе не вступатися въ нашу отчину въ Елечь и во все Елецкая места»[1].

С.В.Полеховым было сформулировано и обосновано предположение о вероятности соотнесения с Ельцом упомянутого в «Списке городов Свидригайло» от сентября-октября 1432 г. города Gelecz: «Gelecz cum districtibus multis et castris… Елец со многими волостями и замками».[2] Это выглядит вполне вероятным, но не доказывает факта существования в этот момент времени собственно населённого пункта с таким названием: составитель списка вполне мог использовать название города как топоним, определяющий и конкретизирующий прилегающую к нему местность. Следующее же достоверное упоминание Ельца последовало через, без малого, сто шестьдесят лет и относится ко времени строительства Елецких укреплений в 1592 г.

Матерью первого достоверно известного елецкого князя Фёдора Ивановича, по всей видимости, была рязанская княжна Агриппина Олеговна, что является косвенным признаком «свадебной» причины выделения этого княжества за счёт земель, ранее принадлежавших дедам - Титу Козельскому и Олегу Рязанскому[3]. В знаменитом «Сказании о Мамаевом побоище», постоянно упрекающем Олега Рязанского в предательстве общего дела борьбы с Мамаем, упоминается, что князь серпуховской Владимир Андреевич гнал татар до реки Красивая Меча, то есть до границы Елецкого княжества. Там же указано, что «князь Феодоръ Елетьцкый» был в Куликовской битве воеводой в Засадном полку у князя Владимира Андреевича[4]. Перечисление князей Елецких, оставивших след в истории как правители, не занимает много места – упомянутый Федор Иванович, Юрий (Иванович?), Иван Фёдорович. Будучи, по всей видимости, ветвью козельского княжеского дома, они не успели оставить известий о своих

---

[1] Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В.Бахрушина. М.: 1909. С.127

[2] Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С.121.

[3] Зотов Р.В.О черниговских князьях по любецкому синодику. С.27, 148, 243, 298; Татищев В.Н. Собрание сочинений. История Российская. Части третья и четвертая. М.: НИЦ «Ладомир», 1996. С.130.

[4] Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция// Сказания и повести о Куликовской битве. Изд. подгот. Л.А.Дмитриев, О.П.Лихачева. Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1982. С.34.

самостоятельных достижениях вследствии быстрой потери собственного княжества.

Интересным выглядит вопрос о соотношении «козельского» и «новосильского» в образовании и функционировании Елецкого княжества, который решается напоминанием о новосильском старшинстве во внутренней иерархии черниговского клана Рюриковичей. Учреждение княжества на вновь освободившихся старых черниговских землях, официальным главой и распорядителем которых (с ордынским подтверждением) выступали князья новосильские при поддержке козельских сородичей, должно было происходить с одобрения ордынского руководства. Утверждение на новом княжестве наследника одной из ветвей клана (в данном случае козельской), согласного на данный шаг, находилось также в пределах полномочий главы. Судя по всему, решение было совместным (новосильско-козельским) и, после подтверждения главой рода, вступило в силу и не оспаривалось.

Тарусское княжество существовало в виде самостоятельной политической единицы более ста лет. Первым князем тарусским традиционно считается князь Юрий Михайлович, получивший княжество сразу после фактического распада княжества Черниговского в 1246 г.[1] Впрочем, многие исследователи полагают данные родословцев легендарными из-за большого числа несоответствий. Как бы то ни было, князья Тарусские относились, вероятно, к одной из ветвей черниговского княжеского дома[2].

Прочие Рюриковичи признавали единство происхождения с тарусскими князьями, но достоверных данных о реальной степени родства между Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его тарусскими потомками не сохранилось. Более того, полностью отсутствуют данные о, как минимум, двух поколениях князей первой трети XIV в., поскольку приводимые родословцами данные выглядят нереальными.

Соседями Тарусского княжества оказались Московское и Рязанское

---

[1] Зотов Р.В.О черниговских князьях по любецкому синодику. С.28, 68, 104, 122-124.

[2] Зотов Р.В. Указ. соч. примечания на С.130-131; Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.113.

княжества, действия которых указывают на то, что их руководители всячески стремились подчинить себе части «черниговского наследства». Ничуть не отставали от них и прочие соседи, среди которых следует упомянуть Смоленск и поглотившее его позднее Великое княжество Литовское.

Рисунок 28

Тарусское княжество в конце XIV в.

Сведений об активных военных действиях, целью и результатом которых являлось бы завоевание территорий Тарусского княжества кем-либо из соседей в конце XIII – первой половине XIV в., не сохранилось и создаётся впечатление, что самым доступным способом передела местных земель была их покупка у владетелей. В результате тарусские князья довольно быстро теряли свои земли (приведённая карта разработана и выполнена В.Темушевым).

Нельзя говорить, что история княжества была мирной. В первую

«Литовщину» в 1368 г., в сражении погиб сын Тарусского князя Константин Юрьевич, владевший Оболенским уделом: «Олгерд же се входя въ пределы области Московьскыя… въ Оболеньсте оуби князя Костянтина Юрьевича Оболеньскаго»[1].

Будучи близкими союзниками Москвы, местные князья участвовали, вероятно, в большинстве её военных мероприятий. В частности, в упомянутом выше походе на Тверь 1375 года, наряду с другими союзниками, были задействованы со своими войсками «князь Семенъ Константинович(ь) Оболоньскыи, братъ его, князь Иванъ Торушьскыи»[2]. Новгородская 4-я летопись по списку Дубровского указывает их же в качестве воевод сторожевого полка в Куликовском сражении 1380 г.: «Въ сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Констянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Торусскаго»[3]. И как чётко обозначил А.Горский, в этот период «Оболенск… сохранял статус «старшего» стола – оболенским князем был старший из братьев»[4].

Летописи указывают, что среди погибших на Куликовом поле в Мамаевом побоище 1380 г. были «князь Феодоръ Торусский, братъ его князь Иванъ Мстиславъ».[5] Информация об участии в битве братьев Ивана Константиновича Тарусского и Семена Константиновича Оболенского зафиксирована Любецким поминальным синодиком.[6]

Известно, что московско-рязанское докончание 1381 г. упоминает уступку Москвой Рязанскому княжеству уезда Мстиславль, городище Жадене, Жадемль, Дубок, Броднич, по меньшей мере, часть которых явно ранее принадлежала Тарусскому княжеству, в том числе стратегическая Лопасна: «А что на Рязанскои стороне за Окою, что доселе потягло къ Москве, почен Лопастна, уездъ

---

[1] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.89; см. ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С.184-185.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.111.

[3] ПСРЛ. Т.4. Ч.1. Новогородская четвертая летопись. Выпуск 2. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1925. С.486.

[4] Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII - XV в. вне Северо-Восточной Руси// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв. ред.) [и др.]. М.: Индрик, 2004. [Вып.] 5. С.154.

[5] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.39.

[6] Зотов Р.В.О черниговских князьях по Любецкому синодику. С.215.

Мьстиславль, Жадене городище, Жадеиль, Дубок, Броднич с месты, как ся отступил(и) кн(я)зи торуские Федору Святославич(ю), та места к Рязани».[1] Фёдором Святославовичем, которому были уступлены тарусскими князьями перечисленные выше места, мог быть тесть московского князя Симеона Гордого, происходивший из смоленской династии[2].

В.А.Кучкин полагает предшествующую (имевшую место в середине XIV в.) уступку этих земель тарусскими князьями тестю московского князя и последующее их возвращение не в собственность, но в управление, следствием союза с Москвой против Рязани[3]. Вероятно, какие-то надежды на полный возврат земель Тарусскому княжеству существовали, в особенности, учитывая явно долговременную союзность тарусских князей Москве. В частности активную поддержку, выраженную московскому князю Дмитрию, проявившуюся в гибели в Куликовском сражении сразу двух тарусских князей. Но вопросы политической целесообразности явно оказались для Дмитрия Ивановича Донского более весомыми. Потому и был осуществлён территориальный обмен исходно тарусских (а ныне московских) земель к югу от широтного течения Оки на рязанские к северу от течения.

Княжество Тарусское сильно пострадало от похода Тохтамыша на Москву в 1382 г.[4] Как уже упоминалось, московские князья не скрывали своих претензий на полное овладение правами на Тарусское княжество. Тарусские князья рано попали в плотную зависимость от своих северо-восточных соседей, о чем свидетельствует их постоянное упоминание в текстах различных договоров (от 1402, 1434, 1447, 1449 гг.) в качестве союзников (из контекста - младших) московских князей: «те все кн(я)зи со мною один ч(е)л(о)в(е)къ… занеж те кн(я)зи с тобою, с великим кн(я)зем Юрием Дмитреевич(е)мъ, один ч(е)л(о)в(е)къ… занеж те кн(я)зи со мною, с великим кн(я)зем Васил(ь)ем

---

[1] Духовные и договорные грамоты. 1950. С.29; Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г.// Куликовская битва в истории России: Сб. статей. Под ред. А.Н.Наумова. Тула: ГУП–Издательство «Левша», 2006. С.95-96.

[2] ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб.56.

[3] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. С.256-257.

[4] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.128.

Васил(ь)евичем, одинъ ч(е)л(о)в(е)къ… А княз(ь)… торускии, и з братьею, и з братаничы служать мне, великому кн(я)зю»[1]. Фактически, княжество стало московским щитом на юго-западе, а потому автоматически становилось участником конфликтов московских князей с их соперниками.

Существует указание на ранний (в момент возникновения) раздел Тарусского княжества на несколько частей: «…князь Юрьи… пришол в Тарус… и родил сынов пять. …И розделил им после живота отчину. Старшому, Всеволоду, Тарусу, Семену Канинь, Михаилу Мышагу, а Ивану Волкона, а Контянтину Оболенескъ»[2]. Дальнейшие деления не заставили себя долго ждать, прибавив к числу уделов Мезецк (Мещовск) и Спашь[3]. Тарусские уделы, в силу постепенной дезинтеграции всего княжества, довольно рано стали обособляться и превращаться в относительно самостоятельные образования – собственно Тарусское, Волконское, Оболенское, Спажское, Мышагское, Мезецкое, Барятинское, Конинское – большинство из которых определялись в качестве княжеств скорее по титулам их глав, нежели по реальному военно-политическому значению[4].

В Белёвском сражении 1437 г. погиб сражавшийся на московской стороне князь Федор Тарусский[5]. В столкновении 1445 г. с литовской ратью в битве у Суходрева был пленён непоименованный князь Конинский[6]. О деятельности многочисленных Оболенских на службе великого московского князя не стоит и упоминать ввиду большого количества и объёма такого рода информации, а также их практически полного ухода на московскую службу и участия в деятельности, к Верхнеокскому региону прямого отношения не имевшей.

Интересно, что под 1488 г. среди прочих упоминается некий Фёдор Волконский (без симптоматичного указания княжеского титула) находившийся на

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.53, 85, 144, 161

[2] ПСРЛ. Т.35. Летописи Белорусско-Литовские. М.: Издательство «Наука», 1980. С.282.

[3] Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику. С.123, 166, 150, 186, 190, 191,219, 230, 293, 299; Шеков А.В. Верховские княжества. С.154 -157.

[4] Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. С.155, 176 ; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С.55-56

[5] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С. 260.

[6] Там же. С.395.

службе литовских вассалов князей Воротынских: «А Воротынские князи, князь Дмитрей да князь Семенъ, наславъ на наши волости на Медынские своихъ людей… да Федора Волконского… и съ иными многими людми»[1]. Он вполне мог быть одним из потерявших все земельные владения, а значит и княжеский титул, потомков тарусской династии либо представлять ту часть своей фамилии, которая стала вассалами своих родственников Воротынских[2].

Ранее принадлежавшая Тарусскому княжеству земля на окском правобережье ещё в первой половине XIV в. была продана митрополиту Петру под «митрополичий город Олексин» (Алексин)[3]. Московский, а ранее брянский боярин Александр Пересвет купил поокские земли, впоследствии названные Пересветовой куплей[4]. Получение (а точнее, покупка) в 1392 г. великим князем московским Василием Дмитриевичем у Тохтамыша ярлыка на Тарусу практически завершила период относительной самостоятельности княжества[5]. То, что переходило в собственность к московским правителям, практически никогда уже не уходило из их цепких рук. Подчинённое положение тарусских князей упоминает текст нового договора Москвы и Рязани от 1402 г.: «…с торускыми кн(я)зи так же взятии ти любов(ь) по давным грамотамъ, а житии ти с ними без обиды, занеже те все кн(я)зи со мною один ч(е)л(о)в(е)к. ...А не послушает виноватыи и кн(я)зь великы Василеи Дмитреевич, а не отдасть, кн(я)зю великому исправити»[6]. Из приведенного отрывка, впрочем, видно, что отношения Тарусского княжества с Москвой достаточно давно были урегулированы некими, вероятно двусторонними, «давными грамотами».

Вероятно, в рамках этих договоров (либо установившимися обычаями) были каким-то образом определены некие «выходы в ординские… и в послы

---

[1] Сборник РИО Т.35. Памятники дипломатических сношений древней России. С.21, 39.

[2] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.171.

[3] См. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Том 1. I часть. Частное землевладение. II часть. Землевладение митрополичьего дома. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 376-377

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 43, 47; Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г.// Куликовская битва в истории России: Сб. статей/ Под ред. А.Н. Наумова. Тула: ГУП-Издательство "Левша", 2006. С.95-96.

[5] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С.219.

[6] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. 1950. С.53-54.

татарские» от тарусских земель, которые упоминались даже в завещании Ивана III от 1504 г.: «А дети мои… дают с(ы)ну моему Васил(ь)ю съ своих уделов в выходы в ординские… и в послы татарские, которые придут къ Москве, и ко Тфери, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани къ Старои, и къ Перевитску… и во все татарские проторы, въ тысячю рублев»[1].

Отдельно следует упомянуть отрасль тарусского княжеского рода – князей Мезецких. Они перешли на службу к Витовту, который наделил их земельными владениями, прежде находившимися под управлением князей козельских и белёвских (своё новое прозвание они получили по центру новых владений – Мезецку)[2]. Князья Мезецкие, как наследники высокородного Тарусского княжеского дома, в течение XV в. неоднократно покупали либо получали в пожалование земли, ранее принадлежавшие их предкам, но о восстановлении прежнего княжения речи уже идти не могло. В момент окончательного перехода под власть Москвы в 1494 г. их владения были ограничены тремя местностями: «…Мезоцкие князи, те бы отчину свою ведали, волости Торуские, съ чемъ приехали к нашемъ государемъ: Говдыревъ, да Устье, да Жебынь; а данье государей нашихъ, то бы было темъ княземъ, которые служатъ нашему государю»[3]. Указанные в цитате местности находятся на изрядном удалении от основной тарусской территории и были приобретены, по всей видимости, уже в XV в.[4]

Прочие потомки тарусских князей были весьма многочисленны и, не сохранив старую фамилию, дали начало многочисленным княжеским и дворянским родам: Волконских, Конинских, Спажских, Оболенских, Барятинских, Мышецких и другим. Их изначальные уделы обычно были невелики и состояли из городка и нескольких деревень, а позднее вотчины были полностью утеряны разными путями. Многие из них были разными способами (меной, покупкой, конфискацией и т.д.) переведены в московскую великокняжескую собственность.

---

[1] Духовные и договорные грамоты. С.362.

[2] Темушев В.Н.Западная граница Великого княжества Московского. С.95-96.

[3] Сборник императорского РИО. Т.35. С.120.

[4] Келембет С.Н. Тарусское княжество и его уделы// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [Редкол.: д.и.н. А.А. Горский (отв. ред.) и др.]. М. : Индрик, 2012. [Вып.] 12, 2016. С.112-119.

В частности, князь Иван Александрович Мышецкий «…при державе Вел. Кн. Ивана Васильевича сослан в Новгород в 1488 г., а вотчина его (Мышага – М.А.) взята на Вел. Государя; испомещен в Воцкой пятине, в Ореховском уезде»[1]. Другой способ – мена – была применена к Мезецку[2]. В.О.Ключевский упоминает указание В.Н.Татищева на существование грамоты о том, что «князья Оболенские продали великому князю Ивану III за 2 села и 5.000 руб. свое право собственности на Оболенское княжество»[3]. Качественный анализ имеющейся и новой информации по всем уделам Тарусского дома (несколько глубже – по Волконскому и Конинскому), позволяющий весьма полно проследить их историческую судьбу, археологию, географическую локализацию и переходы между собственниками, содержат работы А.В.Шекова[4].

Волкона и Конин упоминаются в духовной грамоте Ивана III от 1504 г. в качестве наследства его сына Андрея, а Борятин – Семена[5]. В числе прочих населённых пунктов, «передаваемых» «великому князю Сигизмунду», перечисленных в ярлыке крымского хана Менгли Гирея 1506/07 г., ясно указаны места (Волконск и Спашь), ранее относившиеся к владениям Тарусского дома: «…Козелескъ, Пронскъ, Волконскъ, Испашъ, Донець, со всеми ихъ выходы и данми, и зъ землями и водами»[6]. Это, как известно, вернуть земле Литве не помогло. Родовая волость Мышецких Мышега упомянута в летописях под 1526 г.[7]

Как указывалось, особо многочисленны оказались потомки Оболенских, достаточно быстро разбившиеся на несколько самостоятельных родов, только перечисление которых может занять несколько страниц (собственно Оболенские, Репнины, Тюфякины, Телепневы, Нагие, Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Туренины, Овчинины, Лопатины, Стригины и многие другие). Есть упоминание,

---

[1] Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т.1. Князья Черниговские. Ч.2-я. СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1906. С.170.

[2] Духовные и договорные грамоты князей. С.355.

[3] Ключевский В. Боярская дума древней Руси. Издание 3-е. М.: Синодальная типография, 1902. С.233-234.

[4] См. Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. С.308-373; Он же. Верховские княжества. С.128, 154-157,170-172, 175-176, 195-196, 198-214, 219-220, 244-276.

[5] Духовные и договорные грамоты. С.360.

[6] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.2. 1506-1544. С.4-5; Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p.557-558.

[7] ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С.313.

что в первой половине XV в. некоторые из князей Спажских (либо Волконских) стали вассалами своих родственников Воротынских, а Мышецкие – Можайских и Серпуховских[1]. Таким образом, в течение XV в. Тарусское княжество своим правящим родом было утеряно и никогда более не возобновлялось.

§ 7. Верховской (Верхнеокский) регион в конце XV – начале XVI в.

Рубежное положение Верховских княжеств, в XIV и XV веках прочно занявших «промежуточное» положение между Московским и Литовским великими княжествами, не могло оставаться неизменным в условиях стремительного становления и роста Русского централизованного государства начиная со второй половины XV в. Относительная автономия верхнеокских земель (пусть и бывшая в ряде вопросов номинальной) фактически являлась одним из барьеров, вставших на пути расширения Московской Руси на запад. Очевидные успехи великого князя Ивана Васильевича в объединении государственных образований, возводящих свои корни к Древней Руси, позволили в конце XV в. активизировать нажим Москвы на своих западных соседей. Служилые сословия, являвшиеся одной из основных опор русского государства, были прямо заинтересованы в приобретении новых территорий, которые могли бы быть переданы им великокняжеской властью[2]. Перспектива получения за службу давно освоенных сельскохозяйственных угодий, заселённых этнически и религиозно родственным населением, была хорошим стимулом к росту искренней поддержки деятельности великого московского князя. Весьма притягательными были земли, находившиеся относительно недалеко от Москвы, а Верхнеокский (Верховской) исторический регион являлся именно такой территорией.

Результатом подобного положения стало то, что на рубеже XV-XVI вв. явно сформировалась экономико-политическая необходимость присоединения верхнеокских и прилегающих к ним государственно-политических образований,

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.155-157.
[2] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Том 1. С.55, 282-284.

начавшая свою реализацию путём последовательного включения их в различные аспекты деятельности Московского государства[1]. Тенденция эта сохранялась и усиливалась в первые десятилетия XVI в. и завершилась полной ассимиляцией присоединённых территорий, выразившейся в окончательной потере региональной административной специфики и превращении верховских земель в типичную часть обширной страны, стремившейся унифицировать все свои «нестоличные» владения в рамках единой модели административного управления.

Процесс начала полного включения Верховских княжеств непосредственно в состав российского государства тесно связан с результатами русско-литовской войны 1486-1494 гг. Данная война стала следствием длительного соперничества Московского и Литовского государств за обладание западнорусскими землями, которые продолжали оставаться частями литовского государства, но в которых сложилась влиятельная промосковская оппозиция власти литовского великого князя. Вспыхнувшая на русско-литовском пограничье, эта война (иногда называемая пограничным конфликтом) в исторической литературе получила условное название «хитрой», «странной», «пограничной»[2]. Череда военных конфликтов, из которых складывалась эта официально не объявленная война, стала следствием длинной цепи предшествовавших событий. Как было показано выше, отношения Руси и Литвы после заключения так называемого «Вечного мира» 31 августа 1449 г., в течение двух десятилетий оставались относительно мирными: ослабленные внутренними конфликтами стороны не желали внешних столкновений. В тоже время взаимное «прощупывание» оборонных рубежей не прекращалось.

Одним из первых сигналов, указывающих на появление интереса к изменению сложившегося статуса, стало нападение отряда находившегося на русской службе С.В.Беклемишева на мценский «пригород» Любутск (ныне село

---

[1] Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории) М.: Мысль, 1982. С.95-104.

[2] Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С.282-337; Военная история России с древнейших времен до конца XIX века: Учебное пособие. Волков В.А., Воронин В.Е., Горский В.В. М.: МПГУ, 2012. С.54; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории) М.: Мысль, 1982. С.93-109; Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494/Темушев В.Н. М.: Квадрига, 2013. 240 с. и др.

Троицкое Калужской области) в 1473 г.: «Послалъ князь велики рать свою къ Любутску, а воевода у нихъ Семенъ Беклемишовъ; они же шедъ волости повоеваща, а граду ничтоже успеша, возвратишася»[1]. На первый взгляд, оно выглядело, как месть за набег татар, с которыми литвины в тот момент находились в союзе. Другой возможной гипотезой представляется прощупывание соседей – Москва только что присоединила Ярославское и Дмитровское княжества и нацеливалась на Ростов и Новгород.

Действия московского воеводы, как указывает летопись, были проявлением воли его верховного сюзерена великого князя Ивана Васильевича («Послалъ князь велики рать свою къ Любутску»). Жители Любутска, в административном отношении традиционно находившегося под контролем мценского воеводы и непосредственно входившего в домен великого князя литовского, восприняли это нападение как посягательство со стороны внешних захватчиков и нанесли ответный удар по вассалу великого князя московского - князю Семену Одоевскому: «Любучане безвестно приидошана князя Семена Одуевъского, онъ же бои постави с ними, а с ним мало людеи бе, и убиша ту князя Семена единого, а прочии же все здравии»[2]. Выбор объекта для нападения любучан был вполне объясним, так как Семен Одоевский был тогда единственным из новосильских князей на московской службе (его родной брат и все князья Воротынские и Белевские служили литовскому великому князю Казимиру IV). Жители Любутска этим шагом обозначили свою верноподданую позицию в отношении Литовского великого князя, подчеркнув своими действиями готовность к вооружённой защите своего статуса. Обмен пробными ударами состоялся, эскалации конфликта удалось избежать.

Следующий яркий эпизод, обозначивший противостояние Московской Руси и Литвы, начался в 1478 г. В связи с ликвидацией Москвой политической самостоятельности Новгорода литовское руководство утратило возможность сбора дани с ряда пограничных волостей, откуда литовские наместники были

---

[1] ПСРЛ Т.6. Софийские летописи. СПб.:тип-я Э.Праца, 1853. С.198.
[2] ПСРЛ Т.25 Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С.301.

изгнаны силой оружия[1]. Подобная ситуация стала очередным и явным поводом для обострения московско-литовских отношений. На случай возможной войны Казимир IV заключил союз с ханом Большой Орды Ахматом, а Иван III, в свою очередь, – с крымским ханом Менгли I Гиреем. Одним из результатов этих союзов стали поход Ахмата на Русь, а Менгли Гирея на Великое княжество Литовское в 1480 г.: «Царь же… поиде по Литовьской земли мимо Мченескъ и Любутескъ и Одоевъ. И ста оу Воротынска, ожидая къ себе королевы помощи. Король же не поиде къ нему, ни посла, быша бо ему свои оусобицы, тогда бо воева Менгирей, царь Перекопский, королеву Подольскую землю, служа великому князю»[2].

Военно-политическим итогом кампании стало то, что в настоящее время называют «Стоянием на реке Угре» и «Свержением монголо-татарского ига». Позиции Литвы в её противостоянии с Москвой заметно ослабли, а бежавшее (спешно отступавшее) по литовским (читай – верховским) землям, после «Стояния» войско хана Ахмеда изрядно их пограбило: «…на царя Ахмута прииде страх от бога, и побеже никым же гоним от Угры по Литовъскои земле по королеве державе, воюя его землю за его измену»[3]. Список верхнеокских городов и территорий, пострадавших в ходе этого похода выглядит впечатляюще: «А стоял на Угре 10 день, а всего в Литовской земле стоял 6 недель, а градов Литовских пленил: Мченескъ, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротынска, старои да новои, два Залидова, старои да новои, Опаков, Серенескъ, Мезыскъ, Козелескъ. А всех градов плени 12, милостью божьею не взя, а волости все плени и полон вывел»[4]. Цели, поставленные ханом, достигнуты не были, а отношения с литовским союзником были значительно ухудшены. Фактически, по итогам похода произошло окончательное закрепление Москвы в качестве военно-политического игрока не только локального русского, но и восточно-европейского масштаба.

---

[1] См. Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998. С.6-8.
[2] ПСРЛ Т.22 Русский хронограф Ч.1. Спб.: Тип-я М.А.Александрова, 1911. С.501.
[3] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. С.328.
[4] ПСРЛ. Т.26. Вологодско-пермская летопись. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С.273.

Московские притязания получили ощутимо б*о*льший вес, надёжность же «промежуточного» статуса верховских земель в новых условиях начала вызывать опасения у их сюзерена. Уже в 1481 г. Казимир IV инициировал переговоры с Иваном III с целью заключения нового двустороннего договора, пытаясь закрепить status quo существовавших границ и незыблемость юридического статуса территорий вдоль общей границы: «присылалъ ко мне король, чтобы межъ насъ любовь и докончание было»[1]. Переговоры эти оказались безрезультатными.

Хронологически параллельно шли активные контакты между Крымом и Вильно, которые сопровождались подписанием ряда документов и даже принесением присяг о мире, приязни и союзе[2]. Тем не менее, вскоре последовал ряд крымских набегов «на Подольскую землю, или на Киевские места», как рекомендовал крымскому хану московский великий князь[3]. Особо сокрушительный налёт состоялся в 1482 г., когда крымские татары, «…град Кыевъ взя…полону безчислено взя и землю учиниша пусту Кыевъскую»[4]. Более того, Менгли Гирей, в благодарность Ивану III за точное «целеуказание», «…Печерскую церковь и монастырь розграбилъ, а инии бежали въ печеру и задохшася, а суды (сосуды – М.А.) служебные Софеи великой, золотый потиръ да дискосъ, прислалъ къ великому князю» московскому[5].

Происходила активная эскалация напряжённости – Московское государство и Литва активно готовились к новой войне на всем протяжении своих границ и границ своих вассалов. Обычные мелкие пограничные столкновения резко активизировались и, фактически, многократно усилились с 1486 г., когда рязанские войска напали на контролируемый Великим княжеством Литовским Мценск, сожгли его посад, разграбили окрестности и захватили пленных[6].

---

[1] Сборник Императорского РИО. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°. 1884, С.26.

[2] Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Т.XXVII. Стб.329-341.

[3] Сборник Императорского РИО. Т.41. С.34; Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С.192-197.

[4] ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод. С.330.

[5] ПСРЛ. Т.6. Софийские летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1853. С.234.

[6] См.: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 239-240.

Посольство к Рязанскому князю от Литовского княжества заявило свои претензии и потребовало исправить совершённое[1].

В.Н.Темушев полагал началом первого этапа необъявленной войны столкновения весны 1486 г., широко рассматривая конфликт в его единстве на всём протяжении московско-литовских границ.[2] Российские историки преимущественно связывают её старт с натиском подданых московского великого князя на своих родичей по другую сторону границы в Верховских землях, предпринятом в следующем году. Как бы то ни было, именно явные успехи московской стороны в приграничном и общеполитическом противостоянии стали главной причиной того, что в 1487 г. люди московских вассалов братьев Одоевских (Ивана, Василия и Петра Семёновичей) и формально литовского вассала Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского) попытались овладеть стольным городом князей Мезецких Месческом (современный г.Мещовск): «…осподаря нашего слуги, Одоевские князи, княжи Семеновы дети, имали королеву землю, а миру осподарю нашему съ королемъ нетъ»[3]. Список конфликтов, стычек, боестолкновений и сражений весьма велик. Весьма оперативно, в октябре 1487 г., к Ивану Васильевичу прибыло литовское посольство во главе с князем Тимофеем Мосальским, заявившим жалобы на нападения со стороны подданных московского князя. Сам глава посольства выставил претензии как пострадавший от набега на его отчины Недоходов и Медынь[4].

Государь Иван Васильевич указал в качестве причин конфликта старые внутридинастические обиды и активность разбойников, а своё в нём участие полностью отрицал[5]. В то же время эскалация – в виде нападений, разбоев и грабежей – не прекращалась. Начался всё ускоряющийся переход верховских князей под руку московского великого князя: фактический переход князей Ивана

---

[1] Lietuvos metrika (1479-1491). Užrašymų knyga 4. Vilnius: Zara, 2004. pp. 139-140.

[2] Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494. С.53.

[3] Сборник Императорского РИО. Т.41. С.67; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.3-5.

[4] Там же.

[5] Там же. С.7-8, 17.

Михайловича Перемышльского (Воротынского) и Ивана Васильевича Белевского состоялся, как видно из сохранившихся документов, уже в 1487 г., хотя летописи относят событие на три года позднее, к 1490 г.: «…приехаша къ Москве от короля Казимера к великому кн(я)зю Ивану Васильевичю служити княз(ь) Иванъ Михаилович Перемышльскои и с своею вотчиною и княз(ь) Иванъ Белевскои з братьею со кн(я)зем Андреемъ и со кн(я)зем с Васил(ь)ем и своими вотчинами»[1]. Подобная разница в датах, действительно, вполне может объясняться некими внутриродовыми специфическими отношениями князей верховских династий. Впрочем, судя по дипломатической переписке, для их сюзеренов всё было ясно уже на ранних этапах: правители приграничных территорий стремились не только разорить земли соседей, но и присоединить их к своим владениям – вряд ли бы столь масштабные действия были возможны без одобрения на самом верху.

Весьма скоро, весной 1489 г. «…посылалъ князь велики князя Василья Кривого княжа Иванова сына Юрьевича Воротынского воевати, и иныхъ порубежныхъ городовъ Литовскыхъ, он же много повоева и возвратися»[2]. В ответ в 1489 г. служившие Литве Дмитрий и Семен Воротынские вторглись на территорию, подконтрольную вассалам московского князя: «… присла король… своихъ воеводъ, и придоша изгономъ и победиша князя Василья, многихъ побиша и въ полонъ поведоша»[3]. Все результаты московского набега были фактически аннулированы, за исключением одного важного последствия: набег на Воротынск подтолкнул князя Дмитрия Федоровича Воротынского к переходу на русскую службу.

Причём переход произошёл не только с его фамильной вотчиной, но и с землями, полученными ранее от литовского государства (о которых упоминалось выше), которые, в случае такого своего «отъезда» от сюзерена, должны были без условий и обсуждений возвратиться Литве. Князь Д.Ф.Воротынский, помимо того, «захватил с собой» земли и казну своего брата Семена, оставшегося верным Казимиру IV: «…князь Дмитрий… бил тобе челомъ въ службу со всею своею

---

[1] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб.326-327.
[2] ПСРЛ. Т.6. Софийские летописи. СПб.: тип-я Э.Праца, 1853. С.239.
[3] Там же.

отчиною и зъ долницею слуги нашего брата своего князя Семеновою Феодоровича Воротынского, и казну всю князя Семенову собе взялъ, и бояръ всихъ и слугъ княжихъ Семеновыхъ поимал и къ присязе ихъ силно привел, велелъ имъ собе служити»[1]. Литовский великий князь отказался признать легитимным переход Д.Ф.Воротынского, так как между ними был заключён письменный договор, чему действия князя явно противоречили[2]. Строго говоря, повествование о претензиях и взаимных «обидах» верховских феодалов-соседей того периода может занимать не один том описательного исторического исследования. Следует отметить главную особенность конфликтов этого периода: великий князь московский прямо или косвенно поощрял активность своих вассалов и старательно затягивал переговоры с литовской стороной, ссылаясь на множество процедурных, правовых и семейных обстоятельств.

Промосковские позиции в Верховских княжествах и ряде соседних земель укрепились, но полноценную международную коалицию для ведения полномасштабной войны с литовским государством Ивану III создать не удалось. В 1489 г. он пытался заключить антилитовское и антипольское соглашение с венгерским королём Матвеем Корвином, но венгерский правитель ждал открытого объявления военных действий[3]. В 1490 г. умершего Матвея на венгерском престоле сменил сын Казимира IV Владислав Ягеллон, что уничтожило надежды Ивана III на создание действенного антилитовского союза. В одиночку московское государство не планировало начинать большую войну с Литвой (и, скорее всего, Польшей)[4]. Некоторое время ситуация находилась в состоянии вялотекущего пограничного инцидента.

Такое положение на русско-литовском пограничье сохранялось до 1492 г., когда московское правительство сочло возможным всё же приступить к полноценным и открытым военным действиям, что было обусловлено

---

[1] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.47-48.

[2] Там же. С.48.

[3] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Часть первая: сношения с государствами европейскими. СПб.: Тип-я II Отделения Е.И.В.Канцелярии, 1851. Стб.159-173; ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.214.

[4] Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 252-253.

изменением внешнеполитической обстановки, преведшей к переориентации Казимира IV на южные и юго-западные вопросы и напряжённой внутриполитической борьбой внутри Великого княжества Литовского. Современники могли наблюдать значительное число факторов, способствовавших формированию восприятия Литовского княжества в качестве ослабленной политической структуры, что выгодно «оттенялось» успешностью московского князя Иоанна Васильевича, подчинившего себе княжества северо-восточной Руси, Новгородскую республику и установившего дружественные отношения с крымским ханом[1].

В марте 1492 г. русские войска вступили в пределы Верховского исторического региона и поставили под свой контроль все земли прежнего Новосильского княжества. Иван III передал захваченные территории новым владетелям – своим вассалам: земли Фёдора Ивановича Одоевского достались его двоюродным братьям Ивану, Василию и Петру Семеновичам, земли Андрея и Василия Белёвских перешли к их брату Ивану. Воюющие стороны, тем не менее, почти сразу попытались начать переговоры об установлении новых границ либо о восстановлении прежнего положения, чему помешала смерть польского короля и великого князя литовского Казимира IV в июне 1492 г.[2]

Необходимо отметить, что до вышеназванного события война официально не объявлялась. Военные действия велись силами удельных князей и наместников приграничных городов в традиционной манере пограничных конфликтов: победители стремительно грабили захваченные земли и быстро уводили с собой захваченное население, лишая князей-соседей их подданых. Местные князья были экономически заинтересованы в успехе организуемых ими набегов и не стремились выходить за пределы своих княжеств. По данным вопросам, помимо хроник и летописей, постоянно велась оживлённая переписка Москвы и Вильно[3]. Напомнили о себе и татары: «…приходиша татарове ордыньские козаки, в

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. СПб.: Тип-я Елеонского и Ко, 1884. С. 1-9, 14-41, 44-71, 73-74, 75-80, 87-89, 98-127 и др.

[2] Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М.: Мысль, 1982. С.97.

[3] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.1-83.

головах приходил Темешком зовут… в Олексинъ на волость на Вошану и пограбивъ, поидоша назад… И учинися им бои в поле промеж Трудов и Быстрые Сосны»[1].

Смерть Казимира IV превнесла значительную сумятицу и изменила внешнеполитическую ситуацию в пользу Ивана III. Династический союз Польши и Литвы распался: Александр Казимирович стал лишь великим литовским князем, а польский престол был занят Яном Ольбрахтом. В августе 1492 г. русские войска захватили Мценск и Любутск, в сентябре 1492 г. – Мосальск: «…взя князь великий Иванъ у Литовського градовъ прародителей своихъ отчины Рускихъ: Мченескъ, Серпийскъ, Опаков, Вязьму»[2]. Несложно заметить, что возвращение «отчин своих прародителей» не ограничилось верховскими землями – наступление прошло по всей линии границы.

Важным юридическим обстоятельством являлось то, что смерть феодального сюзерена фактически означала освобождение вассалов от ранее данной клятвы. Докончания заключались с каждым последующим великим князем литовским и князем верховским (в нашем случае – с новосильским, одоевским, воротынским и т.д.). Не заключив договор со следующим владетелем, верховские (и прочие) князья были юридически и морально вольны принести клятву кому-то другому, чем многие и воспользовались. К концу 1492 г. на русскую службу добровольно, с соблюдением ряда необходимых процедур, перешла ещё одна крупная группа князей: «Лета 7001-го к великому князю Ивану Васильевичю всея Русии приехал служить от короля князь Семён Фёдорович Воротынской да князь Михайло Романович Мезетцкой, да князь Василей да князь Ондрей Васильевичи Белевские с вотчинами и с волостьми»[3]. Как старший в роду (не только Воротынских, но и, по всей видимости, всего Новосильского дома), С.Ф.Воротынский послал великому князю Александру грамоту о разрыве ранее заключённых соглашений (докончаний) о вассалитете[4].

---

[1] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб.333-334.
[2] ПСРЛ. Т.22.Русский хронограф.Ч.1. С.534.
[3] Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966. С.22
[4] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.84.

С.Ф.Воротынский, что характерно, несмотря на взятые по докончанию перед литовским князем обязательства, «отъехал» не только со своими владениями, дарованными литовским князем, но и с попутно захваченными: «…едучи , кн(я)зь Семен на великог(о) кн(я)зя имя засел городы литовские Серпеескъ да Мезецескъ»[1]. Развернулась весьма крупная боевая операция, поскольку смоленский наместник и воеводы постарались восстановить status quo и города отбили, что, в свою очередь, привело к успешной атаке на эти города уже московских и рязанских войск[2].

Подобное развитие событий доказывает явное наличие единого руководства происходящим со стороны великого князя Ивана Васильевича. Политическая инициатива прочно перешла в руки московского правительства. Зимой 1492 г. литовские войска смогли отбить города Серпейск и Мезецк, но в январе 1493 г. войска Московского княжества в ходе масштабного наступления не только вернули себе все потери, но и захватили новые обширные территории. Крупнейшим их трофеем стал город Вязьма: «…Вязму град вяша и к целованью приведоша, а вяземскых кн(я)зеи и пановъ приведоша на Москву, и княз(ь) велики их пожаловалъ их же вотчиною Вяз(ь)мою и повеле им себе служити»[3]. Продолжать военные действия дальше Иван III посчитал излишним и вернулся к переговорам о мире.

Литовский великий князь Александр предпринял попытку урегулировать конфликт своим браком с дочерью Ивана III Еленой. Для этого он отправил в Москву несколько посольств, которые в итоге были вынуждены фактически согласиться с переходом верховских князей на русскую службу и с потерей литовским государством их владений[4]. Прибывшее в Москву в январе 1494 г. литовское посольство первоначально требовало от московского великого князя возвращения к границам, ранее определенным в «докончании» 1449 г.: «…хочемъ жытья и любви и докончянья по тому докончанью, какъ отець нашь, король его

---

[1] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб.334.
[2] Там же. Стб. 334-335.
[3] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб.336.
[4] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. С.111-137, 157-159.

милость, докончилъ съ твоимъ отцемъ, за великимъ княземъ Васильемъ Васильевичомъ, и на насъ на дети. …А што здавна которыи места прислухали къ нашему государьству... або то и ныне слухало къ нашему великому князеству по давному; и што тежъ здавна потягло къ твоему княженью… або то и ныне было къ твоему великому князству по давному»[1].

Докончание великого князя Ивана Васильевича с великим князем литовским Александром Казимировичем от 5 февраля 1494 г. однозначно было московской победой[2]. Большая часть верховских княжеств, среди прочих территорий, отошла к Москве: «А кн(я)зи новоселскии, одоевскии, и воротынскии, и перемышлские, и белевскиивси твои, великого кн(я)зя Ивана, и твоихъ детеи, и з своими отчизнами, к вашему великому княжству. А мне, великому кн(я)зю Александру, в нихъ и вь их отчины, и што къ их отчинам потягло, не вступатися ничим, и не обидити, и не приимати ихъ с их отчинами»[3]. Величиной на Верхней Оке выделялись владения князей новосильского дома. Козельск был признан московским городом, а Мценск и Любутск, как непосредственная собственность великого князя, были возвращены Литве. Также договор 1494 г. запрещал принимать на службу служилых князей с вотчинами.

Договор 1494 г. расширил территорию Русского государства за счёт Верховских княжеств, но не привёл к прочному миру. Московское руководство, по сути, не препятствовало возобновлению прежней практики набегов на приграничные земли Литвы и литовских протекторатов, которую использовало как форму подготовку к новой войне. Межгосударственные споры, конфликты и локальные военные столкновения не прекращались до 1500 г. и позднее вылились в очередную русско-литовскую войну 1500-1503 гг., чему способствовала так называемая «Козьминская катастрофа» 1497 г., когда вторгшиеся в Молдавию польские войска во главе с королём потерпели 26 октября 1499 г. сокрушительное поражение от молдавского господаря Стефана III, что привело ощутимому ослаблению польско-литовского союза и спровоцировало враждебную активность

[1] Там же. С.113.
[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С.329-331.
[3] Там же, С.330.

крымского Менгли-Гирея: «Корол(ь) же польскыи Олбрехтъ вшед в землю Волосскую …Стефанъ ж(е) воевода …поби его …силы его поби тысящь с сорок(ъ), а самъ корол(ь) не во мнозе едва утече к русскым княземъ»[1]. Польско-литовский союз продемонстрировал непростительную военную слабость.

Возвращаясь к региональным делам, следует отметить, что в своих действиях верховские князья руководствовались, в первую очередь, сиюминутной политической выгодой и стремлением улучшить своё материальное благосостояние. Они в одинаковой степени были готовы служить любому из возможных сильных господ: их переходы из Руси в Литву представлялись им делом обычным. Подобное мировоззрение верховских князей было обусловлено длительной традицией: в течение нескольких веков они были вольны в выборе сюзерена, а противоборствующие соседи не имели сил и возможностей прочно присоединить их земли к себе и тем самым лишить их этого выбора.

Подобное поведение было нормой для того времени, показательным примером чего является судьба упомянутого ранее верховского князя Ивана Михайловича Воротынского, который владел Воротынским княжеством вместе со своими дядьями Дмитрием и Семеном Фёдоровичами[2]. Все перечисленные в 1483 г. принесли присягу на верность великому князю литовскому и королю польскому Казимиру IV и были его полноправными вассалами: «Били намъ чоломъ князь Дмитрий, а братъ его князь Семенъ Федоровичи Лвовича, а братаничъ ихъ князь Иванъ Михайловичъ Новосильский, и Одоевский и Воротынский, абыхмо ихъ пожаловали, приняли въ службу, какъ и отца ихъ, по докочанью дяди нашого, великого князя Витовта. И мы ихъ пожаловали, въ службу есмо ихъ приняли…»[3]. Однако, литовская служба не устроила И.М.Воротынского и он, как упоминалось, в 1487 г., начал пограничную войну с другими верховскими князьями, продолжавшими сохранять верность Литве, и явочным порядком перешёл в

---

[1] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. Стб. 351-352; Гудавичус Э. История Литвы. Т. I: с древнейших времен до 1569 года С.497-499.

[2] В ряде источников И.М.Воротынский назван «князем перемышльским», так как владел ещё городом Перемышль.

[3] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. 1340-1506. СПб.: Тип-я II отделения Е.И.В.канцелярии, 1846. С.100.

московское подданство вместе со всем своим удельным княжеством. Вслед за И.М.Воротынским на русскую службу также со своими землями перешли его дядья: Д.Ф.Воротынский в 1489 г. и С.Ф.Воротынский в 1492 г. Они официально сложили с себя присягу на верность Казимиру IV и стали служить Ивану III[1]. Московский великий князь высоко оценивал службу Воротынских, поручая им руководить крупными армейскими частями на различных театрах военных действий.

Подобные переходы пограничных князей (помимо верховских можно упомянуть переходы С.И.Бельского, С.И.Стародубского, В.И.Шемячича) формально стали одним из поводов для начала новой русско-литовской войны. Почувствовав превосходство сил и осознав, что владеет инициативой в политической игре, Иван III в 1500 г. начал боевые действия против западного соседа, по результатам которых к 1503 г. русская граница отодвинулась на запад практически до Днепра[2]. Верховские князья, перешедшие под руку московского государя, принимали весьма активное участие в успешной наступательной кампании в качестве командующих различными полками[3].

Любопытны летописные обоснования причин начала военных действий: «…послал княз(ь) велики Иванъ Васильевичвоеводу своего кн(я)зя Федора Васил(ь)евича Телепня Оболенског(о) с силою на город Мченескъ ***за их неправду***, и град Мченескъ взяша, и землю повоеваша, и воеводу их …поимаша»[4]. Помимо того, с московской стороны постоянно упоминалось о притеснениях «греческой веры», что вызывало опровержения с литовской стороны, но использовалось как обоснование атаки на литовские владения[5].

Битва на р.Ведрошь под Дорогобужем 14 июля 1500 г. фактически предопределила успешный результат кампании: «… и одолеша воеводы великог(о) кн(я)зя Ивана Васильевич(а) всея Руси литовскихъ воеводъ, многих побиша, а

---

[1] Там же, С.126-128; Сборник Императорского Русского исторического обществаю Т.35. С.46-51, 56-60.

[2] Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С.432-518.

[3] Разрядные книги. 1475-1598 гг. С.30-21, 33-35.

[4] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. Стб. 334.

[5] Сборник Императорского Русского исторического обществаю Т.35. С.273-276, 279, 286, 292-295, 297, 299-300, 302, 304-305, 312, 315, 317-319 и др.; ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. Стб. 360-362.

иных многих живых поимаша»[1]. Последовавшая война с вмешавшимися в московско-литовский конфликт Ливонией и Большой Ордой, даже с учётом переменчивости в военной удаче, в целом позволила Ивану III достигнуть свои цели: огромные территории к западу от прежней границы, в том числе и остававшаяся под литовским владычеством часть Верхнеокского региона (Мценск, Любутск, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Карачев, Хотетово, Кром и т.д.), перешла под контроль московского государя[2]. В марте 1503 г. в Москве было подписано перемирие, условиями которого определялось, что все перешедшие на русскую сторону территории и их владельцы оставались за Московским государством, хотя Литва и не признала законность того перехода[3].

В результате бурных событий конца XV в. территория Верховского (Верхнеокского) исторического региона фактически оказалась внутри земель, принадлежащих или контролируемых московским государством. Таким образом, состоялось полное военно-политическое включение Верховских княжеств в быстро централизующуюся Московскую Русь. Возможность верховских феодалов вновь перейти на литовскую службу с фамильными землями практически исчезла. Начался длительный процесс ассимиляции верховских земель, сопровождавшийся постепенным исчезновением их внутренней особой идентичности.

§ 6. Специфические черты формирования и существования Верховских княжеств. Периодизация их истории

Прорисовка на физико-географической карте верхнеокского бассейна границ Верховских княжеств и административных формирований позволяет получить очертания территории, поразительным образом совпадающей с пределами первичной Земли вятичей. Сравнение с картой северо-восточных черниговских волостей также не оставляет сомнений в существовании связей и территориальной преемственности между столь разными административными

---

[1] ПСРЛ. Т.6. Вып.2. Софийская вторая летопись. Стб. 363.

[2] Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 371-431; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI в. М.: Наука, 1980. С.115-117.

[3] Сборник Императорского Русского исторического обществаю Т.35. С.398-403.

структурами (см. Рис. 4). Явная схожесть очертаний обусловлена как наличием единого транспортно-географического каркаса, построенного на основе существующей речной сети и системы сухопутной дорог (в свою очередь базирующейся на оптимальных путях перемещения между речными системами и по водоразделам), так и преемственностью политических, демографических, экономических и культурных компонентов между административными формированиями, здесь размещавшимися.

Монгольское завоевание повлекло за собой кардинальные изменения в ходе эволюции русских государственных образований и населявших их социумов. Княжества и земли, во всех сферах жизни бывшие наследниками Древнерусского государства, утратили часть своих традиционных к этому моменту политических, культурных, экономических и династических связей, приобретя ряд новых. Их территориальные и демографические центры вынужденно отодвинулись на север и запад. Основные тенденции исторического развития (и актуальные политические приоритеты) Руси изменились весьма существенно.

Отличительной чертой установившегося режима ордынского господства была эклектичность возникшей вассально-сюзерениальной системы, в которой сочетался личный вассалитет конкретного князя конкретному правителю (хану) и родовое право наследования определённых территорий определёнными же княжескими родами (имевшее свои истоки как в монгольской, так и в русской традициях). Принятие князьями прямого вассалитета в отношении ордынского хана привело к закреплению жалованных территорий за локальными субродами (позднее ставшими самостоятельными родами и династиями) и создало легитимные предпосылки последующей дезинтеграции формально единой территории. Включение русских территориальных правителей в состав управленческого аппарата Монгольской империи (улуса Джучи) произошло путём их своеобразной «конвертации» в чиновников высокого ранга, выполнявших также обязанности военачальников территориальных вооружённых формирований, а также возложения на них ряда иных административно-правовых функций (судебной, фискальной, правоохранительной и т.д.). Совпадение

большей части обязанностей новоявленных «чиновников» с традиционными княжескими полномочиями с одной стороны облегчило осуществление вменённого функционала, а с другой – способствовало сохранению и эволюции своеобразной местной «статусности», выросшей из традиционного набора княжеских прав и привилегий.

Сложность и многоуровневость возникшей системы, по всей видимости, способствовала сохранению власти в своих землях представителями черниговской династии при утверждении на старшем («великом») брянско-черниговском столе выходца из смоленских князей в конце XIII в. Представляется, что именно сложность и переплетённость иерархических, управленческих, административных, военных и политических взаимоотношений внутри этой системы, к тому же изменявшейся и модифицировавшейся во времени и пространстве, представляет одну из главных преград в процессе объективного изучения и анализа исторических процессов, протекавших на русских землях со второй половины XIII века и до XVI в.

Административная структура Монгольской империи, в целом, была в достаточной степени формализована и юридически оформлена, чтобы не акцентировать различия между покорёнными территориями в зависимости статуса управленца – прямо назначенного приезжего чиновника либо местного утверждённого вассала[1]. Наличие такого рода управленческих отношений подтверждается ходом социальных и политических процессов на территории Орды примерно до середины XIV века, поскольку:

- были даны гарантии неприкосновенности и, в большинстве случаев, чётко поддерживались границы между зависимыми административно-государственными образованиями;

[1] Трепавлов В. § 1. Административное устройство. Организация управления// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.С.148- 153; Почекаев Р. §3. Право Золотой Орды. Налогообложение. Придворный этикет и протокол// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. С.179-181.

- на Руси в целом сохранился родовой принцип владения и наследования княжеских земель, имевший свою основу как в монгольской, так и в русской традициях;

- между различными частями единого ордынского пространства были установлены тесные административные, экономические, политические, торговые, транспортные, культурные и иные виды связей;

- ордынский центр неоднократно выступал в качестве эффективного защитника своих вассалов от внешних угроз;

- процесс вовлечения и интеграции местной знати в правящую элиту единой империи продолжался всё время эффективного функционирования Орды как единого имперского проекта.

Уже отмечалось, что именно эти особенности ордынской управленческой системы позволили Верховским княжествам в условиях фактической дезинтеграции прежнего Черниговского княжества середины XIII в. возникнуть, окрепнуть и стабилизироваться в виде признанных и легитимных суверенных административно-государственных формирований. И хотя этот суверенитет был ограничен влиянием более сильных соседей, но, тем не менее, он у территориально небольших и не очень влиятельных, но легитимных наследников черниговского княжеского дома наличествовал.

Деятельность новых суверенных государств (княжеств) происходила с учетом осознаваемой родственной близости правящих династий, этнического, языкового и культурного единства населения, принадлежности новых княжеств к одному транспортно-экономическому региону. Вследствие этого и реакция местных участников исторического процесса на схожие внешние и внутренние раздражители была схожей. Именно однотипность и замечательная синхронность реакции князей новообразованных суверенных государств на внешние и внутренние раздражители подтверждает гипотезу о продолжении существования здесь Верхнеокского исторического региона.

Как известно, начавшееся после 1246 г. дробление территории Черниговского княжества на автономные и самостоятельные части было на

некоторое время остановлено заметным усилением одной из них – Брянского княжества. Брянск сумел окрепнуть настолько, что стал, по сути дела, новой столицей Черниговского княжества. Но ситуация эта продолжалась относительно недолго, чему немало способствовало получение контроля над Брянском со стороны представителей смоленской династиии[1].

Прежнее Черниговское княжество явственно превратилось в совокупность отдельных родственных, но фактически суверенных административных структур. Общая площадь территории, находившихся прежде под контролем черниговского дома значительно сократилась: практически все соседи воспользовались резким ослаблением прежде могущественной династии и «оторвали» в свою пользу большие либо меньшие земли. В частности, скоро после прихода монголов наследниками черниговских князей был потерян административный контроль над большими территориями, протянувшимися вдоль течения Верхнего Дона и, вероятно, включавшими в себя современную Тулу[2]. Значительная часть земель в среднем течении Оки, прилегающая к рекам Лопасня, Нара, Протва, Осетр, отошла к исторически родственному, но политически давно чужому Рязанскому княжеству, а затем – к Москве[3].

Территория Верхнеокского исторического региона, входившая в пределы всё ещё формально существующего Черниговского княжества, в свою очередь, также была разделена между феодальными владетелями, почти полностью самостоятельными, хотя и связанными узам и семейного родства[4]. Переход из статуса зависимых северных волостей крупной государственной структуры в состояние самостоятельных/квазисамостоятельных княжеств даёт исследователю возможность отследить их тесную связь с предшествующим этапом – подобно тому, как отслеживается переход рассматриваемой территории из фазы самостоятельного вятичского этнополитического объединения в форму

---

[1] Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь. [Вып.] 1: [сб. ст.]/ редкол.: А.А. Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. С. 76-77, 95.

[2] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII- XIV вв. 1985. С.41-45, 53.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.12-14.

[4] Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV в. С. 69.

черниговских волостей. Безусловно, аналогия не полна, поскольку юридическая формы модифицируемых структур были совершенно иными: новообразованные княжества имели право претендовать на определённую степень легитимности в качестве реальных (и признаваемых) продолжателей прежней черниговской традиции. Эти же структуры являлись (в параллельной управленческой ветви подчинённости) низовыми административно-территориальными образованиями Монгольской империи (затем – Орды).

В условиях отсутствия иных всесезонных торговых и транспортных маршрутов (помимо ранее описанных речных и сухопутных), отсутствия технологических прорывов в ремесленном и сельскохозяйственном производстве (местами происходил технологический регресс), консервации военных приёмов и технологий, на базе черниговских уделов возникла система взаимосвязанных княжеств, относительно однородных по внутреннему устройству и структуре, на протяжении длительного периода пытавшихся решить однотипные задачи, встававшие перед ними. По сути, на новой (и в то же время «старой» - подкреплённой признанными традициями наследования) организационно-идеологической основе произошло восстановление особого Верхнеокского (Верховского) исторического региона в границах, в значительной степени повторяющих прежние вятичские и даже мощинские. К числу ощутимых территориальных потерь следует отнести ранее принадлежавшие Черниговскому княжеству территории к северу от Оки, в силу различных политических и военных факторов ставшие частью владимиро-суздальских земель[1].

Устойчивость возникшей административной конструкции оказалась, судя по всему, весьма высокой. Легитимность правящих династий, в отличие от вятичских времён, не подвергалась сомнению соседями, что позднее было дополнено почитанием причисленного к лику святых предка – Михаила Черниговского. Этническое единство территорий обеспечивалось вятичскими

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.12-14; Юшко А.А. О междукняжеских границах в бассейне р.Москвы в середине XII – начале XIII в.//Советская археология. 1987. № 3. С.91-92; Темушев В.Н. Юго-западные границы Владимиро-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества// Восточноевропейский археологический журнал, 1(14) январь-февраль 2002, http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/temushev.htm; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки. С.107.

корнями, обогащёнными «свежей кровью» переселенцев и беженцев из бывшего столичного черниговского ареала. Практически прежней осталась транспортно-логистическая структура территории: значение прежнего окско-донского и волго-окского торговых путей, вероятно, осталось весьма высоким из-за усиления торговых контактов с Востоком, хотя уровень доходности от эксплуатации торговых путей уступал уровню конца I тысячелетия нашей эры вследствие совершенно другой конфигурации международной экономико-политической обстановки[1]. Строго говоря, именно это частичное смешение, смещение и замещение части внешних характеризующих и сохранение большинства базовых определяющих признаков рассматриваемого этнотерриториального феномена позволяет классифицировать специфику этно-культурной составляющей вятичского, черниговского и верховского периодов в качестве различных этапов развития рассматриваемой территории. Подобная преемственность и последовательность, при использовании историко-географической методики плавающего признака, позволяет рассматривать этот регион как хронологически долговременное единое образование.

Физико-географическая основа, на базе которой действовала сложившаяся транпортно-логистическая системы, опирающаяся на реки и водоразделы верхнеокского и прилегающих к нему бассейнов, осталась практически неизменной. В подавляющей части своей сохранилась и демографическая основа в виде местных жителей – носителей прежних культурно-бытовых традиций, восходящих не столько к черниговскому, сколько (в ощутимо большей степени вследствие подавляющего доминирования сельского населения) к вятичскому наследию во всем его хозяйственно-бытовом и культурно-обрядовом многообразии. Применение приёмов картографического анализа оказалось наиболее иллюстративным вследствие неизменности основных физико-географических характеристик рассматриваемой территории на протяжении всех рассматриваемых хронологических периодов (см. рис. 29).

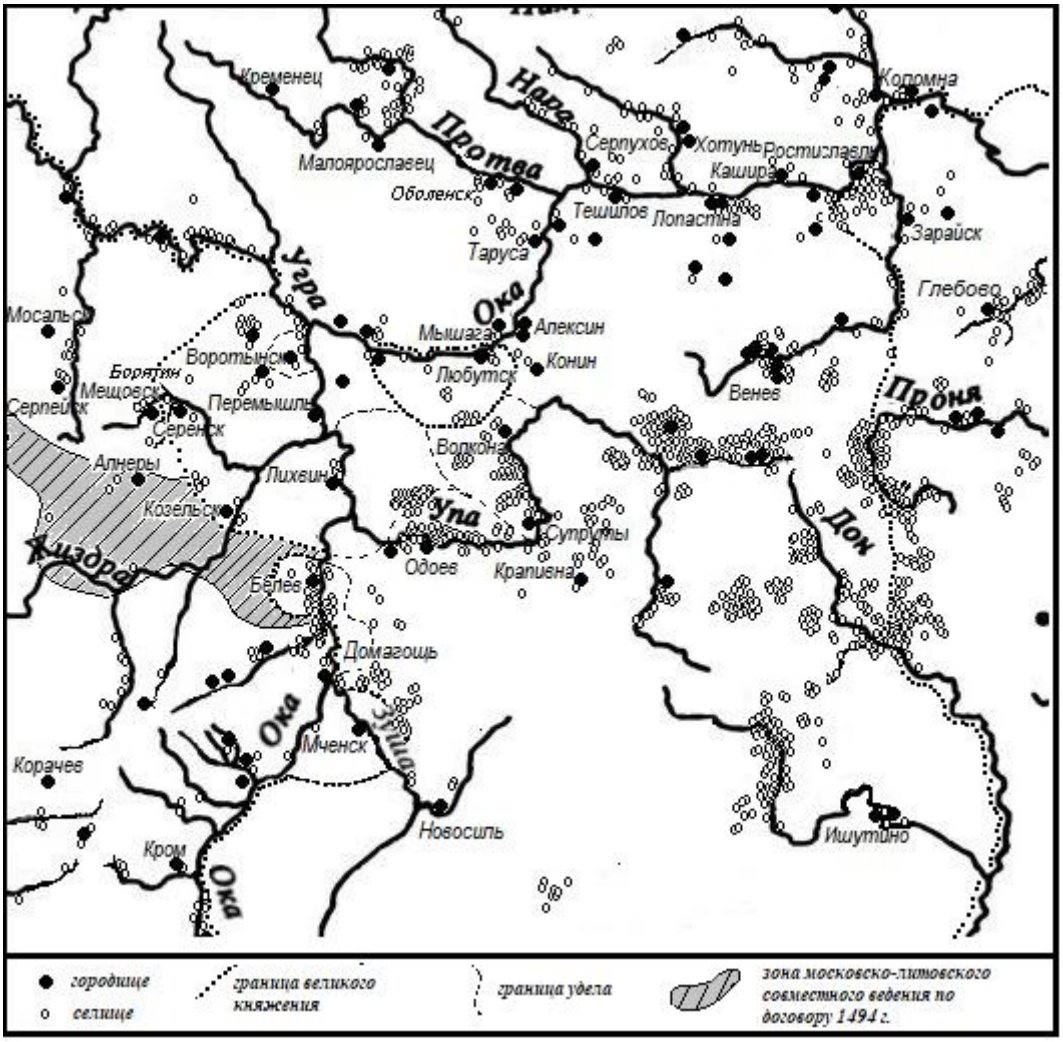
---

[1] Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. Серия «Україна крізь віки». Т. 6. Київ: Альтернативи, 1998. С.247; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. С.376-377, 381, 390-391, 397, 398, 402-408.

Обращаясь к наследию предшествующих времён, следует отметить, что большая часть княжих центров свежесформированных княжеств возникла на месте древнерусских укреплённых поселений, основной целью создания которых было «окняжение» прилегающих территорий, а потому преемственность между роменскимии городищами и верховскими городами прослеживается не так часто. Надёжно о ней можно говорить в случае Воротынска, Козельска, Тарусы, Перемышля, Мценска[1].

Рисунок 29

Административное деление и размещение населения Верхнеокского региона в конце XV в.



В свою очередь, практически все центры княжеств располагаются в непосредственной близости от роменских поселений, что позволяет предполагать

[1] АКР: Калужская область. С.61,91, 92-93, 102; АКР. Орловская область. С.54.

наличие хозяйственно-административной связи между ними. Говоря о возможной трактовке сложившейся ситуации как о частичном повторении прежде существовавшего исторического явления, необходимо указать, что политическая и экономическая ситуация на рассматриваемой территории в XIII-XIV вв., по сравнению со второй половиной I тысячелетия нашей эры, значительно изменилась: появились новые города, торговые маршруты, изменился этнический состав, идеологическая основа, политическое окружение. Тем не менее, симптоматично, что отсутствие внешнего административного давления и контроля привело к повторной консолидации большей части верхнеокских земель.

Следует отметить, что система политико-экономического господства Монгольской империи, а затем и наследовавшего ей улуса Джучи над Русью, получившая впоследствии имя собственное — ордынское иго — контрастно выявила сложный комплекс разнонаправленных черт феодальной раздробленности, показала её малую перспективность для осуществления национального прогресса в условиях ослабления центральной власти и в определённой степени обусловила начало длительного процесса объединения русских земель[1]. Консолидация раздробленных русских земель могла оказаться результативной только при наличии крупного административно-территориального центра (либо центров), достаточно притягательного в политическом, экономическом и социальном планах либо достаточно могущественного для силового подчинения.

Подобными центрами притяжения в рассматриваемый период для рассматриваемых территорий были Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское и сам Улус Джучи (Орда). Московское и Литовское княжества, длительное время соперничая между собой, явственно претендовали на роль «собирателей» русских земель. В своих взаимоотношениях все три названных политических субъекта неоднократно оформляли и разрывали

[1] О применении термина «иго» см.: Селезнёв Ю.В. Происхождение понятия "монголо-татарское иго" (терминологическая заметка)// Российская история. 2012. № 4. С. 107-110; Он же. Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 22-36, 22.

союзнические отношения, воевали и заключали мир друг с другом, находились в состоянии постоянной конфронтации различной степени интенсивности.

Слабеющая Орда позднего периода и её наследники, формально продолжая оставаться верховным сюзереном большинства русских земель, в условиях собственного ослабления, естественным путём превратились в препятствие на пути возвышения других центров, по сути — стали помехой образованию русского национального государства в любом виде, будучи уже не в состоянии стать самостоятельным центром национальной (либо интернациональной) консолидации. Формально являясь носителем статуса юридического сюзерена русского пространства, прежняя великая империя со второй половины XIV в. стремительно превращалась в совокупность кочевых и осёдлых формирований, основным источником благополучного существования которых постепенно становилась эксплуатация наследия великих предков-основателей. Неопределенная и запутанная политическая обстановка середины XIV в., перешедшая в процессы, получившие собственное имя «Великая замятня», помимо активизации внешних врагов, отягощалась многочисленными внутриордынскими интригами и конфликтами.

На этом фоне весьма эффективная политика, нацеленная на решение вопроса усиления собственного рода и расширения фамильных владений демонстрировалась князьями московскими. Московские владетели особенно часто использовали фактор своей фамильной лояльности для привлечения ханов и их войск к решению вопросов с многочисленными соседями. Этот подход, наряду со стратегически продуманной внутренней и внешней политикой, дал возможность владетелям малозначимой ранее Москвы начать процесс возвышения своего княжества с использованием всего арсенала экономических, военных, дипломатических, коррупционных и политических средств, который сразу и надолго выделил московских князей из числа многочисленных, более родовитых, но гораздо менее гибких и чересчур, порой, принципиальных

родственников[1]. Политика привлечения в Москву киевских и черниговских бояр также способствовала усилению нового центра.

Великое княжество Литовское в это время также занималось собиранием русских земель. Князья литовские этого периода, в первую очередь, были довольно удачливыми воинами и политиками, пользовавшимися большой поддержкой населения и действовавшими в соответствии с уже упомянутым принципом: «не нарушать старины и не вводить новых порядков». Такой подход находил понимание в общественном сознании, что облегчалось православием многих литовских князей и русскими корнями большой части литовской знати[2]. «Руська мова» была официальным письменным языком Литвы, князья литовские активно воевали с татарами и католическими рыцарями, одерживая порой выдающиеся победы, а потому многие русские люди были готовы стать поддаными таких монархов. В данной ситуации экспансионистские устремления политически молодого литовского этноса вступили в тесное взаимодействие с уже устоявшейся политической культурой древнерусской народности и породили крайне интересные симбиотические отношения, ставшие основой стремительного роста Великого княжества Литовского.

Бассейн верхнего течения Оки – Верхнеокский исторический регион – в XIV и XV веках был районом прямого территориального соприкосновения всех названных государственных формирований, в котором и проявлялась описанная выше скрытая и открытая трёхсторонняя конфронтация и соперничество. Вследствие этого можно уверенно утверждать, что социально-политическое и экономическое развитие Верховских княжеств в XIV-XV вв. было обусловлено сложным переплетением различных политических, международных и межконфессиональных отношений: оставаясь вассалами ордынских ханов, постчерниговские княжества Верхней Оки имели тесные продуктивные контакты и с Литвой и с Москвой, что побуждает исследователя заниматься анализом очень широкого спектра политических, социальных, династических, конфессиональных

---

[1] Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. С.40-41, 58-59, 76, 79, 118, 187-189.

[2] Православных священников в Литву пригласил в 1265 г. сын основателя литовского княжества Миндовга Войшелк.

и многих других взаимодействий между действующими акторами исторического процесса.

Рассмотрение истории верховских земель XIV — XV вв. в рамках внутренней истории выглядит чрезмерно узким, поскольку и правители улуса Джучи и Великое княжество Литовское проецировали на этот относительно небольшой участок границы весьма многочисленные противоречия и проблемы, обусловленные широтой и разнообразием оттенков спектра собственных внешних и внутренних политик. Прямая или косвенная связь местных событий с общей ситуацией в Центральной (Литва и тесно связанная с ней Польша), Южной и Юго-Восточной Европе (татары в различных вариантах), Европе Восточной и прилегающих к ней частях Евразии (Москва) делает Верховской (Верхнеокский) исторический регион XIV-XV вв. одной из важных политических площадок Восточной Европы.

Порубежное положение Верховских княжеств повлекло за собой определенные негативные последствия в плане освещения их истории в письменных источниках. Оригинальные документы Верховских княжеств XIV-XV вв. до нашего времени не сохранились, а основным источником информации об их жизни являются внешние материалы – документы, преимущественно, литовского и московского делопроизводств: переписка, грамоты, материалы переговоров. Так как верховские земли часто были объектом сложных внешнеполитических и военных споров, то свидетельства о них остались в материалах внешнеполитических ведомств соседних государств. Современным исследователям доступны литовские и московские документы о Верховии, что в некоторой степени деформирует взгляд, концентрирует внимание на внешнеполитических аспектах существования княжеств, их отношениях с внешним миром и соседями. В силу этого обстоятельства, практически вся описательная часть изложения верховской истории оказывается связана с соседями – Московским, Литовским, Смоленским и Рязанским княжествами, а также с Ордой и её наследниками.

Одним из признаков особого правового режима Верховских княжеств являлось признание всеми участниками восточноевропейских политических процессов существования над ними старого ордынского сюзеренитета: соотвественно княжество либо государственное образование, принявшее на себя функцию контроля за ними (речь, в первую очередь о Литовском и Московском великих княжествах), автоматически принимало на себя обязательства по сбору и уплате установленной в давние времена «подати» (выхода). Московское княжество само являлось плательщиком выхода, а потому вопрос этот не нуждается в дополнительном подтверждении. Ранее уже приводилась ссылка на требование крымского хана к московскому великому князю об уплате «одоевской пошлины», правомерность которого князем в ответном послании полностью не опровергается, признаётся легитимной и не нуждающейся в дополнительных подтверждениях.

Принятие таких обязательств Великим княжеством Литовским подтверждается несколькими ярлыками, которые были получены от ханов в разное время. Весьма красноречив ярлык ордынского хана Тохтамыша литовскому князю Ягайло: «...послалъ к вамъ. слуги наши. Асана и Тулу Очжу. то поведати вамъ нашему брату. або то ведали вы што межи твоее земле. суть княния волости. давали выходъ Белой Орде. то намъ наше даите а што вашее державы под нами. а мы за то не стоимъ вамъ. ищите своего а мы вамъ дамо. А и еще што было межи насъ какъ здавня… На то все послали есмо. сеи нашъ ярлыкъ. и с нашею печатью золотою аабы то крепко было. А тои ярлыкъ писан оу Орде на оустьи Дону… Аже будетъ ва надобе помочь на кого на ворога вашегою. язъ самъ есмь готовъ за того тобе на помочь всею моею силою. а толко весть намъ даите. А коли на потомъ коли намъ бы надоть вы намъ таковиже будте»[1]. Специфика феодального сюзеренитета подразумевает, что переход политического контроля над территориями к другим государственным формированиям не снимал юридического права сюзерена на дань с земли вассала.

---

[1] Березин Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Издан князем М.А.Оболенским, 1850. С.22.

Специфические условия нахождение верховских земель и княжеств на русско-литовско-татарском пограничье на рубеже XIV-XV вв. стали причиной их ориентации на Великое княжество литовское и, соответственно, литовского князя в качестве своего сюзерена. Такой выбор был обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. Гипотетическая полная политическая независимость делала бы эти земли весьма удобным объектом для грабительских нападений, поскольку обладание независимостью требует использования для защиты от набегов внутренних сил княжеств, явно недостаточных для обеспечения безопасности. Это должно было лечь дополнительным бременем на всех – на рядовых жителей, боярство, князя и его казну. Защита одним из могущественных соседей (в случае покровительства либо вхождения в его состав) выглядела явно более предпочтительной. Татарские формирования, ранее выглядевшие легитимными, объективными и стабильными арбитрами, на фоне общей деградации ордынской системы, таковыми уже не являлись. В непосредственной близости располагались, а, следовательно, были технически способны быстро отреагировать и оказать помощь две региональные державы – Литовское и Московское великие княжества. Военный же союз относительно небольших Верховских княжеств с этими региональными «чемпионами» в реалиях рассматриваемого времени не мог быть равноправным. Для получения внешней помощи приходилось частично либо полностью жертвовать своей независимостью.

На рубеже XIV-XV вв. Литва выглядела явно предпочтительнее, так как её государственное устройство предусматривало наличие определённой федеративной составляющей. Оно не требовало полной ликвидации всех элементов региональной автономии и владельческих прав местных феодалов. Кроме того, великое княжество Литовское большую часть XV в. в военном и политическом отношении представлялась значительно более сильным государством, чем Московское (на фоне внутриполитических московских потрясений). ещё одним, до настоящего времени практически не рассмотренным аспектом, являются вероятные позитивные финансовые последствия литовской

ориентации как для правящих элит княжеств, так и для торгового и ремесленных сословий. Наличие весьма развитой системы городского самоуправления, наглядное стремление к сохранению старинных привилегий, возможность прямого участия в транзитной торговле и обслуживании транзитных торговых потоков по старым окско-волжским торговым путям являлись весьма соблазнительными аргументами для пролитовской ориентации.

Победе пролитовской ориентации в начале XV вв. способствовала совокупность шедших в Восточной Европе военно-политические процессов, а также специфика геостратегического расположение верховских земель на стыке трех крупных государственно-политических образований. В таком выборе полностью отсутствовала этническая, национальная или идеологическая составляющая. Московское великое княжество (как и прочие княжества Северо-Востока Руси) в силу конкретных объективных причин не могло предоставить верховским землям той степени военно-политической безопасности, а также тех политических преимуществ и экономических возможностей развития, которыми обладало Литовское государство.

Изменение политической обстановки в последних десятилетиях XV в. стало причиной быстрой смены Верховскими княжествами ранее избранных приоритетов и предпочтений. Продемонстрированные великим княжеством Московским под руководством Ивана III военные и политические успехи, вкупе с некоторым ослаблением внимания со стороны Великого княжества Литовского, привели к постепенному усилению промосковской ориентации. Крайне серьёзное воздействие на эти процессы оказала чётко спланированная, хорошо продуманная и целенаправленная политика московского государя, нацеленного на территориальную экспансию и закрепление за собой и своим потомками статуса государя «всея Руси».

Определённая слабость политики Великого княжества Литовского (обращённого, скорее, на юг и запад) в сочетании с постепенной его полонизацией и утратой внимания к своим восточным рубежам, стали второй важной причиной успеха политики Ивана III. Великое княжество Литовское

переставало быть самостоятельным и мощным политическим игроком Восточной Европы, чем сразу же воспользовались все его соседи. Ослабление государственного суверенитета вело к сокращению роли некатолической составляющей Литвы, появлению и озвучиванию негативных настроений («обид») и, как следствие, облегчению отрыва некатолических окраин от тела страны. С одной стороны, это, в некоторой степени, способствовало отпадению православных территорий, с другой (в отсутствии сколько-нибудь массового оппонирования) значительно ускоряло процессы полонизации, потере самобытности и растворения Литвы в польском культурно-религиозном пространстве. На этом фоне особенно отчётливо заметна единообразная реакция политических элит и населения Верховского края на те вызовы, которые ставила перед ними история. Удивительная синхронность реакции (с учетом скорости средневековых коммуникаций) на внешние политические, военные и экономические воздействия, которая была отслежена в настоящей работе и ряде иных исследований, позволяет полагать обоснованной выдвинутую гипотезу о внутреннем единстве рассматриваемой территории, несмотря на сохранение и усугубление её феодальной раздробленности.

Изложение основных событий истории возникновения и развития Верховских княжеств позволяет уточнить её периодизацию (представленную автором в своих монографиях предшествующего времени), которая логично подразделяется на 3 периода существования – вплоть до вхождения в состав Московского государства[1].

Первый период начался со времени падения Чернигова под ударом монгольских завоевателей в 1239 г. и продолжался до момента формального подчинения и утраты самостоятельности Брянско-Черниговским княжеством в 1357 г. Этот период был временем изменения политической системы всей Руси путём встраивания в общеимперскую монгольскую управленческую систему. Активно шла реорганизация старых общерусских институтов, учреждение новых

[1] Майоров А.А. Русь Верховская. Орел, Изд-во «Картуш», 2012. С.16-18, Он же. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. Орел, издательство «Картуш», 2013. С.132-134.

и реорганизации прежних русских княжеств, оживлённая конкурентная борьба вновь возникших после монгольского завоевания центров силы между собой. Наследники черниговской династии не смогли стать перворанговыми участниками большой общерусской борьбы за влияние, но, в отличие от ряда других ветвей Рюриковичей, всё же сохранили за собой родовые земли, территориально совпавшие с поствятичскими волостями. Выданные ордынские ярлыки защитили князей и их родовые владения, позволили относительно малым княжествам, при условии соблюдения установленных порядков, меньше заботиться об обеспечении внешней безопасности. Негативным следствием специфических особенностей имперских порядков стала потеря в конце XIII в. черниговской династией контроля за новой столицей великого черниговского княжения – Брянска – и переход его к смоленским князьям. В результате ряда административно-территориальных изменений была заложена основа для восстановления Верхнеокского (Верховского) исторического региона на новых организационых началах, возводимых, тем не менее, к преемственности в отношении прежнего времени.

Второй период длился с 1357 г. до 1427 г. и был открыт падением номинальной столицы черниговских земель города Брянска в 1357 г. под ударами литовских войск и включением его в состав великого княжества Литовского. Отдельной темой, характеризующей этот этап, представляется полученный в ходе ордынской «Великой замятни» опыт самостоятельного выживания путём лавирования между различными центрами силы, поскольку княжества, по независящим от них причинам, начали постепенно терять старые ордынские гарантии неприкосновенности границ и родовых столов. К этому периоду следует отнести начало деградации ордынской управленческой системы вследствие длинного ряда политических, экономических, демографических, социальных и природных катастроф.

Верхней границей периода следует полагать 1427 г. – время, когда, вскоре после смерти Василия I, верховские князья начали переходить под протекторат Великого княжества Литовского. Эти события стали прямым следствием начала

ожесточённой борьбы внутри Московского государства за власть между различными ветвями правящего дома, в результате чего Москва в тот момент стала крайне ненадёжным и потенциально опасным союзником. Литовское княжество, в свою очередь, во второй трети XV в. хотя и было занято преимущественно урегулированием своих внутренних проблем, но сохраняло достаточно высокий военно-политический потенциал. Практически одновременное вхождение Верховских княжеств, представлявших на тот момент группу однородных по генезису и структуре государственных образований, в сферу влияния Великого княжества Литовского стало одним из зримых и весомых доказательств формирования единого политико-культурного пространства на большей части прежней Земли вятичей.

Третий период истории верховских княжеств продлился с 1427 г. до 1503 г. Политика перманентного «межсистемного» лавирования была определяющей для Верховских княжеств как участников политических процессов в течение второго и третьего периодов их существования. Это было время фактического вхождения Верховских княжеств в состав квазиконфедеративного литовского государства при сохранении широкой внутренней автономии и большинства особенных черт их исторического развития, что стало возможным вследствии специфики государственно-правовой системы Великого княжества Литовского. Финальная дата определена подписанием в 1503 г. Благовещенского перемирия между Великим княжеством Литовским и Московским государством, которое закрепило, по результатам нескольких войн, пограничных конфликтов и смены местными князьями своего сюзерена, переход верхнеокских земель в состав Московской Руси.

Выделение Верховских княжеств из общей массы русских земель как весьма специфического региона являло собой, по сути дела, факт проявления признаков продолжения существования особого исторического региона. На протяжении XIII-XV вв. этот регион представлял собой своеобразный историко-географический конгломерат (основу которого составляли Верховские княжества), являвшийся совокупностью политически различных, но единых по

происхождению государственных образований, объединённых общностью этнической, экономической, и, в определённой степени, военно-политической истории. Это объединение княжеств и территорий, также как и предшествующая ему Земля вятичей, следует рассматривать как особое суверенное административное формирование на землях верхнеокского речного бассейна. В качестве отличительных признаков Верховских княжеств (во многом подобно Земле вятичей) следует указать этническое, экономическое, административное и политическое единство, сцементированное властью формально единой династии правителей.

Географическая, экономическая и историко-культурная основы региона сохранились приблизительно в том же виде, в котором они наличествовали со времён Земли вятичей. Главными отличительными чертами региона, как и прежде, оставалось обеспечение безопасности и участие в транзитной торговле по речным и сухопутным транспортным маршрутам между различными крупными экономическими зонами, обеспечение охраны перевозок, извлечение прибыли из пограничного положения между различными мощными политическими образованиями[1]. Все территориально-государственные образования, размещавшиеся на рассматриваемой территории, осуществляли политику синхронного и, по всей видимости, согласованного политического маневрирования между существовавшими политическими центрами.

В течение всего периода наблюдений происходило сокращение и уменьшение величины территорий, входивших в данный историко-географический массив в качестве его органических составных частей. Лишь два эпизода верховской истории отмечают моменты заметного увеличения площади контролируемых территорий: первый – проведение козельскими князьями своих родичей на елецкий стол в XIV в., сопровождавшийся освоением земель «Тульского баскачества», второй – расширение земель князьями Воротынскими во второй половине XV в. Оба случая связаны, скорее, с дипломатическими и

[1] См. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. Серия «Україна крізь віки». Т. 6. Київ: Альтернативи, 1998. С.247.

династическими успехами, нежели с военной силой и доблестью. В целом же история верховских потомков великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского представляет собой процесс постепенного угасания и измельчания прежде влиятельного рода (что не мешало росту числа его потомков). Впрочем, для жителей рассматриваемых княжеств, являвшихся подданными верховских князей, наибольшее значение, по всей видимости, имел не столько статус их феодальных владетелей (хотя он был важен и значим), сколько качество их повседневной жизни, которую эти князья обеспечивали.

Верховские княжества на русско-литовско-татарском пограничье до конца XV в. сохраняли единообразие своей первоначальной династической основы вместе с хорошо осознаваемым этническим, внутриполитическим и экономическим единством. Все это обеспечивало целостное восприятие данного региона со стороны внешних политических игроков того времени. Особенности «квазиконфедеративного» устройства Великого княжества Литовского, напрямую подчинившего многие верховские территории, способствовали сохранению впечатления такой целостности вплоть до начала XVI в. Об этом, наряду с приведёнными ранее фактами, свидетельствует применение термина «верховъстии князи» в деловой и внешнеполитической переписке той эпохи, а также фиксация термина «низовские земли» в отношении земель нижней Оки.

В XIV-XV вв. Верховской (Верхнеокский) исторический регион следует рассматривать как явный и выразительный пример стабильного восточноевропейского региона среднего масштаба, состоящего из нескольких административно разделённых составных частей, объединённых этническими, епархиальными, династическими, культурными, экономическими и рядом иных связей.

ГЛАВА V. ВЕРХНЕОКСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV – XVI В.

§ 1. Ассимиляция Верховских княжеств

Начало вхождения Верховских княжеств в состав Русского централизованного государства стало рубежом завершающего этапа истории Верхнеокского региона в качестве относительно единой структуры. Точное определение проходившим процессам дал А.В.Шеков: «История Верховских княжеств в составе России XVI в. – это история их ликвидации»[1]. Аналогичные и ещё более скорые процессы происходили и в прочих верхнеокских территориальных формированиях (начиная с владений великого князя литовского). Общая направленность действий, запущенная в управленческой и политической сфере Русского государства великим князем Иваном III и продолженных его наследниками, и не предполагала иного. В то же время термин «ликвидация» предполагает наличие единого намерения и единого действия (плана действий), чего в данном случае, скорее, не прослеживается. Потому и в названии параграфа использован термин «ассимиляция», подразумевающий многоступенчатый и растянутый во времени процесс изменения и поглощения.

В административном отношении на большей части новосозданного Русского централизованного государства в тот период решались традиционные при освоении новых территорий задачи:

- демонтаж старых и построение новых органов территориального администрирования, в том числе и путём учреждения новой территориальной «нарезки» объединённых земель;

- «переключение» существовавших и вновь создаваемых управленческих, сословных, социальных, религиозных, экономических и налоговых связей и сетей на новый (московский) центр принятия решений;

- в случае Верхней Оки, ввиду пограничного положения территорий, обеспечение безопасности (прежде всего, военной) от внешних угроз.

---

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.198.

Таким образом, конец XV в. ознаменовался началом построения управленческой системы и структуры фактически нового государства. Вне зависимости от того, было ли решение об унификации осознанным или к тому государя подвигла текущая ситуация, на территории страны начался процесс не просто ассимиляции присоединённых земель, но и объединения их в рамках единой системы. Задача выработки единых юридических норм, обычаев и традиций решалась многими путями, одним из которых было, в частности, принятие знаменитого Судебника 1497 г.[1] Ни прежняя московская, ни старая верховская, ни «трофейная» литовская (бывшая, во многом, калькированной древнерусской) административные и правовые системы не отвечали новым задачам и потребностям обширного разнородного и разнообразного государства: «…анализ субъектов, к которым авторы Судебника обращались наиболее часто, значимость проблем, выражавших в порядке статей, показывают, что в конце XV в. наиболее важным для Ивана III и его окружения было создание новой системы органов исполнительной власти»[2].

Содержательная часть предпринятых масштабных изменений известна. Помимо демонтажа старых и построения новых территориально-управленческих структур, началось более активное внедрение поместной системы организации и комплектования армии, в свою очередь вынуждавшей модифицировать связанные с ней социально-правовые отношения. Этим способом Иван III сразу решал несколько сложных стратегических задач, стоявших перед ним и его государством – обеспечение набора и личной преданности вооружённых сил, формирование новых иерархических и социальных связей внутри владельческих социальных групп, сопровождаемое разрушением прежних. Кстати, внешне похожие меры по переселению «мужи лутши» с аналогичными целями предпринимал здесь, в своё время, ещё Владимир Святой[3]. Подобные задачи и пути их решения стандартны для отладки управленческой структуры в условиях

---

[1] Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Часть вторая.М.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. С. 253-385.

[2] Земцов Б.Н. Судебник Ивана III: цели законодателя// Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С.30.

[3] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. 1908. Стб.106.

взрывного роста системы: процессы эти многократно рассматривались высоко квалифицированными исследователями, что делает подробное повторение чужих выводов явно излишним, а потому в настоящей работе отмечаются лишь отдельные их аспекты и особенности, специфичные для верхнеокских земель.

Создание административного аппарата на присоединённых территориях стало важнейшим аспектом государственного строительства. Управление на присоединённых литовских великокняжеских землях сразу перешло к московским наместникам, а сами они начали распределяться среди расселяемых новых поместных владельцев, обязанных службой за пожалование[1]. Подобные «дачи», наряду с укреплением оборонительного потенциала и усилением центростремительных настроений на присоединённых территориях, способствовали активизации процессов популяционной мобильности и ускорению культурной ассимиляции новых подданых. Такое положение было характерным не только для западных и юго-западных рубежей, но и для многих других частей обширного единого государства.

Первоначально наместники не имели отношения к вотчинным землям верховских и северских князей, ввиду традиционной вотчинной «экстерриториальности»[2]. Но сфера их контроля постоянно расширялась, так как шли активные процессы потери земельных владений, прежде принадлежавших местным князьям, путём их изъятия в великокняжескую собственность, «обмена» на пожалования в иных частях государства, возникновения и перехода выморочного имущества и т.д.[3] Очевидным представляется, что сокращение числа вотчинных землевладений при постоянном увеличении поместных происходило целенаправленно и вело к «перемешиванию» новых и прежних землевладельцев, началу болезненного процесса их статусного сближения[4]. Организованность процессов прослеживается в том, что «значительная масса несвободных слуг, отпущенных затем на волю, стала в конце XV – начале XVI в.

---

[1] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли… С.250-251.

[2] Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в.// Исторические записки. 94. М.: Издательство «Наука», 1974. С.271-272, 275, 276, 277. 278, 283-284, 285-289.

[3] Шеков А.В. Политическая история и география. С.253-257.

[4] См.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М.: Мысль, 1985. С.131.

помещиками московского государя»[1]. Судя по всему, в государственных управленческих структурах сложилось убеждение, что «…именно массовое испомещение на западных рубежах служилых людей из Северо-Восточной Руси являлось необходимым условием удержания присоединённых территорий»[2]. На территориях, присоединённых к русскому государству, фактически сложилась поликомпонентная управленческая система, включившая в себя различные модели администрирования (приказную, вотчинную, дворцовую, монастырскую и др.), иногда довольно причудливо взаимодействовавших и даже переплетавшихся между собой. Безусловно, соотношение этих частей было несопоставимым по масштабу – та часть, которая непосредственно управлялась администрацией великого князя (уезды, станы, города, дворцовое хозяйство и т.д.), подавляюще преобладала.

Для настоящей работы важными при определении скорости административной ассимиляции верхнеокских земель важными являются параметры вотчинных владений (которые являлись постоянно сокращавшейся частью управленческих структур), сохранявших традиционно высокую степень самостоятельности её хозяев, преимущественно представлявших старые княжеские династии. А.А.Зимин отмечает в качестве общего для всех принадлежавших Московскому государству территорий рубежа, после которого началось сокращение прав прежних владельцев, момент заключения договора Ивана III с Михаилом Верейским (4 апреля 1482 г.), по которому великий князь становился наследником вотчинного владения при живом сыне властителя[3]. С этого момента началось стремительное сокращение доли такого рода территорий на землях прежнего Московского княжества.

В отношениях вотчинного владельца с великим князем определялась верховная власть последнего на фамильных землях, выражавшегося, в том числе, и в резком ограничении ранее обычных прав их распоряжения и передачи во всех

---

[1] Зимин А.А. Из истории поместного землевладения на Руси // Вопросы истории. 1959. № 11. С.138.

[2] Кром М.М. Указ.соч. С.255.

[3] Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). С.57.; Духовные и договорные грамоты. С.277-283.

случаях – продажа, наследование, распоряжение. Удел приобретал характер, приближенный к параметрам обычного недвижимого имущества (пусть и большего по масштабу), прав***а*** и возможности великого князя (и его аппарата) в отношении которого возрастали многократно[1].

Следует отметить, что активизация Ивана III на западном направлении первоначально происходила под знаком охраны и защиты старых обычаев и порядков. Они же являлись препятствием на пути организации единообразной управленческой системы: наличие собственных судов, дворов и даже «полков» превращали верховские княжества в потенциально опасный рудимент времён раздробленности. Впрочем, решение вопросов излишней «суверенности» новоприсоединённых княжений происходило достаточно быстро. В частности, в статье 30 Судебника 1497 г. была указана величина расходов судебных исполнителей («неделщиков», «приставных») при перемещении в верхнеокские Тарусу, Алексин, Воротынск, Одоев, Козельск, Белёв, Мезецк и ряд иных городов, что указывает на возможность прямого применения и исполнения московских норм права на свежеприсоединённых землях[2]. Исключением являлись верхнеокские земли князей Воротынских, на что указывает текст жалованных грамот князя А.И.Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни от 22 июня 1547 г. и от декабря 1561 г., в которых упоминаются «наместници наши Перемышльские… пристав мой к ним не въезжает ни по что, опричь душегубства и разболя с поличным… А наместници наши Перемышльские и Одоевские Пречистые монастыря Шаровкины пустыни игумена и старцов и слуг и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным…»[3]. Таким образом, хотя о полной юридической «экстерриториальности» всех верхнеокских территорий говорить не приходится, хотя большинство административно-управленческие функции за отдельными местными правителями сохранилось[4].

---

[1] Там же, С.129-133.

[2] Памятники права. Выпуск третий. Под ред. Л.В.Черепнина. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. С.350-351.

[3] См. Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси// Исторические записки. Т.22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С.127-131.

[4] Корзинин А.Л. Государев двор в истории россии последней четверти XV–XVI в// Древняя Русь. Вопросы

Наличие же актуального юридического инструментария для устранения гипотетической «излишней самостоятельности» указывает на готовность великокняжеской властной вертикали к решению гипотетически возможных проблем.

Ликвидация вотчинного землевладения (и близких к нему по внутренним параметрам местных княжений) была логически обоснованным шагом московского государства. На соседствующих северских землях такие процедуры в разных вариантах были проведены в первые десятилетия XVI в. К примеру, удел Василия Стародубского после его смерти в 1518 г. сразу был переведён в собственность великого князя[1]. А князя новгород-северского Василия Шемячича в 1523 г. арестовали и, после его смерти через шесть лет, изъяли удел опять же в собственность великого князя[2]. На «освободившихся» землях сразу же начались те же процессы, что происходили ранее на территориях, прежде находившихся в прямой собственности великого князя литовского.

Первоначальный статус Верховских княжеств в Московском государстве был несколько «старомоден», но понятен: по мнению А.А.Зимина, «на положении служилых оказались Воротынские, Белевские и Одоевские, сохранившие остатки своих старинных владений в Воротынске, Одоеве и Новосили»[3]. То есть, не имея возможностей и амбиций владетелей московских уделов, прямо относившихся к правящей династии, верховские князья, по сути, сохранили множество полномочий, фактически у московских удельных князей уже изъятых. «Присоединение на рубеже XV-XVI вв. огромных территорий Юго-Восточной Руси привело к созданию особой системы отношений этих земель с великокняжеской властью. Она не имитировала уходящую в прошлое удельную систему, но оставляла значительные суверенные права за местными властителями, так называемыми слугами… Владения служилых людей рассматривались

медиевистики. 2020. №4 (82). С.160-161.

[1] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. С.138.

[2] ПСРЛ. Т.13 Никоновская летопись. 1904.С.43; ПСРЛ. Т.22. Часть 1. Русский хронограф. С.522; Зимин А.А. Формирование… С.140-142.

[3] Зимин А.А. Россия на рубеже… С.239.

правительством не как самостоятельное княжение, а как вотчина…»[1]. Зимин проводит далее прямую параллель с обязанностями верховских князей в отношении великого князя литовского по прежним докончаниям ещё середины XV столетия. На это указывают детали летописного сообщения о заключении «вечного докончания» о мире 1508 г.: «…князь велики Василеи Иванович всеа Русии с королем Жидымонтом миръ и вечное докончание взял, а городы Русскиа, свою же отчину да князеи служебных, князя Василья Ивановича Шемячича да князя Василья Семеновича Стародубьского, и Новосильских князей, и Одоевских, и Воротынских, и Белевских, и Трубетцких, и Мосальских и сь их вотчинами, написал в свою сторону, и грамоты докончальные написаша на всеи воле великого князя Василья Ивановича всеа Русии»[2].

Верховские князья были определены в особое сословие «слуг государевых», что (из-за сохранения за этой категорией некоторой части старинных вотчинных привилегий) формально ставило их выше старого московского боярства. В то же время, находясь юридически на ступень выше боярства, «служилые князья были оттерты от участия в реальном управлении страной. Они не были членами Боярской думы, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками …Тем самым их политическая роль постепенно, по мере укрепления престижа Русского государства уменьшалась».[3] Понижение феодально-административного статуса верховских князей и сокращение их возможностей по использованию своей политической власти на местах делало рассматриваемые территории всё более зависимыми от московского центра. Таким образом, с начала XVI в. формальные и реальные возможности сохранения внутренней автономии верховских земель быстро сокращались. Василий III Иванович продолжил направление развития, заданное его отцом. Специфическое положение верховских владетелей на московской иерархической лестнице было использовано в конфронтации с ВКЛ начала XVI в., а затем на них были

---

[1] Там же. С.240.

[2] ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С.300.

[3] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. С.145.

распространены уже опробованные на удельных князьях Северо-Востока Руси результативные процедуры[1].

Ещё в первой редакции своего завещания Иван III отдельно указывал (в качестве гарантии нерушимости прав владения) на обязательное наличие у землевладельца великокняжеских (впоследствии - царских) грамот на владение землей: «...есми давал свои села бояром своим, и кн(я)зем, и детем боярским, и грамоты есми им свои жаловалные подавал на те села прочно им и их детем, или кому буду въ куплю дал свои грамоты, и в те села с(ы)нъ мой Василеи и мои дети у них не въступаются»[2]. При отсутствии либо при несоблюдении установленных норм оформления частные земли изымались, привилегии ограничивались, а население (в широком смысле этого слова) привыкало к необходимости государственных (государевых) разрешений на все операции с землёй[3]. Несложно понять, как принимались решения в «спорных» либо «интересных» для великого князя случаях…

В число объектов, перешедших в собственность великого князя вошли «...город Воротынескъ, и с Лагинском, и с Краишиным, и с-ыными месты, со всем с темъ, как был за Воротынскими», также другие земли, ранее входившие в Воротынское княжество[4]. Земли новосильские, белёвские и одоевские к середине 1504 г. ещё считались принадлежащими их владельцам, но уже рассматривались как неотъемлемая часть великого княжения. Спустя некоторое время процесс перехода земель верховских князей в собственность московских правителей приобрёл непрерывный характер (на основе стандартных процедур перевода владетельных князей в служилые)[5]. Значительные площади прежних владений от Воротынских, Мезецких, Одоевских отошли к московскому государю. Земли

---

[1] См. Флоря Б.Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV-XVI в.)// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С.5-12; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). С.233-262.

[2] Духовные и договорные грамоты. С.361.

[3] Лунден И.Л. К истории экономических преобразований в России: аграрная реформа Ивана III (1462-1505) и ее значение для становления российской государственности// Вестник института экономики РАН. № 5/2014. С.179-180.

[4] Духовные и договорные грамоты. С.354.

[5] См. Грязнов А.Л. Происхождение вотчин служилых князей// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3(53). С. 42-44.

Волконских были им же разделены[1]. Безусловно, актуальные политические сюжеты приводили порой к изменению направления перераспределения земель и, зачастую, они уходили к другим государевым слугам (вследствие чего, в частности, в третьем десятилетии XVI в. заметно усилились Воротынские), но общие тенденции сохранялись неизменною

Ранее упомянутый формальный сюзеренитет Орды в отношении Верховских княжеств, актуальный для конца XIII – XIV вв., продолжал оставаться действующей правовой реальностью и в начале XVI в. Верхнеокские земли юридически (что подтверждается сохранившейся дипломатической перепиской) принадлежали правителям, законными наследниками которых себя полагали крымские ханы, что большинством их соседей признавалось как данность. Исходя из этого, крымские правители Менгли-Гирей и Мухаммед-Гирей с 1498 г. по 1519 г. предъявляли требования к московскому государю о выплате старых рудиментарных ордынских платежей, получивших название ясак: «Изъ старины Одоевскихъ городов князи, по старине къ намъ, что давали ясаку тысячю алтынъ, а дарагамъ другую тысячю алтынъ давали»[2]. Следует напомнить, что требования прежней (сильной и единой) Орды подкреплялись её обязательствами по защите данников, чего уплата указанного ясака не предполагала.

Иван Васильевич, не желая ссориться со своим союзником, в ответ сообщал, что «Ино Одоевскихъ князей болшихъ не стало, а отчина ихъ пуста, а иные князи Одоевские намъ служатъ, наши слуги, мы ихъ кормимъ и жалуемъ ихъ своимъ жалованиемъ; а иныхъ князей Одоевскихъ жеребьи за нами, и что тебе давали и твоему человеку, ино ихъ язъ же тем жаловалъ, а им нечего давати, отчина ихъ пуста. …И ты бы Одоевскимъ княземъ впредь свою пошлину отложилъ, да и дарагъ бы еси къ нимъ не посылалъ по свою пошлину, меня деля»[3]. Приведённый текст подтверждает восприятие Иваном III Одоевских земель уже в качестве собственных. Тем не менее, правомочность требований по выплате дани в Крым в пользу формальных наследников Орды была фактически признана: занимался

[1] Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.198-202.
[2] Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. СПб.: Тип-я Елеонского и К°, 1884. С.269.
[3] Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. С.306.

этими платежами (либо их урегулированием) непосредственно великий князь московский, что подтверждало реальный переход к нему прав управления данными территориями. Это указывает на продолжение в начале XVI в. деятельности московских великих князей по управленческой ассимиляции ранее включённой в состав их государства территории Верховского исторического региона.

Эволюция «одоевского взимка» довольно подробно рассмотрена А.Л.Хорошкевичем, указавшим на архаичность этих платежей, обладавших, тем не менее, неоспоримой легитимностью для обеих сторон[1]. Переход к московскому великому князю обязанности по их уплате привёл к последующей их терминологической эволюции в сторону менее эмоциональных и неопределённых «пошлин», «поминок», «корма», «выхода». Любопытно, что переход под руку московского царя уже следующей династии Романовых Левобережной Украины по договору 27 апреля 1670 г. также сопровождался неожиданными для современного исследователя «любительными поминками» в пользу Крымского ханства, что вполне объяснимо признанием обеими сторонами легитимности наследования ордынского суверенитета над указанными землями[2].

Парадоксальность ситуации заключается в том, что желание Ивана III о поддержании союзнических отношений с Крымом привело к фактическому возрождению «дани», ранее формальной, но, по прошествии некоторого времени возрождённой и вполне обязательной к уплате. Имеющаяся дипломатическая переписка показывает, что, по всей видимости, именно присоединение «Одоевских городов» и последующая уплата «взимка» побудили ханов задуматься «…о восстановлении регулярных даннических отношений, существовавших в конце XIV в.»[3]. Причём не только с Московского государства, но и с Польского королевства и Великого княжества Литовского, ранее регулировавших ордынские запросы и требования иными путями: «…к тебе къ

---

[1] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв./ Хорошкевич А.Л. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.234-238.

[2] Там же. С.238-239.

[3] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С.161.

брату своему киевского своего воеводу… отпущу со многими поминки….царевичемъ по десяти тысячъ алтынъ дати… да и всемъ уланомъ и княземъ то дастъ»[1]. Крымские ханы приступили к «восстановлению» уже давно неактуального к тому времени ордынского сюзеренитета над землями своих соседей (прежде всего в фискально-экономическом смысле), чему их неожиданные «вассалы» весьма активно и небезуспешно сопротивлялись[2].

Процесс ликвидации прежних верхнеокских княжеских автономий приобрёл необратимый характер, хотя, судя по всему, в сознании региональной аристократии довольно долго сохранялось представление о «промежуточном положении» управляемых ими территорий. Безусловно, к началу XVI в. внутриполитическая ситуация на Руси кардинально изменилась. Прежняя официально зависимая от татар Московская Русь быстро трансформировалась в фактически независимое Российской централизованное государство, хотя некоторая правовая связь с прежними сюзеренами сохранялась в виде выплат их потомкам «поминков», полагаемых ханами «ясаком» и «данью»[3]. Московские великие князья осознавали себя полноправными хозяевами своих земель, они здраво оценивали свою возросшую военную мощь, они видели себя центром объединения всех русских территорий. В такой ситуации московские власти обоснованно ставили перед собой задачу окончательной ликвидации пережитков «промежуточного» положения Верховских княжеств и полного подчинения их своему контролю.

Одним из первоначальных способов выполнения задачи консолидации русских земель являлось добровольное привлечение верховских князей на московскую службу. Этот процесс активизировался ещё в конце XV в. и традиционно считается показателем обозначившегося поворота в политике

---

[1] Сборник Императорского РИО. Т.41. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и Ко, 1884. С.449.

[2] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С.164, 188-195, 225-258.

[3] См. Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 200-203; Моисеев М.В. Некоторые аспекты взаимоотношений Московского государства с постордынскими государственными образованиями// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 204-213.

региональных правителей на союз с Московской Русью. Тем не менее, московские великие князья ещё долго относились к перешедшим к ним из Литвы русским аристократам с подозрением и не исключали возможности их измены и возвращения в Литву.

Говоря о судьбе потомственных владетелей верховских земель, следует напомнить, что после неудачи в борьбе с набегом крымского хана Мухаммеда-Гирея (Мехмед-Гирея) в 1521 г. некоторые русские воеводы попали в опалу: «...прииде царь Крымский Ахматъ Кирей... поиде к реке Оке и прелозаша реку нощию... И ту побиша великого князя воеводъ... И повоеваша многие волости Коломенские и Московские и быша до Москвы за 15 верстъ... Князь же великий... посла к воеводамъ своимъ в Серпуховъ, ко князю Дмитрею Бельскому и князю Василию Шуйскому и ко князю Ивану Воротынскому, повеле имъ противу царя ити. Они же не поидоша»[1]. Вряд ли столь опытные князья, что перечислены в списке, не выполнили приказ из-за каприза - по всей видимости, силы были неравны. Ранее подобное поведение заслужило бы лишь упрёки. Ныне же ситуация коренным образом поменялась: И.М.Воротынский (наряду с другими воеводами) был по приказу Василия III 17 января 1522 г. арестован и заключён в тюрьму: «…князь великии поимал… князя Ивана Перемышскаго» [2]. Через 3 года тюремного заключения в феврале 1525 г. И.М.Воротынский дал письменную клятву Василию III о верности в службе.

Ситуация с И.М.Воротынским показательна. В ней можно наблюдать принципиальные изменения характера документов: докончаний с великим князем литовским и клятвенной записи московскому великому князю. Сохранившаяся «Запись князя Ивана Михайловича Воротынскаго, данная, по поручительству московского митрополита Даниила и прочих духовных особ, государю и великому князю Василию Иоановичу: о продолжении впредь своей службы государю верно, усердно и без побегов в Польшу и в Литву; о неимении переписки с государевыми неприятелями» принципиально иначе (особенно в

[1] ПСРЛ. Т.24. Типографская летопись. С.221.
[2] Там же.

сопоставлении с текстом докончаний) трактует взаимоотношения верховского князя и его сюзерена: это уже не договор о вассальной службе, а обязательства подданого перед господином[1].

Статус князя Ивана Воротынского обозначен как «холопский» в отношении Василия III. Известно, что немилость Воротынский вызвал якобы не донеся о намерении бежать в Литву, выявленного у одного из соседей. Обязательства, налагаемые «Записью», делают его (вместе с детьми и их семьями) полностью зависимыми от Василия Ивановича: «А мне князю Ивану Воротынскому, от своего государя от Великого князя Василия Ивановича всея Русии и от его детей, из их земли в Литву …никак не отъехать; также мне князю Ивану и моим детям к государя своего великого князя Василия Ивановича всея Русии братьям, ни инуды никуда никак не отъехать, и до своего живота»[2]. Срок действия клятвы – до конца жизни. И.М.Воротынский был обязан предпринять все меры к задержанию и выдаче «уполномоченным лицам» любого недоброжелателя центральной власти ввиду того, что «…государь мой князь великий Василий Иванович всея Русии и его дети въ моем отъезде вольны надо мною и над моими детьми, и по моей вине казнить вольны»[3]. Судя по всему, термин «холоп» (аналог греческого «δούλος», тюркского «кул», монгольского «богол») в отношении высокородных вассалов начал использоваться в Московском княжестве после победы 1480 г. над Ордой, «после того, как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское достоинство»[4].

Исходя из текста документа, И.М.Воротынский полностью отдавал себя во власть великого московского князя, заранее признавая, что любая попытка его отъезда должна классифицироваться как измена и может караться смертной казнью. Раньше он сам и его родственники, а также многие другие князья, совершали такие действия неоднократно, не теряя при этом ни авторитета, ни источника дохода. После представления Василию III названной клятвенной

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч.1. М.: Типография Н.С.Всеволжского, 1813. С. 425-427.

[2] Там же, С.425-426.

[3] Собрание государственных грамот и договоров. С.427.

[4] Горский А.А. О происхождении «холопства» московской знати// Отечественная история. 2003. № 3. С.80-82.

записи И.М.Воротынский был помилован и освобождён из заключения. Ему вернули вотчину и придворные чины: «…пожаловалъ князь велики князя Ивана Воротынскаго и вотчину ему отдалъ»[1]. Более того, в качестве компенсации он получил в наследственное владение Одоевское княжество, ранее принадлежавшие его родственникам князьям Одоевским.

Согласно одной из официальных версий, ставшей основой для репрессирования ряда влиятельных бояр, после смерти Василия III в 1533 г. ряд московских вельмож (преимущественно воевод и бояр), недовольных правлением регентши Елены Глинской, вступил в тайные переговоры с великим князем литовским и королём польским Сигизмундом I Старым, планируя перейти на литовскую службу. В сентябре 1534 г. в Москве состоялось большое количество казней и наказаний: «…олово лили в рот да руки секли»[2]. На восьмой день после смерти великого князя Василия Ивановича, в декабре, от имени нового правителя Ивана Васильевича его матерью Е.Глинской был совершён переворот: арестован дядя юного правителя Юрий Иванович Дмитровский, родной младший брат Василия III, которого посадили «…в крепь на задней двор в полату»[3].

Явно опасаясь за свою жизнь, крупные московские воеводы князь С.Ф.Бельский и окольничий И.В.Ляцкий «…отъехали от великого князя от Ивана съ службы из Серпохова в Литву служити королю… а сними многие дети боярские великого князя дворяне»[4]. Князья Воротынские выехали из Москвы в свою удельную столицу Одоев, откуда также, в соответствии с официальным обвинением, планировали перебраться в литовские владения.

За «соумышленничество» с изменившими московскими воеводами И.М.Воротынский вместе с сыновьями Владимиром, Михаилом и Александром был арестован, лишён владений и чинов и отправлен в заключение «… на Москве на Берсеневъском дворе Беклемишева, а детей его послал в Дмитровъ. И князя

---

[1] ПСРЛ. Т.24. Типографская летопись. С.222.
[2] ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. С.315.
[3] Там же.
[4] Там же.

Ивана Воротынского в том поиманье в животе не стало»[1]. Его сыновья позднее были освобождены и поровну разделили между собой оставшуюся часть фамильного княжества. В настоящее время нет источников, достоверно указывающих на реалистичность выдвигавшихся против различных верховских князей обвинений в злоумышлении либо измене. Впрочем, становление новых государственных порядков довольно часто сопровождается разного рода кровавыми эксцессами и репрессиями.

Верховские земли довольно быстро превратились в «удалённый рубеж» Московского царства на юго-западной и южной окраинах. Основную тяжесть воинской службы на теперь уже общероссийской границе вынуждены были нести местные силы. Общее положение осложнялось тем, что прежняя поддержка в борьбе с татарской опасностью со стороны Литвы отсутствовала, поскольку Великое княжество Литовское превратилась в соперника и конкурента. Москва же ресурсы, необходимые для организации полноценной защиты новых границ, тратить не могла.

В начале XVI в. территория Верховского (Верхнеокского) исторического региона официально перестала быть русско-литовско-татарским пограничьем, поскольку литовские границы были довольно заметно отодвинуты на запад. Формальная линия соприкосновения русских земель со степными территориями, на которых господствовали крымские татары, также переместилась к югу. Реально же, пограничный характер рассматриваемого региона России сохранялся в течение всего XVI в. в связи с тем, что через верхнеокские земли проходили пути вторжений крымских татар, регулярно грабивших те части страны, которых они могли достичь, а прочность западных рубежей не была высокой.

В первой четверти XVI в. политическая составляющая идентичности Верховских земель, определяемая их «промежуточным» положением между Русью и Литвой, базировавшимся на основе системы межгосударственных договоров и сохранения возможности выбора одного из двух вариантов административно-государственной ориентации, перестала существовать.

[1] Там же, С.321.

Верхнеокские земли полностью стали частью Русского централизованного государства. Основной проблематикой, довлевшей над всеми прочими вопросами, постепенно стала необходимость организации обороны от грабительских набегов. Верхнеокский регион ещё со времён славянской колонизации был вынужден выступать в качестве оборонного рубежа. Специализация эта сохранилась и в новых условиях. Местное население имело многовековой опыт пограничной обороны и продолжало его использовать до тех пор, пока опасное соседство сохранялось. И в XVI в. эти земли продолжали сохранять ощутимые отличия от прочих (в первую очередь внутренних) регионов Российского государства – это неизбежно вело к тому, что система ценностей и взглядов местного населения во многом не совпадала с таковыми у других подданных московского государя, а потому не могла не вести к формированию особой идентичности.

Специфическая военно-политическая, экономическая, социальная, демографическая и административная обстановка, бывшая следствие нахождения верховских земель на путях вторжений крымских татар в пределы Русского государства XVI в., заметно отличавшаяся от положения внутри других частей единой страны, по всей видимости, стала последней по времени своего существования значимой причиной представления рассматриваемой территории как отдельного историко-географического региона.

§ 2. Верхнеокские (Верховские) земли как рубеж обороны

Весьма интересно, что, по данным археологических исследований, схема размещения поселений на территории Верхнеокского региона к моменту его вхождения в состав Русского централизованного государства, по сравнению с предшествующим столетием, не претерпела значительных изменений. А потому приведённая выше карта № 28 продолжала оставаться актуальной, по меньшей мере, до второй трети XVI в., с учётом, безусловно, довольно значительного изменения административных границ.

Как указывалось ранее, центральное место в политической истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона первой половины XVI в.

занимали процессы управленческой ассимиляции и интеграции в состав российского централизованного государства, происходившие на фоне продолжавшейся борьбы с учащавшимися набегами крымских татар. Эта борьба являлась важным элементом региональной истории и, в сочетании с местной спецификой административно-политической организации, отличала рассматриваемую территории от других частей обширной страны.

Особенности статуса верховских наследников (княжат по распространённой терминологии) явно видны при рассмотрении подчинённых им военных структуры. Как известно, верховские князья перешли на службу Ивану III со своими ратями – большими и малыми. И если малые отряды выглядели, скорее, как увеличенная вооружённая свита, то крупные вполне адекватно описывались летописями как «полки». В самом конце XV в. их наличие подтверждается рядом письменных сообщение. О первоначально высоком статусе военных полномочий ряда князей прежних Верховских княжеств свидетельствует большая цитата из разрядной книги от января-февраля 1493 г.: «А Воротынским князем и Одоевским, и Белевским, и князю Михаилу Мезетцкому велел князь великий быти подле передовой полк великого князя, на правой стороне или на левой, где похотят. А не похочет князь Дмитрей быти вместе с братом своим со князем Семеном, и князю Дмитрею быти своим полком подле большой полк, где пригоже. А князю Семену и братеничю его князю Ивану Перемышскому быти подле передовой полк, на правой или на левой стороне, где похотят. А Одуевским князем и Белевским, и Мезетцкому где будет пригоже со князем быть в полку, и им тут быти или где похотят»[1]. Безусловно, такое положение продлилось весьма недолго, но «особость» статуса и положения верховских князей (в особенности Воротынских со «своим полком») на фоне их московских коллег ощущалась ещё несколько десятилетий.

Дальнейший путь этих формирований прослеживается по эпизодическим упоминаниям. В частности, в августе 1496 г. Иван III послал войска «на свейски

[1] Разрядная книга 1475-1598. С.22-23.

немцы… на Корелу да к Новугородку неметцкому на Гамскую землю»[1]. В числе прочих, следует приказ «князем Воротынским, князю Дмитрею да князю Семену Федоровичем, да князю Ивану Михайловичю, быти в левой же руке своим полком»[2]. Именно особый статус верховских князей приводил к тому, что, на фоне стремительно развивавшегося местничества, «…князь великий… написал Воротынского в речи наперед, а Ряполовского после его. А в другоряд написал к воеводам в речи у Ивана же у Ярого по тому же: князь Иван Воротынской да Лобан князь Петр Ряполовской»[3]. А ведь Ряполовские являлись пусть и не очень близкими, но родственниками московских Рюриковичей, потомками прежних Владимиро-Суздальских князей.

Судя по всему, использование войск территориальной охраны (которыми по своей сути воротынские «полки» в значительной мере и являлись) на удалённых от мест постоянной дислокации территориях было сочтено не вполне целесообразным, а потому об их применении на дальнях театрах военных действий информации нет. В то же время их наличие и специфика использования зафиксированы. В частности, разрядная запись за 1508 г. указывает на специфическую особенность применения локальных верхнеокских ратей: «…всем воевода… опричь князя Петра Одоевского… велел итить к Вязьме… А князю Ивану и князю Петру Одоевским с товарыщи… опричь князя Ивана Воротынского, *со всеми людьми, которые с ним посланы*, велел князь великий стоять на Брыни, оберегати украин; а князю Ивану Воротынскому велел итить … к Вязьме же, а в Воротынского место *с теми людьми, которые были с ним*, велено быть князю Петру Одоевскому»[4]. В тексте явно прослеживается разделение людей, составлявших обычное войско, и тех, которые пришли с И.М.Воротынским: они, даже после ухода своего командующего, остаются на месте, получая нового командира из той же династии. По всей видимости, опыт применения местных сил в районе их постоянной дислокации (либо на

[1] Разрядная книга. 1475-1598. С.27.
[2] Там же.
[3] Разрядная книга. 1475-1598. С.33.
[4] Там же. С.40.

небольшом удалении от него) оказался более успешен, нежели чем при их экспедировании на отдалённые территории.

В разрядах упоминаются под 1543 г. «…в Одоеве князь Володимер да князь Александр Ивановичи Воротынские *с своими людми*»[1]. Вряд ли недавно вернувшимся из ссылки после опалы князьям позволили бы набрать собственные вооружённые силы и, тем более, сразу же бы включили их в состав общегосударственной оборонительной структуры без предварительного «прощения». Существование подчинённых своим местным князьям ратников (в отношении князей Воротынских) отмечается даже во второй половине XVI в. Интересными в этой связи представляются упоминаемые в «Жалованной грамоте князя Александра Ивановича Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни» от декабря 1561 г. «люди мои ратные, идучи на службу и с службы, и иные никоторые мои люди проезжие и доводчики», что указывает на наличие в княжестве собственных вооружённых формирований, подчинённых прямо и непосредственно местному князю[2]. Это напоминает о существовавших не так давно назад собственных «полках» верхнеокских владетелей и указывает на продолжение их функционирования в какой-то форме (по крайней мере, внутри фамильных владений Воротынских).

Представляется, что последовавшей в 1563 г. государевой опалы на Воротынских эти формирования явно не пережили, а потому либо были расформированы (что представляется наиболее вероятным), либо включены в состав действующих вооружённых сил. На это косвенно указывает содержание писем князя А.Курбского (первая треть 1570-х гг.), который, упрекая Ивана IV в излишней суровости в отношении верных слуг из родовитых семей, указывал на имевшуюся ранее многочисленность вооружённых сил, подчинённых Воротынским и указывал на их последующее, по меньшей мере, расформирование: «тѣ княжата были на своих удѣлех и великие отчины под собою имѣли, а колко тысящ с них почту воинства было слуг их, им же он зазречи,

---

[1] Разрядная книга 1475-1598. С.108.

[2] Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси// Исторические записки. Том 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. С.130.

того ради губил их»[1].

Таким образом, на протяжении большей части XVI в. наиболее политически значимые потомки верхнеокских князей сохраняли под своим командованием и контролем верные им весьма значительные вооружённые формирования, которые были включены в систему обороны Русского государства в качестве отдельных и особых подразделений. Потеряв статус войск формально суверенных княжеств, они фигурировали в документах в качестве войск князей. Представляется весьма вероятным, что организация их снабжения и обеспечения находилась в ведении их князя-командующего, по крайней мере, в период нахождения на территории удела либо относительно недалеко от него. Следует полагать, что местные формирования принимали участие во всех военных событиях, имевших место на верхнеокских землях до второй трети 1560-х гг., в связи с чем далее производится обзор такого рода действий.

В течение XVI в. Российское государство весьма часто находилось в состоянии войны на своих значительно выросших рубежах, а его военно-политическое положение было очень динамично и переменчиво. Важным хронологическим рубежом, кардинально изменившим ситуацию на южных его рубежах (к которым непосредственно прилегали верхнеокские земли), стала смерть Ивана III в 1505 г. Победы над Большой ордой и подчинение ряда малых территориальных образований Чингизидов на территории Восточной Европы пробудили в крымских правителях «великоулусные настроения и претензии» и поставили крест на относительно равноправном сотрудничестве с Москвой[2]. Отношения Москвы и Крыма (как наиболее успешного претендента на наследие Орды), бывших ранее официальными союзниками, резко ухудшились.

Александр Казимирович полагал необходимым, ввиду силы противника, не нарушать перемирия раньше установленного срока: «…штос я дотычетъ того-то неприятеля его милости великого князя Московского, ижъ бы напротивку ему тыхъ часовъ валки не починати и перемирья не взрушивати… …его милости

---

[1] Курбский А. История о делах великого князя Московского. Издание подготовил К.Ю.Ерусалимский, Перевод А.А.Алексеев. М.: НАУКА, 2015. С.148.

[2] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. С.161-166.

маестать есть тое-то надеи, ижъ коли тыи княжата которую незгоду межи собою будутъ мети, въ тотъ же бы часъ, черезъ ихъ незгоду, къ вальце могли бы ся рушить»[1]. Он полагал необходимым ожидать начала в Москве внутриполитических проблем. Сигналом для крымского хана Менгли-Гирея обратиться к польскому королю и великому князю литовскому Александру с предложением о заключении антимосковского союза стало поражение русского войска под Казанью летом 1506 г. Менгли-Гирей прислал Александру ярлык на владение землями, долгое время находившимися под контролем Москвы, что должно было сделать ведение военных действий против неё юридически легитимным[2]. С аналогичными посылами о начале совместной военной операции прибыл в Вильно казанский посол. Предполагаемый срок начала совместного похода обозначался весной 1507 г. Наряду с прочим, в ходе похода подразумевалась возможность ведения боевых действий на верховских землях.

Реализовать названные планы не удалось по причине смерти короля Александра 19 августа 1506 г.[3] Новый план совместного литовско-польско-крымско-казанского удара впоследствии собрался реализовать его брат и преемник Сигизмунд I, добившийся зимой 1507 г. от сейма согласия на ведение войны с Москвой и направивший послов в Крым договариваться о совместных действиях: «…на который день и на который часъ маетъ царь Мендли-Кгирей, на наше жеданье, людъ свой на великого князя Московского послати… коль царь Мендли-Кгирей помочь нам учинитъ того лета на великого князя Московского»[4]. В Москву было направлено посольство с требованием возврата отторгнутых ранее земель[5]. Василию III удалось к этому моменту убедить Казанское ханство не вмешиваться в русско-литовское противостояние. Выдвинутый России оставшимися членами коалиции ультиматум был отвергнут, что и стало поводом к началу военных действий.

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том первый. 1340-1506. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1846. С.372.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. 1506-1544. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1848. С.4-5.

[3] Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С.164-167.

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. С.8.

[5] Сборник Императорского РИО. Т.35.С.482-483.

Начало войны было неудачным для русской стороны. Был сожжён Чернигов, разорены брянские земли. С юга к верхнеокским городам Одоеву, Белеву, Козельску и Калуге в конце июля 1507 г. подошли отряды крымских татар, разорившие по дороге северские и верховские места[1]. Ответным ударом русская армия совместно с местными верховскими отрядами, которые возглавляли Иван Воротынский, Василий Одоевский и наместник Козельска Александр Стригин, 9 августа 1507 г. нанесла врагу поражение у притока Оки реки Рыбницы. Летописный документ зафиксировал этот русский успех следующим образом: «Того же лета приходили крымские татары …на Белевские места и на Одоевские, и полону много взяли и прочь пошли; и воеводы великого князя... и *своих отчин служилые князья* князь Василий Одоевский да князь Иван Воротынский ходили за ними да их побили, а иных живых поимали, а полон весь отбили; а гоняли их до речки Рыбницы»[2]. Источник подчёркивает «особость» верховских воинских соединений: хотя они выступали совместно с воеводами Василия III, но в документе они обозначены в качестве отдельной воинской силой, не входящей в состав войска великого московского князя. Как видно, современники событий чётко различали факты участия в сдерживании татар военных сил центра и местных верховских регионов. После разгрома крымских отрядов русские войска начали проведение серии операций на литовской территории. Документ свидетельствует: «Того же месяца 14 сентября послал князь великий Василий Иванович всеа Руси воевод своих... к Мстиславлю Литовские земли воевать»[3]. Поход оказался успешным.

Военные успехи русских войск привели к пятилетнему прекращению крымских набегов. В определённой степени притормозил реваншистские планы Литвы в отношении возвращения контроля над землями (деснинскими, верхнеокскими, днепровскими и т.д), потерянными на рубеже веков, и

---

[1] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Из-во ВГУ, 1991. С.50.

[2] ПСРЛ. Т.8 Воскресенская летопись, С.247.

[3] Там же, С.248.

вспыхнувший внутри Литовского княжества мятеж князей Глинских[1]. Казанский правитель Мухаммед Амин поспешил заключить с Василием III мирный договор: «...царь Казанский Магамедъ Аминь посла великого князя Михаила Кляпика отпустилъ… да своего посла послалъ къ великому князю Василью Ивановичю всея Руси о миру и дружбе и о братстве, какъ было со отцемъ его съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичем всеа Руси»[2].

Крымчаки, занятые войной с ногайцами, в русле общей тенденции предложили Сигизмунду заключить с Москвой мирное соглашение. Предложение было принято. Менгли-Гирей согласовал Василию III прежние условия взаимодействия[3]. 8 октября 1508 г. был подписан очередной мирный договор, признавший законными территориальные приобретения Ивана III, но оставивший владения Глинских в составе Великого княжества Литовского[4]. В крестоцеловальной грамоте были подробно перечислены населённые пункты и местности (как относившиеся к вассальным владениям, так и принадлежавшие ранее литовскому великокняжескому домену), которые отошли «государю всея Руси и великому князю», куда нельзя было вступать «Жикгимонту, королю Польскому и великому князю Литовскому и Рускому»[5]. Особо отмечались, помимо прочих, «все мои князи» с «их отчинами», среди которых указаны «и Новосильские князи, и Одоевские, и Воротынские, и Перемышльские, и Белевские, и Масальские князи»[6].

Как известно, этот мир удержался недолго. Задержание в Литве сестры Василия III – вдовы Александра Казимировича, попытавшейся выехать в Москву, московский государь посчитал личным оскорблением[7]. Более того, в 1512 г. вновь активизировались крымские татары. Их отряды под командованием сыновей хана в мае 1512 г. обошли стародубские защитные рубежи и разорили земли вокруг

---

[1] Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. С.79-95.

[2] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись,. 1859. С.252.

[3] Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С.169.

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. С.53-56.

[5] Там же.

[6] Там же. С.55.

[7] Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. С.104-105.

городов Белёва, Одоева, Воротынска, Алексина и Коломны: «Крымского царя Минлигиреевы дети, Ахмат Кирей и Бурнаш Кирей, пришли безвестно на великого князя украйну, на Белевские и на Одоевские места»[1].

Из контекста летописного сообщения следует, что для его составителей верховские (Белёвские и Одоевские) земли безоговорочно предстают особой территориальной зоной русского государства, на которую, в соответствии с историческими реалиями 1512 г., внешние враги могли неожиданно напасть и разграбить. Бывшие Верховские княжества стали окраиной единого государства, по которой проходил передовой рубеж русской антитатарской обороны. Подтверждая такой подход, вторжения татар продолжались в течение всего 1512 года – два из них были отбиты, во время третьего крымчаки прорвались к Рязани и разорили окрестности[2]. Великий князь Василии III «не обращал серьезного внимания …на территорию Поля, по сути дела, отдал его в распоряжение Крымского ханства»[3]. Ещё не существовало регулярной и централизованно координируемой станичной, караульной, какой-то иной охранной службы новых земель. Государственная активность в данном вопросе ограничивалось охраной Подмосковья и поддержанием защитных линий обороны, проходивших по р.Оке.

Институализированное в третьем десятилетии XV в. Крымское ханство довольно скоро превратилось в своеобразное административно-политическое формирование, одним из важнейших источников существования которого (в особенности престижного «сверхпотребления» его элитарной части) стал фактический грабёж своих соседей – Руси, Литвы и Польши, угон в рабство и продажа их жителей («ясырь») на невольничьих рынках. Прочие источники доходов – земледелие и скотоводство – в условиях относительно примитивных способов ведения хозяйства шли, преимущественно, на удовлетворение текущих нужд низших слоёв населения[4]. Эта ситуация в значительной степени

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись, С.252.

[2] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись, С.252-253.

[3] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.68.

[4] См. Панашенко В.В. Кримське ханство у XV-XVIII ст.// Український історичний журнал. 1989. № 1. С.54-64; Івангородський К. Землеробська культура Кримського ханства в XV–XVII ст.// Чорноморський літопис. Миколаїв, 2012. Вип. 5. С.16-22; Прохоров Д.А. Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV-XVIII вв.)// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. научн. тр. Вып. VIII. 2001. С.388-403.

отягощалась, как уже указывалось ранее, пробудившимися претензиями на единоличное наследование Золотой Орде и даже некий державный статус, что создавало дополнительную нагрузку на не очень сильную крымскую финансово-экономическую систему и являлось мощным конфликтогенным фактором в отношениях с соседями.

Крымский хан, на правах легитимного наследника Орды, выдал по старому образцу в декабре 1513 г. Сигизмунду ярлык на владение «ордынскими» верхнеокскими землями, пребывавшими под контролем Московского государства: «Ино как в литовскои земли первые короли и великии князи держали, и сес Жикгимонт, король и великии князь, брат нашъ, нехаи держить, и внучата его, вов покои и в целости: …Мченескь, Любутескь, Тула-городъ, зъ землями, з водами, с приходы и выходы; Берестеи, Ратно, Козелско, Пронско, Волконско, Спаш, Донець, из землями, з водами, с приходы и выходы»[1]. Такой документ придавал определённую степень «законности» шедшим воинственным приготовлениям.

Присланный позже из Крыма (в июне 1514 г.) проект договора также предусматривал: «и брату нашому Жикгимонту королю, великому князю, и его сыномъ, и их наследникомъ, держати вов покои: …Мценескъ, Любутескъ, Тула-городъ, со всими землями, и з водами, и з доходы; Берестье, Ратно, Козлескъ, Пронескъ, Волкона, Испаш, Донецъ, со въсими землями, и з водами, и з доходы. … А которыи городы и волости, земли и воды, московскии подъ братомъ его королемъ и великим княземъ Алексанъдромъ забралъ и поселъ, и теж — Боже вховаи — естли бы которыи городъ подъ нимъ взял, тые городы и волости, земли и воды мы, Мендли Кгиреи царь, з божею помочю вынемши з рукъ московского, маемъ зася королю и великому князю Жикгимонту в его руки дати. Теж на неприятеля его, великого князя московского мы, Мендли Кгиреи царъ, со всими детъми и людми своими, всимъ воискомъ своимъ королю и великому князю Жикгимонту маемъ помочни быти, ныне и завжды, и напотомъ»[2].

Информация о существовании антимосковского литовско-крымского

---

[1] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p.595-596.
[2] Там же. С.606.

договора стала для Василия III поводом объявить войну Великому княжеству Литовскому[1]. Армии вторжения под командованием И.М.Репни-Оболенского, И.Челядинина и последовавших за ними В.Швиха-Одоевского и С.Курбского (два полководца из перечисленных были потомками верховских князей) ворвались на территорию противника и прошли её до Минска, по пути разорив земли вокруг Смоленска, Орши, Друцка, Браславля и Витебска. Смоленск русскими войсками был взят после длительной осады 1 августа 1514 г.[2] Сразу после того сдались и близлежашие города.

Большая русская армия двинулась под Оршу, где неожиданно потерпела сокрушительное поражение: «И одолеша великого князя воевод королёвы воеводы»[3]. Сигизмунд I объявил о разгроме 80-тысячной армии и гибели и пленении 30 тысяч человек, что имело пропагандистское значение, поскольку явно превышало имевшиеся на тот помент мобилизационные возможности Русского государства[4]. Но шесть из одиннадцати больших воевод, тем не менее, попали в плен[5]. Единственным из них вернувшимся домой живым пленником по прошествии 38 лет (в 1552 г.) оказался князь Михаил Голица Булгаков (помимо него возвратился князь Иван Семенович Селиховский)[6]. Ранее сдавшиеся города сразу же вернулись на сторону польского короля. Присягнувшие было Василию III смоляне, во главе с епископом, срочно послали Сигизмунду письмо о верности[7]. Столкновения продолжились.

Весной 1515 г. во главе Крымского ханства стал Мухаммед-Гирей, лично возглавлявший многие крымско-татарские рейды в Поочье. Василию III было предъявлено требование о передаче Крыму северских, верховских и придеснинских городов и возврате Смоленска Литве: « …Смоленскъ къ

---

[1] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.252-253; Краткая история Золотой Орды и татарских ханств. К 750-летию Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С.117-118.

[2] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.253-257.

[3] Там же, С.258.

[4] Лобин А. Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в./ Лобин А. Н. //Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2009 № 1-2. С.75-76.

[5] См. «Именная роспись Московских пленников, взятых литовцами в битве под Оршей»// Акты, относящиеся к истории Западной России. Том второй. 1506-1544. СПб.: Тип-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1848. С.116.

[6] Сборник Императорского РИО. Т.59. СПб.: Типя-я Ф.Елеонского, 1887. С.354-356.

[7] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись, С. 258.

литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ далъ …Брянескъ, Стародубъ, Почапъ и Новой Городокъ и Рылескъ, Путивль, Карачевъ, Радогощъ. …восе же не отдашь намъ нашихъ городовъ, и роту и правду свою самъ нарушилъ будешь»[1]. Напоминалось об уплате «одоевского ясака»: «…те писаные восмь городовъ изъ старины деда нашего были, а отцу твоему … мы ихъ дали по нашему ихъ слову, взялъ Одоевъ въ головахъ, тридцать и пять городовъ изъ старины деда нашего были, а в дефтери посмотривъ уведаешь. …на всякой годъ дараги наши князи наши взимки взявъ, къ намъ привозятъ съ нихъ… бакшеишева сына Девлетъяра… язъ его пожаловалъ одоевскою пошлиною. …и мы бы съ болшимъ съ своимъ посломъ послали къ тебе …и ты бъ и ныне ему велелъ ту пошлину давати»[2]. В Крым был послан московский посол для переговоров. Осознавая собственное превосходство, Мухаммед Гирей выставил множество требований к Василию III (начать войну против Ногайской орды, освободить низложенного казанского хана Абдул-Латифа и т.п.). Послам удалось затянуть переговоры до 1517 г.[3]

В мае 1517 г. «великому королю и великому князю» Сигизмунду было вновь, по проекту докончания, со ссылками на старые договоры и ярлыки, определено право на законное владение многими землями, среди которых были и верхнеокские: «…послал брату своему, великому королю и великому кнѧзю Жикгимwнту, и детемъ его, и потомъкомъ, держати вов покои: … Мченескъ, Любско, Тула-город, со всими землями, и водами, и со всими доходы; Бересть, Ратно, Козелско, Брянско, Олъкена, Испашъ, Донецъ, со всими землями, и водами, и со всими доходы. … И на его неприятеля московского я, Магмет Киреи царь, со всими сынми своими, и з людми, и з воискомъ своимъ королю и великому кнѧзю Жикгимwнту помоч учинимъ ныне и завжды»[4]. Несложно заметить единство формы и содержания этого текста с более ранними.

В августе 1517 г. крымчаки начали вторжение. Противостоявшим им войскам под командованием В.Одоевского, М.Захарьина, И.Воротынского и

---

[1] Сборник Императорского РИО. Т.95. С.153-154.
[2] Там же. С.154, 158.
[3] Сборник Императорского РИО. Т.95. С.150-156, 158, 188-226, 268-315, 352-384 и т.д.
[4] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p.634-635.

И.Телепнева удалось разбить вторгшийся отряд и освободить захваченный полон. Из 20-тысячного состава нападавших в Крым смог вернуться только каждый четвертый. Летописное свидетельство немногословно: «Божьим поможением татар многих побиша, а иные многие Татарове по рекамъ истопоша, а иных живыхъ поимаша ...от 20000 мало их в крым приидоша, и те пеши и наги и босы»[1].

Требования хана в Москву по уплате одоевских денег не прекращались и в августе 1518 г., несмотря на гибель специального посланника, упомянутого ранее: «…мы завсегда къ тебе покойника Девлетъ-Яра посылали. …И мы брата его болшего сына къ тебе посылали… Да пожаловалъ бы еси, одоевской годовой взимокъ прислалъ, какъ еси напередъ того присылывалъ»[2]. Весьма интересно, что контекст сообщения подразумевает исполнение обязательств по уплате в предшествующее время. Грамота от января 1519 г. подтверждает полномочия и личность сборщика, направленного от хана в Москву для сбора «Одоевского ясака»[3].

Набеги с юга превратились, по сути, в систематическое явление, в связи с чем в 1520-1530-е гг. началось постепенное вынужденное формирование территориальной обороны, позднее (к середине столетия) превратившейся в знаменитую систему Засечных черт, призванных ограничить места возможного проникновения крымских и ногайских татар отдельными участками, которые гораздо легче было охранять и оборонять[4]. На гигантской линии, протянувшейся от Нижнего Новгорода до Козельска и Белёва, началось устройство системы гигантских засек (запутанных многокилометровых лесоповалов), рвов и валов, которая значительно осложняла лёгкой коннице, не имеющей обычно сопутствующих инженерных частей, прохождение по каким-либо иным

---

[1] ПСРЛ. Т.8 Воскресенская летопись, С.261.

[2] Сборник Императорского РИО. Т.95. С.522.

[3] Там же. С. 638.

[4] Там же; Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты в районе Тула – Одоев – Белев// КСИА. XXXVIII. М.: - Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С.62-71; Дедук А.В. Засеки на южных землях Русского государства в XVI в. (по данным письменных источников)// Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. Гл.ред. А.В.Малов. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. С.456-457; см. Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века. Автореф…. к.и.н. Брянск, 2009. 24 с.; Бурцев И.Г. Тульские засеки XVI–XVII в.: историко-археологическое изучение// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С.18-19.

маршрутам и позволяла сконцентрировать русские вооружённые силы на отдельных опасных направлениях. Сама идея засек – многокилометровых лесных завалов и земляных валов, затруднявших прохождение кочевников – широко применялась ещё в Древней Руси[1].

Важнейший рубеж обороны Московского государства носил название «Берег» («Береговая служба») и проходил по широтному течению р.Оки. Вдоль реки (в Калуге, Серпухове, Коломне, Переяславле-Рязанском и др.) находились гарнизоны, охранявшие рубежи страны[2]. Присоединение Верховских земель, расположенных ощутимо южнее Берега, через несколько десятилетий побудило приступить к сооружению первой Засечной линии – через Козельск, Белёв, Тулу, Венёв и далее на восток – с устройством постоянных лесных завалов, укреплений и препятствий[3]. Был введен специальный налог для создания и поддержания новой линии укреплений и прилегающих к ним лесов – «засецкие деньги». Новая линия обороны получила название «Засечная черта», иногда её называли «государева заповедь». Черта делилась на звенья – Венёвское, Рязанское, Тульское, Одоевское, Лихвинское, Козельское, Крапивенское и другие – возглавляемые специальным засечным головой. На черте имелась система передовых постов и дальняя разведка[4]. Учитывая территориальный характер размещения сил верхнеокских удельных князей, они являлись интегральной частью этой системы.

В 1521 г. состоялись новые вторжения крымских и казанских отрядов. После переворота и изгнания из Казани союзного Москве хана Шах-Али, казанский стол был занят младшим братом крымского хана Сахибом Гиреем: «…казанские сеити и уланы и князи великому князю Василью свои клятву правду изменили, взсли себе ис Крыму царевичя Сапъ-Гирея царемъ в Казань»[5]. В июле-

---

[1] ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С.25; Синиченко В.В., Черных В.В. Засека – одна из разновидностей первых фортификационных сооружений на Руси// Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2011. № 1 (56). С.108-114.

[2] История военной стратегии России/ Под ред. В.А.Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С.37-38.

[3] См. Карту № 29.

[4] Александров В.А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI-XVII в.//Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. М.: Наука, 1979. С.161.

[5] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. С.37.

августе 1521 г. армией его брата Мухаммед-Гирея (как уже упоминалось ранее) были почти беспрепятственно ограблены окрестности Москвы и угнан большой полон[1]. Но Польша, все больше подчинявшая себе Литву, вступила в войну с Ливонским орденом и также нуждалась в перемирии, которое было подписано на пять лет[2]. Пленных, ранее захваченных поляками, на Русь вернуть не удалось.

Борьба российского государства с татарской опасностью обусловила формирование представления о верхнеокских землях как о новом стабилизировавшемся рубеже обороны от постоянного врага. Верховские земли в новом своем качестве перешли в разряд уязвимых беспокойными соседями украин государства (в Румянцевском списке Казанского летописца имеется фраза «…на Резанъские места и на Тульские и Казелъские и на Воротынские и на бе(ле)вские и на Одоевские украины»)[3]. В этой связи благоприятные перспективы для рассматриваемых территорий с начала 1520-х гг. попросту были маловероятны: будучи спорной зоной Москвы и Литвы, эта земля рассматривалась каждым из оппонентов как собственная, временно занятая соседом, теперь же она превратилась в сферу коммерческого грабительского интереса Крымского ханства, считавшего местных жителей законным источником добычи.

В тоже время, напряжённость русско-литовского приграничного противостояния несколько уменьшилась. После завершения войны 1512-1522 гг. отношения были, в основном, стабильными и, фактически, мирными, не очень часто нарушавшимися пограничными спорами. В ноябре 1526 г. Московское перемирие было продлено: «Приехаша къ великому князю послы Литовьские... от короля Жигимонта… и взяша съ великимъ княземъ перемирье на шесть летъ»[4]. Справедливости ради стоит указать, что обычное взаимодействие обоих сторон сложно назвать добрососедским. Несмотря на татарскую угрозу, русские отряды в

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. С 38; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.69-70.

[2] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. С.43.

[3] См. Сборник Императорского РИО. Т.95. С.18, 68, 103-104,106, 108-109, 117, 121, 124, 142-143, 180, 183 и др.; ПСРЛ. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1903. Стб.397.

[4] ПСРЛ. Т.13. Никоновская. 1904. С.45.

1529 г. и 1531 г. вторгались в пределы Великого княжества Литовского, грабили приграничные территории и уводили полон. Литовские ответы были меньшими по масштабу, но также приводили к человеческим жертвам. В целом, перемирие держалось, хотя противоборствующие стороны были уверены в своей правоте по вопросу принадлежности ранее занятых приграничных городов. Новый конфликт в таких условиях, несмотря на серьезные внешние проблемы, был просто неизбежен.

И вновь крымский хан предоставил ярлык от октября-ноября 1532 г. на формально ордынские владения: «дали брату нашому Жыкгимонъту, королю и великому кнѧзю, и его детемъ, и его потомъкомъ, держати вов покои: … Мъченескъ, Любуцъ, Тулаи-городъ изъ земълями, и з водами, з даньми, и з выходы; Берестеи, Ратно. Козелско, Пронско, Волкона, Спашъ, Донецъ, со въсими земълями и выходы, з даньми и водами»[1]. По завершению перемирия, подкрепив свою позицию полученным ярлыком, в декабре 1532 г. в Москву прибыло литовское посольство. Русскому правительству было предложено вернуть Речи Посполитой Смоленск (также указанный в ярлыке) и заключить вечный мир, что было Василием III отвергнуто. Стороны не стремились возобновить войну, по причине чего следующим посольством договорились о проделении перемирия: «...взяша съ великимъ княземъ перемирие на годъ...».[2] Ожидалось, что потом последует ещё одно годичное продление, но через год, в декабре 1533 г. Василий III умер, а престол перешёл к его трёхлетнему сыну Ивану от Елены Глинской.

Мир с западным соседом не о значал тишину на южной границе – Крымскому ханству постоянно был нужен ясырь для работорговли. Несмотря на многие устные заверения крымских ханов и подписанные ими документы, набеги их подданых на русские земли продолжались и происходили практически ежегодно. Вхождение в состав Московского государства не смогло повысить степень защищенности верхнеокских земель, напротив, татарские набеги из относительно редких событий превратились для местного населения в тяжелое

---

[1] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p.682.
[2] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.279.

постоянное испытание[1]. Ситуация осложнялась тем, что «Крым и шляхетская Польша были естественными союзниками в борьбе с Московским государством. Поэтому на всем протяжении XVI в., после выхода Менгли-Гирея из союза с Василием III, и в XVII в. татары во всех случаях оказывались на стороне последней. Попытки московской дипломатии добиться союза с Крымом против Польши обычно не давали результатов»[2]. Укрепляя западную границу, московскому правительству приходилось постоянно следить за ситуацией на границе южной.

Ранее упоминалось, что в ходе совершенного в 1533 г. вдовой великого князя Еленой Глинской переворота (о чём уже упоминалось ранее) пострадала вся семья одного из лидеров князей черниговского дома Ивана Михайловича Воротынского, названного советчиком беглого князя С.Ф.Бельского: «...князя Ивана Михайловича Воротынского и зъ детми, велелъ поимати князь великии мати его великаа княгини и оковавъ за приставы посадити»[3]. Известия о начавшейся в Москве борьбе группировок за власть подтолкнули литовское руководство к переходу от перемирия к открытой борьбе за ранее потерянные земли. Кровопролитная Стародубская война 1534-1536 гг. стала фактически последней войной «…независимого (хотя и в унии с Польшей) Литовско-Русского государства с Россией»[4]. В сентябре 1534 г. литовской атаке подвергся г.Стародуб. Нападавшие были разбиты. Несколько других столкновений не дали им преимущества, а полученный отпор превосходил ожидаемый. Попытка взятия Смоленска успеха не имела[5]. В октябре 1534 г., после ряда неудач, Сигизмунд I распустил собранное войско.

Тем не менее, юридическая подготовка к войне не прекратилась и Сахиб-Гирей (Сап Кгирей) в апреле 1535 г. предоставил новое докончание «королю и великому князю»: «…брату нашому Жыкгимонъту, королю и великому князю, и

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. 1904. С. 96-97, 99, 102, 111.

[2] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. С.10.

[3] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 287.

[4] Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. С.246.

[5] ПСРЛ. Т.13. Никоновская. 1904. С.80.

детемъ его, и потомъкомъ, держати вовъ покои: … Бченско, с Любско, Тола изъ земълями, водами, и со въсими прыходы; Берестеи, Ратно, Козелско, Бранескъ, Олконя, Избашъ, Донаш—все изъ земълями, водами, и со въсими прыходы»[1]. Всё – в соответствии со старыми образцами, как и обещание отобрать земли у московского «непрыятеля» и вернуть их Сигизмунду.

Ответный удар московской правительницы был масштабен. Первым его этапом стал рейд войск псковского и луцкого наместников на глубину в 300 километров до Витебска, опустошивший литовские земли. Затем большая часть армии Московского государства, освободившись от патрулирования южной границы, двумя колоннами вошла на территорию Великого княжества Литовского. В этот раз основной задачей было получить богатые трофеи и угнать большой полон, с чем армии превосходно справились[2]. Осадой городов русские воеводы особенно не занимались, они были сосредоточены на захвате материальных ценностей и пленных. Взяв большую добычу, русские армии вернулись на свою территорию[3].

Нанесенный Литовскому княжеству материальный и моральный ущерб был велик, а военные действия продолжались ещё несколько лет. На помощь пришла Польша. В конфликт включилось Крымское ханство, претендовавшее на статус официального сюзерена территорий, охваченных столкновениями. Кампания 1535 г. известна как «война трёх воевод»[4]. Многострадальный Стародуб был в результате осады и ожесточённого штурма литовско-польским войском разрушен[5], Почеп и Радогощ сожжены, Гомель оставлен гарнизоном, Брянск, Трубчевск, Карачев и Севск не пострадали[6]. В этот период происходило постоянное маневрирование татарских отрядов в нескольких десятках вёрст от южной границы, которое держало местное население и вооружённые силы в постоянном напряжении: «…имали татарове тульскую украину, Сежу. Тогды же убили князя

---

[1] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p. 703.
[2] ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С.287-289.
[3] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. 1904. С.81-82.
[4] Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. С. 247-249.
[5] ПСРЛ. Т.13. Никоновская. 1904. С.98.
[6] Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. С. 247-249.

Василья Веригина Волконского. Того же лета приходили в Одоев крымские татареве, пришли под город о вечерни, а нараньи прочь пошли»[1].

В течение 1536-1537 гг. шли московско-литовские переговоры[2]. Полностью сторонам договориться не удалось, но в феврале 1537 г. на 5 лет было подписано Московское перемирие, зафиксировавшее обмен территориями[3]. Это соглашение впоследствии дважды продлевалось. Благополучно полученный королём в декабре 1539 г. крымский ярлык на земли Московского государства, выданный Сахиб Гиреем, из верхнеокских земель упоминал только Козельск[4].

Смерть Елены Глинской в 1538 г. вызвала новые потрясения, но в Москве по их завершении сложилась относительно устойчивая конфигурация боярских группировок, с различными вариациями просуществовавшая вплоть до коронации 17-летнего Ивана IV в 1547 г.[5] Молодой Иван был коронован не просто как великий князь, а как царь Московский и всея Руси, что означало заявку самого правителя и всего государства о переходе на более высокий политический уровень.

Ярлык начала 1541 г. на верхнеокские земли оказался, скорее, средством дипломатического давления: «А которые городы, волости, земъли, воды неприѧтель господаръскии московъскии у вотъца его милости, Казимера, и брата его милости, великих королеи, и тежъ в Короля Его Милости несправедъливе через присѧгу свою побралъ, ино царъ Сагапъ Киреи, оземъ Бога на помочъ, маеть тые вси городы в того неприѧтелѧ его милости московъского побрати, и зася Королю Его Милости поотъдавати. … Браньско; Пченско, с Люпско, Тола из земълѧми и водами; Берестеи, Ратно, Козельско, Бранескъ, Ольконѧ, Избаш, Донаш. … со тьмою, и з людьми, и лесы, с пущами, и з городы, и со въсими

---

[1] ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Издательство «Наука», 1978. С.26; ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. 1904. С. 97; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.2. 1506-1544. СПб.: Тип-я II отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1848. С.240.

[2] Сборник Императорского РИО. Т.59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т.II. (1533-1560 г.). СПб.: Тип-я Ф.Елеонскаго, 1887.С.30-108.

[3] ПСРЛ. Т.13. Никоновская. 1904. С.116.

[4] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p.713, 718.

[5] См. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Издательство «Наука», 1982. С.33-44; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Издательство «Наука», 1983. С.14-30; Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.222-346.

приходы, што течет и канеть, къ столцу панъства литовъского»[1]. Перемирие с Литвой было продлено ещё раз в 1542 г.: «…приидоша послы Литовские к великому унязю Ивану Васильевичю всея Русии на Москву от короля Жегеманта… и взяша с великимъ княземъ перемирье на семь летъ от благовещениева дни лета 7050-го до благовещениева дни лета 7057-го»[2]. На западных рубежах возникло некоторое затишье, хотя новый ярлык с прямым указанием на козельск был ханом выписан в сентябре 1542 г.[3]

Борьба с крымцами в зоне создаваемой укрепленной черты велась в 1540-е гг. преимущественно успешно. Отражение набега 1541 г. дало основание продолжить укрепление засек на линии Козельск – Одоев – Крапивна – Тула – Рязань[4]. Происходило постепенное перемещение основного оборонного рубежа с окского «Берега» на многокомпонентную по составу линию Пронск – Михайлов – Зарайск – Тула – Одоев – Белёв – Козельск – Карачев – Мценск[5]. Мелкие набеги здесь обычно успешно отражались без излишнего напряжения: «…церевичь Аминь вышедъ на Поле да отъ отца своего отворотилъ со многими людми на Одоевские места; и князь Володимеръ Ивановичь Воротынской съ своею братьею противъ Татаръ изъ Одоева вышедъ и многихъ Татаръ побиша, а иныхъ живыхъ переимавъ къ великому князю на Москву прислалъ 45 человекъ»[6]. Решительного успеха добиться не удавалось – в 1542 г. на разных участках границы крымскими татарами предпринимались (частично успешные) частые попытки захвата полона, несмотря на шедшие в течение года с Крымом переговоры высокого уровня: «… приходилъ царевичь Крымьскый Иминъ-Кирей съ многыми людми на Северские места… повъевавъ Северу, и прочь пошли. …приходили на Рязаньскые места многые люди Крымъскые…И великого князя въеводы… противъ Крымьскыхъ людей вышли… и Крымьскые люди отъ того дрогнули да пошли изъ великого

---

[1] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p. 722-723.

[2] ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Издательство «Наука», 1965. С.42.

[3] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p. 733.

[4] ПСРЛ. Т.8. Воскресенская летопись. С.295-301.

[5] Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Издательство «Наука», 1974. С.101.

[6] Там же. С.301.

князя украйны вонъ, воевавъ Рязаньскые места»[1]. В декабре 1544 г. внезапный набег опустошил земли вокруг Одоева и Белёва: «…приходил Крымскои царевичь Мин-Гиреи калга, Саипъ-Гиреевъ царевъ сын со многими людьми Крымскими безвестно на украинные места Белевские и Одоевские и… поплениша многих людеи»[2].

Структурные и управленческие изменения, обусловленные процессами усвоения верхнеокских земель управленческим аппаратом Московского государства, привели к относительному ослаблению их обороннных возможностей. Прежние властители, тесно связанные с фамильными территориями, имели весьма заметный оборонительный потенциал и весьма успешно применяли преимущества своего служения «на обе стороны» для привлечения внешней защиты (иногда и от двух великих княжеств). Ныне большинство их потомков было задействованы в иных политических и военных сюжетах внутри Московского государства (а некоторые и «репрессированы»). Традиционная же московская сосредоточенность на окском «Береге» ослабляла внимание к укреплению местных оборонительных сооружений и крепостей, новые же рубежи лишь начинали обустраиваться.

Конец 40-х – начало 50-х гг. – время сосредоточения московских усилий на Казанском ханстве, попытках военного либо дипломатического решения вопросов вокруг него. Тесные династические, религиозные и военно-политические связи Крыма и Казани побуждали крымских ханов к постоянной агрессии в отношении Московского царства, наиболее короткий путь к центру которого лежал через территории возле Верхней Оки. Литовское же направление оставалось относительно спокойным и на нём уже длительный период не было масштабных военных действий. Перемирие было перезаключено в 1549 г.: «…приидоша к царю… послы Литовские от Жигиманта-Авъгуста короля Полского… и говорили о вечном миру. Да о вечном миру не зделали, а зделали перемири на пять летъ…»[3].

Недооценка центральным правительством степени угрозы с юга привела к

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. 1904. С.142, 143.
[2] ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства. С.46.
[3] Там же. С.56.

тому, что в дальнейшем происходил рост числа карательных и грабительских набегов на верхнеокские земли (в 1559-1570 гг. их жертвами стали Новосиль, Мценск, Болхов, Белёв, Одоев, другие местные и соседствующие города). Примечательно, что географически близкие к столице рязанские места, ранее не менее уязвимые в отношении набегов, за тот же период подвергались нападениям ощутимо реже (четыре раза против девяти), что говорит, по всей видимости, о переносе фокуса приложения агрессии на рассматриваемый в настоящей работе регион[1]. Таким образом, в числе негативных последствий включения верхнеокских территорий в состав Московского государства следует указать явное усиление внешней военной агрессии против него, несопоставимой с имевшимися местными и переданными из «центра» обороннными ресурсами.

К середине XVI в. территория региона превратилась в место постоянных сражений. Показательна кампания 1552 г.: «…пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле… …царь (крымский – М.А.) пришел и приступаетъ х Туле, а иные многие люди воюют, а наряд с ними многои и многие янычане Турского. …И не все бо (московские ратные – М.А.) люди совокуплены туто, многие были люди въ Свияском городе для Казани… такоже в Муроме»[2]. Несмотря на разрозненность сил, благодаря быстрой реакции и героизму населения удалось одержать победу: «…приходил царь Крымскои Девлет-Киреи и з сыном с своимъ, а с ним все Крымци и Турскаго многие люди, Турки и янычане, и воиско с ними было великое… …к городу х Туле … приступал день весь и из пушекъ билъ по городу и вогнеными ядры и стрелами стрелял на город и во многих местех дворы в городе загорелися. …царь велел яныченом приступати. …православные христьяне… с нечестивыми бишася, яко от града отбиша и к граду погани ничтоже успеша»[3]. На следующий день, получив весть о подходе русских войск, «…устремишася вси (туляки - М.А.) на безбожных и изидоша из града не токмо воеводы и воины и вси мужи и жены, восприимше мужеску храбрость, и младые дети, и многих Татар под градом поби, и царева

[1] Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье. С.38-39.
[2] ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства. С.83.
[3] Там же .С.83-84.

шурина убиша князя Камъбирдеа и наряд пушешнои, ядра и стрелы и зелие многое на разорение града привезено взяша православнии»[1]. Хан успел уйти. Пленные показали, что поход был обусловлен сосредоточением русских сил на борьбе с Казанью. Следует упомянуть и продолжавшуюся политику выдачи ярлыков на русские (верхнеокские в том числе) земли[2].

Очередной поход Дивлет-Гирея на Русское государство в 1555 г. был обусловлен желанием вернуть под крымский контроль утерянное Астраханское ханство и наказать взявшего Казань московского правителя. Война планировалась обеими сторонами. Сбор русского войска для нанесения удара по Крыму осуществлялся в Белёве, и оно даже выступило в южный поход. Вышедшее раньше татарское войско шло другим маршрутом и армии разминулись в степи[3]. «А людей с ним [с Девлет-Гиреем – М.А.] всех было из иных съезжих 60000»[4]. Русский авангард сумел захватить значительную часть крымского обоза. «Кош» был столь велик, что для охраны табунов и имущества на пути к Мценску пришлось выделять отдельный отряд в 6 тысяч бойцов[5]. Узнав о потере обоза и об опасности окружения, крымский хан принял решение срочно отступать, что стало полной неожиданностью для русских, ожидавших генерального сражения – Иван IV лично прибыл на берег Оки, чтобы выдвинуться к Туле для сражения с крымцами[6].

Столкновение основных крымских сил с одиночным отрядом И.В.Шереметева произошло на Муравском шляхе в урочище Судбищи на р.Любовша 24 июня (3 июля) 1555 г.: «Встретилися с царем в среду в полден на Судбищех, и с царем билися и до вечера, и передовой полк царев и правую руку и левую потоптали, и знамя взяли Ширинських князей, и билися до ночи, и тут стояли полки чрез всю ночь. …И на утро в четверг билися до пятово часу дни, полки на полки напущали жестоким крепким боем и многих крымцов в его

---

[1] Там же. С.84.
[2] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p. 741.
[3] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.116-117.
[4] ПСРЛ. Т.13. Никоновская летопись. С.256.
[5] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.117-118.
[6] ПСРЛ. Т.13. Никоновская летопись. Там же.

полках передовых побили; и царь Крымской своим полком пришел и со всеми людьми да воевод розгромил и людей побил многих»[1]. По информации Никоновской летописи, отряд И.В.Шереметева, без учета людей, отправленных с захваченным обозом, насчитывал около 7 тысяч человек против 60 тысяч крымцев. Русские потери составили, по этим данным, более пяти тысяч[2]. Крымские потери неизвестны, но, судя по всему, были очень значительны. Крымцам удалось на второй день битвы одержать победу, но, опасаясь удара основных сил, Девлет–Гирей приказал срочно возвращаться в Крым: «…назадъ наспехъ шелъ, блюдяся царя и великого князя приходу на собя»[3]. Царь Иоанн Васильевич, узнав о финальной победе хана, притормозил выступление, дав крымцам возможность уйти[4]. Вторжение 1555 г. было остановлено.

Степных дорог-шляхов, по которым происходили вторжения, было немного. Укрепленные города ставились примущественно на их пути. Татарские отряды приходили по установившимся маршрутам – Муравской, Изюмской или Калмиуской сакмой (шляхом) – «под Ливны, Елец, Новосиль, Чернь, Мценск, Болхов и др. украйные города, посему государь приказал поставить на старом Орловском городище на татарской сакме г. Орлов и кроме того два жилых острожка – один при впадении р.Чернавы в Сосну между Ливнами и Ельцом; другой тоже на р. Сосне»[5]. Заметна тенденция преемственности в размещении укреплений: Чернавский острожек, по всей видимости, располагался на месте прежнего Карасу, а Орловский – на месте вероятного безымянного поселения черниговских времён.

В 1555 г. в пределах Верхнеокского региона началось строительство города Болхов[6]. Целью строительства нового города-крепости был контроль традиционной дороги вторжений на Белёв и Козельск, а также прикрытие западного фланга Мценска. Название «Болхов» появилось в разрядных книгах в

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. С.257.
[2] Там же, С.258.
[3] Там же, С.262.
[4] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.121.
[5] Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины. С.54.
[6] Разрядная книга 1475-1598 гг. Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И.Буганова. М.: Издательство «Наука», 1966. С.148.

1556 г.[1] В целом по региону началось активное строительство: восстановление старых и возведение новых крепостей и укреплений[2]. Между крепостями по возможности устраивались засеки (подрубленные на высоте чуть более 50 см деревья сваливались вершинами на юг) шириной около 100 метров, иногда устраивалось несколько линий подобных завалов, устраивались земляные валы.

Следует учитывать, что начало в 1558 г. и продолжение до 1583 г. Ливонской войны отвлекло значительную часть экономических, демографических, военных и политических ресурсов Русского государства от организации и укрепления его южных рубежей, прямо снижало степень боеготовности и обороноспособности «крымской украйны». Продолжалась и выдача Польше и Литве крымских ярлыков на верхнеокские земли[3].

Тем не менее, первые внешние удары новая оборонительная структура успешно выдержала. Подтверждением необходимости строительства именно комплексной системы укреплений стал набег 1562 г., когда «июля въ 6 день, приходил ко Мценску Крымский царь Девлет-Кирей да с ним дети его царевичи калга Магмет-Кирей царевичь да Адал-Кирей царевичь»[4]. Осада и разорение округи Мценска продолжались три дня, а затем «царь пошелъ ото Мценска спешно», а его мурзы «войну роспустили къ Болхову и на Белевские места. Пришедъ тогда ис Карачева воевода Василей Ондреевичь Бутурлин з Болховичи и съ Карачевцы, Болховских местъ воевати имъ не дали, но и во многихъ местехъ въ загонехъ Крымскихъ людей побили и языки имали и полон многой отполонили»[5]. Среди воевод упоминаются братья Воротынские: «боярин-князь» Александр и «слуга-князь» Михаил Ивановичи.

С целью пополнения воинского контингента, центральное правительство начало осуществление программы по переселению в свежепостроенные на верхнеокских землях укрепления служилых людей со «старых» московских земель, а также активизировало испомещивание путем наделении местной (как

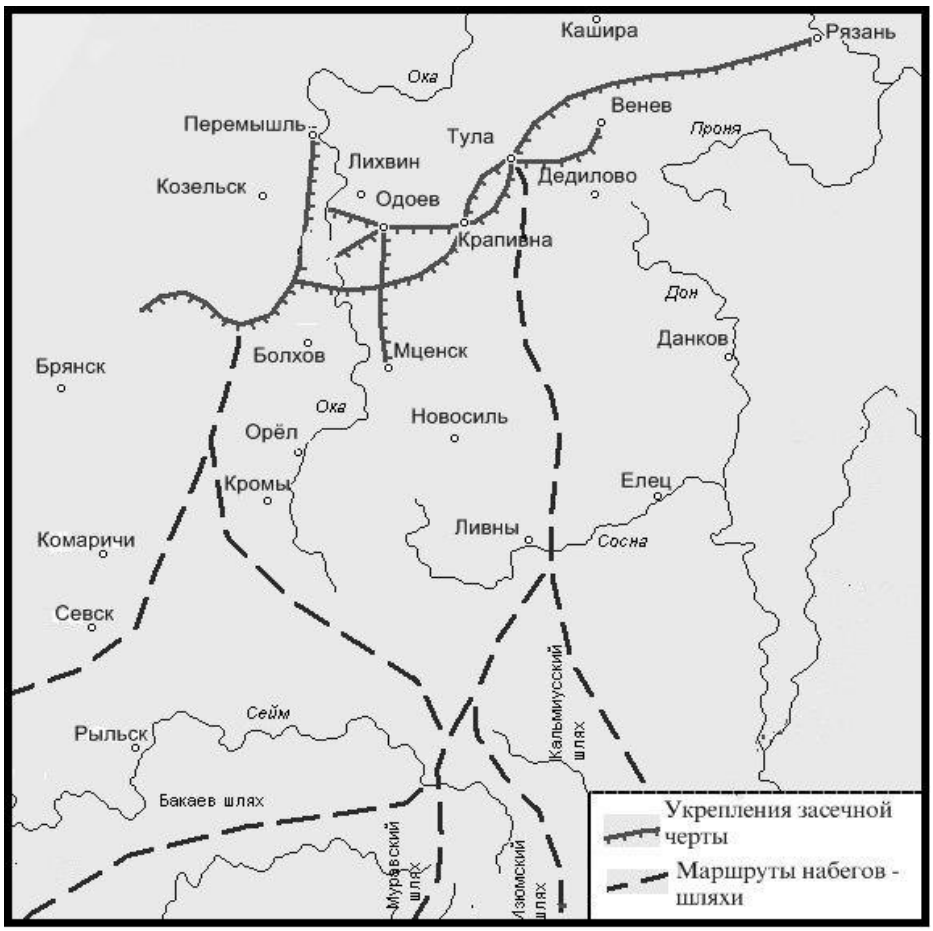
---

[1] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.97.
[2] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнение к Никоновской летописи. С.405.
[3] Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. p. 754.
[4] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнение к Никоновской летописи.. С.341-342.
[5] Там же. С. 342.

уже указывалось, ранее имевшей других владельцев) землёй новых хозяев, обязанных за это военной и сторожевой службой.

Рисунок 30

Большая засечная черта и маршруты татарских набегов в 1560-е гг.



Такая политика вела к значительному росту на верхнеокских землях числа детей боярских, стрельцов и казаков, главная обязанность которых заключалась в обороне указанных территорий от набегов. С 1563 г. в разрядных записях как укрепление вновь начинает упоминаться Новосиль, вероятно, восстанавливаемый под руководством М.И.Воротынского в качестве полноценной крепости[1]. К 1566 г. относят завершение строительства Большой засечной черты, ставшей новым укреплённым рубежом южных границ. (См. Рис.30).

Новая система укреплений в 1566 г. сразу же была «протестирована»: «...Крымской царь идетъ на царевы и великого князя украйны и Верховские Донцы возитца… Октября въ 11 день писали къ государю царю и великому князю

[1] Разрядная книга 1475-1598 гг. С.202.

изъ Болхова воеводы ...что пришелъ Крымской царь къ Болхову... и изъ наряду по городу стреляли и к городу приступали, и князь Иванъ Золотова з детми боярскими изъ города выходилъ и съ ними дело делалъ и языки поималъ, а посаду ближнихъ дворовъ пожечи не далъ, и Крымские языки сказывали, что пришелъ Крымской Дивлетъ-Кирей царь, а съ нимъ дети его калга Магметъ-Кирей царевичь да Алда-Гирей царевичь, а съ ними все Крымские люди. Тогда ж з берегу государевы царевы и великого князя воеводы ...и иные воеводы со всехъ Украйныхъ городовъ и местъ къ Болхову притти поспешили; царь же слышавъ про царевых и великого князя воеводъ и про людей многихъ приходъ къ Болхову и войны не роспустилъ, а Октября въ 19 день, в полночь, царь и царевичи отъ города и прочь пошли. А которые Крымские немногие люди кормы учали добывати въ украйныхъ въ Болховскихъ местахъ, и Божиимъ милосердиемъ техъ людей Крымскихъ побивали и корму имати имъ не давали»[1]. Процитированный документ подтверждает общую эффективность новой системы укреплений. С опорой на её возможности вооружённые силы Московского царства уже могли в определённой степени противостоять агрессору и препятствовать возможным прорывам вглубь государственной территории.

Ранее упоминалось, что накануне набега, весной 1566 г., Иван IV лично проинспектировал верхнеокские земли (не так давно частью изъятые у потомков верховских князей и ставшие частью опричнины), вероятно, желая убедиться в прочности новых фортификационных сооружений, оценить общее положение на границе своего государства и продемонстрировать внимание монарха к нуждам подданых: «месяца априля в тот же в 29 день царь и великий князь ездил в обьезд в Козелеск, в Белев, в Болхов и в иные в украинные места от Крымские украйны; бояром же и дворяном и детем боярским повелел с собою ехати со всем служебным нарядом»[2]. Вернулся царь в Москву из поездки 8 мая, то есть, даже при неторопливом способе передвижения на местах царь пробыл там около полутора недель.

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Никоновская летопись. С.399.
[2] Там же, С.401.

В царствование Ивана IV Васильевича, в том числе благодаря деятельности М.И.Воротынского, были заложены основы сторожевой и станичной службы[1]. В последующее время она претерпевала частичные видоизменения, направленные на то, чтобы сделать её более эффективной. Результаты, полученные службами, знакомили правительство с особенностями новых земель и помогали воеводам окраинных городов-крепостей вовремя принимать меры против татарских грабительских набегов.К числу прямых обязанностей местных служилых людей (среди которых упоминаются дети боярские и казаки новосильские, дедиловские, крапивенские, донковские, мценские, орловские) и жителей близлежаших северских земель стало относиться дальнее патрулирование степных пространств – до рек Орель и Оскол[2]. К ближнему патрулированию (в 50-200 км) привлекались, помимо гарнизонов названных местностей и городов, также люди карачевские, епифанские, тульские, каширские и рязанские[3]. После получения негативного опыта от привлечения местных севрюков к патрулированию на постоянной основе было решено отказаться[4].

Отработанный комплексный подход к решению актуальных вопросов оказался действенным в последующие периоды: «с построением всякого нового города на «польской» окраине в нем учреждается известное количество сторож, которым указываются определенные разъезды. Количество таких городов особенно увеличилось в царствование Федора Иоанновича и во вторую половину царствования Михаила Федоровича»[5]. Территориальное планирование городов производилось заранее: в их границах отводились места под будущие слободы, иногда длительное время не заселявшиеся (например, в Воронеже 1624 г. пустовали земли под ямскую слободу). «Таково происхождение почти всех нынешних селений, называющихся теперь Пушкарными, Солдатскими и т.п.»[6].

---

[1] Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т.I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1890. С.1-5; Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне московского государства, до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. С.11-17.

[2] Акты Московского государства. С. 7; Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе. С.99-100.

[3] Акты Московского государства. С.1, 7, 10-12.

[4] Там же. С.5-6.

[5] Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины. С.108.

[6] Там же. С.60.

Сюда же смело можно добавлять также многочисленные Черкасские, Драгунские и Стрелецкие, до настоящего времени традиционные для этих мест.

Первоначальный успех, связанный с кажущейся надёжностью устроенной Засечной черты дал, по всей видимости, основания московскому государственному руководству полагать, что исходящая с юга военная опасность значительно уменьшилась. Это мнение оказалось ошибочным. Привлечённый сведениями об опричных репрессиях и об эпидемии, ослабивших Русское государство, в начале 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей прорвался к Москве. Пройдя мимо свежепостроенного Орла, крымское войско остановилось по пути на Болхов на Злынском поле, где к нему присоединилась группа местных детей боярских во главе с белёвцем Кудеяром Тишенковым, которые убедили хана, что в условиях отсутствия войска, находящегося в Ливонии, после мора и царёвых репрессий, гораздо выгоднее не грабить провинцию, а захватить богатую столицу[1]. Опричное войско ушло в Ростов, показав неготовность к борьбе со столь сильным противником. Ополчение во главе с Иваном Бельским дать полноценный отпор также не смогло. Столица была сожжена, а хан прислал посла к Ивану Васильевичу с требованием дани: «…прииде царь крымский на Рускую землю. И прежде прииде на Тулу и пожег посады. И от Туле поиде к Оке реке на Серпухов и перелез Оку тут, и пошел к Москве, а у города посады пожег... И прииде царь крымской к Москве и Москву выжег всю, в три часы вся згорела, и людей без числа згорело всяких. …И как царь крымской поиде от Москвы, и прислал послов к великому князю по выход»[2]. Полон, уведённый крымчаками, был очень велик и огромные территории почти полностью обезлюдели. Ответные налёты казаков на крымчаков и ногайцев на этом фоне не выглядели равноценным возмездием.

Летом 1572 г. М.И.Воротынский вместе с земскими и опричными воеводами (отдельно следует выделить Д.И.Хворостинина) приступили к

---

[1] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.165-166.

[2] ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., Наука. 1978. С.191; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.162; Зимин А.А. Опричнина. М.: Территория, 2001. С.239, 271.

организации фактически заново набираемой армии[1]. С Дона пришли казаки М.Черкашина. Общая численность армии составила более 20 тысяч человек. В свою очередь, армия вторжения Девлет-Гирея состояла из 80 тысяч воинов. Иван IV, узнав о приближении крымцев, уехал в Новгород, что значительно облегчило общее командование русской армией, возложенное на М.И.Воротынского[2]. Предпринимались активные действия по увеличению численности войска. Служилые люди первой линии отзывались на Берег для присоединения к единой армии. Собирались бойцы из старых верхнеокских и северских мест, разорённых годом ранее рязанских городов. Общая численность армии была доведена, по различным оценкам, до 50 тысяч человек[3].

Победа в битве при Молодях 2 августа 1572 г. стала вершиной карьеры князя М.И.Воротынского. Прорыв возглавляемого им конного отряда обеспечил поражение более сильного противника, кардинально изменил ход крайне неудачной для России военной кампании против крымско-турецкого войска и, по всей видимости, спас Российское государство[4]. В восприятии народном победа в этой битве и слава за неё были заслугой М.И.Воротынского как главнокомандующего: «А приехал царь Кримскои к Москве, а с ним силы его 100 тысяч и двацать, да сын его царевичь, да внук его, ха дядя его, да воевода Дивии мурза. И пособи богъ нашим воеводамъ Московскым над Крымъского силою царя князю Михаилу Ивановичю Воротыньскому и иным воеводам Московскым государевымъ. И Крымскои царь побежал от них не вирно не путми, не дорогами и в мале дружине. А наши воеводы силы у Крымскаго царя убили 100 тысячь… А было дело от Москви за пятдесятъ верстъ. И того же дни в Новигороди звонили по всем церквам весь день в колоколы, и до полуночи звонили и молебны пели по церквамъ и мастыремвсю ночь»[5]. Безусловно, профессиональные военные оценки

---

[1] Боровиков С.В. Дмитрий Хворостинин и Михаил Воротынский и их роль в истории военного искусства России в XVI в.// Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3.Том I. (Гуманитарные науки). С.9.

[2] Загоровский В.П. История вхождения. С.169-171.

[3] Там же. С.172-173.

[4] См. Ульянов В.П. Князь М.И.Воротынский – военный деятель России XVI в. Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук. Тюмень: 2006. 23 с.

[5] ПСРЛ. Т.30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: «Наука», 1965. С.193.

гораздо сложнее и менее однозначны[1]. В конце концов, победа в битве не спасла потомка новосильских князей от последовавших вскоре пыток по обвинению в колдовстве с целью наслать порчу на государя Ивана Васильевича и от последовавшей смерти[2].

Возвращаясь к оценке экономических результатов присоединения верхнеокских земель к Московскому государству, следует указать, что влияние чрезмерно частых военных действий на развитие территории следует полагать полностью негативным. Став территорией «военного транзита», верховские земли заметно ослабли в экономическом плане. Присоединение к Московской Руси, в такой ситуации, не повлекло за собой какого-либо хозяйственного прогресса. В прошлом зажиточный край, за контроль над которым соперничали Литовское и Московское великие княжества, в XVI в. растерял свое прежнее богатство, превратившись в заокскую («крымскую») Украйну. Оставшееся без привычной поддержки население самостоятельно противостоять внешнему натиску уже не могло, а помощь из центра оказалась явно недостаточной для поддержания прежнего уровня обороны.

Подмечено, что заботы московского правительства о защите того или иного региона страны заметно активизировались там, где активно шло масштабное оформление прав земельной собственности на связанных с центральным московским правительством новых владельцев, получившее наименование «владельческой колонизации»[3]. Эта гипотеза находит своё подтверждение на верхнеокской территории: пока связанные с центром либо непосредственно московские собственники не заняли заметную часть верховских земель, центральное правительство не утруждало себя большими заботами о защите этих территорий и их жителей от татарских набегов.

В то же время представляется поспешным полагать, что активизация набегов в первой трети столетия вызвала полный уход местного населения: об

---

[1] См. Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях в 1572 г.// Исторические записки. 1959. №4. С.166-183; Шейхумеров Амет-хан. Мифологии и реалии битвы под Молодями// Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С.133-154.

[2] Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М.: Наука, 2015. С.148-151.

[3] Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С.13.

этом свидетельствует сохранение городских поселений, в силу своей природы вынужденных опираться на заселённую сельскую округу. Состояние структуры расселения в показательном и близком к столичному региону Тульском уезде до 70-х годов XVI в. было «вполне сопоставимо с центральными уездами»[1]. То же можно говорить о количестве поселений и численности населения – данные последних десятилетий того же столетия демонстрируют полную сопоставимость этих показателей для «заокских» и «центральных» уездов Русского государства (порой даже с ощутимым превосходством первых)[2]. И это при том, что достаточно давно известно о происшедшем в 1570-х гг. (т.е. хронологически после практически полной ликвидации местных вотчин) массовом сокращении численности населения и даже «запустении большого числа деревень»[3].

Крайне негативно повлияли на обороноспособность верхнеокских земель последствия затянувшейся Ливонской войны. Значительная часть тех сил, которые к середине века эффективно контролировали южные земли вплоть до северного Причерноморья, была вынужденно направлена на запад. Длительность военных действий повлекла переброску значительно части материальных ресурсов, необходимых для ведения боевых действий на юге. В результате конец 1570-х – начало 1580-х г. ознаменовался несколькими приходами крымцев на Оку под Орёл, Мценск, Болхов и другие места, грабежами и уводом полона. Дошло до того, что «убили татаровя» новосильского воеводу князя С.И.Конкодинова[4]. Русское государство (и верхнеокские земли в том числе) было в значительной степени – экономически и политически – обескровлено Ливонской войной.

§ 3. Эволюция статуса Верхнеокских земель в составе Русского централизованного государства

Имеющаяся в наличии документарная база не позволяет определить точную

---

[1] Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980. С.119.

[2] Там же, С.126; Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.// Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Выпуск 26. М.: Университетская типография, 1899. С.304-346.

[3] Рожков Н. Указ.соч. С. 304, 343, 354-356; Дегтярев А.Я. Указ.соч. С.124.

[4] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья. С.183-184.

дату прекращения функционирования отдельных Верховских княжеств. Первым обстоятельством, затрудняющим выявление этого момента, является наличие множества «дочерних» относительно Верховских княжеств структур, продолживших своё функционирование в составе Русского централизованного государства: княжеств и уделов (Одоевского, Воротынского, Белевского, прочих - более мелких), наместничеств и воеводств (Мценск, Козельск). Статус каждого из них был индивидуален и специфичен юридически и административно – в зависимости от того, каким он был до вхождения в состав Русского централизованного государства, а также какие особенности сопровождали пути их дальнейшей эволюции: каждое из них имело собственную историю и длительность ассимиляции Московским царством.

Вторым важным препятствующим обстоятельством следует полагать сложность и многокомпонентность изменений: к примеру, модификация путей формирования и вариантов подчинённости вооружённых сил внутри территориально-управленческих единиц (которых было несколько) не была хронологически синхронна с прочими ассимиляционными процессами, а потому шла независимо от изменения обязанностей местной власти по регистрации прав собственности и состояния земельных владений, исполнения судебных, правоохранительных, фискальных функций и т.д. и т.п. Впрочем, для отдельных административных образований относительные и примерные сроки вполне могут быть установлены. Относительно наместничеств, внутренних уделов и поместий сохранившейся документации явно недостаточно. Наиболее же заметные подробности эволюции статуса двух крупнейших княжеств – Воротынского и Одоевского – можно проследить относительно эффективно, благодаря тесной связи последних самостоятельных вотчин с фамилией князей Воротынских (в меньшей степени – Одоевских), оставивших яркий след в русской истории.

Одоевское княжество формально являлось старшим внутри новосильской княжеской корпорации и, соответственно, его правители отвечали за сбор «одоевского выхода», востребованного крымскими ханами и признаваемого государем московским (см. выше). На верхнеокской территории главным

администратором сбора, по всей видимости, достаточно долго официально являлся Иван Семёнович Одоевский, на что прямо указывает текст послания Менгли Гирея Ивану III, полученного в августе 1498 г.: «…Одоевскихъ князей, Иванъ въ головахъ»[1]. Особый статус И.С.Одоевского неизменно подчёркивался и позднее, помещением его в разрядных записях выше прочих представителей новосильского дома[2]. Впрочем, каких-то значимых и ярких событий с этим историческим персонажем в сюжетах, имеющих прямое отношение к Верхнеокскому региону, не связано. Последнее точное его упоминание относится к разрядной записи за 1508 г. В отличие от его брата Василия и сыновей Фёдора и Романа, он уже не упоминается в интриге 1525 г., закрутившейся после получения И.М.Воротынским государева поручения по Одоевской крепости, что позволяет предположить происхождение двух упоминаемых в документах великокняжеских «жеребьев» как перешедших от Ивана Семёновича – главы Одоевского дома и администратора «одоевской пошлины».

Внимательное рассмотрение наличествующих документов позволяет проследить переход бывших одоевских уделов к Воротынским приблизительно в середине третьего десятилетия XVI в. В сентябре-октябре 1525 г. Иван Михайлович Воротынский подал челобитную Василию III с ходатайством о проведении межевания принадлежащих ему четырёх одоевских долей после смерти Петра Семёновича Одоевского: «…государь, пожаловал меня… своими двемя жеребьи, да княж Петровским жеребьем Семеновича, да моим… жеребьем меня… И ты бы, государь, пожаловал, смиловался, велел нам нынече свое жалованье разделити»[3]. Полное содержание челобитной позволяет установить, что после своего помилования в начале года Ивану Михайловичу было дано поручение восстановить крепость Старого Одоева (как вероятное условие получения отошедших великому князю «жеребьев» Петра Одоевского), с чем тот, судя по всему, справился в течение, буквально, полугода: «…пожаловал то

---

[1] Сборник Императорского РИО. Т.41.С.269; См. также Сборник Императорского РИО. Т.35.С.59.

[2] См. Разрядная книга 1475-1598. С.34, 39, 40; Разрядная книга 1559-1605 гг. Составитель Л.Ф.Кузьмина, отв. редактор. В.И.Буганов. М.: Институт истории АН СССР, 1974. С.105.

[3] Назаров В.Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского// Вопросы истории. 1969. № 1. С.211.

городище и за[рубить] велел… город зарубили»[1]. В противном случае, при наличии воли государя, ещё и наследное владение бездетного П.С.Одоевского в виде его части Одоевского княжества, могло быть признано выморочным имуществом и также уйти в собственность великого князя (как уже случалось не раз).

Отношения И.М.Воротынского с Одоевскими («Василием Семёновичем с братаничами /племянниками)») были, явно, не лучшими: «…князь Василей Семенович з братаничи не дадут мне ничего. ...князь Василей, государь, Семенович ежочас говорит мужикам… что мне, твоему холопу, в Старом Одоеве нет ничего, ни одного загона земли, опричь одной стены города. Потому, государь, никаков человек нейдет»[2]. Василий III, судя по копии грамоты, позитивно отреагировал на просьбу челобитчика: «Велел князь великий ко князю Ивану отписать, что посла[ть] хочет деловщика рано по весне»[3].

Таким образом, б*о*льшая часть Одоевского княжества к осени 1525 г. от Одоевских фактически (а, вероятно, с весны-лета 1526 г. юридически) отошла Воротынским[4]. Одоевские же, как упоминалось ранее, довольствовались выделившимся ещё в конце XV в. Лихвинским уделом[5]. Судя по всему, внутренняя автономия и самостоятельность Воротынского и части Одоевского княжеств в тот момент сохранялась на высоком уровне: по меньшей мере, в части осуществления административных, судебных, фискальных, охранных и даже военных полномочий[6].

Иван Михайлович, судя по его насыщенному послужному списку администратора и военачальника, был человеком энергичным и активным, потому неудивительно, что сохранились сведения о нескольких его опалах, две из которых были особенно суровы – ранее упомянутая опала января 1522 г., закончившаяся через несколько лет прибытком в виде одоевских «долей», а также

---

[1] Там же.

[2] Назаров В.Д. Тайна челобитной. Там же.

[3] Там же.

[4] Антонов А.В. К истории удела князей Одоевских// Русский дипломатарий. Выпуск седьмой. [Сб. публикаций и архивных описаний]. М.: Древлехранилище, 2001. С.265-266.

[5] Там же. С. 261-262.

[6] Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М.: Издательство «Наука», 1973. С.332.

ставшие для него фатальными подозрения регентши Елены Глинской в 1534 г. Как указывалось ранее, в последнем случае князь Иван Михайлович Воротынский окончательно попал в немилость, был арестован и вскоре умер[1]. Несмотря на приведшую к смерти опалу отца и собственное задержание, три его сына – Владимир, Михаил и Александр – были по прошествии нескольких лет освобождены и вернулись в разделённые между ними фамильные владения, что косвенно подтверждает признание некой преувеличенности обвинений, выдвинутых против их родителя. Время их освобождения дискуссионно, ясно только, что сразу же после снятия опалы при дворе они быть приняты вряд ли могли быть, а потому суждение об их «внезапном» появлении на службе в 1543 г. в Белёве не вполне верно[2]. Для получения должности, отмечаемой в разрядах, претендент (тем более, претендент из недавно опального рода) должен был, по логике, некоторое время находится «в резерве» – пока к нему будут присматриваться.

В этой связи понятны и узнаваемы имена лиц, возглавлявших перечень присутствовавших на великокняжеских приёмах послов от короля Сигизмунда Казимировича в начале 1542 г. в категории «…князи и дети боярские, которые въ думе не живутъ, а при послехъ въ избе были: князь Романъ Ивановичь Одоевской, князъ Семенъ Ивановичь Трубецкой, князь Володимеръ да князь Михайло да князь Александръ Ивановичи Воротынские. Князи Оболенские…»[3]. Цитируемый документ весьма длинен и содержит несколько десятков человек, многие из которых относятся к числу кровных родственников правящей династии. В то же время указание «въ думе не живутъ» обозначает *непринадлежность* потомков верховских династий к высшему слою московских управленцев.

Получение допуска ко двору также не могло произойти одномоментно и должно было занять, по меньшей мере, несколько месяцев. Потому представляется разумным отнесение момента «реабилитации» Воротынских к

---

[1] ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. С.321.

[2] См. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.138; Разрядная книга 1475-1598. С.105.

[3] Сборник Императорского РИО. Т.59. С.147.

началу 40-х гг., возможно – 1540-1541 гг. Восстановление фамильного статуса происходило медленно, но неуклонно. Несмотря на формальную отнесённость ко второму по знатности слою общества (после царской семьи в широком значении), в своих владениях потомки новосильской династии сохранили права, давно недоступные их высокородным коллегам.

Относительно скоро (в августе 1550 г.) Владимир Иванович Воротынский становится членом боярской Думы при государе, что «означало постепенное включение Воротынских, из числа последних удельных князей, в состав московского боярства»[1]. Е.И.Колычева полагала подобное развитие событий следствием женитьбы Ивана IV на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, двоюродной сестрой которой была первая жена Ивана Михайловича и мать Петра, Владимира и Михаила Воротынских – Анастасия Ивановна Захарьина-Юрьева, умершая в ссылке в 1522 г.[2] Таким образом, Иван Михайлович стал фактически двоюродным свояком самого Ивана IV, братья Ивановичи – двоюродными племянниками царицы и троюродными (внучатыми) братьями царских детей, что сразу же повысило статус всей фамилии.

Уже в декабре 1547 г. Владимир и Михаил Воротынские стали «мещерскими воеводами» большого полка и полка правой руки в рати «царя Шигалея», шедшей на соединение с основной русской армией для похода на Казань[3]. В июле 1549 г. Владимир Иванович – воевода большого полка в Суздале, а его брат Михаил – воевода полка левой руки в Ярославле[4]. В апреле 1550 г. их брат Александр – наместник и воевода рязанский, Михаил – наместник костромской. Оба были постоянно задействованы на протяжении всего года в делах непосредственно «при государе»[5]. В дальнейшем братья стали активно участвовать во многих событиях – командовать ратями, местничать с другими князьями, решать иные вопросы – что было бы невозможным без позитивного к

---

[1] Зимин А.А. Состав боярской Думы в XV- XVI веках// Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. академика М.Н.Тихомирова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С.63-64.

[2] Колычева Е.И. Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в.// Человек XV столетия. Под ред. А.А.Сванидзе и В.А.Ведюшина. М.: ИВИ РАН, 2000. С.121.

[3] Разрядная книга 1475-1598. С.113-114.

[4] Там же. С.121.

[5] Там же. С.124, 128-129.

ним отношения со стороны царя. Михаил Иванович Воротынский в войнах с Казанским ханством и при взятии его столицы приобрёл славу умелого полководца и доблестного воина (характерно подчёркивание летописями его статуса «государева слуги»)[1].

Старший брат Владимир Воротынский стал думским боярином в 1550 г.[2] Весьма значимой оказалась его родь в ходе «боярского мятежа» 1553 г., когда «…разболеся царь и великий князь Иванх Васильевичъ всея Русии, и бысть болезнь его тяжка зело… многимъ чаяти: х концу приближися. …призвал государь бояръ своихъ всехъ и началъ имъ говорити, чтобы они целовали крестъ къ сыну его ко царевичю ко князю Диметрею… велелъ тутъ быти бояромъ своиъ ближнимъ князю Ивану Федоровичу Мстиславскому да князю Володимеру Ивановичю Воротынскому съ товарищи. …у креста стоялъ бояринъ князь Володимеръ Ивановичъ Воротынской, а диякъ Иванъ Михайловъ крестъ держал»»[3]. История эта, связанная с выявлением нескольких боярских группировок, две из которых не желали присягать ребёнку, весьма известна. Роль В.И.Воротынского, организовавшего фактически силовое давление на колеблющихся и недовольных «крестоцелованием» также ярко описана в летописных источниках[4]. Статус рода Воротынских был в результате этих событий весьма упрочен, но самого Владимира Ивановича (успевшего стать «дворовым воеводой) это от смерти в конце года не спасло – вероятно, он нажил себе слишком злопамятных врагов[5]. Следующие годы характеризуются многочисленными смертями думских бояр, среди которых появился и исчез другой Воротынский – Александр Иванович [6].

---

[1] ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства. С.97-99, 102-105, 107.

[2] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А.А.Зимин. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С.54; Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках// Археографический ежегодник за 1957. Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С.63.

[3] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской леторписи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1906.С.523-525.

[4] Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках. С.65-66; ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской леторписи. Так называемая Царственная книга. С.529-532.

[5] Разрядная книга 1475-1598. С.136; ПСРЛ. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Париаршею или Никоновской летописью. С.216; Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках. С.66.

[6] Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках. С.66-72.

Летом 1560 г. умерла царица Анастасия, что сразу же сильно ударило как по позициям её родной семьи Захарьиных (прямых предков Романовых), так и по Воротынским[1]. Считается, что спокойная и рассудительная Анастасия Романовна была одним из немногих людей, которые могли сдерживать холерические всплески московского государя. Недавно проведённый токсикологический анализ её эксгумированных останков практически подтвердил версию об её отравлении некими ядовитыми веществами, основанными на соединениях ртути[2].

Серьёзное воздействие на ход внутренней политики внутри Русского государства оказала Ливонская война 1558 – 1583 гг. Начавшаяся как внешняя военная компания успешными рейдами против Ливонской конфедерации в 1558-1559 гг., затем она переросла в масштабную североевропейскую конфронтацию нескольких военных блоков, затянувшуюся на десятилетия. Происходившие в её ходе победы и поражения оказывали прямое влияние на расстановку внутриполитических сил и ход социально-политических изменений. Многие внутренние потрясения стали, по сути, отражением перипетий затянувшегося внешнего конфликта.

Объявление государевой немилости братьям Воротынским, как уже указывалось в предшествующем параграфе, зафиксировано летописями 15 сентября 7071 г. (25 сентября 1562): «…царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии положилъ свою опалу на князя Михаила да князя Олександра на Воротынскихъ за ихъ изменные дела, и вотчину ихъ Новосиль и Одоевъ и Перемышль и въ Воротынску ихъ доли велелъ взяти на себя, и повеле князя Михаила посадити въ тюрму со княгинею на Белеозере, а князя Александра и со княгинею велелъ посадити въ тынъ въ Галиче за сторожи»[3]. А.А.Зимин полагал, что царю не понравилась недостаточная активность братьев по отражению набега

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской леторписи. С.328.

[2] Головин С.А. Иван Грозный был отравлен? Осмысление результатов химических исследований царственных останков из некрополей Архангельского и Вознесенского соборов московского Кремля// Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 1-23; Панова Т. Д., Дмитриев А. Ю., Борзаков С. Б., Ленник С. Г., Кабирова Г. М., Быченко А. Н., Желтов Д. А., Эдомская М. А., Ижевский П. В. Установление содержания токсичных элементов в волосах первой русской царицы Анастасии Романовны//Токсикологический вестник. 2019. № 3 (156). С.8-12.

[3] ПСРЛ. Т.13. Никоновская летопись. Вторая половина. 1906. С.344.; Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С.218-219.

Дивлет-Гирея, а также их нахождение в номинальном подчинении всегда подозреваемого в попытках захвата власти двоюродного брата государя Владимира Старицкого, женатого на дочери Романа Ивановича Одоевского Евдокии[1]. Как бы то ни было, правителем Новосильско-Одоевской земли стал непосредственно царь Московский Иван Васильевич.

Сложность для исследователя заключается в том, что из имеющихся документов нельзя выяснить – были ли изъятые земли переведены в разряд дворцовой собственности либо они (как в литовские времена) перешли в категорию личной собственности государя и великого князя Московского Иоанна, фактически ставшего ещё и правителем Одоевским, Новосильским и Перемышльским[2]. Имеющиеся документарные свидетельства полностью не исключают вероятность обеих возможностей. Последовавшая передача большей части конфискованных верхнеокских владений в опричнину, которая по инициативе самого Ивана IV трактовалась как «вдовья доля», т.е. фактически частное владение «отрёкшегося от власти» правителя, также позволяет говорит о возможности толкования изъятий как личной собственности «экс-правителя»: «…учинити ему на своемъ государьстве *себе* опришнину, дворъ ему *себе и весь свой* обиходъ учинити *особной*. …на свой обиходъ повелелъ государь царь… городы и волости… Государьство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякие дела земские, приказалъ ведати и делати бояромъ своимъ»[3]. Явное первоначальное противопоставление своего «опришного» как частного и Московского государства как общего многократно рассмотрено в исторических исследованиях.

Известно, что в 1563 г. и в 1566 г. Иван IV вместе с двором совершил объезд верхнеокских земель: «царь и великий князь Иванъ Василиевичь всеа Руси поехалъ въ Оболенескъ, въ Колугу, въ Перемышль, въ Одоевъ строй, а изъ Одоева

---

[1] Зимин А.А. Опричнина. М.: Территория, 2001. С.74.

[2] Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси// Исторические записки. Том 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С.114; Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI - начале XVII вв.// Архив русской истории, Вып. 2. 1992. С.95; Зимин А.А. Опричнина. С.74, 207.

[3] ПСРЛ. Т.13. С.394-395.

въ Белевъ, въ Козелескъ, Въ Воротынескъ, и по своимъ дворцовымъ селомъ въ техъ городехъ. …ездил государь въ Украйные городы отъ Крымские стороны, въ Козелескъ, въ Белевъ, въ Болховъ, въ Олексинъ и в ыные въ украйные места»»[1]. Последовавшее вскоре после первой поездки объявление опричнины прямо повлияло на весь ход русской истории. Симптоматично, что в опричнину Иван IV забрал ещё не оформленную в качестве собственности государства часть верхнеокских земель.

В этой связи мнение о том, что окончательное решение о выделении личного удела стало возможным после личного же наблюдения за жизнью оставшихся внутри единого государства уделов (в том числе Воротынского и Одоевского) и последующего их отбора и даже обмена, отнюдь не лишено оснований: «Иван IV не случайно остановился в первую голову на этих именно городах, весь подбор городов и уездов сложился у него во многом, видимо, на основании личного знакомства с ними. … он самолично объехал Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев старый, Белев, Козельск, Воротынск. …Большинство осмотренных местностей и было сразу же зачислено в опричнину»[2].

Довольно скоро после ареста (но до объявления опричнины) был освобождён Александр Воротынский, который 25 июля (4 августа) 1564 (7072) г. уже местничал с князем И.И.Пронским и обратился по этому поводу к Ивану IV, на что получил письмо непосредственно от царя, в котором тот высказал своё неудовольствие: «…тобе пригоже князя Ивана быти менши. И ты б знал себе меру и на нашей службе был по нашему приказу»[3]. Указание на то, что время государевой снисходительности закончилось, оказалось для Александра Ивановича очень чувствительным и вскоре он, приняв монашеский постриг, скончался в монастыре.

В цитировавшемся уже выше завещании Ивана Васильевича от 1572 г. имеется четыре упоминания владений М.И.Воротынского, два из которых относятся к верхнеокским землям. В частности, указано, что «…князь Михаило

---

[1] ПСРЛ. Т.13. Никоновская . Вторая половина. С.366-367, 402.
[2] Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.С. 114, 305.
[3] Разрядная книга. Буганов. С.210.

Воротынский ведает треть Воротынска, да город Перемышль, да город Одоев Старое, да город Новосиль, да Остров, Черну, со всем по тому, как было изстари»[1]. По всей видимости, это описание относится к более раннему периоду, до конфискации 1562 г., поскольку далее подчёркнуты вотчинные права местных князей, в дальнейшем исчезнувшие: «…князи Одоевские, Оболенские, Воротынские, Трубецкие, Масальские, и их сынове *своими вотчинами* сыну же моему Ивану… А который тех князей и иных детей отъедут от сына моего… и *тех вотчины* сыну моему Ивану»[2].

При перечислении иных верхнеокских территорий и городов, отмеченных в данном завещании (Кашира, Рославль, Венев, Мстиславль, Елец и Елецкие земли, города на Плава и Солове, Мценск, Мосальск, «треть города Воротынска», Калуга, Алексин, Волкона, Козельск, Серенск) и явно находящихся в прямом государственном управлении, термин «вотчина» не используется и не упоминается[3]. Данное обстоятельство подтверждает предположение о явном разграничении (по крайней мере, в отдельные периоды) различных правовых статусов и режимов, действующих внутри, казалось бы, однородного пространства собственности одного владельца.

Столкновение с Литвой (и стоявшей за ней Польшей) при дележе ливонского наследства (во втором периоде войны) привело к первоначально успешному Полоцкому походу, в ходе которого Полоцк был в феврале 1563 г. взят, что стало максимальным успехом русской армии. В следующем году началась полоса неудач – поражения в сражениях, измена командующего армиями А.Курбского, бегство целой группы вельмож и чиновников разного уровня из-за страха репрессий и т.д.[4] Представляется, что в целом хорошая организация Полоцкого похода оказалась возможна лишь из-за личного участия в ней самого Ивана IV. Опасность государева гнева вела к нежеланию проявлять инициативу и каким бы то ни было способом выделяться, выявилась явная

---

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. С.435.

[2] Там же.

[3] Там же. С.435, 437, 440, 442,

[4] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. С.350, 390; Сборник императорского РИО. Т.71. С.322, 468, 778, 806-807; Зимин А.А. Опричнина. С.76, 78-80, 81-84.

нехватка квалифицированного и верного управленческого персонала в армии и государственном управлении, что стало одной из значимых (наряду с множеством иных) причин введения уже упоминавшегося ранее особого порядка управления государством – опричнины.

Официально царь «обиделся» на своих подданых и устроил целое шоу с посыланием грамот митрополиту, горожанам, челобитьем и молебнами[1]. События времён опричнины чрезвычайно насыщены и велики по объёму прямого и косвенного материала, что может привести к чрезмерному «разбуханию» работы. Представляется достаточным упомянуть последствия административно-территориальных новаций этого периода времени для Верхней Оки – переход в опричную часть страны значительной доли верхнеокских земель: «… на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих… городы и волости: …город Козелескъ, город Перемышль два жеребья, город Белевъ, город Лихвин обе половины… И иные волости государь поимал кормленымъ окупом… А учинити государю у себе в опришнине князей и дворянъ и детей боярскихъ дворовых и городовыхъ 1000 головъ; и поместья имъ подавал в техъ городехъ съ одново, которые городы поимал в опришнину; а вотчинниковъ и помещиковъ, которымъ не быти въ опришнине, велелъ исъ техъ городовъ вывести и подавати земли велелъ въ то место в ыныхъ городехъ»[2]. Несложно заметить, что это решение кардинально меняло ситуацию не только для Воротынских, Одоевских и прочих потомков верховских князей, но также и для всех жителей рассматриваемых в настоящей работе территорий.

Наличие «удельного» образца при создании Иваном Васильевичем «опричнины» с ориентацией на «старину и пошлину» позволяет исследователям предполагать, что примеры такого рода «удельных» порядков (которые царю явно нравились в тот момент больше московских) им лично наблюдались в удельном верхнеокском хозяйствовании (его двоюродного брата Владимира Андреевича, а

[1] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. С.392-394.
[2] Там же. С.394-395.

также князей Воротынских и Одоевских)[1]. Первичная ориентация опричных систем управления и хозяйствования на «удельные образцы» делает вероятной сохранение на землях, изъятых у потомков верховских князей (с безусловным изменением имени «державца» и владетеля), правовых режимов, порядков и даже управленцев, функционировавших на них до конфискации у Воротынских и Одоевских, что невольно поднимало статус этих территорий ощутимо выше обычных родовых вотчин – фактически до уровня «уделов» (как это и могло восприниматься их предшествующими и последующими держателями).

Кроме того, представляется, что именно в отношении владений Воротынских (и частично, Одоевских) некоторое время, вполне возможно по мотивам внешнеполитическим, были «актуализированы» (возможно, лишь формально) старые правовые практики, действовавшие в отношении княжих вотчин. Терминологическое совпадение ранней «отчины» как наследуемого княжеского владения («кождо да держить отчину свою») с поздней «вотчиной» как наследуемого родового либо жалованного земельного владения могло создавать впечатление обращения к статусу, более соответствующему «старым» («правильным») порядкам даже несмотря на наличие особого «приговора» от 15 января 1562 г., касающегося специфики правового регулирования княжеского землевладения[2].

С князя М.И.Воротынского, широко известного и авторитетного полководца, «поручная запись» о верности государю была взята лишь через два года после брата Александра (уже умершего к тому времени) в апреле 1565 г. – с той же гигантской суммой в 15 тысяч рублей, с добавлением поручительства «духовных особ» (с подписями наиболее авторитетных церковнях иерархов страны – митрополита всея Руси Афанасия, архиепископов Новгородского, Казанского, Ростовского, епископов Суздальского, Рязанского, Коломенского, Сарского

---

[1] Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. С.304.

[2] ПСРЛ. Т.1. Летопись по списку Лаврентия. С.247; Памятники русского права. Выпуск четвертый. Под ред. Л.В.Черепнина. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV-XVI вв. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С.256-257, 529-532.

(будущий Крутицкий)[1]. 15 сентября 1565 г. (7074 г.) Михаил Иванович был назначен командующим большого полка в Туле, что, вероятно, означало официальное завершение царской опалы[2]. В источниках указан его боярский статус, что А.А.Зимин трактует как следствие ликвидации его прав в качестве удельного князя[3].

Второе по времени датировки упоминание в завещании Ивана IV Васильевича верхнеокских владений М.И.Воротынского повествует именно о «послереабилитационном» периоде последнего и красноречиво не обошлось без терминологической специфики в виде явной юридической архаики: «А что есьми пожаловал князь Михаила княжь Иванова сына Воротынскаго *старою его вотчиною*, городом Одоевым, да городом Новасилью, да городом на Черни, и аз *ту вотчину* взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в *то место вотчину*… а ведает *ту вотчину* князь Михайла по меновым грамотам, по тому жь, *как ведал свою вотчину*… а сын мой Иван в *ту у него вотчину и у его детей* не вступается, а отъедет куда-нибудь, и *та вотчина* сыну моему Ивану»[4]. Речь в тексте идёт о формальной мене землями, имевшей место в феврале 1569 г.[5] Термин «вотчина» используется активно в отношении чётко определённых и явно выделенных территорий с подразумеваемым особым режимом собственности и управления. К государю Ивану Васильевичу переходит именно «вотчина», а не «земли, которые к городу потягло». Следовательно, и права Ивана IV на этих территориях являются, по меньшей мере, двойными – вотчинного владетеля и царя «всея Русии». Архаичность режима указанной «вотчины» подчёркнута использованием древней формулы, свойственной для старинных межкняжеских докончаний XIV-XV вв.: «сын мой Иван в ту у него вотчину и у его детей не вступается».

Интересную информацию о действовавшем статусе сохранившихся «рудиментов» Верховских княжеств дают послания польскому королю

---

[1] Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть VI. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 260-301.

[2] Разрядная книга. Буганов. С.222.

[3] Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках. С.73.

[4] Духовные и договорные грамоты. С.444.

[5] Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских. С.97, 114-115.

Сигизмунду II Августу и великому гетману литовскому Г.А.Ходкевичу, направленные в 1567 г. царём Иваном IV Васильевичем от имени М.И.Воротынского[1]. Авторство Ивана Васильевича в настоящее время общепризнано, хотя тот и пытался выстроить их в форме ответов якобы самого князя М.И.Воротынского на письма короля и гетмана.

Сюжет и содержание обоих посланий из Литвы и Польшы ясны из ответов на них: некто, называемый бывший слуга князей Воротынских «Иван Петрович (Ивашка) Козлов», вёз «листы» многим боярам, в которых писалось о недооценке и притеснениях в адрес М.Воротынского (и ряда других бояр) со стороны московского государя, напоминалось о величии рода великих князей новосильских, указывалось на пагубности разделения страны на опричнину и земщину («для чего сталась есть опричнина и для чего земская, чего з веков давных земли его николи за панованье предков его не бывало»), предлагалось перейти под руку польского и литовского государя («вси нехай едут до вас на имя ваше государьское») и получить помощь «не малыми людей своих и казною своею государьскою»[2]. Явно неслучайная объемность посланий (аналогичные письма, отправленные от имени И.Д.Бельского, И.Ф.Мстиславского и И.П.Федорова существенно короче их аналога, отправленного от имени М.И.Воротынского), позволяет предпринять плодотворный анализ фактической информации, имеющей отношение к настоящему исследованию.

Г.Ходкевич (судя по изложению его послания), предполагал, что причиной опалы князя Ивана Михайловича – отца его первоначального адресата – и возможной причиной начавшейся в 1563 г. опалы его сына Михаила Ивановича была близость границ их владений к литовским землям: «…отчизна удельная нашие милости за Угрою за рекою от Москвы подошла у границы государя… под панство его королевские милости великое княжство Литовское к Севере, для которые яз отчизны свое уделные вмале не пил чаши отца своего князя Ивана

[1] Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С.Лихачев и Я.С.Лурье. Перевод и комментарии Я.С.Лурье. М.- Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С.257-273.

[2] Послания Ивана Грозного. С.243, 251, 257, 258, 266, 267, 274, 275.

Михайловича, которую он пил по зависти государей»[1].

Исходя из полного текста констатирующей части, содержащей не опровергаемые его автором сведения, по состоянию на 1567 г. Михаил Иванович Воротынский, являвшийся на тот момент боярином, членом совета (Думы) при московском государе, воеводой и наместником Казанским, правил Новосильским княжеством как властный правитель («державец»), знатностью рода и предками сопоставимый с предками московского царя: «…род великий з давных предков… годен быти ровное с предками государей наших великих князей Московских»[2]. В цитируемом послании короля, наряду с прочим, подразумевается знатность фамильного статуса князя Воротынского на уровне герцогов Прусского и Курляндского («княжате Прусскому… и княжате Курлянскому во всем нас ровных з ним мети и нам еще наболе всякой чти и достойности причиняте»), а заверено письмо было собственноручной королевской подписью и печатью[3]. В ответе Иван Васильевич от имени М.Воротынского пишет (не вдаваясь в полемические детали), что запустевшую фамильную столицу Новосиль тот восстанавливает на деньги и по поручению московского государя: «…отчину свою по своему достоинству держу. …запустело город Новосиль, ино царьского величества милостию и казною есмя город поставили и… тем городом обладуем»[4].

В послании Г.Ходкевичу указано, что «наш пак род великий будучи надо всеми роды московскими… вышел с крови государьские великих князей Новосилских и до сих часов ведемся своими чинами и обычайми великими («сохраняем в своей вотчине свои законы и обычаи» – см. далее перевод) на отчизне и на уделу своем по прироженному нашему величеству, маючи в себе *свои бояре и воеводы*»[5]. Кроме того, не так давно произошло увеличение владений: «…которая наша отчизна пуста была, и той государьского величества милостию нагорожен есми и тем обладую»[6].

---

[1] Там же. С.266.
[2] Там же. С.357-358.
[3] Там же.
[4] Там же С.361.
[5] Там же. С.366, 435.
[6] Там же. С.372.

Внешний интерес к статусу потомков верховских князей, имевшие многочисленные династические и фамильные контакты на Западе, был хорошо известен при дворе государя всея Руси, а потому особенности их положения отразились в ряде политических документов. Недаром поручные записи от 1565 г. сопровождались более чем впечатляющим списком стран и юрисдикций, запрещённых к «отъезду» для Михаила Ивановича – Литва, Польша, Папский престол, Священная Римская империя, Венгрия, Дания, Швеция, вся Италия, поморские князья, Турция, Крымское и Ногайские ханства, прочие «Бесерменские государства», и даже рука двоюродного брата государя всея Руси князя Владимир Андреевич Старицкий[1]. Более того, для общения с «литовскими послами» весной-летом 1566 г в специальной инструкции особо рекомендовалось озвучивать только официальную информацию: «А нечто вспросятъ про князя Михайла Воротынского, про его опалу… ныне его государь пожаловалъ по старому и вотчину его старую городъ Одоевъ и городъ Новосиль ему совсемъ отдалъ и болши старого»[2].

Следует отметить и продолжение особой трактовки жалованной государем верхнеокской вотчины, которая толкуется как доставшаяся от государя, но пришедшая «от прародителей», что зафиксировано духовной грамотой М.И.Воротынского (от 1566 г. с «приписями» от 1569, 1571, 1572 и 1573 гг.): «…государева жалованье *наша вотчинка от прародителей наших и деда моего и отца моего и моя* … за нами государьская же жалованья *изначальная [наш]а ж вотчина отца и деда нашего и наша* … великий князь пожалует *вотчину нашу старинную*»[3]. Завещание в его основной и ранних частях наполнено отношением к фамильной вотчине как к имеющей особый статус, поскольку она – «от прародителей».

Кстати, сведения завещания об имуществе прямо противоречит информации письма Ивана IV гетману и инструкциям для переговоров. Из них

---

[1] Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть VI. С.263-264.

[2] Сборник Императорского РИО. Т.71. С.345.

[3] Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI - начале XVII вв.// Архив русской истории, Вып. 2. 1992.С.111, 114.

следует, что в 1566 г. под управлением М.И.Воротынского находилась только южная часть фамильной вотчины (Одоев, «на Черни острог», г.Новосиль с прилегающими к ним сёлами), а наиболее развитую и обжитую северную часть (Перемышль с уездом и часть Воротынска с уездом) «…государь …со всем у нас взял»[1]. В завещании М.И.Воротынского также отмечено, что сведения послания об участии казны в восстановлении крепости Новосиля явно преувеличены, поскольку князь полностью потратил свои деньги на государевы дела и практически разорился: «…долгу на мне денежнова много по кабалам и по паметям и безкабально. … одолжал есми в государевех службах и в Литовском походе … сыну моему о том бить челом государю, чтобы государь милость показал долг велел снять»[2].

В качестве возможных причин экономических проблем М.И.Воротынского (помимо прямой конфискации ценностей по указанию государя, на которое прямо указывает завещание) можно назвать два затратных мероприятия. Первое – восстановление фамильной Новосильской крепости, поддержка которого казной, описанная Иваном IV, очевидно была недостаточной. Второе – как прямо указано в завещании – участие в сборах и снаряжении ратей для «литовского похода», усугубленного необходимостью поддержания должного уровня обороноспособности южных рубежей и стремительной последовавшей опалой: «А долгу на мне денежнова много по кабалам и по паметям и безкабально …одолжал есми в государевых службах и в Литовском походе... А что было всяких к тому ходу нарядов и соболей, и то все взято по грехом по моим во государеве опале»[3].

Отдельного исследования этого вопроса не проводилось, но понятно, что, не освобождаясь от содержания войск на южных («противокрымских») рубежах, М.И.Воротынский (как и прочие наследные правители) должен был параллельно снаряжать и многочисленное войско уходящее «в Литву» по указанию царя: «…росписалъ государь бояръ и воеводъ и детей боярскихъ по полкомъ… и запасы

---

[1] Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских. С.111.
[2] Там же. С.112.
[3] Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских. С.112.

свои и конские повеле всему воиньству съ собою имати доволно на всю зиму и до весны, занеже идти и до Полотцка месты пустыми, тесными и непроходными»[1]. Сохранились документы, указывающие на многочисленность отправляемого «с запасом» воинства из земель, подконтрольных Воротынским (как, впрочем, и Одоевским, Мосальским и др.): «в ертоульском полку… воротынцы дворовые и городовые. …В Кременску збиратись… воротынцом… Княж Михайловских и княж Александровских одоевцов и перемышлян 160 ч. …воротынцов дворовых и городовых 110 ч.»[2].

С учётом ухода в Полоцкий поход с царём многочисленных и лучших соседей с «флангов» оборонительных рубежей, ситуация с кадровыми потерями на крымском направлении выглядела совсем печально – ушли «…коширяне дворовые и городовые, туляне, мещяне… коширяне с малых статей, туляне малых статей. …Новагородка Северского, и радогощане, которые лутчи, почапцы з году, брянчане, из Чернигова, и из Стародуба. …карачевцы, болховичи з больших статей, мецняне и казаки, колужане дворовые и городовые. …да козличи, да торушане. В Колуги збиратись …из Северы, новгородка Северского, почапцы, стародубцы, брянчане, карачевцы, болховичи, мецняне, мещане, туляне ис малых статей. …козличам … колужане. …князей служилых… Оболенских 13 ч., Стародубских 7 ч., Мосалских 13 ч…. тулян дворовых 20 ч., городовых 248 ч., мещан дворовых 9 ч., городовых 289 ч. …Да с малых статей будет коломнич 23 ч., коширян 100 ч., тулян 77 ч. И всех будет со царем и великим князем детей боярских московских городов и ноугородцких помещиков, и псковских, и торопецких, и из Неметцких городов, и одоевцов, и перемышлян 4965 ч. …брянчан 85 ч., Новагородка Северского 20 ч. …белевцов 50 ч. …со князем Михайлом Петровичем Репниным детей боярских колужан дворовых и городовых 200 ч. …болхович 170 ч. …А сз боярином Михаилом Ивановичем Волынским детей боярских колужан дворовых и городовых 200 ч. …болхович 170 ч. …з Борисом Сукиным боярских мецнян 164 ч. …со князем Андреем Петровичем

[1] ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. С.348.

[2] Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года// Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С.122, 125, 129,

детей боярских козлич дворовых и городовых 290 ч.»[1]. Фактические потери оборонительной системы «крымской украйны» на всех её рубежах и эшелонах от ухода в царский поход на Полоцк составили несколько тысяч человек, что, по меркам того времени, было очень опасно и крайне дорого – в особенности из-за справедливого и крайне тяжёлого требования иметь значительный объём походных запасов. В этой связи предполагаемое неудовольствие Михаила Воротынского сложившейся ситуацией выглядит вполне обоснованным и вероятным.

Важной государственной функцией, определяющей степень местного суверенитета, является назначение руководящих лиц, подотчётных, в первую очередь, местному князю, выполнение судебных и исполнительных функций, установление, отмена и сбор налоговых платежей, сборов, а также надзор за выполнением иных обязательств подданых в отношении своего суверена. И с этим в особых княжеских «вотчинах» Верхней Оки всё было вполне нормально, в пользу чего говорят результаты анализа «Жалованной грамота князя Александра Ивановича Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни в Перемышле»: в 1547 г. князь А.И.Воротынский, вместе с братьями владевший Воротынским уделом, обладал правом сбора собственных платежей и налогов в денежном и натуральном выражении (даней, «пахоты», «косьбы», «корма» животных, «подвод… на ямы», торговых пошлин), назначения наместников («наместници наши Перемышльские»), осуществлявших судебные функции, и приставов («пристав мой»), выполнявших функции исполнительские[2]. Высшей судебной инстанцией по спорным случаям в княжестве выступал сам князь, в хозяйстве которого также велся учет земельных наделов и участков: «рубеж… земле и тем монастырским слободам с моими землями положен и в мои княже Александровы Ивановича книги написан»[3].

Более поздняя жалованная грамота (декабря 1561 г.) князя

---

[1] Баранов К.В. Записная книга. С. 120, 121, 125, 127, 128, 129.

[2] Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси// Исторические записки. Том 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С.127-128.

[3] Там же.

А.И.Воротынского тому же монастырю демонстрирует ещё большую широту возможностей и полномочий местного владетеля, распоряжающегося не только в Перемышле, но и в Одоеве. К их числу относится учёт и наделение земельными участками: «яз князь Александр Иванович пожаловал игумена… дал им в монастырь список межной за моею рукою и печатью…в список в межной написаны по старым рубежам»[1]. Князь вправе освобождать от налогов, сборов, платежей и повинностей: «к сотским и к пятидесятским и к черным людям не тянут ни в какие проторы, ни в розмисты земские, ни в ямские деньги, ни в посошную службу, и коней моих не кормят, и лугов моих не косят, и всяких моих дел не делают, и подвод у их людей и у крестьян на наши ямы не емлют, и дела городового не делают, и хлеба пищального не дают»[2]. Наместники (теперь «Перемышльские и Одоевские»), осуществляющие все судебные функции, получили указание не судить в отношении монастырских людей ничего, «опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным». Льготы по торговым и транзитным пошлинам, торговле, охоте оставались примерно в прежних рамках, отменялась свадебная пошлина («за новожоную и за выводную куницу») в пользу князя[3].

Грамота упоминает, что актуальное на тот момент межевание земель производилось после смерти старшего брата Владимира по согласованию и договорённости с соседями («после брата князь Володимира разделено у нас с братом со князем Михаилом Ивановичем и со княж Никитою Романовичем Одоевским землею по старым рубежам, и по письму писца князя Василья Ивановича Елецкого с товарищи»), без обращения к каким-либо вышестоящим либо сторонним инстанциям[4]. Таким образом, внешне всё на дату жалования грамот соответствует признакам сохранения высокой степени местных прав и привилегий. Кстати, С.Б. Веселовский, анализируя документ, отмечает явную архаичность (в сравнении с общерусским законодательством) ряда норм (указания на «убитого на поле» (в ходе судебного поединка) и княжеские охотничьи

---

[1] Там же. С.129.
[2] Там же. С.130.
[3] Там же. С.130-131.
[4] Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С.129.

привилегии), при общем совпадении хронологически синхронной юридической терминологии[1].

Безусловно, столь высокая степень самостоятельности не могла долго оставаться незамеченной государством и весьма скоро решением этой проблематики занялись высшие государственные органы, начав с вопроса урегулирования прав на наследование и переход княжеских владений с конкретным упоминанием (наряду с иными) владетелей бывших верховских княжеских вотчин: «Лета 7070-го генваря в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры. Которые вотчины за князьми ярославскими, и за стародубскими, за ростовскими, за суздальскими, за тверскими, за оболенскими, за белозерскими, за воротынскими, за мосальскими, за трубецкими, за одоевскими, и за иными многими служилыми князьями вотчины их старинные, и тем князем вотчин своих не продавать, и не менять, и за дочерьми своими, и за сестрами в приданые не давать. А которого князя бездетна не станет, — и те вотчины имати на государя»[2]. Количество случаев, когда по новому указу вотчина должна была перейти в собственность государя, толковалось отныне очень широко. Более того, покупка вотчины не наследником («иногородцем») оспаривалась задним числом и вела к её конфискации: «до сего государева приговору лет за дватцать и за пятнатцать, вотчины покупили и) или в приданые поймали, — и те вотчины у тех людей поимати [на государя] безденежно»[3]. По всей видимости, существование формально самостоятельных анклавов внутри единого государства начало вызывать раздражение.

К моменту опалы 1562 г. прослеживается высокая степень суверенности «вотчин» под рукой Воротынских, что подтверждается явным наличием собственных вооружённых формирований, самостоятельных судебных, налоговых и управленческих структур. О существовании собственных, весьма крупных по тому времени и преданных, по всей видимости, в первую очередь

---

[1] Там же. С.115.

[2] Памятники русского права. Выпуск четвертый. Под ред. Л.В.Черепнина. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV-XVI вв. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С.529.

[3] Там же. С.530.

своему князю, вооружённых сил у Воротынских (возможно, Одоевских) вплоть до 1562 г. уже говорилось в § 2 настоящей главы[1]. В условиях, когда общая численность мобилизационного резерва всего Русского царства фактически не превышала нескольких десятков тысяч (до 100 тысяч в максимальной оценке при полной мобилизации боеспособного, но не боеготового населения государства) воинов, несколько тысяч обученных, снаряжённых и уже боеготовых бойцов личной гвардии являлись весьма значимой силой[2]. Вполне очевидно, что князь-перебежчик А.Курбский имел все основания полагать одной из причин (наряду со «злонравием» царя) опалы и казни М.И.Воротынского (а также Н.Одоевского) вопрос владения фамильными землями и командования собственными войсками: «…мню… бо еще те княжата были на своих уделех и великие отчины под собою имели, а *колко тысящ с них почту воинства было слуг их*, им же он зазречи, того ради губил их» («…по несколько тысяч воинов было их слугами, а он им, князьям, завидовал и потому их губил»)[3].

Дальнейшая комбинация переходов из «милости» в «немилость», сопровождаемая имущественными и земельными конфискация, пожалованиями, менами, опалами, ссылками и «государевыми поручениями», сопровождавшими постепенную потерю юридических оснований для сохранения самостоятельности и самодостаточности описана как в настоящей работе, так и в ряде исследований[4]. Процедуры, сопровождавшие понижение уровня региональной самостоятельности, применявшиеся центральной властью в отношении местных князей, достаточно хорошо известны.

По всей видимости, специфика и архаичность статуса вотчинных владений Воротынских (которые в переписке этого периода уже не фигурируют в качестве

---

[1] Разрядная книга 1475-1598. С.22-23, 27, 33, 40, 108; Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси// Исторические записки. Том 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. С.130.

[2] См. Лобин А.Н К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. 1/2 (5/6). С.75-77; Кром М.М. Еще раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А.Н.Лобина)// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. 1/2 (5/6). С.87; Пенской В.В. некоторые соображения по поводу статьи А.Н.Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.»// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. 1/2 (5/6). С.102.

[3] Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М.: Наука, 2015. С.148-149.

[4] Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С.403-404; Грязнов А.Л. Происхождение вотчин служилых князей// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. №3(53). С.42-44.

«княжества») была в значительной степени обусловлена внешнеполитической обстановкой. На это влияло сразу несколько факторов. Во-первых, относительная пограничность территории, хорошо известной «в Литве» и расположенной относительно недалеко от актуальных границ, отнюдь не бывших в то время непроницаемыми. Как следствие этого – продолжающиеся контакты с литовскими поддаными, на что указывает упомянутая тема «слуги Воротынских» «Ивашки Петрова сына Козлова», тайно прибывшего «из Литвы», а не некоего западного «засланца», не имеющего на месте собственных связей[1]. В этой связи вполне допустимо предполагать существование не единичного гонца, а целой группы выходцев с Верхней Оки, сохранивших связи не только на низовом уровне, но и *со своим* князем и его семьёй.

Во-вторых, известность там же самого рода князей Новосильских (Одоевских и Воротынских), в бытность их княжеств литовским протекторатом принимавших весьма активное участие в различных литовских внутриполитических сюжетах. Помимо того, практически все верховские князья имели (в отличие от прочих Рюриковичей Московской Руси) многочисленные родственные связи с литовской и польской знатью, что давало весомый для этого времени формальный повод заинтересованности той в их судьбах.

В-третьих, формальное родство Воротынских и Одоевских (по женской линии) с основными ветвями правящей в Русском государстве династии (царица Анастасия Романовна с её детьми и жена двоюродного брата царя Владимира Старицкого Евдокия Владимировна, урождённая Одоевская), что крайне высоко ставило их в существовавшей социально-политической иерархии.

В качестве четвёртого важного фактора следует указать личную славу представителей верхнеокских княжеских родов, неоднократно позитивно (как верные, талантливые, храбрые, умные и т.д. и т.п.) отметившихся в ряде значимых политических и военных событий XV-XVI вв., имевших значение для всей Восточной Европы.

---

[1] Послания Ивана Грозного. С.257.

В подобной ситуации, сопровождавшейся начавшимися военно-политическим проблемами на Западе, управленческому аппарату Московского царства для придания действиям своего монарха юридически подкреплённых обоснований, пришлось обращаться к уже давно забытым и неактуальным докончаниям удельных и великих князей XIV-XV вв., в пользу чего свидетельствует использование архаичной терминологии «о невступлении» князя на землю его вассала[1]. Последствия этого наблюдаются как в переписке Ивана IV с западными адресатами, так и в ряде политически архаичных суждений, прослеживаемых в его духовной грамоте от 1572 г.

Некоторые параллели можно провести между ситуацией на Верхней Оке и положением внутри одного из последних по времени присоединения к единому государству Рязанского княжества – лучшая сохранность сохранившихся и обследованных документов позволяет сопоставить ход процессов «ассимиляции» на Средней и Верхней Оке. На Рязанщине, фактически сразу (т.е. в первые десятилетия XVI в.) произошла смена владельцев, по меньшей мере, половины вотчин[2]. В отличие от этого, как показано в настоящей и ряде иных работ, верхнеокские владетели осуществляли свои полномочия на родовых землях, по меньшей мере, до начала 1560-х гг.[3] Причинами подобного положения явно выступали два основных фактора – большая удалённость верхнеокских вотчин от столицы, переполненной персонами, жаждущими получить максимально большое собственное владение, а также пограничный характер Верхнеокского региона, прикрывшего собой центр Русского государства и отвлекшего на себя большую часть агрессивного напора кочевников, ранее достававшегося рязанским землям. Вряд ли стремящиеся ***«владеть»*** придворные были переполнены желанием ***«сражаться»*** с грабящими земли врагами (на Верхней Оке), когда можно было получить относительно безопасную собственность поближе (на Средней Оке).

---

[1] Духовные и договорные грамоты. С.444.

[2] Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье. С.39.

[3] См. Шеков А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула: Тульская археологическая экспедиция, 1993. 100 с., Он же, Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с., Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. 522 с.; Майоров А.А. Русь Верховская. Очерки славянской истории. Орел: Картуш, 2012. 240 с.

Специфика первоначального опричного режима, рассмотренная выше, позволяет говорить о том, что возвращённая «условно освобождённому» (под поручную запись) М.И.Воротынскому южная часть прежней фамильной вотчины («треть Воротынска, да город Перемышль, да город Одоев Старое, да город Новосиль, да Остров») могла сохранять особенности режима именно «вотчинного» управления, с опорой на прежние нормы, обычаи и кадры, в пользу чего свидетельствует явная успешность деятельности по восстановлению укреплений Новосиля и комплектованию территориальных вооружённых формирований, что было бы невозможно в случае их организации «с нуля» в условиях практически полного финансового разорения князя Михаила Ивановича. Впрочем, восстановлению прежнего управленческого режима это помочь не могло (даже возможно повредило) поскольку подчеркнуло лучшие (нежели у государя) организаторские навыки князя. Летописи отмечают первоначальную вынужденную похвалу и последующий царский гнев после победоносной битвы при Молодях 1572 г.: «…государь пришел к Москве, и бояр и воевод Михаила Ивановича Воротынскова с таварыщи по достоянию почтил; последи же похвалы ради люцкие возненавидев Воротынъскова и измену возложив, свершити его повеле»[1].

В 1573 г. М.И.Воротынский в последний раз был отмечен разрядами как командующий на южных рубежах с базированием в Серпухове: «В болшом полку боярин и воевода князь Михайла Иванович Воротынский»[2]. Смерть его последовала в том же году: «…царь и великий князь положилъ опалу на бояръ и воеводъ, на князя Михаила Ивановича Воротынскаго да на князь Никиту Романовича Одоевскаго да на Михайла Яковлевича Морозова, велелъ ихъ казнить смертною казнию»[3]. Блистательная карьера один из лучших российских полководцев середины XVI в. князя Михаил Ивановича Воротынского и его родственника (боярина, воеводы и тестя царского кузена Владимира Старицкого)

---

[1] ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. С.225.

[2] Разрядная книга 1475 – 1598 гг. С.250.

[3] Синбирский сборник. Разрядная книга 7067. С.39; Разрядная книга 1559-1605 гг. Сост. Л.Ф.Кузьмина, отв.ред. В.И.Буганов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. С.95-96.

Никиты Романовича Одоевского окончательно завершилась. С этого момента следует полагать законченной и историю самостоятельного Верхнеокского (Верховского) исторического региона. Хотя потомки верховских князей разной степени влиятельности и после оставляли заметные следы в истории России, но они уже не были столь же чётко привязаны к рассматриваемому региону, а признаки местного суверенитета, рассмотренные неоднократно выше, полностью исчезли.

Впрочем, даже после своей смерти Михаил Иванович периодически досаждал царю и великому князю московскому Ивану IV Васильевичу, о чём последний писал в своём послании 1573 г. братии Кирилло-Белозерского монастыря – монахи, по мнению государя, излишне хорошо отнеслись к захоронению полководца и верхнеокского князя и даже (на пожертвования его вдовы) поставили памятную церковь: «А вы се над Воротыньским церковь есте поставили! Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чюдотворец за церковию! И на Страшном спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче. …се сотворила княгиня Воротынькаго»[1].

В течение XVI в. русское государство смогло реализовать целую серию весьма амбициозных внешнеполитических действий: территория страны к середине столетия была значительно увеличена, в том числе на наиболее трудном для продвижения западном направлении – под контроль Москвы перешли и прочно закрепились земли всех Верховских княжеств. Верхнеокские территории, на протяжении всей своей славянской истории сохранявшие собственную специфику, окончательно утвердились в своём российском политическом статусе. К последней четверти XVI в. территория прежнего Верхнеокского (Верховского) исторического региона стала неотъемлемой частью Российского государства, хотя его исторический путь, под воздействием различных политическими, династических, оборонных интриг и тенденций, оказался весьма сложен,

[1] Послания Ивана Грозного. С.173.

причудлив и извилист. Отдельные небольшие элементы местной специфики продолжали иногда проявляться довольно долго после исчезновения самих Верховских княжеств. По данным изучения писцовых книг, в частности, «...окончательно центральные земли Волконы были потеряны потомками одноименных удельных князей только в 20-е годы XVII в.»[1]. Это лишний раз подтверждает тезис о сложности и нелинейности протекавших на рассматриваемых территориях исторических процессов.

Как бы то ни было, ассимиляция оказалась успешной: насущные задачи, решаемые населением прежней Верховской земли в середине XVI в. совершенно не отличались от такого же рода вопросов, стоявших перед жителями прочих «украинных» и «польских» российских территорий. Избежавшая эмиграции и гибели местная элита к этому времени полностью растворилась внутри высокопоставленных слоев Московского государства и никак не была связана с землёй своих предков.

Прежние физико-географических характеристики рассматриваемой территории не изменились, но былые транспортные преимущества, являвшиеся одной из естественных причин возникновения отдельного исторического региона, в рассматриваемый период практически утратили свою экономическую значимость (хотя на фоне «старых» московских владений местная экономика выглядела вполне успешной). В середине XVI в. общий уровень экономического развития так называемого Заокского края (включавшего в себя Калугу, Воротынск, Козельск, Кременеск, Лихвин, Медынь, Мещовск (Мезецк), Мосальск, Опаково городище, Перемышль и Серпейск) полагался весьма высоким (он описан давно населённым, плодородным и торговым)[2]. Сопоставимыми экономически выглядят и расположенные в ещё более плодородной зоне Украинные города – Алексин, Болхов, Белёв, Дедилов, Карачев, Крапивна, Кром, Мценск, Новосиль, Одоев,

---

[1] Дедук А.В., Шеков А.В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628–1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С.39.

[2] Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. Издание третье. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1910. С.72-73.

Таруса, Тула, Чернь и свежепостроенный Орел[1].

М.Н.Тихомиров (вслед за П.П.Смирновым) обоснованно указывал на крайнюю скудость имеющейся информации об экономическом развитии «Северских и Заоцких земель»[2]. Он объединял верхнеокские земли XVI в. с брянскими в некий «Заоцко-Брянский край», отмечая ряд общих черт, присущих различным его частям: «…городища Заоцкого края отличаются исключительно большими размерами», «…прочно утвердилось трехполье», «…бортные ухожаи и рыбные угодья в этом крае имели еще большое хозяйственное значение», «…край представляется районом, где крестьяне жили еще в относительной льготе, где сохранялись бортные, рыбные и другие угодья, к которым имели доступ крестьяне»[3]. Перечень городов края, данный М.Н.Тихомировым, включает Калугу, Лихвин, Белёв, Болхов, Карачев, Новосиль, Одоев, Мещовск (Мезецк), Мосальск, Серпейск, Козельск, Перемышль: «свидетелями прошлого этих городов являются старые валы и каменные церкви»[4]. Автор несколько противоречит себе, говоря о незначительности региональных экономических и демографических масштабов и возможностей, поскольку финансирование местного строительства в «домосковский» период шло исключительно за местный же счёт, что подтверждает возможность прежних Верховских княжеств самостоятельно аккумулировать на своём уровне (с учётом отмеченного благополучия ***неразорённых*** поборами крестьян) финансовые запасы, позволявшие вести масштабное строительство. Отдельно рассмотренный М.Н.Тихомировым «Тульский край» имел ряд специфических черт, связанных с более полным его административным «освоением»[5].

Экономическая развитость верхнеокских земель косвенно подтверждается последующим утверждением здесь уездной формы административного управления, бывшей обычно завершающим результатом весьма сложной процедуры и являвшейся в российской практике конца XVI в. свидетельством

---

[1] Там же. С.73-74.
[2] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С.12.
[3] Тихомиров М.Н. Там же. С.371,373, 374.
[4] Там же. С.376.
[5] Там же. С.379-391.

состоявшегося хозяйственного освоения и заселения земель: «Основание города еще не делало прилегавшие к нему территории уездом. Город мог существовать и на правах «государевой крепости», причем достаточно длительный срок»[1]. Следовавшая за постройкой города раздача пригородных земель в собственность служилым людям, не облагаемых податями, не означала превращение территории в уезд. Наиболее важным и значимым этапом государственного освоения территории в XVI в. было появление на ней податного земледельческого населения и последующая фиксация такового в писцовых либо дозорных книгах (в частности, первые описи новообразованных Орловского и Болховского уездов могут быть отнесены уже к 1560-м гг.)[2].

Проведение процедуры «описания» нового уезда, благодаря которому можно было производить расчет государственных повинностей, подчеркивало его значимость в системе государственного управления. Администрация сформированных таким образом уездов, в лице городовых воевод и приказных изб при них, выступала в качестве государева представителя на местах и осуществляла административное руководство территорией. Также уезд выступал в качестве отдельной мобилизационной единицы. Именно такие уезды сформировались на рассматриваемой территории к началу XVII в. Их формирование не встречало трудностей, так как эти земли были освоены и заселены многие века назад. Некоторые их части лишь временно запустели в результате набегов, но они никогда полностью не исчезали.

Новые административные единицы и их границы демонстрирует карта (рис.31), составленная на основании результатов исследований известного специалиста в области исторической географии Я.Е.Водарского[3]. На карте видно, что территория Верхнеокского (Верховского) исторического региона в начале XVII в. делилась между уездами: Болховским, Воротынским, Мосальским, Мещовским, Мценским, Новосильским, Орловским, Кромским, Ливенским,

---

[1] Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье. С.15.

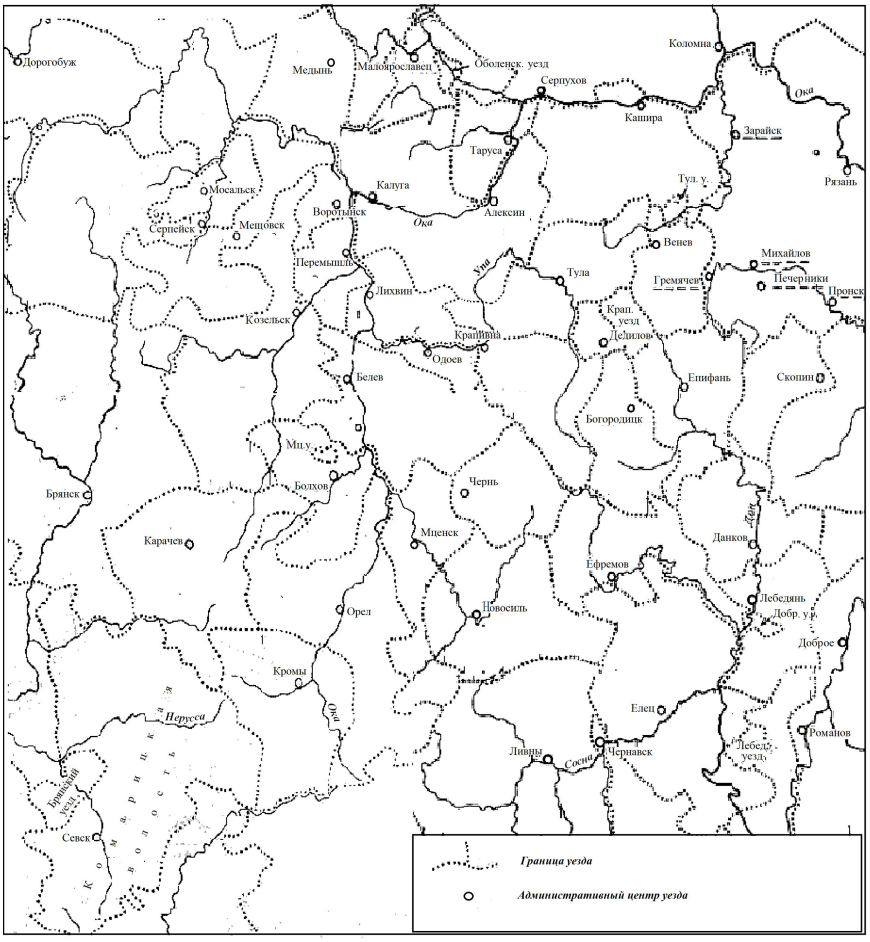
[2] Смирнов Павел. Орловский уезд в конце XVI века по Писцовой книге 1594-5 г.г. Киев: Тип-я Императорского Университета Св.Владимира, 1910. С.16-17.

[3] См. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М.: Наука,1977. С.256-259.

Карачевским, Кромским, Елецким, Белёвским, Козельским, Лихвинским, Крапивенским, Богородицким, Серпейским, Ефремовским, Тульским и Севским, частью которого была относящаяся к числу дворцовых Комарицкая волость.

Рисунок 31

Верхнеокские и прилегающие земли в начале XVII в.



Значительная часть уездных центров являлись новопостроенными и новозаселёнными крепостями, что позволяет сделать вывод о явном доминировании военно-административной системы над прежними владельческим делением. Включив верхнеокские территории в свой состав ещё в начале XVI в., московское государство, отвлечённое на решение иных проблем, не смогло решить задачу по обеспечению их внешней безопасности. Централизованное формирование засечных линий активно развернулось лишь с 1560-х гг., причём первоначально - на самом севере присоединённых земель (по линии Белёв-Тула-Рязань). На протяжении нескольких десятков лет огромные территории новых (и весьма населённых) южных уездов оказались предоставлены практически в

полное распоряжение крымско-татарских «сюзеренов», которые не преминули сразу же воспользоваться открывшимися перед ними возможностями.

Представляется, что известные для первой четверти XVI в. попытки «отъезда» представителей ряда знатных родов в Литву и Польшу (реальные либо мифические) могли, в определённой мере, *ожидаться* руководством страны как следствие явного понижения прежнего уровня безопасности верхнеокских территорий, вызванного недостаточным вниманием государства к решению реальных проблем местного населения. Столичные верхи постоянно подозревали знать местного происхождения в стремлении к «отъезду», поскольку сами москвичи, вероятно, с трудом представляли честную службу в опасных местах постоянного проживания: объективная реальность южного «русского фронтира» вполне могла бы стать основой формирования критического отношения как к действующей власти, так и к оценке правильности сделанного ранее исторического выбора. Логичным же следствием такого положения могло бы быть не вполне лояльное отношение жителей верховских земель к административному центру, поскольку включение всего Верхнеокского региона в состав Российского государства стало косвенной причиной роста числа количества грабительских набегов, а затем – постепенного сокращения численности местного населения и понижения уровня благосостояния.

Передачи старых «отчин» потомкам прежних владельцев не решали вопроса ввиду подспудного взаимного недоверия (свидетельством чего служат периодически возникавшие «изменные» разбирательства), что вело к понимаемой ненадёжности такого рода «приобретений». Для пришлой элиты участие в обороне территории было неудобной и тяжёлой нагрузкой, отягощённой отрывом от московского великокняжеского (впоследствии царского) двора. У центрального правительства, занятого более важными для него внутренними вопросами, явно не хватало сил и ресурсов для удержания новой протяжённой границы. Чёткое понимание значимости «центра» и вторичности «окраин» в условиях небогатого государства, вело к распределению заботы в пользу первого, оставляя вторые в течение всего XVI в. без должной защиты. Вследствие того,

шло постепенное сокращение численности местного населения из-за активизации набеговой активности крымских татар, особенно ощутимых по причине наблюдаемого падения роли местных элит в организации отпора грабителям и людоловам.

На протяжении XVI в. основную часть населения рассматриваемых верхнеокских территорий составляли потомки прежних жителей. На протяжении всего периода, последовавшего за присоединением Верховских земель к Московскому государству, не было зафиксировано ни одного сколько-нибудь заметного выступления, основанного на сепаратистских (к примеру, полонофильских) устремлениях – несмотря на все сложности и проблемы, население этих земель продолжали считать нахождение Верхней Оки в составе России легитимным и правильным. Это означает, что вопросы по практически полной ассимиляции Верхнеокского исторического региона решались, в целом, успешно.

О конкретных особенностях быта и численности населения судить весьма сложно, так как статистический учёт в этих территориях новой верховной властью в первой половине XVI в. не вёлся. Вместе с тем, косвенные признаки, в числе которых уже упомянутое ранее учреждение на этих землях во второй половине XVII в. уездного звена административно-управленческой системы, позволяют говорить о нескольких десятках тысяч лиц, занятых преимущественно в сельскохозяйственном производственном секторе, являвшимся основой тогдашнего способа организации жизни и экономики.

Прояснение вопроса о продолжениии либо завершении существования в составе Русского государства прежнего Верхнеокского (Верховского) исторического региона основывается на решении задачи о подтверждении существования в местном социуме неких признаков либо внутренних связей, объединяющих его и формирующих некую местную самобытность, проявляющуюся, в первую очередь, через их отличие и противопоставление соседям. Прежнее пограничное состояние, которое представляло собой скорее нахождение в зоне контактов разного рода и ранее (к примеру, на рубеже I - II

тысячелетий) выступало в качестве преимущества, к середине XVI в. полностью исчезло. Оно превратилось в пограничность опасного и настороженного фронтира, постоянно переходящего в боевую реальность.

Постепенно (после введения и отмены опричнины, конфискаций, реорганизаций, мен и наделений землёй, и т.п.) здесь закрепилось новое административно-территориальное деление, основанное на системе уездов. Прежние центры княжеств потеряли своё прежнее значение, став в один ряд с новыми центрами – Тулой, Орлом, Калугой, Болховом и т.д.[1] Попытка сопоставления прежней вятичской территории с административным делением начала XVII в. не позволила выявить между ними какую-либо преемственность или связь: новое территориальное деление, в отличие от предшествующих периодов, преимущественно решало вопросы управленческой унификации и укрепления обороноспособности единого государства. Географически соседствующие территории в их внешних взаимодействиях были, зачастую, более тесно связаны с Москвой, нежели со своими соседями, в силу отнесения к различной приказной подведомственности.

На территории, прежде занятой Землей вятичей, позднее – северо-восточными волостями Черниговского княжества, а затем – Верховскими княжествами, к XVII в. сложилась ситуация, исключившая возможность формирования каких-либо единых местных центров силы. Равномерное распределение уездов было обусловлено, прежде всего, не особенностями исторического развития той или иной части рассматриваемых земель, а удобством административного и фискального управления ими из столицы. Наряду с прежними центрами отдельных княжеств (Белёв, Одоев, Воротынск, Таруса и т.д.), уездными центрами стали вновь образованные или восстановленные поселения (Орёл, Тула, Ливны, Чернь и т.д.), географически удобные в качестве центров военного и административно-фискального контроля вновь образованных уездов[2].

---

[1] Подчасов Н.А. Система обороны южных границ России второй половины XVI в. в зеркале разрядных источников// Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С.191-201.

[2] Ляпин Д. А. Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков// Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2017. Выпуск № 3. С.57-60.

Попытки выявить некие самобытные и независимые от централизованной управленческой вертикали значимые связи, потенциально способные подтвердить возможность сохранения, пусть и в меньшей степени, некоего значимого единства рассматриваемого региона (без учёта фольклорно-этнографических особенностей) оказались, по мнению автора работы, безуспешными. Следствием данной ситуации является признание факта, что не позднее третьей четверти XVI столетия Верхнеокской исторический регион как самостоятельный исторический феномен окончательно прекратил своё существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении истории Российского государства в его состав время от времени включались разнородные территории, не объединённые до того какими-либо прочными связями. По мере укрепления административного, экономического и культурного единства отличия таких регионов друг от друга постепенно уменьшались, что весьма наглядно при рассмотрении российских регионов, населённых неславянским населением. В то же время, и некоторые крупные восточнославянские земели, несмотря на процессы русской этнической консолидации, долго сохраняли особые исторические, культурные, лингвистические и иные черты, которые, будучи обусловлены спецификой их развития, позволяли явно отличать их от соседей и характеризовать как отдельные исторические регионы. Верхнеокский (Верховской) исторический регион, располагавшийся на землях, прилегающих к бассейну верхнего течения р.Ока, в отличие от ряда других российских исторических земель (как, например, земли новгородские, смоленские, рязанские и т.д. и т.п.), до настоящего времени не получил признания в качестве самостоятельного территориально-политического субъекта российской истории. В то же время, данная территория в ходе своего существования выделялась рядом отличительных черт, являвшихся отражением специфических характеристик, ставших следствием особенностей её исторического развития и географического расположения.

Основой настоящего исследования является синтетический анализ хронологически синхронизированных источниковых данных, результатов различных исторических исследований, а также выводов и заключений, полученных научной археологией, физической, экономической и исторической географией, рядом иных научных дисциплин. Применение собранных данных позволило конкретизировать разнообразные теоретические построения, имеющие отношение к различным хронологическим, политическим, социальным, этническим и ряду иных аспектов исторического пути рассматриваемой территории: о транзитном потенциале территории, о ходе её заселения славянами,

о широком этническом взаимодействии различных волн переселенцев с автохтоннным населением, о последующем воздействии на вновь возникшую этнополитическую общность со стороны соседних государственных формирований (Руси, Хазарского каганата, Улуса Джучи (Орды), Великого княжества Литовского, Московского княжества и Русского государства) и т.д. и т.п. Комплексное применение различных исторических, историко-географических, археологических и экономико-географических методик позволило сформировать непротиворечивую картину возникновения, развития и постепенного исчезновения достаточно крупного исторического региона России - Верхнеокского (Верховского). Настоящее исследование не претендует на окончательность, всеобъемлющую полноту и исчерпание возможности дальнейшего рассмотрения заявленной проблематики, но, по мнению автора, позволяет использовать его опыт и опробованные здесь методологические приёмы в качестве дополнительного и удобного универсального инструмента в исследовательской деятельности как применительно к местным условиям, так и на иных территориях .

В работе выявлено и продемонстрировано принципиальное значение порубежного расположение рассматриваемого региона в зоне контакта нескольких различных географических зон (лесной, лесостепной и степной), а также соприкосновения трёх крупные речных систем, имевших в средние века значительное транспортное значение (Волго-Окской, Днепро-Деснинской и Донской). Географическая специфика ландшафтов территории в виде особенностей залегания различных видов почв (прохождение границы чернозёмной и нечернозёмной почвенных зон), облесённости и «переплетённости» речных бассейнов сыграли решающую роль в расселении здесь славян. Естественно-географические факторы, в сочетании с высокой востребованностью транспортного потенциала данного региона, ставшего в VIII-X вв. н.э. местом пересечения нескольких важных торговых маршрутов на путях из Передней и Центральной Азии в Северную Европу, и славянской его

колонизацией, способствовали возникновению особого историко-географического региона.

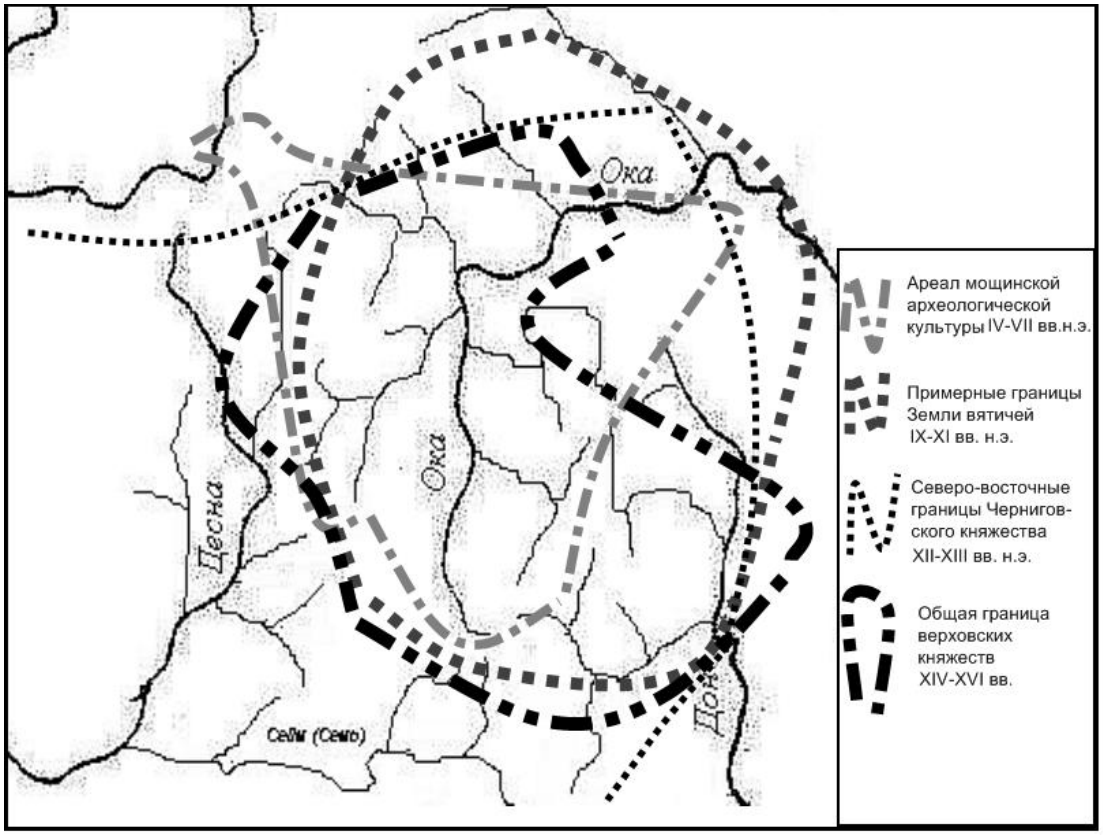
В ходе анализа рассмотренного в данной работе материала, проведённого с использованием методов и приёмов, применяемых в различных научных дисциплинах, был составлен ряд схем территориального размещения этно-политических, административных и археологических объектов, на протяжении длительного времени существовавших на рассматриваемой территории. К числу важнейших объектов такого рода автор настоящей работы относит: предположительно балтскую по этнической основе мощинскую археологическую культуру, славянскую роменскую археологическую культуру, спустя некоторого времени плавно перешедшую в локальный вариант древнерусской, северо-восточные волости Черниговского княжества (Лесная земля и Вятичи), Верховские княжества второй половины XIII- начала XVI вв., земли заокской украйны централизованного Русского государства XVI - начала XVII вв. Сопоставления пределов вышеперечисленных объектов позволило выявить чрезвычайно близкое совпадение линий прохождения их предполагаемых границ. Подобная ситуация объясняется, во многом, физико-географическими особенностями рассматриваемой территории, включающими в себя разветвлённую речную сеть в сочетании с межбассейновыми водоразделами, а также нахождение здесь пределов нескольких контрастных ландшафтных зон (лесной и степной) в сочетании с рубежами чернозёмной и нечернозёмной почвенных зон.

Упомянутое неоднократно факторное многообразие вело к возникновению на одной территории близких по географически параметрам политических, административных и популяционно-демографических структур и ареалов, что являлось, во многом, следствием использования хронологически разделёнными популяциями одних и тех же природных ресурсов - полезных ископаемых (глины, болотные руды и т.д.), даров живой природы (меха, мёд, воск, шкуры, кость и т.п.); а также единством формируемой речной сетью траспортно-логистической структуры.

Выявленная повторяемость и синхронность административно-политических процессов, культурно-социальная и демографическая преемственность, заметное единство и однородность политических реакций на внешние политические и военные «раздражители» дают возможность рассматривать единую историю региона в качестве последовательной череды разных политических форм единого социума, изменявшегося во времени в соответствии с различными условиями и задачами.

Рисунок 33

Прохождение границ и расположение ареалов в верховьях рр.Ока, Дон и Десна



Совокупность перечисленных и описанных социальных и политических процессов, излагаемая и рассмотренная в настоящей работе, объединённая с анализом проявляющейся в ходе исторических процессов специфики географического положения и транспортной организации позволяет аргументировать обосновываемую гипотезу о существовании здесь особого Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Одной из важнейших задач исследования было нахождение признаков непосредственной преемственности между последовательными этапами региональной истории, что в итоге было достигнуто – в истории Верхнеокского региона явно прослеживается ряд объективных процессов и явлений, которые позволяют характеризовать эту территорию как отдельную специфическую зону, имевшую свои геополитические, экономические, этнические, культурные особенности и изменявшуюся во времени, но неизменно скреплённую рядом внутренних связей. Закономерные тенденции развития верхнеокских земель в течение VIII-XVI вв. сохраняли общие черты их региональной специфики и обусловили возможность комплексного научного рассмотрения их истории в данной диссертационной работе. Результаты, полученные в качестве итогов проведённого исследования, подтвердили существование на территории бассейна Верхней Оки и прилегащих к нему территорий бассейна Десны и Верхнего Дона со второй половины IX до середины XVI в. особого историко-географического региона, называемого в данной работе Верховским, что подтверждается результатами анализа многочисленных исторических источников и научных данных (письменных, археологических, лингвистических и т.д.). Установлен последовательный ряд этапов возникновения, становления и исчезновения рассматриваемого историко-географического феномена:

1. Бассейн Верхней Оки начал заселяться славянами в VIII-IX вв. и некоторое время был самым восточным среди прочих славянских земель. В этот исторический период эти территории были местом пересечения важных торговых путей, шедших из Центральной и Северной Европы в сторону Хазарского каганата и далее в страны Центральной Азии. Выгоды их географического положения сразу предопределили объективные возможности их выделения из общего ряда остальных восточнославянских территорий. Первоначальное заселение восточнославянскими колонистами территории бассейна Верхней Оки сопровождалось ассимиляцией реликтового балтского населения, являвшегося вероятным носителями местной мощинской культуры. Расселение происходило в несколько этапов несколькими потоками и обеспечивалось перемещением

значительного количества поселенцев, культурно связанных как с восточно-, так и (в значительно меньшей степени) с западнославянским этнокультурными ареалами (последний по ряду культурных признаков и хронологически может быть соотнесён с сохранившейся в летописях легендой о приходе/призвании Вятко). Совокупно этот период, по всей видимости, синхронен активизации проходивших по верхнеокской территории трансконтинентальных торговых путей и установлению здесь элементов хазарского протектората. Расселение в бассейне Верхней Оки части славянских переселенцев, сопоставимое с летописным рассказом о приходе вождей-предков Вятко и Радима, положило начало формированию здесь нового славянского этнополитического объединения. Письменные и археологические источники чётко обозначили его отличительные культурные, бытовые, религиозные особенности и донесли до нас его название – «вятичи».

2. Территория Верхнеокского исторического региона продолжила формирование своей исторической, политической, экономической, этнической и географической индивидуальности в поздний период существования Древнерусского государства в качестве составной части Черниговского княжества. Ярким проявлением такой индивидуальности на ранних этапах стало весьма длительное присутствие на этой территории многочисленных признаков и следов роменской археологической культуры, практически исчезнувшей на прочих территориях, попавших под контроль Древней Руси. Выявленные индивидуальность и специфика оказались достаточно устойчивы для того, чтобы сохраниться в большинстве своих проявлений в качестве региональных особенностей общерусской культуры до начала XVI в.

3. Возникновение и сохранение Верховских княжеств на основе северочерниговских волостей было обусловлено особенностями правового режима вассально-сюзерениальных отношений, возникших на Руси после монгольского завоевания. Нерушимость границ, обеспеченная всей мощью Улуса Джучи (Золотой Орды), в сочетании с сохранением прежней родовой владельческой легитимности позволила закрепиться на возникших столах

потомкам прежней правящей династии и, с использованием особенностей и преимуществ транспортно-географической и торговой инфраструктуры, стабилизировать новые административно-государственные образования в условиях наличия многовекторной внешней агрессии.

4. «Великая замятня» второй половины XIV в. и вызванное ей ослабление ордынского влияния способствовали началу формирования у правящих слоёв Верховских княжеств особой культуры политического и административного лавирования, получившей позднее название «служба на две стороны». Пограничное состояние характеризуемых территорий объективно определило сохранение их специфического положения в сравнении с другими русскими землями. Субъектами исторического процесса в тот период стали Верховские княжества во главе с собственными династиями. Длительный процесс формирования княжеств чётко обозначил особенности их промежуточного геополитического положения между Великим княжеством Московским, Великим княжеством Литовским и татарскими ханствами. Верховские княжества на долгое время оказались на русско-литовско-татарском пограничье.

5. На протяжении XIV-XV вв. происходило постепенное сокращение площади княжеств, составлявших основу рассматриваемого исторического региона, вследствие активности более сильных соседей и постепенной потери самостоятельности различными ветвями прежде единой правящей черниговской княжеской династии. Нахождение в качестве местных владетелей, готовых служить «на обе стороны» и медленно теряющих свои родовые земли, постепенно снижало статус большинства из них.

6. Особенностью Верховского исторического региона была принципиальная важность – для региональных феодальных властителей и для всего местного населения – выбора пути исторического развития. В первой половине XV вв., при выборе между Московской Русью и Литвой предпочтение было отдано литовской модели исторического развития по ряду причин, среди которых следует упомянуть: наличие в государственном устройстве Великого княжества Литовского, Руского и Жемойтского элементов феодального федерализма,

оставлявшего регионам значительную долю автономии и владельческих прав; большие на тот момент военно-политический вес и влиятельность Литвы в сравнении с прочими региональными «центрами силы»; б*о*льшие политические права и возможности для элиты и рядовых подданных; большие экономические возможности во всех вероятных направлениях экономического взаимодействия; сохранение за местными правителями возможности военно-политического и правового маневрирования в силу прописанных и опробованных договорных полномочий.

7. В последние десятилетия XV в. военно-политический нажим на Верхнеокский регион со стороны в целом свергнувшего татарскую зависимость Московского государства значительно усилился. Верховная власть и служилое население Руси были заинтересованы в приобретении новых территорий, которые могли бы быть переданы великокняжеской властью российским землевладельцам. Перспектива получения за службу давно освоенных и заселенных сельскохозяйственных угодий была хорошим стимулом к привлечению новых сторонников великого московского князя. Государь Иван III Васильевич поставил одной из своих политических и административных целей сбор под своей рукой доступных земель из обширного наследия династии Рюриковичей. Весьма притягательными были земли Верховского исторического региона, традиционно считавшиеся русскими и находившиеся относительно недалеко от московских владений. М*а*стерская внешнеполитическая и военная активность Ивана III на территории региона позволила правительству Московского государства разными способами и методами перетянуть на свою сторону большую часть правящих владетелей верхнеокских земель, относившихся к верховским княжеским династиям, а затем начать интеграцию княжеств и наместничеств в состав Великого княжества Московского.

8. На рубеже XV-XVI вв., после ряда военных конфликтов, началось последовательное включение территории Верховского (Верхнеокского) исторического региона во все сферы жизни Русского централизованного государства. Существование формально независимых Верховских княжеств в

целом фактически завершилось на рубеже XV-XVI вв., когда они были юридически закреплены в составе Московского государства по Благовещенскому перемирию 1503 г. Названная тенденция сохранялась на протяжении всей первой трети XVI в. и к середине столетия завершилась потерей региональной специфики и превращением верхнеокских земель в типичную часть обширной страны, стремившейся унифицировать всю свою территорию в рамках самодержавной модели административного управления.

9. В первой половине XVI в. политическая основа идентичности верховских земель, определяемая их промежуточным положением между Русью и Литвой и сохранением возможности выбора одного из двух вариантов административно-государственного развития, перестала существовать. Её сменила объективная потребность постоянной готовности к обороне от грабительских набегов крымских татар, требовавшая от местного населения понимания необходимости единства в борьбе с врагом и расчёта на собственные силы. Включение в состав Русского централизованного государства в конце XV в. стало началом финальной части существования территории в качестве особого субъекта исторического процесса. Факт нахождения верхнеокских земель на путях вторжений крымских татар в пределы России в XVI в. стал последней по времени своего существования причиной характеристики рассматриваемой территории как отдельного историко-географического элемента страны. Татарские набеги истощали эту территорию, явно сокращали её экономический потенциал и заставляли принять укрепление самодержавной власти как один из немногих способов сокращения военного давления на неё как с юга, так и с запада. В ходе своего вхождения в состав единого российского централизованного государства, Верхнеокский (Верховской) исторический регион потерял часть населения и обеднел в экономическом плане. К началу XVII в. он лишился большинства специфических региональных социально-политических и экономических черт, выделявших его среди прочих русских территорий, и «растворился» в массе прочих земель обширного и закономерно стремящегося к унификации российского государства.

Поставленные в начале настоящей работы исследовательские задачи были последовательно и поглавно решены:

- на основе междисциплинарного анализа были выявлены географические пределы рассмотренного Верхнеокского (Верховского) исторического региона и определены его политические границы в разные хронологические этапы существования;

- установлены верхние и нижние хронологические рамки существования региона в целом и отдельных этапов его существования;

- выявлены признаки непосредственной преемственности (культурной, этнической, политической, династической и т.д. и т.п.) между следующими друг за другом этапами существования региона;

- разработанная периодизация истории региона проработана с определением круга значимых для его возникновения, развития и исчезновения внутренних и внешних причин и воздействий, а также ряда черт и воздействий, определяющих специфику рассматриваемых территорий и их отличий от территориально, политически и культурно близких соседей;

- сформулированы рабочие гипотезы, касающиеся ряда дискуссионных вопросов, имеющих непосредственное отношение к истории Верхнеокского региона, осуществлён подбор источниковой доказательной базы в их подтверждение: о направлениях, путях и хронологии колонизационных славянских потоков, о судьбе и роли остатков автохтонного населения в последующем этногенезе, о влиянии соседствующих этнополитических структур на становление и развитие местной этнополитической общности, о характере взаимодействия с управленческими и религиозными структурами Черниговского княжества, о значении и специфике воздействия Золотой Орды и её правовой системы на возникновение и становление Верховских княжеств, об особенностях взаимодействия с Московским и Литовским великими княжествами и их влиянии на политический выбор верховских княжеских династий, о специфике присоединения Верхнеокского региона к Русскому централизованному

государству и об особенностях последующей ассимиляции местных управленческих структур;

- сбор, систематизация и анализ источниковой информационной базы, полученной после изучения источников и результатов различных научных исследований (исторических, археологических, этнографических, лингвистических, естественно- и экономико-географических, а также ряда других) позволили создать комплексное целостное изложение и последовательно описать ход процессов этнополитического, социально-экономического и военно-политического развития Верхнеокского (Верховского) исторического региона в VIII-XVI вв.

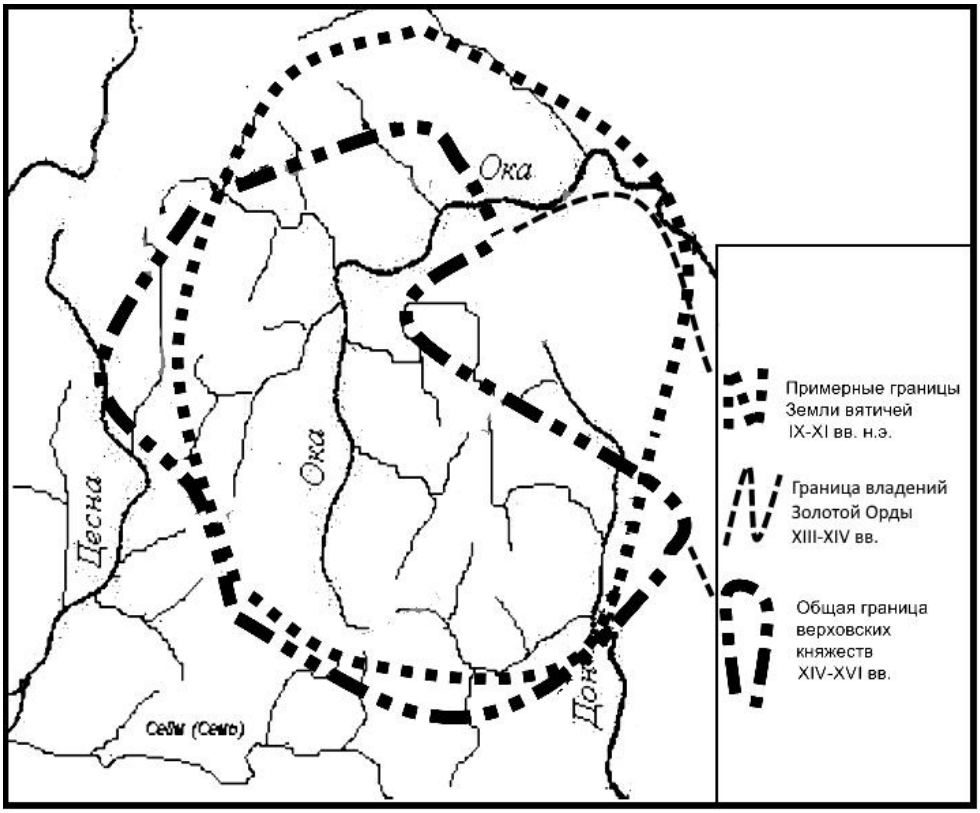
В последовательном изложении настоящей работы история возникновения и эволюции Верхнеокского (Верховского) исторического региона представляет собой логически стройную последовательность взаимосвязанных этапов. Первым из них стало возникновение на рассматриваемой территории вятичской этнополитической группировки. Затем последовала постепенная и растянутая во времени потеря вятичами независимости, их вхождение в состав Древнерусского государства с его системой сбора дани и церковной десятиной. Следующим этапом явилось монгольское нашествие и установление хозяйственно-политической зависимости от Монгольской империи, а затем - Орды, возложивших на верхнеокское население новые материальные обязательства без отмены старых, хотя и обеспечивших относительно долгий период внешней безопасности. Третьим этапом стал период нахождения в зоне московско-литовского соперничества, ведшего, как ни странно, к относительной политической и хозяйственной стабильности вследствие попыток обеих сторон теснее привязать местные княжества к себе путём предоставления различных льгот и привилегий.

К числу специфических черт и особенностей существования и развития Верховского исторического региона с VIII в. по XVI в. следует отнести хронологическая длительность процедур его вхождения в состав Древнерусского, а затем – и в состав Русского государства. Эти процессы в обоих случаях

характеризовались сложным разнонаправленным движением с «ускорениями», «остановками» и «реверсивным движением». В течение всех обозначенных периодов верхнеокские земли в силу своей специфики представляли собой историко-географический феномен, достаточно контрастно локализуемый в пределах всей совокупной территории сначала Руси, а затем России.

Рисунок 34

Прохождение границ в верховьях рр.Оки, Дона и Десны в IX - XVI вв.



Полученные данные подтверждают существование прямой связи и преемственности между Землей вятичей, северочерниговскими волостями и верховскими княжествами: *популяционной* основой волостей, а затем княжеств стали, в основном, потомки прежнего населения Земли вятичей, *политической* – правопреемство верховских князей относительно черниговского дома, *транспортно-логистической* – совокупность речных систем Верхней Оки и близлежащих территорий.

В процессе обоснования положений и формирования доказательной основы настоящей работы было подтверждена прямая связь ряда специфических черт рассматриваемого территориально-исторического феномена с весьма долгим

(сравнительно с прочими восточнославянскими этнополитическими объединениями, возникшими независимо от формирования ядра Древнерусского государства) сохранением вятичами своей номинальной и фактической самостоятельности. Выявлено и отмечено, что зафиксированная русскими летописями легенда об основателе вятичей Вятко с определённой долей вероятности может являться отражением существования связей местного населения с территориями современной Центральной и Юго-восточной Европы.

Традиционно длительное сохранение внутренней самостоятельности верхнеокскими землями обусловило консервацию практики применения архаичных управленческих практик, а также формирование целого ряда специфических особенностей их социально-политического развития в течение всего периода XIV - XV вв., что позволило В.О.Ключевскому говорить о них как об уголке «…который исключительными условиями своей жизни даёт нам возможность догадываться, как бы устроились князья юго-западной Руси, если бы в те века они были предоставлены самим себе. …Они продолжали политику своих давних предков, поддерживая падавшую родовую старину договорами…»[1]. Установлено, что ряд подробностей и перипетий борьбы соседствовавших Московского и Литовского государств весьма выпукло, чётко, остро и продолжительно проявился именно на верхнеокских землях, полное присоединение которых для каждой из сторон представлялось показателем крупного политического успеха.

Состоявшееся в начале XVI в. вхождение территории Верховского исторического региона в состав Российского государства продемонстрировало эффективность политического курса, проводимого в тот период московскими князьями. Установлено, что после присоединения представители верховских княжеских династий заняли высокое место среди наиболее знатной части московской элиты, но, вследствие элитной «ротации» по территории всего Русского государства, большинство из них довольно быстро оторвалось от каналов связи с территорией прежних наследных владений. Присоединение всей

---

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987. С.341-342.

верхнеокской территории к Московскому государству привело к постепенному ухудшения материального уровня жизни рядового населения Верховского исторического региона, поскольку включив в их лице Московское государство приобрело новые обширные территории, но не получило дополнительных сил для её защиты. Главной целью российской государственной власти было использование его земель в качестве дополнительного оборонительного барьера. Окончательное вхождение в состав России Верховского исторического региона стало финальной точкой его существования как отдельного субъекта исторического развития.

Заявленная в теме настоящей работы проблема выявления исчезнувшего к настоящему времени Верхнеокского (Верховского) исторического региона России путём использования результатов применения оригинальных методик, основанных на использовании междисциплинарных связей, оказалась решена. Использование описанных в §3 Главы 1 оригинальных методик позволило чётко локализовать и визуализировать отдельные, не всегда прямо связанные между собой, тенденции развития и изменения рассматриваемой территории в географическом, демографическом, культурном и политическом аспектах с учётом динамичных процессов изменения их во времени, что может быть активно использовано при рассмотрении, изучении и анализе иных исторических земель и территорий.

Промежуточные результаты настоящей работы были обнародованы в публикациях рецензируемых научных журналов, выступлениях на научных конференциях, выпуске курса видеолекций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею, том 1, 1340-1506. СПб. Типография II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии. 1846. 420 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Том второй. 1506-1544. Спб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии. 1848. 440 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Том четвертый. 1588-1632. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1851. 586 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. Часть первая. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 402 с.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1971. 276 с.

Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113-7121 гг.)/ Белокуров С.А. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1907. 340 с.

Березин И.Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Издан князем М.А.Оболенским, 1850. 160 с.

Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.)/ Бибиков М.В. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 г. / М.: Издательство «Наука», 1982. С.5-151.

Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники.II/ Рос. Академия наук; Ин-т всеобщей

истории/ Бибиков М.В. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 528 с.

Галицко-Волынская Летопись. Текст. Комментарий. Исследование/ сост. Н.Ф.Котляр, В.Ю.Франчук, А.Г.Плахонин под ред. Н.Ф.Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 424 с.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 172 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н.Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. Спб.: 1857.

Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. Издание подготовил Я.Н.Щапов. М.: Наука, 1976. 240 с.

Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик/ Издание подготовили Л.А.Ольшевская и С.Н.Травников. М.: «Наука», 1999. 494 с.: ил.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ под ред. Т.Н.Джаксон, И.Г.Коноваловой и А.В.Подосинова. Том IV: Западноевропейские источники. Сост., пер.. и коммент. А.В.Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 512 с.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий. Составители Г.В.Глазырина и Т.Н.Джаксон. М.: Наука, 1987. 209 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.- Л.: Изд-во АН СССР , 1950. 594 с.

Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В.Бахрушина. М.: 1909. 152 с.

Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне/ Жолкевский С. СПб.: Типография Э.Праца, 1871. 306 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне/ Заходер Б.Н. М.:

«Наука», 1967. 212 с.

Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. Сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП "Типография "Наука", 2009. 336 с.

Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время/ Зотов Р.В. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип-я братьев Пантелеевых, 1892. 380 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/ Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч.Скрижевской/ Иордан. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий/ И.Г.Коновалова; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Вост. литература, 2009. 223 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей/ Константин Багрянородный. М.: Наука, 1991. 496 с.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры/ Кучкин В.А. М.: Древлехранилище, 2003. 368с.

Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 592 с.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж.Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи)/ под ред. Ан.Береловича, В.Д.Назарова, чл.-кор. РАН П.Ю.Уварова/ Маржерет Ж. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в./ Масса И. М.: Гос. соц.-эконом. Издательство, 1937. 208 с.

Масса И., Геркман Э. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России/ Масса И., Геркман Э. СПб.: Издание археографической комиссии, 1874. 378 с.

Матвеенко В.А., Щеголева Л.И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М.: «Богородский печатник», 2000 г. 544 с.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и комментарии С.А.Аннинского. Отв. ред. Б.Д.Греков// Известия иностранцев о народах СССР. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1936. 288 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.

Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. М.: Университетская тип-я, 1854. 270 с.

Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник/ под ред. Я.Н.Щапова. СПб.: издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. 384 с.

Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина/ Плано Карпини, Иоанн де. Рубрук, Вильгельм де. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1911. 232 с.

Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 562 с.

ПСРЛ Т.6. Софийские летописи. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Э.Праца, 1856. 354 с.

ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку». СПб.: Изд-во Э.Праца, 1859. 312 с.

ПСРЛ. Т.9 VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я Э.Праца, 1862. 278 с.

ПСРЛ. Т.10 VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я МВД, 1885. 248 с.

ПСРЛ. Т.11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1897. 258 с.

ПСРЛ. Т.12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1901. 268 с.

ПСРЛ. Т.13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1904. 308 с.

ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. Спб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1904. 238 с.

ПСРЛ. Т.14. Повесть о Федоре Иоанновиче. Новый летописец. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1910. 157 с.

ПСРЛ. Т.15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб.: Тип-я Л.Демиса, 1863. 262 с.

ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000. 432 с. раз.паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).

ПСРЛ.Т.17. Западнорусские летописи. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1907. 360 с.

ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. 320с.

ПСРЛ. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип-я И.Н.Скороходова, 1903. 302 с.

ПСРЛ. Т.22. Русский хронограф. Ч.1. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1911. 578с.

ПСРЛ. Т.23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1910. 240с.

ПСРЛ. Т.24. Типографская летопись. Петроградъ: 2-я Государственная типография, 1921. 276 с.

ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 414 с.

ПСРЛ. Т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.

ПСРЛ. Т.28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1963. 411 с.

ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Издательство «Наука», 1965. 391 с.

ПСРЛ. Т.30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: «Наука», 1965. 240 с.

ПСРЛ. Т.32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Беркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: «Наука», 1975. 236 с.

ПСРЛ. Т.34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Издательство «Наука», 1978. 304 с.

ПСРЛ. Т.35. Летописи белорусско-литовские. М.: Издательство «Наука», 1980. 306 с.

ПСРЛ. Т.41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей)/ Сост. С.Н.Кистерев, Б.М.Клосс, Л.А.Тимошина, И.А.Тихонюк. М.: Археографический центр, 1995. 184 с.

ПСРЛ. Т.XLV. Варшавский летописный сборник/ сост. А.М.Введенский, Т.И.Афанасьева; предисл. А.Г.Бобров, А.М.Введенский; указ. А.М.Введенский; отв. ред. А.В.Майоров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 174 с.; 8 ил.

Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье. перевод и комментарии Я.С.Лурье. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.П.Адриановой-Перетц. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 716 с.

Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов)\ Отв. ред. и автор вступительной статьи Н.М.Рогожкин; составитель и автор комментариев Г.И.Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. 368 с.

Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть VI. СПб.:

Императорская академия наук, 1790. 301 с.

Разрядная книга 1475-1598 гг. Текст, вводная статья и редакция В.И.Буганова. М.: Наука, 1966. 616 с.

Разрядная книга 1559-1605 гг. Сост. Л.Ф.Кузьмина. Отв. ред. В.И.Буганов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. 436 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П.Верховского; примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.-Л.:Издательство АН СССР, 1960. Т. 2. 248 с.

Родословная книга Великого Российского Государства Великих Князей// Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Книга 10. М.: Университетская типография, 1851.

Русская вивлиофика или собрание материяловъ для отечественной истории, географии статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаемъ Полевымъ. Т.1. М.: Тип-я А.Семена, 1833. 430 с.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Том первый. Памятники, относящиеся к Смутному времени. СПб.: Печатня В.И.Головина, 1872. 444 с.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Том шестой. Памятники древне-русского канонического права. Часть первая (памятники XI-XV в.). СПб.: Тип-я Императорской Академии наук. 1880. 682 с.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссиею. Т.XXVII. Литовская метрика. Отдел первый. Часть первая: Книги записей. Том первый. СПб.: Сенатская типография, 1910. 656 с.

Русско-Ливонские акты. Russisch-Livlandische Urkunden. Собранные К.Е.Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. 466 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского

государства с Польско-Литовским. (с 1487 по 1533 год). Под ред. Г.О.Карпова. СПб., 1882. 954 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч.1. (годы с 1474 по 1505)/ Напечатано под наблюдением Г.Ф.Карпова. СПб.: Тип-я Елеонского и К°, 1884. 558 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т.59. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°, 1887. 708 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т.95. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Том II. 1508-1521 гг. Спб.: «Печатня С.П.Яковлева», 1895. 794 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т.142. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Т.5. Под ред.С.А.Белокурова. М., 1913. 770 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. В.Тизенгаузена. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1881. 588 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-IV вв.) Изд. 2-е, испр. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 472 с.

Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М.: Синодальная Типография, 1915. 494 с.

Синбирский сборник. Историческая часть. Том 1. М.: Тип-я А.Семена, 1845. 676 с.

Сказания и повести о Куликовской битве. Изд. подгот. Л.А.Дмитриев и О.П.Лихачева (Серия «Литературные памятники»). Л.: Лениградское отделение изд-ва «Наука». 424 с.

Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция// Сказания и повести о Куликовской битве. Изд. подг. Л.А.Дмитриев, О.П.Лихачева., 1982.

Смоленские грамоты XIII-XIV веков. Под ред. Р.И.Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 140 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч.1. М.: Тип-я Н.С.Всеволжского, 1813. 689 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч.2. М.: Тип-я Селивановского, 1819. 639 с.

Титмар Мерзебургский. ХРОНИКА. В 8 книгах. 2-е изд., исправл./ Перевод с лат. И.В.Дьяконова. М.: «Русская панорама», 2009. 256 с., библ., табл.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материал францисканской миссии 1245 года. [Критический текст, перевод с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа]/ Подготовка латинского текста и перевод С.В.Аксенов и А.Г.Юрченко; Экспозиция и исследование А.Г.Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

Хроника Быховца. Отв.ред. М.Н.Тихомиров; Предисл., ком. и перевод Н.Н.Улащика. М.: «Наука», 1966. 155 с.

Казакоў А.У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя навасільскага і адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г./ Казакоў А.У.// Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 3. Минск: РИВШ, 2010. С.291-300.

Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales. Ed.G.H.Pertzii, Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891. (на латин. яз.).

Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II/ Bretholz B. Berlin, 1923. 296 с. (на нем.яз).

Dlugossi I. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber septimus. Liber octavus. Varsaviae: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. 434 s. (на латин. яз.).

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents/ Kołodziejczyk D. Leiden, Boston: Brill, 2011. 1128 p. (на англ.яз)

Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Codex epistolaris Vitoldi. Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430. Collectus opera. Antonii Prochaska. Krakow: Czcionkam drukarni WL.L.Anczyca I sp. 1882. (на латин. яз.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТЧЁТЫ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 79. Воронин Н.Н. Отчет о работе Муромской экспедиции в 1946 г. № 87 - Альбом иллюстраций к отчету. На 218 л., сх., рис.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 104. Авдусин Д.А. Отчет о курганных раскопках в с. Беседы под Москвой в 1947 г. На 8 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 351. Авдусина Г.А. Отчет о курганных раскопках в с. Беседы под Москвой 16 мая 1948 г. На 2 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 205. Ляпушкин И.И. Краткий предварительный отчет о полевых исследованиях Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Института Археологии АН УССР 1947 г. 1

черт. б.ф. На 160 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 263. Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г. На 98 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 99. Милонов Н.П. Отчет о археологических разведках в Пронске и у села Борок под Рязанью, осуществленных осенью 1946 г. и весной 1947 г. На 29 л. + 31 л., рис. и сх.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 19. Монгайт А.Л. Отчет по раскопкам Старо-Рязанского городища в 1945 г. На 11 л. + 10 фото.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 78. Монгайт А.Л. Дневник раскопок в Старой Рязани в 1946 г. 58 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 379. Монгайт А.Л. Отчет об археологических раскопках в Старой Рязани в 1949 г. 46 черт. б. ф. На 88 л. + 71 л., фото, рис., чертеж.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 217. Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганной группы Поречье Звенигородского района Московской области. 1948 г. На 14 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН.Ф-1. Р-1. № 309. Рабинович М.Г. Отчет о раскопках курганной группы Зюзино 1 в 1949 г. по открытому листу № 18. На 8 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН.Ф-1. Р-1. № 123. Смирнов А.П. Отчет о раскопках городища Великие Болгары в 1947 г. На 73л. + 37 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 219. Смирнов А.П. Отчет о раскопках городища Великие Болгары в 1948 г. На 180 л., чертежи, рис.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 335. Смирнов А.П. Отчет Болгарской археологической экспедиции ИИМК, ГИМ,

Музея ТАССР. 1949 г. На 170 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 2964. Отчет к отрытому листу № 19 за 1995 год. Археологические разведки на территории Ливенского района Орловской области. 1995 г. 41 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 2980. Отчет к открытому листу № 63 за 1996 год. Археологические разведки на территории Ливенского района Орловской области. 1996. 30 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3038. Отчет к открытому листу № 71 за 1997 год. 1997. 25 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3100. Отчет об археологических раскопках городища Торкуновка Мценского района Орловской области (1987-1989 гг). Л.Н.Красницкий. 1998. 89 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3098. Отчет к открытому листу № 85 за 1988 год. Археологические разведки памятников археологии в Орловском районе Орловской области. 1998. 19 л., фото.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3191. Дело 40и. Отчет об археологических охранных работах на городище Орловской крепости 1988 года. 1999. Историческая справка. 52 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3198. Дело 47и. Из архива Т.Н.Никольской. Отчеты об археологических исследованиях на территории Орловской области в 1958 г (Лебедка, Воротынцево); 1971 (Спасское), 1973 (Кромы). Статьи. 1999. 82 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 517. Дело 13. Отчеты Т.Н.Никольской о раскопках городища у д. Пашки (Лужки) Кромского района 1959 г.; 2.Раскопки городища у д.Слободки Шаблыкинского района 1960 г. 1960.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3241. Дело 90. Отчет к открытому листу № 4 за 1999 год. Археологические разведки в Ливенском районе Орловской области. 1999. 48 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3263. Дело 22и. Отчет к

открытому листу № 32 за 2000 год. Ливенский район. 2000 г. 40 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3316. Дело 10и. Отчет к открытому листу № 33 за 2001 год (Ливенский район Орловской области). 2001. Открытый лист № 33. 44 л.

«Орловский краеведческий музей». Арх. 3317. Дело 11и. Отчет о проведении исследований методом подповерхностной радиолокации археологических объектов на территории г.Ливны и Ливенского района Орловской области. 2001. 17 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Д.33. Арх. 3549. Копия полевых дневников археолога П.С.Ткачевского. 1925 г. 2006 г. на 69 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3466. Д. 47и. Отчет к Открытому листу №62 на 2004 г. Археологические разведки в Хотынецком и Ливенском районах Орловской области. Отчет составила Краснощекова С.Д. 2004. На 36 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3525/9. Отчет к Открытому листу №70 на 2005 г. Археологические разведки в Хотынецком районе Орловской области. Автор отчета Краснощекова С.Д. 2005. На 23 л.

ОГУК «ОКМ». Дело № 34. Арх. 3550. Паспорта на памятники археологии Орловской области (Кромы, Мценск, Знаменский и Шаблыкинский районы). 2006. На 76 л. + 74 ф.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3551. Материалы по теме «Археология Орловской области» (отчеты о командировках 2006 г.). Июнь 2006 г. На 28 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3552. Отчет об археологических разведках на территории Дмитровского р-на Орловской обл.: селище Балдыж и городище Волконск. Май 2004 г. Отчёт составила Краснощёкова С.Д. На 17 л.

ОГУК «ОКМ». Д.39. Арх.3591. Материалы археологических разведок 1990 г. (инст-т археологии) и 2007 г. (Сахаров М.В.) в Орловской области. На 30 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3592. Дело 40. Отчет об археологических раскопках городища Торкуновка Мценского района Орловской области 1987-1988 гг. 2007. Л.Н.Красницкий. 48 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3593. Дело 41. Археологические разведки в Орловской области Л.Н.Красницкого. 1990-1991 гг. (Орловский археологический отряд НПЦ). 157 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Арх. 3636. Дело 03-12. Отчет по Откр ытому листу на 2008 год (Детинец Орловской крепости, Гать, Спасское-2, Городецкое, Судбищи). 2008. 108 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Арх. 3739. Отчет об археологических разведках в Свердловском и Колпнянском районах Орловской области по Открытому листу, выданному С.Д.Краснощековой Росохранкультурой в 2010 г. 2011. На 82 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Арх. 3740. Дело 03-30. Отчеты. Работа по Открытым листам АН СССР Красницкого Л.Н. 1981-1998 гг. 2011. На 99 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Арх. 3740/а. Дело 03-31. Отчет по Открытому листу об археологических разведках в Хотынецком районе Орловской области. 2011. 58 л.

ОГУК «Орловский краеведческий музей». Арх. 3690. Дело 03-14. Отчет об археологических разведках по Открытому листу на 2009 год в Орловском, Новодеревеньковском и Колпнянском районах. 2009. 67 л.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3819. Дело 03-08. Научные паспорта на памятники археологии. Болховский район Орловской области. 2014. 23 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3820. Дело 03-09. Научные паспорта на памятники археологии. Глазуновский район Орловской области. 2014. 3 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3821. Дело 03-10. Научные паспорта на памятники археологии. Должанский район Орловской области. 2014. 3 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3822. Дело 03-11. Научные паспорта на памятники археологии. Дмитровский район Орловской области. 2014. 7 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3823. Дело 03-12. Научные паспорта на памятники археологии. Знаменский район Орловской области. 2014. 7 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3824. Дело 03-13. Научные паспорта на памятники

археологии. Колпнянский район Орловской области. 2014. 7 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3825. Дело 03-14. Научные паспорта на памятники археологии. Кромской район Орловской области. 2014. 11 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3826. Дело 03-15. Научные паспорта на памятники археологии. Ливенский район Орловской области. 2014. 17 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3827. Дело 03-16. Научные паспорта на памятники археологии. Малоархангельский район Орловской области. 2014. 4 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3828. Дело 03-17. Научные паспорта на памятники археологии. Мценский район Орловской области. 2014. 21 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3829. Дело 03-18. Научные паспорта на памятники археологии. Новосильский район Орловской области. 2014. 16 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3830. Дело 03-19. Научные паспорта на памятники археологии. Орловский район Орловской области. 2014. 23 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3831. Дело 03-20. Научные паспорта на памятники археологии. Свердловский район Орловской области. 2014. 1 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3832. Дело 03-21. Научные паспорта на памятники археологии. Сосковский район Орловской области. 2014. 9 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3833. Дело 03-22. Научные паспорта на памятники археологии. Урицкий район Орловской области. 2014. 20 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3834. Дело 03-23. Научные паспорта на памятники археологии. Хотынецкий район Орловской области. 2014. 8 пасп.

ОГУК «ОКМ». Арх. 3835. Дело 03-24. Научные паспорта на памятники археологии. Шаблыкинский район Орловской области. 2014. 34 пасп.

БУКОО «Орловский краеведческий музей». С.Д.Краснощёкова. Отчет об археологических разведках в Орловской области в бассейне р.Цон от устья до населенного пункта Ясная Поляна в Орловском районе, в бассейне р.Вытебеть в Хотынецком районе 2013 г. 2014. На 77 л.

БУКОО «Орловский краеведческий музей». Арх. 3811/а. Дело № 03-22. Отчёт по Открытому листу об археологических разведках в Орловском и Хотынецком р-х Орловской области. 2013 год. 134 л.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон/ Абрамович Г.В. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 192 с.

Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике/ Абрамович Д.И. СПб.: Отделение рус.яз. и словесности Императорской академии наук, 1902. 213 с.

Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты/ Аверьянов К.А. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. 240 с.

Азбелев С.Н. Совершались ли сухопутные походы руси на Константинополь/ Азбелев С.Н.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.139-145.

Александров В.А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI-XVII в./ Александров В.А.// Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. Под ред. Б.А.Рыбакова. М.: Наука, 1979. С.159-173.

Александров С.В. Смоленская осада 1609-1611/ Александров С.В. М.: «Вече», 2011. 304 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование)/ Алексеев В.П. М.: «Наука», 1969. 324 с.

Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии/ Алексеев Л.В. М.: Издательство «Наука», 1980. 262 с.

Алексеев С.В. Славянская Европа V—VI веков/ Алексеев С.В. М.: Вече, 2005. 416 с.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд./ Алексеев Ю.Г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2009. 464 с.

Алферова Г.В. Русские города XVI – XVII веков/ Ин-т истории СССР; ЦНИИ теории и истории архитектуры/ Алферова Г.В. М.: Стройиздат, 1989.

216 с.: ил.

Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков/ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.М.: Квадрига, 2011. 384 с.

Андрейчева М.А. Образы иноверцев в Повести временных лет. Дис…. канд. ист. наук. М.: МГУ, 2017. 224 с.

Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь/ Послесловие В.Я.Петрухина/ Аничков Е.В. С.: «Индрик», 2003. 440 с.

Артамонов М.И. История Хазар/ Артамонов М.И. Ленинград: Изд-во государственного Эрмитажа, 1962. 522 с.

Археологическая карта России: Брянская область. Автор-сост. А.В.Кашкин. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.

Археологическая карта России: Калужская область/ Сост. Ю.А.Краснов. М.: «Авто», 1992. 160 с.

Археологическая карта России. Орловская область/ сост. Г.К.Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.

Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1/ Сост. А.М.Воронцов и др. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304с.

Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2./ под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.

Археологические исследования в Орловском крае. Раскопка П.М.Еременко// Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел: Типо-литография А.П.Матвеевой, 1906. С.85-90.

Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с., ил.

Арциховский А.В. Курганы вятичей/ Арциховский А.В. М.: РАНИОН, 1930. 224 с.

Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах// Под ред.Р.Салихова, М.Усманова и Р.Хайрутдинова. Казань-М.: Изд-во Феория, 2006. 480 с.

Ахромеев Л.М. История изучения ополий Центральной России:

ландшафтный аспект/ Ахромеев Л.М.// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2000. № 1. С.19-22.

Ахромеев Л.М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополий Центральной России/ Ахромеев Л.М. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2008. 182 с.

Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества/ Бабаев К.В. М.: «Древлехранилище», 2009. 96 с.

Багалей Д.П. Очерки из истории колонизации степной окраины московского государства/ Багалей Д.П. М.: Университетская типография, 1887. 614 с.

Багновская Н.М. Этнодинамика населения Северской земли/ Багновская Н.М.// Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Том I (Гуманитарные науки). С. 8-10.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века/ Базилевич К.В. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.

Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III/ Базилевич К.В. М.: Военное издательство МВС СССР, 1946. 52 с.

Балановская Е.В., Пежемский Д.В., Романов А.Г., Баранова Е.Е., Ромашкина М.А., Агджоян А.Т., Балаганский А.Г., Евсеева И.В., Виллемс Рихард, Балановский О.П. ГЕНОФОНД РУССКОГО СЕВЕРА: СЛАВЯНЕ? ФИННЫ? ПАЛЕОЕВРОПЕЙЦЫ?// Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. №3. 2011. С. 27-58.

Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России/Барсов Н. Вильно: Типография А.Сыркина, 1865. 220 с.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд., испр. и доп./ Барсов Н.П. Варшава: Типография К.Ковалевского, 1885. 374 с.

Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского

управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам/ Барсуков А. СПб., Тип-я М.М. Стасюлевича, 1902. 612 с.

Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси/ Бахрушин С.// Христианство и Русь. Сборник статей. М.: Наука, 1988. С.31-46.

Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. Изд-е 2-ое/ Беляев И.Д. М.: Издание А.Д.Ступина, 1902. 80 с.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне московского государства, до царя Алексея Михайловича/ Беляев И.Д. М.: Университетская типография, 1846. 152 с.

Беляев И.С. Следственное дело об убиении Димитрия царевича в Угличе 15 мая 1591 г./ Беляев И.С. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1907. 36 с.

Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419—1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства/ Беспалов Р.А.// Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Сб./ Ред.-сост. М.М. Чореф. Севастополь-Тюмень, 2013. С.30-51.

Беспалов Р.А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века/ Беспалов Р.А.// Средневековая Русь. Вып.11. Проблемы политической истории и источниковедения/ отв.ред. А.А.Горский. М.: «Индрик», 2014. С.257- 326.

Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года/ Беспалов Р.А.// Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205-210.

Беспалов Р.А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 г./ Беспалов Р.А. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С.256-259.

Беспалов Р.А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и

Белевская битва 1437 года/ Беспалов Р.А.//Вестник «Альянс-Археo». Вып.20. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2017. С.3-38.

Беспалов Р.А. К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества»/ Беспалов Р.А.// Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С. 15-61.

Беспалов Р.А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году» в контесте церковной и политической истории Верхнего Поочья// Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г./ Беспалов Р.А. Калуга: Изд-во «полиграф-Информ», 2009. С.27-34.

Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы/ Бибиков М.В. М.: «Ладомир», 1998. 186 с.

Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 1999. 376 с.

Борисов Н. С. Политика Московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.)/ Борисов Н. С. М.: Изд-во МГУ, 1999. 391 с. (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 4; Сер. 2. Исторические исследования: 1.

Брайчевский М.Ю. Первое письменное упоминание Чернигова в связи с проблемой формирования города/ Брайчевский М.Ю.// Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1988. С.33-40.

Брайчевський М.Ю. Утверждение христианства на Руси/ Брайчевский М.Ю. Київ: «Наукова думка», 1988. 262 с.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.)/ Бубенок О.Б. Киев: Логос, 1997. 224 с.

Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв./ Буганов В.И. М.: Наука, 1976. 222 с.

Будде Е.Ф. К вопросу о народности русского населения в Вятской губернии/ Будде Е.Ф.// Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. т. XIV, вып. 2. Казань, 1897. С. 188-194.

Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г./ Бычкова М. Е. М.: РАН. Ин-т рос. Истории, 1996. 176 с.

Валишевский К. Смутное время/ Валишевский К. М.: СП ИКПА, 1989. 440 с.

Вампилова Л. Б., Дементьев В. С., Манаков А. Г. Метод временных срезов в исторической географии населения: моногр./ Л. Б. Вампилова, В. С. Дементьев, А. Г. Манаков. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. 204 с.

Вампилова Л.Б., Крылова А.Н. О подходах и принципах к историко-географическому районированию в зарубежных опытах пространственно-временных исследований/Вампилова Л.Б. Крылова А.Н.// От карты прошлого – к карте будущего: сб. науч. тр.: в 3 т / отв. ред. С. В. Пьянков. Т. 1.; Перм.гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С.41-47

Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)/ Васильев В.Л. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 468 с.

Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира/ Васильев М.А. М.: Индрик, 1998. 328 с.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев/ Веселовский С.Б. М.: Наука, 1969. 583 с.

Веселовский С.Б. Московское государство: XV-XVII вв. Из научного наследия/ Веселовский С.Б. М.: «АИРО-XXI», 2008. 384 с.

Вильямс В.Р. Почвоведение. Курс лекций читанных в Московском Сельскохозяйственном Институте в 1900-1901 г./ Вильямс В.Р. М.: Типо-литография В.Рихтер,1900. 216 с.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века)/ Винников А.З. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 168 с.

Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в./ Водарский Я.Е. М.: Наука, 1988. 303 с.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение)/ Водарский Я.Е. М.: Наука, 1977. 264 с.

Волконская Е.Г. Род князей Волконских. С портретом автора, снимком с родословной 1686 г. и гербом рода/Волконская Е.Г. СПб.: Тип-я М.М.Стасюлевича, 1900. 992 с.

Воронин В.А. К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV – середине XVI в./ Воронин В.А.// Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв. Том седьмой [154], 2014. С.136- 159.

Воронцов А.М. К вопросу о поздней дате мощинской культуры// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II/ Воронцов А.М. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. С.14-15.

Воронцов А.М. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. (А.М. Воронцов)/ Воронцов А.М.// Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. Выпуск 17. М.: ИА РАН, 2016. С.221-260.

Воронцов А.М. Поздний период существования мощинской культуры/ Воронцов А.М.// Краткие сообщения Института археологии. Вып.235/ Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С.310-326.

Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук/ Воронцов А.М.М.: 2007. 69 с.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела// История вещей - история и вещи. К 60-летнему юбилею И.О.Гавритухина. Раннеславянский мир. Выпуск 20. М.: ИА РАН, 2020. С.67-75.

Воронятов С.В. «Черта оседлости» руссов конца VIII – первой половины IX в./ Воронятов С.В. // Истоки славянства и Руси: сборник статей по

материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24-25 декабря 2005 г)/ науч. ред. Д.А.Мачинский СПб.: Нестор-История, 2012. С.221-245.

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). М.: Институт археологии РАН, 2007. 430 с.: ил.

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (методология и историография). М.: «Наука», 1976. 264 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст// Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Выпуск 3/ Гавритухин И.О., Обломский А.М. М.: Институт археологии РАН, 1996. 298 с.

Гайденко П.И. Несколько замечаний о состоянии христианской жизни на Руси накануне крещения// Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 32 (170). История. Вып.35. С.88-94.

Гайденко П.И. Подвиг иноческого мученичества в Киевской Руси: несколько наблюдений// Христианское чтение. 2015. №2. С.8-23.

Гайденко П.И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков)/ Гайденко П.И.// Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιορωσια: εν χρόνο, εν προσωπω, σε εν ειδει.Альманах, вып.4/ Под ред. д.и.н.П.И. Гайденко. СПб.; Казань, 2015. С. 31-53.

Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции/ Гиппиус А.А.// Русь в IX–XI веках: археологическая панорама/ Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва - Вологда: Древности Севера, 2012. С.36-62.

Головко А.Б. Земли западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X- первой трети XII в./ Головко А.Б.// Киев и западные земли Руси в IX-XIII вв.: [Сб. статей]/ Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН УССР; [Ред. кол. Л.Д.Поболь и др.] Минск: Наука и техника, 1982. 127 с.

Голубовский П.В. История северской земли до половины XIV

столетия/Голубовский П.В. Киев: Университетская типография (И.И.Завадского), 1881. 204 с.

Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации… к.и.н. М.: 2013. 28 с.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII - 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. к.и.н./ Гоняный М.И. М., 2003.

Горбаненко С.А., Колода В.В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры/ Горбаненко С.А., Колода В.В.// Матеріали і дослідження по археології Східної України. 2011. Вип. 11. С.228-239.

Горолевич И.Е. Сражение, разрушившее «счастливый для нас союз, дело иоанновой мудрости…»// Studia internationalia: Материалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С.41-48.

Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянств/ Горский А.А.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 г./ М.: Издательство «Наука», 1997. С.271-282.

Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)/ Горский А.А.// Средневековая Русь: [сб.ст.]/ редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996. [Вып.] 1. С.76-110.

Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси)/ Горский А.А. М.: «Прометей» МГПИ им. В.И.Ленина, 1989. 124 с.

Горский А.А. Москва и Орда/ Горский А.А. М.: Наука, 2000. 214 с.

Горский А.А. О древнерусских землях/ Горский А.А.// Отечественная история / РАН. Институт рос. истории. М.: Наука, 2001. №5. С.144-150.

Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества

накануне образования государства Русь/ Горский А.А.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.192-210.

Горский А.А. Первое столетие Руси/ Горский А.А.// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ редкол.: А. А.Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т российской истории. М.: «Индрик», 2012. Вып.10: К 1150-летию зарождения российской государственности. С.7-112.

Горский А.А. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности/ Горский А.А.// Исторический вестник. Начало русской государственности. Том первый [148]. М.: 2012. С.6-22.

Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV веках. Пути политического развития/ Горский А.А. М.: Издательский центр института российской истории РАН, 1996. 128 с.

Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития/ Горский А. А. СПб.: Наука, 2016. 184 с.

Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства/ Горский А.А. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя/ Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. М.: Индрик, 2008. 480 с.

Григорьев А.В. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки/ Григорьев А.В.// Русь в IX–XI веках: археологическая панорама/ Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва - Вологда: Древности Севера, 2012. С.366-379.

Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в./ Григорьев А.В.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв.

ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.94-127.

Григорьев А.В. О весовой системе у населения Супрутского городища/ Григорьев А.В.// Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто и чл.-корр. АН СССР А.П.Новосельцева. Москва, 17-19 апреля 2013 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С.74-82.

Григорьев А.В. О роменской культуре в среднем Подесенье/ Григорьев А.В.// Чернигов и его округа в IX - XIII вв. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1988. С.65-74.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным/ Григорьев А.В. Тула: «Гриф и К°», 2000. 263 с.: ил. (Труды ТАЭ; Вып. 2).

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э./ Григорьев А.В. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с., ил.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов/ Григорьев А.П. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2004. 276 с.

Гринев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи)/ Гринев Н.Н.// История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С.31-43.

Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX - XI веках/ Гурьянов В.Н., Чубур А.А.// Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I - начале II тысячелетия нашей эры. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э.М. Загорульского. Минск, 6-7 декабря 2018 г. Минск: Изд-во БГУ, 2018. С.77-82.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков

(XII-XIV вв.): Курс лекций/ Данилевский И.Н. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Данилова Г.М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, сербских и польских источников)/ Данилова Г.М. Петрозаводск: 1974. 232 с.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI-XIII вв./ Даркевич В.П., Борисевич Г.В. М.: Кругъ, 1995. 448 с.

Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) /Дворниченко А.Ю. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 204 с.

Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства/Дворниченко А.Ю. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2014. 560 с.

Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV - XVII веках. Очерки истории сельского расселения/ Дегтярев А.Я. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980. 176 с.

Дедук А.В. Засеки на южных землях Русского государства в XVI в. (по данным письменных источников)// Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. Гл.ред.А.В.Малов. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. С.454-480.

Дедук А.В., Шеков А.В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/1628-1628/1629 г. как источник по исторической географии Верховских княжеств/ Дедук А.В., Шеков А.В.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С.34-41.

Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М.Заверняева. Брянск: Издательство Клинцовской городской типографии, 2008. 400 с.: ил.

Добродомов И.Г., Кривко Р.Н. Русские письмена в «Житии св. Константина»/ Добродомов И.Г., Кривко Р.Н.// Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто.

Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С.67-68.

Докучаев В.В. Картография русских почв: Объяснительный текст к почвенной карте Европейской России, изданной Департаментом земледелия и сельской промышленности/ сост. по поручению Департамента В.В. Докучаев, магистр геологии и минералогии. Санкт-Петербург: Типография Киршбаума, 1879. 122 с.

Древняя Русь. Город, замок, село./ Г.В. Борисевич [и др.]; Отв. ред. Б.А.Колчин; Редкол.: Б.А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. Археология СССР. Т. 15. М.: Наука, 1985. 431 с.; ил.

Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы международной конференции. Институт всеобщей истории РАН. М., 2012. 359 с.

Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV - середина XIX в./ Дулов А.В. М.: Издательство «Наука», 1983. 256 с.

Дроздов Ю.Н. Тюркоязычный период европейской истории/ Дроздов Ю.Н. М.; Ярославль: ОООИПК «Литера», 2011. 600 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII- XIV вв./ Егоров В.Л. М.: Наука, 1985. 246 с.

Енуков В.В. Посемье и семичи (По данным письменных, археологических и нумизматических источников)/ Енуков В.В.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.6. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 3-46.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: монография/ Енуков В.В. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Жилина Н.В. Славянский и русский металлический убор. Есть ли грань?/ Жилина Н.В.// Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст./ под ред. Л.В.Татауровой. Омск: Издательство «Апельсин», 2008. С.244-250.

Завадская С.В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI-XIII вв./ Завадская С.В.// Древнейшиие государства на территории СССР.

Материалы и исследования, 1987 г. М.: «Наука», 1989. С.36-42.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства/ Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. М.: Знак, 2007. 282 с.: ил.

Загоровский В.П. Белгородская черта/ Загоровский В.П. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1969. 302 с.

Загоровский В.П. Изюмская черта/ Загоровский В.П. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. 198 с.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке/ Загоровский В.П. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.

Зайцев А.К. Черниговское княжество// Древнерусские княжества X-XIII в./ Зайцев А.К. М.: «Наука», 1975. С.57-117.

Зайцев А. Черниговское княжество X-XIII в.: избранные труды/ Зайцев А. М.: Квадрига, 2009. 226 с.

Зайцева И.Е. Ювелирное дело в городах «Земли вятичей» в X-XIII вв.: Регион Верхнего Поочья. Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук/ Зайцева И.Е.М.: 2003.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” второй половины XI-XIII в./ Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Запорожец В.М. Сельджуки/ Запорожец В.М. М.: Воениздат, 2011. 295 с.

Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI - начале XVII в. (опыт государственного строительства)/ Зенченко М.Ю. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 223 с.

Земцов Б.Н. Судебник Ивана III: цели законодателя// Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С.24-31.

Земцов Г.Л. Жилые и хозяйственные постройки лесостепного днепро-донского междуречья в первой половине I тыс. н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ Земцов Г.Л. Липецк, 2004. 26 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в./ Зимин А.А. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.)/ Зимин А.А. М.: Издательство «Наука», 1977. 356 с.

Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV- первой трети XVI в./ Зимин А.А.// Исторические записки. 94. М.: Издательство «Наука», 1974. С.271-301.

Зимин А.А. Опричнина/ Зимин А. М.: Территория, 2001. 448 с., илл.

Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории)/ Зимин А.А. М.: Мысль, 1982. 333 с.

Зимин А.А. Состав боярской думы в XV-XVI веках/ Зимин А.А.// Археографический ежегодник, 1957. М., 1958. С. 41-87.

Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в./ Зимин А.А.// История и генеалогия. С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: «Наука», 1977. С.161-188.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в./ Зимин А.А. М.: Наука, 1988. 350 с.

Зиньковская И.В. К вопросу об историко-археологической идентификации одного из «северных народов» у Иордана (Get., 116)/ Зиньковская И.В.// Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения, вып. 2, ч. 1. С.56-63

Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие/ Ивакин Г.Ю.// Русь в XIII в.: Древности темного времени// Отв. Ред. Н.А.Макаров, А.В.Чернецов; Ин-т археологии. М.: Наука, 2003. С.59-65.

Иванов А.А. Военно–политическая ситуация на Нижнем Дону в середине VIII - начале IX в./ Иванов А.А.// Международные отношения в

бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VII Международной научной конференции. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. С.91-93.

Изюмова С.А. К вопросу о «погребениях» на Супрутском городище// Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д.А.Авдусина). М.: Памятники исторической мысли, 1998. С.114-116.

Изюмова С.А. Супрутский денежно-вещевой клад/ Изюмова С.А.// История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С.206-213.

И. Л. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии/ И.Л.// Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 1-156.

Иловайский Д. История Рязанского княжества/ Иловайский Д. М.: Университетская типография, 1858. 338 с.

Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Выпуск первый/Ильин А.А. Ленинград: государственный Эрмитаж, 1940. 52 с.: ил.

Иншаков А.А., Белых А.В., Голотвин А.Н., Иншакова А.В., Остапенко А.А.. Археологическое изучение Верховского Звенигородского княжества XIV–XV вв. Раскопки поселения Плещеево 2// Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2020. С.218-222.

Казанский М.М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого пеоселения народов/ Казанский М.М.// Археологические вести. 1999. № 6, СПб. С. 404-417.

Карамзин Н.М. История государства Российского/ Карамзин Н.М. М.: Эксмо, 2006. 1020 с.

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Издательство

«Наука», 1974. 184 с.

Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X-XVI вв.)/ Каштанов С.М. М.: Наука, 1996. 265 с.

Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси/ Каштанов С.М. М.: Наука, 1988. 248 с.

Келембет С.Н. Тарусское княжество и его уделы// Средневековая Русь: [сб. ст.]/ Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [Редкол.: д.и.н. А.А. Горский (отв. ред.) и др.]. М.: Индрик, 2012. [Вып.] 12, 2016. С.69-124.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.1. Курс русской истории. Ч.1./ Ключевский В.О. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России/ Кобрин В.Б. М.: Мысль, 1985. 278 с.

Кобрин В. Смутное время – утраченные возможности/ Кобрин В.//История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX века. М.: Политиздат, 1991. С.163-185.

Ковалев Р.К. О роли руссов и волжских булгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X - начале XI в./ Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье/ Отв.ред. тома А.С.Щавелев; отв.ред. сер. Е.А.Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С.95-143.

Коваленко В.П. Основные этапы развития древнего Чернигова/ Коваленко В.П.// Чернигов и его округа в IX - XIII вв. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1988. С.22-33.

Ковылов С.В. Новосильское княжество и новосильские князья в XIV-XVI вв. Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук/ Ковылов С.В. Орел: 1997. 20 с.

Козловский С.О. Великий голод и Смутное время: к вопросу о влиянии природно-климатического фактора на социально-политический кризис России второй половины XVI - первой половины XVII в./ Козловский С.О.// Смутное

время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб.: Ист.фак. СПбГУ, 2012. С.93-95.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период)/ Колчин Б.А. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 262 с.

Колода В.В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян Руси с населением Хазарии/ Колода В.В.// Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С.232-240.

Колода В. В., Горбаненко С. А. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры в лесостепной зоне/ Колода В. В., Горбаненко С.// Матеріали і дослідження по археології Східної України. 2011. Вип. 11. С.228-239.

Колода В., Кройтор Р. Животноводство населения салтовской культуры в лесостепной части Северского Донца (Украина). Часть 3/ Колода В., Кройтор Р.// Revista Arheologică, seria nouă, V. XIII (nr. 1-2). 2017. С.223-224.

Колоколов А.М. Изучение памятников IX-XI вв. на территории Окско-Донского водораздела в 2008–2019 гг.: краткие итоги// Археология Волго-Окского региона: сборник тезисов к юбилею И.В. Белоцерковской/ ред.-сост. Н.А.Биркина. М.: ГИМ, 2020. С.75-82.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период)/ Колчин Б.А.// Материалы и исследования по археологии СССР. № 32. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 260 с.

Комар А.В. Поляне и северяне/ Комар А.В.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв.ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.128- 191.

Коновалова И.Г. Город Русийа в арабской географии XII-XIV вв./

Коновалова И.Г.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах/ отв. ред. Т.Н.Джаксон М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С.102-106.

Коновалова И.Г. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов/ Коновалова И.Г.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 год: Проблемы источниковедения/ Отв. ред. Л.В.Столярова; отв.ред. сер. Е.А.Мельникова. М.: Вост. литература, 2003. С.171-190.

Коновалова И.Г. Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения/ Коновалова И.Г.// Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. С.111-120.

Коновалова И.Г. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в./ Коновалова И.Г.// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. - 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен/ Отв. ред. тома Т.Н.Джаксон; отв.ред..сер. Е.А.Мельникова. М.: Индрик, 2010. С.88-99.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье/ Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 272 с., илл.

Корзинин А.Л. Государев двор в истории России последней четверти XV–XVI в./ Корзинин А.Л.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. №4 (82). С.158-178.

Костомаров Н.И. Смутное время московского государства в начале XVII столетия. 1604 - 1613./ Костомаров Н.И. М.: «Чарли», 1994. 800с.

Котляр Н.Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф/ Котляр Н.Ф.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах/ отв.ред. Т.Н.Джаксон М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. с.107-118.

Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX -

первой половины X в./ Котляр Н.Ф.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.33-49.

Котляр Н.Ф. Роль и значение Киева в историческом развитии восточных славян/ Котляр Н.Ф.// Киев и западные земли Руси в IX-XIII вв.: [Сб. статей]/ Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН УССР; [Ред. кол.: Л.Д.Поболь и др.] Минск: Наука и техника, 1982. С.5-24.

Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси/ Котляр Н.Ф. Киев.: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. 270 с.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской/ Коцебу А. СПб.: Тип-я Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1835. 322с.

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII - начало XVI в./ Кочин Г.Е. М. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1960. 464 с., ил.

Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства/ Крадин Н.Н.// Краткие сообщения Института археологии. Вып.239/ Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2015. С.7-27.

Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии/ Крадин Н.Н.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.211-239.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н.э.- первая половина I тысячелетия н.э./ Краснов Ю.А. М.: Наука, 1971. 168 с.

Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области// Краеведческие записки. Вып. 5/ Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Орел:

издательство «Вешние воды», 2006. 320 с., илл.

Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М.: «Наука», 1987. 558 с.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья : этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта/ Кренке Н.А. Москва; Смоленск, 2019. 392 с., 225 илл.

Кренке Н.А. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации/ Кренке Н.А.// Российская археология. 2014. № 3. С.39-49.

Кренке Н.А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье// Краткие сообщения Института археологии. Вып.235/ Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С.324-362.

Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исслед. и источников: Пер. с дат./ Вступ. Ст. и общ. Ред. В.И.Буганова/ Кристенсен С.О. М.: Прогресс, 1989. 256 с.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х гг. XVI в./ Кром М.М. М.: Новое литературное обозренние, 2010. 888с.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в./ Кром М.М. М.: Археографический центр, 1995. 296 с.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп./ Кром М.М. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.: ил.

Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры/ Кропоткин В.В. М.: Издательство «Наука», 1967. 136 с.

Крыганов А.В. Крупнейший пункт (город) Хазарии/ Крыганов А.В.// Восточноевропейский археологический журнал, 1(8) январь-февраль 2001.

(http://archaeology.kiev.ua/journal/010101/kryganov.htm от 1.10.2020)

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии/ Куббель Л.Е. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1988. 272 с.

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках/ Кузенков П.В.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: проблемы источниковедения/ Отв. ред. Л.В.Столярова; Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. М.: Вост.лит., 2003. С.3-172.

Кузенков П.В. Походы Олега и Игоря на Константинополь – общее и особенное/ Кузенков П.В.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.165-172.

Курбатов А.В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан/ Курбатов А.В.// Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В.Седова: Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И.К.Лабутиной. Псков: ИА РАН, 2010. С.232-248.

Кучкин В.А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года./ Кучкин В.А.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. №1, №2. С.1-14.

Кучкин В.А. О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса)/ Кучкин В.А.// Исторический вестник. Начало русской государственности. Том первый [148]. М.: 2012. С.120-142.

Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI - первой трети XIII в./ Кучкин В.А.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.74-100.

Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой/ Кучкин В.А.// Куликовская битва. Сборник статей. М.: Наука, 1980. С.26- 112.

Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV - первой четверти XVI вв./Лаврентьев А.В. М.: Квадрига, 2011. 256 с.

Ламкина Г.П. Самозванство в XVII веке: идеологическое и социально-

политическое содержание. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ Ламкина Г.П. М.: 2012. 27с.

Ламкина Г.П. Самозванство в контексте кризиса института политической власти в России XVII века/ Ламкина Г.П.// Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». № 4. М.: Изд-во МГОУ, 2008. С.3-7.

Лаптенков В.В. Елецкие древности/ Лаптенков В.В. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1998. 63 с.

Лаптенков В.В. Золотоордынская область Карасу и образование Елечского княжества/ Лаптенков В.В.// Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып.2. Липецк: ЛПГУ, 2000. С.121-128.

Ластовский Г.А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII - начале XVI веков/ Ластовский Г.А. Минск; Смоленск: Универсум, 2001. 226 с.: схем.

Латкин В. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западно-европейскими представительными учреждениями/ Латкин В. СПб.: Русская скоропечатня, 1885. 440 с.

Лебедев В.П., Амосов М.А. Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области// Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С.37-45.

Лебедев С.Г. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза/ Лебедев С.Г.// Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Под ред. д.ф.н. А.С.Герда, д.и.н. Г.С.Лебедева. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1989. С.105-115.

Лебедев С.Г. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руссах/ Лебедев С.Г.// Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В.Мавродина. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1978. С.21-24.

Лейзерович Е.Е. Об основных экономических районах (макрорайонах)

России/ Лейзерович Е.Е.// Региональные исследования. №3 (45). 2014. С.4-11.

Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русскаго права (продолжение)/ Леонтович Ф. И.// Журнал министерства народного просвещения. Ч. 290. СПб., 1893, декабрь. С.259-326.

Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в.// Русь в IX–X веках: археологическая панорама/ Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А.Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С.382-401.

Литаврин Г.Г. Византия и Древняя Русь в период между договорами 911 и 944 гг./Литаврин Г.Г.// Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва 19-22 апреля 1988. Тезисы докладов. М.: Институт истории СССР, 1988. С.38-42.

Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в./ Лобин А. Н.// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2009. № 1-2. С.45-78.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 8)/ Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. М.: Институт археологии РАН, 2007. 252 с., ил.

Лукин П.В. К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси/ Лукин П.В.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах/ отв. ред. Т.Н.Джаксон М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. с.132-142.

Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века/Лукин П.В. М.: Наука, 2000. 294 с.

Лукин П.В. О так называемом «племенном вече» у восточных славян/ Лукин П.В.//Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С.131-138.

Лунден И.Л. К истории экономических преобразований в России: аграрная реформа Ивана III (1462-1505) и ее значение для становления российской государственности/ Лунден И.Л.// Вестник института экономики РАН. № 5/2014. С.176-185.

Лурье Я.С. Две истории Руси 15 века/ Лурье Я.С. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. 240 с.

Лурье Я.С. Как установилась автокефалия русской церкви в XV в./ Лурье Я.С.// Вспомогательные исторические дисциплины. Т.XXIII. Л.:1991. С.181-198.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв./ Лурье Я.С. Ленинград: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1976. 285 с.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература»/ Любавский М.К. СПб.: Издательство «Лань», 2000. 304 с.

Любавский М. Литовский канцлер Лев Сапега о событиях смутного времени/ Любавский М. М.: Университетская типография, 1901. 16 с.

Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута/ Любавский М.К. М.: Университетская типография, 1892. 998 с.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд./ Любавский М.К. М.: Московская художественная печатня, 1915. 402 с.

Ляпин Д.А. Социально-экономическая эволюция населения юга Европейской России в контексте модернизации аграраного общества в конце XVI – XVII вв./ Ляпин Д.А.// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2018. Т.45, №2. С. 285-297.

Ляпин Д.А. Тяглые и частновладельческие дворы в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей Средней Оки и Верхнего Дона)/ Ляпин Д.А.// Научные ведомости Белгородского государственного

университета. Серия История. Политология. 2016. №22 (243). Выпуск 40. С.94-99.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки/ Ляпушкин И.И. Ленинград: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1968. 187 с.

Мавродин В.В. Образование древнерусского государства/ Мавродин В.В. Ленинград: Изд-во Ленинградского ордена Ленина государственного университета, 1945. 432 с.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса/ Магомедов Б. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001. 276 с.

Мазур Л.Д. Русский город XI-XVIII вв. Владимирская земля/ Мазур Л.Д. М.: Тула ИПП "Гриф и К", 2006. 111 с.: ил.

Майоров А.А. Восставшие за правду. Орловская земля в начале XVII века/Майоров А.А. Орел: Изд-во «Картуш», 2013. 156 с.

Майоров А.А. До Орла. Славянская история у окского истока/ Майоров А.А. Орел, Изд-во «Картуш», 2012. 156 с.

Майоров А.А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция/ Майоров А.А.// Вестник Брянского государственного университета. №4 (30) (2016): исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2016. С.71-77.

Майоров А.А. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века/ Майоров А.А. Орёл, издательство «Картуш», 2013. 376 с.

Майоров А.А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII-VIII веках/ Майоров А.А.// Ученые записки Орловского государственного университета: научный журнал. Орел: издательство ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева. 2016. № 3 (72). С.55-62.

Майоров А.А. Русь Верховская/ Майоров А.А. Орел, Изд-во «Картуш», 2012. 230 с.

Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом/ Макарова Т.И., Равдина Т.В.// Российская археология. 1992. № 4. С.68-82.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Археологические исследования древнего Пронска и гродища на горе Гневне/ Мальм В.А., Фехнер М.В.// Археология рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.193-209.

Манаков А.Г., Андреев А.А. Историко-географическое районирование как междисциплинарный исследовательский проект/ Манаков А.Г., Андреев А.А.// Псковский регионологический журнал, №12, 2011. С.101-112.

Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV-XVII веке/ Маркевич А.И. Одесса: Тип-я «Одесского вестника», 1888. 770с.

Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины/ Массалитина Г.А.// Средневековая археология Восточной Европы (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 208). М.: Наука, 1993. С.46-52.

Мартемьянов Т.А. Древние княжества в Оловском крае. Карачевский удел/ Мартемьянов Т.А.// Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел: Типо-литография А.П.Матвеевой, 1906. С.130-139.

Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии, 1994. 18 с.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI вв. н.э. (по данным письменных источников и археологии)/ Мачинский Д.А.// Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы. Ленинград: «Аврора». 1976. С.82-100.

Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII - середине XI в/ Мачинский Д.А.// Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 49: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой

истории Старого Света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже/ Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С.460-538.

Мачинский Д.А. О прародине славян в I-V вв. и об этносоциуме русь/rōs в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа»)/ Мачинский Д.А.// Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.)/ науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25-127.

Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы середины IV-первой половины VI в. в «Getica» Иордана// Ладога и Г.Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. С.26-72.

Медведев А. П. Об этнокультурной принадлежности памятников гуннского времени на Верхнем Дону/ Медведев А. П.// Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4-6 ноября 2004 г.). Харьков: НМЦ «МД», 2004. С.79-80.

Медведев А.П. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье/ Медведев А. П.// Исторические записки: науч. тр. ист. фак. ВГУ. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. Вып. 8. С.195-207.

Международная конференция «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева), Алупка, 25-30 сентября 2008 г./ Материалы конференции. Киев; М., 2008. 248 с.

Мельников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века/ Мельников А.С. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.

Мельникова Е.А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы/ Мельникова Е.А.// Исторический вестник. Начало русской государственности. Том первый [148]. М.: 2012. С.24-38.

Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии

н.э./ Мельникова Е.А.// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. - 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен/ Отв. ред. тома Т.Н.Джаксон; отв.ред..сер. Е.А.Мельникова. М.: Индрик, 2010. С.43- 57.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)/ Мельникова Е.А.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.16-33.

Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси/ Мельникова Е.А. //Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 17-19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С.143-151.

Мельникова Е. Пути и народы: к характеритике ментальной карты составителя «Повести временных лет» / Мельникова Е.А.// Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів / Редколегія: О.Б. Коваленко (відповідальний редактор) та ін. Чернігівська міська рада; НАН України. Інститут археології, Інститут історії України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського; Чернігівський державний педагогічний університет ім. Т.Г. Шевченка; Всеукраїнська спілка краєзнавців. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С.68-77.

Миллер В.Ф. Отголоски Смутного времени в былинах/ Миллер В.Ф. СПб.: Императорская академия наук, 1906. 104 с.

Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. Часть III. Раннее средневековье. Исследования и материалы. Серия II (ротаторные издания)/ Миллер М.А. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1961. 200 с.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса/ Милов Л.В. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Милонов Н.П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязанский средне-окский музей. Исследования и материалы. Выпуск VIII/ Милонов Н.П. Рязань: типография «Мосполиграфа», 1931. 52 с.

Миненко В.В., Яганов А.В. Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII - XVII вв./ Миненко В.В., Яганов А.В.// Краткие сообщения Института археологии. Вып.232/ Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2014. С.213-219.

Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII - начале XIII века/ Михайлова И.Б. СПб.: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2010. 294 с.

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье./ Мишин Д.Е. М.: Институт востоковедения РАН. Издательство «Крафт+», 2002. 368 с.

Моисеев М.В. Некоторые аспекты взаимоотношений Московского государства с постордынскими государственными образованиями// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 204-213.

Молчанов А.А. Сфрагистические атрибуты внешнеполитических документов Тмутараканского княжества второй половины XI в./ Молчанов А.А.// Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VII Международной научной конференции. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. С.93-95.

Монгайт А.Л. Рязанская земля/ Монгайт А.Л. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400с.

Морозова Л.Е. История России. Смутное время/ Морозова Л.Е. М.: АСТ, Астрель, 2011. 542 с.

Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV - начала XV века/ Муравьева Л.Л. М.: Наука, 1991. 224 с.

Муханов П. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев/ Муханов П. М.: тип-я С.Селивановского, 1834. 276 с.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв./ Назаренко А.В. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей/ Назаренко А.В.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). М., 2007. С.85-103.

Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета/ Назаренко А.В.//Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994 г. М.: «Археографический центр», 1996. С.5-79.

Назаренко А.В. «Путь из немец в хазары» и первые века древнерусской истории (IX-X вв.)/ Назаренко А.В.// Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва 19-22 апреля 1988. Тезисы докладов. М.: Институт истории СССР, 1988. С.52-56.

Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников/Назаренко А.В.// Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва - Вологда: Древности Севера, 2012. С.12-35.

Назаров А.Д. Ярлык Хаджи-Герая Казимиру IV и русско-литовские отношения/ Назаров А.Д.// Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва 19-22 апреля 1988. Тезисы докладов. М.: Институт истории СССР, 1988. С.57-60.

Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в./ Назаров В.Д. // Российский дипломатарий. Вып. 5. М.:1999. С.175-196.

Насонов А.Н. История русского летописания XI-начала XVIII века. Очерки и исследования/ Насонов А.Н. М.: Наука, 1969. 556 с.

Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)/ Насонов А.Н. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 178 с.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование/ Насонов А.Н. М.: Издательство АН СССР, 1951. 262 с.

Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII - середине XV вв. Автореф. к.и.н./ Наумов А.Н. М.: 2004.

Неделин В.М. Древние города земли Орловской. XII-XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт/ Неделин В.М. Орёл: Вешние воды, 2012. 560 с.

Неделин В.М., Ромашов В.М. Архитектурные древности Орловщины. В 2 т./ Неделин В.М., Ромашов В.М. Орел, 1998, 2009.

Недошивина Н.Г. Курганный могильник у дер. Маклаково/ Недошивина Н.Г.// Археология рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.210-215.

Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII веков/ Недошивина Н.Г.// Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С.49-52.

Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV - начало XX века/ Нефедов С.А. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005. 540 с.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. ИА РАН. Т.4./Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. М.: ИА РАН, 2005. 188 с.: ил.

Нидерле Л. Быт и культура древних славян/ Нидерле Л. Прага: «Пламя», 1924. 286 с.

Нидерле Л. Славянские древности/ Пер. с чешск. Т.Ковалевой, М.Хазанова, ред. А.Л.Монгайта./ Нидерле Л.М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2010. 744 с.: ил.

Николаев В.А. Парагенезис полесий – ополий Центральной России/ Николаев В.А.// Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. №1. С.45-50.

Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов/ Николаев С.Л.// Вопросы языкознания. 1994. № 3. С.23-49.

Николаева И.В. Семантика «своих» и «чужих» в Повести временных лет. Автореферат диссертации на соискание степени канд. Культурологии/ Николаева И.В. М.: 2003. 26 с.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей/ Никольская Т.Н. М.: Наука, 1987. 184 с.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв./ Никольская Т.Н. М.: Наука,1981. 296 с.

Никольская Т.Н. К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей// Культура Древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1966. С.184-190.

Никольская Т.Н. К исторической географии земли вятичей/ Никольская Т.Н.// Советская археология. 1972. №4. С.158-170.

Никольская Т.Н. Сельское хозяйство и промыслы в городах Земли вятичей/ Никольская Т.Н.// Краткие сообщения института археологии. Вып. 144. Средневековые древности Восточной Европы/ Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 1975. С.23-29.

Никольский Н.К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Сборник по русскому языку и словесности. Т.2. Вып.1/ Никольский Н.К. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. 108 с.

Никулов А.П. Население Старооскольского уезда в XVII - начале XVIII в.: локально-историческое исследование. Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук/ Никулов А.П. Старый Оскол: 2006.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века/ Новосельский А.А. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 444 с.

Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в.

(по десятням)/ Новосельский А.А// Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 231- 253.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв./ Новосельцев А.П.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П.Новосельцева. Отв. ред. к.и.н. Т.М.Калинина. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С.264-323.

Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель/ Новосельцев А.П.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П.Новосельцева. Отв. ред. к.и.н. Т.М.Калинина. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С.454-477.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа/ Новосельцев А.П.М.: Наука, 1990. 264 с.

Орловская область. Историко-экономический очерк. Изд-е 2-ое, исп. и доп. Тула, Приокское кн. изд-во, 1977. 342 с.

Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки// Балто-славянские исследования. XVI. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2004. С.83-114.

Оятева Е.И. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского/ Оятева Е.И.// Археология рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.189-192.

Павлов-Сильванский Н. Феодализм в Древней Руси/ Павлов-Сильванский Н. Петроград: Издательство «Прибой», 1924. 160 с.

Панеях В.М. Холопство в первой половине XVII в./ Панеях В.М. Ленинград: Наука Ленинградское отд-ние, 1984. 260 с.

Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI-первая половина XVII века)/ Папков А.И. Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.

Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век)/ Пашуто В.Т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 280 с.

Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и

исторические судьбы восточного славянства/ Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. М.: Наука, 1982. 264 с.

Пенской В.В. Русская Смута начала XVII в. — локальное явление или часть общемирового процесса?/ Пенской В.В.// Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб.: Ист. фак. СПбГУ, 2012. С.199-202.

Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV - начале XVII вв. Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности/ Петров К.В. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2005. 144с.

Петрухин В.Я. Крещение Руси: от язычества к христианству/ Петрухин В.Я.М.: АСТ: Астрель, 2006. 222, [2] с.: ил.

Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии/ Петрухин В.Я.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье/ Отв. ред. Г.В. Глазырина; Отв. секретарь С.Л. Никольский; [Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. М.: Вост. лит., 2001. С.127-142.

Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.)/ Петрухин В.Я.// Древнейшие государства на территории СССР. 1981 год. М.: «Наука», 1983. С.174 - 181.

Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали/ Петрухин В.Я.// Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. – 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен/ Отв. ред. тома Т.Н.Джаксон; отв.ред.сер. Е.А.Мельникова. М.: Индрик, 2010. С.58-65.

Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры/ Петрухин В.Я. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 464 с.

Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: аспекты исторических взаимосвязей:

Историко-археологические очерки/ Петрухин В.Я. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства/ Петрухин В.Я.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г./ М.: Издательство «Наука», 1995. С.117-125.

Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа/ Петрухин В.Я.// Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья/ Отв.ред. Б.Н.Флоря. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С.81 – 150.

Петрухин В.Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями/ Петрухин В.Я.// Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С.208-213.

Петрухин В.Я., Флеров В.С. Иудаизм и в Хазарии по данным археологии/ Петрухин В.Я., Флеров В.С.// История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени/ Под ред. А.Кулика. Том 1. М.: Мосты культуры/ Гешарим, 2010. С. 149-161.

Пилипчук Я.В. Был ли Ягайло союзником Мамая?/ Пилипчук Я.В.// Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. № 8. Т.1. С.82-92.

Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки/ Пирлинг П. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1902. 285 с.

Платонов С.Ф. Смутное время/ Платонов С.Ф. СПб.: Издательство «Лань», 2001. 480 с.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии/ Подосинов А.В. М.: «Языки русской культуры», 1999. 720 с., ил.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической

традиции. Тексты, перевод, комментарий/ Подосинов А.В. М.: Индрик, 2002. 488 с.: 16 илл.

Подчасов Н.А. Система обороны южных границ России второй половины XVI в. в зеркале разрядных источников/ Подчасов Н.А.// Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С.191-201.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I - II в. н.э.) (Раннеславянский мир. Выпуск 12). М.: ИА РАН, 2010. 332 с.: ил.

Полехов С.В. Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском/ Полехов С.В.// Вестник московского университета. Серия 8 История. 2010. № 1. С.35-48.

Полехов С.В. К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г.// Полехов С.В./ Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. С. 34-55.

Полехов С.В. Смоленское восстание 1440 г./ Полехов С.В.// Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв. Том седьмой [154], 2014. С.160-196.

Полякова Г.Ф. Селища в долине Прони/ Полякова Г.Ф.// Археология рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.216-221.

Пономарева И.Г. Об обряде инвеституры в Древней Руси/ Пономарева И.Г.// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-23 ноября 2013 г. М., 2013. С.48-50.

Пономарева И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II/ Пономарева И.Г.// Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583-592.

Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами// Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Выпуск

4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 200-203.

Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Ред. И.М.Мергалеев/ Почекаев Р.Ю. Казань: Издательство «ФЭН» АН РТ, 2009. 260 с.

Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды/ Почекаев Р.Ю. Спб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.

Природа Орловского края. Под общей редакцией проф. В.Н.Хитрово. Орел, тип-я «Труд», 1925. 576 с., с прил.

Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв./ Приселков М.Д. СПБ.: «Дмитрий Буланин», 1996. 326 с.

Приселков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре/ Приходнюк О.М. // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.: Наука, 1990. С.75-108.

Прохоров В.А. Липецкая топонимия/ Прохоров В.А. Воронеж, Центр. Черноземное кн. изд-во, 1981. 160 с.

Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы / Прохоров Г.М. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1978. 240 с.

Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи/ Прохоров Г.М. СПб.: Алетейя, 2000. 287 с.

Прошкин О.Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ Прошкин О.Л. М.: 2001. 374 с.

Прошкин О.Л. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея, 2011. 144 с.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты/ Пузанов В. В. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.

Пузанов В. В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в

контексте восприятия современников (VIII - начало XII в.). Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук./ Пузанов В. В. Ижевск, 2009. 43 с.

Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. Составитель, автор предисловия и примечаний В.М.Катанов/ Пясецкий Г.М. Тула: Приок. кн. изд-во; Орел: изд-во Орловской государственной телерадиокомпании, 1993. 252 с.

Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца/ Равдина Т.В.// Советская археология. 1975. №3. С.218-223.

Равдина Т.В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища)/ Равдина Т.В.// КСИА. Вып 113. Средневековые памятники Восточной Европы. М.: Наука, 1968. С.117-118.

Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца/ Равдина Т.В.// Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С.181-187.

Радюш О.А., Никитина А.В., Провоторов Е.В. Разведки памятников III–VI вв. в Орловской области// Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2020. С.225-227.

Раздорский А.И. Владельческая принадлежность Курского княжества в XI-XIII вв./ Раздорский А.И.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.2. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: УРСС, 1998. С. 3-21.

Разин Е.А. История военного искусства XVI-XVII вв./ Разин Е.А. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. 736 с.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII в/ Рапов О.М. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1977. 264 с.

Раппопорт П.А. Трубчевск/ П.А. Раппопорт// Советская археология. 1973. №4. С. 205-217.

Ржига В.Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси/ Ржига В.Ф.// Труды Государственного исторического музея. Вып.5. М.: Издание Гос. ист. музея, 1929. 102 с.: ил.

Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние

века (по археологическим данным)/ Риер Я.Г. Могилев. 2000. 320 с.

Риер Я.Г. Историческая демография: учебное пособие. 2-ое изд. доп./ Риер Я.Г. Могилев: МГУ им.А.А.Кулешова, 2006. 160 с.

Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в./ Рожков Н.// Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Выпуск 26. М.: Университетская типография, 1899. 520 с.

Розенфельдт Р.Л. Егорьевская коллекция рязанских вещей/ Розенфельдт Р.Л// Археология Рязанской земли/ Отв. Ред. А.Л.Монгайт. М.: Наука, 1974. С.184 - 188.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э./ Институт археологии РАН, Буковинский центр археологических исследований при Черновицком национальном университете им. Юрия Федьковича/ Русанова И.П. Черновцы: «Прут», 2002. 172 с., ил..

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв./ Русанова И.П.// Российская археология. 1992. № 4. С.50-67.

Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры/ Русанова И.П.// Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.: Наука, 1990. С.119-150.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч/ Русанова И. П., Тимощук Б. А.// Российская археология. 1998, № 2. С. 234-243.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Религиозное двоеверие на Руси в XI-XIII вв. (по материалам городищ-святилищ)/ Русанова И. П., Тимощук Б. А.// Культура славян и Русь. Сборник статей к 90-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1999. С.144-163.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. Под ред. д-ра ист.наук С.А.Плетнёвой. 2-е изд., испр./ Русанова И. П., Тимощук Б. А. М.: Издательство «Ладога-100», 2007. 304 с., ил., сх., таб.

Русина Е.В. На исторических распутьях. К вопросу о социокультурном

дистанцировании восточнославянских земель в XIV-XVI вв./ Русина Е.В. // Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв. Том седьмой [154], 2014. С.226-240.

Русь в XIII в.: Древности темного времени// Отв.ред. Н.А.Макаров, А.В.Чернецов; Ин-т археологии. М.: Наука, 2003. 406 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв./ Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1982. 600 с.

Рыбаков Б.А. Начальные века русской истории// Христианство и Русь. Сборник статей/ Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1988. С.5-30.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев// Древности Восточной Европы. Древности Восточной Европы: сб. ст./ Отв. ред. Л.А. Евтюхова. Материалы и исследования по истории СССР. № 169. М.: Наука, 1969. С. 189-196.

Рыбаков Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948-49 гг.// Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. XXXVIII. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. С.34-41.

Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года// КСИА. XLIII. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 3-44.

Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж/ Рыбаков Б.А.// По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. С.75-120.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения новгородской земли по данным антропологии/ Санкина С. Л. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 110 с.

Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси/ Сахаров А.Н.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.7-18.

Саушкин Ю.Г. Сопоставление сеток основных экономических и тектонических районов СССР/ Саушкин Ю.Г.// Вопросы географии. Сборник

сорок седьмой: Экономическое районирование СССР. М.: Государственное издательство географической литературы, 1959. С.104-121.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Под ред. И.П.Шаскольского/ Свердлов М.Б. Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1983. 240 с.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI-первой трети XIII в./ Свердлов М.Б. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (Историографические заметки)/ Свердлов М.Б.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г./ М.: Издательство «Наука», 1995. С.6-15.

Свердлов М.Б. Эволюция социальных структур у славян в VII - первой половине X вв. (основные тенденции)/ Свердлов М.Б.// Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д.Белецкого. СПб.: ART-CONTACT, 1994. С.224-231.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР с древнейших времён до средневековья. Том 14/ Седов В.В. М.: Наука, 1982. 328с.

Седов В.В. Голтескифы/ Седов В.В.// Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. С.88-96.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование/ Седов В.В. М.: Институт археологии РАН, 1999. 317 с.

Седов В.В. Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования/ Седов В.В.// Исторические записки. Вып. 2(120). М.: Наука, 1999. С.267-295.

Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам)/ Седов В.В.// Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сборник тезисов. М.:

Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы,1987. С.40-43.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР № 163/ Седов В.В. М.: Издательство «Наука», 1970. 200 с.

Седов В.В. Славяне в древности/ Седов В.В. М.: Издательство «научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. 344 с.

Седов В.В. Славяне в римское время. XIII Международный съезд славистов (Словения, 2003)/ Седов В.В. М.: Институт археологии РАН, 2003. 28 с.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование/ Ин-т археологии Рос. академии наук/ Седов В.В. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с., ил.

Седов В.В. Этногенез ранних славян/ Седов В.В.// Вестник РАН. Т.73, № 7, 2003. С.594-605.

Селезнёв Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси/ Селезнев Ю.В.// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 1. С. 18-24.

Селезнёв Ю.В. Деятельность хана Джелаль-ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы// Studia Slavica et Balcanica/ Петербуркские славянские и балканские исследования. 2010. №2. С.46-52.

Селезнёв Ю.В. Заднепровские князья Галицко-Волынской летописи/ Селезнёв Ю.В.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С.121-122.

Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига/ Селезнёв Ю.В. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.

Селезнев Ю.В. Княжеские усобицы в Древней Руси 1132-1169 гг./ Селезнёв Ю.В. М.: Руниверс, 2018. 392 с.

Селезнёв Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева улуса

(Орды). Дис. д.и.н./ Селезнев Ю.В. Воронеж, 2014. 595 с.

Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева в XIII-XV веках/ Селезнёв Ю.В. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.

Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII – XV веков. Справочник/ Селезнёв Ю.В. М.: Квадрига, 2010. 224 с.

Селиверстов Д.А. Белёвская битва 1437 года (1)/ Селиверстов Д.А.// Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С.303-316.

Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского/ Семенченко Г.В.// Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы. Т.42. Л.: Изд-во АН СССР, 1989. С.241-254.

Синиченко В.В., Черных В.В. Засека - одна из разновидностей первых фортификационных сооружений на Руси// Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2011. № 1 (56). С.108-114.

Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени»/ Скрынников Р.Г. М.: Мысль, 1980. 205 с.

Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев/ Скрынников Р.Г. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1990. 238 с.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века/ Скрынников Р.Г. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. 327 с.

Скрынников Р.Г. Три Лжедмитрия/ Скрынников Р.Г. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 480 с.

Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Под ред. А.С.Герда, Г.С.Лебедева. Ленинград: Издательство ленинградского университета, 1989. 184 с.: ил.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 2. Д-К. М.:Международные отношения, 1999. 702 с.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 9(М). М.: Наука, 1982. 360с.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже// Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 49. СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2009. 656 с.: ил.

Смиленко А.Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII - X вв./ Смиленко А.Т.// Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов/ АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1989. С.105-114.

Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607/ Смирнов И.И. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 588 с.

Смирнов И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова/ Смирнов И.И. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 151с.

Смирнов Павел. Орловский уезд в конце XVI века по Писцовой книге 1594-5 г.г. Киев: Тип-я Императорского Университета СВ.Владимира, 1910. 336 с.

Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии/ Смирнягин Л.В.// Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 6. С.13-19.

Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников/ сост. А.И.Плигузов, И.А.Тихонюк; Вст. ст. В.И.Буганова; Послесл. А.И.Плигузова. М.: Современник, 1989. 462 с.

Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб.: Ист. фак. СПбГУ, 2012. 288 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд.4/ Соболевский А.И. М.: Университетская типография, 1907. 314 с.

Советстская историческая энциклопедия. Гл.ред. Е.М.Жуков. Т.3. Вашингтон – Вячко. М.: «Сов. Энциклопедия», 1963. 976 стлб. с илл. и карт., 9 л. илл., 4 л. карт.

Советская историческая энциклопедия. Гл.ред. Е.М.Жуков. Т.5. Двинск – Индонезия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1964. 960 столб. с илл. и карт., 6 л. илл. и карт.

Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М.Жуков. Т.14. Таанах – Фелео. М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. 1040 столб. с илл. и карт., 2 л. карт.

Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М.Жуков. Т. 16. Чжан Вэнь-тянь – Яштух. М.: «Сов. Энциклопедия». 1975. (Энциклопедии. Словари. Справочники). 1976. 1002 стлб. с илл. и карт., 2 л. карт.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I-V. Второе издание/ Соловьев С.М. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. 880 с.

Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне)/ Соловьева Г.Ф.// Советская археология. XXV. М., 1956. С. 138-170.

Солодкин Я.Г. Существовала ли Семибоярщина в годы Московской смуты/ Солодкин Я.Г.// Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб.: Ист.фак. СПбГУ, 2012. С.234-236.

Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Издание четвертое, дополненное/ Спасский И.Г. Л.: Издательство «Аврора», 1970. 256 с.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным// Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899, август.

Спицын А. Серебряная фибула скандинавского типа, найденная близ г.Ельца/ Спицын А.// Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел: Типография Губернского Правления, 1904. С. 75-80.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории/ Станиславский А.Л. М.: Мысль, 1990. 270 с.

Стефанович П. С. Кого представляли послы «от рода рускаго» в договоре руси с греками 944 г.?/ Стефанович П. С.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С.109-110.

Столяров Е.В. Культурные традиции населения бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в. н. э.). Автореф. канд. ист. наук. / Столяров Е.В. М.: 2013. 32 с.

Столярова Л.В. Как работал древнерусский летописец/ Столярова Л.В.// Очерки феодальной России. Сборник статей. Редактор С.Н.Кистерев. М.: УРСС, 1997. С.24-64.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Издание археографической комиссии/ Строев П. СПб.: Типография В.С.Балашева, 1877. 574 с.

Сухобоков О.В. Славяне днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники)/ Сухобоков О.В. Киев: «Наукова Думка», 1975. 168 с.

Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв./ Тарас А. Е. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 800 с.

Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т.1. /Татищев В.Н. М.: АСТ Ермак, 2005. 568, [8] с.

Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. Т.2/ Татищев В.Н. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. V и VI. История Росийская. Части 3 и 4/ Татищев В.Н. М.: НИЦ «Ладомир», 1996. 784 с.

Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г./ Темушев В.Н.// Куликовская битва в истории России: Сб. статей. Под ред. А.Н.Наумова. Тула: ГУП- Изд-во «Левша», 2006. С.82-102.

Темушев В.Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе/ Темушев В.Н. //Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі., серыя гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С.77-80.

Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494/Темушев В.Н. М.: Квадрига, 2013. 240 с.: ил., карты.

Темушев, В.Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы

в XV в./ Темушев В.Н.// Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5/ рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2010. С. 208-224.

Темушев В.Н.Территория и границы Московского княжества в конце XIII - первой половине XIV в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. /Темушев В.Н. Минск, 2002. 124 с.

Темушев В.Н. Формирование московско-литовской границы в XV-начале XVI вв./ Темушев В.Н.// Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Минск: «Издательский центр БГУ», 2008. с.56-76.

Темушев С. Трансформация налогово-даннической системы древнерусских земель после монгольского нашествия 1237-1241 гг./ Темушев С.// Colloquia Russica. Series I, vol. 3: Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223-1480). Publication after 3nd International Conference. Warsaw, 15-17th November, 2012, ed. Vitaliy Nagirnyy. Krakow: 2013. С.52-61.

Темушев С.Н. К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси/ Темушев С.Н.// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-23 ноября 2013 г. М., 2013. С.56-60.

Тимеа Ботор. «А переменить Богъ Орду...». Собирание «выхода» в зеркале духовных и договорных грамот великих московских князей (XIV-XV вв.)/ Тимеа Ботор// Colloquia Russica. Series I, vol. 3: Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Publication after 3nd International Conference. Warsaw, 15–17th November, 2012, ed. Vitaliy Nagirnyy. Krakow: 2013. С.189-197.

Тимощук Б. А. Об археологических признаках восточнославянских городищ святилищ/ Тимощук Б. А.// Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов/ АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1989. С.74-83.

Тимощук Б. А., Русанова И. П. Второе Збручское (Крутиловское)

святилище (по материалам раскопок 1985 г.)// Древности славян и Руси/ Тимощук Б. А., Русанова И. П. М.: «Наука», 1988. С.78-91.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Издание 2-ое, дополненное и переработанное/ Тихомиров М.Н. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1956. 478 с.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь/ Тихомиров М.Н. М.: Наука, 1975. 430 с.

Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М.: Издательство «Наука», 1973. 424 с.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии/ Тихомиров М.Н. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних/ Тихомиров М.Н.// Исторические записки. Т.40. М.,1952. С.214-259.

Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII века/ Толочко П.П. СПБ.: Алетейя, 2011. 200 с.

Толочко П.П. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX-XIII вв./ Толочко П.П.// Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов/ АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1989. С.115-124.

Толочко П.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология/ АН Украины. Ин-т истории Украины, Ин-т укаринской археографии; Отв. ред. Н.Ф.Котляр/Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1992. 224 с.

Толочко П.П. Киев и Чернигов в IX – XIII вв./ Толочко П.П.// Чернигов и его округа в IX- XIII вв. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1988. С.15-21.

Толстой Н.И. Язычество древних славян/ Толстой Н.И. //Толстые Н.И. и С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5-6 ноября 2013 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С.51-66.

Топоров В.Н. Балтские следы на Верхнем Дону/ Топоров В.Н.// Балто-славянские исследования 1988-1996. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 311-

324.

Топоров В.Н. Балтский элемент в гидронимии Поочья. I/ Топоров В.Н.// Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С.154-177.

Топоров В.Н. Балтский элемент в гидронимии Поочья. II/ Топоров В.Н. // Балто-славянские исследования 1987. М.: Наука, 1989. С.47-69.

Топоров В.Н. Еще раз о Goltescytha у Иордана (Getica 116)/ Топоров В.Н.// Славянское и балканское языкознание. М., Издательство «Наука», 1983. С.38-49.

Топоров В.Н. О балтийском слое русской истории/ Топоров В.Н. // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С.349-411.

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII- третья четверть X вв.): Монография/ А.А.Тортика; Харьк.гос.акад.культуры. Харьков: ХГАК, 2006. 553 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности/ Трепавлов В.В. М.: Наука. «Восточная литература», 1993. 168 с.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии/ Трепавлов В.В. М.: Квадрига, 2010. 72 с. +карты.

Тропин Н.А. На Юго-востоке Руси: Чернигово-Рязанское порубежье в IX-XV веках/ Тропин Н.А. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. 159 с.

Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII - XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук./ Тропин Н.А. М.: 2007. 44 с.

Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения/ Трубачев О. Н.// Вопросы языкознания. 2000. №5. С.4-27.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования/ Трубачев О. Н. М.: Наука, 1991. 271 с.

Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян, древние славяне по

данным этимологии и ономастики/ Трубачев О. Н.// Вопросы языкознания. М., 1982, № 4. С. 10-26.

Туровский Р.Ф. Проблема централизации и модели русской региональной политики в XIII-XVI вв./ Туровский Р.Ф.// Полис: Политические исследования. М.: 2004, №1. С.125-139.

Тюменцев И.О. К истории калужского периода движения Лжедмитрия II/ Тюменцев И.О.// Россия XV-XVIII столетий: Сборник научных статей. Юбилейное издание. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. С.93-135.

Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II/ Тюменцев И.О. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 600 с.

Тянина Елена. Элементы языческой культуры в Новгороде во второй половине XIII–XIV вв. (по археологическим данным)// COLLOQUIA RUSSICA Series I, vol. 3 Rus' during the epoch of Mongol invasions. (1223-1480) Ed.:Vitaliy Nagirnyy. Publication after 3rd International Conference, Warsaw, 15-17th November 2012. Krakow, 2013. С.132-142.

Ульянов В.П. Князь М.И. Воротынский – военный деятель России XVI в. Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук/ Ульянов В.П. Тюмень: 2006. 23 с.

Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I/ Ульяновский В.И. Київ, Либідь,1993. 292 с.

Ульяновский В.И. Царское венчание Лжедмитрия I: между Западом и Востоком?/ Ульяновский В.И.// Россия XV-XVIII столетий: Сборник научных статей/ Ульяновский В.И. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. С.76-92.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки/ Рос. академия наук. Ин-т славяноведения/ Успенский Ф.Б. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.: вкл. л.

Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве/ Устрялов Н.Г. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева/ под ред. и предисл. Б.А.Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 573 с.

Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.10: Русская религиозность. Часть 1. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв./ Примеч. С.С.Бычков./ Федотов Г.П. М.: Мартис, 2001. 382 с.

Фетищев С.А. К вопросу присоединения Мурома, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в./ Фетищев С.А.// Российское государство в XIV- XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г.Алексеева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С.31-39.

Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила/ Флоря Б.Н.// Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. Том третий [150]. М.: 2013. С.6-22.

Флоря Б.Н. Литва и Русь перед Куликовской битвой/ Флоря Б.Н.// Куликовская битва. Сборник статей. М.: Наука, 1980. С.142-173.

Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460)/ Флоря Б.Н.// Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. М.: Наука, 2001. С.172-197.

Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI-начале XVII в./ Флоря Б.Н. М.: Наука, 1978. 301 с.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество/ Флоря Б.Н. М.: Издательство «Индрик», 2005. 416 с.

Фомин А.В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х годах X в./ Фомин А.В.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г. М.: Издательство «Наука», 1995. С.63-73.

Фомин А.В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в./ Фомин А.В.// Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва 19-22 апреля 1988. Тезисы докладов. М.: Институт

истории СССР, 1988. С.109-113.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750-1200. Под ред. Д.М.Буланина/ Франклин С., Шепард Д. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. 672 с.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси/ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 269 с.

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя/ Фроянов И.Я. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 372 с.

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян/ Фроянов И.Я. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 512 с.

Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет»/ Хабургаев Г.А. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 232 с.

Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия/ Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.// Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С.96-112.

Ханыков В.В. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года. Сообщ. архимандрит Леонид, издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете/ Ханыков В.В. М.: Университетская типография, 1878. 132 с.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV - начало XVI вв./ Хорошкевич А.Л. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Хрусталев Д.Г. От вторжения до «ига» (30-40 гг. XIII в.). 2-е изд., испр. и доп./ Хрусталев Д.Г. СПб.: Евразия, 2008. 384 с.: ил.

Цветков С.В. Экономическая основа образования Древнерусского государства/ Цветков С.В.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.89-111.

Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края

XIV-XVII веков. Т.1/ Цепков А.И. Рязань: Александрия, 2005. 704 с.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв./ Черепнин Л.В. М.: Наука, 1978. 417 с.

Черепнин Л.В. Крестьянские войны в России XVII- XVIII веков: проблемы, поиски, решения/ Черепнин Л.В. М.: Наука, 1974. 447 с.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков/ Черепнин Л.В. Часть первая. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 472 с.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков/ Черепнин Л.В. Часть вторая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 428 с.

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Т.22/ Чечулин Н.Д. СПб.: Типография И.Н.Скороходова, 1889. 354 с.

Чистякова Е.В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в./ Чистякова Е.В.// Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.254-271.

Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30-40-е годы)/ Чистякова Е.В. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. 248 с.

Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Мат-лы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.337-342.

Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского/ Шабульдо Ф.М. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.

Шамильоглу Юлай. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация/ Шамильоглу Юлай// Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им.

Ш.Марджани АН РТ, 2016. С.679-694.

Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени/ Шахматов А.А. Петроград: 2-я Государственная типография, 1919. 64 с.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. Издание Императорской Археографической Комиссии. Петроград: Тип-я А.В.Орлова, 1916. 492 с.

Шевеленко А.Я. Демографическая заметка о Европе раннего средневековья/ Шевеленко А.Я.// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 г. М.: Издательство «Наука», 1982. С.216-227.

Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в./ Шеков А.В. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.

Шеков А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII - середина XVI вв.)/ Шеков А. В. Тула: Тульская археологическая экспедиция, 1993. 100 с.: ил.

Шеков А.В. Верховские княжества (вторая половина XIII - середина XVI вв.). Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук/ Шеков А. В. М.: 1998. 22 с.

Шеков А. В. Заметки о черниговском летописании XII в./ Шеков А. В.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С.106-114.

Шеков А. В. Летописные известия об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429, 1430 г./ Шеков А. В.// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С.135-136.

Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII - середина XVI в./ А.В.Шеков. М.: Квадрига, 2018. 522 с.: ил.+ карты.

Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья/ Шенников А.А. Л.: 1987. 139 с.

Шинаков Е.А. Время и направление распространения христианства на севере черниговской епархии/ Шинаков Е.А.//1000 років Чернігівській єпархії.

Тези доповідей церковно-історичної конференції. Чернігів, 1992. С.45-50.

Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики)/ Шинаков Е.А.// Верхнедонской археологический сборник/ отв. ред. А.Н. Бессуднов. Выпуск 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.193-208.

Шинаков Е.А. К вопросу о естественных и антропогенных границах стародубского ополья в конце X-XII вв.// Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Тезисы докладов и сообщений II межвузовской научной коноференции. Белгородский государственный педагогический институт, 1990. С.101-102.

Шинаков Е.А. Между Синими Водами и Грюнвальдом: центрально-восточные окраины литовско-русских земель в военно-политических вобытиях второй половины XIV- начала XV в.// Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. (г.Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде/ Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им.акад.И.Г.Петровского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. С.303-308.

Шинаков Е.А. Монголо-татары и Подесенье в XIII в./ Шинаков Е.А.// Studia internationalia: Матерриалы III междуеародной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв» 2-4 июля 2014 г.). Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С

Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект/ Шинаков Е.А. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 488с.

Шинаков Е.А. О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)/ Шинаков Е.А.// Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. С. 236-255.

Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-

западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства/ Шинаков Е.А.// Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.34- 93.

Шинаков Е.А. Политический статус Брянского княжества в сравнительно-историческом аспекте (к вопросу о «демократических» тенденциях в русской истории)/ Шинаков Е.А.// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Москва, 19-20 сентября 2009 г. М: Изд-во МГУ, 2009. С.36-38.

Шинаков Е.А. У истоков русской государственности/ Шинаков Е.А. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. 520 с.

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в.// Вівчення історичної та культурної спадщины Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990. С.66-68.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Переход от языческой к христианской погребальной обрядности (на примере Среднего Подесенья)// Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений/ Отв. ред. Е.А.Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С.312-316.

Шинаков Е.А, Лобанов Г.В. Физико-географические регионы и характер размещения населения на северо-западе новгород-северских земель в IX –XII вв.// Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск: РИО БГУ. 2016. С.173-179.

Шинаков Е.А., Чубур А.А. Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге

Восточной Европы// Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць/ ЦП НАН України і УТОПІК; ІКЗ «Більськ»; [відп. ред.- І.І.Корост, наук. ред. - О.Б.Супруненко; ред. колегія: О.М.Титова, І.Б.Шрамко та ін.]. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК, 2018. С.183-199 с.

Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III-VII вв. н.э. Тушемлинская культура/ Шмидт Е.А.Смоленск, 2003. 296., ил.

Шорковитц Диттмар. Происхождение восточных славян и образование Киевской Руси в переоценке постсоветской историографии/ Шорковитц Диттмар.// ROSSICA ANTIQUA. 2010 № 1. С.3-53.

Шорохов В.А. Внешний фактор в истории Руси в конце VIII - середине IX в. Дис. … уч. ст. канд. ист. наук./ Шорохов В.А. СПб., 2014. 207 с.

Шульгин А.Н. Исследования в северо-западном углу Орловской губернии// Труды Орловской ученой архивной комиссии/Шульгин А.Н. Орел: Типо-литография А.П.Матвеевой, 1906. С.91-115.

Шульгин А., Тетера Н. Археологические остатки в окрестностях г.Орла/ Шульгин А., Тетера Н.// Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел: Типография Губернского Правления, 1904. С.65-74.

Шульц Д. Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши в 1492 – 1569 гг./ Шульц Д.// Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII-XVI вв. Том седьмой [154], 2014. С.198- 225.

Шумило В.В. Мирный договор 860 года и международное признание Руси/ Шумило В.В.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.47-55.

Шумило С.В. Поход 860 года на Константинополь и начало христианизации Руси при князе Оскольде: 1150 лет/ Шумило С.В.// Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С.33-46.

Щавелёв С.П. Курская тьма в составе Золотой Орды/ Щавелёв С.П.// Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 232-236. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 05-01-72105 а/ц. Адрес в сети Интернет: http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vi/kurskaya-tma

Щавелёв А.С. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века/ Щавелёв А.С.// Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. Под редакцией Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М.: Издательство «Индрик», 2014. 352 с.

Щавелев А.С. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX - X в.)// Уральский исторический вестник. №1 (38). 2013. С.112-121.

Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян/ Щавелёв А.С. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв./ Щапов Я.Н. М.: Наука, 1989. 232 с.

Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв./ Эскин Ю.М. М.: Квадрига, 2009. 512 с.

Энциклопедический словарь. Том VI. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. С.-Пб.: Типо-Литография И.А.Ефрона, 1892. 494 с., ил.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. Сборн. под ред. Ю.В.Бромлей (отв.ред.), Л.Е.Куббель, А.И.Першиц. М.: Наука, 1982. 254 с.

Юшко А.А. К вопросу о городах земли вятичей бассейна верхней Оки/ Юшко А.А.// Краткие сообщения Института археологии. Вып 229/ Ин-т археологии РАН; Гл.ред. Н.А.Макаров. М.: Языки славянской культуры, 2013. С.207-217.

Юшко А.А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века/ Ин-т археологии/ Юшко А.А. М.: Наука, 2002. 239 с., ил.

Якобий П.И. Вятичи Орловской губернии. Записки Императорского географического общества по отделению этнографии. Том XXXII/ Якобий П.И. СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1907. 284 с.

Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке/ Яковлев А. М., 1916. 316 с.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода/ Янин В.Л.// М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с. + 2 табл.

Янин В.Л. К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русскым, далним и ближним»/ Янин В.Л.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 г./ М.: Издательство «Наука», 1995. С.125-134.

Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII-XV веков/ Янин В.Л. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 216 с.

Яцунский В.К. Историческая география: История её возникновения и развития в XIV-XVIII веках/ Яцунский В.К. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 333 с. + 17 карт.

Балушок Василь. Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.)// Сіверянський літопис. 2016. № 6. С. 38-43 (на укр. яз.).

Войтович Л. Князівські династії східної Європи (кінець IX - початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження/ Войтович Л. Львів: Інститут українознавства ім. І.Крип’якевича, 2000. 649 с. (на укр. яз.).

Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст]/ Л.В.Войтович; Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І.Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с. (на укр. яз.).

Казаков А.Л. Формування посадів міст Чернігово-Сіверської землі в X–XIII ст. Автореф. дис. … к.и.н. Київ, 1992. 22 с. (на укр. яз.).

Коваленко В. Чернігів і Галич у XII-XIII ст./ Коваленко В.// Галичина та Волинь у добу Середньовіччя. Львів, 2001. С.154-165. (на укр. яз.).

Котляр Н.Ф. Княжа служба в Київській Русі/ Котляр Н.Ф. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. 251 с. (на укр. яз.).

Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського/ Русина О. Київ, Інститут української археографи та джерелознавства ім. М.С.Грушевського, Інститут історії України НАН, 1998. 244 с. (на укр. яз.).

Русина О. Студії з історії Києва та київської землі/ Русина О. Київ, Інститут історії України НАН, 2005. 347 с. (на укр. яз.).

Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' . Cambridge University Press.edited by Nora Berend. 2007. 460 p. (на англ.яз).

Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, C. 500–700/ Curta F. Cambridge University Press, 2001. 486 p. (на англ.яз).

Korczak Lidia. Polityka wschodnia Kazimierza Jagiellończyka w latach 1440-1449/ Korczak Lidia// Analecta Cracoviensia. 1987. Tom XIX. S.277-294. (на польск.яз).

Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy/ Kuczyński S. M.// Pracì Ukraïns'kogo Naukovogo İnstitutu/ T.33. Warszawa: Fundusz Kultury Narodowej, 1936. 420 s. (на польск.яз).

McEvedy C., Jones R. Atlas of world population/ McEvedy C., Jones R. New York, History Facts On File, 1979. 368 p. (на англ.яз).

Marx K. Secret diplomatic history of the eigteenth century/ Marx K. London: Wan Sonnenschein & C^{O}., Limited. Paternoster Square, 1899. 96 p. (на англ.яз)

Natanson-Leski Jan. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1, Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej/ Natanson-Leski Jan// Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Tom I. Lwów, Warszawa:

Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1922. 214 s. (на польск. яз).

Prochaska Antoni. Dzieje Witołda W. Księcia Litwy/ Prochaska Antoni. Wilno. Nakład I druk Ks.A.Rutkowskiego, 1914. 420 s. (на польск. яз).

Reynolds Susan. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon press, 1994. 556 p. (на англ.яз)

Rachuba Andrzej, Lulewicz Henryk, Romaniuk Przemysław P. Urzednicy Wielkiego Ksiestwa Litewskigo. Spisy. Tom IV. Ziemia Smolenska i wojewodztwo Smolenskie XIV - XVIII wiek. Warszawa: Wydawn. 2003. 412 c. (на польск.яз).

Witold Taszycki [red.]: Słownik staropolskich nazw osobowych, t. IV, z. 3, Pstrocha - Rżeniec. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. 552 c. (на польск.яз).

Wolff Jozef. Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku/ Wolff Jozef. Warszawa, drukiem J.Filipowcza, 1895. 698 c. (на польск.яз).